ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(Западная Европа и внѣевропейскія государства).

Подъ редакціей

профессоровъ ЛАВИССА и РАМБО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

съ дополнительными статьями профессоровъ

П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева.

Томъ II.

Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К⁰“.

1905 г.

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА и ВНѢЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА).

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА и ВНѢЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА).

Подъ редакціей профессоровъ Лависса и Рамбо

при участіи: проф. А. Ваддингтонъ, проф. М. Валь, академика гр. Альберъ Вандаль, Анри Вастъ, академика Анри Гуссэ, А. Дебидуръ, проф. Дедевизъ дю-Дезеръ, проф. Э. Дени, Л. Каэнъ, Роберъ де-Ке де-Сентъ Эймуръ, проф. А. Кордье, проф. Фр. де-Крю, А. Лавуа, проф. Л. Леже, проф. А. Мале, проф. А. Метенъ, проф. А. Мильо, А. Мишель, проф. А. Муаро, проф. А. Оларъ, проф. А. Пенго, Ромэнъ Ролланъ, проф. Ш. Сеньобосъ, проф. Э. Сейу, проф. А. Сорель, проф. П. Таннери, проф. Эмиль Фагэ, Л. Фаржъ, проф. Э. Шенонъ, проф. Хр. Шефферъ, проф. А. Шюкэ, проф. Л. Эйзенманъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО СЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ ПРОФЕССОРОВЪ

П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева.

Томъ II.

Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

1905 г.

Рисунки дозволены цензурою. Москва, 1 іюля 1905 г.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская улица, соб. домъ.
МОСКВА—1905.

ЭПОХА НАПОЛЕОНА I.

1800—1815.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Главы I—VIII и XI—XIV переведены И. И. Шитцемъ,

главы IX и X—М. О. Гершензономъ.

Глава I.

Наполеоновская Германія.

Рейнскій союзъ

съ 1800 по 1813 годъ.

Періодъ съ 1800 по 1813 годъ является для Германіи эпохой глубокихъ перемѣнъ. Старая имперія рушится, обветшалыя политическія формы исчезаютъ; народы собираются въ сравнительно ограниченное число королевствъ и герцогствъ; по землѣ, освобожденной отъ загромождавшихъ ее обломковъ, вѣетъ новымъ духомъ, и великіе порывы страстей и надеждъ овладѣваютъ людьми; горизонтъ расширяется, пробуждается мысль, и по пути шествія французскихъ войскъ распространяются идеи свободы и равенства. Происшедшія тогда перемѣны влекутъ за собою такое матеріальное и моральное улучшеніе, что подданные вмѣстѣ съ государями забываютъ за всѣмъ этимъ о чужеземномъ господствѣ. Однако, мало-по-малу крайности и насилія Наполеона лишаютъ его всеобщихъ симпатій; оппозиція, зародившаяся сначала въ высшихъ классахъ, быстро распространяется и разгорается, и въ часъ величайшихъ опасностей онъ встрѣчаетъ вокругъ себя лишь ненависть или равнодушіе. Но дѣло его переживаетъ его господство: многія изъ созданныхъ имъ государствъ продолжаютъ существовать въ томъ видѣ, какой онъ придалъ имъ, народы выходятъ изъ его рукъ съ болѣе яснымъ сознаніемъ своихъ нуждъ и своихъ правъ, и въ новой Германіи, создать которую помогъ Наполеонъ, Европа уже не находитъ Священной Римской имперіи германской націи.

Рѣшеніе имперской депутаціи 1803 года.— Не безъ печали примирились нѣмецкіе князья съ необходимостью отказаться отъ надеждъ на миръ и на расширеніе владѣній, чѣмъ соблазняли ихъ въ Раштатѣ послы Директоріи. Какъ только счастье вернулось къ Франціи, они стали подумывать о связи съ нею. Все склоняло ихъ къ этому: личный интересъ, ихъ традиціи, ихъ воспитаніе, настроеніе ихъ подданныхъ. Тамъ и сямъ обнаруживались революціонныя симпатіи: въ Мюнхенѣ, гдѣ иллюминаты сохраняли еще нѣкоторое вліяніе, группа *патріотовъ* поговаривала о провозглашеніи республики; къ Декану и Моро обращались съ просьбой сдѣлать для Германіи то, что Бонапартъ сдѣлалъ для Италіи; въ Вюртембергѣ, гдѣ герцогъ Фридрихъ находился въ постоянной борьбѣ съ Чинами, рѣзкіе памфлеты возбу-

ждали крестьянъ къ возстанію. Эта довольно поверхностная агитація могла однако сдѣлаться опасной: единственнымъ дѣйствительнымъ ручательствомъ противъ революціонной пропаганды являлся союзъ съ Франціей; съ большею или меньшею готовностью князья и рѣшились на это. Современные историки, въ поискахъ за обвинительными пунктами противъ партикуляризма, жестоко упрекаютъ ихъ за это отпаденіе; упреки эти плохо обоснованы. Князья, которые своимъ отложеніемъ отъ Австріи подготовляли крушеніе стараго строя, въ сущности служили дѣлу Германіи; ибо для своего упроченія ей надо было освободиться отъ средневѣковыхъ традицій, въ которыхъ она была, какъ въ пеленкахъ. Каждый вѣкъ ея исторіи отмѣченъ былъ прогрессомъ въ этомъ смыслѣ. Наступилъ моментъ, когда князья, мало-по-малу расширившіе свои владѣнія и свои права, должны были окончательно сбросить иго иноземной династіи и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинить своему господству всю эту кучу *непосредственныхъ* (Reichsunmittelbar) династій, подъ гнетомъ которыхъ задыхалась нація.

Эта работа освобожденія и упрощенія непрерывно продолжается съ 1800 по 1815 годъ. Чтобы оцѣнить ея значеніе, недостаточно указать на то, что 180 или 190 государствъ, насчитывавшихся статистиками въ 1789 году, сведены были въ 1815 году до тридцати девяти; надо вспомнить еще необычайную сложность границъ, запутанность владѣній, безконечную черезполосицу, которая превращала дореволюціонную Германію въ самую причудливую шахматную доску, какую когда-либо знала географія. Въ этотъ хаосъ латинскій духъ долженъ былъ внести порядокъ и ясность, освободить почву отъ всѣхъ этихъ свидѣтелей прошлаго, создать настоящія органическія государства, дѣеспособныя и жизненныя.

Писатели XVIII вѣка дали Германіи умственное и нравственное единство; но если стремленіе выйти изъ политической анархіи и было всеобщимъ, никто не находилъ къ тому средствъ и никто не питалъ на это надежды. Подъ напоромъ французскихъ армій падаютъ перегородки, которыя болѣе держали въ плѣну души, чѣмъ тѣла, и въ то самое время, когда угрозы иноземца дѣлаютъ болѣе желаннымъ созданіе прочнаго національнаго единства,—оно перестаетъ казаться неосуществимымъ идеаломъ. Поворотный пунктъ остался позади, и отнынѣ цѣль, хотя еще и далекая, кажется ясною и опредѣленною. Несомнѣнно, что второстепенные князья, воспользовавшись темнымъ инстинктомъ, который толкалъ Германію къ концентраціи, увидѣли теперь, что этотъ инстинктъ обращается противъ нихъ; ихъ непредусмотрительное честолюбіе ускоряло ихъ собственную гибель, и они являлись заранѣе намѣченными жертвами преобразованія, становясь сами безсознательными его орудіями. Хотя они имѣли въ виду только свои династическіе интересы и несмотря на то, что впослѣдствіи они пытались остановить начатое ими самими движеніе, все-таки они являются такимъ образомъ первыми иниціаторами національнаго дѣла, и несправедливо было бы упускать это изъ виду.

Въ этой работѣ упрощенія и освобожденія рѣшеніе имперской депутаціи 1803 года отмѣчаетъ собою первую попытку, еще робкую и неполную, но все же рѣшительную. Установляя границею между Франціей и Германіей русло рѣки Рейна, Люневилльскій договоръ ввелъ принципъ секуляриваціи. Тщетно пыталась Австрія спасти духовныхъ владѣтелей: она была слишкомъ истощена, чтобы бороться одновременно съ желаніями перваго консула и съ разгорѣвшимися вожделѣніями. Все разрѣшилось безъ нея и противъ нея. Чтобы снискать благосклонность Бонапарта и его агентовъ, всякія средства ка-

зались хорошими—и низкая лесть, и могарычи. Эти интриги, которыя оскорбляютъ нѣмецкую стыдливость и никому не дѣлаютъ чести, не измѣнили основныхъ очертаній плана перваго консула. Онъ хотѣлъ разрушить вліяніе Австріи въ Германіи и для этого рѣшилъ уничтожить всѣхъ, пользовавшихся обыкновенно покровительствомъ Австріи, и создать по сосѣдству съ Франціей извѣстное количество государствъ, достаточно могущественныхъ и честолюбивыхъ, чтобы сдерживать всякое наступательное движеніе Габсбурговъ, и слишкомъ слабыхъ, чтобы обойтись безъ покровителя или оспаривать поставленныя имъ условія. Прежде чѣмъ основать Рейнскій союзъ, онъ подготовилъ его составныя части. Знаменитое *рѣшеніе имперской депутаціи* (25 февраля 1803 года), принятое сеймомъ 24 марта и скрѣпленное 27 апрѣля императоромъ Францемъ II, уничтожало 112 государствъ и распредѣляло 3 милліона подданныхъ между дюжиной князей. Изъ имперскихъ городовъ только шесть сохраняли свою самостоятельность: Аугсбургъ, Нюрнбергъ, Франкфуртъ, Гамбургъ, Бременъ и Любекъ. Церковныя владѣнія представлены были только Тевтонскимъ орденомъ, рыцарями св. Іоанна Іерусалимскаго и курфюрстомъ-архіепископомъ Регенсбургскимъ, княземъ-примасомъ Германіи и эрцканцлеромъ Священной имперіи. Слабое удовлетвореніе для Австріи! Дѣйствительно, если бывшій помощникъ епископа Майнцскаго избѣгнулъ опалы, то только потому, что Бонапартъ угадалъ въ этомъ *просвѣщенномъ* прелатѣ, хваставшемъ своимъ патріотизмомъ, человѣка легкомысленнаго и пустого, готоваго подчиниться сильной волѣ. Ему было очень кстати имѣть въ Германіи своимъ орудіемъ человѣка, который насчитывалъ среди своихъ друзей самыхъ знаменитыхъ писателей вѣка, человѣка, въ которомъ никто не отрицалъ благородныхъ намѣреній и просвѣщенности.

Среди государствъ, подѣлившихъ между собою добычу, отнятую у лишенныхъ владѣній прелатовъ, наиболѣе щедро вознаграждены были—на ряду съ Пруссіей, съ которой все еще разсчитывали вступить въ союзъ и которая прочно устроилась между Рейномъ и Эльбой,—оба Гессена, Вюртембергъ, но особенно Баденъ, который получилъ болѣе 200.000 жителей и образовалъ почти непрерывное государство по правому берегу Рейна, и Баварія, которая была наконецъ вознаграждена за долгую свою вѣрность французской политикѣ. Въ обмѣнъ за отдаленныя и разбросанныя владѣнія она получила цѣликомъ епископства Аугсбургъ и Фрейзингенъ и части епископствъ Пассау у Эйхштедтъ, 15 вольныхъ городовъ, большое число аббатствъ, а главное великолѣпныя архіепископства Вюрцбургское и Бамбергское. Огражденная отнынѣ противъ всякихъ австрійскихъ поползновеній, Баварія, если и не достигла еще конечнаго предѣла своего честолюбія, по крайней мѣрѣ ясно видѣла, по выраженію Монжела́, тѣ пункты, куда ей слѣдовало направить свои усилія. Она снова вернула себѣ то господство въ южной Германіи, которое одно время проявлялъ въ Тридцатилѣтнюю войну Максимиліанъ II; въ то же время ея новыя провинціи, считавшіяся въ числѣ самыхъ богатыхъ и просвѣщенныхъ въ Германіи, стали служить ея государственнымъ дѣятелямъ точкой опоры, необходимой для того, чтобы вырвать страну изъ оцѣпенѣнія, въ которое ее повергли нетерпимость и лицемѣрный деспотизмъ ея послѣднихъ властителей.

Трактаты 1803 года предусматривали сохраненіе Священной Римской имперіи, но это была лишь одна изъ тѣхъ формулъ, которыми робость дипломатовъ обыкновенно прикрываетъ значительность сдѣланныхъ измѣненій. Императоръ сохранялъ въ XVIII в. кое-какое вліяніе лишь благодаря состоявшимъ подъ его покро-

вительствомъ мелкимъ князьямъ, особенно духовнымъ, которые, не имѣя личныхъ стремленій, группировались вокругъ него, ища его покровительства. Ему выгодна была всеобщая анархія, запутанность правъ и неясность традицій. Германія была чѣмъ-то въ родѣ обширнаго помѣстья, на которое онъ имѣлъ права временнаго и неопредѣленнаго сюзеренитета и которое давало ему кое-какую выгоду; страна подѣлена была между небольшимъ числомъ собственниковъ, очень жадныхъ, крѣпко державшихся за свои права и твердо рѣшившихъ ни съ кѣмъ не дѣлиться ими. Францъ II не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій насчетъ рѣшенія имперской депутаціи 1803 года и показалъ это, присоединивъ къ своему титулу избраннаго императора Германіи титулъ наслѣдственнаго императора Австріи (11 августа 1804 года). Два года спустя (6 августа 1806 года) онъ отказался отъ императорской короны и освободилъ всѣхъ членовъ имперіи отъ ихъ конституціонныхъ обязанностей.

Рейнскій союзъ.—Послѣ Аустерлица Наполеонъ безцеремонно высказалъ свои намѣренія, которыя онъ еще скрывалъ въ 1803 году. Когда Австрія снова начала враждебныя дѣйствія, Монжела безъ колебанія примкнулъ къ Франціи; Баденъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Вюртембергъ болѣе или менѣе охотно послѣдовали этому примѣру. Побѣдитель простилъ этимъ присоединившимся въ послѣднюю минуту союзникамъ ихъ колебанія и щедро наградилъ ихъ. Курфюрсты баварскій и вюртембергскій приняли титулъ короля, отъ котораго баденскій курфюрстъ отказался по скромности: онъ удовольствовался титуломъ великаго герцога, какъ и ландграфъ гессенъ-дармштадскій. Изъ земель, отнятыхъ у Габсбурговъ, Вюртембергъ получилъ большую часть австрійской Швабіи. Бадену достались Брейсгау, Ортенау, города Констанцъ, Зеккингенъ, Вальдсгутъ. Что касается Баваріи, то она, теряя Бергъ вмѣстѣ съ Вюрцбургомъ,—о чемъ она очень жалѣла,—получала богатое вознагражденіе въ видѣ Аугсбурга, княжества Анспахъ и особенно Тироля, давняго предмета самыхъ пламенныхъ своихъ вожделѣній. И, можетъ быть, больше всякихъ захватовъ у Австріи наполеоновскихъ протеже радовало позволеніе наложить руку на владѣнія имперскихъ князей и рыцарей, которые такъ долго ограничивали ихъ самодержавіе, врѣзываясь въ самую средину ихъ государствъ. Революція, начавшаяся въ 1803 году, окончательно завершилась въ 1806. Исчезли не только три уцѣлѣвшихъ до этого времени вольныхъ города,—Аугсбургъ, Нюрнбергъ, Франкфуртъ,—и духовные ордена, но вслѣдъ за вольными городами и духовными владѣніями пали въ свою очередь графы, герцоги, бароны и имперскіе рыцари. Не безъ чувства грусти исторія заноситъ на свои страницы униженіе столь славныхъ фамилій, какъ Турнъ и Таксисъ, Гогенлоэ, Линь, Лейнингенъ, Дитрихштейнъ и другихъ, которыя дали Германіи столько военныхъ и политическихъ вождей. Съ нѣкоторымъ удивленіемъ спрашиваетъ она также, почему строгость императора пощадила графа лейенскаго или князя изенбургскаго, которые впрочемъ не пережили своего покровителя. Но эти исключенія не измѣняли общаго результата, и совершенное дѣло было благодѣтельно: представители отжившаго порядка, эти князьки давно уже были только слабымъ препятствіемъ къ прогрессу.

Наполеонъ ничего не давалъ даромъ. Если онъ обогащалъ своихъ союзниковъ, то это дѣлалось главнымъ образомъ для того, чтобы поставить ихъ въ болѣе тѣсную зависимость отъ своей собственной судьбы. Онъ вернулся къ проекту, нѣкогда осуществленному Мазарини, расширивъ его, и создалъ Рейнскій союзъ (*Rheinbund*). По договору 17 іюля 1806 года, архіепископъ регенсбургскій, короли бавар-

скій и вюртембергскій, великіе герцоги баденскій, гессенскій и бергскій, нассауской и нѣсколько другихъ мелкихъ князей образовали между собой „вѣчный" союзъ, подъ предсѣдательствомъ Дальберга и подъ покровительствомъ Наполеона. Конституція новой лиги, довольно неясная, никогда не вступала въ силу: въ дѣйствительности Рейнскій союзъ былъ всегда лишь военной машиной, которая отдавала въ распоряженіе Наполеона силы южной и западной Германіи: „всякая сухопутная война, которую пришлось бы вести одной изъ договаривающихся частей, непосредственно становилась общею для всѣхъ войной"; по первому требованію изъ Парижа, 63.000 человѣкъ союза должны были стать подъ ружье. Союзъ на первое время простирался отъ Инна до Майна и глубоко врѣзывался въ самое сердце Вестфаліи, гдѣ онъ тѣснилъ Пруссію и ея союзниковъ.—Статья 39 нарочито заявляла, что въ него могутъ быть приняты остальныя нѣмецкія государства, и, дѣйствительно, послѣ Тильзитскаго мира къ нему должны были примкнуть не только новое Вестфальское королевство, но и герцоги мекленбургскіе, тюрингенскія государства и новый саксонскій король. Союзъ насчитывалъ въ эту пору около 15 милліоновъ жителей, и вооруженныя силы его поднялись до 120.000 человѣкъ.

Великое герцогство Бергъ.—До 1805 года императоръ почти цѣликомъ отдался разрушенію австрійскаго вліянія: подобно Конвенту и Директоріи, онъ разсчитывалъ купить за сходную цѣну союзъ съ Пруссіей. Колебанія Фридриха-Вильгельма III и его поведеніе во время третьей коалиціи вывели его изъ заблужденія. Чтобы слѣдить за нимъ, Наполеонъ заставилъ Баварію уступить себѣ княжество Бергъ и вмѣстѣ съ княжествомъ Клеве, которое Пруссія должна была оставить по Шенбруннскому договору, превратилъ его въ великое герцогство, которое и передалъ своему зятю Мюрату. Увеличившись въ 1808 году отнятыми у Пруссіи Мюнстеромъ, графствомъ Ламаркъ и т. д., великое герцогство насчитывало до 900.000 жителей. Столицею его являлся Дюссельдорфъ. Когда Мюратъ смѣнилъ Іосифа на неаполитанскомъ престолѣ, его великое герцогство перешло къ голландскому наслѣдному принцу Наполеону-Людовику (въ 1809 году). Принцу этому не было пяти лѣтъ, и въ ожиданіи его совершеннолѣтія страною управлялъ имперскій комиссаръ Бэньо, *Мемуары* котораго даютъ намъ цѣнныя свѣдѣнія о состояніи умовъ въ эту эпоху.

Королевство Вестфалія.—То была лишь первая попытка. Послѣ Тильзитскаго мира императоръ задумалъ создать между Рейномъ и Эльбой новое государство, которое играло бы по отношенію къ побѣжденной, но не разрушенной Пруссіи ту же роль, какую Баварія играла по отношенію къ Австріи. Всѣ мѣстныя династіи, слишкомъ долго находившіяся подъ вліяніемъ Гогенцоллерновъ, тѣсно связанныя съ Англіей, казались ему подозрительными. Сверхъ того, опьяненный побѣдою и убѣжденный, что отнынѣ нѣтъ ничего для него невозможнаго, онъ болѣе не удовлетворялся косвеннымъ господствомъ. Онъ неоднократно заявлялъ о своемъ рѣшеніи не переходить границы Рейна; но никто не умѣлъ лучше него соглашать свои обѣщанія со своими капризами. Онъ далъ Вестфаліи нѣчто въ родѣ генеральнаго комиссара; только онъ выбралъ его изъ числа членовъ своего семейства и наградилъ его титуломъ короля (ноябрь 1807 года).

Своеобразно было самое предпріятіе— подчинить французской династіи самыя, быть можетъ, нѣмецкія области Германіи, а Наполеонъ, казалось, къ тому же поставилъ себѣ задачей сдѣлать успѣхъ еще менѣе вѣроятнымъ. Его всепоглощающая личность относилась съ недовѣріемъ ко всякой чужой иниціативѣ, и онъ требовалъ, чтобы поставленные имъ госуда-

ри держались только его покровительствомъ и никогда не забывали своей зависимости. Составленное изъ герцогства Брунсвикъ, Гессенъ-Касселя и территорій, отнятыхъ у Пруссіи на лѣвомъ берегу Эльбы, королевство Вестфальское со своими двумя милліонами жителей, разбросанныхъ по бассейнамъ Рейна, Эмса, Везера и Эльбы, не имѣло ни географическаго единства, ни духовной связности. Это была какая-то спѣшная импровизація, плохо удавшійся черновой набросокъ, который могъ существовать только при условіи дальнѣйшихъ измѣненій. И, дѣйствительно, границы часто мѣнялись. Іеронимъ, зарившійся на наслѣдіе Гогенцоллерновъ, получилъ вмѣсто желаемаго курфюрство Гановерское, которое отдавало въ его руки устья Везера и Эльбы и открывало предъ нимъ Нѣмецкое море (14 января 1810 года), но эти пріобрѣтенія, купленныя дорогою цѣною, почти сейчасъ же были отняты у него. 13-го декабря 1810 года сенатское постановленіе лишило его департаментовъ Везера, Нижней Эльбы и Сѣвернаго. Тѣмъ же декретомъ отъ великаго герцогства Бергскаго отдѣленъ былъ департаментъ Эмса и присоединены къ имперіи владѣнія князей Сальмъ, герцоговъ аренбергскаго и ольденбургскаго, лауенбургскаго и трехъ послѣднихъ вольныхъ городовъ—Бремена, Гамбурга и Любека. Французская имперія у Травемюнде достигала Балтійскаго моря.

Нисколько не меньше была неустойчивость и въ остальныхъ частяхъ Германіи. Вслѣдъ за Вѣнскимъ миромъ (1809 г.) цѣлымъ рядомъ обмѣновъ и исправленій границъ еще разъ измѣнена была физіономія Бадена, Вюртемберга, Вюрцбурга. Расширившись на счетъ Зальцбурга, области Инна, Регенсбурга и Байрейта, Баварія уступала Итальянскому королевству южный Тироль и теряла часть Швабіи и Франконіи. Эрцъ-канцлеръ Дальбергъ получилъ взамѣнъ Регенсбурга княжества Фульду и Ганау, принялъ титулъ великаго герцога франкфуртскаго и призналъ своимъ наслѣдникомъ Евгенія Богарнэ. Такимъ образомъ въ Германію введенъ былъ третій французскій государь. Но никто почти уже не вѣрилъ въ прочность этого карточнаго домика, постоянно передѣлываемаго торопливою рукою завоевателя. „У меня сила слона,—говорилъ Наполеонъ: — я ломаю все, къ чему прикасаюсь“. То, что онъ сломалъ—бывшая имперія, духовныя княжества, имперское рыцарство,—не поднялось послѣ его паденія; но для созиданія ему не хватало умѣренности, терпѣнія, и изъ его импровизованныхъ твореній многія не пережили его самого.

Достойно удивленія не то, что терпѣніе народовъ въ концѣ концовъ лопнуло, а то, что оно такъ долго выносило этотъ режимъ безсвязныхъ опытовъ. Ихъ покорность объясняется различными причинами: удивительнымъ обаяніемъ генія завоевателя, разслабленіемъ, охватившимъ самые стойкіе умы вслѣдствіе его побѣдъ, почти зачаточнымъ состояніемъ нѣмецкой національности, которая поддавалась всякимъ экспериментамъ, противоположностью интересовъ и давнишними взаимными счетами, которые затрудняли всеобщее возстаніе, медленностью сообщеній, привычкой къ рабству, отсутствіемъ независимой печати. Но поверхъ всего этого смутный инстинктъ подсказывалъ нѣмцамъ, что совершенное дѣло благодѣтельно. Воспитанные въ школѣ писателей, которые притворялись, что считаютъ патріотизмъ стѣснительнымъ предразсудкомъ, расположенные въ силу фаталистическихъ наклонностей своей расы къ подчиненію велѣніямъ судьбы, они принимали законы, диктуемые имъ чужеземнымъ властителемъ, потому что въ концѣ концовъ законы эти были хороши. Національная гордость была въ нихъ еще недостаточно жива для того, чтобы они отвергали безъ испытанія то добро, которое имъ навязывали насильно. Сколько

бы ни выставлялъ себя Наполеонъ продолжателемъ „третьей династіи“, пурпуровая мантія, въ которую онъ облекался, плохо прикрывала наслѣдника революціи. Онъ настолько держался принциповъ 1789 года, что его господство повлекло за собою неисчислимыя благодѣянія, и побѣжденные не переставали благодарить его. Понадобились долгіе годы и чрезвычайное накопленіе насилій и ошибокъ, чтобы лишить его расположенія, которымъ онъ пользовался. Да и то оппозиція обнаруживалась чрезвычайно медленно, и никогда она не была настолько всеобщей, какъ мы склонны были бы допустить по апріорнымъ соображеніямъ.

Лѣвый берегъ Рейна.— Въ департаментахъ, доставшихся Имперіи отъ Конвента, французское господство принято было безъ протестовъ. Съ того момента, когда они заняты были революціонными арміями, вплоть до установленія консульства, департаменты эти пережили тяжелые годы. Разрывъ сношеній съ правымъ берегомъ, отъѣздъ знати и богачей, произвольныя реквизиціи, лихоимство генераловъ и откупщиковъ, продажность чиновниковъ, пестрота администраціи—тяжело отразились на народномъ благосостояніи; но анархія и нужда, вызывая вполнѣ законное недовольство, не привели къ настоящему народному пробужденію. Изнывая вѣками подъ господствомъ духовенства или подъ придирчивымъ деспотизмомъ посредственныхъ и безсильныхъ династій, отвыкнувъ отъ всякихъ моральныхъ стремленій, чуждые Германіи, литературная и философская эволюція которой осталась имъ незнакома,—прирейнскіе жители собственными своими государями пріучены были подчинятся покровительству Франціи, и потому они нисколько не протестовали противъ завоеванія, а только противъ невыносимыхъ злоупотребленій, связанныхъ съ нимъ.

Первый консулъ уничтожилъ грабежи генераловъ, наказалъ вѣроломныхъ чиновниковъ, съ разборчивостью назначилъ новый составъ служащихъ, установилъ всюду добропорядочную, честную и преданную общественному благу администрацію. Этого было достаточно для устраненія всякой ненависти. Тѣ немногіе, которые надѣялись устроить независимую республику, а также и тѣ, которые не прощали первому консулу похищенія свободы, остались одинокими и утратили всякій кредитъ. Удивленіе, вызванное здѣсь Бонапартомъ, было столь же обще и столь же живо, какъ во Франціи. Въ нѣсколько пріемовъ объѣхалъ онъ прирейнскіе департаменты; его принимали какъ спасителя, почти какъ бога, и въ изъявленіяхъ преданности, которыми его встрѣчали, при всей ихъ искусственности, чувствуется все-таки благодарность освобожденнаго народа.

До революціи эти провинціи распредѣлены были между 9 епископствами и архіепископствами, 6 аббатствами, 76 графами и князьями, 4 вольными городами, не говоря уже о независимыхъ имперскихъ рыцаряхъ, орденѣ св. Іоанна Іерусалимскаго, тевтонскихъ рыцаряхъ. Каждое изъ этихъ владѣній имѣло свои особые обычаи, свои суды, свои таможни. При такихъ условіяхъ завоеваніе уже само по себѣ являлось огромнымъ благодѣяніемъ. Это обнаружилось, какъ только кончилась анархія, и жители, знакомые пока только съ тревогами и смутами революціи, испытали ея благодѣянія.

Въ деревнѣ успѣхи были особенно чувствительны. „Земледѣліе станетъ процвѣтать въ новыхъ прирейнскихъ департаментахъ, — заявлялъ первый консулъ,—какъ только съ продажей національныхъ имуществъ земли попадутъ въ руки настоящихъ землепашцевъ“. Будущее оправдало эти предвидѣнія. Въ нѣкоторыхъ районахъ дворянство и церковь владѣли еще двумя третями, или даже тремя четвертями земли. Національныя земли, не находившія себѣ покупателей

при Директоріи, потому что всѣ боялись возвращенія старыхъ хозяевъ, скуплены были большими компаніями, которыя разбили ихъ на мелкіе участки. Мелкіе собственники, уже довольно многочисленные, избавленные отъ феодальныхъ повинностей,—отъ десятины и барщины, радостно принялись за дѣло. Постоянный проходъ войскъ давалъ имъ возможность продавать продукты съ хорошимъ барышомъ, денегъ было много, и Гёрресъ предсказывалъ начало новой эры—преобладанія сельскихъ классовъ. Безопасность была полная: разбойничьи шайки, гнѣздившіяся въ горахъ и прославившіяся нѣкоторыми изъ своихъ предводителей, были уничтожены, и жандармерія, заботливо подобранная, внушала всѣмъ довѣріе и уваженіе. Дороги содержались хорошо, и новые пути открывали доступъ къ богатству и дѣятельности самымъ отдаленнымъ округамъ. Стѣсненіе, вызванное употребленіемъ въ судахъ французскаго языка, съ избыткомъ вознаграждалось единообразіемъ законовъ, равнымъ для всѣхъ судомъ и установленіемъ устнаго и гласнаго судопроизводства. Гражданскій Кодексъ, введенный съ 1804 года, отвѣчалъ потребностямъ новаго общества и, способствуя проникновенію въ нравы принциповъ 1789 года, создавалъ между новыми провинціями и старой Франціей ту соціальную гармонію, которая должна была, сильнѣе даже единства языка, окончательно скрѣпить завоеваніе.

Въ городахъ сопротивленіе было болѣе продолжительно. Они пострадали сильнѣе: многіе затронуты были въ своихъ интересахъ вслѣдствіе исчезновенія прежнихъ дворовъ и жалѣли о своемъ утраченномъ значеніи столицъ; образованные классы пользовались здѣсь большимъ вліяніемъ и сильнѣе чувствовали подчиненное положеніе, на которое ихъ обрекали обстоятельства. Несмотря на это, они отнеслись съ признательностью къ добрымъ намѣреніямъ новыхъ французскихъ администраторовъ. Префекты назначены были съ большою разборчивостью. Жанъ-Бонъ Сентъ-Андрэ, который пробылъ въ Майнцѣ двѣнадцать лѣтъ и внесъ въ императорскую администрацію духъ старыхъ республиканцевъ, завоевалъ сердца своею простотою, героическою честностью, упорнымъ трудолюбіемъ, твердостію, съ которыми онъ защищалъ интересы ввѣреннаго ему населенія. Съ меньшимъ размахомъ его примѣру слѣдовали префекты трирскій, ахенскій и кобленцскій: разумныя гигіеническія мѣропріятія уменьшили смертность; организована была общественная благотворительность; возродились промышленность и торговля; новый духъ охватилъ населеніе, выдающіяся природныя качества котораго были подавлены и которое теперь снова пробуждалось къ жизни.

Безъ сомнѣнія, не все было совершенно, и не было недостатка въ поводахъ для жалобъ. Налоги казались тяжелыми: соляной налогъ, налогъ на напитки и табачная монополія раздражали эту страну виноградарей и курильщиковъ. Безпрерывныя войны, строгости рекрутскаго набора, континентальная блокада и грубости таможенныхъ досмотрщиковъ, которые примѣняли со всею рѣзкостью и безъ того крутыя правила,—все это вызывало глухое недовольство. Разрывъ Наполеона со святымъ Престоломъ безпокоилъ совѣсть многихъ, хотя, можетъ быть, и не отозвался съ такою силою, какъ въ Бельгіи. Императорское правительство смущено было этимъ охлажденіемъ, но сумѣло противопоставить ему лишь полицейскія придирки, которыя усилили раздраженіе. Въ силу неожиданнаго поворота мнѣній самые непримиримые враги новаго порядка вербовались главнымъ образомъ среди писателей, профессоровъ, адвокатовъ, т.-е. какъ разъ среди тѣхъ, которые вначалѣ составляли ядро французской партіи. Съ грустью разставшись со своими прекрасными грё-

зами о свободѣ, они задыхались подъ неумолимымъ надзоромъ повелителя, для котораго всякая мысль была возмущеніемъ. Чтобы избавиться отъ тягостной централизаціи, которая была имъ ненавистна своимъ единообразіемъ, они искали убѣжища въ прошломъ. Гёрресъ, братья Буассере, особенно Сульпицій, находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ братьями Шлегелями и зарейнскими романтиками и, слѣдуя ихъ примѣру, увлекались средними вѣками, отыскивали картины XIV и XV вѣковъ, оплакивали заброшенность Кёльнскаго собора. Такъ, не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета, они вернулись къ старой Германіи; они чувствовали себя изгнанниками въ странѣ энциклопедистовъ и Вольтера. Но ихъ сожалѣнія оставались платоническими: Наполеонъ былъ слишкомъ страшенъ для того, чтобы они рѣшились нападать на него; ихъ умственныя страданія были мало понятны большой массѣ народа, и ихъ угрюмое уединеніе не остановило измѣненій, происходившихъ вокругъ нихъ. Хотя императоръ не проявлялъ особой заботливости о распространеніи знакомства съ французскимъ языкомъ и хотя въ частности начальное образованіе страннымъ образомъ оставалось въ пренебреженіи, время брало свое. Празднества, происходившія по поводу рожденія Римскаго короля, были замѣчательны по своему искреннему воодушевленію, — знаменательный признакъ, когда народы съ явною радостью привѣтствуютъ событіе, которое, казалось, должно было обезпечить продолженіе существующаго порядка вещей. Браки между иммигрировавшими французами и старинными мѣстными семьями происходили все чаще. Разсчитывали, что черезъ два поколѣнія сліяніе завершится и населеніе цѣликомъ сдѣлается французскимъ „отъ всей души, такъ же искренне, какъ оно было нѣмецкимъ“.

Что этотъ оптимизмъ не былъ преувеличеннымъ, доказано было въ минуту несчастнаго поворота судьбы. Не только послѣ Березины, но и послѣ Лейпцига не было ни одной попытки къ возмущенію. Въ теченіе зимы 1813—1814 года, когда въ странѣ почти совершенно не было войска, и ее охраняло лишь небольшое число новобранцевъ да инвалидовъ, налоги взимались такъ же аккуратно, какъ въ центрѣ Франціи, число уклонявшихся не было значительнѣе, чѣмъ въ другихъ департаментахъ. „Я совѣтовалъ префектамъ дѣйствовать осторожнѣе, — говорилъ Наполеонъ Бэньо:—они отвѣчали мнѣ, что въ этомъ нѣтъ необходимости“. Пламенныя прокламаціи союзниковъ изливаются потокомъ: жители словно и не догадываются, что эти призывы къ Германіи обращены, именно, къ нимъ. А вѣдь всего только четверть вѣка, какъ они присоединены къ Франціи; но за это время свершилось столько перемѣнъ, и прошлое такъ основательно уничтожено! Когда союзники переходятъ за Рейнъ, подымающіеся тамъ и сямъ мятежи имѣютъ цѣлью только грабежъ: волонтеры, отзывающіеся на воззванія прусскихъ генераловъ, — это шайки разбойниковъ, жаждущихъ скорѣе добычи, чѣмъ военной славы. „До свиданья! до свиданья!“ кричатъ жители Бонна уходящимъ французскимъ батальонамъ, а вѣдь Боннъ былъ однимъ изъ городовъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ иноземнаго господства. Возвращеніе императора во время Ста дней вызываетъ всеобщее волненіе. Прусское правительство, принятое съ явною холодностью, въ теченіе четверти вѣка натыкалось на оппозицію, съ которою справилось лишь путемъ терпѣнія и настойчивости. Оно не рискнуло затронуть революціоннаго законодательства, сохранило Гражданскій Кодексъ, судебную организацію, судъ присяжныхъ, коммунальный строй. И при всемъ томъ оно не было увѣрено въ преданности своихъ новыхъ подданныхъ, и въ кругу старыхъ наполеоновскихъ солдатъ въ Майнцѣ долго еще воспѣва-

ли славу побѣдителя при Іенѣ и Фридландѣ.

Государи и реформы въ южной Германіи.— На правомъ берегу Рейна различныя причины частью ослабляли французское вліяніе; соціальное положеніе въ общемъ было здѣсь болѣе отсталымъ и, слѣдовательно, менѣе благопріятствовало радикальнымъ реформамъ. Идеи равенства и справедливости усвоены были лишь небольшою частью націи, и реформаторы чувствовали себя одинокими между сопротивленіемъ привилегированныхъ и невѣжественною косностью толпы. У государей не было ни послѣдовательности въ планахъ, ни упорства въ ихъ выполненіи, ни той ясности взглядовъ, которой требуетъ революція. Наконецъ, имъ не хватило времени, и едва ли приходится слишкомъ горько упрекать ихъ за тотъ упадокъ духа, который охватилъ нѣкоторыхъ лучшихъ изъ нихъ и который достаточно объясняется внезапными перемѣнами настроенія и безпокойной раздражительностью ихъ покровителя.

Наполеонъ не допускалъ сопротивленія ни малѣйшимъ своимъ желаніямъ и строго выговаривалъ за самое незначительное проявленіе самостоятельности. Онъ попросилъ для Евгенія Богарнэ руку дочери баварскаго короля, а когда послѣдній не обнаружилъ большой готовности принять жениха, котораго онъ считалъ нѣсколько легковѣснымъ по состоянію и по происхожденію, то Наполеонъ пригрозилъ, что велитъ своимъ гренадерамъ увезти принцессу изъ Мюнхена. Наслѣдному великому герцогу баденскому онъ навязалъ въ жены племянницу Жозефины, Стефанію Богарнэ, а Фридриху вюртембергскому—въ зятья своего брата Іеронима. Свою неразборчивость въ средствахъ онъ достаточно проявилъ въ тотъ день, когда велѣлъ схватить герцога Ангіенскаго въ Эттенгеймѣ на баденской территоріи. Въ теченіе всего своего царствованія онъ находилъ удовольствіе напоминать подобными предпріятіями своимъ вассаламъ все ихъ ничтожество и, повидимому, вносилъ въ это дѣло столько же расчета, сколько и увлеченія. Его полиція повсюду старательно слѣдила за журналами, и малѣйшая дерзость въ словахъ навлекала громы не только на писателя, но и на государя, не сумѣвшаго заставить уважать императора. „По желанію его величества императора французовъ, — говорилось въ одномъ знаменитомъ декретѣ Дальберга: — въ нашемъ герцогствѣ будетъ издаваться только одна политическая газета, редакторъ которой будетъ назначенъ и приведенъ къ присягѣ нашимъ министромъ полиціи“ (10 октября 1810 года). Горе и тѣмъ князьямъ, которые осмѣливались находить слишкомъ тяжелыми требованія Наполеона и оспаривать контингентъ, котораго онъ требовалъ, или обнаруживали нѣкоторое недовольство при посылкѣ подкрѣпленій въ Испанію!

Къ счастью для покровительствуемыхъ, у ихъ повелителя на рукахъ было много дѣла. Когда полки бывали въ полномъ составѣ и всюду царствовала тишина, онъ забывалъ о Германіи или, по крайней мѣрѣ, вспоминалъ о ней вспышками. Отъ времени до времени онъ отлично замѣчалъ, что его намѣренія не оправдывались, что народы не получили за принесенныя жертвы тѣхъ улучшеній, на которыя они имѣли право: жестокая нахлобучка присылалась въ Карлсруэ или въ Штутгартъ; министры склоняли головы, а потомъ, когда проходила гроза, опять принимались за старое.

Въ наполеоновской программѣ была одна сторона, которую нѣмецкіе государи сразу поняли и начали съ жаромъ примѣнять, а именно—подавленіе вольностей, стѣснявшихъ ихъ власть. Во внутренней жизни государствъ происходило нѣчто прямо обратное ихъ освобожденію отъ австрійскаго господства. „По мнѣ хоть прогоните всѣхъ этихъ...“ сказалъ Наполеонъ

вюртембергкому королю, который велъ непрерывную борьбу со своимъ ландтагомъ. Въ подобныхъ дѣлахъ король Фридрихъ не нуждался въ поощреніи, и слово императора далеко было услышано. По странному парадоксу вскорѣ совѣщательныя собранія остались только въ государствахъ, находившихся подъ непосредственнымъ французскимъ вліяніемъ,—во Франкфуртѣ и въ Вестфаліи. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ—самый абсолютный *султанизмъ*. Нынѣшніе нѣмецкіе историки не находятъ достаточно сильныхъ выраженій для этихъ деспотовъ въ маломъ видѣ, которые въ подавленіи своихъ подданныхъ искали утѣшенія за свое раболѣпіе передъ чужеземцемъ. Нетрудно найти нѣкоторыя смягчающія обстоятельства. Исчезнувшіе въ это время ландтаги представляли собой горсть привилегированныхъ, защищавшихъ не права націи, а прерогативы своей касты. Не являясь гарантіей, ландтаги были только стѣснительны. Сверхъ того, новыя королевства являлись винегретомъ изъ отдѣльныхъ частицъ, разнившихся своими традиціями, своими законами и даже нарѣчіями; надо было сплавить воедино всѣ эти враждебные элементы. Для того, чтобы могла развиваться національная жизнь, предварительно надо было покончить съ прошлымъ; а какъ же сдѣлать это, если не удалить прежде всего тѣхъ, кто являлся офиціальными и законными защитниками этого прошлаго? Пруссія послѣ 1815 года имѣла дѣло съ такими же затрудненіями и прибѣгла къ подобнымъ же средствамъ. Единственный упрекъ, который заслуживаютъ въ дѣйствительности государи Рейнскаго союза, заключается не столько въ томъ, что они не замѣнили исчезавшихъ реакціонныхъ собраній современными парламентами, сколько въ томъ, что они не всегда рѣшались довести свое дѣло до конца и по нерадѣнію или робости останавливались передъ коренным разрушеніемъ стараго порядка. Вообще говоря, они дѣйствительно лишь очень несовершенно усвоили преподанные имъ Франціей уроки: они были не столько подражателями Учредительнаго собранія, сколько продолжателями „просвѣщеннаго деспотизма“ XVIII вѣка. Изъ привилегій они уничтожили тѣ, которыя ограничивали ихъ власть, и довольно мало безпокоились объ уничтоженіи тѣхъ, которыя тяготили народъ.

Разумѣется, политика ихъ видоизмѣнялась по государствамъ, сообразно случайности обстоятельствъ и характеру государей. У Наполеона были фанатическіе подражатели, въ родѣ князя Ангальтъ-Кетенскаго, который думалъ, что нельзя найти конституціи лучше той, какую далъ своимъ народамъ герой „недосягаемаго величія, котораго онъ любилъ, какъ брата“: свои 29.000 подданныхъ онъ наградилъ префектомъ, подпрефектомъ, аппеляціонной палатой, Государственнымъ совѣтомъ.

Въ южной Германіи французское вліяніе было особенно глубоко въ Гессенъ-Дармштадтѣ и Вюртембергѣ. — А вѣдь Людвигъ Гессенскій (1790—1830) былъ однимъ изъ тѣхъ, которые дольше всего противились предложеніямъ Наполеона; онъ же и покинулъ его однимъ изъ послѣднихъ. Воспитанный удивительной матерью, *великой ландграфиней*, вскормленный доктринами энциклопедистовъ, онъ смотрѣлъ серьезно на свои обязанности. Упорной умѣренностью, энергіей и настойчивымъ благоразуміемъ онъ сумѣлъ уничтожить большинство злоупотребленій феодальнаго режима и подготовилъ настоящую соціальную революцію, не возбуждая непримиримаго недовольства.

Напротивъ, ни одинъ государь не возбудилъ столько ненависти и гнѣва, какъ Фридрихъ Вюртембергскій (1797—1816). Грубый и жестокій, онъ являлся воплощеніемъ тирана. Никто такъ безжалостно не давилъ подъ своимъ игомъ *имперскихъ* князей, никто не попиралъ

съ бо́льшимъ высокомѣріемъ сословныхъ прерогативъ и вольностей земскихъ чиновъ (*Stände*); точно также никто не проявлялъ большаго равнодушія къ страданіямъ своего народа, никто не относился съ бо́льшимъ презрѣніемъ къ общественному мнѣнію. Но у него былъ ясный умъ и твердая воля: не разъ онъ осмѣливался неуважительно относиться даже къ приказаніямъ Наполеона. Заблаговременно предвидѣлъ онъ и паденіе Наполеона. Этотъ моментъ могъ сдѣлаться очень опаснымъ для всѣхъ протеже Наполеона, успѣвшихъ поживиться отъ его даяній. Фридрихъ приготовился къ этому моменту, создавъ государство, достаточно прочно объединенное, для того чтобы отклонить всякія постороннія вожделѣнія и существовать собственными силами. Отмѣняя всякія податныя изъятія, предоставляя своимъ подданнымъ личную свободу и свободное распоряженіе своимъ имуществомъ, онъ стремился только усилить свою власть, но его разумный деспотизмъ приносилъ не меньше пользы и народнымъ массамъ.

Максимиліанъ-Людвигъ баварскій (1799-1825) преслѣдовалъ то же дѣло объединенія, съ большею мягкостью и съ меньшимъ напряженіемъ воли. Хотя онъ и принималъ въ дѣлахъ болѣе активное участіе, чѣмъ это думали долгое время, однако онъ охотно подчинялся воздѣйствію своего любимаго министра Монжела́, который весь поглощенъ былъ дипломатіей и не всегда вносилъ достаточно послѣдовательности и старанія во внутреннее управленіе. Монжела́, когда-то подвергавшійся преслѣдованіямъ за принадлежность къ партіи *иллюминатовъ*, не забылъ своей обиды: ученикъ Кауница и дипломатовъ XVIII вѣка, онъ ненавидѣлъ церковь съ ея привилегіями, но въ борьбѣ съ ней онъ проявлялъ больше насилія, чѣмъ твердости, и его вызывающія мѣры не всегда попадали въ корень дѣла. Онъ не столько колебалъ положеніе знати, сколько грозилъ ей; торжественно объявилъ объ уничтоженіи крѣпостного права, но не сдѣлалъ ничего для освобожденія крестьянъ отъ сеньеріальныхъ повинностей, обнародовалъ конституцію, которая никогда не примѣнялась. Главной его заслугой было то, что онъ далъ Баваріи порядочную администрацію и сломилъ господство духовенства. Монжела́ не доставало прилежанія, умѣнья входить въ подробности, серьезности ума.

Великій герцогъ Карлъ-Фридрихъ баденскій (1738—1811) былъ человѣкъ робкій и нерѣшительный. Какъ ни старался Наполеонъ оказывать ему самое утонченное вниманіе, всѣ его предложенія и знаки милости разбивались о природную скромность государя, который охотно готовъ былъ ограничить свое честолюбіе лояльнымъ выполненіемъ своихъ обязанностей вассала Священной Римской имперіи. Другъ физіократовъ, онъ однимъ изъ первыхъ сталъ примѣнять ихъ ученіе, но потрясенія причиняли ему безпокойство. Очень благочестивый, образованный, искренно преданный своему народу, окруженный честными, работящими сотрудниками, въ родѣ мистика Юнгъ-Штиллинга, правовѣда Брауера, онъ стремился, по его собственнымъ словамъ, управлять свободнымъ, нравственнымъ и христіанскимъ народомъ. Однако, стремясь уважать пріобрѣтенныя права, онъ относился къ злоупотребленіямъ настолько снисходительно, что большинство ихъ пережило его.

Подводя итоги французскому господству въ южной Германіи, необходимо остерегаться двойного преувеличенія въ противоположномъ смыслѣ. Было бы слишкомъ сказать, будто феодальный режимъ исчезъ въ эту пору; для окончательнаго освобожденія крестьянъ и разрушенія всѣхъ привилегій понадобится еще полвѣка: въ 1815 году равенство всѣхъ гражданъ еще не признано окончательно закономъ. Особенно отстаютъ

отъ законовъ нравы, и, такимъ образомъ, дворянство повсюду сохраняетъ преобладающее соціальное вліяніе. Совершившееся дѣло, несмотря на свою незаконченность и спорность, является тѣмъ не менѣе чрезвычайно важнымъ. Провозглашены были новые принципы, произнесены значительныя слова, которыя не забудутся и мало-по-малу предстанутъ въ своемъ настоящемъ смыслѣ. Революція прививается, и старый порядокъ поколебленъ. Секуляризація церковныхъ имуществъ, закрытіе многочисленныхъ монастырей, отмѣна десятины, уменьшеніе барщины, успѣхи просвѣщенія, исчезновеніе прежнихъ таможенъ и безчисленныхъ заставъ способствуютъ распространенію достатка, благопріятствуютъ сношеніямъ и создаютъ общую потребность въ независимости. Разбогатѣвши, подданные вырвутъ у своихъ робкихъ государей завершеніе проектированныхъ реформъ. Не долго станутъ они довольствоваться равенствомъ: почти всюду сломленъ исключительный авторитетъ церкви, провозглашена свобода культовъ, допущены смѣшанные браки, школа изъята изъ-подъ вліянія духовенства. Рушится преграда, долгое время отдѣлявшая южную Германію отъ сѣверной. Вводится привычка къ преніямъ. Судебная часть улучшена, администрація преобразована по единому плану; созданы рамки для государства; народъ чувствуетъ себя въ нихъ покойнѣе; соединяетъ съ идеей государства незнакомое до того времени представленіе о своихъ нуждахъ и правахъ. Наконецъ, введенная повсюду рекрутская повинность пробуждаетъ воинскую доблесть, притупленную долгимъ бездѣйствіемъ, и нѣмцы подъ господствомъ чужеземца научаются понимать значеніе словъ: дисциплина, жертва и отечество.

Французское вліяніе въ сѣверной Германіи.—Наполеоновское господство имѣло на сѣверѣ Германіи едва ли меньшее вліяніе, чѣмъ на югѣ; но въ то время какъ югъ стремится передѣлаться по образцу побѣдителей, сѣверъ, столкнувшись съ иноземцемъ, уходитъ въ себя и на всѣ его заигрыванія даетъ рѣзкій отпоръ, свойственный сильной индивидуальности. Французское вліяніе проявляется здѣсь отрицательнымъ путемъ. Тюрингенскія герцогства и оба Мекленбурга не оцѣнили въ должной степени чести участія въ Рейнскомъ союзѣ: при первой возможности они ускользнули оттуда. Пока они считали свои обязанности выполненными, выставляя съ грѣхомъ пополамъ немногочисленные свои контингенты, и полагали особый патріотизмъ въ сохраненіи старинныхъ злоупотребленій. Саксонія серьезнѣе отнеслась къ союзу съ Франціей; но если она въ своемъ тщеславіи радовалась пораженіямъ Пруссіи и тайно питала надежду занять ея мѣсто, все-таки она не находила въ себѣ ни желанія, ни силы къ возрожденію: она была обезсилена тщеславнымъ деспотизмомъ Августовъ, притуплена продолжительнымъ миромъ.

Король ея Фридрихъ-Августъ (1768—1827), бережливый, миролюбивый, богобоязненный, былъ скорѣе озадаченъ, чѣмъ обрадованъ милостями судьбы, за которыя впослѣдствіи жестоко поплатился. Передъ революціей онъ ввелъ нѣкоторыя улучшенія въ судебномъ дѣлѣ и въ администраціи, запретилъ пытку, поощрялъ народное образованіе. Испуганный совершавшимися вокругъ него потрясеніями, онъ искалъ какъ бы защиты въ прежнихъ учрежденіяхъ. Хотя самъ онъ былъ католикъ среди протестанскаго народа, понадобилось ни болѣе ни менѣе, какъ форменное желаніе самого императора, чтобы заставить его порвать съ нетерпимостью къ лютеранамъ и признать за послѣдователями обѣихъ религій одинаковыя гражданскія и политическія права. Наполеонъ провозгласилъ свободу крестьянъ и гласность суда въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, которое онъ присоединилъ къ

Саксоніи; но эти реформы не перешли границъ герцогства.

Въ великомъ герцогствѣ Бергскомъ, въ королевствѣ Вестфальскомъ у французовъ руки были развязаны, хотя и приходилось бороться съ очень могущественною знатью и съ недовѣріемъ населенія, очень привязаннаго къ германскимъ традиціямъ. Сюда, недолго думая, цѣликомъ перенесли зарейнскія учрежденія. Опытъ былъ смѣлый и чуть было не удался. Молодой государь, Іеронимъ, окруженъ былъ совѣтниками, одушевленными самыми лучшими намѣреніями;— среди этихъ совѣтниковъ было нѣсколько выдающихся людей: таковы законовѣдъ Симеонъ, генералъ Эбле, Мартенсъ, столь извѣстный своими трудами по дипломатической исторіи, Домъ, который пользовался довѣріемъ Фридриха II и былъ однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ союза князей (*Fürstenbund*), Іоганнъ фонъ-Мюллеръ, краснорѣчивый писатель и искренній патріотъ. Они отличались широкимъ умомъ, не обнаруживали никакого систематическаго недовѣрія къ нѣмцамъ, занимавшимъ большинство мѣстъ въ Государственномъ совѣтѣ, всѣ префектуры и второстепенныя должности. Изданная Наполеономъ конституція была превосходна; первыя совѣщанія чиновъ носили серьезный и достойный характеръ; взаимная добрая воля сближала всѣ сердца. Администрація преобразована была по раціональному плану; объявлена была религіозная терпимость, распространенная даже на евреевъ, которые подчинены были общему праву. Крѣпостная зависимость была уничтожена, и изъ феодальныхъ повинностей удержаны были только тѣ, которыя являлись платой за уступленную землю. Цехи были отмѣнены и признана свобода труда. Введенъ былъ Кодексъ Наполеона (въ 1808 г.), французская ипотечная система. „Рѣдко,—говоритъ одинъ нѣмецкій историкъ, очень враждебно настроенный къ Франціи:—рѣдко какая-нибудь страна получала такіе хорошіе законы какъ это недолговѣчное королевство. Хотя его создатель нисколько не думалъ объ этомъ, это былъ первый опытъ возсозданія Германіи, отдѣлавшейся отъ Священной имперіи“. Прусскій посланникъ въ Касселѣ съ печалью констатировалъ успѣхи новаго государства, „которое достигнетъ вскорѣ высокой степени совершенства и счастія“.—„Пусть только простятъ нѣмцамъ ихъ флегматичность, ихъ тщеславіе, ихъ языкъ, ихъ литературу,— писалъ французскій посланникъ Рейнаръ, относившійся къ Іерониму безъ снисхожденія;—какъ только вестфальцы убѣдятся, что ихъ уважаютъ, какъ нѣмцевъ— ихъ можно будетъ привлечь на свою сторону“, и онъ надѣялся, что Вестфалія сдѣлается *французской Германіей* точно такъ же, какъ рейнскія провинціи сдѣлались *нѣмецкой Франціей*.

Первые мятежи.—Это былъ медовый мѣсяцъ—правда, довольно непродолжительный. Побѣдители проповѣдывали побѣжденнымъ свободу, не замѣчая того, что ихъ наставленія обращались противъ нихъ самихъ, ибо каждый успѣхъ, принесенный завоеваніемъ, дѣлалъ тѣмъ ненавистнѣе самое завоеваніе. Первое право народовъ, освобожденныхъ отъ оковъ, и первая ихъ обязанность заключались въ томъ, чтобы требовать свободнаго распоряженія своими судьбами. Взрывъ былъ неизбѣженъ, но онъ произошелъ бы не такъ скоро и не былъ бы такъ силенъ, не будь ошибокъ императорской политики.

Когда публицистъ Генцъ, поддавшійся заразѣ революціоннаго опьянѣнія, сдѣлался однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ вождей сопротивленія Наполеону и выпускалъ въ 1804 и 1805 годахъ свои *Фрагменты современной исторіи европейскаго равновѣсія* и свой дрезденскій *Манифестъ*, или когда Арндтъ приступалъ къ изданію своего „*Духъ времени*“,—ихъ пророчества встрѣчены были только недовѣріемъ, а ихъ призывы къ возстанію—

Ф. Дефрегеръ.

Военный совѣтъ. (Возстаніе въ Тиролѣ въ 1809 г.).

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

равнодушіемъ. Императоръ, обладавшій очень чувствительной кожей, свыше всякой мѣры взволновался по поводу искусственно вызванной агитаціи и подъ предлогомъ, будто памфлетисты угрожають безопасности французской арміи, отдалъ Бертье приказъ показать нѣсколько примѣровъ. Нюрнбергскій книгопродавецъ Пальмъ, виновный въ продажѣ посредственной брошюры, преданъ былъ военному суду, приговоренъ къ смерти и разстрѣлянъ (26 августа 1806 года). Возмущеніе было единодушное, особенно въ средѣ „того класса литераторовъ, который оказывалъ уже рѣшительное вліяніе въ сѣверной Германіи". Съ этихъ поръ обострился разрывъ между завоевателемъ и просвѣщенными классами,—писателями, профессорами, студентами.

Въ 1809 году они считали общественное мнѣніе достаточно подготовленнымъ для того, чтобы сдѣлать попытку всеобщаго возстанія. Проекты ихъ рушились по многимъ причинамъ. Ихъ смутилъ нейтралитетъ Пруссіи, которая въ послѣдній моментъ отказалась вступить въ борьбу. Австрія довольно неуклюже выступала впервые въ новой для нея роли, и ея революціонныя прокламаціи вызывали больше удивленія, чѣмъ воодушевленія. Силы Наполеона, хотя уже ослабленныя, все еще оставались страшными. Наконецъ, воспитаніе народовъ едва было начато: колеблясь между признательностью и усталостью, они оставались въ нѣкоторомъ родѣ нейтральными, отказали въ своемъ содѣйствіи императору, но и не поднялись противъ него.

Въ одномъ только мѣстѣ, въ Тиролѣ, вспыхнулъ *серьезный* мятежъ. Крестьяне причинили баварцамъ *серьезныя* потери, въ три пріема захватили Инсбрукъ и продолжали борьбу даже послѣ Вѣнскаго мира. Ихъ вождь, Андрей Гоферъ, выданный французамъ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ, приговоренъ былъ военнымъ судомъ въ Мантуѣ къ смертной казни; онъ самъ отдалъ команду стрѣлять и мужественно умеръ (20 февраля 1810 года). Нѣмецкіе историки охотно останавливаются на обстоятельствахъ этого дерзкаго предпріятія, военныя послѣдствія котораго были ничтожны, а Иммерманъ избралъ даже Андрея Гофера героемъ одной изъ лучшихъ своихъ драмъ. Въ сущности, нельзя дѣлать никакихъ заключеній о настроеніи умовъ въ Германіи на основаніи эпизода, который объясняется совершенно исключительными обстоятельствами. У тирольцевъ было давнее неудовольствіе противъ баварцевъ; ревностные католики, они до глубины души оскорблены были реформами Монжела́, которыя неумѣло примѣнены были нетерпимыми чиновниками; преданные династіи Габсбурговъ въ силу старинной традиціи, они легко сдѣлались игрушкой нѣсколькихъ интригановъ, которые покинули ихъ безъ всякаго состраданія и стыда. Ни въ Гоферѣ, котораго французскіе солдаты звали храбрымъ генераломъ *Sandwirth*'омъ или *большой бородой*, ни въ студентѣ Эннемозерѣ, ни въ капуцинскомъ монахѣ Гаспингерѣ, который былъ истинною душою возстанія,—нельзя было бы найти ни малѣйшаго слѣда *нѣмецкаго* патріотизма.

Стадіонъ и эрцгерцогъ Карлъ были плохо освѣдомлены, отправляя свою армію къ югу. Не то, чтобы тамъ мало было недовольныхъ, но ихъ сдерживали здѣсь старинныя правительства, очень бдительныя, и ненависть къ Франціи уравновѣшивалась здѣсь недовѣріемъ къ Австріи. На сѣверѣ движеніе, болѣе серьезно подготовленное, могло бы принять обширные размѣры, если бы оно опиралось на регулярную армію. Вестфалія, Саксонія, Франконія кишѣли агитаторами, которые получали пароль изъ Кенигсберга и Берлина, были въ сношеніяхъ съ *Союзомъ Добродѣтели* (*Tugendbund*) или съ комитетомъ графа Шазо и находили помощниковъ среди студентовъ или бывшихъ прусскихъ офицеровъ. Министръ полиціи короля Іеронима, Берканьи, не

сумѣлъ ничего ни предвидѣть, ни остановить. Къ счастью поведеніе Фридриха-Вильгельма III внесло разстройство въ среду вожаковъ: вмѣсто поголовнаго возстанія получился лишь рядъ плохо задуманныхъ попытокъ, неудача которыхъ была неизбѣжна. Шайка Катта, которая съ горстью людей захватила Стендаль, была легко разсѣяна.

Предпріятіе Дернберга, у котораго были надежные люди во всемъ Гессенѣ, было серьезнѣе, и онъ едва не захватилъ въ Касселѣ самого короля (апрѣль 1809 г.): присутствіе духа и хладнокровіе Іеронима, можетъ быть, спасли въ это время Вестфалію отъ революціи. Мѣсяцъ спустя прусскій маіоръ Шилль, обманутый первыми успѣхами австрійцевъ, перешелъ границу, снова сталъ угрожать Касселю и бросился въ Штральзундъ, который былъ выручёнъ генераломъ Граціаномъ. Шилль былъ убитъ во время приступа (31 мая). Трупъ его былъ обезглавленъ, товарищи его преданы военному суду; 25 изъ нихъ были разстрѣляны, остальные сосланы на каторгу.

Изъ товарищей Катта, Дернберга и Шилля, къ которымъ присоединились кое-какіе дезертиры изъ Пруссіи и Рейнскаго союза, герцогъ Брунсвикъ-Отельскій составилъ въ Богеміи *Черный легіонъ*. Усиленный нѣсколькими тысячами австрійцевъ, онъ вторгся въ Саксонію, гдѣ не встрѣтилъ почти никакого сочувствія, затѣмъ вступилъ въ Вестфалію, и, слабо преслѣдуемый посредственными и ссорившимися между собой генералами, прошелъ все королевство, добрался до морского берега, гдѣ и былъ принятъ на англійскія суда.

Австрійская женитьба и Континентальная блокада. — Несмотря на конечную свою неудачу, возстанія 1809 года тѣмъ не менѣе обнаружили, сколь не прочно созданное императоромъ зданіе; въ первый разъ счастье поколебалось. Если великая армія, несмотря на многочисленные признаки упадка, все еще производила извѣстную иллюзію, зато у нея не было больше резервовъ, и Наполеонъ выдвинулъ противъ повстанческихъ шаекъ третьестепенныхъ генераловъ и неиспытанныхъ рекрутовъ. Тѣмъ не менѣе, вполнѣ естественно, что первое впечатлѣніе, произведенное неуспѣхомъ попытокъ къ возстанію, было впечатлѣніе мрачнаго отчаянія. Водворилась тишина, и австрійская женитьба явилась для обезсиленнаго сопротивленія, которое только и ждали этого случая, предлогомъ къ преклоненію передъ совершившимся фактомъ. Сумасбродство и тиранія императора быстро отбили охоту у этихъ послѣднихъ попытокъ. Князья мало удовлетворены были расширеніями своихъ владѣній въ силу послѣднихъ договоровъ; они ждали бо́льшаго; тѣмъ сильнѣе раздражали ихъ территоріальныя уступки, которыя они вынуждены были сдѣлать; наконецъ, ихъ выводили изъ терпѣнія все возраставшія требованія повелителя, котораго сами же они поставили надъ собой. Захватъ Голландіи привелъ ихъ въ ужасъ. „Это происшествіе глубоко волнуетъ меня,—писала своему отцу королева вестфальская, —потому что я вижу, что въ этомъ мірѣ ни для кого нѣтъ прочнаго счастья. Гдѣ искать теперь гарантіи для королей?“ Когда ни тѣснѣйшее родство съ Наполеономъ, ни открытое расположеніе Россіи не охраняли противъ указовъ о присоединеніи, то кто же могъ считать себя въ безопасности отъ сенатскаго постановленія? Государи находились передъ двойной перспективой, одинаково тягостной: либо императоръ не устоитъ передъ новой коалиціей и увлечетъ ихъ въ своемъ паденіи, либо *когда потребуютъ этого обстоятельства*, онъ объявитъ о ихъ смѣщеніи и замѣнитъ ихъ своими префектами.

Всюду неурядица. Скрытая печаль отнимаетъ у всѣхъ бодрость, и больше всего въ Вестфаліи. Іеронимъ вначалѣ не произвелъ плохого впечатлѣнія на своихъ подданныхъ: его доброта, простота, изящество его манеръ, нѣсколько наив-

ная напыщенность его заявленій обезоружили всѣхъ. Онъ отнесся серьезно къ своему призванію. Развязность, съ которою относился къ нему его братъ, быстро заставила его забыть о своихъ добрыхъ намѣреніяхъ: безпечный и легкомысленный, онъ искалъ разсѣянія отъ своего безсилія въ дорогихъ фантазіяхъ, которыя разстроили его финансы и скомпрометировали его достоинство. Первоначальные совѣтники замѣнены были авантюристами, которые оспаривали другъ у друга не столько власть, сколько связанныя съ нею выгоды. Гриммъ писалъ въ 1813 году: „едва ли когда-либо при какомъ-либо дворѣ въ такой степени царила интрига, какъ въ Вестфаліи... У короля не было фаворита, но, что гораздо хуже, должность фаворита безпрестанно переходила въ новыя руки". Тотъ же духъ эгоизма и усталости распространялся все дальше и дальше: чиновники пренебрегали своими обязанностями и старались только свалить съ себя дѣло. Рейнаръ констатируетъ общій упадокъ: „принциповъ управленія, талантовъ и особенно нравственности".

Народа съ возрастающимъ нетерпѣніемъ выносили придирки императорской полиціи, строгости цензуры, гнусное обхожденіе, которому подвергались самые безобидные писатели. Испанская война поглощала ежегодно тысячи людей, и рекрутскій наборъ, который воинственное отъ природы народонаселеніе перенесло бы охотно, дѣлался ненавистнымъ, потому что императоръ отнималъ у нихъ жизнь и даже славу для удовлетворенія своего личнаго честолюбія. Приведенный въ отчаяніе упорнымъ сопротивленіемъ Англіи, онъ вносилъ дикое увлеченіе въ войну, которую онъ велъ противъ ея произведеній: повышенныя цѣны на сахаръ и кофе затрогивали потребителей въ самыхъ дорогихъ ихъ привычкахъ. Противъ тайныхъ складовъ англійскихъ товаровъ предпринимались обширные набѣги: въ Франкфуртѣ, въ Штутгартѣ, Баденѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, въ ганзейскихъ городахъ сжигались цѣлыя груды конфискованныхъ товаровъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ запретительная система вызвала вначалѣ нѣкоторое пробужденіе промышленности, но издѣлія, выходившія изъ новыхъ фабрикъ, созданныхъ на скорую руку и плохо оборудованныхъ, не находили себѣ покупателей, и фабриканты, располагавшіе лишь недостаточными капиталами, стѣсненные таможеннымъ режимомъ, вскорѣ ввергнуты были въ банкротство. На сѣверѣ положеніе было особенно плачевно. Прежніе рынки закрылись; хлѣбъ, лѣсъ, конопля, шерсть, находившіе себѣ когда-то обширный сбытъ въ Америкѣ, Англіи и Испаніи болѣе не продавались. Суда гнили въ гаваняхъ Гамбурга и Бремена; единственнымъ источникомъ дохода жителей была контрабанда, и они вели съ таможенными досмотрщиками постоянную малую войну, въ которой разгорались страсти. „Броженіе достигло крайней степени,— писалъ Іеронимъ своему брату 5 декабря 1811 года:—если разразится война, вся область отъ Рейна до Одера сдѣлается очагомъ всеобщаго возстанія. Причина этого броженія заключается не только въ ненависти къ Франціи и въ недовольствѣ чужеземнымъ игомъ; скорѣе ее надо искать въ общемъ бѣдственномъ состояніи, въ полномъ разореніи всѣхъ классовъ, въ чрезмѣрномъ давленіи налоговъ въ военныхъ контрибуціяхъ, въ военномъ постоѣ, въ разныхъ притѣсненіяхъ, безпрестанно повторяющихся. Надо бояться взрыва отчаянія народовъ, которымъ больше нечего терять, потому что все у нихъ отнято". Даву, Раппъ, всѣ генералы, администраторы присылали подобныя предостереженія. Императоръ дѣлалъ видъ, что относится къ нимъ пренебрежительно, но ближайшее будущее оправдало ихъ.

Глава II.

Польша и великое герцогство Варшавское.

(1796—1813).

Положеніе Польши послѣ перваго раздѣла.—Катастрофа, уничтожившая Польшу, была тѣмъ болѣе мучительна, что всѣ три участника въ дѣлежѣ перебывали либо вассалами Польши, либо были ей обязаны, либо испытали на себѣ тягость ея побѣдоноснаго оружія. Польша держала въ вассальной зависимости Пруссію, спасала отъ турецкаго султана Австрію, и знамена ея развѣвались на стѣнахъ Москвы. Много польскихъ патріотовъ предпочло эмиграцію чужеземному господству и явилось предложить свои услуги французской революціи. Оставшіеся должны были подчиниться волѣ побѣдителя.

Австрійскіе поляки.—Въ Галиціи поляки могли разсчитывать, что общность религіи, воспоминаніе о когда-то оказанныхъ услугахъ смягчатъ ихъ положеніе. Ничего подобнаго не вышло. Комиссаръ его апостолическаго величества Баумъ оказался грубымъ и безжалостнымъ. Прежде требовалось принести присягу на вѣрность; люблинскій воевода уклонился отъ подобнаго униженія путемъ самоубійства; солдаты, которые перешли на австрійскую территорію, чтобы ускользнуть отъ русскихъ войскъ, были разоружены и вынуждены служить *кайзерликами*. Послѣдовали аресты, казни. Шляхтѣ пришлось бороться съ сутяжливой бюрократіей; въ администрацію введенъ былъ нѣмецкій языкъ. Законы, говоритъ одинъ современникъ, изложены были такимъ стилемъ, что нельзя было понять ихъ ни въ оригиналѣ, ни даже въ польскомъ переводѣ. Всѣми мѣрами усиливались стереть самое имя Польши и воспоминанія о ней; запрещено было молиться Богородицѣ подъ именемъ *Королевы Польской*, какъ ее называли уже цѣлыхъ два вѣка. Галиційцы скоро стали завидовать судьбѣ своихъ соотечественниковъ, попавшихъ въ русскую зависимость. Тѣмъ не менѣе знатныя семьи эмигрировали въ Вѣну, гдѣ „польская партія“ имѣла большой успѣхъ въ салонахъ. Въ Галиціи умственнаго движенія почти вовсе не было; издавались только нѣмецкіе журналы. И все-таки не удалось онѣмечить Польшу. Наоборотъ, нѣмцы зачастую ополячивались. Галиційскій поэтъ, Викентій Поль, былъ сыномъ нѣмецкаго чиновника, служившаго сначала въ Люблинѣ, а потомъ въ Лембергѣ. Адамъ-Казиміръ Чарторыйскій, ландмаршалъ Подоліи и австрійскій фельдмаршалъ, устроилъ въ своемъ Пулавскомъ замкѣ настоящій музей польской исторіи

и окружилъ себя группой патріотовъ и литераторовъ. Въ этотъ достопамятный за́мокъ, сады котораго воспѣты были Делиллемъ, стекались патріоты любоваться на готическій домъ, на храмъ Сивиллы, поклоняться священнымъ реликвіямъ—саблѣ Владислава Локотка, знамени Ядвиги, праху Коперника, черепу Кохановскаго. По выраженію Козміана, заимствованному у Вергилія, это былъ польскій Эпиръ, какъ тотъ Эпиръ, гдѣ Елена послѣ паденія Трои основала въ миніатюрѣ новый Пергамъ. Какъ настоящее національное святилище, Пулавы сдѣлались цѣлью многочисленныхъ паломничествъ. Александръ I посѣтилъ ихъ въ 1805 году.

Съ точки зрѣнія экономической, австрійская администрація эксплуатировала провинцію, какъ владѣніе, обладаніе которымъ было не совсѣмъ надежно. Вынужденная отказаться отъ политической жизни шляхта посвятила свои досуги земледѣлію, улучшила свои земли и разбогатѣла вопреки всякому желанію правительства. Крестьяне извлекли пользу изъ либеральныхъ идей іозефинизма и освободились отъ крѣпостной зависимости. Русины (малороссы) дождались улучшенія своего положенія. Всѣ три исповѣданія — католическое, уніатское и армянское—были совершенно уравнены въ правахъ. Въ 1806 году императоръ Францъ вернулъ епископу перемысльскому (пшемысльскому) званіе галиційскаго митрополита. Для будущихъ богослововъ созданы были курсы русинскаго языка при лембергскомъ университетѣ. Въ 1809 году русинскіе крестьяне рѣшительно высказались противъ Наполеона и способствовали сохраненію провинціи подъ тѣмъ самымъ австрійскимъ господствомъ, отъ котораго такъ стремились избавиться поляки.

Прусскіе поляки. — Доля, доставшаяся Пруссіи, по составу была однороднѣе Галиціи. Въ основѣ своей населеніе было польское, за исключеніемъ городовъ; сюда входила и Варшава, столица исчезнувшаго государства. Прусскому правительству не по силамъ была непосредственная ассимиляція края. Оно занялось прежде всего его эксплуатаціей. Оно повысило налоги, отобрало въ казну церковныя имущества и оставило только 50% съ ихъ доходовъ на содержаніе духовенства. Оно начало земельную перепись, но не успѣло закончить ее. Польскіе чиновники были отставлены и замѣнены прусскими агентами: *ландратомъ* въ уѣздахъ, *штадтратомъ* въ городахъ. Однако нѣкоторое количество мѣстныхъ чиновниковъ осталось въ судебныхъ учрежденіяхъ. Съ 1797 года сдѣлалось обязательнымъ прусское уложеніе (*Landrecht*). Особый еврейскій судъ (*кагалъ*) былъ уничтоженъ. Польскіе солдаты вошли въ составъ прусскихъ полковъ. На конфискованныхъ національныхъ земляхъ устроены были нѣмецкія колоніи. Расточительная шляхта сильно нуждалась въ деньгахъ; правительство облегчило ей ипотечные займы въ надеждѣ лишить ее имѣній. Оно встрѣтило, впрочемъ, мало сопротивленія со стороны поляковъ; внѣ Варшавы городской жизни не существовало; крестьянинъ, найдя покровительство отъ злоупотребленій пана, быстро приспособился къ новому режиму; недовольное дворянство уединилось въ своихъ имѣніяхъ; нѣкоторые эмигрировали въ Литву, гдѣ ихъ сословіе находилось въ болѣе благопріятномъ положеніи. Несмотря на все это, страна, отдохнувъ отъ пережитыхъ волненій, стала богатѣть. Умы, оторванные отъ политической жизни, искали приложенія для своей дѣятельности въ литературѣ; по предложенію поэта Красицкаго, король разрѣшилъ образованіе *Общества друзей наукъ* въ Варшавѣ (въ 1801 году), главнымъ занятіемъ котораго было поддержаніе польскаго языка; стали издаваться литературные и даже политическіе журналы. Писатель-актеръ Богуславскій сообщилъ національ-

ному театру такой блескъ, какого онъ еще не знавалъ. Такіе патріоты, какъ Козміанъ и Лелевель, не могли не признать относительныхъ благодѣяній прусской администраціи.

Русскіе поляки: князь Адамъ Чарторыйскій.—Въ русской части Польши православныя или уніатскія по вѣрѣ и русскія по языку народныя массы давно подчинены были польскимъ *панамъ*-католикамъ, которые собственно и составляли полноправное населеніе страны. Опираясь на массы, правительство могло совершенно парализовать польское вліяніе; оно объ этомъ вовсе и не думало; у него не было ни прочной административной системы, ни достаточно пригоднаго для выполненія подобной задачи служебнаго персонала. Съ побѣжденными попеременно обращались то гуманно, то грубо. Представители знатныхъ фамилій должны были унижаться, чтобы сохранить свои имѣнія; были и конфискаціи, и ссылки въ Сибирь, и вынужденное обращеніе въ православіе. Взиманіе налоговъ и рекрутская повинность давали поводъ къ злоупотребленіямъ; впрочемъ, въ этомъ отношеніи бывшіе польскіе подданные были не единственными жертвами. Какъ бы то ни было *шляхта* русскихъ областей сохранила привилегированное положеніе, и ея галиційскіе братья не разъ глядѣли съ завистью по ту сторону Збруча и Днѣстра.

Въ первую минуту катастрофа показалась ужасной. Русскихъ представляли себѣ „существами чудовищными, злотворными и кровожадными, съ которыми нельзя было имѣть дѣла безъ отвращенія. Пришлось признать, что они нисколько не хуже другихъ, что и среди нихъ есть люди учтивые, привѣтливые, и что иногда невольно приходилось платить имъ дружбой и благодарностью“ (*Мемуары* Адама Чарторыйскаго).

Екатерина обошлась съ побѣжденными грубо; Павелъ I проявилъ великодушіе: освободилъ Косцюшко, Нѣмцевича, Мостовскаго, Капостаса, вернулъ на родину тысячи сосланныхъ, довѣрилъ дипломатическій постъ молодому Адаму Чарторыйскому. Разоренныя смутами XVIII вѣка области стали отдыхать. Конечно, „золотая свобода“ была утрачена, зато не приходилось больше страдать отъ крайностей своеволія. Козміанъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ мнѣніе своихъ соотечественниковъ, ставшихъ русскими подданными: „съ извѣстной точки зрѣнія намъ живется лучше, чѣмъ во времена республики; мы въ значительной степени сохранили то, что намъ дала родина. Намъ не приходится теперь бояться уманьской рѣзни; хотя нѣтъ Польши, мы живемъ въ Польшѣ и мы—поляки“.

Въ этомъ отношеніи Александръ I является продолжателемъ Павла I: онъ вернулъ изъ Сибири сосланныхъ, выпустилъ Коллонтая, который еще томился въ австрійскихъ тюрьмахъ, призвалъ поляковъ въ русскій сенатъ, выбралъ изъ ихъ среды губернаторовъ въ тѣ губерніи, которыя входили раньше въ составъ республики, назначилъ Северина Потоцкаго попечителемъ харьковскаго, а Адама Чарторыйскаго—виленскаго университета. Въ этомъ званіи Чарторыйскій является настоящимъ министромъ народнаго просвѣщенія, совершенно самостоятельнымъ въ предѣлахъ восьми губерній, образованныхъ изъ бывшихъ польскихъ областей; Вильно онъ сдѣлалъ очагомъ польской науки и литературы. Ученый-патріотъ Ѳаддей Чацкій назначенъ былъ инспекторомъ школъ южной Россіи (губерніи Волынская, Подольская, Кіевская). Съ соизволенія императора онъ основалъ лицей въ Кременцѣ, который сдѣлался для юга тѣмъ же, чѣмъ было Вильно для сѣвера. Волынь сдѣлалась „посмертнымъ эдемомъ Польши въ царствованіе новаго Траяна, который заслуживалъ бы своего Плинія“ (Козміанъ).

Великое герцогство Варшавское.—Многіе поляки стали надѣяться, что Александръ

возстановить ихъ родину подъ покровительствомъ Россіи [1]). Эмигранты, легіонеры разсчитывали на Наполеона. Втянувшись въ безпощадную войну противъ трехъ державъ, которыя извлекли барышъ изъ раздѣловъ, онъ непремѣнно долженъ былъ прійти къ мысли поднять противъ нихъ ихъ подданныхъ поляковъ. По его приказу, Домбровскій и Выбицкій обнародовали 3 ноября 1806 г. прокламацію изъ Берлина, въ которой давали понять полякамъ, что императоръ думаетъ о возстановленіи ихъ отечества. Тѣмъ туманнымъ языкомъ, къ которому онъ прибѣгалъ всякій разъ, когда обращался къ полякамъ, Наполеонъ говорилъ: „Я посмотрю, достойны ли вы быть націей". Сопровождаемый обломками легіоновъ и Домбровскимъ, проникъ онъ въ Познань и Варшаву, гдѣ французскія войска приняты были съ энтузіазмомъ. Патріоты видѣли уже свои мечты осуществленными. Тильзитскій договоръ обманулъ ихъ надежды; имя Польши въ немъ даже не было упомянуто. Въ минуту откровенности Наполеонъ готовъ былъ даже выдать царю документы, компрометировавшие нѣкоторыхъ лицъ.

Все-таки Наполеонъ сдѣлалъ кое-что для Польши. Изъ территорій, отнятыхъ у прусскаго короля, онъ создалъ небольшое государство, которое назвалъ *великимъ герцогствомъ Варшавскимъ*. Оно имѣло своеобразную форму: это было нѣчто въ родѣ продолговатаго треугольника, втиснутаго между Пруссіей и Австріей и упиравшагося вершиной въ Нѣманъ. Оно дѣлилось на шесть департаментовъ: Быдгощь, Познань, Калишъ, Варшава, Плоцкъ и Ломжа. Оно занимало 1850 кв. миль и насчитывало 2.319.369 жителей, чистыхъ поляковъ, за исключеніемъ евреевъ и немногочисленныхъ нѣмцевъ. Казалось, оно должно было стать ядромъ того государства, которое Наполеонъ избѣгалъ называть по имени. Другимъ краеугольнымъ камнемъ былъ Данцигъ, также отнятый у Пруссіи, превращенный Наполеономъ въ „вольный городъ", занятый его войсками, и господствовавшій надъ теченіемъ великой польской рѣки. Но Наполеонъ болѣе всего опасался оскорбить Александра; онъ даже уступилъ ему Бѣлостокскій округъ, отнятый у Пруссіи. Если вѣрить *Мемуарамъ* Огинскаго, онъ даже предолжилъ будто бы царю всѣ польскія земли, пріобрѣтенныя у Пруссіи, но Александръ отказался обогатиться на чужой счетъ. Какъ бы то ни было Косцюшко по прежнему отказывался служить Наполеону, пока онъ не дастъ слова возстановить Польшу. Этого слова Наполеонъ никогда не далъ.

Титулъ великаго герцога варшавскаго предложенъ былъ новому саксонскому королю Фридриху-Августу. Это былъ дѣйствительно искусный выборъ, которымъ Польша вновь связывалась съ династіей, оставившей довольно хорошія воспоминанія. „При саксонскомъ королѣ ѣшь, пей да распускай поясъ", гласила поговорка XVIII вѣка. Кромѣ того, вѣдь именно саксонскій домъ предназначался къ царствованію въ Польшѣ по проекту патріотической конституціи 3 мая 1791 года. Новый государь сдѣлался популярнымъ: онъ бѣгло говорилъ по-польски и выказывалъ искреннее уваженіе къ этому языку. Въ 1807 году обнародованъ былъ Конституціонный уставъ. Вотъ его главныя основанія. Всѣ исповѣданія свободны. Герцогская корона наслѣдственна въ саксонской королевской фамиліи. Пять министровъ (юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и исповѣданій, военный, финансовъ и полиціи) вмѣстѣ съ государственнымъ секретаремъ составляютъ Государственный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ короля или назначеннаго королемъ намѣстника. Главный *Сеймъ* состоитъ изъ двухъ палатъ: сената и палаты земскихъ депутатовъ. Онъ собирается черезъ каждые два

---

[1]) См. ниже главу VIII, *Походъ въ Россію*.

года въ Варшавѣ по призыву короля-герцога; онъ лишенъ законодательной инициативы. Сенатъ состоитъ изъ 18-ти членовъ: 6 епископовъ, 6 воеводъ, 6 кастеляновъ. Всѣ назначаются королемъ; полномочія ихъ пожизненны. Сенатъ и король могутъ отмѣнять постановленія палаты депутатовъ; король можетъ распускать ее. Она состоитъ изъ 60-ти членовъ, назначаемыхъ сеймиками, т. е. поуѣздными собраніями знати, и 40 депутатовъ отъ общинъ. Полномочія ихъ продолжаются девять лѣтъ, и составъ депутатовъ возобновляется по третямъ каждые три года. Слово принадлежитъ только членамъ Государственнаго совѣта и комиссіи депутатовъ, остальные только подаютъ голоса. Не знатные собственники, лица съ образовательнымъ цензомъ, офицеры являются избирателями [1].—Департаменты, въ числѣ 6, управляются префектами и подпрефектами. Мѣстное гражданское право замѣняется Кодексомъ Наполеона.

Армія первоначально должна была состоять изъ тридцати тысячъ человѣкъ. Она была организована Даву. Такъ какъ великое герцогство было недостаточно богато, чтобы содержать ее, Наполеонъ принялъ часть ея къ себѣ на жалованье и отправилъ ее въ Испанію, гдѣ она отличилась при Сарагоссѣ и Сомо-Сіеррѣ. Военнымъ министромъ ея былъ князь Іосифъ Понятовскій, племянникъ послѣдняго короля. Болѣе демократичная по своему составу, чѣмъ прежняя польская армія, она обладала одной силой, которой не было у послѣдней, а именно чувствомъ равенства и чести. Сержанты, капралы, простые солдаты получали военный орденъ. Евреи остались изъятыми отъ военной службы. Крестьяне освобождены были отъ крѣпостной зависимости; но реформа эта въ основѣ своей была чиста теоретической. Даже и не подумали подѣлить ихъ землей, потому они и остались въ прежнемъ положеніи: тѣ изъ нихъ, которые хотѣли воспользоваться своей свободой, становились бродягами или нищими. Да и вообще экономическое положеніе великаго герцогства было очень дурно; континентальная блокада почти совершенно закрывала Данцигъ, русско-турецкая война закрывала доступъ къ Черному морю; все вмѣстѣ парализовало торговлю сельскохозяйственными продуктами, особенно хлѣбомъ. Въ 1807 году маленькое *Варшавское* государство давало $31^1/_2$ милл. дохода при 51 милл. расхода.

Въ общемъ, великое герцогство представляло собой нескладное и, очевидно, временное образованіе; одна современная эпиграмма слѣдующимъ образомъ резюмировала его характеръ: „Герцогство варшавское, монета прусская, армія польская, король саксонскій, кодексъ французскій“ [1].

Нѣкоторые литовскіе поляки завидовали жребію своихъ варшавскихъ соотечественниковъ; примѣромъ можетъ служить тотъ Радзивиллъ, который явился изъ Литвы и снарядилъ на свой счетъ цѣлый полкъ.

Другіе страшились наполеоновскихъ нововведеній и въ частности освобожденія крестьянъ. Наполеонъ неоднократно являлся въ Варшаву; одна улица названа была его именемъ; въ 1809 году его любовницей была красивая полька, графиня Валевская, сынъ которой впослѣдствіи былъ министромъ Наполеона III.

Война противъ Австріи; расширеніе великаго герцогства.—Вскорѣ армія новаго государства получила возможность доказать свои способности. Въ то время какъ Наполеонъ шелъ на Вѣну, австрійскій эрц-

[1]) Конституція эта опубликована была въ правительственномъ „Мониторѣ“ 1807 года, ч. II, стр. 831.

[1]) Ksiestwo warszawskie, pienądz pruski, wojsko polskie, krol saski, a kodeks francuski.

герцогъ Фердинандъ проникъ въ герцогство. Одержавъ побѣду при Рашинѣ, гдѣ погибъ воинъ-поэтъ Годебскій (19 мая 1809 года), онъ дошелъ до Варшавы. Понятовскій и Домбровскій организовали сопротивленіе: послѣ славныхъ сраженій при Гроховѣ, Радзыминѣ и Горѣ они въ свою очередь проникли на австрійскую территорію, овладѣли Люблиномъ, Сандоміромъ, Замостьемъ, Львовымъ (21 мая). 15 іюля Понятовскій былъ въ Краковѣ. Варшавская армія съ одушевленіемъ встрѣчена была поляками, зато русинскій епископъ Ангеловичъ пастырскимъ посланіемъ призывалъ русинскихъ крестьянъ встать на защиту Австріи. Наполеонъ попросилъ содѣйствія русскихъ, которые съ своей стороны, вступили въ Галицію. Вѣнскій договоръ вернулъ Австріи Львовъ и уступилъ герцогству Варшавскому галиційскія земли, изъ которыхъ образовано было четыре новыхъ департамента: Люблинъ, Радомъ, Сѣдлецъ, Краковъ съ половиной соляныхъ копей Велички. Тарнопольскій округъ отданъ былъ Россіи. Великое герцогство увеличилось на 919 кв. миль и на 1.500.000 жителей. Эти новыя земли завоеваны были польскими войсками. И все-таки присоединеніе совершилось именемъ Наполеона, а не Фридриха-Августа. Армія великаго герцогства увеличена была до 60.000 человѣкъ. Въ томъ же году 1-го декабря составленный де Монталиве *Отчетъ о состояніи имперіи* прямо говорилъ: „Герцогство Варшавское увеличилось на счетъ Галиціи. Императору легко было бы присоединить къ этому государству всю Галицію. Но онъ не желалъ дѣлать ничего, что могло бы причинить безпокойство его союзнику, русскому императору... Его величество никогда не имѣлъ въ виду возстановленія Польши“.

Тѣмъ не менѣе сдѣланъ былъ крупный шагъ къ возстановленію Польши. Въ сущности, изъ чисто польскихъ земель оставалось присоединить только часть Галиціи, оставленную за Австріей. Великое герцогство насчитывало теперь 4 милл. душъ и 10 департаментовъ. Соціальная реформа была, по крайней мѣрѣ, набросана. Между Россіей и двумя крупными нѣмецкими государствами, одинаково лишенными какой бы то ни было политической свободы, великое герцогство пользовалось конституціей; словомъ, Наполеонъ воздвигъ въ варшавскомъ *Замкѣ* „трибуну посреди молчаливой атмосферы сосѣднихъ государствъ“ (Биньонъ). Кое-что значила и постановка принципа свободы крестьянина и введеніе гражданскаго Кодекса, пропитаннаго духомъ равенства и гласностью суда. Сама армія являлась какъ бы школой равенства; она была въ особенности школой патріотизма, гдѣ поляки могли научиться тому, чего они никогда не знали: умѣнью приносить въ жертву общему дѣлу свою ненависть, свои партійные интересы. Во главѣ министерства можно было видѣть испытанныхъ патріотовъ, хотя каноникъ Коллонтай и „якобинцы“ 1794 года и были устранены отъ дѣлъ. Это были: Станиславъ Потоцкій—во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ же министръ-президентъ, Лубенскій—министръ юстиціи, Матушевичъ—финансовъ, Соболевскій—юстиціи; военный министръ и генералиссимусъ—Іосифъ Понятовскій. Малаховскій состоялъ президентомъ сената. Хотя офиціально признавались только слова *великое герцогство* и *варшавцы*, но на горизонтѣ обрисовывалось уже королевство Польское. А кто будетъ его королемъ? Одни стояли за Даву или Понятовскаго; другіе утверждали, что Наполеонъ самъ возложитъ корону на свою голову.

Наканунѣ русской кампаніи. — Разрывъ союза съ Россіей, вѣсть о предпринятой противъ нея кампаніи наполнили энтузіазмомъ сердца *варшавцевъ*. Давно уже эмиссары разъѣзжали по деревнямъ Литвы и *маршъ Домбровскаго* гремѣлъ въ усадьбахъ шляхты. Съ нетерпѣніемъ ожи-

дали тамъ появленія *легіоновъ* подъ бѣлыми орлами, великаго императора съ его огромной арміей, „такой арміей, какой еще никогда не видывалъ міръ“. Множество поляковъ не изъ великаго герцогства готово было отдаться этому дѣлу, если имъ обѣщано будетъ полное возстановленіе Польши. Въ противномъ случаѣ они опасались репрессій со стороны Россіи и предпочитали держаться осторожнѣе. Безъ сомнѣнія, французы приняты были съ симпатіей главнымъ образомъ со стороны мелкой шляхты, которая немного теряла при наполеоновскихъ реформахъ. Великій національный поэтъ Мицкевичъ, который самъ принадлежалъ къ этой мелкой шляхтѣ и былъ свидѣтелемъ проѣзда короля Іеронима черезъ Ковно, посвятилъ цѣлую поэму *(Панъ Тадеушъ)* появленію Наполеона и надеждамъ, которыя возбуждены были прибытіетъ французовъ:

О годъ! Ты былъ необычайнымъ,
Великимъ годомъ для Литвы.
Доселѣ ты въ устахъ молвы
Зовешься годомъ урожайнымъ....
Былъ отъ людей военныхъ ты
Прокликанъ браннымъ бурнымъ годомъ.
Донынѣ любитъ старый людъ
Повѣствовать, какъ ты чудесенъ,
Какъ грозенъ былъ,—и тамъ и тутъ—
Досель въ словахъ народныхъ пѣсенъ
Твои событія живутъ.
Заранѣ чудною звѣздою
Знаменовался твой приходъ.....
. . . .
Война! Война! Угла земли
Во всей Литвѣ не оставалось,
Гдѣ бъ треска, грома не промчалось

***

Идетъ сраженье... Гдѣ?—не знаютъ.
„Гдѣ жъ битва?“ молодежь кричитъ
И брать оружіе спѣшитъ,—
А группы женщинъ простираютъ
Въ молитвахъ руки къ небесамъ,
Въ надеждахъ, волю давъ слезамъ;
„За насъ,—всѣ хоромъ восклицаютъ:—
Самъ Богъ: съ Наполеономъ—Онъ,
А съ нами—самъ Наполеонъ!“

***

Весна! Весна! Тебя, златая,
Кто видѣлъ на Литвѣ тогда,
Тому ты памятна всегда—
Весна войны и урожая!
О, какъ ты всѣмъ тогда была
Богата!... Эти нивы, травы!...
И эти люди—люди славы!...
И тѣ геройскія дѣла!...
Тѣхъ войскъ блестящія одежды!
И зерна сладкія надежды!
Донынѣ видишься ты мнѣ
На этомъ скорбномъ жизни полѣ,
Какъ образъ милый въ чудномъ снѣ.
Рожденъ въ цѣпяхъ, взрощенъ въ неволѣ—
Въ теченьи жизни лишь одну
Такую встрѣтилъ я весну [1]).

Однако пріемъ далеко не вездѣ былъ такой воодушевленный, какимъ его видѣлъ въ Ковнѣ [2]) Мицкевичъ, или какимъ онъ ему представлялся по воспоминаніямъ. Французскія войска грабили по пути, и крестьяне съ шляхтой не очень-то были имъ за это благодарны [3]). У многихъ были родственники въ русскихъ войскахъ, и ихъ пугала мысль итти противъ нихъ.

Въ самой Польшѣ не всѣ были увѣрены въ окончательномъ успѣхѣ Наполеона. Когда въ Варшавѣ узнали о пожарѣ Москвы, Козміанъ прочелъ въ *Обществѣ друзей наукъ* свою оду, которая начиналась словами: „Гдѣ это чудовище, этотъ великанъ, гроза народовъ?“ Въ концѣ засѣданія Сташичъ и Матушевичъ замѣтили ему, что было бы лучше переждать конца кампаніи, прежде чѣмъ печатать оду.

Литва доставила Наполеону пять пѣхотныхъ полковъ, пять кавалерійскихъ. Въ началѣ кампаніи польская армія состояла изъ семнадцати полковъ пѣхоты, шестнадцати кавалерійскихъ, дивизіи легіоновъ Вислы, корпуса Гамилькара Ко-

———

1) Перев. В. Г. Бенедиктова.

2) Для изученія этого періода интереснымъ литературнымъ документомъ является комедія Яна Ходьзко *„Освобожденная Литва или переходъ черезъ Нѣманъ“*, отпечатанная въ Минскѣ въ 1817 году.

3) См. ниже главу VIII, *Походъ въ Россію*.

синскаго, артиллеріи и саперовъ, всего изъ 87.000 человѣкъ и 25.000 лошадей; около 70.000 поляковъ приняло участіе въ экспедиціи: два корпуса состояли цѣликомъ изъ поляковъ, одинъ подъ командой Понятовскаго, другой Гамилькара Косинскаго; остальные полки разсѣяны были по разнымъ французскимъ корпусамъ. Наполеонъ разсчитывалъ на ихъ помощь при сношеніяхъ съ русскими. Какъ всегда, они отличились своей храбростью. Іосифъ Понятовскій показалъ себя подъ Смоленскомъ, Можайскомъ, Бородиномъ; Домбровскому поручено было обложить Бобруйскъ въ то время, какъ одна польская дивизія осаждала Ригу; Княжевичъ, удалившійся на Волынь и до этихъ поръ относившійся къ Наполеону съ недовѣріемъ, снова вступилъ на службу, командовалъ дивизіей и былъ раненъ при переходѣ черезъ Березину.

Сопутствуя Великой арміи въ ея наступательномъ движеніи, поляки вмѣстѣ съ нею и отступали въ Литву, въ великое герцогство, въ Германію. Если у нихъ были какія-либо иллюзіи насчетъ намѣреній Наполеона, они должны были утратить ихъ въ тотъ день, когда онъ пошелъ дальше Смоленска. Если бы у него дѣйствительно было намѣреніе возстановить ихъ отечество, ему оставалось только утвердиться здѣсь, организовать имъ армію, создать крѣпости, поставить гарнизоны. Этимъ онъ нанесъ бы страшный ударъ могуществу Россіи и создалъ бы въ тылу Германіи и Австріи вассальное государство, содѣйствіе котораго было бы ему обезпечено во всякое время. Но онъ увлекся миражемъ Москвы и въ своей гибели увлекъ за собою и поляковъ. Даже послѣ потери этой безумной кампаніи нѣкоторые варшавцы еще надѣялись на него, разсчитывали, что онъ вернется для наступательныхъ дѣйствій. Генералъ Кропинскій произнесъ слѣдующія пророческія слова: „Наполеонъ не хотѣлъ создать Польши, когда могъ это сдѣлать; теперь онъ, можетъ быть, и захотѣлъ бы, да не можетъ. Австрія не оказываетъ ему искренняго содѣйствія; нѣмцы хотятъ сбросить его иго; и мы отданы будемъ въ жертву иностранцамъ; быть можетъ, безопасность Франціи будетъ куплена этой жертвой“. Слова эти являются лишь комментаріемъ къ тому, что незадолго писалъ изъ Америки своимъ соотечественникамъ Косцюшко: „Я не знаю, почему, несмотря на симпатію между французами и поляками, французы всегда покидаютъ насъ въ самые рѣшительные моменты“.

Де Прадтъ, бывшій министръ Наполеона въ Польшѣ, пишетъ: „Наполеонъ всегда видѣлъ въ людяхъ только снаряды, которыми можно пускать въ своихъ враговъ“ [1]).

23 декабря 1812 года Александръ вернулся въ ту самую Вильну, которую онъ покинулъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Онъ нисколько не мстилъ тѣмъ, кто связалъ себя съ судьбой Наполеона. Онъ обнародовалъ всеобщую амнистію. Тронутые этой милостью, поляки въ большинствѣ рѣшили снова примкнуть къ Россіи: Огинскій, Чарторыйскій, Мостовскій предложили устройство Польскаго королевства, тѣсно связаннаго съ Россіей.

18 февраля 1813 года русскіе вступили въ Варшаву. Столица эта была плохо укрѣплена и весь гарнизонъ ея состоялъ изъ 13.000 поляковъ и 2.000 саксонцевъ. Русскіе составили временное правительство изъ двухъ русскихъ и трехъ поляковъ подъ предсѣдательствомъ генерала Ланского. Императорскимъ намѣстникомъ назначенъ былъ Заіончекъ; французское варшавское правительство удалилось въ Краковъ. Въ сущности созданное Наполеономъ великое герцогство прекратило

---

[1]) По словамъ Матушевича, Наполеонъ въ 1812 году никогда искренне не желалъ возстановленія Польши. „Онъ пользовался нами постольку, поскольку мы могли быть ему полезны для выполненія его намѣреній“ (*Мемуары Козміана*, т. II, стр. 118.)

свое существованіе; оно удержано было лишь временно, пока Европа распорядится его судьбой.

Поляки на службѣ Наполеона. — Поляки Великой арміи въ общемъ остались вѣрны своему вождю; одни отправились на подмогу крѣпостнымъ гарнизонамъ Данцига, Торна, Модлина; другіе отступили въ Германію. Домбровскій и Понятовскій участвовали въ битвѣ при Лейпцигѣ, Понятовскій заслужилъ тутъ титулъ маршала Франціи и затѣмъ погибъ въ волнахъ Эльстера (19 октября 1813 г.). Его соотечественники приписываютъ ему гордыя слова: „Богъ ввѣрилъ мнѣ честь Польши, я верну ее только Ему". Домбровскій довелъ до Рейна остатки польской арміи. Она особенно отличилась при Ганау. Декретъ 4 апрѣля 1814 года вручилъ командованіе поляками, служившими въ наполеоновскихъ войскахъ, генералу Красинскому, отцу поэта. Отказываясь отъ престола, императоръ не забылъ своихъ вѣрныхъ соратниковъ. Онъ поставилъ условіемъ, чтобы они могли вернуться на родину съ оружіемъ и пожитками и сохранить свои знаки отличія и пенсіи.

Съ своей стороны, и Александръ отнесся благосклонно къ польской арміи. Во время своего пребыванія въ Парижѣ онъ назначилъ коммиссію, которой поручено было преобразованіе арміи. Въ коммиссію входили: Домбровскій, Заіончекъ, Вьельгорскій, Сѣраковскій и Гедройць.

Данцигъ сдался 17-го ноября, Замостье—22-го декабря, Модлинъ—25-го. Александръ разрѣшилъ полякамъ сохранить національную кокарду. Онъ обнародовалъ всеобщую амнистію. Въ письмѣ на имя Косцюшки императоръ давалъ обѣщаніе возстановить его отечество и разрѣшилъ устроить Понятовскому торжественныя похороны. Церемоніей распоряжался Барклай де Толли, и во время нея братались двѣ арміи—русская и польская. По пути на Вѣнскій конгрессъ Александръ останавливался въ Пулавахъ и отказался принять ключи города Кракова, заявивъ, что пришелъ другомъ, а не побѣдителемъ.

Однако, нѣкоторые поляки продолжали связывать судьбу свою съ Наполеономъ, пошли за нимъ на о. Эльбу, сражались подъ его командой при Ватерлоо. Изъ всѣхъ вспомогательныхъ войскъ, какія имѣлъ въ своихъ арміяхъ великій воитель, ни одно не дало стольких доказательствъ доблести и вѣрности. На большой тріумфальной аркѣ въ Парижѣ запечатлѣны имена Домбровскаго, Володковича, Хлопицкаго (не совсѣмъ грамотно записаннаго подъ именемъ Клопискаго), Сулковскаго, Княжевича, Понятовскаго, Лазовскаго (послѣдній, родомъ изъ Лотарингіи, значился по службѣ французомъ). Къ этому перечню слѣдуетъ присоединить имена генераловъ: Яблоновскаго, Грабинскаго, Дембовскаго, Брониковскаго, Конопки, Красинскаго, Сокольницкаго, Паца, д'Эслке, Клицкаго, Вьельгорскаго, Лачинскаго, Жолтовскаго, Аксамитовскаго, Сѣровскаго, Зелинскаго, Лубенскаго, Корматовича, Стоковскаго, Фишера, Нѣмоцинскаго, Мельзинскаго, Пакоша, Коссецкаго. Многіе изъ нихъ были ранены на французской службѣ, другіе убиты. Нѣтъ словъ,—служа дѣлу Наполеона, они имѣли въ виду служить своей родинѣ. Тѣмъ не менѣе Франція должна быть имъ благодарна за кровь, какую они пролили ради нея. Долгое время они думали, что Франція въ большомъ долгу передъ ними и что со временемъ она не преминетъ заплатить этотъ долгъ.

Наполеоновская легенда.—Ни въ одной странѣ Европы наполеоновская легенда не была такъ живуча, какъ въ Польшѣ. Дѣтямъ давали имя Наполеона, поэты воспѣвали его. Въ сущности, героемъ мицкевичева *Пана Тадеуша* является Наполеонъ, возстановитель Польши. Около 1840 года одна мистическая секта сдѣлала изъ Наполеона мессію, который долженъ возродить міръ; Мицкевичъ пропо-

вѣдывалъ культъ этого мессіи въ своихъ лекціяхъ въ Collège de France. Когда послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 года на тронѣ Франціи появился племянникъ императора, когда онъ сталъ вести себя вызывающимъ образомъ по отношенію къ Россіи, когда онъ сдѣлалъ своимъ министромъ поляка, побочнаго сына Наполеона I-го, многіе поляки обратились къ нему и вѣрили, что на этотъ разъ насталъ часъ судьбы.

Общественная и умственная жизнь.—Описанный нами періодъ мало благопріятствовалъ развитію общественной жизни. Жизнь эта развивается только въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ городахъ: въ Варшавѣ, Краковѣ, Вильнѣ, Кременцѣ, да въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ замкахъ; народъ все еще находится въ полуварварскомъ состояніи: мало городовъ, мало горожанъ, хижины, тонущія въ грязи, грубые крестьяне, жалкія жилища, замки, „почти какъ въ Испаніи" — такова печальная картина Польши, какую рисуютъ французскіе солдаты и дипломаты. Вслѣдствіе изложенныхъ нами выше обстоятельствъ экономическое положеніе было не особенно благополучно. Деньги отдавались взаймы по чудовищнымъ процентамъ—по 72, даже по 80%. Извѣстныя семьи впали въ нужду. Въ нѣкоторыхъ замкахъ, напр., у Чарторыйскихъ, собирается избранное образованное общество; въ большинствѣ остальныхъ лишь танцы, охота да пиры скрашиваютъ длинные досуги вялой жизни, лишенной тревоги и волненій политики. У нѣкоторой части знати можно отмѣтить благородныя усилія исправить ошибки своихъ предковъ; нѣкоторые будируютъ, уединившись въ свои огромныя помѣстья, гдѣ еще могутъ создавать себѣ нѣкоторую иллюзію независимости. Въ Варшавѣ, въ Краковѣ бѣшено любятъ увеселенія, пѣніе, гитару, танцы. Биньонъ, бывшій министромъ Наполеона въ Варшавѣ до архіепископа де Прадта, описалъ оживленный видъ Варшавы въ теченіе зимы, предшествовавшей разгрому, всѣ эти празднества, салоны, гдѣ блистали польскіе герои, національные поэты, великосвѣтскія дамы, въ родѣ принцессы Вюртембергской, урожденной Чарторыйской. Словно хотѣлось какою угодно цѣною забыть прошлыя несчастія и впередъ утѣшиться за будущія бѣды. Одна остроумная дама писала: „Наполеонъ спасъ насъ чудомъ; мы живемъ чудомъ".

Выше мы говорили о томъ, какъ Вильно и Кременецъ благодаря университету и лицею сдѣлались очагами умственной жизни и національнаго воспитанія. Варшава соперничаетъ съ этими двумя привилегированными городами. Она основываетъ школу права и медицины, военныя училища. Коммиссія по воспитанію проявляетъ похвальную дѣятельность.

Общество друзей наукъ, несмотря на свое скромное названіе, является настоящей академіей. Оно возникло въ салонахъ архіепископа Красицкаго, остроумнаго сатирика, милаго баснописца, который напоминаетъ то Вольтера, то Лафонтена. Первымъ его президентомъ былъ историкъ Альбертранди. Оно оставило послѣ себя цѣнные мемуары.

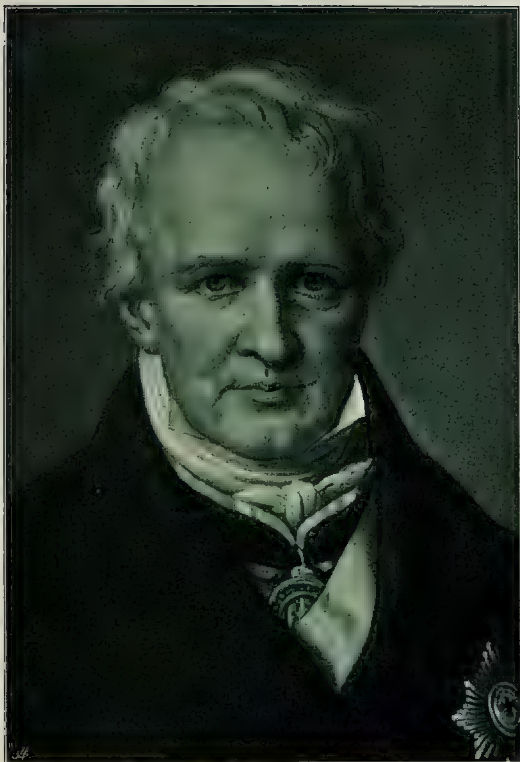
Виленскій университетъ насчитывалъ знаменитыхъ профессоровъ: Снядецкаго, Гроддека, Юндзилла, Лелевеля. Созданы были и среднія учебныя заведенія. *Журналъ* и *Еженедѣльное Обозрѣніе*, издаваемые въ Вильнѣ, сдѣлались органами умственнаго возрожденія Литвы. Пулавы служили вмѣстѣ и историческимъ музеемъ, и литературнымъ очагомъ. Княгиня Марія Чарторыйская принялась писать книги для крестьянъ, о которыхъ до этого времени никто не думалъ. Краковъ все еще оставался вѣренъ латинской литературѣ и держался традицій Сарбѣвскаго.

Господствующимъ литературнымъ направленіемъ въ этотъ моментъ было французское — смѣсь сентиментализма и псевдоклассицизма. Г-жа Жанлисъ и Де-

лилль производятъ фурор въ салонахъ. Флоріановскія идилліи имѣютъ успѣхъ. Козміанъ задумываетъ польскія *Георгики*. Викентій Реклевскій (1780—1812), убитый подъ Бородиномъ, въ своихъ *Пѣсняхъ деревни* вдохновляется природой. Поэты-воины Кипріанъ Годебскій (1785—1809), Тымовскій (1790—1850), Антонъ Горецкій (1787—1861) воспѣваютъ подвиги легіонеровъ и наполеоновскихъ солдатъ. Казиміръ Бродзинскій (1791—1835), солдатъ изъ герцогства Варшавскаго, является уже предшественникомъ романтизма. Глава варшавской школы—Юліанъ Нѣмцевичъ (1757—1841), президентъ *Общества Друзей Наукъ*; поэтъ, историкъ, романистъ, онъ воскрешаетъ въ своихъ *Историческихъ балладахъ* образы старой Польши. Воноичъ воспѣваетъ храмъ сивиллы въ Пулавахъ; Фелинскій (1771—1820), переводчикъ Делилля, пишетъ замѣчательную историческую драму *Варвара Радзивиллъ*.

Научная, историческая и филологическая литература представлена двумя Снядецкими, Чацкимъ, Коллонтаемъ, замѣчательнымъ публицистомъ и благороднымъ человѣкомъ, Іосифомъ Оссолинскимъ, двумя Бандтке, Сташичемъ, графами Станиславомъ и Яномъ Потоцкими, Богумиломъ Линдомъ, который далъ Польшѣ первый большой словарь ея языка. Въ общемъ, этотъ періодъ является для литературы періодомъ возрожденія: съ 1800 по 1806 годъ появляется около 250 произведеній ежегодно, съ 1807 по 1810—по 350 и послѣ 1810 года—по 400.

Польскій театръ въ Варшавѣ дѣлается національнымъ учрежденіемъ и оспариваетъ у французскаго и итальянскаго театра симпатіи публики. Здѣсь ставятъ комедіи, лирическія піесы, сюжетъ которыхъ почерпнутъ изъ національной исторіи или народной жизни. Богуславскій является одновременно актеромъ, директоромъ и драматическимъ писателемъ. Карпинскій управляетъ оркестромъ, пишетъ оперы; Эльснеръ, Вейнертъ соперничаютъ съ нимъ. Огинскій, сочинитель *полонезовъ*,—можетъ быть, первый полякъ, произведенія котораго пріобрѣли популярность за границей. Музыка культивируется не въ одной столицѣ; въ провинціи знатныя семьи содержатъ оркестры. Меньшее вниманіе достается на долю пластическихъ искусствъ; эта безпокойная эпоха мало благопріятствовала ихъ развитію. Но съ точки зрѣнія литературы эпоха эта дѣлаетъ честь Польшѣ. Она свидѣтельствуетъ о жизненности національнаго генія; она достойно подготовляетъ расцвѣтъ романтической школы.

А. Гумбольдтъ.

A. v. Humboldt

А. Мицкевичъ.

Adam Mickiewicz

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Глава III.

Англія.

1800—1813.

I.—Министерства Питта, Аддингтона и Фокса.

Предложенія перваго консула. — Дурно принятое письмо брюмерскаго побѣдителя къ Георгу III [1]) снова привело Фокса въ парламентъ и сообщило оппозиціи новую жизнь. Становилось легче отстаивать дѣло мира, а между тѣмъ упорное стремленіе министерства къ продолженію войны,—несмотря на возстановленіе порядка во Франціи,—и къ поддержанію Бурбоновъ вызывало противъ него оживленныя нападки. Дебаты возникли по поводу документовъ, касавшихся неудачныхъ переговоровъ, и по поводу недавнихъ бѣдствій во время голландской кампаніи. Оппозиція заявляла: „Повидимому, правительство наше, если не можетъ заключать съ французской республикой договоровъ о мирѣ, то, по крайней мѣрѣ, умѣетъ заключать договоры о капитуляціи... Вы повѣрили сообщеніямъ эмигрантовъ и рискнули отправить на континентъ англійскую армію, чтобы покрыть ее позоромъ... Вы утверждаете, что вы способствовали побѣдѣ при Нови; это возможно, но стоитъ ли гордиться тѣмъ, что вы спасли австрійскую армію, давъ раздавить армію англійскую!“ Упреки столь же безплодные, сколько заслуженные. Гораздо основательнѣе были требованія Тирни о томъ, чтобы Англія отдѣлила свое дѣло отъ дѣла Бурбонскаго дома, о которомъ Каннингъ заодно съ другими тори говорилъ съ нѣкоторою нѣжностью; „Бурбоны эти приносятъ зло двумъ странамъ“, говорилъ Тирни: „что же это, ради благодарности къ нимъ вы тратите нашу кровь и наши богатства? или, можетъ быть, ради олицетворяемаго ими принципа? значитъ, вы хотите имѣть противъ себя всѣхъ, кому надоѣли знатные, десятина, феодальныя повинности, всѣхъ тѣхъ, кто пріобрѣлъ національныя имущества, всѣхъ, кто поднялъ оружіе за французскую революцію?“ Министры отлично сознавали слабость своей аргументаціи по этому вопросу; но они нисколько не скрывали своего ужаса передъ Бонапартомъ, и Питтъ выражался на его счетъ съ рѣзкою ненавистью, не лишенною извѣстной проницательности: „Мы знаемъ этого человѣка; онъ дитя и поборникъ якобинизма. Онъ чужеземецъ, узурпаторъ: онъ соединяетъ въ себѣ все то, что республиканецъ долженъ порицать, все то, что

[1]) См. т. I, стр. 26.

роялистъ должень отвергать, все то, чего гнушается якобинецъ. И вотъ у него остается одно средство для удержанія власти,—это его шпага,—и онъ можетъ укрѣпить эту власть только завоеваніемъ и славой". Словомъ, министръ не вѣрилъ искренности мирныхъ предложеній и, по своему обыкновенію, онъ подкрѣплялъ латинскими цитатами свое недовѣріе къ этому непрочному, опасному (infida, periculosa) миру.

Но въ одномъ онъ дѣлалъ уступку: „Если мы увидимъ въ новомъ правительствѣ извѣстную устойчивость, мы не откажемся вести съ нимъ переговоры". Дѣйствительно, при всей воинственности въ настроеніи его прочнаго большинства, съ его стороны было бы безразсудно итти наперекоръ общественному мнѣнію. Многіе думали вмѣстѣ съ Шериданомъ, что Франція кореннымъ образомъ измѣнилась и что безполезно было поднимать обвиненія по поводу бѣдственнаго прошлаго: „Якобинскіе принципы, столь враждебные истинной свободѣ, окончательно умерли не отъ какой-либо посторонней силы, а отъ собственнаго своего яда". Какой толкъ задавать себѣ вопросъ о томъ, кто является зачинщикомъ—республика или монархи? Они повиновались одинаковому побужденію — необходимости уничтожить противную партію. „Изъ этого источника вышли всѣ бѣдствія Европы". Всюду господствовало чрезвычайное безпокойство; оно еще усилилось въ теченіе года вслѣдствіе дурныхъ извѣстій и плохого урожая; все это придавало непреодолимую силу сторонникамъ мира, когда начинался 1801 годъ. Тутъ какъ разъ возникъ серьезный внутренній вопросъ.

Эмансипація католиковъ и отставка Питта.—По мысли министра, „унія" Ирландіи съ Англіей требовала политическаго равенства католиковъ въ обѣихъ странахъ. Справедливость, мудрость, честь одинаково приводили къ такому выводу. Католики не представляли уже незначительнаго меньшинства англійскаго населенія: они представляли четверть населенія Соединеннаго Королевства. А потому ихъ подчиненнымъ положеніемъ замѣтно оскорблялось чувство равенства. Оскорблялось имъ и политическое благоразуміе: развѣ желательно было на другой день послѣ ирландской революціи, поддержанной французами, превратить четвертую часть жителей во враговъ конституціи, почти во враговъ государства? Оскорблялась имъ и честь, такъ какъ лорды Кэстльри и Корнуэльсъ отъ имени правительства обѣщали католическому духовенству эмансипацію и этой цѣной добились отъ многихъ членовъ бывшаго ирландскаго парламента согласія на уничтоженіе автономіи. Министры знали, что имъ придется натолкнуться не только на природное упрямство Георга III, на его страхъ передъ всякими реформами, но и на его щепетильность протестантскаго короля, который во время своего коронованія давалъ присягу поддерживать государственную религію. Вотъ почему они рѣшили зрѣло обдумать этотъ вопросъ промежду себя и добиться санкціи въ послѣдній моментъ, когда уже нельзя будетъ отказать въ ней. Къ несчастью, канцлеръ Лёфбёро сообщилъ объ этомъ королю, потому ли, что былъ искреннимъ противникомъ этой мѣры, задуманной его товарищами по кабинету, или, можетъ быть, изъ зависти къ Питту и изъ желанія занять его мѣсто во главѣ правительства.

Въ третій разъ у стараго короля помутился разсудокъ. Онъ обнаружилъ большое хладнокровіе, когда унтеръ-офицеръ Хэтфильдъ выстрѣлилъ въ него въ театрѣ и когда вигскій ораторъ Шериданъ въ порывѣ вѣрноподданническаго энтузіазма сочинилъ тутъ же на мѣстѣ дополнительныя строфы къ гимну *God save the King.* Но онъ остался раздражительнымъ и безпокойнымъ. Воображая, что

имѣетъ дѣло съ заговоромъ противъ своей совѣсти, онъ воскликнулъ, что всегда будетъ считать личнымъ своимъ врагомъ всякаго сторонника католической эмансипаціи. Испугавшись припадка, который, несмотря на всѣ уступки, долженъ былъ повести за собой безуміе на нѣсколько недѣль, Уильямъ Питтъ подалъ въ отставку.

Министерство Аддингтона.—Кому же достанется это страшное наслѣдство? Питтъ считалъ возможнымъ лишь одного кандидата, именно одного изъ своихъ друзей дѣтства, личнаго друга короля, давно уже состоявшаго, благодаря этому двойному покровительству, въ званіи *спикера* палаты общинъ. Несмотря на выдающееся положеніе, постоянно занимаемое имъ въ теченіе тридцати лѣтъ, будущій лордъ Сидмутъ былъ не болѣе того, что называется „полезностью". Можетъ быть, при наличныхъ обстоятельствахъ требовались именно такого рода среднія достоинства: въ отставку выходило такое сильное министерство, какъ министерство Питта, король былъ боленъ, католическое меньшинство обмануто въ своихъ ожиданіяхъ, оппозиція имѣла такого вождя, какъ Фоксъ, переговоры приходилось вести съ такимъ побѣдоноснымъ противникомъ, какъ Бонапартъ. Фактъ тотъ, что это министерство, считавшееся временной затычкой, пригодной на нѣсколько мѣсяцевъ, продержалось три года. Нѣсколько безцвѣтное, какъ и его глава, министерство это удержало нѣкоторыхъ статистовъ изъ предыдущаго кабинета, и Шериданъ съ немного грубоватымъ юморомъ припоминалъ то дѣйствующее лицо изъ басни, которое такъ долго сидѣло на одной скамьѣ (при этомъ насмѣшливый взглядъ Шеридана со скамьи Казначейства переходилъ на бывшаго премьера, сидѣвшаго невдалекѣ), что, поднявшись съ нея, оставило за собой свой кузовъ. Впрочемъ, была тутъ одна любопытная новая фигура — канцлеръ, лордъ Эльдонъ: ибо Лёфбёро своимъ образомъ дѣйствій внушилъ королю одно отвращеніе, и тотъ уволилъ его, наградивъ графскимъ титуломъ. Подъ первоначальнымъ своимъ именемъ Скотта его преемникъ, подобно своему предшественнику, отличился своими политическими происками. Подъ новымъ именемъ лорда Эльдона онъ возобновилъ свою безконечную карьеру: въ лицѣ его, вмѣстѣ съ министромъ юстиціи Элленбёро, въ высшихъ должностяхъ болѣе, чѣмъ когда-либо, воцарился самый крайній и узкій консерватизмъ. Что касается до короля, то онъ, оправившись на нѣсколько лѣтъ отъ своихъ ужасныхъ припадковъ, временно чувствовалъ себя даже счастливымъ. Министерство Аддингтона напомнило ему министерство Норта, „министерство короля". Онъ и вернулся теперь къ своему тогдашнему языку и, по крайней мѣрѣ, къ призраку личной власти, иногда принимавшему форму настоящей власти.

Партіи и Амьенскій миръ. — Отставка Питта не была вызвана необходимостью заключить миръ, но эта отставка облегчила заключеніе мира. Во всякомъ случаѣ не сразу: какъ разъ во время образованія новаго министерства Англія въ первый разъ бомбардировала Копенгагенъ, чтобы сломить союзъ нейтральныхъ державъ, и какъ разъ при новомъ министерствѣ она добилась со стороны новаго царя Александра I его согласія на осмотръ нейтральныхъ судовъ. Тѣмъ же самымъ договоромъ гавани сѣверныхъ странъ открывались для произведеній британской промышленности. Такимъ образомъ, экономическіе интересы ни на минуту не были оставлены въ пренебреженіи; при необходимости они даже очень энергично поддерживались силой. Какъ бы то ни было, Аддингтонъ и король видѣли въ первомъ консулѣ побѣдителя якобинизма, возстановителя алтарей, и, при всемъ своемъ предубѣжденіи противъ католицизма, они были благодарны

ему за то, что онъ вмѣстѣ съ порядкомъ возстановилъ и религію. До извѣстной степени на эту точку зрѣнія становился и Питтъ, когда онъ одновременно оправдывалъ и затѣянную имъ самимъ войну, и миръ, который заключали его преемники: „Намъ удалось, по крайней мѣрѣ, укротить революціонную лихорадку и уничтожить надежды якобинской партіи, разрушительная система которой пала сама собой, благодаря установленію военнаго деспотизма“. Впрочемъ, великій государственный человѣкъ, усталый, больной и стѣсненный своимъ парламентскимъ положеніемъ, которое вынуждало его подавать голосъ вмѣстѣ съ партіей Фокса за Аддингтона, оставался въ деревнѣ и лишь изрѣдка принималъ участіе въ парламентскихъ преніяхъ. Бывшіе его товарищи — Гренвиль, Дёндасъ, Уиндгемъ, являлись въ обѣихъ палатахъ представителями его прежней политики, которую самъ онъ оставлялъ въ покоѣ, выжидая событій. Противъ Уиндгема и былъ, главнымъ образомъ, направленъ гнѣвъ *Монитера* и перваго консула, по мнѣнію котораго именно Уиндгемъ являлся главнымъ препятствіемъ къ успѣху предварительныхъ переговоровъ. Что касается Шеридана, то у него была своя особая манера совмѣстно прохватывать Бонапарта и Питта въ однѣхъ и тѣхъ же саркастическихъ выходкахъ, гдѣ шутовство соединялось съ громовымъ краснорѣчіемъ: „Ну, что жъ, пусть у Франціи будутъ колоніи и пусть хорошая торговля превратитъ Бонапарта въ сторонника мира! Мужчина онъ основательный, военная косточка; посадите-ка его за конторку, увидите, какъ онъ перемѣнится. Такъ пусть же лондонскіе купцы соберутъ по подпискѣ капиталецъ и поднесутъ его первому консулу—на открытіе лавочки. Стойте! говорятъ, собираются воздвигнуть за большія деньги статую достопочтенному джентльмену, котораго я вижу передъ собой (Питтъ). Пошлите-ка лучше эти денежки первому консулу... А если достопочтенный *джентльменъ* подыскиваетъ площадь или скверъ для водруженія означеннаго монумента, я рекомендую ему Англійскій банкъ. А изъ какого матеріала сдѣлать статую, — объ этомъ стоитъ поговорить. Золото? Нѣтъ, только не изъ золота! Для этого онъ недостаточно намъ его оставилъ. Возьмемъ-ка лучше папье-маше да старыя кредитки“. Когда всѣ недоразумѣнія закончились, когда адъютантъ Бонапарта привезъ въ Лондонъ желанный документъ (октябрь 1801 года), народъ въ энтузіазмѣ отпрягъ его лошадей и на себѣ повезъ его въ министерство. Иллюминація и всяческія выраженія народной радости превзошли все видѣнное до сихъ поръ. Памфлетистъ Коббетъ, вернувшійся изъ Америки и состоявшій въ это время въ дружбѣ съ Уиндгемомъ, писалъ противъ мира и въ знакъ протеста заперъ у себя окна и дверь,—народъ выбилъ ихъ. По поводу этихъ именно переговоровъ Георгъ III измѣнилъ свой гербъ, изъ котораго исчезли теперь цвѣты лиліи, ибо титулъ короля Франціи, который носилъ до тѣхъ поръ англійскій король, являлся теперь не только смѣшнымъ археологическимъ пережиткомъ: онъ становился прямо безсмысленнымъ съ того момента, какъ было признано, что королевства Франціи болѣе не существуетъ. Послѣ новыхъ обсужденій договоръ былъ подписанъ 25 марта 1802 года, но дальновидные умы не считали его прочнымъ.

Экономическія затрудненія.—Въ теченіе короткаго мирнаго періода тучи собирались съ двухъ сторонъ, заставляя предвидѣть приближеніе грозы: недоволенъ былъ англійскій торговый классъ, жаловался и первый консулъ. Народъ правильно предвидѣлъ, что хлѣбъ подешевѣетъ: вслѣдствіе привоза иноземнаго хлѣба цѣны рѣзко понизились. Мануфактуристы разсчитывали на широкій сбытъ, крупные коммерсанты—на значительное расширеніе торговли; тѣ и другіе осно-

вывали свои чаянія на воспоминаніяхъ о договорѣ 1786 года и о послѣдующихъ шести мирныхъ годахъ. А первый консулъ ненавидѣлъ этотъ торговый договоръ и слышать не хотѣлъ о его возстановленіи. Агенту, отправленному имъ въ Лондонъ для заключенія совершенно новаго договора, поставлены были невыполнимыя условія. И вотъ многочисленныя суда, явившіяся во французскія гавани съ грузомъ англійскихъ произведеній, вынуждены были удалиться подъ вліяніемъ протекціонныхъ или запретительныхъ таможенныхъ требованій и вернулись въ Лондонъ, вызвавъ этимъ загроможденіе рынка и недовольство. Королевскіе матросы, которыхъ было слишкомъ много вслѣдствіе сокращенія кадровъ, не нашли себѣ работы на коммерческихъ судахъ, какъ они разсчитывали; побираясь бродили они по берегамъ Темзы. Манчестерскіе и бирмингемскіе мануфактуристы безъ сомнѣнія нѣсколько поправили свои дѣла, благодаря контрабандѣ, которая дала работу также и нѣкоторой части незанятыхъ моряковъ. Но крупная торговля не имѣла даже и этого скуднаго утѣщенія и выказывала поэтому полное свое недовольство, въ то время какъ бѣднота, наоборотъ, была чрезвычайно довольна. Контрабанда обходилась безъ услугъ крупной торговли; огромные барыши военнаго времени, достававшіеся отъ захватовъ и займовъ, сразу прекратились. Итакъ, торговля требовала войны, и крупныя газеты, вдохновляемыя ею, крикливо требовали разрыва.

Юридическія затрудненія: процессъ Пельтье.—Изданія эмигрантовъ съ еще большею рѣзкостью пѣли въ унисонъ съ англійскими періодическими изданіями. Бонапартъ очень жаловался на тѣ и на другія. На эти жалобы противъ британскихъ газетъ кабинетъ отвѣчалъ, что эти крайности объясняются и покрываются свободой печати, что прежде всего имъ подвержены и мирятся съ ними сами министры. Но кабинету нечего было отвѣтить, когда первый консулъ указывалъ на эмигрантовъ, на заговоры Кадудаля, на памфлеты Пельтье, который нападалъ безъ всякой мѣры на Бонапарта и его семью. *Билль о чужестранцахъ* (Alien bill), говорило французское правительство, даетъ въ руки Аддингтону всѣ необходимыя для подавленія подобныхъ злоупотребленій средства. Наконецъ, хоть и поздно, противъ Пельтье начато было преслѣдованіе. Защищалъ его Мэкинтошъ, хотя онъ и не раздѣлялъ теперь мыслей, выраженныхъ въ его *Галльскихъ притязаніяхъ;* крайности революціи подѣйствовали на него такъ же, какъ и на многихъ другихъ. Своимъ краснорѣчіемъ онъ защищалъ свободу прессы, поскольку она связана съ дѣломъ національной независимости. Разъ маленькія государства—Женева, Голландія — перестали существовать, Англія осталась единственнымъ убѣжищемъ для искренняго пера: „Если англійская пресса должна пасть, она падетъ только подъ развалинами Британской имперіи. Передовые стражи свободы, вы боретесь сегодня за право свободнаго обсужденія противъ ужаснѣйшаго врага, какого когда-либо оно встрѣчало". *Генералъ-атторней* произнесъ приличную и безпристрастную рѣчь о памфлетистѣ, который безъ всякой разборчивости призывалъ къ убійству перваго консула: „Вердиктъ вашъ долженъ заклеймить всякій планъ убійства. Онъ укрѣпитъ отношенія, которыми интересы этой страны связаны съ интересами Франціи". Все это было слишкомъ поздно: присяжные объявили Пельтье виновнымъ, но это не имѣло послѣдствій, такъ какъ война уже началась.

Фоксъ и нарушеніе мира.—Послѣ весеннихъ выборовъ 1802 года, довольно благопріятныхъ для виговъ, Фоксъ, самъ выбранный въ парламентъ, совершилъ путешествіе во Францію. Онъ не разъ принятъ былъ первымъ консуломъ вмѣстѣ

съ Эрскиномъ, который озадаченъ былъ тѣмъ, что великій человѣкъ столько же игнорируетъ его, сколько относится предупредительно къ его спутнику. Питая отвращеніе къ правительству своей страны и польщенный одобреніями со стороны французовъ, Фоксъ при соприкосновеніи съ Бонапартомъ тѣмъ не менѣе почувствовалъ оживленіе своего патріотизма. Когда ему довольно безтактно показали на глобусѣ, какъ мало мѣста занимаетъ Англія, онъ сказалъ: „Да, но своими судами она охватываетъ весь міръ". Широкимъ жестомъ онъ пояснилъ свою мысль.

Вернувшись на родину, Фоксъ колебался между своимъ неуваженіемъ къ министерству, своимъ безпокойствомъ за будущее конституціи, которой еще разъ угрожали королевскія притязанія, и страхомъ передъ ужасной войной, которая разразилась бы немедленно вслѣдъ за образованіемъ новаго министерства. Онъ предпочелъ дѣло мира, даже если бы онъ былъ представленъ посредственнымъ тори, и когда съ ноября 1802 года гельветійскій вопросъ заставилъ опасаться разрыва, онъ краснорѣчиво обличилъ коммерческія вожделѣнія, прикрытыя маской патріотизма: „Я увѣренъ, что англійское производство одержитъ верхъ, когда разгорится борьба между нимъ и французскимъ производствомъ. Дайте же имъ испробовать свои силы, но пусть мѣстомъ состязанія будутъ Манчестеръ, С.-Кантэнъ... Часть нашей торговли страдаетъ,—это возможно; но вѣдь это случалось во всѣ времена... Отрасли промышленности, развившіяся благодаря войнѣ, должны съ водвореніемъ мира снова сократиться. Что же съ этимъ подѣлать? Должны ли мы проливать кровь англійскаго народа для удовлетворенія грубой страсти нѣсколькихъ купцовъ, алчущихъ золота?" Разрывъ былъ отсроченъ. Министерство Аддингтона честно приводило въ порядокъ финансы мирнаго времени, отмѣняя подоходный налогъ *(income-tax)*, устраивало армію мирнаго состава, уменьшая контингенты, возвращалось къ мирному режиму, возстановляя гарантіи личной свободы, кстати укрывъ путемъ особаго билля отъ всякихъ преслѣдованій всѣхъ своихъ агентовъ, замѣшанныхъ въ репрессивныхъ мѣропріятіяхъ.

Тѣмъ временемъ гнѣвъ Бонапарта по поводу захвата Мальты, его оскорбительныя слова насчетъ безсилія Англіи въ одиночной борьбѣ оживили воинственный патріотизмъ англичанъ и заставили ихъ закрыть глаза на собственные свои грѣхи, по крайней мѣрѣ столько же тяжкіе. Во время этого дипломатическаго кризиса (февраль—мартъ 1803 года) сдѣлана была попытка устроить сближеніе между Питтомъ и Аддингтономъ. Изъ этого ничего не вышло, такъ какъ каждый хотѣлъ остаться господиномъ положенія и превратить другого въ подчиненнаго своего товарища. Питтъ настойчиво поддерживалъ возобновленіе враждебныхъ дѣйствій, Фоксъ дѣятельно выступалъ противъ этого, не дѣлая себѣ, впрочемъ, никакихъ иллюзій на этотъ счетъ. Рядомъ съ этими великими рѣчами рѣчь министра производила жалкое впечатлѣніе, но король удерживалъ его на мѣстѣ, несмотря на измѣненіе общей политики, которое, очевидно, требовало новаго кабинета. Арестъ около 10.000 англичанъ, путешествовавшихъ по Франціи, придалъ открытію враждебныхъ дѣйствій характеръ неизбѣжности и сильнѣйшимъ образомъ возбудилъ британскую злобу, на этотъ разъ вполнѣ основательную.

Отставка Аддингтона; новое министерство Питта. — Послѣдній годъ министерства, со времени отозванія посла лорда Уитворса въ маѣ 1803 года до его отставки въ маѣ 1804 года, былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ въ парламентской лѣтописи. При всякой возможности публика или ораторы открыто или намеками обвиняли его въ неспособности, въ посред-

ственности. Съ двухъ различныхъ сторонъ падали на него удары оппозиціи, и когда Питтъ снисходилъ до защиты его отъ этой оппозиціи, онъ выполнялъ этимъ роль веревки, поддерживающей повѣшеннаго. Оппозиція группы Гренвилля упрекала кабинетъ за то, что онъ недостаточно основательно обезпечилъ защиту страны отъ попытокъ нашествія. Ораторъ этой партіи въ палатѣ общинъ, Уиндгемъ, наиболѣе рѣзкій анти-бонапартистъ Англіи, хотѣлъ бы по примѣру Франціи многочисленной арміи, массоваго рекрутскаго набора, потому что, по его словамъ, „только алмазомъ можно рѣзать алмазъ". Пришлось вступиться Питту, чтобы ограничить этотъ проектъ разумными предѣлами, а именно, резервной арміей, въ качествѣ поддержки для линейныхъ войскъ, и затѣмъ призывомъ добровольцевъ. Аддингтонъ по мѣрѣ своихъ силъ дѣлалъ эти приготовленія такъ же, какъ онъ по мѣрѣ силъ старался укрѣплять берега. Самъ онъ, по примѣру Питта и другихъ лицъ, облачился въ мундиръ милиціоннаго офицера. Оппозиція Фокса, утратившая надежду на сохраненіе мира, не имѣла больше никакихъ основаній поддерживать министерство, противившееся равноправности католиковъ съ такимъ же упрямствомъ, какъ и король. На этой послѣдней почвѣ втихомолку и подготовлялась коалиція обѣихъ оппозицій, впрочемъ уже объединенныхъ общимъ презрѣніемъ къ кабинету. Каннингъ, владѣвшій перомъ лучше другихъ ближайшихъ сторонниковъ Питта, въ прозѣ и стихахъ изобличалъ посредственность правительства. Послѣднее чувствовало остроту этихъ нападокъ и постаралось отдѣлить отъ вигской партіи двухъ наиболѣе ядовитыхъ ораторовъ—Тирни, назначеннаго морскимъ министромъ, и Шеридана. Нѣсколько позднѣе (мартъ 1805 года) Шериданъ разъяснитъ эту перемѣну фронта, обвиняя Питта въ измѣнѣ Аддингтону и говоря о послѣднемъ въ такихъ выраженіяхъ: „Я поддерживалъ его, потому что считалъ его пребываніе у власти гарантіей противъ возвращенія достопочтеннѣйшаго *джентльмена*, сидящаго предо мной (Питтъ),—возвращенія, которое я всегда считалъ величайшимъ національнымъ бѣдствіемъ". Въ теченіе сессіи 1804 года недоброжелательство Питта выразилось въ цѣломъ рядѣ голосованій, которыя давали министерству Аддингтона все падавшее большинство, доходившее почти до меньшинства, и вынудили его подать въ отставку.

Кто могъ смѣнить его? Безъ всякаго сомнѣнія—Питтъ. Но путемъ какой комбинаціи? По мнѣнію Гренвилля, получившему значительное распространеніе, слѣдовало противопоставить внѣшней опасности правительство, не связанное никакими партійными правилами, и объединяющее въ себѣ всѣхъ способныхъ людей; идея эта нѣсколько позднѣе осуществлена была въ „министерствѣ всѣхъ талантовъ". Таково же было и мнѣніе Питта; но онъ еще разъ натолкнулся на упрямство и злопамятство короля. Георгъ III рѣшительно воспротивился вступленію въ министерство Фокса, а такъ какъ безъ послѣдняго отказывался принять участіе и Гренвилль, Питту пришлось, ставъ во главѣ правительства, продолжать почти что министерство Аддингтона, но безъ Аддингтона. Мало того, нѣсколько времени спустя онъ почувствовалъ себя настолько слабымъ передъ сплотившейся противъ него оппозиціей, что долженъ былъ для собственной поддержки униз иться до приглашенія въ составъ кабинета своего предшественника, Аддингтона, сдѣлавшагося лордомъ Сидмутомъ.

Управленіе и процессъ лорда Мельвилля (1805). — Между этими двумя государственными людьми вскорѣ вспыхнулъ раздоръ по поводу одного изъ ихъ товарищей. Единственнымъ значительнымъ министромъ, котораго Питтъ пригласилъ

изъ прежняго своего кабинета, былъ Дендасъ, ставшій теперь лордомъ Мельвиллемъ. За годъ его управленія адмиралтействомъ твердая рука его дала себя знать удивительными результатами. Ему приходится приписать въ значительной степени успѣхъ послѣдней кампаніи Нельсона. Къ несчастью, у него было множество враговъ, которые ненавидѣли его не только за неразлучную дружбу съ великимъ вождемъ, но и за его характеръ и за шотландское происхожденіе. Журналы стали обличать взяточничество въ морскомъ вѣдомствѣ. Рапортъ комиссара, облеченнаго разслѣдованіемъ, достойнымъ образомъ оцѣнилъ преувеличенныя заявленія, сдѣланныя въ первый моментъ, но все-таки призналъ двѣ крупныхъ неправильности: противозаконное помѣщеніе имѣвшихся въ распоряженіи министра фондовъ, совершонное чиновникомъ, за которымъ лордъ Мельвилль плохо смотрѣлъ, и отсутствіе оправдательныхъ документовъ по израсходованію нѣкоторой суммы самимъ министромъ. Въ сущности, мало кто считалъ Дендаса безчестнымъ; затѣянный противъ него процессъ носилъ скорѣе политическій, чѣмъ юридическій характеръ. Какъ многіе отличные и энергичные администраторы, онъ отличался бережнымъ отношеніемъ къ финансамъ. Исторія можетъ вѣрить его слову, когда онъ заявилъ, что не можетъ открыть тайны необъясненнаго расхода; она должна порицать Фокса за ту суровость, которую онъ внесъ въ это дѣло, но она можетъ понять также и вотумъ осужденія, предложенный Уитбредомъ. Пренія по этому поводу отмѣчены тягостными инцидентами. Уильберфорсъ, избѣгая умоляющаго взгляда своего друга Питта, высказался во всеоружіи своего огромнаго нравственнаго авторитета за осужденіе. *Спикеръ* очутился лицомъ къ лицу съ собраніемъ, раздѣлившимся ровно на двѣ части, такъ что ему собственнолично пришлось высказаться о судьбѣ обвиняемаго. Преемникъ Аддингтона по предсѣдательскому мѣсту, Абботъ (впослѣдствіи лордъ Кольстеръ), занимавшій этотъ постъ съ 1802 по 1817 годъ, задумался и потомъ, послѣ паузы, одинаково тягостной и для него и для всѣхъ присутствующихъ, блѣдный, какъ полотно, осудилъ поведеніе министра. Это было только политическое порицаніе, но серьезное, ибо оно вело за собой судебное преслѣдованіе передъ палатой лордовъ, при чемъ обвиненіе долженъ былъ поддерживать Уитбредъ. Собственно процессъ закончится въ слѣдующемъ году оправданіемъ, но Питта уже не будетъ въ живыхъ послѣ этой частичной реабилитаціи. Парламентскаго осужденія было достаточно для того, чтобы лордъ Мельвилль пересталъ быть министромъ. Его враги потребовали также, чтобы онъ вычеркнутъ былъ изъ списка Тайнаго совѣта, и онъ самъ уговорилъ перваго министра уступить этому требованію. Тогда-то подъ надвинутой на лобъ шляпой пролились знаменитыя слезы Уильяма Питта.

Онъ отомстилъ лорду Сидмуту за своего стараго товарища. Бывшій министръ Аддингтонъ имѣлъ на Аббота достаточно вліянія, и знаменитое рѣшеніе приписывалось именно ему. Самъ онъ проявилъ много вражды противъ лорда Мельвилля. Старый король, не одобряя на этотъ разъ поступка своего личнаго друга, не сталъ его удерживать. Почти слѣпой, лишаясь временами разсудка, Георгъ III сохранилъ у власти своего больного, почти умирающаго великаго министра.

Уныніе и смерть Питта. — Большинство новостей, приходившихъ въ послѣдніе мѣсяцы 1805 года, были не таковы, чтобы способствовать его выздоровленію. Ульмская капитуляція нанесла ему ударъ, котораго не могла смягчить даже Трафальгарская побѣда, къ тому же омраченная смертью Нельсона. Впрочемъ, еще одинъ послѣдній разъ онъ насладился своею

популярностью, когда толпа впряглась въ его экипажъ и повезла его на банкетъ въ Сити. Когда пили за спасителя Англіи и Европы, онъ удачно и скромно отвѣтилъ: „Англія спаслась своими собственными усиліями, а Европа спасется примѣромъ Англіи". Фраза эта была подхвачена молодымъ генераломъ, вернувшимся изъ Индіи, Артуромъ Уэлсли, будущимъ герцогомъ Уэллингтономъ. Самъ онъ и старшій его братъ маркизъ Уэлсли, который только что такъ умѣло управлялъ британской Индіей, скрашивали своимъ разговоромъ послѣдніе дни Питта, который въ своей прозорливой ненависти, можетъ быть, угадывалъ въ нихъ своихъ мстителей. Дѣйствительно, пришло извѣстіе объ Аустерлицѣ, показывавшее ему, что если море оставалось цѣлымъ, зато материкъ погибъ. „Сверните-ка эту карту Европы,—говорилъ онъ, указывая на стѣну:—она не понадобится больше въ теченіе десяти лѣтъ". До послѣдняго своего часа Питтъ сохранилъ тотъ унылый видъ, который Уильберфорсъ называлъ „взглядомъ Аустерлица". Онъ угасъ 23 января 1806 года, полный безпокойства за свою страну, каковы бы ни были на дѣлѣ послѣднія его слова въ бреду—предметъ безполезныхъ споровъ. Вражда Фокса унималась: *mentem mortalia tangunt*, говорилъ онъ, любя подобно своему сопернику латинскія цитаты. Министръ, такъ жестоко покинутый всѣми со времени своего возвращенія къ дѣламъ, умирая примирился съ народомъ, которому онъ сдѣлалъ столько добра и столько зла. Стоитъ сравнить двѣ статуи, нарисованныя каррикатуристами—одну въ 1799, другую въ 1806 году. Пьедесталъ первой сдѣланъ изъ отесанныхъ камней съ надписями: „Всякіе налоги, займы, истребительная война". Пьедесталъ второй украшенъ слѣдующею двойной надписью: „Честность.—Онъ жилъ не для себя, а для своего отечества".

„Министерство всѣхъ талантовъ".—Трудно было принять наслѣдство Питта: ни его товарищъ лордъ Гоуксбюри, ни лордъ Сидмутъ не считали для себя возможнымъ рѣшиться на это. Одно время думали о маркизѣ Уэлсли: за него говорили выдающіяся способности, большія услуги, оказанныя во время его управленія Индіей; но тяжелыя обвиненія, навлеченная имъ на себя необходимость оправдаться дѣлали его невозможнымъ въ качествѣ перваго министра. Тотъ же Уэлсли въ слѣдующихъ чертахъ набрасывалъ программу будущаго кабинета: противъ угрожающихъ намъ опасностей нужно объединеніе самыхъ испытанныхъ талантовъ. Георгъ III понялъ необходимость подавленія своихъ личныхъ чувствъ. Положеніе требовало блестящаго имени, и къ кому же было обратиться, какъ не къ Фоксу? Когда вызванный королемъ лордъ Гренвилль предложилъ королю это имя, всегда устраняемое до этихъ поръ, онъ получилъ неожиданный отвѣтъ: „Я именно объ этомъ и думалъ, даже хотѣлъ этого". И вотъ Фоксъ взялъ въ свои руки трудное министерство иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ лидерствомъ въ палатѣ общинъ. Другой крупный вождь виговъ, Грей (въ это время лордъ Гауикъ)—морское министерство; знаменитый адвокатъ Эрскинъ сдѣлался лордомъ-канцлеромъ, лордъ Фитцуильямъ—президентомъ Тайнаго совѣта, Уиндгемъ—министромъ военнымъ и колоніальнымъ. Все это были виги, вѣрные или нерѣшительные; составляя большинство, они способствовали тому, что это министерство получило въ исторіи названіе вигскаго. Но они были вигами въ очень различной степени и, кромѣ того, они были не одни. Первый лордъ казначейства Гренвилль, подобно своему отцу, всегда былъ только гренвиллистомъ, котораго невозможно причислить къ опредѣленной партіи. Представителями чистаго торизма были: лордъ-канцлеръ Эл-

ленборо, попавшій въ министерство мало конституціоннымъ способомъ, лордъ Сидмутъ, котораго и на этотъ разъ нельзя было обойти, благодаря его дружбѣ съ королемъ и пятидесяти голосамъ, которыми онъ располагалъ. Двухъ послѣднихъ лицъ сравнивали со старымъ управляющимъ и его догомъ, назначенными смотрѣть за новыми слугами.

Колебанія и смерть Фокса (1806).—Это выдающееся, несмотря на все, министерство, можетъ быть измѣнило бы судьбы Европы, если бы оно удержалось у власти. Но развѣ животное о двухъ головахъ живуче? Насчетъ войны Фоксъ и Гренвилль являлись представителями совсѣмъ не одной и той же политики; патріоты считали Гренвилля настоящимъ преемникомъ Питта. Отсюда возникли передряги и безплодные переговоры. Вопросомъ, который объединилъ ихъ и привелъ вмѣстѣ ко власти, былъ вопросъ объ эмансипаціи католиковъ. А что же могли они сдѣлать съ упрямствомъ короля? Самое большее оставить въ покоѣ это опасное дѣло. Другимъ камнемъ преткновенія являлись обвиненія противъ маркиза Уэлсли, которыя грозили министерству индійскимъ процессомъ, чуть ли не столь же непріятнымъ, какъ процессъ Гастинкса. Ораторъ Фоксъ сталъ бы поддерживать обвиненіе; Фоксъ министръ потушилъ его. Его упрекали за эту двойственность въ поведеніи, которая объясняется отчасти складомъ его ума, болѣе живого, чѣмъ основательнаго, болѣе блестящаго, чѣмъ практическаго, и мало пригоднаго для управленія; отчасти также и обстоятельствами. Къ тому же онъ былъ боленъ, и его кратковременное министерство не успѣло показать себя во весь ростъ. Тѣмъ не менѣе не надо забывать того участія, какое оно приняло въ подавленіи торговли неграми. Это завѣщаніе Уильяма Питта, эта цѣль всей жизни Уильберфорса, является главнымъ дѣломъ (1807 года) „министерства всѣхъ талантовъ", какъ его называло высшее общество, этихъ „толстозадыхъ" (broad bottoms), какъ непочтительно выражались о нихъ каррикатуры и простонародье. Фоксъ скончался въ сентябрѣ, исполненный довольно воинственныхъ патріотическихъ помысловъ, скончался какъ разъ во время, чтобы избѣжать извѣстія о Іенѣ, которое причинило бы ему столько же горя, какъ вѣсть объ Аустерлицѣ его великому сопернику.

Военные изъ католиковъ и паденіе Гренвилля.—Современныя извѣстія передаютъ различно о томъ, какъ отнесся король къ извѣстію о смерти своего краснорѣчиваго министра; по словамъ однихъ—нескрываемая радость; по словамъ другихъ—почтительная скорбь. Во всякомъ случаѣ онъ принялъ предложенныя Гренвиллемъ измѣненія, которыя нисколько не измѣняли характера кабинета: первый министръ взялъ себѣ портфель Грея, который, въ свою очередь, замѣнилъ умершаго ихъ товарища; новымъ лицомъ явился лордъ Холландъ, племянникъ Фокса. Соотношеніе партій осталось то же самое, только направленіе сдѣлалось нѣсколько болѣе воинственнымъ: это настроеніе окрѣпло благодаря выборамъ въ октябрѣ. Новый парламентъ высказался за болѣе энергичное продолженіе войны и не безъ благосклонности на этотъ счетъ выслушивалъ краснорѣчивыя сѣтованія Каннинга, — „таланта", неблагоразумно оставленнаго въ сторонѣ. Все это не могло ослабить Гренвилля, личная политика котораго отвѣчала этой программѣ. Казалось даже, что положеніе его очень прочно, какъ вдругъ одно недоразумѣніе, военное и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозное, рѣзко опрокинуло его и притомъ весьма неконституціоннымъ способомъ. Онъ считалъ справедливымъ, чтобы армія, втянутая въ ужасную борьбу, избавлена была отъ какихъ бы то ни было вѣроисповѣдныхъ ограниченій, чтобы въ этой арміи, наполненной ирландцами, католикъ

въ состояніи былъ подняться до всѣхъ ступеней. Георгъ III, казалось, понялъ эту столь разумную мѣру, но вдругъ отказалъ въ своемъ согласіи. Онъ не удовольствовался даже молчаніемъ Гренвилля по этому вопросу; онъ потребовалъ отъ него обѣщанія не предлагать ему больше никакихъ уступокъ въ пользу католиковъ. Министры съ достоинствомъ отказались отъ этого требованія и сдѣлали ошибку, уйдя въ отставку (мартъ 1807 года). Шериданъ сказалъ по этому поводу: „Бывали случаи, что люди разбивали себѣ голову объ стѣну, но никто еще не видѣлъ людей, которые бы выстроили себѣ нарочно стѣну, чтобы разбиться объ нее". Около половины палаты вотировало нѣчто въ родѣ порицанія королевскому поведенію. Но это некорректное поведеніе пользовалось популярностью: это обнаружится вскорѣ, когда новые министры распустятъ это собраніе, такъ недавно созванное. Подъ крики Персиваля: „долой папистовъ", избиратели отправятъ въ Вестминстеръ большинство, озлобленное противъ католиковъ, мира и реформъ.

II. — Непримиримые тори у власти.

Кабинетъ Портлэнда (1807 — 1809).— Министерство, вышедшее изъ этого скорѣе королевскаго, чѣмъ парламентскаго кризиса, послѣдняго усилія воли Георга III, имѣло по своему личному составу и по своей программѣ вполнѣ опредѣленное значеніе: оно знаменовало собою на нѣкоторое время рѣшительную побѣду упорнаго торизма. И все-таки ему не хватало единства направленія: товарищи Питта безъ Питта—это все равно, что тѣло безъ головы. Такъ какъ они были плохо организованы еще при жизни великаго вождя и не предвидѣли съ того времени скораго паденія „талантовъ", то возвращеніе къ власти застигло ихъ врасплохъ. За неимѣніемъ настоящаго направленія, они въ качествѣ этикетки выставили стараго герцога Портлэнда, который служилъ какъ бы гарантіей въ относительной умѣренности. Зато его товарищи нисколько не были умѣренными: Персиваль, лордъ Гоуксбюри, лордъ Эльдонъ, Каннингъ, лордъ Кэстльри. Канцлеръ казначейства Спенсеръ Персиваль, ловкій адвокатъ знатнаго происхожденія, рѣшительно высказался противъ политическаго равноправія католиковъ, оскорбительнаго для его вѣрованій, но главнымъ образомъ угрожающаго, по его мнѣнію, святой и непреложной конституціи. Эльдонъ снова сдѣлался лордомъ-канцлеромъ, на этотъ разъ на цѣлыхъ двадцать лѣтъ,—тоже ученый правовѣдъ, но упрямый противникъ всякой реформы. Лордъ Гоуксбюри, вскорѣ ставшій графомъ Ливерпулемъ, дополнялъ это тріо честныхъ неуступчивыхъ людей. Двумя людьми дѣла, на которыхъ возложена была страшная борьба противъ Наполеона, были Кэстльри и Каннингъ, одинъ—въ военной области, а другой—по иностраннымъ дѣламъ. Оба—ровесники императора и непримиримые его враги. Только эта страсть и связывала ихъ съ тремя столпами, ихъ товарищами, потому что въ остальномъ Каннингъ вовсе не былъ такимъ аристократомъ и неподвижнымъ человѣкомъ, Каннингъ и Кэстльри вовсе не были такими противниками эмансипаціи католиковъ, которую они поддерживали прежде да и впослѣдствіи. Главнымъ фактомъ является слѣдующій: въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ на искусственномъ островѣ у Тильзита заканчиваетъ свое завоеваніе континента, Англія переходитъ въ руки людей, рѣшившихъ никогда не протягивать руки завоевателю, никогда не входить съ нимъ въ соприкосновеніе, кромѣ какъ для того, чтобы задушить его.

Этою ненавистью объясняются дѣйствія, носившія явно насильственный ха-

рактеръ. „Ордонансы Совѣта“, явившіеся отвѣтомъ на берлинскій декретъ, раздражили Соединенные Штаты, сдѣлавъ для ихъ кораблей обязательнымъ заходъ въ гавани Лондона или Мальты прежде посѣщенія ими гаваней, находившихся подъ французскимъ вліяніемъ. Нападеніе на Копенгагенъ возбудило негодованіе честнаго Георга III, который поздравлялъ офицера, посланнаго съ требованіями къ принцу датскому, съ тѣмъ, что онъ засталъ принца въ нижнемъ этажѣ; „ибо,— прибавилъ король,—если бы вы застали его этажомъ выше, онъ ногой спустилъ бы васъ съ лѣстницы“. Это нападеніе вызвало негодованіе даже въ парламентѣ, и для его оправданія Каннингъ находилъ только жалкіе софизмы. Насилія его врага въ Испаніи дали ему возможность оправдать себя. „Министры,—сказалъ онъ,—заявляютъ, что Англія очень расположена помочь Испаніи въ великодушномъ предпріятіи, которое она собирается выполнить“. А вигъ Шериданъ говорилъ: „До сихъ поръ Бонапартъ имѣлъ противъ себя только князей и министровъ; пора показать ему, чего онъ долженъ бояться со стороны націи. Я требую, чтобы Англія пришла на помощь испанскому народу“.

Военные скандалы и разногласія (1809).— Внутренняя политика была весь этотъ годъ въ глубокомъ разстройствѣ благодаря вопросамъ, касавшимся арміи. Подкупы при назначеніи офицеровъ забрызгали грязью даже престолъ; несчастная экспедиція обнаружила недостатки администраціи; диверсія въ Испанію рѣзко оспаривалась многими; и въ результатѣ всѣхъ этихъ жалобъ между двумя самыми способными министрами произошла дуэль, которая устранила ихъ отъ управленія.

Герцогъ іоркскій, второй сынъ короля, былъ главнокомандующимъ британской арміи, несмотря на плохую память, какую онъ оставилъ по себѣ во время войны противъ революціи. У него были довольно продолжительныя отношенія съ нѣкоей мистрисъ Кларкъ, потомъ онъ съ ней разссорился. Одинъ полковникъ, членъ парламента, воспользовался признаніями, сдѣланными этой дамой въ порывѣ гнѣва, и обвинялъ ее въ томъ, что она при содѣйствіи герцога продавала военныя должности. Скандальное слѣдствіе обнаружило, что герцогъ іоркскій допустилъ по меньшей мѣрѣ преступную неосторожность; благодаря, можетъ быть, усиліямъ Персиваля и Каннинга онъ былъ оправданъ, но подалъ въ отставку. Два года спустя онъ снова вступитъ въ отправленіе своихъ высокихъ обязанностей, на этотъ разъ съ талантомъ и съ успѣхомъ. Въ первую минуту впечатлѣніе отъ всего этого на общество и на королевскую семью было болѣе чѣмъ непріятное: если принцъ уэльскій остался нечувствительнымъ, зато королева и принцессы захворали отъ огорченія; что касается стараго короля, то онъ, потрясенный этимъ новымъ ударомъ, при всей своей внѣшней твердости, быстро сталъ приближаться къ окончательной утратѣ разума.

Англичане уже овладѣли большинствомъ французскихъ колоній — Антилльскими островами, Гвіаной, Сенегаліей. Въ 1810 году они захватили островъ Францію (св. Маврикія). 11 апрѣля 1809 года на рейдѣ острова Экса они нападаютъ на французскій флотъ и сжигаютъ 6 кораблей и 2 фрегата. Находившаяся въ то время въ борьбѣ съ Наполеономъ Австрія ждала отъ нихъ рѣшительной диверсіи въ сѣверную Германію, гдѣ она разсчитывала поднять „войну народовъ“. Новое британское министерство не собиралось направлять свои усилія на столь отдаленныя цѣли. Оно составило планъ захватить врасплохъ Антверпенъ[1]) и разрушить портъ, который, по выраженію Наполеона, являлся пистолетомъ, напра-

---

[1]) См. т. I, стр. 108.

вленнымъ прямо въ сердце Англіи, и, пользуясь недовольствомъ голландцевъ, которое раздѣлялъ даже ихъ король Людовикъ Наполеонъ, взбунтовать батавскія провинціи, поднять, можетъ быть, Бельгію и сѣверъ Франціи. Снарядили 40 кораблей, 36 фрегатовъ съ многочисленными транспортами, посадили на нихъ 30.000-й экипажъ и 40.000 солдатъ. Экспедиція высадилась на островѣ Вальхеренъ, захватила портъ Батцъ (3 августа), осадила Флиссингенъ. Въ отсутствіе Наполеона, занятаго австрійской войной, Фуше мобилизовалъ національную гвардію, военный министръ Кларкъ отправилъ жандармерію и резервистовъ. Едва овладѣвъ Флиссингеномъ (6 августа), англичане застали Антверпенъ готовымъ къ оборонѣ; Шельда обставлена была баттареями, 100.000 французовъ, бельгійцевъ и голландцевъ находились подъ ружьемъ. Англичане стали отступать, потерявъ 10.000 человѣкъ въ Вальхеренскихъ болотахъ, бросивъ Флиссингенъ, который былъ покинутъ своимъ гарнизономъ (24 декабря).

Вальхеренское предпріятіе, о которомъ мы не станемъ разсказывать, не удалось въ значительной степени по винѣ Кэстльри, обыкновенно очень хорошаго администратора. Для веденія этого предпріятія онъ сдѣлалъ вслѣдствіе своихъ аристократическихъ симпатій очень посредственный выборъ въ лицѣ лорда Чатама. По недостатку человѣколюбія онъ отнесся небрежно къ санитарнымъ предосторожностямъ, столь необходимымъ при высадкѣ въ нездоровой странѣ. Произведенное по этому поводу слѣдствіе было настолько неблагопріятно для Англіи, что протоколы палаты и спеціальной коммиссіи заполняли собой столбцы французскаго *Монитера* въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1810 года.

Уже послѣдствія этого дѣла расшатали правительство. Два истинныхъ вождя его, воспитанники Питта и участники его управленія, Каннингъ и лордъ Кэстльри, давно уже не любили другъ друга. Аристократъ, производившій на Уильберфорса впечатлѣніе животнаго съ холодною кровью, и живой пылкій сынъ актрисы не могли подходить другъ къ другу. Разногласіе по основнымъ вопросамъ усилило эту антипатію. Оба были различнаго мнѣнія даже насчетъ лучшаго способа вредить Наполеону: Каннингъ настаивалъ на диверсіи въ Испанію, Кэстльри требовалъ большой непосредственной войны. И вотъ этотъ второй способъ потерпѣлъ на берегахъ Шельды самую плачевную неудачу. Разговоры а за ними и проекты обострились: Каннингъ хотѣлъ замѣнить своего соперника старшимъ Уэлсли, который оказалъ бы могущественную поддержку своему брату на Пиренейскомъ полуостровѣ; Кэстльри, оскорбленный тѣмъ, что, не предупредивъ его, вели переговоры объ его удаленіи, вызвалъ на дуэль министра иностранныхъ дѣлъ. Оба вышли въ отставку, чтобы драться на пистолетахъ; серьезныхъ послѣдствій не было, кромѣ одновременнаго ухода обоихъ главарей.

Министерство Персиваля (1809—1812).— Старый герцогъ Портлэндъ пытался путемъ неловкихъ умолчаній помѣшать толкамъ, но этимъ способствовалъ только ихъ распространенію. Огорченный этой дуэлью, которая скандализовала короля, и безъ того уже больной, онъ удалился отъ дѣлъ и вскорѣ умеръ. Въ его лицѣ исчезло полезное подставное имя, и соперничество Персиваля и Каннинга во главѣ торійской партіи предстало безъ всякаго прикрытія. Ни одинъ изъ нихъ не принималъ комбинацій, задуманныхъ другимъ для того, чтобы сдѣлать возможнымъ раздѣлъ министерства между ними; ни одинъ не хотѣлъ служить подъ верховенствомъ другого. Каннингъ, уже скомпрометированный дуэлью, надолго погубилъ себя этимъ отказомъ. Его современ-

никъ Уильберфорсъ и нашъ современникъ Спенсеръ Уальполь соглашаются на томъ, что если бы онъ удовольствовался тогда вторымъ мѣстомъ, онъ занялъ бы въ 1812 году первое; самъ онъ никогда не могъ простить себѣ этого. Лордъ Сидмутъ и другіе не пошли навстрѣчу предложеніямъ Персиваля, который и составилъ себѣ съ трудомъ довольно посредственный кабинетъ. Самымъ выдающимся изъ его товарищей былъ маркизъ Уэлсли, азіатскій самодержецъ, мало пригодный къ парламентской жизни, особенно когда имѣлъ кого-нибудь надъ собой. Два съ половиной года министерства Персиваля были самыми трудными за всю наполеоновскую эпоху: отъ Вѣнскаго мира до похода великой арміи къ Нѣману Англія была совершенно изолирована. За это время мы можемъ лучше всего изучить двойную оппозицію, вигскую и радикальную, такъ же, какъ и денежный и торговый кризисъ, усиленный континентальною блокадою.

Старые и молодые виги.—Долгое господство торизма прервано было лишь на короткое время, но и этого было достаточно для оживленія виговъ. Имъ приходилось скорѣе жалѣть о краснорѣчіи и о великодушіи Фокса, чѣмъ о его компрометирующемъ и неловкомъ управленіи. Дѣйствительно, у нихъ не было вождя въ палатѣ общинъ, такъ какъ графъ Грей сдѣлался пэромъ за смертью своего отца. Шериданъ не могъ занять его мѣста; этого нисколько не скрывали отъ него: онъ начиналъ старѣть. Не только безпорядочная его жизнь, но и нѣкоторая патріотическая независимость, столь же враждебная Наполеону, какъ и торійская, извѣстная непріязнь его по отношенію къ друзьямъ, настолько сильная, что въ 1811 году онъ отсовѣтовалъ принцу-регенту образовать вигское министерство,—всѣ эти причины, хорошія или дурныя, способствовали его обособленію, лишали его популярности. Въ 1812 году онъ утратилъ свое депутатское мѣсто, а слѣдовательно, и парламентскую неприкосновенность, и въ послѣдніе дни онъ сталъ жертвой своихъ кредиторовъ. Такъ печально кончитъ послѣдній представитель величайшаго поколѣнія ораторовъ, какое когда-либо слышалъ британскій парламентъ.

Оставались еще люди моложе Шеридана, но свидѣтели той же эпохи:—Уитбредъ, Тирни и Уиндгемъ, первый со своимъ гуманнымъ либерализмомъ, второй со своимъ страшнымъ сарказмомъ, третій съ знаменитою своею стремительностью, которая обрушивается на виновниковъ Вальхеренскаго предпріятія, но и со своимъ религіознымъ свободомысліемъ, которое дѣлаетъ изъ него полу-вига, какъ и въ его юности. Уиндгемъ вскорѣ умретъ жертвой своей приверженности помогать погорѣльцамъ. Такъ какъ другой полувигъ, Гренвилль, засѣдалъ среди лордовъ, оппозиція въ палатѣ общинъ требуетъ новаго вождя и новыхъ талантовъ. Дѣйствительно, аристократическія привычки виговъ не мирятся съ такимъ *лидеромъ*, какъ Тирни, человѣкъ очень богатый, но сынъ простого купца. А потому лидеромъ сдѣлается Понсонби, изъ богатой ирландской фамиліи. Отмѣтимъ здѣсь огромное значеніе англо-ирландцевъ со времени уніи: они даютъ лондонскому парламенту двухъ партійныхъ вождей, Понсонби и Кэстльри, двухъ величайшихъ ораторовъ партій, Граттана и Каннинга. Можно было сказать по этому поводу: Graecia capta ferum victorem cepit (завоеванная Грецiя завоевала дикаго побѣдителя).

Какъ разъ въ это время маленькая Шотландія, дающая Англіи великихъ писателей, даетъ ей и двухъ талантливыхъ парламентскихъ представителей. Въ самомъ дѣлѣ Хорнеръ и Брумъ были уроженцами Эдинбурга, города, гдѣ они вмѣстѣ съ Жеффреемъ основали въ 1802 году знаменитое *Обозрѣніе*, вліятельный органъ либерализма въ обѣихъ странахъ. Впро-

чемъ, они были совершенно различнаго склада: Хорнеръ—экономистъ, предвѣстникъ свободнаго обмѣна, совѣтникъ по финансовымъ дѣламъ, къ которому очень прислушивались, несмотря на скромное его происхожденіе; Брумъ—образованный адвокатъ, блестящій въ такой мѣрѣ, что возбуждалъ этимъ зависть и затруднялъ начало своей карьеры, но уже нападавшій на рабство, на дурныя мѣропріятія совѣта противъ американской торговли, на скверное обращеніе принца Уэльскаго съ своей женой. Теперь уже онъ заслуживаетъ красивое прозвище (Ривсъ) „поборника всякихъ правъ, мстителя за всѣ несправедливости“.

Наконецъ, сэръ Самуэль Ромильи. Его слава,—она отчасти и слава протестантской Франціи, колыбели его предковъ,—состоитъ въ томъ, что онъ снова ввелъ человѣчность въ англійское уголовное уложеніе. Его пребываніе въ Женевѣ и въ Парижѣ, его продолжительный адвокатскій опытъ, его кратковременный и недавній опытъ прокурора внушили ему ужасъ къ законамъ, назначавшимъ смертную казнь за малѣйшіе проступки. Сдѣлавшись депутатомъ, онъ внесъ билли о реформѣ, которые съ трудомъ приняты были его коллегами и разбились потомъ о сопротивленіе лорда Эльдона. Но Ромильи принимался снова за работу съ неменьшимъ упорствомъ и прорвалъ въ сѣти по крайней мѣрѣ нѣсколько петель, черезъ которыя его реформа пройдетъ послѣ его смерти.

Радикалы: Коббетъ и Бёрдетъ. — Несмотря на наполеоновскую назойливость и на всякія испытанія, какія она налагала, радикализмъ все-таки не исчезъ. Представителями различныхъ степеней его являлись два человѣка, при чемъ, однако, раздѣлявшіе ихъ оттѣнки не могли служить препятствіемъ къ ихъ взаимному соглашенію: фермеръ-памфлетистъ Коббетъ и богатый депутатъ, баронетъ сэръ Фрэнсисъ Бёрдетъ. То перемѣнчивый, то упорный характеръ Коббета склонился наконецъ въ сторону радикализма. Власти очень косо поглядывали на его еженедѣльную газету *Регистръ* (*Register*), редактируемую имъ лично, тѣмъ самымъ здоровымъ и энергичнымъ перомъ, которое написало *Совѣты молодымъ людямъ* и многочисленныя другія произведенія. Въ 1809 году появилась статья, клеймившая сѣченіе плетьми, которому подвергали англійскихъ солдатъ въ присутствіи нѣмецкихъ. Эти нападки на дисциплину показались опасными, и Коббетъ былъ приговоренъ къ штрафу въ тысячу фунтовъ стерлинговъ и сверхъ того къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія. Когда его выпустили, состоялся въ честь его банкетъ подъ предсѣдательствомъ Бёрдета. Бёрдетъ выпутывался изъ трагикомическихъ приключеній. Его проектъ избирательной реформы показался черезчуръ дерзкимъ при господствѣ полной реакціи въ 1809 году. Вѣдь онъ предлагалъ не болѣе не менѣе, какъ раздѣленіе всѣхъ графствъ на избирательные округа такъ, чтобы въ каждомъ изъ послѣднихъ всѣ граждане, платящіе налоги, выбирали одного депутата. Только пятнадцать голосовъ одобрили проектъ. Точно также, когда этотъ чудакъ поднялся (въ 1810 году) и сталъ оспаривать у палаты общинъ ея право засаживать въ тюрьму тѣхъ, кто оказалъ ей непочтеніе, и особенно, когда онъ поддержалъ свое заявленіе въ письмѣ къ своимъ избирателямъ, палата сочла себя оскорбленной имъ, приняла его вызовъ и поручила *спикеру* отправить его въ Тоуэръ. Сэръ Френсисъ засѣлъ у себя въ домѣ, вышвырнулъ за дверь пристава, которому дано было незаконное, по его мнѣнію, порученіе и выдержалъ трехдневную осаду противъ вооруженной силы. Народъ принялъ его сторону противъ парламентской тираніи. Наконецъ, Бёрдета отвели въ Тоуэръ. Очень упрямый и очень богатый, онъ прошелъ всѣ юридическія инстанціи, чтобы возстановить

свое право. Палата выиграла дѣло, но всѣ эти передряги вылѣчили ее отъ притязанія на безгрѣшность, и знаменитое ея полномочіе сажать въ тюрьму вывелось изъ употребленія. Вотъ какимъ путемъ даже въ подобную эпоху либерализмъ не переставалъ предъявлять своего права на прогрессъ.

Торговля и континентальная блокада.—Въ министерство Персиваля съ 1810 года до весны 1812 г. континентальная система вызвала, наконецъ, въ Англіи тѣ гибельныя послѣдствія, которыхъ ожидалъ Наполеонъ. За первые годы этого необыкновеннаго режима британская торговля столько же выгадала, сколько пострадала. Контрабанда такъ называемыхъ нейтральныхъ или англійскихъ контрабандистовъ (smugglers) проникала временами на берега Франціи, и очень изобильно на берега Голландіи, Россіи, сѣверной Германіи. Испанская война и полное господство надъ океаномъ открывали англійскимъ фабрикантамъ огромный рынокъ испанскихъ колоній. Такимъ образомъ, промышленная дѣятельность вовсе не пріостановилась, наоборотъ, не переставала развиваться. Она даже развивалась лихорадочно, способствуя росту пауперизма одновременно съ огромными богатствами.

Вотъ какъ это происходило. Вмѣсто недостатка рабочихъ рукъ въ промышленныхъ центрахъ получался, наоборотъ, избытокъ ихъ, который не уравновѣшивался, какъ на континентѣ, убылью на войнѣ: такъ мало было настоящихъ англійскихъ солдатъ въ королевскихъ войскахъ, пополнявшихся главнымъ образомъ ирландцами и наемниками! А вѣдь это была какъ разъ эпоха непримиримаго экономическаго индивидуализма. Фабрикантъ пользовался положеніемъ для пониженія заработной платы и чтобы обогатиться скорѣе, какъ можно скорѣе, онъ расширялъ производство за предѣлы требованій. Но чѣмъ же жили эти столь многочисленные и столь дурно оплачиваемые рабочіе? Хлѣбомъ, страшно дорогимъ. Помѣщики, крупные фермеры тоже хотѣли нажиться, и они, дѣйствительно, наживались: никогда земля не давала такихъ доходовъ, никогда не была въ такой цѣнѣ. Почему такъ? Потому что хлѣбъ съ материка попадалъ въ Англію съ большимъ трудомъ, а мѣстный хлѣбъ продавался вдвое дороже, чѣмъ въ короткій промежутокъ господства Амьенскаго мира. Можетъ быть, скажутъ, что это—неизбѣжный результатъ войны. Пусть такъ, но къ стыду зажиточныхъ классовъ, господствовавшихъ въ парламентѣ и въ законодательствѣ, мы должны сказать, что какъ только цѣны падали, сейчасъ же примѣнялся къ поднятію ихъ очень значительный налогъ на континентальный и американскій хлѣбъ. Такое неравномѣрное и искусственное распредѣленіе благосостоянія не могло устоять передъ новыми нападками; а въ это время какъ разъ появились двѣ ужасныхъ новости.

Во-первыхъ, таможенныя мѣропріятія, столь ясно изложенныя у Тьера, явившіяся вслѣдъ за присоединеніемъ Голландіи и захватомъ германскихъ портовъ. Чтобы отбить охоту у контрабанды, Наполеонъ конфискуетъ огромные ея склады и затѣмъ чисто по-маккіавеліевски допускаетъ запрещенные припасы къ обращенію съ уплатой половинной пошлины. Результатъ сказывается немедленно: получается чудовищное загроможденіе лондонскихъ доковъ, заваленныхъ сахаромъ, кофе, хлопкомъ, табакомъ, индиго, возвращаемыми отовсюду; далѣе — паденіе цѣнъ на всѣ эти товары; народъ, въ изобиліи заваленный пряностями и испытывающій нужду въ хлѣбѣ.

За этимъ послѣдовалъ торговый разрывъ съ Соединенными Штатами [1]). Безуспѣшно испробовавъ рядъ средствъ для одновременнаго наказанія Франціи за ея блокаду и Англіи за ея „Ордонансы Со-

[1]) См. ниже главу XIII, *Америка*.

вѣта“, эта новая морская держава пустила въ ходъ очень ловкій пріемъ. Она предложила той изъ двухъ соперницъ, которая отмѣнитъ по отношенію къ американцамъ исключительныя мѣропріятія, воспретить ея врагу всякую торговлю съ Америкой. Наполеонъ принялъ предложеніе, и тогда Соединенные Штаты прекратили всякія дѣловыя сношенія съ Англіей и ея колоніями. Въ результатѣ получилось огромное паденіе англійскаго экспорта съ 1811 года, несмотря на болѣе широкое и свободное открытіе русскихъ портовъ.

И вотъ въ экономической исторіи трудно представить себѣ что-нибудь ужаснѣе положенія англійскаго народа въ зиму 1811—1812 года. Къ указаннымъ причинамъ прибавилось удвоившееся раздраженіе рабочихъ противъ также удвоившагося употребленія машинъ, которыя, требуя меньшаго количества рабочихъ рукъ, способствовали дальнѣйшему паденію заработной платы. Тогда разразились возстанія такъ называемыхъ *luddites*, или ломателей машинъ, возстанія, вызвавшія пролитіе крови и подавленныя, напримѣръ, въ Іоркѣ, посредствомъ повѣшенія за одинъ день двѣнадцати бунтовщиковъ. Обычныя преступленія возросли численно благодаря всеобщей нуждѣ, а повышеніе *налога въ пользу бѣдныхъ* не столько облегчило несчастныхъ, сколько способствовало окончательному разоренію среднихъ классовъ. Всѣмъ приходилось плохо.

Золото и бумажныя деньги.—Наполеонъ хотѣлъ добраться до торговыхъ домовъ Сити и до Англійскаго банка. Крахи слѣдовали одинъ за другимъ, несмотря на субсидію въ шесть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, которую вотировалъ парламентъ; поручивъ особымъ комиссарамъ распредѣлить ее между переживавшими кризисъ негоціантами. Сверхъ того, подъ всѣ товары, упавшие въ цѣнѣ вслѣдствіе переполненія рынка, а именно, подъ колоніальные товары, подъ продукты англійской промышленности, выпущена была особая коммерческая бумага, которая стала обременять портфель банка. И тѣмъ не менѣе банкъ съ изумительнымъ успѣхомъ поддерживалъ вплоть до 1809 года курсъ своихъ бумажныхъ денегъ, которыя со временъ кризиса 1797 года были наиболѣе принятымъ средствомъ платежа. Между кредитными билетами и золотомъ разница была незначительна.

Но съ 1810 по 1813 годъ разстояніе между этими двумя цѣнностями быстро растетъ; въ концѣ концовъ разница достигнетъ цѣлой четверти цѣны. Еще одно послѣдствіе войны и блокады. Всѣ платежи Англіи по векселямъ на континентѣ производились золотомъ. Много золота ушло также благодаря расходамъ по испанской войнѣ, и какъ разъ въ это время уменьшился приливъ золота изъ испанскихъ земель Америки вслѣдствіе разстройства, вызваннаго въ этихъ странахъ революціями. Шотландскій депутатъ Хорнеръ добился отъ парламента назначенія монетной комиссіи, и самъ онъ въ заключеніе разслѣдованія потребовалъ, чтобы самое позднее въ двухгодичный срокъ банкъ снова возобновилъ размѣнъ. Но торійскій депутатъ Ванситтартъ, сдѣлавшійся вскорѣ канцлеромъ казначейства, выдвинулъ рискованное положеніе, что бумаги банка соотвѣтствуютъ по стоимости законной монетѣ королевства. Первый министръ поддержалъ Ванситтарта, и палата отвергла предложенную мѣру. Раздались протесты экономистовъ оппозиціонной партіи, между прочимъ лорда Кинга. Лордъ Кингъ и нѣкоторые другіе собственники предупреждаютъ своихъ фермеровъ, что на будущее время они станутъ принимать бумажныя деньги не иначе, какъ сообразуясь съ разницей между ихъ мѣновой стоимостью и стоимостью золота. Въ отвѣтъ на это раздаются всеобщіе вопли, и правительство увидѣло себя вынужденнымъ итти дальше, чѣмъ

оно хотѣло. Новый билль установилъ принудительный курсъ кредитныхъ билетовъ по ихъ номинальной стоимости. Всѣ эти пренія доставили массу аргументовъ противникамъ войны во что бы то ни стало.

Диверсія въ Испанію: братья Уэлсли.— Общественное мнѣніе насчетъ испанской войны мѣнялось въ Англіи неоднократно. Даже впослѣдствіи, когда окончательный успѣхъ покончитъ съ этимъ вопросомъ, свѣдущіе люди станутъ поддерживать мнѣніе, что англійская армія оказала бы бо́льшія услуги, если бы ее пустили въ дѣло непосредственно во время большой войны, съ 1812 по 1814 годъ. Въ тревожный 1809 годъ, особенно зимой 1810—1811 года, когда ставился вопросъ, не будутъ ли послѣднія британскія войска опрокинуты въ море, въ это время оппозиція съ гораздо бо́льшимъ основаніемъ могла бить тревогу. Противъ своевременности испанской диверсіи воинственный лордъ Гренвилль дружно возставалъ заодно съ миролюбивымъ лордомъ Греемъ, и оба они заодно съ вигами палаты общинъ, которые считали предпріятіе братьевъ Уэлсли за донкихотское безуміе. Первый министръ, хотя и былъ въ войнѣ также упоренъ, какъ въ другихъ дѣлахъ, безпокоился по поводу вѣстей съ полуострова и противился принесенію тѣхъ жертвъ, которыхъ требовала война. Его личная антипатія къ своему коллегѣ по иностраннымъ дѣламъ сильно обострилась; съ своей стороны, и маркизъ едва выносилъ его. Мало того: братья Уэлсли, относившіеся первоначально къ дѣлу иберійскаго возстанія съ одинаковымъ пыломъ, постепенно стали расходиться во взглядахъ, что случалось съ ними впослѣдствіи не одинъ разъ. Уэлсли - министръ иногда относился недовѣрчиво къ этой безконечной войнѣ; закономъ установленное приниженное положеніе католиковъ казалось ему опасною несправедливостью и дѣлало для него еще болѣе невыносимымъ характеръ Персиваля. Напротивъ, новый лордъ Уэлсли, непримиримый консерваторъ во внутреннихъ вопросахъ, поддерживалъ, если нужно и единолично, мнѣніе, что испанская война единственное средство сразить Наполеона. И несчастная судьба императора, столь поразительная въ его дѣлахъ съ Англіей, хотѣла, чтобы успѣхъ Уэллингтона, защитника Торресъ-Ведрасъ, укрѣпилъ положеніе тори и вызвалъ удивленіе виговъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда континентальная блокада обнаружила свои ужасныя послѣдствія, а именно въ началѣ 1811 года. Съ этихъ поръ, несмотря на сомнительные результаты кампаніи 1811 года, уже не возникало серьезнаго вопроса объ оставленіи Испаніи, гдѣ съ весны 1812 года стойкій генералъ перейдетъ къ столь извѣстному всѣмъ страшному наступленію.

Регентство; убійство Персиваля. —Когда задумываешься надъ послѣдствіями, которыя получились, и надъ тѣми, которыя должны были бы получиться отъ окончательнаго умопомѣшательства Георга III, то напрашивается все то же соображеніе. Всегда предполагалось, что при такомъ исходѣ принцъ уэльскій призоветъ вигское и миролюбивое министерство. Осенью 1810 года готовъ былъ и личный составъ, какъ двадцать два года тому назадъ. Точно такъ же, какъ и тогда, министерство, которому грозило паденіе, старалось затянуть дѣло, слѣдуя пріемамъ Питта, готовое выдержать обвиненіе со стороны Хорнера въ „преднамѣренной медлительности“ и со стороны Ромильи въ „обманныхъ хитростяхъ“. Только 15 января 1811 года рѣшено было передать регентство будущему Георгу IV, но не сразу во всей полнотѣ: временныя „ограниченія“, выговоренныя на годичный срокъ, замедлили полное устраненіе отъ власти короля, который въ теченіе этой отсрочки сохранялъ еще нѣкоторую надежду на свое возста-

новленіе. Безъ сомнѣнія, регентъ могъ не дожидаясь отставить министерство, глава котораго особенно не нравился ему; но какова отвѣтственность въ моментъ, когда настойчивость Уэллингтона была наконецъ вознаграждена! Годъ спустя принцъ велъ переговоры съ главарями виговъ, на этотъ разъ, можетъ быть, безъ большого желанія успѣха. Гренвилль и Грей не считали предлагаемое мѣсто соотвѣтствующимъ ихъ значенію. Такъ какъ Персиваль сдѣлался необходимымъ, то его острое столкновеніе съ Уэлсли закончилось отставкой маркиза. Его преемникъ Кэстльри, еще болѣе враждебный Наполеону, явится вскорѣ въ европейской коалиціи со всѣмъ престижемъ абсолютнаго короля.

11 мая 1812 года, когда было уже слишкомъ поздно для того, чтобы смерть перваго министра Англіи измѣнила что-нибудь въ ходѣ дѣлъ, одинъ раздраженный человѣкъ съ разстроеннымъ умомъ вооружился пистолетомъ и проникъ въ вестибюль палаты общинъ. Онъ намѣревался убить лорда Гауэра, бывшаго посланника въ Россіи, относительно котораго онъ считалъ себя въ правѣ быть недовольнымъ. Такъ какъ лордъ Гауэръ не приходилъ, то этотъ человѣкъ, по имени Беллингэмъ, убилъ Персиваля.

Министерство Ливерпуля (1812). — Регенту предстояло по меньшей мѣрѣ передѣлать еще разъ свое министерство. Ему хотѣлось, не мѣняя политики, вернуть въ составъ министерства такихъ талантливыхъ людей, какъ Уэлсли и Каннингъ, ввести въ него такихъ, какъ Грей и Гренвилль, но ни одинъ изъ этихъ государственныхъ людей не соглашался быть подъ руководительствомъ лорда Ливерпуля, который твердо пристроился у власти и занялъ на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ мѣсто премьера. Не охотникъ до перемѣнъ, онъ выбралъ въ число новыхъ своихъ товарищей, по рекомендаціи лорда Сидмута, двухъ посредственныхъ людей, а именно лорда Бетхёрста и Ванситтарта, съ самимъ лордомъ Сидмутомъ въ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Нисколько не умѣряя своей воинственности, новый кабинетъ напротивъ проявилъ ее еще сильнѣе. Персиваль отвергнулъ мирныя предложенія Наполеона; но онъ собирался уладить дѣло съ Соединенными Штатами, тогда какъ Ливерпуль принялъ ихъ объявленіе войны, которое, впрочемъ, явилось слишкомъ поздно, чтобы спасти дѣло Франціи. Собравшійся въ ноябрѣ парламентъ выслушалъ прославленіе побѣды при Саламанкѣ и сопротивленія русскихъ; вотировано было воспомоществованіе русскимъ жертвамъ войны, однако недавнія операціи въ Испаніи навлекли на министерство критику со всѣхъ сторонъ.

При возобновленіи сессіи въ февралѣ 1813 года палата, казалось, готова была покончить съ эмансипаціей католиковъ, наиболѣе яростный противникъ которой теперь умеръ. Но другіе консерваторы бодрствовали. Предложенный Граттаномъ билль прошелъ 345 голосами противъ 203. Тогда *спикеръ* Абботъ весьма ловко предложилъ, чтобы къ парламентскимъ полномочіямъ примѣнено было положеніе о неправоспособности католиковъ. Когда эта оговорка принята была большинствомъ четырехъ голосовъ, Понсонби отъ имени оппозиціи взялъ билль обратно. Раздражающій вопросъ опять былъ отложенъ. Военные изъ католиковъ получили только нѣкоторыя облегченія въ отправленіи своего культа.

Принцы и принцессы (1813). — Другое дѣло, очень скверное для династіи, произвело парламентскій скандалъ, который не былъ ни послѣднимъ, ни самымъ крупнымъ. По настоянію отца, просившаго его остепениться (1795 года), принцъ Уэльскій согласился наконецъ жениться на одной изъ своихъ нѣмецкихъ кузинъ, Каролинѣ брауншвейгской, подъ условi-

емъ, что будутъ уплачены его долги. Отъ этого брака, несчастнаго почти съ самаго начала, родился единственный ребенокъ, добрая и несчастная принцесса Шарлотта, въ будущемъ наслѣдница английской короны. Поведеніе матери, отстраненной отъ своей дочери и брошенной своимъ мужемъ, сдѣлалось предметомъ обвиненія (1806 г.) и слѣдствія, во время производства котораго Персиваль и лордъ Эльдонъ давали ей совѣты; это было незадолго до ихъ вступленія въ министерство. Разъ очутившись у власти, они склонили Георга III, которому было очень пріятно повѣрить имъ, считать ее невинной. Король принялъ ее ко двору, и все безъ ея мужа. Послѣдній, сдѣлавшись регентомъ, почти совершенно отстранилъ ее отъ дочери. Тогда Брумъ посовѣтовалъ принцессѣ передать свое дѣло на рѣшеніе палаты. Никакого постановленія по этому поводу не послѣдовало, но произнесены были слова суровѣе всякаго постановленія. Тори Уортли сказалъ: „Поведеніе, подобное поведенію регента, можетъ повести только къ паденію королевской власти. Члены королевскаго дома, повидимому, единственныя лица страны, которыя нисколько не заботятся о своей чести. Принцъ не долженъ дѣлать себѣ иллюзій относительно впечатлѣнія, производимаго его поведеніемъ, и воображать, что онъ выйдетъ цѣлымъ и невредимымъ изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ". Сити и другія корпораціи громко высказались въ томъ же духѣ. Непопулярность могущественнаго принца, который становился однимъ изъ повелителей Европы, была очевидна. Понадобился даже процессъ противъ печати, чтобы охранить его особу отъ сатирическихъ выходокъ поэта и памфлетиста Ли Хёнта. Нисколько не большей любовью пользовались и его шесть братьевъ, у которыхъ, у всѣхъ вмѣстѣ, не было ни одного законнаго наслѣдника, и законодательная дѣятельность которыхъ, въ качествѣ перовъ королевства, выразилась въ томъ, что они вшестеромъ подали голосъ противъ уничтоженія торговли неграми.

III. Общество и литература во время войны.

Народонаселеніе и богатство. — За весь этотъ періодъ мы не отдѣляли экономической исторіи отъ исторіи политической въ виду столь тѣсной связи между ними. Теперь намъ придется, при содѣйствіи немногихъ круглыхъ чиселъ и безъ обсужденія сомнительныхъ пунктовъ, опредѣлить состояніе Соединеннаго королевства въ началѣ и въ концѣ этой длинной войны.

Въ началѣ ея Англія насчитывала восемь съ половиной милліоновъ жителей, Шотландія — полтора милліона, Ирландія — четыре. Въ 1815 году населеніе Англіи поднялось до одиннадцати или двѣнадцати милліоновъ, населеніе Шотландіи — до двухъ, Ирландіи — до пяти или шести милліоновъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ за четверть вѣка (и какіе четверть вѣка!) общая численность населенія возросла съ четырнадцати до девятнадцати милліоновъ.

Къ несчастью, государственный долгъ увеличился въ совсѣмъ иной пропорціи: съ 240 онъ поднялся до 800 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т.-е. съ 2.400 милліоновъ до 8.000 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ, вмѣсто 94 мил. рублей приходилось уплачивать ежегодно 320 милліоновъ рублей. Оба эти ряда чиселъ, числа людей и денегъ, стоятъ между собой въ извѣстной внутренней связи. Баснословныя суммы, которыми оплачивались арміи коалиціи, въ такой же мѣрѣ сберегали пролитіе англійской крови. Такою цѣною населеніе Британскихъ острововъ непосредственно пострадало гораздо меньше населенія континентальныхъ странъ. Зато оно стонало подъ

тяжестью безпримѣрныхъ налоговъ, а обезцѣненіе банковыхъ билетовъ, происшедшее несмотря на всѣ отмѣченные нами выше законы, тяжело ложилось главнымъ образомъ на бѣдноту. Купецъ, боясь дальнѣйшаго паденія курса, продавалъ предметы первой необходимости по болѣе высокой цѣнѣ, а заработная плата маленькихъ людей не поднималась, несмотря на пониженіе цѣны той бумаги, которою оплачивался ихъ недѣльный трудъ. Сколь многообразны причины, сдѣлавшія Англію страной богатства и пауперизма!

Вывозъ увеличивался во вторую половину борьбы такъ же, какъ и въ первую: приблизительно на треть за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Хлопчатобумажная промышленность продолжала неизмѣнно развиваться; то же приходится сказать про шерстяную промышленность, несмотря на чрезмѣрныя пошлины, какими обложенъ былъ ввозъ сырья. Ульстерское полотно приносило нѣкоторый доходъ Ирландіи. Производство желѣза удвоилось. Безопасный фонарь, изобрѣтенный Дэви въ 1815 году, давалъ возможность разрабатывать глубь угленосныхъ районовъ съ меньшею опасностью и вмѣстѣ съ тѣмъ расширять возникавшія приложенія паровой силы. Въ ожиданіи того времени, когда эта машина дастъ все, чего можно было ожидать отъ нея, Тельфордъ улучшалъ дорожное строительство; Макъ-Адамъ, тоже родомъ шотландецъ, говорилъ, что для упроченія дорогъ надо камни дробить на такіе куски, чтобы они могли помѣститься во рту человѣка; въ такомъ видѣ этотъ матеріалъ сохранитъ во всѣхъ языкахъ названіе макадама. Общественные экипажи и почта уже разнились отъ подобныхъ учрежденій XVIII вѣка. Съ 1812 года Беллъ плаваетъ въ глазговскихъ водахъ на первомъ пароходѣ. Населеніе начинаетъ уже слишкомъ сосредоточиваться въ большихъ городахъ: Лондонъ переваливаетъ за милліонъ, Манчестеръ, Ливерпуль, Бирмингэмъ и Глазго—за сто тысячъ жителей.

Реакціонный общественный строй. — Общая реакція противъ революціонныхъ идей усилила всѣ злоупотребленія аристократической системы. Депутатскія мѣста въ палатѣ общинъ больше чѣмъ когда-либо были въ рукахъ высокомѣрной и умной олигархіи, тогда какъ въ палату лордовъ попадали политики-законовѣды, пропитанные узкимъ торизмомъ, получавшіе въ своемъ новомъ званіи безсовѣстныя синекуры для себя и для своихъ семействъ. Такъ, одинъ получалъ ежегодно около 30.000 рублей въ качествѣ секретаря ямайскаго правительства, хотя онъ никогда не былъ и не собирался быть ни одной ногой на этомъ островѣ. Прежніе пэры по алчности соперничали съ новыми, а парламентская *джентри* (мелкое дворянство)—съ тѣми и другими. Надъ всѣмъ этимъ большимъ свѣтомъ царилъ англійскій *cant* (система предразсудковъ), неразлучный съ ханжествомъ. Къ счастью, на ряду съ пьянствомъ, дуэлями и необузданной игрой эта аристократія обладала расовымъ политическимъ смысломъ, благодаря которому и худшія злоупотребленія приводили къ удивительнымъ результатамъ. Она высматривала въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ выдающихся молодыхъ людей, которые могли пригодиться на пополненіе партіи, и вводила ихъ совсѣмъ молодыми въ парламентъ, являвшійся школой въ дѣлѣ управленія въ такой же мѣрѣ, въ какой онъ былъ и совѣщательнымъ собраніемъ. Такимъ образомъ, нелѣпыя „гнилыя мѣстечки“ представляли собой несравненный разсадникъ государственныхъ людей.

Все это мало способствовало умственному прогрессу университетовъ; девизъ „ничего не измѣнять“ царилъ здѣсь болѣе деспотически, чѣмъ гдѣ-либо. Выходившее отсюда духовенство совершенно утратило жизненность, свойственную ему

въ минувшемъ вѣкѣ; беря за образецъ современный свѣтскій аристократизмъ, оно распускалось пышнымъ цвѣтомъ и потомъ погрязало въ злоупотребленіяхъ. Одинъ парламентскій актъ 1802 года, не въ прямо выраженной формѣ, разрѣшалъ духовнымъ не жить на мѣстѣ служенія, такъ что изъ десяти тысячъ приходовъ англиканской церкви добрая половина не имѣла своего постояннаго священника (*clergyman*). Въ 1813 году въ 140 приходахъ Илійской епархіи въ дѣйствительности на своемъ посту было только 45 пасторовъ. Епископы, обыкновенно сыновья, братья или кузены министровъ, жили въ богатствѣ, а многіе изъ ихъ подчиненныхъ прозябали, подобно своимъ прихожанамъ, въ деревенской нищетѣ; другіе болѣе счастливые вели такую же жизнь, какъ и сосѣдній *сквайръ*. Чѣмъ меньше процвѣтали священническія добродѣтели, тѣмъ сильнѣе поддерживалось законное верховенство англиканской церкви надъ католиками и нонконформистами. Это не мѣшало диссидентамъ по прежнему спускаться къ самымъ подонкамъ общества для исцѣленія ихъ вопіющей нужды. Вслѣдъ за баптистомъ Гоуардомъ квакерша Елисавета Фрей начинаетъ посѣщать тюрьмы.

Соціальныя язвы, которыя служатъ предметомъ уложенія о наказаніяхъ, законовъ о бѣдныхъ и т. д., въ 1815 году зіяли сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Впослѣдствіи мы познакомимся съ дальнѣйшими реформами. Отнынѣ на ученомъ и литературномъ поприщѣ начинаютъ выступать цѣлители этихъ язвъ. Съ 1798 года Мальтусъ предостерегаетъ бѣдняковъ отъ слишкомъ быстраго размноженія, показывая имъ, что питательные рессурсы человѣчества не возрастаютъ въ той же пропорціи. Зловѣщія слова, которыя съ увлеченіемъ повторялись реакціей, но которыя, по остроумному замѣчанію Спенсера Уальполя, заключали въ себѣ также и нѣчто выгодное для народа. Дѣйствительно, Мальтусъ побуждаетъ къ повышенію заработной платы, тогда какъ Адамъ Смитъ давно уже проповѣдуетъ свободный обмѣнъ, а Бентамъ отстаиваетъ интересы большинства. Это тройственное усиліе, къ которому вскорѣ присоединится ученіе Рикардо о земельной рентѣ, подготовляетъ болѣе благопріятное для низшихъ классовъ будущее.

Успѣхи печати. — По странному контрасту печать вызываетъ неудовольствіе реакціи и въ то же время становится могущественной, благодаря войнѣ, о которой постоянно съ тревогой ждутъ новостей. Журналистъ—парій „общества“; долго его не рѣшаются даже пригласить къ обѣду; у него нѣтъ особаго мѣста, чтобы слѣдить за парламентскими дебатами; ему приходится поэтому по два часа стоять въ хвостѣ на лѣстницѣ, прежде чѣмъ попасть въ мѣста для публики, обыкновенно очень тѣсныя. Очутившись здѣсь, онъ долженъ разсчитывать только на свою память, такъ какъ ему не разрѣшается дѣлать замѣтокъ: если онъ пишетъ, то тайкомъ съ большими неудобствами. Когда палата хочетъ устранить его на время важныхъ совѣщаній, она продѣлываетъ надъ нимъ разныя штуки: мѣшаетъ ему прибыть во время или удаляетъ его съ засѣданія по предложенію одного члена. Газетный налогъ, безпрестанно повышаемый, дошелъ наконецъ до четырехъ пенсовъ, вслѣдствіе чего приходилось продавать номеръ по семи пенсовъ. Несмотря на все это, публика жаждетъ новостей: она набрасывается на номера по мѣрѣ того, какъ они выходятъ съ ручного станка, работающаго медленно и неудовлетворительно. *Times*, преобразованный въ 1803 году Джономъ Уальтеромъ, печатается въ 8.000 экземпляровъ. Онъ не только лучше всѣхъ освѣдомленъ, но къ тому же вводитъ въ 1814 году паровой печатный станокъ, и

эта машина, пока еще очень несовершенная, позволяетъ получать 1,100 экземпляровъ въ часъ вмѣсто 450. За нимъ идутъ въ порядкѣ своего значенія: *Курьеръ, Хроника*. Съ *Эдинбургскимъ Обозрѣніемъ*, органомъ виговъ, соперничаетъ съ торійской стороны *Quarterly Review* (1809), а со стороны радикальной—*Register* Кобета.

Женская литература. — Къ концу вѣка дамы и особенно дѣвицы завладѣваютъ романомъ. Въ значительной степени благодаря имъ, а также благодаря религіозному движенію, пошедшему отъ Уэсли и приличному придворному кругу королевы Шарлотты, англійскій романъ сдѣлался настолько же скромнымъ, насколько онъ прежде былъ нескроменъ, не утративъ притомъ своего здороваго реализма. Шествіе открываетъ миссъ Бёрни, впослѣдствіи вышедшая замужъ за генерала д'Эрбле. Далѣе идутъ миссъ Эджворсъ и миссъ Остенъ, описывающія бытъ ирландской и англійской деревни съ успѣхомъ, который поощряетъ нѣсколькихъ второстепенныхъ романистокъ. Если воображеніе уноситъ ихъ, то уже не въ міръ безпутства, а въ міръ устрашающей таинственности,—это тоже еще вкусъ конца вѣка; такова мистриссъ Радклиффъ, авторъ *Удольфскихъ тайнъ*. Всѣ эти лица исподволь подготовили феминистское движеніе, пріучая публику видѣть женщинъ на литературномъ поприщѣ въ одномъ ряду съ мужчинами. Мэри Уольстонкрафтъ подготовляетъ феминизмъ въ прямомъ смыслѣ: написавъ рядъ работъ по женскому воспитанію и прослуживъ сама въ качествѣ учительницы, она посвящаетъ Талейрану свое сочиненіе *Въ защиту правъ женщины*. Переведенная на французскій языкъ книга одно время пользуется успѣхомъ въ Парижѣ, куда ея авторъ является пожить въ самый разгаръ революціоннаго кризиса. Вернувшись въ Лондонъ послѣ цѣлаго ряда заблужденій и несчастій, она выходитъ замужъ за Годвина и умирая оставляетъ послѣ себя дочь, будущую мистриссъ Шелли.

Французская революція и „озерная" школа.—Этотъ Годвинъ — прозаикъ, оказавшій большое вліяніе на молодыхъ поэтовъ и являвшійся ихъ патріархомъ. Диссидентскій пасторъ до 1783 года, онъ отдался потомъ изученію римской исторіи и почерпнулъ изъ нея республиканскіе принципы, которые пышно расцвѣли благодаря французской заразѣ. Въ 1793 году онъ выпустилъ въ свѣтъ свою *Политическую справедливость*, которая для извѣстнаго кружка явилась противовѣсомъ реакціонной книги Бёрка. Вскорѣ онъ заслужилъ славу своимъ романомъ *Калебъ Уильямъ*, родоначальникомъ уголовныхъ романовъ. Не принадлежа къ обществамъ, стремившимся къ ниспроверженію существующаго порядка, онъ заступался въ *Morning Chronicle* за Харди, Горна Тука и способствовалъ ихъ оправданію. Состоя въ дружбѣ съ Фоксомъ и Шериданомъ, онъ отстаивалъ въ 1797 г. ихъ и свои собственныя мысли въ журналѣ *Enquirer*. Продолжительная послѣдующая карьера Годвина, обѣднѣвшаго попрошайки, мало будетъ способствовать его репутаціи.

Трое молодыхъ людей Уордсвортъ, Кольриджъ, Соути, которыхъ объединяютъ обыкновенно въ группу лэкистовъ (имя это хорошо подходитъ къ первому изъ нихъ, меньше ко второму и совсѣмъ мало къ третьему), сдѣлали изъ *Политической справедливости* свое революціонное евангеліе. Уордсвортъ побывалъ уже во Франціи; пребываніе въ Парижѣ въ концѣ 1792 года сдѣлало его жирондистомъ, а не реакціонеромъ, какъ онъ самъ разсказалъ объ этотъ въ своей *Прелюдіи*. Въ своихъ сонетахъ, напечатанныхъ въ *Morning Chronicle*, Кольриджъ нападаетъ на Уильяма Питта, отступника отъ отцовской славы, призываетъ Бёрка вернуться къ былому его либе-

рализму, воспѣваетъ Годвина, лорда Стенгопа, Лафайета, Эрскина, Шеридана. Въ сотрудничествѣ съ Соути онъ сочиняетъ трагедію на сюжетъ *Паденіе Робеспьера. Іоанна д'Аркъ* Соути изображена чѣмъ-то въ родѣ французской республиканки. Его драма *Уотъ Тайлоръ* намеками затрагиваетъ налоги Уильяма Питта. Почти всѣ поэты, Бёрнсъ и Кэмпбелль, столь отличные другъ отъ друга, болѣе или менѣе слѣдуютъ общему теченію. Уордсвортъ нѣсколько позднѣе (въ 1805 году) удостовѣрилъ этотъ фактъ въ прекрасномъ произведеніи, достойномъ стоять на ряду съ знаменитыми стихами Гёте.

Завоеванія торизма въ области поэзіи и карикатуры.—Въ нѣсколько лѣтъ политическое направленіе поэтовъ мѣняется совершенно. Одни получили отвращеніе къ революціи благодаря ея крайностямъ и вовлечены были въ политическую борьбу: когда полиція явилась дѣлать обыскъ въ бумагахъ Кэмпбелля, обвиненнаго въ разрушительныхъ замыслахъ, она находитъ въ этихъ бумагахъ рукопись небольшой, но великолѣпной его пьесы *Моряки Англіи,* и этого было достаточно, чтобы избавить его отъ всякаго подозрѣнія. Другіе утратили свои французскія симпатіи со времени установленія военной деспотіи. Поселившись у своего Грассмерскаго озера, Уордсвортъ обновляетъ поэзію глубокимъ чувствомъ къ природѣ и скромнымъ событіямъ человѣческой жизни; но онъ не теряетъ изъ виду европейское поле битвы: онъ воспѣваетъ жертвы и враговъ Наполеона, своимъ перомъ прозаика онъ клеймитъ сдачу Синтры, какъ слишкомъ большую уступку французамъ. Таковы же и чувства Кольриджа, который своими статьями навлекаетъ на себя гнѣвъ Бонапарта. То же самое и въ прозѣ: Соути составляетъ свою классическую *Жизнь Нельсона;* и такъ какъ онъ не только воинственный тори, но и тори правительственный и ретроградный, то Байронъ станетъ клеймить его измѣнникомъ. Что касается Вальтера Скотта, который въ эту пору былъ поэтомъ, то ему не надо было превращаться въ тори: онъ уже былъ таковымъ, правда, съ нѣсколько якобитскимъ оттѣнкомъ, вполнѣ археологическимъ и безобиднымъ. Въ тотъ моментъ, когда онъ становится романистомъ, когда *Уэверлеемъ* (1814 г.) открывается длинный рядъ успѣховъ, онъ снова берется за лиру, чтобы воспѣть Ватерлоо.

Безчисленныя карикатуры Джильрея, который когда-то нападалъ на всѣхъ, на Георга III и Уильяма Питта такъ же, какъ и на ихъ противниковъ, послѣ 1796 года задѣваютъ только Фокса, виговъ, католиковъ, французовъ. Съ 1803 года предметомъ его нападокъ становится Наполеонъ. Его карандашъ неустанно дразнитъ императора и сохраняетъ за нимъ по прежнему худой его профиль изъ временъ итальянскаго похода, настойчиво оставляя безъ вниманія то обстоятельство, что императоръ пополнѣлъ. Говорили, что рисунки Джильрея вмѣстѣ съ матросскими пѣснями композитора Дибдина поддерживали патріотизмъ массъ.

Молодые радикальные поэты и Ирландія.—Два очень молодыхъ и уже очень крупныхъ поэта начинаютъ дѣйствовать противъ реакціи. Оба по происхожденію принадлежали къ высшему обществу, одинъ къ пэрамъ, другой къ *джентри;* различныя причины: семейныя дрязги, крайняя независимость характера, нападки критики, денежныя затрудненія бросаютъ ихъ обоихъ въ объятія радикализма. Геній лорда Байрона и Шелли проявится во всю величину лишь въ началѣ слѣдующаго періода; но онъ уже сильно встревожилъ общественный *cant:* религіозныя приличія и политическій консерватизмъ. Въ этомъ смыслѣ отъ Шелли естественно перейти къ той самой Ирландіи, поэтомъ которой является молодой ирландскій католикъ Томасъ Муръ.

Со времени неудавшагося заговора Роберта Эммета и его казни (1803 г.) пребываніе Шелли въ Дублинѣ (1812 г.)— единственное важное событіе въ судьбахъ родственнаго Британіи острова. Ему всего девятнадцать лѣтъ, и въ своемъ обращеніи къ ирландскому народу онъ клеймитъ преступленія, совершонныя его родиной, Англіей, противъ Ирландіи; но въ то же время у него хватаетъ смѣлости бросить національной партіи упрекъ въ ея раздробленности, ея порокахъ, лицемѣріи и повторять ей, что ей слѣдуетъ одержать побѣду надъ собой, а не только способствовать побѣдѣ „Призыва къ единенію", чего требовалъ О'Коннель.

На этомъ имени и на имени другого знаменитаго дебютанта мы закончимъ эту главу. Противникомъ кельтскаго трибуна уже съ 1812 по 1815 годъ выступаетъ англо-саксъ Робертъ Пиль, статсъ-секретарь пс дѣламъ Ирландіи. Министерство Ливерпуля, которое выхаживало его со времени оставленія имъ университета, какъ надежду чистаго торизма, и собственный отецъ его сэръ Робертъ, одинъ изъ богатыхъ основателей британской промышленности, съ безпокойствомъ замѣтили въ юномъ питомцѣ признаки либерализма. Признано было необходимымъ рѣшительно отклонить его отъ этого пути, сдѣлавъ его крупнымъ должностнымъ лицомъ, помощникомъ статсъ-секретаря колоній въ двадцать два года и секретаремъ по дѣламъ Ирландіи въ двадцать четыре. На этомъ посту онъ такъ хорошо усвоилъ оранжистскія идеи, что ему дали прозвище „померанцевой корки" (Orange Peel), строя каламбуръ на его имени. Личная вражда къ нему О'Коннеля сдѣлалась настолько рѣзкой, что рѣшена была уже дуэль въ Бельгіи, но сэръ Робертъ помѣшалъ этой дуэли, арестовавъ обоихъ въ Лондонѣ. Неудача предложенія о дарованіи правъ католикамъ въ 1813 году раздражила католическое духовенство Ирландіи и разрушило престижъ Граттана не какъ парламентскаго оратора, но какъ представителя націонализма. Ирландскіе епископы недовольны были Граттаномъ (который самъ, впрочемъ, былъ протестантъ) за то, что онъ принялъ мысль о мировой сдѣлкѣ, такъ называемомъ veto. Въ силу этого соглашенія, одобреннаго Каннингомъ и Кэстльри, государство имѣло бы право допускать на свободныя епископскія каѳедры въ Ирландіи только лоялистскихъ кандидатовъ: отъ этой гарантіи ожидали успѣха эмансипаціи. Римская курія была не противъ этого, но духовенство отказалось. Католикъ О'Коннель сдѣлался признаннымъ вождемъ націи. Защищаясь отъ обвиненія въ сепаратизмѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ радостью убѣждался въ томъ, что недовольствомъ католиковъ укрѣпляется его собственное дѣло, дѣло самоуправленія Ирландіи: „Домогаясь отмѣны уніи, къ чему я и стремлюсь, я съ радостью вижу, какъ наши враги сами работаютъ въ пользу этого великаго дѣла. Задерживая освобожденіе католиковъ, они ускоряютъ возстановленіе Ирландіи... Боюсь, что Ирландія впала бы въ обычную апатію, если бы свобода совѣсти была ей уступлена слишкомъ скоро."

Глава IV.

Анти-наполеоновская Германія, Англія и Пруссія.

(1800—1813).

I.—Австрія.

Изъ всѣхъ континентальныхъ державъ Австрія была самымъ постояннымъ противникомъ французской революціи: вѣчно побѣждаемая, но окончательно не обезсиленная, она удивляла міръ вялостью своихъ нападеній и упорствомъ своего сопротивленія. Такъ какъ организація ея въ общемъ была еще довольно элементарна, то удары, ей наносимые, никогда не становились смертельными, а война, которую она поддерживала безъ особаго напряженія, мало истощала ее. На народы съ мало развитою промышленностью и торговлей пораженія не вліяли черезчуръ разслабляющимъ образомъ, а государство, едва вышедшее изъ зачаточнаго состоянія, приспособлялось къ измѣненіямъ, которыя во всякомъ другомъ мѣстѣ явились бы тормазомъ національнаго развитія. Къ концу кризиса Австрія, повидимому, снова очутилась въ томъ же положеніи, что и въ 1789 году. Ея притязанія, отъ которыхъ она никогда не отказывалась, были удовлетворены. Она искала себѣ точки опоры въ традиціяхъ стараго порядка, и сторонники реакціи разсчитывали на эту „верхнюю палату среди государствъ", чтобы сдерживать духъ возмущенія. Они не отдавали себѣ яснаго отчета въ положеніи дѣлъ. Несомнѣнно, эта продолжительная борьба вызвала болѣе реальное сознаніе монархическаго единства, и въ этотъ именно моментъ создается та австрійская армія, „которая удерживаетъ въ состояніи неустойчиваго равновѣсія всѣ расползающіяся части этой пестрой имперіи". Но, съ другой стороны, призывы, съ которыми различные министры обращались къ народнымъ страстямъ, пребываніе французскихъ войскъ въ различныхъ областяхъ, проходъ русскихъ войскъ,—все это пробуждаетъ національное сознаніе среди различныхъ народностей, подчиненныхъ Габсбургамъ; политика Наполеона, который выбросилъ Австрію изъ Германіи, находитъ себѣ неожиданный отголосокъ среди чеховъ, словинцевъ и кроатовъ, которые не желаютъ потонуть въ нѣмецкомъ морѣ.

Францъ II и его министры.—Въ октябрѣ 1801 года Тугутъ оставилъ власть. Внушая подозрѣніе Пруссіи и большинству нѣмецкихъ дворовъ, не имѣя другой поддержки, кромѣ Англіи, которая готовилась заключить миръ съ первымъ консуломъ, падая жертвой скорѣе обстоятельствъ, чѣмъ своихъ ошибокъ, онъ оставлялъ монархію въ глубокомъ потрясеніи. Исто-

щая всѣ средства, война не возбудила ни одной благородной страсти и поставила подозрительное правительство лицомъ къ лицу съ разореннымъ нуждой и недовольнымъ населеніемъ. Французскія идеи нашли себѣ нѣкоторыхъ послѣдователей въ образованныхъ слояхъ общества; ихъ хотѣли запугать полными произвола процессами и нелѣпыми строгостями, а они втихомолку подготовлялись къ возмущенію при содѣйствіи тайныхъ обществъ. Придворная знать, враждебно относившаяся къ Тугуту за его низкое происхожденіе, пускалось въ самыя недостойныя интриги. „Повидимому, каждому государству суждено пройти черезъ кризисъ",—писалъ эрцгерцогъ Іоаннъ,—„теперь дошла очередь до насъ. Горе намъ, если кризисъ разразится... Какая неурядица, какая опасность угрожаетъ намъ при такомъ варварскомъ населеніи! Это хуже, чѣмъ во Франціи".

Наслѣдство Тугута принялъ въ 1801 году Людовикъ-Іосифъ Кобенцель. Его слабыми сторонами были: посредственность его административныхъ познаній, недовѣріе, которое онъ вызвалъ у вѣнской высшей аристократіи своими попытками сближенія съ Франціей, и особенно—скрытая вражда къ нему императора, который ставилъ ему въ упрекъ легкость нравовъ, вѣтренность и особенно — его остроуміе. Управленіе внутренними дѣлами осталось въ рукахъ маріонетокъ, которыя попали въ милость единственно благодаря своей посредственности, — въ родѣ того графа Коловрата, который не зналъ даже именъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ и не умѣлъ дать даже малѣйшихъ справокъ по самымъ важнымъ дѣламъ. Даже въ дипломатическихъ вопросахъ Кобенцель долженъ былъ считаться съ графомъ Коллоредо, тѣсныя отношенія котораго съ англійскимъ и русскимъ посланниками вызывали вполнѣ основательныя жалобы парижскаго кабинета; но графа поддерживалъ дворъ: графъ состоялъ когда-то воспитателемъ Франца II, который сохранилъ къ нему прочную привязанность.

Послѣ разгрома третьей коалиціи Кобенцель замѣщенъ былъ Стадіономъ (1805 г.). Какъ многіе изъ государственныхъ людей, правившихъ Австріей, и этотъ не былъ австрійцемъ. По странному недоразумѣнію онъ затѣялъ перерядить Габсбурговъ въ вождей возстанія, и одинъ моментъ казалось, что это ему удается. Пламенность его души, краснорѣчіе его манифестовъ, искренность его нѣмецкаго патріотизма преобразили души; поведеніе вѣнцевъ болѣе всякаго подъема, обнаруженнаго солдатами при Эсслингенѣ и Ваграмѣ, доказывало, повидимому, что измѣнился самый характеръ войны. Но то была минутная вспышка! Этотъ разсудочный энтузіазмъ едва коснулся народныхъ массъ; образованные классы общества быстро опомнились отъ этого опьянѣнія и вернулись къ насмѣшливому и безпечному скептицизму. Францъ не безъ отвращенія послѣдовалъ за этимъ „якобинцемъ", который находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Шарнгорстами и Штейнами, окружалъ себя подозрительными иностранцами въ родѣ Генца и занимался Германіей больше, чѣмъ Австріей. При первой возможности онъ отстранилъ его.

Графъ Клементій Меттернихъ-Виннебургъ, вступившій въ 1809 году въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, родился въ Кобленцѣ въ 1773 году; проведя свою молодость при прирейнскихъ епископскихъ дворахъ, онъ поступилъ въ 1790 году на австрійскую службу; женитьба на внучкѣ князя Кауница ввела его въ кругъ высшей вѣнской аристократіи, а его утонченное знаніе свѣта, его самоувѣренное изящество, его наблюдательныя способности очень рано вывели его на дипломатическую дорогу. Онъ участвовалъ въ Раштатскомъ конгрессѣ, затѣмъ облеченъ былъ званіемъ посланника въ Берлинѣ, позднѣе въ Парижѣ; это былъ щекотли-

вый и трудный постъ, на которомъ онъ прославился своей выдержанностью и притворной безпечностью. Онъ нашелъ здѣсь искреннихъ друзей, порой даже восторженныхъ, и при случаѣ припоминалъ это. Онъ одно время занимался науками въ Страсбургѣ и если велъ борьбу противъ Франціи, то безъ фанатизма и увлеченія. И у него была своя пора революціонной лихорадки; онъ опубликовалъ тогда памфлетъ, въ которомъ предлагалъ отвѣтить на вражеское нашествіе національнымъ возстаніемъ. Но со временемъ онъ значительно образумился: онъ остерегался громкихъ словъ, мѣропріятій, которыя увлекаютъ своихъ виновниковъ дальше ихъ желанія, союзниковъ, которые превращаются въ поработителей. Наполеоновское господство онъ считалъ преходящимъ бѣдствіемъ и за временною опасностью не забывалъ постоянныхъ противниковъ Австріи: Россію, оспаривавшую у нея Востокъ, Пруссію, которая зарилась на Германію. Чрезвычайно благоразумный, склонный ждать случая, не вызывая его, трудолюбивый, но безъ особенной привязанности къ подробностямъ администраціи, онъ понравился императору своею умѣренностью, своимъ оптимизмомъ, своею безпечностью, которая охотно полагалась на будущее. Меттернихъ очень быстро сообразилъ, что онъ рисковалъ бы своимъ вліяніемъ, если бы выразилъ желаніе добиться реформъ, и онъ примирился съ положеніемъ дѣлъ, которое, какъ - никакъ, давало ему возможность играть видную роль во внѣшней политикѣ.

Францъ нашелъ наконецъ министра по своему вкусу. Дядя его Іосифъ II, приблизившій его къ себѣ, чтобы подготовить къ правленію, былъ не очень благопріятнаго мнѣнія о его характерѣ: онъ считалъ его за человѣка съ сухимъ сердцемъ, тяжеловѣснымъ умомъ, замкнутаго и эгоистичнаго. Будущее мало улучшитъ того, кого Наполеонъ называлъ позднѣе „убогимъ Францемъ". Тѣмъ не менѣе онъ былъ очень популяренъ благодаря своей простотѣ, благодаря этому добродушію, столь свойственному Габсбургамъ, благодаря той легкости, съ которой онъ давалъ аудіенціи, и тому вѣнскому жаргону, на которомъ онъ говорилъ; въ его присутствіи никто не чувствовалъ смущенія, а благоговѣнія не было и въ поминѣ. Съ похвалой отзывались о его семейныхъ наклонностяхъ, и завѣдомо извѣстно, что онъ относился строго къ тѣмъ изъ своихъ придворныхъ, чьи скандальныя похожденія являлись пятномъ въ великосвѣтской хроникѣ, и что онъ оставался вѣренъ своимъ женамъ; но такъ какъ онъ по характеру былъ властнымъ и подозрительнымъ, то онъ часто мѣнялъ ихъ. Онъ не былъ жестокъ, но онъ безжалостно разилъ тѣхъ, чью вѣрность онъ заподозрѣвалъ. Онъ былъ очень трудолюбивъ,—ни одинъ чиновникъ имперіи не былъ такъ аккуратенъ за своей конторкой,—и его вздорное усердіе задерживало отправленіе дѣлъ: въ 1802 году 2.000 докладовъ, скопившихся на его письменномъ столѣ, ждали своего разсмотрѣнія; эрцгерцогъ Іоганнъ обвинялъ министровъ въ томъ, что они заваливали его нелѣпыми мелочами, чтобы отвлечь его вниманіе отъ серьезныхъ вопросовъ. Францъ обладалъ умственнымъ размахомъ и иниціативой мелкаго провинціальнаго чиновника. Свою умственную лѣнь онъ возвелъ въ систему. Ревнивый ко всякому превосходству, недовѣрчивый къ своимъ слугамъ и чиновникамъ, смущаясь отъ всякаго проекта нововведеній, онъ былъ твердъ въ одномъ—въ рутинѣ. Его политика сводилась къ неподвижности: *quieta non movere.*

Армія и администрація. — Послѣ Люневилльскаго мира много говорили о необходимыхъ перемѣнахъ. Все ограничилось проектами, плохо задуманными, постоянно передѣлываемыми, имѣвшими единственную цѣль—обмануть общественное

мнѣніе и единственный результатъ—увеличеніе путаницы. Верховное командованіе арміей ввѣрено было эрцгерцогу Карлу; его военныя способности были очень раздуты, и чтобы считать его великимъ, приходится сравнивать его съ болѣе чѣмъ посредственными вождями, окружавшими его. Его административныя способности были не болѣе высокаго полета. Составъ его окружающихъ былъ слабый: онъ не умѣлъ выбирать своихъ сотрудниковъ, среди которыхъ были тщеславный интриганъ Фассбендеръ, Дука, которому приписывались нѣкоторыя очень крупныя ошибки послѣднихъ кампаній. Сверхъ того, эрцгерцогъ былъ неважнаго здоровья, робкій и колеблющійся по характеру, стѣсненъ былъ скудостью казны, ревностью Франца, котораго раздражала слава его брата. Предпринято было нѣсколько хорошихъ мѣръ: Военный совѣтъ былъ преобразованъ, и члены его поставлены въ зависимость отъ военнаго министра; но въ 1812 году Придворный совѣтъ вернулъ себѣ все свое значеніе, и военное министерство было уничтожено. Въ 1802 году безсрочная военная служба сокращена была до десяти лѣтъ для пѣхоты, двѣнадцати для кавалеріи и четырнадцати для артиллеріи. Послѣ Прессбургскаго договора эрцгерцогъ Карлъ прилагалъ усилія къ улучшенію положенія офицеровъ и къ поднятію ихъ образовательнаго уровня, уничтожилъ тѣлесныя наказанія въ арміи, организовалъ территоріальную милицію (12 мая 1808 года).—Но изъятія остались въ силѣ, и армія по прежнему набиралась почти исключительно изъ низшихъ слоевъ націи. Жалованье выплачивалось нерегулярно, инвалиды просили милостыню по улицамъ. Желая вознаградить богемскій сеймъ, который вотировалъ полтора милліона флориновъ на содержаніе ландвера, разрѣшили его членамъ носить красные мундиры.

Въ другихъ областяхъ управленія водворяются безсвязность и нерадѣніе. Вся иниціатива министровъ ограничивается тѣмъ, что они извлекаютъ изъ старыхъ картоновъ временъ Маріи-Терезіи и Іосифа проекты, робко осуществляютъ ихъ съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же отъ нихъ отказаться. Различныя государства, которыя просили у Габсбургскаго дома защиты, купленной дорогою цѣною, не получили еще общаго наименованія; 6 августа 1806 года Францъ II принялъ имя Франца I, наслѣдственнаго императора *Австріи*. Этимъ онъ придавалъ осязательную форму дѣлу объединенія, къ которому постепенно шли его предшественники. Стадіонъ надѣялся, что этимъ создана будетъ „точка отправленія новаго государственнаго права, общаго для всѣхъ наслѣдственныхъ областей“. Францъ не задавался столь высокими цѣлями; онъ стремился лишь къ „поддержанію полнаго равенства императорскаго титула и наслѣдственнаго достоинства передъ лицомъ наиболѣе знаменитыхъ монарховъ и державъ Европы, какъ это подобаетъ древней славѣ нашего дома“. Чтобы предотвратить малѣйшую обидчивость, которая могла быть вызвана кое-гдѣ этой перемѣной, онъ поторопился заявить, что въ старомъ порядкѣ вещей ничто не будетъ измѣнено, что „королевства, княжества, области сохранятъ свое названіе, свое государственное устройство, свои привилегіи“.

И все-таки у него были развязаны руки. Сопротивленіе, возникшее благодаря реформамъ Іосифа II и нѣсколько рѣзко проявившееся при вступленіи на престолъ Леопольда II, быстро улеглось. Знать, которая почти только одна посылала своихъ представителей въ сеймы, взволнована была захватами со стороны центральной власти лишь постольку, поскольку эти захваты угрожали ея привилегіямъ; для ея умиротворенія достаточно было успокоить ее насчетъ ея интересовъ. По выраженію Шпрингера, Леопольдъ спасъ форму, разставшись съ

сущностью; штаты перестали придираться къ правамъ власти, какъ только она перестала дѣйствовать въ пользу крестьянъ. Они очень страшились революціонныхъ принциповъ, и единственное стремленіе ихъ направлено было къ тому, чтобы не дать разыграться страстямъ, которыя направились бы противъ нихъ. Единственное реальное право, оставшееся въ ихъ рукахъ, это—право вотировать налоги, но оно становилось простою формальностью: не только военный сборъ, являвшійся основнымъ налогомъ, ускользалъ отъ ихъ контроля, потому что онъ былъ постояннымъ, но правительство не совѣщалось съ ними даже тогда, когда рѣчь шла объ измѣненіи финансовой системы и о взысканіи чрезвычайныхъ сборовъ. Иногда они робко протестовали: тогда дѣлалась ссылка на серьезность положенія, и они не настаивали больше. Сеймовые комитеты, которымъ ввѣрено было распоряженіе „мѣстными фондами“, подчинены были строгому контролю: административныя функціи, остававшіяся за чинами, подвергались все большимъ ограниченіямъ. Въ сущности они были не болѣе какъ правительственной комиссіей, права которой ограничивались „принятіемъ къ свѣдѣнію“ министерскихъ рѣшеній, а обязанности сводились къ „предупрежденію малѣйшихъ желаній монарха“, какъ говорилъ графъ Валлисъ о богемскомъ сеймѣ (въ 1805 году). Въ городахъ исчезли послѣдніе слѣды самоуправленія, выборные магистраты замѣнены были чиновниками (въ 1803 и 1808 году), общинное управленіе подчинено было стѣснительному надзору.

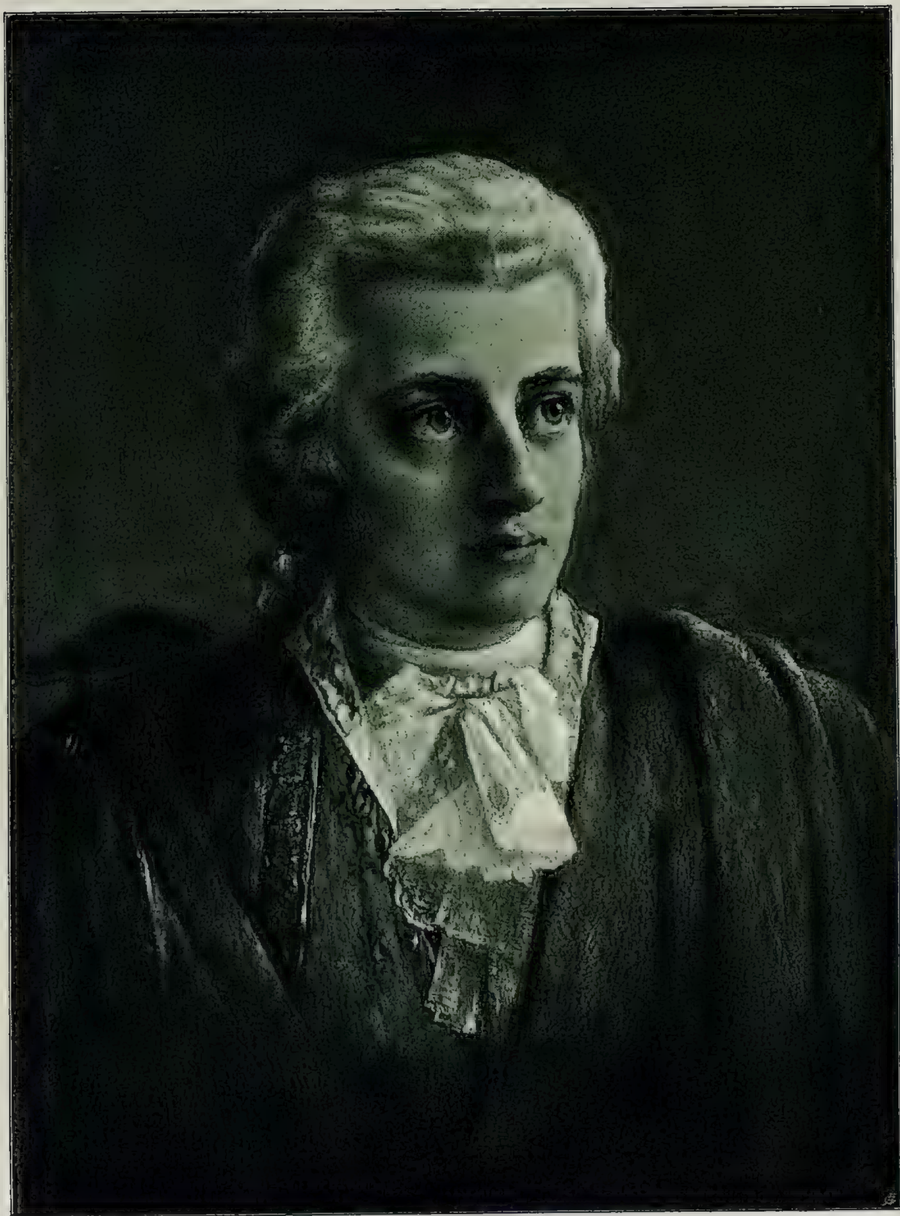
Тогда-то и получилось своеобразное зрѣлище абсолютной власти, безсильной не только проявить себя, но даже организоваться. Въ 1801 году прежній государственный совѣтъ замѣненъ былъ *Министерствомъ государственныхъ совѣщаній*. Въ составъ его входили: канцлеръ, военный министръ и министръ-правитель; отъ него зависѣлъ цѣлый рядъ генеральныхъ управленій, юстиція, соединенныя канцеляріи, внутреннія дѣла, дворцовая палата (финансы), банковая депутація (торговля). Имѣлось въ виду, по словамъ императора, создать политическую систему, „которая, подобно хорошо установленнымъ часамъ, будучи пущена въ ходъ, дѣйствуетъ сама собой“. Результаты получились настолько посредственные, что въ 1808 году вернулись къ Государственному совѣту; затѣмъ въ 1814 году къ Государственному совѣту присоединенъ былъ Совѣщательный совѣтъ. Эти безпрерывныя измѣненія свидѣтельствовали о самой невѣроятной путаницѣ во взглядахъ: соединить или раздѣлить судъ отъ администраціи, финансы отъ выполненія текущихъ дѣлъ? Вернуться къ прежней системѣ, когда въ рукахъ одного и того же министра объединены были всѣ вопросы, касавшіеся извѣстной группы областей, или создать опредѣленное число министерствъ, полномочія которыхъ точно опредѣлены и кругъ дѣйствія которыхъ охватываетъ всю имперію?—Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не былъ разрѣшенъ. Назначались предварительныя комиссіи, которыя выступали со смутными предложеніями, робко примѣняли ихъ и только усиливали разстройство. Никто не зналъ путемъ, что ему дѣлать; конфликты между различными вѣдомствами сдѣлались постоянными; „политическая организація имѣла силы лишь настолько, чтобы парализовать всякое движеніе и всякую дѣятельность“.

Немногія осуществленныя реформы являются лишь запоздалымъ завершеніемъ усилій предшествующихъ монарховъ; уголовное уложеніе издано было въ 1803 году, а гражданское въ 1811; оба были почти закончены еще до вступленія на престолъ Франца II, а внесенныя въ нихъ измѣненія были далеко не удачны. Въ уголовномъ законодатель-

Л. Бетховенъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

В. Моцартъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

ствѣ сохранены были торговая казнь, лишеніе пищи, тайное судопроизводство; обвиняемый не имѣлъ защитника; гражданскій кодексъ удержалъ особое законодательство для крупныхъ собственниковъ, для духовенства. Патримоніальные суды остались въ силѣ, однако, помѣщикамъ не было предоставлено право самимъ рѣшать свои дѣла, и въ случаѣ распри между ними и ихъ крѣпостными рѣшеніе дѣла переходило въ руки общаго суда. Чуть ли не однимъ этимъ и выразилась дѣятельность правительства въ пользу крѣпостныхъ. Сначала оно отказалось отъ участія въ выкупѣ феодальныхъ правъ (въ 1798 году); въ 1812 году оно сдѣлало дальнѣйшій шагъ, воспретило всякія сдѣлки по освобожденію; разумѣется, положеніе казенныхъ крѣпостныхъ не было улучшено. Тѣмъ не менѣе императоръ любилъ показать, что онъ покровительствуетъ земледѣлію. Сооружено было нѣсколько дорогъ; правда, трудно сказать, многаго ли стоили эти дороги, если при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ на переѣздъ изъ Вѣны въ Краковъ лицо, ѣхавшее съ порученіемъ, затрачивало восемь сутокъ. Невѣжество администраторовъ, дорожныя заставы и запретительный режимъ тормазили всякое развитіе торговли и промышленности. Безпрерывныя войны, континентальная блокада и помимо всего этого нелѣпая финансовая политика правительства довершили разореніе страны.

Расходы покрывались лишь при помощи разныхъ ухищреній. Съ 1804 года жалобы сдѣлались повсемѣстными: не было звонкой монеты, ассигнаціи пали въ цѣнѣ, въ дѣлахъ господствовалъ полный застой; наживались одни только ростовщики. „Это вызываетъ много шуму, — писалъ Коллоредо,—даетъ много поводовъ къ недовольству, но ничего не мѣняетъ“. Населеніе, веселое отъ природы, становилось грустнымъ, уменьшилось число браковъ, росла смертность; въ Вѣнѣ число жителей съ 250.000 пало до 235.000. Зло увеличилось въ послѣдующіе годы. Въ 1809 году принудили подданныхъ сдать въ казну серебряную утварь и драгоцѣнности: въ обмѣнъ имъ выдали ассигнаціи. Въ 1811 году долгъ перевалилъ за 600 милліоновъ рублей; выпущено было на милліардъ рублей банковыхъ билетовъ, и они упали въ цѣнѣ на 90 проц. Чиновники, получавшіе жалованье обезцѣненными ассигнаціями, умирали съ голоду. Необузданный ажіотажъ разорялъ добросовѣстную торговлю, портилъ нравы и подрывалъ самыя прочныя состоянія. Легкомысленный и высокомѣрный графъ Валлисъ понизилъ курсъ ассигнацій до одной пятой ихъ номинальной стоимости (патентъ отъ 20 февраля 1811 года); это банкротство повело за собой безчисленныя разоренія, нисколько не поднявъ въ то же время общественнаго кредита. Министръ утѣшалъ себя словами; друзья его выражались такъ: тѣ, которые пали въ бою, — иначе говоря, доведены были до нищеты,—умерли славною смертью за родину. Исчезъ всякій духъ предусмотрительности и сбереженія. Вѣна становится средоточіемъ толпы финансистовъ, алчущихъ барыша и удовольствій, привыкшихъ видѣть въ общественныхъ бѣдствіяхъ лишь предлогъ для спекуляцій, развращавшихъ толпу своими скандально пріобрѣтенными состояніями и подготовившихъ этимъ успѣхъ самыхъ опасныхъ утопій.

Умственное движеніе; музыка.—Надолго ли могло хватить терпѣнія у подданныхъ? Большая часть ихъ, убаюканная оцѣпенѣніемъ двора, приспособлялась по мѣрѣ силъ къ этому режиму, который скрывалъ свою бездѣятельность и свои строгости подъ маской добродушной патріархальности. Сдерживаніе остальныхъ ввѣрено было полиціи, которая сдѣлалась въ имперіи первой властью, придирчивой, подозрительной, страшной даже для министровъ и эрцгерцоговъ, обманывающей

монарха, котораго она захватила въ свои руки. Самыя безобидныя сборища были воспрещены; считалось преступленіемъ носить вмѣсто короткихъ панталонъ (culottes) длинныя, а для того, чтобы попасть въ якобинцы, достаточно было обмотать себѣ шею толстымъ галстухомъ. Всѣ иностранныя книги были въ подозрѣніи: особая ревизующая комиссія, которой поручено было пересмотрѣть всѣ книги, выпущенныя со времени вступленія на престолъ Іосифа II, меньше чѣмъ въ два года изъяла изъ обращенія 2.500 сочиненій. Нѣмцы, призванные Стадіономъ или Кобенцелемъ, наталкивались на тайную и постоянную враждебность, прикрытую притворными улыбками; такой участи подверглись: Генцъ, который одинъ изъ первыхъ угадалъ планы Наполеона и предложилъ къ услугамъ Австріи настоящій полемическій талантъ; Августъ-Вильгельмъ Шлегель, который читалъ въ Вѣнѣ свои знаменитыя лекціи о драматической литературѣ; Фридрихъ Шлегель, который основалъ тамъ же Германскій музей; Кёрнеръ, который былъ одно время придворнымъ драматургомъ. Всѣ авансы, которые они дѣлали реакціи, не искупали ихъ преступленія, состоявшаго въ томъ, что они обладали умомъ и идеями. Въ 1813 году, въ разгаръ освободительной войны, схваченъ былъ и водворенъ вглубь Венгріи одинъ изъ вождей нѣмецкой патріотической партіи Грюнеръ, виновный въ организаціи возстанія. Духовенство получило высшій надзоръ за школами въ вознагражденіе за ту зависимость, въ которой его держали. Законы о вѣротерпимости не были отмѣнены, но протестантскіе пасторы подвергались всяческимъ придиркамъ; такой благочестивый и скромный священникъ, какъ Больцано, былъ подозрителенъ, потому что пользовался слишкомъ большой благосклонностью студентовъ. Лучшія произведенія германской литературы были въ опалѣ: именамъ Гёте и Шиллера Австрія могла противопоставить лишь имена какого-нибудь Коллина, Генриха или Корнелія Айренгоффа, который не пошелъ дальше Готтшеда. Толпа читателей насыщалась лишь глупыми рыцарскими романами, читала наперерывъ плоскія и непристойныя письма Эйпельдауэра или толпилась на представленіи фарсовъ Кастелли и Бейерле.

Францъ, обладавшій изумительной памятью, всегда обнаруживалъ нѣкоторый вкусъ къ естественнымъ наукамъ. Онъ далъ баронскій титулъ Жакену, извѣстному своими важными изслѣдованіями въ западной Индіи, поддерживалъ Мооса, творца научной кристаллографіи: ученые эти прошли одиноко, не оставивъ учениковъ. Университеты едва прозябали: научные методы устарѣли, профессора пали духомъ, ученики были равнодушны.

Одна только музыка убаюкивала сонъ націи. Подобно большинству Габсбурговъ, Францъ былъ весьма свѣдущимъ меломаномъ, и недурной талантъ къ игрѣ на скрипкѣ являлся самымъ вѣрнымъ средствомъ пріобрѣсти его расположеніе; его генералъ-адъютантъ баронъ Кучера, нравственно погибшій и смѣшной человѣкъ, обязанъ былъ своему смычку сохраненіемъ мѣста до самой своей смерти. Въ это время начинаютъ распространяться произведенія Моцарта, умершаго тридцати пяти лѣтъ (въ 1791 году); Гайднъ сочиняетъ свое *Сотвореніе міра* и *Времена года;* Бетховенъ, родившійся въ Боннѣ, но переѣхавшій въ Вѣну благодаря нѣкоторымъ диллетантамъ, настолько увлеченнымъ музыкой, что они забываютъ его странности и его республиканскія тенденціи,—Бетховенъ пишетъ почти всѣ свои симфоніи: *Эгмонта, Развалины Аѳинъ* и свою оперу *Фиделіо.*

Иллирійскія провинціи. — Нѣтъ такой глухой перегородки, черезъ которую не проникли бы идеи. Результаты австрійскаго деспотизма были довольно неожиданны: возводя китайскую стѣну вдоль нѣмецкихъ границъ, онъ благопріятство-

І. Гайднъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

валъ освобожденію другихъ народностей, за которыми слѣдили не такъ усердно, считая ихъ менѣе страшными. Наряду съ Венгріей, защищающей свой государственный строй, начинаютъ волноваться славяне Богеміи и Иллиріи.

Вѣнскимъ трактатомъ у Австріи отняты были графство Горицъ, область Тріеста, Крайна, Виллахскій округъ, большая часть Кроаціи, Фіуме; Наполеонъ присоединилъ сюда венеціанскую Истрію и Далмацію, наконецъ, Рагузскую республику [1]). Изъ этихъ различныхъ областей Наполеонъ создалъ „маркграфство", которому поставлена была задача прикрывать Италію и наблюдать за Вѣной; оно получило названіе Иллирійскихъ провинцій, и управленіе имъ ввѣрено было Мармону, который основалъ свою резиденцію въ Лайбахѣ. Герцогъ Рагузскій, правившій съ 1806 по 1809 годъ, безъ труда пріобрѣлъ себѣ симпатіи: человѣкъ открытаго и просвѣщеннаго ума, дѣятельный и благожелательный, онъ быстро возстановилъ порядокъ. Въ три года страна была преобразована: судъ и администрація передѣланы были по французскому образцу; патримоніальные суды, равно какъ крѣпостное право и барщина были отмѣнены; уничтоженіе цеховъ, установленіе очень умѣло задуманнаго таможеннаго тарифа, покровительство, оказанное иноземнымъ промышленникамъ, обосновавшимся въ странѣ, увеличили общественное благоденствіе; построена была сѣть превосходныхъ дорогъ. Мармона смѣнилъ Бертранъ, продолжая его работу. Преемниками самого Бертрана были Жюно и Фуше (май—сентябрь 1813 года).

Въ концѣ 1813 года австрійское правительство снова овладѣло Иллирійскими провинціями. Оно отмѣнило нѣкоторыя изъ реформъ Мармона; но чего ему не удалось отмѣнить, это—новой національности, которая, задыхаясь съ XVII вѣка вслѣдствіе двойной нетерпимости: со стороны іезуитовъ и нѣмцевъ, проснулась подъ защитой французскаго знамени. Истинный обновитель словенской литературы, Водникъ, въ своей знаменитой одѣ *Воскрешенная Иллирія* предсказывалъ своему племени славное будущее. Всѣ эти надежды не осуществились, и южные славяне по сію пору тяжело борются за свое существованіе; но ихъ противники съ этихъ поръ никогда уже не были въ состояніи заглушить ихъ притязаній. Въ исторіи славянскаго возрожденія словинцы сыграли видную роль; изъ ихъ рядовъ вышли два самыхъ знаменитыхъ славянскихъ филолога: Копытарь и Миклошичъ, а самый страшный противникъ венгерскаго притѣсненія, Людевитъ Гай, заимствовалъ существенные пункты своей программы у Водника.

Предтечи чешскаго возрожденія. — Какъ у хорватовъ, такъ и у чеховъ подавленіе реформаціи въ XVII вѣкѣ чуть было не повело за собой паденія славянской народности: торжество католицизма было вмѣстѣ съ тѣмъ и торжествомъ германскаго начала. Знать, въ большей своей части иностраннаго происхожденія, жила при дворѣ; буржуазія была разорена; одинъ только простой народъ оставался вѣренъ прежнему языку, который мало-по-малу измѣнялся, перемѣшивался съ чуждыми элементами, превращался въ какое-то просторѣчіе. Литература представлена была лишь немногочисленными поучительными произведеніями убійственной посредственности, и немногіе патріоты, скорбѣвшіе объ этомъ упадкѣ, казалось, защищали потерянное дѣло. Царствованіе Іосифа II вызвало неожиданную реакцію: изъ оппозиціи императору магнаты вернулись къ славянскому языку, гонимому императоромъ, и на сеймѣ 1791 года они съ грѣхомъ пополамъ коверкали чешскій языкъ. Впрочемъ, ихъ увлеченіе было поверхност-

[1]) См. ниже, въ главѣ VI, *Юго-восточная Европа*, подробности о французской Далмаціи и Рагузѣ. Здѣсь будетъ итти рѣчь только объ областяхъ, издревле принадлежавшихъ Австріи.

но. Когда *настоящіе чехи* потребовали отъ сейма защиты родного языка, сеймъ перешелъ къ порядку дня и сохранилъ за нѣмецкимъ языкомъ его офиціальное значеніе. Однако, они добились учрежденія каѳедры чешскаго языка при пражскомъ университетѣ (въ 1792 году), и Францъ короновался богемскимъ королемъ.

Съ этихъ поръ обнаруживается плодотворная агитація; толчокъ, данный умамъ Іосифомъ II-мъ, и примѣръ французской революціи пробуждаютъ вмѣстѣ съ стремленіемъ къ независимости и культъ мѣстныхъ традицій. Проходъ русскихъ войскъ, которыя побывали въ странѣ въ 1800, въ 1805, въ 1813 годахъ, обратилъ вниманіе на сходство чешскаго и русскаго языковъ и создалъ впервые чувство славянской солидарности. Движеніе находитъ себѣ цѣнную поддержку въ симпатіяхъ духовенства, оставшагося въ тѣсномъ соприкосновеніи съ народомъ и враждебнаго къ Германіи, въ то время какъ правительство мало обращаетъ на него вниманія, не предчувствуя важнаго его значенія. Чешскія книги возрастаютъ численно. Ихъ абсолютная стоимость пока еще незначительна, однако уже появляются имена будущихъ вождей чешской національности въ Богеміи—имена Юнгмана, Шафарика и Палацкаго. Грамматику языка прочно установляетъ первоклассный ученый Добровскій, который по своей изумительной эрудиціи и тонкой критикѣ занимаетъ мѣсто въ первомъ ряду основателей современныхъ филологическихъ и историческихъ наукъ.

Такъ, несмотря на подозрительность центральной власти, всюду народы просыпаются отъ своего вѣкового сна; подъ слоемъ рабской олигархіи и придирчивой администраціи пробуждаются новыя силы. Различные народы требуютъ уваженія къ своей исторической индивидуальности; здѣсь угнетателемъ является нѣмецъ, и его иго хотятъ теперь стряхнуть. Сколько бы ни старался Меттернихъ обезпечить Габсбургамъ преобладающее вліяніе въ Германскомъ союзѣ, всѣ его ухищренія окажутся безсильными передъ фактами. Австрія не можетъ сохранить господствующаго положенія въ Германіи въ силу венгерскаго и славянскаго состава своего населенія [1]).

II.—Пруссія.

Политика Фридриха-Вильгельма III.—На первый взглядъ судьбы Пруссіи съ 1800 по 1815 годъ представляютъ довольно разительное сходство съ австрійскими. Подобно Австріи, Пруссія тяжелой цѣной расплачивается за свою оппозицію наполеоновской политикѣ; отброшенная за Эльбу, она одно время задаетъ себѣ вопросъ, не отказаться ли ей отъ своихъ западныхъ притязаній и не искать ли поддержки въ славянскомъ своемъ населеніи; послѣ пораженія французовъ въ Россіи она оправляется и на Вѣнскомъ конгрессѣ возвращаетъ себѣ вмѣстѣ съ прежними областями и традиціонныя свои вожделѣнія. Какъ и въ Австріи, власть находится здѣсь въ рукахъ робкаго духомъ и сердцемъ короля, враждебнаго всякимъ новшествамъ, благосклоннаго только къ эгоистической и высокомѣрной аристократіи: даже послѣ Штейна и Гарденберга Пруссія остается деспотической и феодальной монархіей, ее безпокоятъ либеральныя наклонности южныхъ нѣмцевъ, слишкомъ затронутыхъ французскими идеями; съ своей стороны, она внушаетъ имъ непреодолимое недовѣріе. Но это только поверхностное сходство, подъ которымъ скрываются рѣзкія различія. Прежде всего,—и это важно,—Пруссія—государство чисто нѣмецкое, и въ концѣ концовъ событія постоянно усиливаютъ въ ней нѣмецкое сознаніе; вліяніе принциповъ революціи вызываетъ здѣсь усиленное

[1]) См. ниже главу V, *Венгрія*.

Г. Гейдекъ.

Фридрихъ Вильгельмъ III съ семействомъ въ 1809 г.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

проявленіе патріотическихъ нѣмецкихъ чувствъ, которыя будутъ удовлетворены лишь тогда, когда Пруссія соберетъ подъ своей гегемоніей всѣ народы одного происхожденія. Всѣ слои общества въ той или иной степени желаютъ одного и того же и для осуществленія своихъ желаній они способны на всякія жертвы. Съ другой стороны, не въ примѣръ Габсбургамъ, пользующимся своею властью для чисто отрицательныхъ цѣлей, Гогенцоллерны, столь же крѣпко и ревниво держась за свои права, имѣютъ, однако, болѣе возвышенное представленіе о своихъ обязанностяхъ, приносятъ даже свои предразсудки въ жертву общественному благу: они заставляютъ свою знать отказаться отъ такихъ прерогативъ ея, которыя несовмѣстимы съ современными политическими требованіями; они щадятъ даже тѣ силы, которыя кажутся имъ подозрительными, если только сознаютъ, что онѣ со временемъ пригодятся имъ. Ихъ преданность идеѣ заразительна, и своимъ примѣромъ они дѣйствуютъ больше, чѣмъ своими реформами. Они отказываютъ своимъ подданнымъ въ свободѣ, но даютъ имъ взамѣнъ честную администрацію, хорошіе финансы и то, что народы цѣнятъ, можетъ быть, еще выше всякой свободы,— военную славу и уваженіе всей Европы.

Пруссія съ 1800 по 1806 годъ.—Съ 1795 года Пруссія подъ прикрытіемъ *демаркаціонной линіи* [1]) пользовалась всѣми преимуществами нейтралитета, выйти изъ котораго ее не могли заставить ни соблазнительныя предложенія Директоріи, ни высокомѣрныя требованія Австріи. Но положеніе ея было непрочно, потому что въ политикѣ своей она колебалась между двумя партіями, на которыя дѣлилась Европа, и не могла рѣшить своего выбора. Война съ Франціей обнаружила недостатки ея организаціи, и всѣ просвѣщенные умы указывали на неотложность радикальныхъ реформъ, но реформы разбивались объ инертность короля, и проекты, постоянно откладываемые, могли только поколебать довѣріе публики къ устарѣвшимъ учрежденіямъ. Монархія представляла собой своеобразную смѣсь абсолютизма и феодальной анархіи; дворянство все еще сохраняло за собой въ своихъ имѣніяхъ широкую власть и значительную долю общественнаго вліянія; его привилегіи были одинаково пагубны, какъ для королевской власти, воздѣйствіе которой не достигало народныхъ массъ, такъ и для самой націи, которую она держала въ положеніи, очень близкомъ къ рабству. Большинство крестьянъ состояло изъ держателей земли, которые владѣли ею лишь временно и въ личной своей свободѣ стѣснены были тягостными ограниченіями. Упадокъ духа земледѣльцевъ, истощаемыхъ черезчуръ тяжелыми повинностями, безвыходная регламентація, стѣснявшая переходъ собственности изъ рукъ въ руки, упадокъ городовъ, лишенныхъ всякой автономіи,— все это замедляло ростъ богатства. Налоги казались тяжкими, потому что они были слишкомъ неравномѣрно распредѣлены и потому что народъ былъ бѣденъ. Излишняя концентрація дѣлъ, неудобства которой сглаживались изумительной дѣятельностью самого Фридриха II, привела къ крайней путаницѣ при менѣе трудолюбивыхъ или болѣе робкихъ государяхъ. Коллегіальное устройство министерствъ, одновременное существованіе современной системы, съ ея распредѣленіемъ дѣлъ сообразно требованіямъ логики, и системы средневѣковой, соединявшей въ рукахъ извѣстнаго числа чиновниковъ полное управленіе цѣлыми опредѣленными районами, независимость, сохраненная за нѣкоторыми вѣдомствами, и автономія, которою пользовались нѣкоторыя области, помимо того вліяніе *Кабинета,* секретари котораго по

[1]) Линія эта установлена была Базельскимъ миромъ съ Франціей 1795 года и лишила Пруссію ея владѣній на лѣвомъ берегу Рейна.

первоначальному плану должны были быть только исполнителями приказаній, но которые въ силу постояннаго соприкосновенія съ королемъ сдѣлались главными вдохновителями политики,—все это вызывало постоянныя столкновенія и соперничества, которыя дѣлали невозможною какую бы то ни было энергичную и послѣдовательную работу. Самыя противорѣчивыя постановленія слѣдовали одно за другимъ, и государство не имѣло прочнаго основанія въ то самое время, когда твердое и разумное направленіе было необходимѣе, чѣмъ когда-либо. Вслѣдствіе этого извнѣ въ нѣсколько лѣтъ создалось двусмысленное и унизительное положеніе, изъ котораго пытаются выпутаться какимъ-нибудь отчаяннымъ пріемомъ. Внутри—духъ уничиженія и отсутствіе дисциплины ослабляютъ силы сопротивленія націи, проникаютъ въ ряды бюрократіи и даже арміи, и тогда становится достаточно одного толчка, чтобы опрокинуть подгнившее зданіе.

Золотой вѣкъ нѣмецкой литературы; происхожденіе романтизма. — Это плачевное банкротство правительства въ странѣ, гдѣ оно поглотило всякую энергію и сосредоточило на себѣ всѣ надежды, сопровождалось своеобразной вспышкой идей и необыкновеннымъ расцвѣтомъ фантазіи. Смущенныя души ищутъ въ мечтахъ убѣжища противъ давящей ихъ дѣйствительности, и литература, крайняя и недисциплинированная, прежде всего облегчаетъ торжество чужеземца, подчеркивая этимъ моральную неурядицу. Но она питаетъ изумительную умственную дѣятельность, которая едва ли долго станетъ мириться съ политическимъ рабствомъ. Никогда Германія не стояла выше, какъ въ тотъ моментъ, когда ея войска терпѣли пораженія отъ наполеоновскойвоенной тактики, и въ то время, какъ *Майнцскій журналъ* торжественно возвѣщалъ міру, что Германія перестала существовать, ея писатели завоевывали ей первое мѣсто въ Европѣ.

Въ 1796 году совмѣстнымъ произведеніемъ Шиллера и Гёте *Ксеніями* нанесенъ былъ послѣдній ударъ вульгарному раціонализму, господствовавшему въ XVIII вѣкѣ. Вѣкъ *просвѣщенія* отжилъ. Правда, большая публика все еще наслаждалась романами Лафонтена и Вульпіуса и привѣтствовала на сценѣ тенденціозныя драмы Ифланда, сентиментальныя тирады Шредера или дешевыя и замысловатыя комедіи Коцебу; но всѣ, обладавшіе, дѣйствительно, развитымъ литературнымъ вкусомъ, обращали свои взоры на Веймаръ, гдѣ находились въ сборѣ Гердеръ, Виландъ, Гёте, Шиллеръ, Шлегели въ то время, какъ въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда Фихте и Шеллингъ преподавали философію въ Іенѣ. Дѣловая практика, уроки жизни, изученіе древности и созерцаніе въ Италіи шедевровъ Греціи и Рима показали Гёте все ребяческое въ его раннихъ протестахъ противъ традиціи и противъ правилъ. Авторъ *Геца фонъ-Берлихингена* и *Вертера* признаетъ права разума и не гнушается переводить Расина; но вѣдь это смягченіе прежнихъ воззрѣній не есть отреченіе: онъ остается вѣренъ своему культу природы и жизни, онъ проникнутъ реализмомъ даже въ своихъ подражаніяхъ чужеземному, онъ нѣмецъ въ глубинѣ души, даже когда онъ даетъ греческія или латинскія имена своимъ дѣйствующимъ лицамъ. Иногда онъ озадачиваетъ насъ сложностью изображаемыхъ героевъ и неуловимыми художественными оттѣнками, которыми онъ стремится передать безконечное разнообразіе природы; но если бывали болѣе высокіе художники, зато мало писателей вызываютъ въ душѣ такой длительный отголосокъ. Въ теченіе какихъ-нибудь пятнадцати лѣтъ онъ даетъ теперь бо́льшую часть своихъ главныхъ произведеній: *Учебные годы Вильгельма Мейстера* и *Римскія элегіи* (1795), *Алексисъ и Дора* (1796), *Германъ и Доротея* (1797), первая часть *Фауста* (1808),

Ф. Шиллеръ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

І. В. Гете.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Теорія цвѣтовъ, Родство по выбору, Правда и поэзія. Въ это же время пріобрѣтаетъ онъ то поистинѣ царственное вліяніе, которымъ онъ неизмѣнно пользовался съ этихъ поръ у своихъ соотечественниковъ, то вліяніе, котораго не могла подорвать даже глупая лесть нѣсколькихъ фанатиковъ.

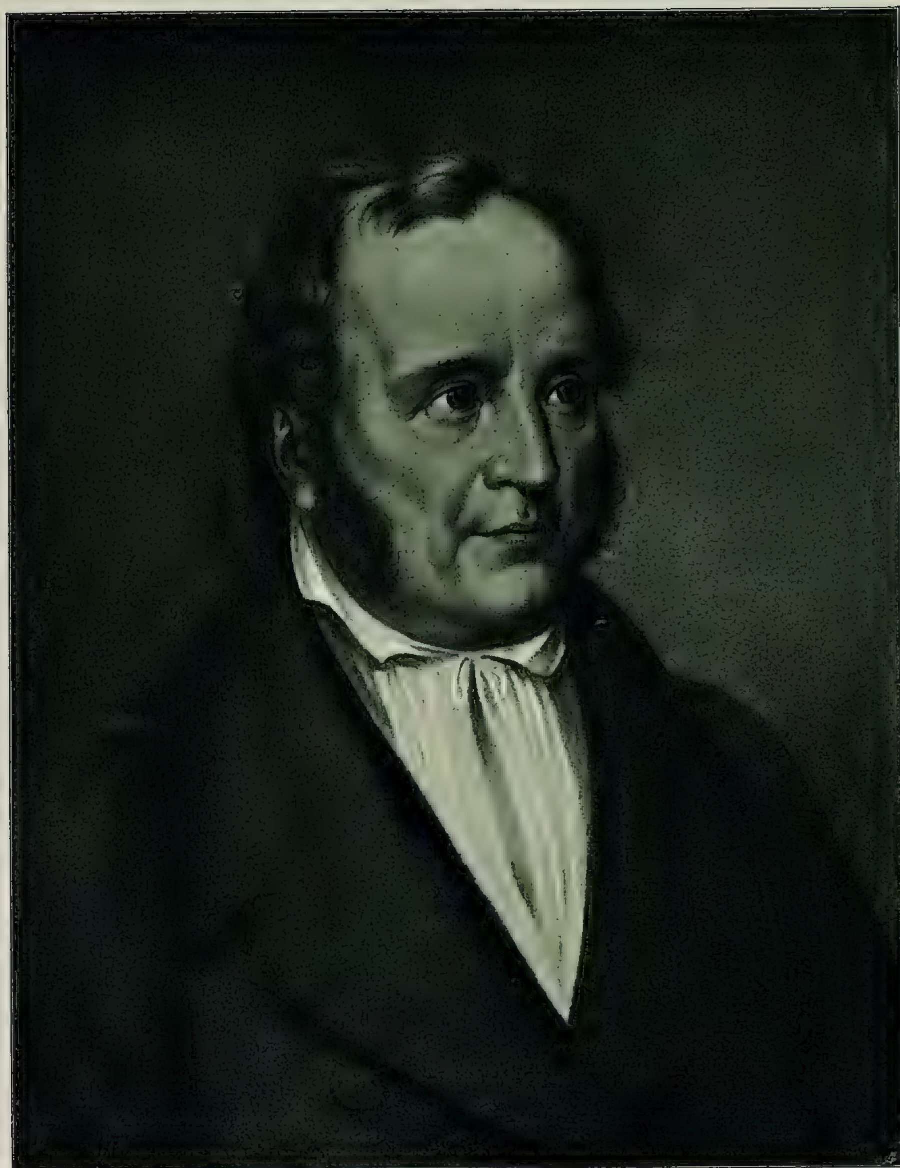
Напротивъ, культъ Шиллера признанъ былъ далеко не всѣми. Послѣ первыхъ шумныхъ своихъ успѣховъ Шиллеръ не зналъ, куда ему итти, отдавшись цѣликомъ своимъ эстетическимъ трудамъ; его дружба съ Гёте вернула ему увѣренность и пылъ. Впрочемъ, въ послѣднихъ его произведеніяхъ онъ такой же, какъ и въ первыхъ драмахъ, одушевленъ той же благородной искренностью, полонъ вѣры въ свободу, въ то же время черезчуръ занятъ профессіональными вопросами, склоненъ къ абстракціи. Его героямъ не хватаетъ реальности и жизни, его психологія поверхностна и банальна. Но и въ этихъ посредственныхъ рамкахъ благородство мысли и блестящая звучность языка увлекаютъ воображеніе. *Марія Стюартъ, Жанна д'Аркъ, Валленштейнъ, Вильгельмъ Телль* являются несравненными воспитательными драмами, т. е. пьесами, изумительно пригодными для внѣдренія самыхъ здоровыхъ и самыхъ возвышенныхъ идей въ молодые умы.

Нѣкоторыми сторонами пламенностью сердца, нравственною высотою Жанъ-Поль Рихтеръ напоминаетъ Шиллера; очень острымъ своимъ чутьемъ дѣйствительности, сложностью своей мысли, пышнымъ богатствомъ своей фантазіи онъ скорѣе заставляетъ думать о Гёте. Авторъ такихъ вещей, какъ *Hesperus, Fixlein, Flegeljahre* вызывалъ у своихъ современниковъ прямо бѣшенные восторги. Когда онъ прибылъ въ Берлинъ, прекрасныя еврейки, задававшія тонъ, Генріетта Герцъ, Рахиль Левинъ, Полина Визель, которая окружена была извѣстнымъ ореоломъ благодаря любви принца Людвига-Фердинанда, соперничали въ энтузіазмѣ, преклоняясь передъ нимъ; своими чрезмѣрными манифестаціями королева Луиза и ея сестра навлекли на себя грубую выходку со стороны короля. Юмористъ принималъ всю эту дань признательности нѣсколько озадаченный и, хотя онъ былъ вовсе не пуританскаго склада, немного шокированный легкостью нравовъ, свободой языка, смѣлостью теорій. Онъ знакомъ былъ съ романтическими теоріями и заимствовалъ нѣкоторыя изъ нихъ: презрительное отношеніе къ композиціи, исключительное господство фантазіи. Теперь онъ видѣлъ всѣ эти парадоксы въ примѣненіи и вмѣстѣ съ м-мъ де Сталь, посѣщавшей тѣ же салоны, констатировалъ, „что только политическія и религіозныя установленія могутъ воспитать общественный духъ, и что никакая отвлеченная доктрина не можетъ быть настолько дѣйственна, чтобы вдохнуть народу энергію".

Романтики еще въ сильнѣйшей степени, чѣмъ Гёте, котораго они тщетно пытаются уловить въ сѣти литературной догмы, являются истинными наслѣдниками ученія Гердера и представителями той теоріи эволюціи и организма, на которую ссылаются наиболѣе знаменитые мыслители столѣтія. Къ несчастью, они довели свои идеи до абсурда, запутавшись въ сѣтяхъ своей эстетики и сдѣлавшись жертвой обстоятельствъ. Съ другой стороны, не довольствуясь протестомъ противъ сухости учениковъ энциклопедіи во имя чувства, они изгоняютъ разумъ и не допускаютъ иного закона, кромѣ личнаго произвола. Они проповѣдуютъ возвращеніе къ природѣ, къ наивной первобытной простотѣ, но ради этого они требуютъ отъ міра, чтобы онъ отказался отъ своей привычки къ рефлексіи и критикѣ и чтобы, забывъ долгіе вѣка свободнаго исканія, онъ преклонился передъ главой церкви! Гердеръ

показалъ всю скудость и узость, какая заключалась въ аналитической критикѣ французскихъ философовъ, и снова обратилъ вниманіе на тѣ неразрывныя узы, которыя связываютъ человѣка съ прошедшими поколѣніями и съ окружающей природой; но это ученіе, которое, по мысли своего творца, учитъ безропотной преданности задачѣ, цѣль и конецъ которой скрыты отъ насъ, — это ученіе превращается у нихъ въ мечтательный эгоизмъ. Порывы Шеллинга, тождество *я* и *не я*, мірозданіе, какъ эволюція вѣчной идеи, отражающейся въ умѣ человѣка, — все это обольщало ихъ, и они заключали отсюда, что поэтъ, истинный творецъ міра — выше всякихъ законовъ. Послѣ Шлегеля всѣ іенскіе *геніи* повторяли, „что понять какую-нибудь вещь значитъ оправдать ее, и что благородныя натуры платятъ не тѣмъ, что онѣ дѣлаютъ, а тѣмъ, что онѣ есть". Они сдѣлались жертвами заблужденій своей литературной концепціи: большинство ихъ умираетъ молодыми, истощенными, сохраняя отъ этого безумнаго стремленія къ идеалу лишь горькое разочарованіе и неизлѣчимое отчаяніе. Они утратили всякую связь съ дѣйствительностью, и ихъ произведенія уносятъ насъ въ странный міръ, который сначала озадачиваетъ, а потомъ нагоняетъ скуку. Чѣмъ расплывчатѣе дѣйствующія лица, чѣмъ бѣглѣе очертанія, чѣмъ смутнѣе идеи, тѣмъ ближе считаютъ себя эти авторы къ идеалу искусства, какъ они его понимаютъ. Ихъ мысль скована системами и силится подняться надъ собой ироніей поэта, который самъ судитъ свое произведеніе и осуждаетъ его.

Плачевное банкротство школы, возвышенныя стремленія которой часто доходили до смѣшного, школы, которая въ самой высокой степени уважала искусство, а кончила литературной анархіей, причемъ вожди ея, одушевленные самыми благородными страстями, сдѣлались орудіемъ въ рукахъ какого-нибудь Меттерниха! Но „если они плохо кончили, мечта ихъ была возвышенна". Эти поэтическія души, впечатлительныя и утонченныя, были слишкомъ нѣжны и неспособны къ сопротивленію: онѣ подхвачены были событіями и не могли совладать съ ними; однако, ихъ ошибки заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія и ихъ паденіе не должно вызывать забвенія исконнаго благородства ихъ инстинктовъ. Гейне, который былъ послѣднимъ изъ романтиковъ и самымъ крупнымъ писателемъ школы, осудилъ ихъ черезчуръ строго по сухости своего сердца, а можетъ быть, и по чувству тайной досады отъ сознанія ограниченности своего таланта. Трудно согласиться безъ возраженій съ его приговоромъ. Во всякомъ случаѣ, читая его, надо помнить, что люди, которыхъ онъ огульно осуждаетъ, оставили послѣ себя нѣсколько превосходныхъ произведеній и что они полными горстями сѣяли плодотворныя идеи. *Гимны Ночи* Новалиса, лирическія стихотворенія Хельдерлина, Тика и Арнима, при всѣхъ оговоркахъ, какія приходится сдѣлать, все-таки свидѣтельствуютъ о богатствѣ воображенія, о силѣ эмоціи и объ удивительномъ мастерствѣ поэзіи и языка. У нихъ было подлинное чутье народной поэзіи, и Шамиссо, Брентано, Фуке и Гофманъ вернули или даже впервые даровали права литературнаго гражданства фантастической новеллѣ, сказкѣ, юмористическому роману. Умъ ихъ, презиравшій всякіе перегородки и предразсудки, всюду чувствуетъ красоту и удивляется ей, и, какъ истинные ученики Гердера въ этомъ отношеніи, они космополиты по своему вкусу; ихъ привлекаютъ забытыя эпохи и неизвѣстныя расы; у нихъ есть способность отрѣшаться отъ себя, жить въ прошломъ. Они являются истинными создателями великаго историческаго движенія, которое составляетъ честь XIX вѣка. Шлегели открываютъ

Ж. П. Рихтеръ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

нашему изученію Индію и Востокъ; Вильгельмъ Гумбольдтъ создаетъ сравнительную филологію; имъ обязаны мы *Римской исторіей* Нибура и *Символикой* Крейцера. Они дѣлаютъ починъ въ критикѣ текстовъ и указываютъ современному изученію неисчерпаемый рудникъ свѣдѣній, какія можно почерпнуть въ народныхъ пѣсняхъ, преданіяхъ, законодательныхъ памятникахъ, пословицахъ. Подъ ихъ вліяніемъ Савиньи обновляетъ исторіей науку права; Александръ Гумбольдтъ превращаетъ географію въ синтезъ всей жизни на землѣ; Шлейермахеръ возрождаетъ протестантизмъ и даетъ Германіи современную религію. Если подумать только о той широкой бреши, какую пробили романтики въ нашемъ умственномъ горизонтѣ, и о тѣхъ перспективахъ, которыя они открыли въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, то ихъ ошибки покажутся очень незначительными въ сравненіи съ ихъ заслугами, и остается лишь чувство почтительной благодарности къ этимъ смѣлымъ піонерамъ будущаго. Съ тѣхъ поръ Германія успѣла познать опьяняющую радость военной славы, но никогда она не была величественнѣе, какъ въ эти славные годы, отмѣченные на ряду съ шедеврами Гёте, Шиллера и Жанъ-Поля, первыми опытами Александра фонъ-Гумбольдта, эстетическими этюдами Вильгельма фонъ-Гумбольдта, *Пролегоменами* Вольфа, *Системой морали* Фихте, *Философіей природы* Шеллинга, шлегелевскими переводами Шекспира, *Феноменологіей* Гегеля, первыми печатными трудами Гримма. Можно значительно удлинить этотъ списокъ, и все-таки не исчерпать его до конца.

Этому поколѣнію пророковъ, стремившихся разомъ сорвать то покрывало, подъ которымъ скрыта отъ насъ міровая загадка, не по душѣ были научные пріемы, кропотливые опыты, робкія гипотезы: къ чему терпѣливые лабораторные поиски, когда послѣдній выводъ всего можно найти у Шеллинга и Гегеля! Интуитивный методъ пустилъ въ оборотъ различныя вычурности: то было время расцвѣта магнетизма; Галль и Лафатеръ насчитывали многочисленныхъ послѣдователей; врачи видѣли причину болѣзней въ грѣхѣ и учили, что заклинаніе — самое надежное лѣкарство. Эти кратковременныя глупыя увлеченія принесли свою пользу, способствуя распространенію вкуса къ естественнымъ наукамъ и пробужденію молодыхъ талантовъ, которые избавились отъ этихъ химеръ и сдѣлались солидными экспериментаторами. И если геній математика Гаусса долгое время остается непризнаннымъ, все-таки въ это именно время съ увлеченіемъ разрабатываются астрономія, физіологія, минералогія, ботаника, представленныя выдающимися знатоками; въ 1809 году Таэръ издаетъ свои *Начала естественнаго земледѣлія*, которыя становятся настольной книгой всѣхъ прусскихъ землевладѣльцевъ и, по выраженію Трейчке, даютъ имъ возможность оправиться отъ того бѣдственнаго положенія, въ которое они ввергнуты были французскимъ нашествіемъ.

Искусство также преобразовано было романтическими теоріями. Въ это время въ монастырѣ св. Исидора въ Римѣ вокругъ Овербека сосредоточились Корнеліусъ, Вильгельмъ Шадовъ и Фейтъ, которые, какъ патріоты и христіане, искали вдохновенія въ среднихъ вѣкахъ. Но ихъ вліяніе пока не проникло въ Германію, гдѣ все еще господствовали взгляды Винкельмана и классическія традиціи. Всеобщая исторія можетъ не удерживать именъ посредственныхъ живописцевъ, учениковъ Карстенса. Зато скульпторы, при отсутствіи высокой оригинальности, все-таки обнаруживаютъ больше независимости; знаменитая побѣдная колесница, созданная Шадовымъ для бранденбургскихъ воротъ, увезенная Наполеономъ въ Парижъ и возвращенная Бер-

лину Блюхеромъ, не лишена движенія и извѣстнаго величія. Христіанъ Раухъ (1777 — 1857), единственный дѣйствительно славный художникъ этой эпохи, только что начинаетъ свою впослѣдствіи столь плодотворную карьеру; но уже его памятникъ королевы Луизы, столь трогательный въ своей простотѣ, обнаруживаетъ всю силу его дарованія; для изображенія потомству соратниковъ Фридриха II или героевъ независимости едва ли кто-либо подходилъ болѣе, чѣмъ этотъ трезвый, строгій скульпторъ, чья нѣсколько холодная важность озаряется отблескомъ пламеннаго убѣжденія.

Паденіе Пруссіи. — Въ расцвѣтѣ своей литературы нѣмцы находили утѣшеніе за свое политическое безсиліе. Корифеи движенія остались идеалистами и космополитами. У Шиллера и Гёте есть много такихъ мѣстъ, которыми съ тѣхъ поръ подогрѣвается нѣмецкій патріотизмъ, но сами поэты скоро отворачивались отъ вопросовъ, которые они считали до извѣстной степени праздными. Мы имѣемъ здѣсь одинъ изъ самыхъ любопытныхъ парадоксовъ исторіи: нѣмецкая національность, столь аггрессивная и высокомѣрная, выросла въ школѣ писателей, для которыхъ патріотизмъ являлся лишь тормазящимъ предразсудкомъ. Многіе, и притомъ самые знаменитые, умерли нераскаянными грѣшниками: Гёте до конца любилъ Францію, а Гегель постоянно восторгался Наполеономъ. Ихъ современники сокрушались по этому поводу, потому что пораженіе Пруссіи пробудило ихъ отъ волшебнаго сна, и они поняли, что народъ, не умѣющій отстоять своей независимости, осужденъ на быстрое духовное паденіе. Долгое время они не понимали истиннаго значенія предпріятій Наполеона; недостатокъ своей прозорливости имъ пришлось искупать настойчивымъ мужествомъ.

Въ 1807 году монархія Гогенцоллерновъ была уже только второстепенной державой, лишенной своихъ польскихъ и вестфальскихъ провинцій, подстерегаемой на всѣхъ границахъ сосѣдями, готовыми броситься на добычу. Важнымъ симптомомъ было и то обстоятельство, что вмѣстѣ съ правительствомъ провалилась и нація; своимъ быстрымъ подчиненіемъ она освятила побѣду врага. Пораженіе при Іенѣ было не болѣе какъ несчастье; поведеніе короля, просившаго мира, слабость многихъ крѣпостныхъ комендантовъ, „сдававшихся по требованію трубнаго звука“ (Бойенъ), прокламація берлинскаго губернатора Шуленбурга-Кенерта, который напоминалъ жителямъ, „что спокойствіе есть первый долгъ гражданъ“, снисходительная угодливость чиновниковъ въ выполненіи приказовъ завоевателя, языкъ прессы и благоговѣйное любопытство ротозѣевъ, собравшихся ко въѣзду французскихъ войскъ и удивлявшихся театральному милосердію, съ которымъ Наполеонъ прощалъ графа Гатцфельда (который, впрочемъ, нисколько не былъ виновенъ),—все это, повидимому, указывало, что нація созрѣла для рабства. Генцъ считалъ смѣшнымъ предположеніе, что она когда-либо въ состояніи будетъ подняться.

Наполеонъ былъ дальновиднѣе. Когда онъ писалъ султану, что Пруссія исчезла, онъ хотѣлъ обмануть этимъ Европу, но тильзитскій договоръ не удовлетворилъ его. Громы Фридланда лишь отчасти вознаградили за Эйлау: разбитая, униженная Пруссія, втиснутая въ предѣлы трехъ своихъ коренныхъ областей: Бранденбурга, Силезіи и Пруссіи, все-таки продолжала существовать; потеря вестфальскихъ владѣній лишала ее одной завѣтной надежды; что же касается до основанія великаго герцогства Варшавскаго, то хоть оно и пробивало на ея границахъ зіяющую брешь, зато избавляло ее отъ милліоновъ подданныхъ, которые всегда готовы были къ возстанію и стѣсняли ея движенія. Было очевидно, что

Г. Гендлеръ.

Королева Луиза въ крестьянской избѣ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

она при первой возможности призоветъ судьбу къ рѣшенію этого вопроса. Чтобы сдѣлать невозможной малѣйшую попытку реванша, Наполеонъ подвергъ побѣжденныхъ безжалостной финансовой эксплуатаціи. 12 іюля 1807 года Калькрейтъ подписалъ пресловутую кенигсбергскую конвенцію, которая опредѣляла сроки французской оккупаціи; но Калькрейтъ былъ неопытный дипломатъ, конвенція могла быть истолкована различно, и Наполеонъ злоупотребилъ этимъ. Главный интендантъ Дарю получилъ приказъ предъявлять требованія, размѣръ которыхъ безпрерывно увеличивался; миссія королевскаго брата, Вильгельма, отправившагося въ Парижъ, чтобы добиться конца ненавистнаго режима, не привела ни къ какимъ улучшеніямъ. Позднѣе, когда Штейнъ подписалъ вмѣстѣ съ Дарю (мартъ 1808 года) новый договоръ, очень тяжелый, но, по крайней мѣрѣ, съ точностью устанавливавшій требованія Франціи, императоръ отказался утвердить его. Происшествія въ Испаніи и боязнь вызвать неудовольствіе Александра принудили его наконецъ принять парижское соглашеніе (8 сентября 1808 года); Пруссія признала за собой долгъ въ 140 милліоновъ франковъ; пока она не расплатится окончательно, 10.000 французовъ будутъ занимать Штеттинъ, Кюстринъ и Глогау; семь военныхъ дорогъ въ королевство открыты для французовъ; прусская армія не станетъ превышать 42.000 человѣкъ. Такимъ образомъ, фактически монархія до 1813 года кишитъ непріятельскими войсками и подчинена режиму реквизицій. Прусскіе историки исчисляютъ сумму, какую пришлось ей выплатить, въ 1.200 милліоновъ. „Я вытянулъ изъ Пруссіи милліардъ“, говорилъ самъ Наполеонъ. Нелегко точно свести счеты и приходится забраковать нѣкоторыя цифры, но одинъ фактъ остается несомнѣннымъ, это — ужасающее бѣдственное состояніе страны, разоренной уже континентальною блокадой, и гнѣвъ, вызванный постоянными притѣсненіями солдатъ. Люди дошли вслѣдствіе этого до той степени отчаянія, когда все кажется лучше существующаго порядка.

Причины возрожденія. — Въ это время возстаніе Испаніи показало побѣжденнымъ, что Наполеонъ не неуязвимъ и что можно обратить идеи революціи противъ него самого. Со времени Фридриха II всѣ нѣмецкіе патріоты привыкли вѣрить въ Пруссію: она являлась послѣдней твердыней защиты; покидая ее, они тѣмъ самымъ отказывались отъ всякой надежды. Вокругъ Гогенцоллерновъ почти со всѣхъ концовъ Германіи собирались люди, отказывавшіеся допустить мысль, чтобы странѣ Канта, Шиллера и Гёте отведена была въ мірѣ лишь роль поставщика военныхъ контингентовъ для чужеземнаго властителя. Среди вождей партіи сопротивленія въ Берлинѣ многіе, и далеко не худшіе, были пришельцами извнѣ: Штейнъ изъ Нассау, Арндтъ съ Рюгена, Шарнгорстъ и Гарденбергъ были ганноверцы, Нибуръ—датчанинъ. Прежде всего требовалось пробудить нравственное сознаніе народа, вернуть ему вѣру въ себя и въ свое призваніе. Состояніе изнеможенія, послѣдовавшее за Іеной, въ сущности было лишь временнымъ; даже еще раньше тильзитскаго договора различные симптомы возвѣщали пробужденіе общественнаго сознанія.

„Слава продолжительнаго царствованія и отголосокъ имени Фридриха II сообщили пруссакамъ преувеличенное представленіе о себѣ и любовь къ родинѣ, доходившую до идолопоклонства“. Въ этой странѣ, не избалованной природою, подъ тяжелой рукой Гогенцоллерновъ образовалась крѣпкая, терпѣливая, упорная раса, въ которой всѣ болѣе или менѣе проникнуты были чувствомъ долга по отношенію къ государству и болѣли сердцемъ при видѣ его упадка. Раса эта привыкла къ бѣдствіямъ, много разъ

приходилось ей снова приниматься за свое дѣло, до основанія уничтоженное грозой; она выходила изъ каждаго испытанія закаленною. Духовный кризисъ, способствовавшій ея паденію, не коснулся массъ; въ бюргерствѣ, въ провинціи продолжали царить добродѣтели предковъ, духъ повиновенія и преданности, твердая вѣра; нужно было только, такъ сказать, вызвать все это на поверхность. Въ апостолахъ не оказалось недостатка. Въ церквахъ жаждавшіе утѣшенія и надежды вѣрные толпились около Шлейермахера, чья терпимая и трогательная вѣра удовлетворяла потребностямъ ихъ души, не налагая на разумъ никакихъ путъ. Фихте, всегда вѣрный себѣ, говорилъ о возрожденіи въ Берлинѣ, кишѣвшемъ французскими солдатами, такъ же, какъ во время террора онъ громко исповѣдывалъ свою вѣру въ свободу. Молодымъ людямъ, возбужденнымъ вслѣдствіе чувства опасности, онъ истолковывалъ строгое ученіе Канта и, возвращаясь къ здоровому истолкованію системы Гердера, онъ напоминалъ имъ, что они отвѣтственны не за одну свою судьбу, но что своею трусостью они могутъ скрѣпить смертный приговоръ цѣлому народу. Есть литературныя произведенія совершеннѣе *Рѣчей къ нѣмецкому народу* (1807 — 1808 г.); въ послѣднихъ можно отмѣтить длинноты, повторенія, извѣстную путаницу въ ходѣ мыслей, но нѣтъ ученія болѣе возвышеннаго и ободряющаго. Фихте пишетъ, и въ этомъ его слава, не только для Германіи, но для всего человѣчества, и книга его и понынѣ остается утѣшеніемъ для побѣжденныхъ и притѣсняемыхъ.

Менѣе непосредственно, но зато, можетъ быть, болѣе универсально было вліяніе великаго историческаго движенія, начавшагося въ Германіи въ этотъ моментъ. Въ силу какого-то инстинкта ученые напоминаютъ народу, не имѣющему болѣе очага и по принужденію говорящему на чужомъ языкѣ, славные подвиги его героевъ и поэтовъ. Въ 1806 году Брентано и Ахимъ фонъ-Арнимъ выпустили сборникъ народныхъ пѣсенъ *Des Knaben Wunderhorn*; Гагенъ и Бюшингъ основываютъ *Музей* для древне-германской литературы и искусства; переводятъ и комментируютъ *Нибелунги*. Со всѣхъ сторонъ дѣлаются усилія воскресить прошлое: если живые не въ силахъ защитить границу, призываютъ мертвыхъ, и ихъ священныя тѣни обратятъ чужеземца въ бѣгство. Клейстъ, самый, можетъ быть, крупный драматическій писатель, какого создала Германія, воспѣваетъ въ *Битвѣ Арминія* возстаніе противъ Рима, а въ *Принцѣ Гомбургскомъ*—основателя современной Пруссіи. Захарій Вернеръ, который сдѣлался потомъ священникомъ и который своею трагедіей *Двадцать четвертое февраля* далъ толчокъ цѣлой литературѣ вычурнаго фаталистическаго направленія, прославляетъ въ своей драмѣ *Лютеръ* права совѣсти, не преклоняющейся передъ силою. Разумѣется, весь этотъ пылъ не обходится безъ ребячества и глупостей. Только смѣшнымъ можно признать увлеченіе берлинскихъ щеголихъ Шиллемъ, который, если вѣрить разсказамъ, при обученіи своего полка показывалъ пріемъ, какъ держать саблю, чтобы снести ею голову француза, и какъ вторымъ пріемомъ снести еще голову француза; прямо отвратительна грубость Яна, основателя гимнастическихъ обществъ *(Turnvereine)*, который думалъ возродить молодежь гимнастикой. Таковъ ужъ законъ: самыя возвышенныя мысли уродуются, становясь достояніемъ посредственныхъ или ограниченныхъ умовъ. Тамъ, гдѣ Фихте говорилъ объ освобожденіи, Янъ требовалъ мести и завоеванія, и въ немъ говоритъ уже не уваженіе къ праву, а ненависть. Но только въ этой формѣ уроки философовъ понятны были толпѣ. И вотъ мало-по-малу создается особая одуряющая атмосфера.

Къ чему теперь тайныя общества? Дѣйствительно, роль ихъ была довольно ограниченная. Французы, а также и австрійскіе министры много говорили о „Союзѣ добродѣтели“ (Tugendbund). Основанное нѣсколькими кенигсбергскими масонами, любителями общихъ фразъ, высокопарныхъ формулъ и заговорщицкихъ пріемовъ, общество это довольно благосклонно принято было королевой, гораздо холоднѣе министрами, которые, однако, не всегда отказывались отъ его услугъ. Оно распространилось въ большинствѣ значительныхъ городовъ, но никогда не насчитывало болѣе нѣсколькихъ сотъ сторонниковъ и безъ всякаго сопротивленія исчезло въ 1810 году по повелѣнію короля. Рядомъ съ *Союзомъ добродѣтели* возникли другія сообщества, образовавшіяся изъ студентовъ, офицеровъ, состоявшихъ на половинномъ жалованьѣ, заштатныхъ чиновниковъ. Ихъ вліяніе не прошло даромъ: они способствовали поддержанію общаго возбужденія, пугали робкихъ, предупреждали отпаденіе. Въ общемъ роль ихъ была вспомогательная, главнымъ образомъ потому, что вся страна цѣликомъ была въ состояніи заговора противъ завоевателя.

Штейнъ и реформы.—Этотъ первый періодъ патріотическаго возбужденія, которое нѣсколько опьянялось словами и легко принимало свое желаніе за дѣйствительность, нашелъ своего истиннаго представителя въ Штейнѣ. Онъ сдѣлался въ нѣкоторомъ смыслѣ воплощеніемъ нѣмецкаго патріотизма, и благонамѣренные журналы не допускаютъ критическаго отношенія къ его дѣлу; онъ заслужилъ подобный культъ горячностью своихъ убѣжденій, искренностью и постоянствомъ своей страсти, возвышенностью своего характера, и нельзя отрицать того, что онъ былъ иниціаторомъ мѣропріятій, которыми подготовлено было преобразованіе Пруссіи. Его слава, можетъ быть, не была бы такъ безспорна, если бы самъ Наполеонъ не поддержалъ ея своими неумѣстными строгостями.

Фридрихъ-Вильгельмъ не любилъ его; онъ считалъ его рѣзкимъ и непочтительнымъ; онъ сдѣлалъ его министромъ противъ своего желанія послѣ долгихъ колебаній (5 октября 1807 года), мало находилъ удовольствія въ его прокламаціяхъ, разстался съ нимъ безъ всякаго сожалѣнія и никогда не разсчитывалъ снова призвать его къ власти. Эта враждебность государя, опирающагося на могущественную знать, явилась важнымъ осложненіемъ для сторонниковъ реформъ. Чтобы справиться съ нимъ, потребовалась героическая воля. Поклонники Штейна—и прежде всего самый краснорѣчивый и горячій изъ нихъ, Трейчке,—особенно настаиваютъ на двухъ обстоятельствахъ, которыя кажутся имъ существенными: на оригинальности политическихъ замысловъ Штейна и на радикализмѣ его мѣропріятій. Кавеньякъ доказалъ, что такой взглядъ требуетъ кое-какихъ поправокъ. Если еще въ наши дни дворянство сохраняетъ въ коренныхъ прусскихъ провинціяхъ господствующее соціальное положеніе, если даже послѣ революціи 1848 года восточныя области представляютъ собой разительный контрастъ съ рейнскими округами, которые знавали французское господство, то это, безъ сомнѣнія, означаетъ, что законы *барона-освободителя* были либо менѣе полны, либо хуже задуманы, чѣмъ законы Учредительнаго Собранія. Что касается его оригинальности, то, даже допуская, что лично онъ не поддался воздѣйствію современныхъ событій (а это и мало вѣроятно и едва ли доказуемо), нельзя не замѣтить, что среди его сотрудниковъ многіе были болѣе или менѣе признанными апостолами евангелія 1789 года. Справедливо только одно: въ то время какъ Учредительное Собраніе прежде всего сознавало необходимость обезпечить свободу гражданъ и руководствовалось, такимъ образомъ, индиви-

дуалистическими стремленіями, Штейнъ искалъ средствъ увеличить силы государства, уничтожая путы, которыя задерживали ростъ благосостоянія и парализовали развитіе общественнаго сознанія. Въ этомъ смыслѣ этотъ аристократъ былъ своего рода соціалистомъ и въ то же время вполнѣ отвѣчалъ традиціямъ Гогенцоллерновъ. Точно такъ же было бы крупной ошибкой измѣрять его дѣятельность по матеріальнымъ ея результатамъ: много было иллюзій въ его представленіи объ отеческомъ попеченіи помѣщиковъ, но тотъ огонь жизни и надежды, который исходилъ отъ его приказовъ, сообщился всему народу, и, разставаясь съ властью, онъ, дѣйствительно, оставлялъ за собою новый народъ.

9 октября 1807 года король обнародовалъ знаменитый эдиктъ, который Шёнъ называетъ прусскимъ Habeas corpus'омъ. Эдиктъ этотъ уничтожалъ во всемъ королевствѣ наслѣдственную зависимость и освобождалъ земельную собственность отъ всякихъ закономъ установленныхъ ограниченій, стѣснявшихъ свободный ея переходъ. Если не считать королевскихъ имѣній, гдѣ 47.000 семействъ сдѣлались собственниками своихъ участковъ, декретъ 9 октября остался платоническимъ. Кавеньякъ доказалъ, что „крестьянинъ не только по прежнему былъ далекъ отъ собственности, но оставался юридически и фактически подъ соціальнымъ и политическимъ гнетомъ земельной аристократіи, и феодальное зданіе едва было поколеблено“. Отмѣна помѣщичьихъ правъ и мѣры, принятыя къ тому, чтобы помѣшать господамъ наложить руку на крестьянскіе надѣлы, тѣмъ не менѣе свидѣтельствуютъ о серьезномъ успѣхѣ, и рѣзкая оппозиція феодаловъ доказывала важность принятыхъ рѣшеній. 19-го ноября 1808 года муниципальнымъ закономъ, который подготовленъ былъ Штейномъ и Шреттеромъ, городамъ возвращены были общинныя права, которыя мало-по-малу были ими утрачены. Штейнъ стремился привить народу привычку и охоту къ самоуправленію; но указъ 19 ноября касался лишь малой части населенія, а законы объ общинномъ управленіи деревень и о правѣ собраній, которыхъ требовалъ Бойенъ, отложены были на неопредѣленное время. Наконецъ, 24 ноября 1808 года въ самый день ухода Штейна появился законъ о центральномъ управленіи, который, хоть и искалѣченный новыми министрами, и понынѣ служитъ основаніемъ прусской организаціи. *Генеральная директорія* съ своими запутанными подраздѣленіями исчезала навсегда. Система *коллегій* была оставлена, и всѣ дѣла распредѣлены были между министерствами внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, иностранныхъ дѣлъ и военнымъ. Генеральныя кассы слиты были въ единую государственную кассу, ввѣренную министру финансовъ. Государственный совѣтъ, который учрежденъ былъ лишь гораздо позднѣе, долженъ былъ сдѣлаться высшимъ совѣтомъ монархіи. Единство королевства скрѣплено было еще прочнѣе благодаря исчезновенію областныхъ министровъ. Привилегіи различныхъ провинцій были уничтожены. Старинныя территоріальныя дѣленія подвергнуты были пересмотру, провинціи подчинены главному *президенту*, доменныя и финансовыя палаты замѣнены были *управленіями* (*Regierungen*), компетенція которыхъ была яснѣе ограничена и которыя избавлены были отъ всякихъ судебныхъ дѣлъ. Штейнъ думалъ также объ учрежденіи областныхъ чиновъ и государственныхъ чиновъ, но прошло полвѣка, прежде чѣмъ королевская власть согласилась призвать представителей народа.

Шарнгорстъ; армія.—Изъ числа тѣхъ, которые еще до Іены указывали на недостатки военной организаціи Пруссіи, Шарнгорстъ былъ самымъ рѣшительнымъ. Старо-прусская партія относилась съ недовѣріемъ къ этому чужестранцу,

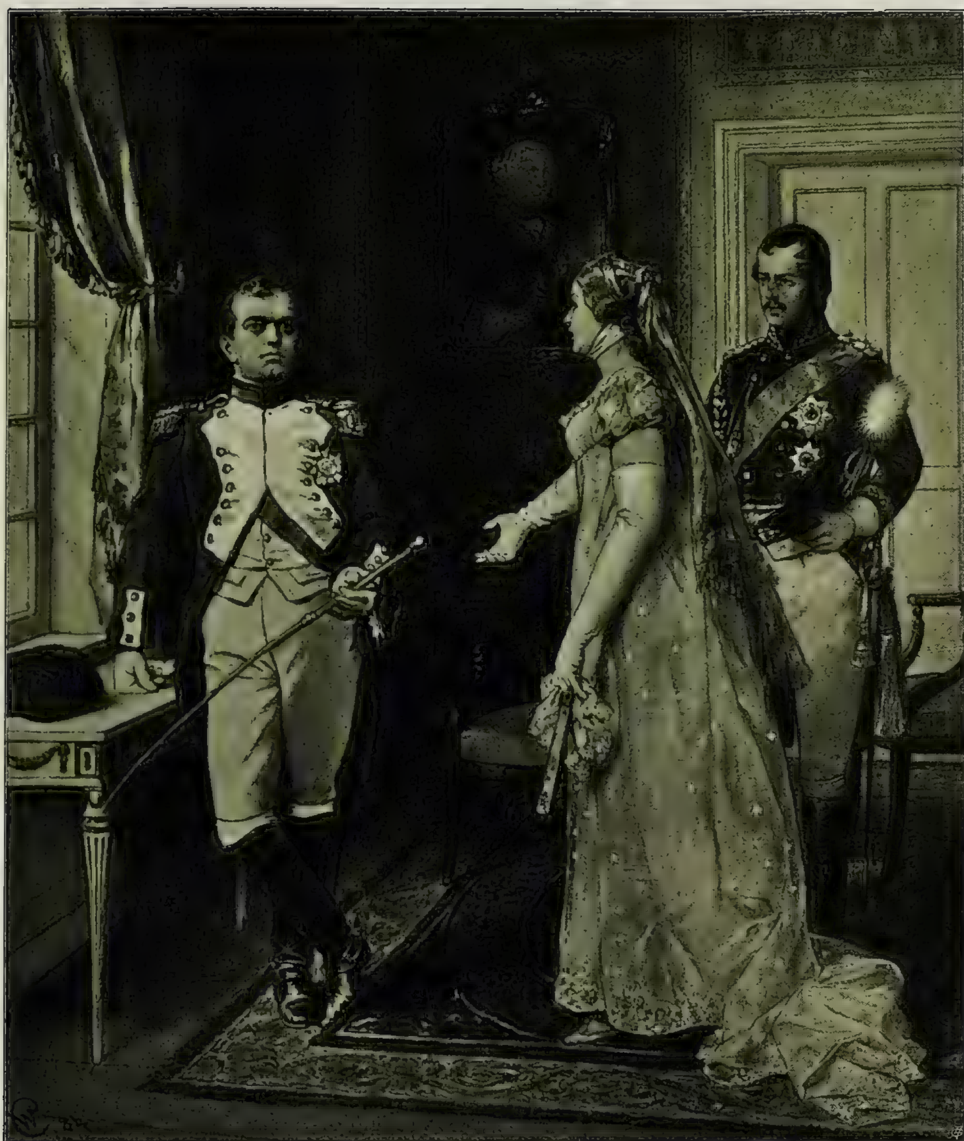
который, вступивъ въ армію въ 1801 году, сразу заявилъ притязанія все передѣлать; сторонники плацъ-парада подсмѣивались надъ этимъ профессоромъ, мало занимавшимся собой, лишеннымъ всякаго обаянія, неловкимъ въ своихъ манерахъ и рѣчахъ; выдающіеся таланты, проявленные имъ при Эйлау, гдѣ онъ былъ настоящимъ героемъ дня, привлекли къ нему даже скептиковъ. Впрочемъ, сами обстоятельства рѣшили дѣло. Чтобы бороться съ революціонными арміями, нужны были многочисленныя силы; чтобы устоять передъ дружнымъ натискомъ наполеоновскихъ солдатъ, нужно было, чтобы люди воодушевлялись высокой нравственной идеей. Система Фридриха II съ ея навербованными иноземцами, которыхъ можно было держать въ повиновеніи лишь при помощи жестокой дисциплины, съ ея безчисленными изъятіями, въ силу которыхъ отъ службы избавлены были богатые и образованные классы, съ ея начальниками-откупщиками, у которыхъ главная часть жалованья состояла изъ болѣе или менѣе дозволенныхъ барышей, получаемыхъ ими отъ управленія своими частями,—эта система осуждена была событіями. Однако, несмотря на все, въ комиссіи по военнымъ преобразованіямъ, сторонники старины, вопреки Гнейзенау, Грольману, Бойену, долгое время все-таки имѣли за собой большинство, а утративъ его, они оставались все еще достаточно сильными для того, чтобы изуродовать проекты Шарнгорста. Никакъ не могли рѣшиться отмѣнить изъятія для высшихъ классовъ, и всеобщая повинность введена была лишь 3 сентября 1814 года. По крайней мѣрѣ запрещено было вербовать иноземцевъ, тѣлесныя наказанія были смягчены, торжественно признанъ доступъ всѣхъ гражданъ къ офицерскому званію. Армія сдѣлалась огромной школой политическаго и нравственнаго воспитанія; командиры избавлены были отъ обязанностей, компрометировавшихъ ихъ честь, правила о движеніи по службѣ упорядочены, администрація упрощена, обозная часть облегчена. Скудость казны, позднѣе бдительный надзоръ Наполеона не позволяли держать подъ знаменами многочисленныхъ контингентовъ (всего 42.000 человѣкъ); черезъ полки быстро проводились рекруты, которыхъ отпускали, едва они успѣютъ закончить свое обученіе; это знаменитая система *Krumper*'овъ, изъ которой вышла военная организація современной Европы.

Отставка Штейна.—Съ 1808 года Шарнгорстъ и Штейнъ считали возможнымъ возобновить борьбу. „Королю лучше было бы потерять корону,—говорилъ Штейнъ,—чѣмъ продолжать это прозябаніе въ нынѣшнемъ рабскомъ состояніи". Вожди партіи дѣйствія Грюнеръ, графъ Гётценъ, Омптеда находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ недовольными въ Вестфаліи, вели переговоры съ Стадіономъ. Французская полиція слѣдила за ихъ происками, направляемая болтливостью феодальной партіи. Можетъ быть, разсчитывая получить субсидію отъ курфюста гессенскаго, Штейнъ имѣлъ неосторожность написать очень компрометирующее письмо одному легкомысленному и подозрительному царедворцу Витгенштейну (15 августа 1808 года). Ассесоръ Коппе, который везъ это письмо, былъ арестованъ въ Берлинѣ французской жандармеріей, а самое письмо отобрано. 8 сентября оно было напечатано въ *Мониторѣ*. Удержаніе Штейна у власти повлекло бы за собой войну съ Франціей. Фридрихъ-Вильгельмъ колебался, покуда онъ сохранялъ нѣкоторое сомнѣніе насчетъ поведенія Россіи; къ Австріи онъ не имѣлъ никакого довѣрія, и трудно было бы ставить ему это въ вину; патріотовъ онъ считалъ опасными иллюминатами. Когда онъ увидѣлъ, что Александръ пока остается вѣренъ Наполеону, онъ велѣлъ Штейну подать въ отставку (24 ноября). 16 декабря императоръ издалъ знаменитый

декретъ, которымъ „означенный Штейнъ“ объявлялся врагомъ Франціи и Рейнскаго союза, а имущество его отбиралось въ казну. Самъ онъ подлежалъ аресту всюду, гдѣ бы онъ ни попалъ въ руки французскихъ или нѣмецкихъ войскъ. Штейнъ убѣжалъ въ Австрію, гдѣ встрѣтилъ болѣе чѣмъ холодный пріемъ, и оставался подъ надзоромъ полиціи вплоть до того момента, когда походъ въ Россію открылъ новое поле его дѣятельности.

То были самые печальные дни Пруссіи. Постоянныя колебанія Фридриха-Вильгельма III во время кампаніи 1809 года раздражали Наполеона; обѣщанные платежи были почти совершенно прекращены; императоръ съ грубой рѣзкостью требовалъ выполненія принятыхъ обязательствъ. Король разсчитывалъ смягчить его, вернувшись изъ Кёнигсберга въ Берлинъ (23 декабря 1809 года), все еще занятый французскимъ гарнизономъ; въ дѣйствительности онъ этимъ лишилъ себя послѣдняго средства сопротивленія. Ваграмское сраженіе и женитьба Наполеона на Маріи-Луизѣ окончательно привели въ уныніе патріотическую партію, разстроенную отъѣздомъ Штейна. Преемники его были очень посредственные люди: Гольцъ, „хорошо напудренное ничтожество“, графъ Дона, Альтенштейнъ; не имѣя общихъ взглядовъ, они затрачивали свои силы на мелкія финансовыя комбинаціи. Реформы прекратились; партійныя распри обострились; злоба феодаловъ противъ новаторовъ, которыхъ они обвиняли въ причиненіи королевству бóльшаго зла, чѣмъ всякое нашествіе, заходила такъ далеко, что они забывали за ней чужеземца. Всюду царили упадокъ духа и инертность. Королева Луиза умерла съ разбитымъ сердцемъ 19 іюля 1810 года. Она часто бывала неосторожна, и ея вмѣшательство въ политику не было удачно; но оскорбленія Наполеона сдѣлали ее предметомъ любви ея подданныхъ, и она вызвала удивленіе исторіи тѣмъ, что свою гордость государыни и женщины принесла въ жертву отечеству и долгу и отправилась въ Тильзитъ умолять о милости своего непримиримаго врага. Она не могла оправиться отъ волненій той ужасной зимы, когда ей пришлось въ тифозной горячкѣ, полу-умирающей бѣжать въ метель, чтобы не попасть въ руки французовъ. Въ послѣдній моментъ она обратилась къ императору Александру, который смягчилъ ея горе своимъ ласковымъ вниманіемъ, но отказался отъ какого бы то ни было формальнаго обязательства. „Мнѣ не на что больше надѣяться,—писала она своему отцу...—Конечно, настанутъ лучшія времена, но я не увижу ихъ“. Съ нею, казалось, исчезъ съ небесъ послѣдній лучъ свѣта, и среди полнаго молчанія, воцарившагося въ Германіи, слышны были лишь плаксивые голоса трусливыхъ министровъ, старавшихся умилостивить Наполеона. Передъ своей смертью королева, возмущенная низостью Альтенштейна, который предлагалъ уступить Наполеону за долги часть Силезіи, добилась отъ короля его устраненія отъ дѣлъ. Съ разрѣшенія Наполеона государственымъ канцлеромъ назначенъ былъ Гарденбергъ (іюнь 1810 года).

Министерство Гарденберга. — Штейнъ одобрилъ выборъ короля. Тѣмъ не менѣе контрастъ между обоими былъ значителенъ. Штейнъ былъ пророкъ. Гарденбергъ—дипломатъ. Привѣтливый, радушный, съ очень гибкимъ и открытымъ умомъ, онъ являлся ученикомъ Фридриха II, завершившимъ свое воспитаніе при посредствѣ французской революціи. Онъ очень близко слѣдилъ за эволюціей Вестфальскаго королевства и охотно пересадилъ бы въ Пруссію цѣликомъ тамошнія учрежденія. Уничтожить кастовыя и областныя привилегіи, возложить на всѣхъ гражданъ одинаковыя повинности и обезпечить имъ одинаковыя права, тѣсно привязать ихъ къ государству посредствомъ строго централизован-

В. Кампгаузенъ.

Свиданіе королевы Луизы съ Наполеономъ въ Тильзитѣ въ 1807 г.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

ной администраціи,—такова была цѣль, къ которой онъ постоянно стремился при всѣхъ измѣненіяхъ въ деталяхъ. Если онъ и уступалъ часто давленію интересовъ и традицій, все-таки приходится сказать, что современная Пруссія именно отъ него ведетъ свое начало. Ревниво относясь къ своей власти, онъ не любилъ входить въ подробности работы, но онъ умѣлъ окружить себя замѣчательными сотрудниками въ родѣ Бюлова, Журдана, Гиппеля, Раумера, Шарнвебера, причемъ онъ превосходилъ всѣхъ ихъ разнообразіемъ своихъ познаній и работоспособностью. Вокругъ него создается прусская администрація, высокомѣрная, но честная, свѣдущая, трудолюбивая, та администрація, которая вмѣстѣ съ университетами и арміей обезпечила мощь монархіи.

Самою настоятельною потребностью было справиться съ финансовыми затрудненіями. У Гарденберга были очень честолюбивые замыслы: обширные внѣшніе займы, чтобы избавиться отъ обязательствъ передъ Франціей, основаніе національнаго банка, чтобы поднять общественный кредитъ. *Эдиктъ о государственныхъ финансахъ* (27 октября 1810 года) заявлялъ, что впредь всѣ граждане будутъ нести одинаковыя повинности на общихъ основаніяхъ, и въ частности обѣщалъ равенство поземельнаго налога. Эти прекрасныя перспективы остались мертвой буквой: французскій долгъ не былъ погашенъ; феодальная собственность ускользнула отъ общаго обложенія. Канцлеръ обладалъ наивною самонадѣянностью, которая была для него очень цѣнна въ критическихъ обстоятельствахъ; его умъ не страшился самыхъ тяжелыхъ затрудненій, и его благодушіе не страдало отъ неудачъ. Когда не удалось уничтожить привилегій, онъ попытался поколебать ихъ косвеннымъ образомъ, установивъ налоги на роскошь, на разные предметы потребленія, на доходъ. Детали всего этого не всегда удачно были скомбинированы: многія привели къ тяжелымъ разочарованіямъ; другія вызвали такое осужденіе, что Гарденбергъ долженъ былъ видоизмѣнить или даже отмѣнить ихъ. Во всякомъ случаѣ онъ избѣжалъ банкротства, обезпечилъ казнѣ необходимые рессурсы, главное — онъ мало-по-малу пріучилъ страну къ единообразной финансовой организаціи, одинаковой для крестьянъ и городскихъ обывателей, для знатныхъ и бюргеровъ.

Конфискація церковныхъ имуществъ, продажа доменовъ имѣла цѣлью не столько снабженіе казны средствами, сколько увеличеніе числа свободныхъ собственниковъ. Налогъ на патенты повелъ за собой свободу труда, и цехи превратились въ свободные союзы, причемъ вступленіе въ нихъ хозяевъ и рабочихъ предоставлено было ихъ собственному усмотрѣнію. Указъ 11 марта 1812 года призналъ гражданское равенство за евреями, предъ которыми, однако, общественныя должности по прежнему были закрыты. Указъ о наемныхъ работникахъ (*Gesindeordnung* 8 ноября 1810 года), дѣйствующій и понынѣ, защищалъ крестьянъ отъ произвольныхъ насилій со стороны ихъ хозяевъ. Эти мѣропріятія были дополнены большимъ указомъ о *регуляризаціи* отъ 14 сентября 1811 года, въ силу котораго крестьянинъ, собственникъ наслѣдственнаго надѣла, освобождался отъ всякаго оброка и становился свободнымъ собственникомъ своего имущества подъ условіемъ отдать своему помѣщику треть своего участка; если держатель надѣла былъ не наслѣдственный, то уступаемая помѣщику доля увеличивалась до половины. Указъ 14 сентября съ восторгомъ принятъ былъ крестьянами. Къ несчастью, Гарденбергъ недостаточно твердо настаивалъ на выполненіи этого указа. Помѣщики придумывали безконечныя затрудненія и добились цѣлаго ряда разъясненій, которыя ограничили силу закона. Дѣло освобожде-

нія едва было начато, какъ послѣ 1814 года произошла реакція, которою воспользовались помѣщики. Однако дѣло продолжалось, хотя и очень медленно, вплоть до революціи 1848 года.

Чтобы сообщить администраціи болѣе быстрый и увѣренный ходъ, Гарденбергу хотѣлось бы замѣнить власть „управленій" президентами. *Указъ о жандармеріи* (30 іюля 1812 года) скрывалъ подъ такимъ своеобразнымъ титуломъ цѣлый обширный планъ реорганизаціи, который ввелъ бы въ Пруссіи французскую систему. Указъ былъ взятъ обратно въ самыхъ существенныхъ своихъ частяхъ еще до его примѣненія. Во всякомъ случаѣ созданіе жандармеріи давало въ руки власти дисциплинированную силу, которой ей не хватало для поддержанія общественнаго порядка.

Для того, чтобы сломить оппозицію со стороны дворянства, Гарденбергъ попытался апеллировать отъ нея къ общественному мнѣнію. Онъ проектировалъ увѣнчать свои реформы учрежденіемъ областныхъ и государственныхъ чиновъ, но онъ представлялъ ихъ себѣ, какъ Наполеонъ или Ришелье, т.-е. онъ разсчитывалъ найти въ нихъ отголосокъ своей собственной мысли и предоставлялъ имъ честь приводить въ исполненіе желанія, задуманныя имъ самимъ. Когда на собраніи нотаблей, созванномъ въ Берлинѣ въ февралѣ 1811 года, главари феодальной партіи представили королю высокомѣрный протестъ, въ которомъ заклинали его не унижать до положенія „современной Іудеи старую славную бранденбургскую Пруссію", Гарденбергъ отвѣтилъ на это отправкой въ Шпандау Марвитца и Финкенштейна. Однако, въ указѣ 7 сентября еще включено было обѣщаніе національнаго представительства, и 10 апрѣля 1812 года въ Берлинѣ открылось *временное народное представительство*. Оно проявило много доброй воли, но вскорѣ показалось стѣснительнымъ, и при первой возможности засѣданія его были отмѣнены. Тяжкая ошибка, о которой Гарденбергъ безъ сомнѣнія пожалѣлъ впослѣдствіи.

Берлинскій университетъ.—Въ то время какъ канцлеръ обнаруживалъ свою разностороннюю дѣятельность, нѣсколько несвязную, нѣсколько перемѣнчивую, въ общемъ удачную и плодотворную, Шарнгорстъ работалъ надъ дѣломъ преобразованія арміи, сохранивъ въ своихъ рукахъ верховное управленіе военными дѣлами даже послѣ того, какъ по приказу Наполеона ему пришлось уступить военное министерство генералу фонъ-Гаке (въ 1811 году). Артиллерія, долгое время находившаяся въ Пруссіи въ пренебреженіи, поставлена была подъ высокое начальство принца Августа, матеріальная часть ея была преобразована, старый боевой порядокъ измѣненъ сообразно потребностямъ современной тактики, войска были подучены путемъ постоянныхъ упражненій, подготовлена была обязательная воинская повинность посредствомъ уменьшенія срока службы съ двадцати до четырехъ лѣтъ. Созданъ былъ главный генеральный штабъ, основаны были школы *портупей-прапорщиковъ* для офицерскихъ дѣтей и *военная академія*, въ числѣ профессоровъ которой были Тидеманъ и Клаузевитцъ, сочиненія которыхъ считаются классическими въ военной литературѣ.

Вильгельму фонъ Гумбольдту предстояло создать солдатъ для генераловъ, которыхъ подготовлялъ Шарнгорстъ. Вскорѣ послѣ Тильзита Фридрихъ-Вильгельмъ заявилъ, что „государство должно возмѣстить интеллектуальными силами потерянныя силы матеріальныя", и онъ возвѣстилъ о своемъ намѣреніи основать въ Берлинѣ университетъ. Дѣло затянулось на довольно долгое время. Чтобы преодолѣть неожиданныя трудности, возникшія при этомъ, соперничество лицъ, денежные вопросы, робость короля, понадобилась вся широта взглядовъ Гумбольдта,

его ясность ума, а также и небольшая доза того скептицизма высокаго тона, который свидѣтельствовалъ о томъ, что этотъ ученый и философъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дипломатомъ. Университетъ открылся въ 1810 году. Подъ него уступленъ былъ дворецъ брата Фридриха II, принца Генриха, самое красивое зданіе Берлина послѣ королевскаго замка. Въ числѣ своихъ профессоровъ онъ насчитывалъ славныя имена: богослововъ Шлейермахера и Марейнеке, агронома Таэра, медиковъ Гуфеланда и Рейля, химика Клапрота, юристовъ Эйхгорна и Савиньи, историковъ Нибура и Бёка; Фихте былъ его первымъ ректоромъ. „Когда основана будетъ эта научная организація,—писалъ Шлейермахеръ,— она не будетъ имѣть себѣ равныхъ; благодаря ея внутренней силѣ, вліяніе ея распространится далеко за предѣлы прусской монархіи. Берлинъ сдѣлается центромъ всей умственной дѣятельности сѣверной протестантской Германіи, и тѣмъ самымъ подготовлена будетъ прочная почва для выполненія предназначеннаго прусскому государству призванія“. Пророческія слова: профессора Пруссіи сослужили ей службу не меньшую, чѣмъ ея дипломаты и генералы. Нѣмецкіе университеты всегда очень дѣятельно вмѣшивались въ національную жизнь. Гогенцоллерны не обладали живою любовью къ умственной независимости, но они сдѣлали себѣ почетную и прибыльную статью изъ своей терпимости и уваженія къ наукѣ. По замѣчанію Лависса, каждый моментъ роста Пруссіи отмѣченъ основаніемъ университета; кёнигсберскій университетъ основанъ былъ при секуляризаціи Тевтонскаго ордена; дюисбургскій,—когда пруссаки въ первый разъ достигли Рейна; университетъ въ Галле, когда Пруссія сдѣлалась королевствомъ; въ Боннѣ—позднѣе, когда они прочно основались на лѣвомъ берегу Рейна, и, наконецъ, въ 1871 году—въ Страсбургѣ. Въ этомъ послѣдовательномъ овладѣніи Германіей основаніе берлинскаго университета является выдающимся моментомъ.

Пруссія во время войны за независимость. — Пока главной задачей было не погибнуть. Мѣсяцы, предшествовавшіе походу въ Россію, были ужасны: вмѣсто того, чтобы бросаться въ пустыни сѣвера, не предпочтетъ ли Наполеонъ разорить Пруссію и дожидаться здѣсь нападенія Александра? Онъ подумывалъ объ этомъ. Австрія съ удовольствіемъ прибрала бы къ рукамъ Силезію. Король купилъ нѣсколько мѣсяцевъ отсрочки цѣной постыднаго союза, въ силу котораго онъ предоставлялъ императору всѣ рессурсы, терпѣливо накопленные именно противъ него. Пруссія опять была унижена и страшно опустошена. Французская армія все болѣе и болѣе становилась похожею на шайки Валленштейна; нѣкоторые изъ начальниковъ подавали примѣръ грабежа; пребываніе Іеронима обходилось маленькому городку Глогау по 1.500 франковъ въ день; Викторъ требовалъ ежедневно по 75 экю на содержаніе своего дома. Баварцы, вюртембержцы, баденцы „находили грабежъ совершенно естественнымъ, а ихъ офицеры не могли постигнуть, какъ это можно запрещать имъ грабить“. Съ жителями, приносившими жалобы, обращались дурно, отводили ихъ въ качествѣ заложниковъ. Въ странѣ, доведенной такимъ способомъ образомъ до крайности, вѣсть о французскихъ пораженіяхъ въ Россіи пронеслась какъ трубный звукъ, призывавшій къ освобожденію [1]). Ниже мы познакомимся съ исторіей возстанія Пруссіи, а за ней всей Германіи. Ограничимся пока указаніемъ результатовъ, къ которымъ привела тогда военная дѣятельность Шарнгорста, и характера національнаго движенія.

---

1) См. ниже, гл. IX, *Нѣмецкая кампанія 1813 года.*

Съ начала 1813 года вся Пруссія была подъ ружьемъ. Комиссія по вооруженію, душою которой былъ Шарнгорстъ, работала надъ приведеніемъ полковъ на военное положеніе. 8 февраля особое объявленіе касательно *добровольцевъ* обращалось съ призывомъ къ тѣмъ „слоямъ населенія, которые въ силу существующихъ законовъ были избавлены отъ военной службы и обладали достаточными средствами, чтобы вооружиться и снарядиться на свой счетъ". 16 февраля отмѣнены были всякія льготы на время войны. 17 марта Шарнгорстъ далъ подписать королю указъ, которымъ призывался *Landwehr* (первое ополченіе), а 21 апрѣля эта мобилизація всѣхъ силъ монархіи была дополнена декретами о *Landsturm*'ѣ (второе ополченіе). Многіе не разъ судили ошибочно о значеніи этихъ разнообразныхъ мѣропріятій: какъ Франція въ 1789 году, такъ Пруссія въ 1813 году вовсе не была спасена добровольцами. Движеніе получило непреодолимую силу благодаря тому, что оно было зрѣло изучено людьми дѣла, у которыхъ проницательность не была затемнена страстью и которые все время не выпускалъ его изъ своихъ рукъ. Обстоятельства позволяли имъ осуществить проекты, передъ которыми до тѣхъ поръ останавливались робкій король и гордое дворянство. Льготы, отмѣненныя на время войны, никогда больше не были возстановлены, и Пруссія первая изъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ имѣла отнынѣ армію, дѣйствительно представлявшую собою весь народъ.

Таково былъ первое наслѣдіе войны за независимость. Другое заключалось въ горделивомъ сознаніи необычайнаго напряженія, проявленнаго націей. 10 марта король учредилъ орденъ Желѣзнаго креста для награжденія всѣхъ, безъ различія происхожденія и званія, отличившихся въ бояхъ съ врагомъ. Всѣ классы общества соперничали въ преданности: со всѣхъ сторонъ притекали патріотическія добровольныя пожертвованія; женщины приносили свои обручальныя кольца; къ концу войны считалось зазорнымъ сохранять у себя серебро. Университеты, старшіе классы гимназій опустѣли. Въ Бреславлѣ профессоръ Стеффенсъ собралъ своихъ учениковъ вокругъ каѳедры и, взволнованный, со слезами на глазахъ, вливалъ въ сердца своихъ слушателей пламенное чувство долга и героизма. Въ Берлинѣ Фихте, самъ павшій жертвою ухода за ранеными, напоминалъ своимъ слушателямъ, что только одна вещь несомнѣнна, именно вѣчная жизнь, что ее можно заслужить смертью и утратить рабскою жизнью. Шлейермахеръ благословлялъ солдатъ, которые шли сражаться за царство Божіе, чтобы „вѣчныя права человѣка были признаны среди всѣхъ людей, даже самыхъ ничтожныхъ". Улицы оглашались воинственными пѣснями, то сквернословными и грубыми, то исполненными удивительной поэзіи. *Романтики* спустились съ заоблачной высоты въ народную толпу. Не всѣ избавились отъ своихъ чисто литературныхъ наклонностей: въ стихахъ Фукэ, Коллина, Штегмана, Шенкендорфа, даже въ знаменитыхъ *одѣтыхъ въ латы сонетахъ* Рюккерта душевное движеніе слишкомъ затемнено воспоминаніемъ прошлаго, погоней за формою, пристрастіемъ къ абстракціи или погоней за эффектными образами. Морицъ Арндтъ, который однимъ изъ первыхъ началъ борьбу противъ всемогущаго Наполеона, является не то, чтобы искреннѣе, но ближе къ народу, и столь извѣстная его ода *Богъ, который создалъ желѣзо, не хотѣлъ рабовъ* очень возвышенна въ своей простотѣ. Чаще всего его трезвость переходитъ въ сухость, и онъ впадаетъ въ пошлость. Знаменитая его пѣснь *Гдѣ родина нѣмца* — довольно жалкая *Марсельеза*, монотонная и холодная. Въ группѣ этихъ Тиртеевъ одинъ былъ,

дѣйствительно, крупнымъ поэтомъ, это— Кёрнеръ, въ которомъ, казалось, оживалъ новый Шиллеръ и который, прежде чѣмъ умереть въ рядахъ лютцовскихъ стрѣлковъ, успѣлъ дать своей родинѣ удивительныя *Пѣсни лиры и меча.* Изъ этихъ стиховъ, посредственныхъ или возвышенныхъ, какъ и изъ всего поведенія народа, ясно вытекало одно: рѣшимость побѣдить или умереть. Раздавались требованія *настоящей войны,* люди рѣшили не останавливаться, пока вся родина не будетъ освобождена. Всѣ происки дипломатовъ не изгладятъ воспоминаній объ „этой веснѣ свободы". Въ этотъ моментъ Пруссія заняла первенствующее положеніе въ Германіи: въ Пруссіи воплотилось общее отечество.

Глава V.

Венгрія

(1790—1814).

I.—Венгрія во время французской революціи.

Леопольдъ II и пробужденіе конституціонализма (1790—1792).—Смерть Іосифа II, даже наполовину побѣжденнаго и смирившагося, встрѣчена была мадьярами, какъ надежда на освобожденіе. Собранія комитатовъ состоялись сами собой, и здѣсь послышались рѣчи, внушенныя знаменитой клятвой въ манежѣ (Jeu de paume) и „Деклараціей правъ человѣка“. Однако въ этой странѣ традицій, по своему строю болѣе похожей на Англію, чѣмъ на Францію, больше ссылались на историческіе прецеденты, чѣмъ на отвлеченные принципы. Въ силу именно этихъ прецедентовъ пештскій комитатъ, самый радикальный изъ всѣхъ, заявилъ, что беззаконія, совершонныя въ царствованіе Іосифа, ведутъ за собой паденіе династіи. Самые умѣренные требовали немедленнаго созыва сейма, котораго не видѣли уже двадцать пять лѣтъ. Умный Леопольдъ II понялъ, что необходимо и даже полезно для него самого возстановить это собраніе въ полной его силѣ, и однимъ изъ первыхъ его распоряженій было объявленіе о созывѣ сейма въ іюнѣ. Онъ видѣлъ, что національное пробужденіе, если къ нему отнестись должнымъ образомъ, можетъ быть не угрозой, а силой. Поэтъ Бароти пѣлъ: „Радуйся, дорогая моя родина! Можешь радоваться и ты, Австрія; корона прочно держится на твоемъ челѣ, когда мадьяръ охраняетъ тебя“. Послѣдній стихъ является истиннымъ выраженіемъ венгерской исторіи въ теченіе ужаснаго двадцатипятилѣтняго періода, который теперь начинался.

На выборахъ обнаружились двѣ партіи, обѣ одинаково патріотическія, но одна консервативная, другая демократическая. Первая оказалась въ значительномъ перевѣсѣ и обязала своихъ депутатовъ стоять за сохраненіе аристократическихъ привилегій вмѣстѣ съ независимостью и конституціей. Этимъ объясняется то обстоятельство, что новый король, давно уже прославившійся въ Тосканѣ своими гуманными и реформаторскими идеями, сдѣлался въ трудахъ сейма защитникомъ низшихъ классовъ венгерскаго общества противъ черезчуръ аристократическаго либерализма. Для крестьянъ, угрожающее поведеніе которыхъ, по его мнѣнію, требовало уступокъ, а по мнѣнію дворянъ — жестокой репрессіи, онъ добился свободы передвиженія, но не отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Точно такъ же город-

скимъ обывателямъ и сербамъ сдѣлано было нѣсколько уступокъ въ области общаго права и вѣротерпимости. Что касается послѣдней, то протестанты съ радостью приняли семнадцать статей, являвшихся замѣтнымъ шагомъ впередъ.

Въ политическихъ вопросахъ между королемъ и его народомъ въ теченіе двухъ лѣтъ этого короткаго царствованія господствуетъ почти полное согласіе. Мы говоримъ—почти, потому что Леопольдъ рѣшительно устраняетъ всякое вмѣшательство въ австрійскія дипломатическія и военныя дѣла. Во всемъ остальномъ пріятно отмѣтить, какъ онъ во время своего коронованія и позднѣе выполняетъ всѣ церемоніи и признаетъ всѣ вольности, которыя имѣли цѣну въ глазахъ мадьяръ. Коронованіе новаго государя должно происходить не позднѣе шести мѣсяцевъ послѣ вступленія его на престолъ. Святая корона должна оставаться въ Будѣ. Король отъ времени до времени будетъ жить въ Венгріи. Намѣстникъ (въ то время—эрцгерцогъ Александръ; позднѣе въ теченіе долгаго времени—эрцгерцогъ Іосифъ) будетъ наблюдать за выполненіемъ законовъ. Король долженъ сохранять въ цѣлости королевство и его границы. Мадьярскими дѣлами онъ не можетъ заниматься иначе, какъ при содѣйствіи совѣтниковъ-мадьяръ; онъ не можетъ примѣнять въ Венгріи законовъ, которыми управляются другія его владѣнія. Сеймъ, отъ котораго зависитъ рекрутскій наборъ и взиманіе налоговъ, будетъ созываться по крайней мѣрѣ каждые три года. Эти принципы часто не будутъ соблюдаться, но никогда не будутъ забыты за все время долгаго царствованія Леопольдова сына.

Реакція Франца II и процессъ венгерскихъ „якобинцевъ“. — Съ 1792 года событія во Франціи вызываютъ рѣзкое измѣненіе общественнаго мнѣнія. Аристократическая партія, опасаясь за свои идеи, свой престижъ и свои зáмки, склоняется въ сторону абсолютизма. Демократическая партія, которая недавно опиралась на корону, становится очень малочисленной и, лишившись вскорѣ всякой свободы слова и печати, находитъ единственное убѣжище въ тайныхъ обществахъ. Скажемъ нѣсколько словъ о послѣдствіяхъ этого двойного переворота.

Сеймъ 1792 года, созванный Францемъ II къ его коронованію, былъ прямо воплощеніемъ монархической преданности. Онъ согласился на всѣ требованія правительства людьми и деньгами для новаго крестоваго похода въ духѣ консерватизма. Онъ отложилъ проекты реформъ, кромѣ одного закона, внушеннаго тѣмъ настроеніемъ, которымъ одушевлено было предшествовавшее собраніе, а именно—закона о преподаваніи мадьярскаго языка. Но успѣхи этого языка уже не представляли никакого интереса: онъ былъ почти подозрителенъ; латинскій и нѣмецкій языки казались болѣе лояльными. Мало кто высказывался на сеймѣ противъ притѣсненій, на которыя снова жаловались протестанты, противъ строгостей цензуры, противъ всеобщей реакціи.

Одно очень серьезное дѣло ускорило это движеніе. Нѣсколько демократовъ сговорились организовать въ королевствѣ революціонную пропаганду. Вождями ихъ были четверо: Мартиновичъ, мятежный священникъ изъ партіи „іозефинистовъ“, который вернулся изъ Парижа въ восторженномъ настроеніи; Гайноци, объявлявшій себя „санкюлотомъ“; Лацковичъ, офицеръ и патріотъ, готовый даже на сепаратизмъ, мечтавшій прямо о конституціи въ современномъ духѣ; Сентмаріай, одновременно увлекавшійся Монтескье, Руссо и Рейналемъ. Рядомъ съ ними стояли графъ Яковъ Жиграй и поэтъ Бачаньи, политическое настроеніе котораго станетъ понятно изъ одной цитаты: „Вы, народы, попавшіе въ цѣпи рабства благодаря гнуснымъ козням... И вы, смертельные мучители своихъ вѣрныхъ кре-

стьянъ, если вы хотите знать, что готовитъ вамъ грядущее, внимательно смотрите въ сторону Парижа". Участниковъ, повидимому, было очень много, ибо съ августа 1794 года по февраль 1795 въ Венгріи господствовала какая-то эпидемія арестовъ. Многіе изъ подлежавшихъ аресту избавились отъ него самоубійствомъ. Около пятидесяти обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ подверглось заключенію, и въ числѣ ихъ другой поэтъ, Вершеги, за то, что онъ перевелъ *Марсельезу*. Третьимъ и четвертымъ были: Казинци, который долго еще подвизался на литературномъ поприщѣ, и Сентьоби, молодой драматическій писатель, которому вскорѣ суждено было умереть. Въ чемъ же заключалась государственная измѣна? Этого никогда не могли объяснить. Реакція искала повода для устрашенія. Процессъ велся съ непозволительнымъ пристрастіемъ. Пятеро вожаковъ и еще девять другихъ обвиняемыхъ, въ ихъ числѣ и четверо поэтовъ, выслушали смертный приговоръ. Семеро взошли на эшафотъ. Остальные семеро были помилованы и съ большимъ числомъ другихъ менѣе важныхъ преступниковъ заняли мѣста въ государственныхъ тюрьмахъ. Съ этихъ поръ никто не шевелился, да впрочемъ искреннія побужденія направили мадьяръ въ совершенно противоположную сторону.

Венгрія и двѣ первыхъ коалиции (1792—1796).—Съ этихъ поръ въ особенности, именно съ 1796 года, нація вступила на путь рѣшительной и горячей борьбы за старый порядокъ. До этого времени Оттъ и Дьюлай, Край и Альвинци со своими солдатами и соотечественниками не играли выдающейся роли. Съ возраставшимъ истощеніемъ наслѣдственныхъ земель они выступаютъ на первый планъ, и Францъ II сознаетъ необходимость созыва сейма, который, впрочемъ, по его расчету, ни въ чемъ не откажетъ ему. И дѣйствительно, собраніе и богатыя частныя лица соперничаютъ въ принесеніи жертвъ. Парламентская жизнь въ 1796 году этимъ и ограничивалась. Два депутата, заговорившихъ о правахъ націи, были прямо выгнаны. Съ 1797 по 1799 годъ поэзія носитъ совершенно воинственный характеръ, за исключеніемъ тюрьмы, гдѣ „якобинецъ" Бачаньи, все еще вѣрный своимъ французскимъ симпатіямъ и своей ненависти къ коалиціи, восклицаетъ, при видѣ птички, щебечущей на рѣшеткѣ окна. „Она о тебѣ поетъ, свобода!" Совершенно иными мотивами вдохновляется Чоконай, молодой солдатъ „возстанія", т.-е. дворянской кавалеріи, которая ополчилась, чтобы преградить путь Бонапарту. Самому поэту суждено было умереть очень молодымъ, и онъ прославляетъ преждевременную смерть генерала Гоша, который „одинъ превосходитъ собой всѣхъ героевъ древности во всемъ, кромѣ числа прожитыхъ лѣтъ". Но эта пѣснь—исключеніе въ его творчествѣ. Его лира призываетъ соотечественниковъ къ оружію. Дѣйствительно, послѣ сраженія при Тарвизѣ, когда гусары полковника Федака погибли, спасая эрцгерцога Карла, леобенскіе переговоры о мірѣ нисколько не остановили военнаго пыла Венгріи. Семнадцатилѣтній поэтъ Берженьи говорилъ о возрожденіи Леонида, даже больше—Арпада и Яна Гуніада. Но миръ въ Кампо-Форміо повелъ за собой распущеніе дворянскаго ополченія.

Его усердіе не успѣло остыть, и дворянство рѣшительно бросилось во вторую войну, хотя уже первая обошлась королевству Венгріи въ 100.000 человѣкъ и 30 милліоновъ флориновъ. Гусары сыграли печальную роль въ трагедіи, которою закончился Раштатскій конгрессъ, но тѣмъ славнѣе была роль генераловъ и солдатъ въ кампаніи 1799 года. Чоконай воспѣлъ ихъ побѣды и привѣтствовалъ приближеніе царствованія Людовика XVIII, достойнаго преемника Генриха IV, въ небольшой поэмѣ подъ заглавіемъ *Побѣда справедливости*. Вотъ до чего дошла Венгрія наканунѣ 18 брюмера!

II.—Венгрія съ 1800 по 1814 годъ.

Періодъ охлажденія: сеймы 1802 и 1805 года.— Во время военныхъ дѣйствій при Маренго и Гогенлинденѣ мадьяры еще служили Австріи со всѣмъ своимъ военнымъ пыломъ; и въ слѣдующій годъ непрерывный приливъ дворянства въ ополченіе поддерживалъ эту державу въ ея переговорахъ. Какъ только заключенъ былъ миръ, стали выясняться ужасныя бѣдствія, причиненныя войной. Поля, плохо обработанныя стариками или слишкомъ слабыми дѣтьми, давали скудный урожай, а потомъ послѣдовалъ и голодъ, особенно въ 1800—1801 г. Вино продавалось плохо. Что касается денежнаго кризиса, то Чонградскій комитатъ описывалъ его слѣдующимъ образомъ: „Отливъ звонкой монеты для уплаты жалованья войскамъ и выпускъ банковыхъ билетовъ дѣлаютъ нашу жизнь невозможной. Никто не питаетъ довѣрія къ фиктивнымъ цѣнностямъ. Богатые теряютъ свое состояніе; бѣдные умираютъ съ голоду, потому что, даже получая плату за свой трудъ, они не могутъ размѣнять своихъ бумажекъ". Средствомъ отъ всѣхъ этихъ бѣдствій будетъ національное собраніе! Дѣйствительно, король созвалъ его 2 мая 1802 года, ради общественнаго блага, какъ онъ выразился, а въ сущности, чтобы добиться отъ него отказа въ пользу австрійскаго правительства отъ своего права вотировать наборъ войска. Депутаты отказались разстаться съ этимъ конституціоннымъ принципомъ, но, по настоянію верхней палаты, все болѣе и болѣе склонявшейся къ абсолютизму, они вотировали на время значительное увеличеніе арміи. Добившись этого, король относился безъ всякаго интереса къ обсужденію экономическихъ реформъ, за исключеніемъ проекта національнаго банка, который, въ свою очередь, всполошилъ знать съ ея ретроградными предразсудками. Въ концѣ концовъ собраніе разошлось, не сдѣлавъ ничего полезнаго.

Напротивъ, личная и коллективная иниціатива въ ближайшіе годы добилась нѣкоторыхъ успѣховъ. Комитаты предприняли осушку и канализированіе равнины. Образованные крупные землевладѣльцы: Фестечичи, Эстергази, Сеченьи основываютъ земледѣльческія школы, національный музей, мадьярскій театръ. И вотъ война 1805 года застала націю въ состояніи равнодушія, и сеймъ, созванный въ концѣ августа къ срединѣ октября, собрался при довольно дурныхъ предзнаменованіяхъ. Пораженіе явилось кстати, чтобы поднять духъ націи, которая на протяженіи всей своей исторіи проявляетъ особенное величіе въ несчастіи. Извѣстіе объ Ульмѣ вдохновило Берженьи, который говорилъ своему народу: „Ступай, еще разъ прояви духъ Цриньи, подражай ему въ томъ, въ чемъ была его истинная слава,—въ смерти". Дѣйствительно, собраніе думало, что нельзя отказать въ требуемыхъ жертвахъ, но это уже не было увлеченіе 1796 года, а національзмъ получилъ признаніе въ законѣ объ употребленіи и преподаваніи мадьярскаго языка.

Какъ до, такъ и послѣ Аустерлица, и несмотря на то, что венгерскіе полки отличились при Калдьеро, сосѣдняя съ Пожоньи (Пресбургомъ) область была какъ бы нейтрализована. Генералъ Палфи, маршалъ Даву и даже эрцгерцогъ-намѣстникъ Іосифъ сговорились не трогать страны и ея жителей. Отъ послѣднихъ Наполеонъ ожидалъ еще большаго: онъ приказалъ Фуше напечатать во французскихъ газетахъ, очень распространенныхъ, по его словамъ, среди венгровъ, рядъ статей съ цѣлью показать имъ, что Австрія и Англія морочатъ ихъ. Заключеніе мира прервало всѣ эти проекты, съ которыми мы скоро опять встрѣтимся. Миръ создалъ для Венгріи высокое положеніе уже однимъ тѣмъ фактомъ, что императоръ австрійскій, вытѣсненный изъ Германіи, отнынѣ являлся прежде всего носителемъ короны св. Стефана.

Оппозиція на сеймѣ 1807 года.—Австрійское правительство особенно нуждалось въ Венгріи, въ ея конституціи, въ постановленіяхъ ея сейма для проведенія военныхъ преобразованій, предпринятыхъ эрцгерцогомъ Карломъ. Извѣщеніе о созывѣ сейма разослано было 8 февраля 1807 года, въ самый день Эйлауской битвы, и строились уже угрожающіе проекты по адресу Наполеона и великой арміи, находившейся тогда въ Польшѣ. „Въ виду необходимости готовиться къ войнѣ во время мира“ ставились требованія о правильныхъ рекрутскихъ наборахъ, установленныхъ разъ навсегда, и о взиманіи съ истощенной страны чрезвычайнаго налога. Молодой выдающійся ораторъ Павелъ Надьи руководилъ нижней палатой, находившейся обыкновенно въ конфликтѣ съ верхней, пропитанной придворнымъ духомъ. Что касается денежныхъ жертвъ, то благородные представители народа не пощадили ни своихъ согражданъ, ни самихъ себя: они дали свое согласіе на уплату шестой части доходовъ безъ всякихъ льготъ и одного процента со стоимости всѣхъ движимыхъ имуществъ. Но они упорно отказывались отдать въ руки Австріи рекрутскій наборъ и созывъ ополченія. Павелъ Надьи, впрочемъ, клеймилъ всякій военный проектъ. Его благородное слово раздавалось также въ защиту бѣдныхъ плательщиковъ налоговъ. Правительство, которое тѣмъ не менѣе добилось необходимаго въ данное время количества людей, было удовлетворено лишь наполовину: оно показало это, отказавшись отъ всякой реформы въ монетномъ дѣлѣ. Только мадьярскій языкъ дѣлалъ успѣхи и въ законахъ, и въ быту; въ 1807 году начинается новый періодъ исторіи литературы, когда господствуютъ братья Кишфалуди, лучшіе поэты—одинъ лирическій, другой драматическій,—какихъ когда-либо производила до той поры Венгрія.

Народное возстаніе противъ Наполеона (1808—1809 гг.).—Вѣсти изъ Испаніи рѣзко измѣнили все положеніе дѣлъ. Сталъ распространяться слухъ, что послѣ Іосифа, короля испанскаго, появится Люсьенъ, король венгерскій. Мадьяры выражали изумленіе передъ возстаніемъ испанцевъ противъ „всеобщаго тирана“ и вовсе не обнаруживали склонности согласиться на сравненіе Матвѣя Корвина съ Наполеономъ, продиктованное императоромъ *Майнцской газетѣ*. Обрадованный такимъ поворотомъ дѣла, Францъ II снялъ узду съ мадьярской печати, принявшей сторону правительства, и не побоялся созвать новый сеймъ, которому удалось изгладить воспоминанія прошлаго года. Дѣйствительно, на сеймѣ ярко проявилась полнѣйшая лояльность. Къ двѣнадцати тысячамъ рекрутовъ, разрѣшенныхъ уже раньше, сеймъ прибавилъ еще двадцать тысячъ и увеличилъ численность дворянскаго ополченія („возстанія“). Когда въ первые весенніе дни 1809 года война казалась близкой, эрцгерцогъ-намѣстникъ разъѣзжалъ по странѣ, обращаясь съ рѣчами къ собраніямъ рекрутовъ и требуя лошадей, фуража, хлѣба: реквизиціи эти были незаконны, но ихъ выполняли, а самъ эрцгерцогъ оправдывалъ ихъ, заявляя: „Дѣло идетъ о томъ, сохранимъ ли мы свою конституцію и законы, или намъ придется оплакивать гибель самого имени мадьяръ“. Мнѣніе эрцгерцога раздѣляютъ не только офицеръ-поэтъ Кишфалуди, который издаетъ *Патріотическую рѣчь къ венгерскому дворянству*, пламенный панегирикъ національныхъ армій, но и бывшій переводчикъ *Марсельезы* Вершеги, который поставилъ лирическую пьесу *Мадьярская вѣрность*.

Послѣ первыхъ пораженій съѣздъ вооруженнаго дворянства назначенъ былъ въ Дьёрѣ (Раабъ). Намъ нѣтъ надобности разсказывать о военныхъ событіяхъ, которыя произошли именно тамъ, а также при Эслингенѣ и Ваграмѣ; но намъ приходится особенно подчеркнуть удивитель-

ную прокламацію, съ которой Наполеонъ обратился къ венграмъ изъ своей главной квартиры въ Шенбруннѣ (15 мая). Каждая фраза попадала въ цѣль; приведемъ хоть главнѣйшія мѣста: „...Ваша система, неизмѣнно оборонительная, и мѣропріятія, намѣченныя послѣднимъ вашимъ сеймомъ, достаточно показали, что ваше желаніе клонится къ сохраненію мира... Я предлагаю вамъ неприкосновенность вашей территоріи, вашей свободы и вашихъ учрежденій въ такомъ видѣ, въ какомъ они существовали, или измѣненномъ по собственному вашему желанію... У васъ есть свой національный бытъ, національный языкъ... вернитесь же къ національному существованію! Пусть будетъ у васъ король по собственному вашему выбору, король, который станетъ царствовать только у васъ (одно время онъ имѣлъ въ виду князя Эстергази)... Соберитесь національнымъ сеймомъ на Ракошскую равнину по примѣру своихъ предковъ...“ Подъ этимъ стоитъ подпись *Наполеонъ*, и это дѣйствительно писалъ Наполеонъ, но не безъ участія Бачаньи. Старый „якобинецъ“ вышелъ изъ своего уединенія на призывъ Маре, своего стараго товарища по государственной тюрьмѣ Куфштейну: онъ былъ не только переводчикомъ, но, вѣроятно, и вдохновителемъ этой вещи, которая болѣе изумительна по своему мѣстному колориту, чѣмъ важна по практическимъ своимъ послѣдствіямъ. Въ 1809 году она не могла имѣть того дѣйствія, котораго можно было ожидать отъ нея въ 1805 или въ 1807 гг. Мадьяры всюду бились съ ожесточеніемъ, за исключеніемъ только самого Раба, гдѣ сказалось военное неумѣнье дворянства, въ которомъ виновато было само правительство, постоянно относившееся къ дворянству съ недовѣріемъ. Пештскій комитатъ писалъ королю: „Этого не случилось бы, если бы ваше величество слѣдовали совѣтамъ своихъ вѣрныхъ мадьяръ“.

Сеймъ 1811 года и конецъ войнъ.—Съ 1808 по 1810 годъ экономическое разстройство сдѣлало ужасающіе успѣхи. Чтобы достать 100 флориновъ звонкой монетой требовалось уже не 200, а 1000 флориновъ бумажками! И въ то время какъ въ королевствѣ вмѣстѣ съ нуждой росло недовольство, въ Вѣнѣ водворялся меттерниховскій абсолютизмъ. Его министръ финансовъ, графъ Валлисъ, придумалъ новую бумагу, которая выдавалась взамѣнъ прежней съ потерей четырехъ пятыхъ стоимости. Мадьяры возстали противъ этой ужасной мѣры сильнѣе, чѣмъ обитатели другихъ австрійскихъ владѣній; и пришлось согласиться на созывъ новаго сейма, который является въ исторіи исключительно финансовымъ сеймомъ. Правительство говорило здѣсь языкомъ необычайно рѣзкимъ и бестактнымъ, стремясь наложить на подданныхъ троякаго рода жертву: гарантію вновь выпущенной бумаги, погашеніе, путемъ котораго можно было бы мало-по-малу изъять изъ обращенія бумажныя деньги, наконецъ, новые военные расходы. Намѣстникъ Іосифъ, истинный патріотъ, при помощи нѣкоторыхъ уступокъ добился отъ своего августѣйшаго родственника перемѣны тона, а отъ собранія—огромныхъ субсидій. Стороны разстались довольно недружелюбно наканунѣ рѣшительной борьбы, во время которой мадьяры выполнили свой солдатскій долгъ не то чтобы равнодушно, но и безъ увлеченія. Даже въ началѣ 1814 года Пештскій комитатъ, при всей своей радости по поводу отмщенія, всетаки упиралъ на возстановленіе законности: „Если закономъ воспрещается всякій рекрутскій наборъ безъ постановленія о томъ сейма, то патріотамъ предоставляется вступать на службу каждому въ отдѣльности“. Эти придирки раздражали Франца, который при окончательной побѣдѣ далъ одной мадьярской депутаціи слѣдующее болѣе отеческое, чѣмъ либеральное обѣщаніе: „Относитесь съ полнымъ довѣріемъ къ государю, у котораго нѣтъ иной цѣли, кромѣ вашего счастья“.

Глава VI.

Юго-восточная Европа.

Турція и христіанскіе народы.

(1792—1815.)

I. Турецкая имперія.

Характеръ и первые шаги султана Селима III (1789—1807).—7 апрѣля 1789 года въ моментъ величайшихъ опасностей, угрожавшихъ Турціи, молодой султанъ Селимъ III, сынъ Мустафы III, вступилъ на престолъ послѣ своего дяди Абдулъ-Гамида. Ему было въ это время двадцать восемь лѣтъ; изъ первыхъ его дѣяній одно, обличавшее въ немъ настоящаго правовѣрнаго, заключалось въ приказѣ о поголовномъ ополченіи всѣхъ мусульманъ; другое, являвшееся актомъ политика, было заключеніе союзнаго договора со Швеціей. Онъ круто расправился съ нѣкоторыми изъ своихъ приближенныхъ: у него на глазахъ обезглавлено было нѣсколько вѣроломныхъ чиновниковъ. Ночью султанъ ходилъ по улицамъ столицы, возстановляя попранную справедливость. Онъ былъ сторонникомъ суровыхъ нравовъ; придворнымъ, выражавшимъ ему сожалѣніе по поводу того, что онъ сохранилъ слѣды оспы, онъ заявилъ: „Что значитъ лицо солдата, которому надо проводить свою жизнь на войнѣ?“ Прусскій посланникъ Дитцъ отзывался о немъ слѣдующимъ образомъ: „Государь этотъ по своимъ способностямъ и по дѣловитости стоитъ несомнѣнно выше своего народа, и, кажется, ему суждено стать его преобразователемъ“. Французскій посланникъ Шуазель-Гуффье предусматривалъ въ немъ другого Петра Великаго. Селимъ III всегда обнаруживалъ интересъ и симпатію къ Франціи: съ 1786 года, еще будучи наслѣднымъ принцемъ, завязалъ онъ сношенія съ версальскимъ дворомъ и отправилъ одного изъ своихъ любимцевъ Исаакъ-бека изучать французскую администрацію. Но онъ былъ смѣлѣе въ замыслахъ, чѣмъ въ ихъ выполненіи. Его смѣлые порывы всегда сопровождались страннымъ ослабленіемъ. Можетъ быть, ему не хватало личнаго мужества, какъ это сдѣлалось, можно сказать, правиломъ у этой расы государей, воспитанныхъ въ глуши гарема.

Выдерживая натискъ двухъ огромныхъ христіанскихъ имперій, имѣя одно время враговъ на всѣхъ границахъ своего государства, при чемъ австрійцы хозяйничали въ Сербіи, а русскіе въ Румыніи и Болгаріи, Селимъ III все-таки не падалъ духомъ. Раздоры въ христіанской Европѣ были ему на руку. Его сопротивленіе

помогло революціонной Франціи собраться съ силами, и въ свою очередь угроза французской революціи ускорила миръ на Востокѣ. Еще одинъ разъ, и почти безъ всякаго со своей стороны желанія, Франція и Турція оказали другъ другу поддержку.

Турція во время Египетской экспедиціи.— Въ дальнѣйшемъ Турціи было трудно сохранить нейтралитетъ, когда война свирѣпствовала на сушѣ и на морѣ, хотя бы этотъ нейтралитетъ вполнѣ согласовался съ ея истощеніемъ и съ личнымъ характеромъ ея государя. Турція могла пренебрегать французскимъ союзомъ, когда Франція отдѣлена была отъ нея морями, одно время совершенно перешедшими въ англійскія руки, когда французскія военныя гавани и арсеналы въ Тулонѣ были совершенно разорены. Но вотъ побѣдоносная Франція сдѣлалась вдругъ пограничной сосѣдкой Турціи: договоръ въ Кампо-Форміо отдавалъ въ руки французовъ крѣпости венеціанской Албаніи и Іонійскіе острова. Вмѣсто давней своей соперницы Венеціи, очутившейся въ зависимости отъ Австріи, Порта увидѣла вдоль западныхъ своихъ областей возникновеніе власти республики, стремительной въ своихъ завоеваніяхъ и въ пропагандѣ, и во главѣ войскъ этой республики сталъ самый безпокойный геній нашихъ временъ. Почти непосредственно за этимъ изъ всѣхъ этихъ старинныхъ венеціанскихъ средоточій Албаніи, превратившихся теперь во французскія владѣнія, изъ Парги, Бутринто, Ларты, Возницы, Превезы, съ Іонійскихъ островъ подуло на подданныхъ Турціи духомъ волненія и возмущенія. Турецкая имперія со всѣхъ сторонъ опутана была сѣтью шпіонства, она чувствовала, что за ней слѣдятъ, прикидываютъ ея судьбу и словно заранѣе дѣлятъ на части. Бонапартъ писалъ Директоріи (16 августа 1797 года): „Іонійскіе острова представляютъ для насъ бо́льшую цѣнность, чѣмъ вся Италія. Я полагаю, что если бы намъ пришлось выбирать, лучше было бы отдать императору Италію и сохранить за собой эти острова“. Талейранъ отвѣчалъ ему: „Для насъ нѣтъ задачи важнѣе прочнаго утвержденія въ Албаніи, Греціи, Македоніи и т. д.“. Съ 1797 года Бонапартъ поддерживаетъ сношенія съ янинскимъ пашой, со скутарійскимъ пашой, съ маинскимъ бекомъ, съ греками, съ ливанскими эмирами. Самымъ смѣлымъ его предпріятіемъ противъ правительства Порты была Египетская экспедиція. Бонапартъ разсчитывалъ заставить Порту видѣть въ этомъ событіи доброжелательный шагъ со стороны Франціи, которая стремилась единственно къ возстановленію въ Египтѣ законной власти султана, которой не хотѣли признавать возмутившіеся мамелюки. Къ несчастью, Оберъ-Дюбайе, единственный человѣкъ, способный заставить Турцію принять этотъ смѣлый парадоксъ, какъ разъ въ это время умеръ (въ 1797 году). Талейранъ, который намѣченъ былъ его преемникомъ на посту посланника, уклонился отъ этого предложенія и назначилъ на это мѣсто Декорша, который прибылъ слишкомъ поздно. Что касается французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Рюффена, то онъ не успѣлъ даже объясниться; его заперли въ Семибашенный замокъ (12 сентября 1798 года), Франціи объявили войну, всѣ французы въ Константинополѣ и въ турецкихъ областяхъ были ограблены и посажены въ тюрьму. Въ Греціи, въ Малой Азіи, въ Сиріи появились англійскія суда, которыя заставляли оттоманскія власти разорять французскія конторы.

Миръ между Франціей и Турціей (1802).— Европейская коалиція распалась вслѣдствіе примиренія Франціи съ Павломъ I; но зато весь восточный романъ Бонапарта разсыпался въ прахъ; Турція или, вѣрнѣе сказать, Али-паша янинскій захватилъ большинство французскихъ крѣпо-

стей въ Албаніи; Іонійскіе острова превращены были въ „Республику Семи островов“ подъ номинальнымъ протекторатомъ Турціи, а въ дѣйствительности— Россіи; Англія водворилась на Мальтѣ; съ сентября 1801 года она заставила Францію очистить Египетъ.

Теперь уже не было никакихъ препятствій къ возстановленію мирныхъ отношеній между Франціей и Турціей; онѣ теперь уже не были сосѣдями: эта неблагодарная роль перешла теперь къ Россіи, къ Австріи, наслѣдницѣ отошедшей въ вѣчность Венеціанской республики, къ Англіи. Послѣдняя оккупировала Сирію, Египетъ, заводила интриги съ мамелюкскими беками, не будучи въ состояніи примириться съ мыслью о необходимости вернуть эти области Портѣ (очищеніе Египта произойдетъ лишь въ 1803 году). Али Эссаадъ Эффенди, турецкій посланникъ въ Парижѣ, оставался тамъ, несмотря на войну. Въ то время, какъ первый консулъ вступилъ съ нимъ въ переговоры, онъ велъ другіе переговоры въ Константинополѣ. Несмотря на усилія англичанъ, онъ добился особаго мира съ Турціей. Предварительныя условія подписаны были въ Парижѣ 9 октября 1801 г., на нѣсколько мѣсяцевъ раньше Амьенскаго мира (25 марта 1802 года). Условія эти приняли форму окончательнаго мира въ Парижѣ 25 іюня 1802 года. Здѣсь оговорены были: возвращеніе Египта Портѣ, нераздѣльность Оттоманской имперіи, признаніе Республики Семи островов, возвращеніе всѣхъ имуществъ, отобранныхъ у французскихъ купцовъ, подтвержденіе прежнихъ договоровъ съ Франціей, особенно договора 1740 года, наконецъ еще одна оговорка, совершенно новая, именно разрѣшеніе французскимъ судамъ проникать въ Черное море и плавать тамъ. Выпущенный на свободу Рюффенъ велъ дѣла посольства вплоть до прибытія новаго посланника генерала Брюна (январь 1803 года). Къ этому времени относится первая миссія Себастіани (1802 г.)[1]. Она обезпечила возобновленіе торговыхъ сношеній во всѣхъ гаваняхъ Оттоманской имперіи, гдѣ Себастіани принятъ былъ дружелюбно.

Если Порта подписала миръ съ французами, то вовсе не для того, чтобы дать себя запутать въ передряги Франціи съ Европой. Всѣ усилія Брюна, направленныя къ тому, чтобы заставить ее заключить союзъ съ Франціей, пропали даромъ [2]). Онъ не добился даже признанія Портою за Наполеономъ императорскаго титула. Онъ уѣхалъ, оставивъ вмѣсто себя Рюффена въ качествѣ уполномоченнаго для веденія дѣлъ. Можетъ быть, послы Россіи и Англіи, Италинскій и Стрэттонъ, сумѣли бы вызвать у слабой Порты какую-нибудь манифестацію въ пользу коалиціи, какъ вдругъ пришло извѣстіе объ Аустерлицѣ. Затѣмъ послѣдовалъ Пресбургскій договоръ: сдѣлавшись господами Венеціанской области за счетъ Итальянскаго королевства, господами Истріи и Далмаціи — за свой собственный счетъ, овладѣвъ королевствомъ Неаполитанскимъ, французы болѣе, чѣмъ когда-либо, стали сосѣдями Порты. Селимъ III былъ одновременно и обрадованъ Аустерлицемъ, этимъ кровавымъ пораженіемъ двухъ сѣверныхъ христіанскихъ имперій, и обезпокоенъ возможными послѣдствіями Аустерлица для Востока. Во всякомъ случаѣ, онъ уже не колебался признать Наполеона императоромъ (5 іюня 1806 года). Онъ отправилъ къ нему чрезвычайное посольство, привѣтствуя въ немъ „самаго давняго, са-

[1]) См. т. I, стр. 42.

[2]) Тщетно Наполеонъ писалъ Селиму III (30 янв. 1805 г.): „Развѣ ты настолько слѣпъ, чтобы не видѣть, что въ одинъ прекрасный день русская армія и флотъ при содѣйствіи грековъ ворвутся въ твою столицу?.. Проснись, Селимъ, призови въ министерство своихъ друзей, прогони измѣнниковъ; довѣрься своимъ истиннымъ друзьямъ—Франціи и Пруссіи“.

маго вѣрнаго, самаго необходимаго союзника своей имперіи". Въ свою очередь Наполеонъ отвѣчалъ послу: „Всѣ успѣхи и неудачи Оттоманской имперіи будутъ успѣхами и неудачами для Франціи".

Поведеніе Австріи и Россіи по отношенію къ Портѣ. — Можно было бы думать, что Австрія и Россія послѣ общаго своего пораженія при Аустерлицѣ будутъ думать теперь только о томъ, какъ бы отомстить Наполеону, и что честолюбивые планы Екатерины II и императора Іосифа одинаково забыты, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Вѣнѣ. Ничуть не бывало. Почти въ одно и то же время у обѣихъ сѣверныхъ державъ возникла мысль: у одной — поправить свой пострадавшій престижъ, у другой—возмѣстить потерю своихъ провинцій за счетъ турокъ. Въ тотъ самый моментъ, когда Талейранъ предлагалъ на разсмотрѣніе Наполеона планъ вознагражденія Австріи румынскими княжествами для того, чтобы сдѣлать изъ нея непримиримаго врага Россіи, Россія и Австрія въ проектѣ уже распоряжались этими же самыми провинціями. 24 августа Мервельдтъ, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, получилъ здѣсь завѣреніе, что русскіе не стремятся къ разрушенію Оттоманской имперіи, но желаютъ присвоить себѣ румынскія княжества, и что они встрѣтили бы съ удовольствіемъ занятіе австрійцами Сербіи, Босніи и турецкой Кроаціи; на это Мервельдтъ отвѣчалъ, что Австрія считала бы себя удовлетворенной не иначе, какъ получивъ помимо указаннаго еще Малую Валахію и западную часть Болгаріи и Румеліи. Двѣ сѣверныхъ державы вступали въ соглашеніе изъ страха передъ третьимъ участникомъ въ дѣлежѣ, и Россія готова была снова начать войну противъ Наполеона не изъ мести за Аустерлицъ, а изъ желанія остановить расширеніе Франціи на Востокъ. Неодобреніе царемъ договора, подписаннаго д'Убрилемъ, занятіе русскими Бокки Каттарской, входившей въ составъ тѣхъ уступокъ, которыя сдѣланы были австрійцами въ пользу французовъ, — все это служило постояннымъ наличнымъ поводомъ для военнаго столкновенія между Франціей и Россіей. Въ то самое время, когда, казалось, можно было думать, что императоръ Александръ всецѣло поглощенъ конфликтомъ между Франціей и Пруссіей, онъ въ сущности занятъ былъ берегами Дуная.

Ни кровавыя сраженія при Пултускѣ и Эйлау, ни угроза французскаго нашествія на русскую территорію не прекратили притязаній Россіи насчетъ Дуная, не остановили скрытаго конфликта между русскими и австрійскими интересами. Въ мартѣ 1807 года Австрія стала вооружаться не для того, чтобы итти на помощь Россіи и Турціи, а для того, чтобы быть въ состояніи дѣятельно отстаивать свои интересы въ румынскихъ областяхъ. Эрцгерцогъ Карлъ заявилъ, что, если бы русскимъ удалось утвердиться на Дунаѣ, они были бы „для Австріи болѣе опаснымъ врагомъ, чѣмъ даже Франція".

Дружественныя отношенія Турціи съ Франціей: миссія генерала Себастіани (1806). — Въ августѣ 1806 года въ Константинополь прибылъ въ качествѣ посланника генералъ Себастіани, уже знакомый Востоку по своей миссіи 1802 года. Ему дана была инструкція не брезговать ничѣмъ для вовлеченія Турціи въ войну съ Россіей. У Порты было уже слишкомъ достаточно поводовъ для неудовольствій противъ Россіи: она считала дѣломъ рукъ Россіи всѣ возстанія, поднятыя христіанскими народами полуострова: сербами, черногорцами, майнотами и т. д. Себастіани, отправившійся къ мѣсту своего назначенія черезъ Румынію, могъ убѣдиться здѣсь въ томъ, что князья Ипсиланти и Мозуси, господари Валахіи и Молдавіи, были вассалами Россіи. Онъ потребовалъ и добился

отъ Порты ихъ смѣщенія (30 августа). Ихъ смѣнили Сутзосъ и Каллимахи. Сверхъ того, Себастіани добился закрытія Босфора передъ всякимъ русскимъ судномъ, везущимъ войско и амуницію. Иначе, говорилъ онъ, Франція считала бы себя въ правѣ проходить черезъ турецкія области въ случаѣ своего нападенія на русскихъ у Днѣстра. Дивану онъ любилъ разсказывать о французской арміи въ Далмаціи, одинаково готовой поддерживать Турцію или карать ее въ случаѣ ея сопротивленія дружескимъ совѣтамъ Наполеона. Смѣщеніе господарей, закрытіе русскимъ судамъ прохода черезъ проливы,—все это были нарушенія договоровъ, заключенныхъ Портою съ Россіей. Въ своихъ рѣзкихъ протестахъ представитель Александра I Италинскій былъ энергично поддержанъ англійскимъ посланникомъ Эрбёснотомъ. Послѣдній, угрожая дивану заявленіемъ о скоромъ прибытіи британскаго флота въ Дарданеллы, добился возстановленія смѣщенныхъ господарей и открытія прохода для русскихъ военныхъ судовъ. Побѣды Наполеона надъ коалиціей [1]) не вернули храбрости султану Селиму.

Вторженіе Россіи въ румынскія области (1806).—Въ октябрѣ 1806 года, не объявляя войны, не дожидаясь результата новыхъ переговоровъ, начатыхъ Италинскимъ, генералъ Михельсонъ, командующій русской арміей на Днѣстрѣ по приказу изъ Петербурга внезапно перешелъ рѣку, захватилъ однѣ крѣпости, осадилъ и занялъ Яссы и Бухарестъ и въ нѣсколько дней сдѣлался господиномъ обѣихъ румынскихъ областей за исключеніемъ крѣпостей на Дунаѣ.

Въ Константинополѣ это произвело сильное впечатлѣніе, и раздраженіе противъ русскихъ тоже было очень сильно. Можетъ быть, наиболѣе озадаченъ былъ такимъ рѣзкимъ нарушеніемъ мира Италинскій. Ему очень трудно было объяснить Портѣ поведеніе своего правительства, и только вмѣшательство Себастіани и Эрбёснота дало ему возможность избѣжать заключенія въ Семибашенный замокъ и уѣхать моремъ въ Италію. Инструкціи, полученныя Эрбёснотомъ, который также былъ чрезвычайно недоволенъ вторженіемъ русскихъ въ Румынію, предписывали ему требовать у Порты возстановленія мира съ Россіей путемъ уступки послѣдней румынскихъ областей, союза Турціи съ Россіей и Англіей, разрыва съ Франціей и изгнанія Себастіани, передачи англичанамъ турецкаго флота, фортовъ и батарей на Дарданеллахъ. Едва передавъ Портѣ требованія своего двора, нисколько не разсчитывая на успѣхъ этого шага, боясь къ тому же быть задержаннымъ въ качествѣ плѣнника, онъ тайно подготовился къ отъѣзду, и 29 января 1807 года ему удалось ускользнуть черезъ Дарданеллы. Прибывъ на Тенедосъ, онъ далъ знать Портѣ, что готовъ продолжать переговоры. Турецкіе министры, чрезвычайно обезпокоенные его отъѣздомъ, благосклонно приняли его предложенія. Тѣмъ не менѣе онъ требовалъ скорѣйшаго прибытія британской эскадры.

Англійскій флотъ въ Дарданеллахъ (1807).—Жюшеро де С.-Дени, французскій эмигрантъ, находившійся сначала на британской службѣ, затѣмъ перешедшій въ 1805 году на службу къ Портѣ, какъ разъ въ это время сдѣланъ былъ здѣсь главнымъ инспекторомъ военно-инженер-

---

[1]) Наполеонъ писалъ Селиму III (11 ноября 1806 г.): „Прусскія войска уничтожены или въ плѣну. Вся страна въ моихъ рукахъ. Я въ Берлинѣ, въ Варшавѣ. Съ 300.000 человѣкъ я стараюсь использовать свое выгодное положеніе и заключу миръ не раньше, чѣмъ вы снова будете хозяиномъ своихъ княжествъ возстановивъ обоихъ господарей. Судьба обѣщала долгое существованіе вашей имперіи; мое назначеніе спасти ее, и мои побѣды—ваши побѣды".—Наполеонъ—Селиму III (1 дек. 1806 года): „Пруссія, примкнувшая къ Россіи, исчезла... Мои войска на Вислѣ, и Варшава въ моихъ рукахъ..." См. также письмо отъ 1 января 1807 года.

ной части [1]). Селимъ III затребовалъ у него отчетъ о состояніи Дарданелльскихъ укрѣпленій. Ни тревожныя заключенія этого рапорта, ни настоянія капитана Ласкура, адъютанта Себастіани, котораго послѣдній посылалъ въ Дарданеллы, ни настоянія французскаго консула Мешэна не могли поколебать инертности великаго визиря и капитана-паши (главнаго адмирала).

Въ февралѣ появилась подъ командой адмирала Дѣкуорса англійская эскадра, состоявшая изъ 8 линейныхъ кораблей [2]), 2 фрегатовъ, 2 корветовъ, 2 бомбардирскихъ судовъ. 19-го адмиралъ приступилъ къ форсированію Дарданеллъ. Французскіе офицеры взяли на себя руководство турецкими канонирами. Когда англійскій флотъ во главѣ съ *Рояль-Жоржъ*, подъ флагомъ адмирала Дѣкуорса, былъ на высотѣ дворцовъ Келидиль-Багара и Султаніе-Калесси, произошла оживленная перестрѣлка. Англичане заставили умолкнуть турецкія батареи и прослѣдовали до Нагары. Здѣсь они встрѣчены были залпомъ съ шести оттоманскихъ судовъ. Пять изъ нихъ тотчасъ же были уничтожены. Дарданеллы были пройдены.

Въ сералѣ сразу распространилась паника: только и слышны были вопли женщинъ и евнуховъ. Диванъ рѣшилъ покориться, выдать флотъ, попросить Себастіани уѣхать. Французскій посланникъ далъ знать султану, что, находясь подъ охраной Порты, онъ покинетъ Константинополь не иначе, какъ по формальному приказу его величества. Селимъ III не рѣшился отдать такого приказа. Къ тому же весь городъ отвѣчалъ на трусость сераля храбрымъ мятежомъ. Старики и дѣти принялись таскать землю и фашины; жители сами разрушали свои жилища, чтобы демаскировать батареи; наконецъ, греки, армяне, евреи содѣйствовали защитѣ подъ предводительствомъ своихъ духовныхъ руководителей. Себастіани попросилъ аудіенціи у султана, вдохнулъ въ него мужество, говорилъ ему о доблести его предковъ, о славномъ его союзникѣ, доказывалъ, что Наполеонъ уже на пути въ Петербургъ (только что прибылъ французскій бюллетень о сраженіи при Эйлау 18 февраля), предложилъ ему наконецъ для военныхъ услугъ самого себя и всѣхъ французовъ, которые находились въ Константинополѣ и среди которыхъ было много офицеровъ.

Въ ночь съ 19 на 20 англійскія суда, достигшія почти Санъ-Стефанскаго мыса, въ разстояніи двухъ миль отъ города, остановлены были перемѣнившимся вѣтромъ. Впрочемъ, Эрбѣснотъ и Дѣкуорсъ, удовлетворившись дѣйствіемъ внушеннаго ими ужаса, думали, что благоразумнѣе будетъ возобновить переговоры. Себастіани, стремясь выиграть время, совѣтовалъ туркамъ пойти навстрѣчу ихъ предложеніямъ. Англичане попались на эту удочку. Въ первый день переговоровъ турки поставили на батареи 300 пушекъ; черезъ нѣсколько дней ихъ было 1.200. Султанъ вмѣстѣ съ Себастіани пѣшкомъ обходилъ батареи, ободряя работающихъ, щедро раздавая золото. Въ то самое время, когда Константинополь и Босфоръ унизывались пушками, англичане узнали, что подобная же дѣятельность обнаруживается на пути ихъ отступленія, на батареяхъ Дарданеллъ. Дѣкуорсъ понялъ, что онъ погибъ, если станетъ ждать еще. 2 марта, черезъ 13 дней послѣ своего смѣлаго прохода проливомъ, онъ воспользовался благопріятнымъ вѣтромъ, чтобы пройти обратно Дарданеллы. Не отвѣчая на огонь не-

---

[1]) Получивъ въ 1809 году разрѣшеніе вернуться во Францію въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ имъ во время защиты Константинополя противъ англичанъ, Жюшеро де С.-Дени участвовалъ потомъ въ чинѣ инженеръ-полковника въ большинствѣ испанскихъ походовъ.

[2]) Одинъ изъ этихъ кораблей *Аяксъ*, съ 74 орудіями, случайно загорѣлся и не могъ быть спасенъ.

пріятеля, онъ потерялъ 2 корвета, 197 убитыхъ и 412 раненыхъ. Ни одинъ англичанинъ не ушелъ бы изъ этого опаснаго прохода, если бы турецкія пушки были лучше приспособлены. Защита Константинополя отмѣчаетъ собой апогей французскаго вліянія на Востокѣ [1]). Вліяніе Себастіани у дивана казалось безграничнымъ. Наполеонъ возобновилъ свои предложенія Селиму III: онъ предлагалъ ему послать черезъ Боснію, Македонію и Болгарію 25.000 человѣкъ изъ арміи Мармона, чтобы биться противъ русскихъ на Днѣстрѣ. Диванъ рѣшительно отказался тѣмъ болѣе, что Цезарь Бертье, губернаторъ Іонійскихъ острововъ, внушалъ ему опасенія, требуя отъ Али-паши возвращенія Парги, Превезы, Бутринто. Зато диванъ энергично возобновилъ войну съ русскими.

Покушеніе англичанъ на Египетъ (1807).— Одураченная на Босфорѣ Англія хотѣла смыть такое униженіе. Надо было предпринять что-нибудь, и она обратилась на этотъ разъ противъ Египта. Она разсчитывала на мамелюковъ, которые плохо мирились съ верховенствомъ албанца Мехмета-Али, побѣдителя всѣхъ своихъ соперниковъ и недавно признаннаго со стороны Порты намѣстникомъ Египта. Британскій флотъ высадилъ 7 или 8 тысячъ человѣкъ подъ командой Фрэзера. Большая часть заняла Александрію (17 марта 1807 года), другая часть неосторожно завязла въ узкихъ улицахъ Розетты и уничтожена была горстью албанцевъ (21 марта). Мехметъ-Али отправилъ 1.000 англійскихъ головъ на украшеніе площади Румліэ въ Каирѣ. Оставленный безъ подкрѣпленій Фрэзеръ вынужденъ былъ сдаться въ Александріи и получилъ возможность снова сѣсть на суда (14 сентября). Мехметъ-Али безъ выкупа отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ. Въ этомъ кризисѣ онъ находилъ крупную поддержку въ совѣтахъ французскаго консула Дроветти.

Порта проявила по поводу высадки англичанъ въ Египтѣ гораздо бо́льшее раздраженіе, чѣмъ ея намѣстникъ. Она объявила имъ войну, наложила арестъ на ихъ имущества и товары, подписала союзный договоръ съ Наполеономъ. Послѣ двойной своей неудачи англичане сообразили, что не стоитъ доводить турокъ до крайности. Они очистили воды восточной части Средиземнаго моря и Архипелага, дожидаясь удобнаго случая.

Военныя реформы Селима III. — Еще до вступленія своего на престолъ Селимъ III убѣжденъ былъ въ необходимости произвести реформу въ турецкой арміи и флотѣ. Послѣ попытокъ изъ временъ паши Бонневаля (въ 1732—1734 гг.) и барона Тотта (въ 1770 году) его царствованіе представляетъ собой третій опытъ реформъ, предпринятыхъ въ Турціи подъ западнымъ вліяніемъ.

Съ 1792 по 1803 годъ Селиму помогалъ его зять, главный адмиралъ Кучукъ-Гуссейнъ. Онъ могъ разсчитывать также на поддержку великаго муфтія Вели-Заде [1]), который ослабилъ оппозицію улемовъ. Капитанъ-паша прекратилъ пиратство, совершавшееся со времени экспе-

[1]) Наполеонъ писалъ Селиму III (Финкенштейнъ, 3 апрѣля 1807 г.): „Мой посланникъ сообщаетъ мнѣ о прекрасномъ поведеніи и храбрости константинопольскихъ мусульманъ при отраженіи нашихъ общихъ враговъ. Ты показалъ себя достойнымъ потомкомъ Селима и Солимана. Ты просилъ у меня нѣсколько офицеровъ, я посылаю ихъ тебѣ. Я жалѣлъ, что ты не попросилъ у меня нѣсколько тысячъ человѣкъ; ты просилъ у меня только 500; я приказалъ имъ отправляться... Начальнику моихъ войскъ въ Далмаціи я отдаю приказъ послать тебѣ оружія, амуниціи и всего, чего ты попросишь. Подобный же приказъ отдаю я въ Неаполѣ". Помимо этого, Наполеонъ увѣдомляетъ султана, что онъ не заключитъ мира иначе, какъ на условіи, чтобы „всѣ договоры, вырванные у Порты во время бездѣйствія Франціи, были взяты назадъ".

[1]) Этотъ великій муфтій былъ личнымъ другомъ султана; отецъ его подарилъ Мустафѣ III ту красивую черкешенку, отъ которой родился Селимъ III.

диціи Орлова въ 1770 году подъ русскимъ флагомъ греческими и левантинскими морскими разбойниками въ водахъ и по островамъ Архипелага. Онъ исправилъ крѣпости. Онъ вызвалъ инженеровъ изъ Франціи и Швеціи. Съ помощью французскихъ инженеровъ Руа, Брэна, Бенуа онъ построилъ суда по французскимъ моделямъ. Онъ возстановилъ школы, основанныя Тоттомъ и поставилъ во главѣ ихъ французскихъ офицеровъ; приказалъ отпечатать въ турецкомъ переводѣ книги Вобана и другіе военные труды, образовалъ при артиллерійской школѣ библіотеку въ 400 томовъ. На литейномъ заводѣ Топъ-Хане онъ велѣлъ отлить 12-ти, 8-ми и 4-хъ фунтовыя пушки по системѣ Грибоваля и гаубицы по русской системѣ Шувалова. Онъ увеличилъ съ 600 до 3.000 человѣкъ отрядъ бомбардировъ, впервые образованный еще въ времена Тотта, вышколилъ *левендовъ* (морскихъ солдатъ), *галіонджей* (матросовъ), *аикладжей* (марсовыхъ). Онъ встрѣтилъ могущественную поддержку въ лицѣ Обера-Дюбайе, который, какъ мы видѣли, снабжалъ его офицерами, канонирами, артиллерійскими рабочими, даже вполнѣ снаряженными полевыми орудіями. Французскіе артиллеристы имѣли большое вліяніе на *топаджей*, качества и личный составъ которыхъ значительно улучшились. Кавалерійскіе офицеры обучили на европейскій ладъ турецкій эскадронъ. Но французскіе пѣхотные офицеры ничего не могли подѣлать съ янычарами: имъ удалось поставить на ноги лишь небольшой батальонъ, составленный въ большей своей части изъ иностранцевъ, подъ командой ренегата Инглиса - Мустафы (Кэмпбеллъ). Да и этотъ батальонъ готовъ былъ распасться послѣ смерти Обера-Дюбайе и французскихъ офицеровъ. Его обломки были собраны капитаномъ - пашой, который поддерживалъ наличный составъ батальона на уровнѣ 500—600 человѣкъ. Такимъ образомъ, на лицо была какъ бы бригада регулярнаго войска, артиллеріи, конницы, пѣхоты. Созданная французскими офицерами, она въ первый разъ билась противъ французовъ же при Сенъ-Жанъ-д'Акрѣ. Оттоманское общественное мнѣніе невольно должно было сопоставить стойкую храбрость этихъ войскъ съ безпорядочностью остальной турецкой милиціи въ бояхъ въ Сиріи и при Абукирѣ. Ихъ возвращеніе въ Константинополь сопровождалось тріумфомъ.

Низамъ-джедидъ: первое возмущеніе противъ реформъ.—Селимъ и его сотрудники воспользовались такимъ поворотомъ общественнаго мнѣнія и выработали фирманъ, которымъ устанавливался подъ именемъ *низамъ-джедидъ* цѣлый корпусъ регулярной арміи съ раздѣленіями и чинами на европейскій образецъ, съ точно опредѣленными бюджетными назначеніями. *Низамъ-джедидъ* заключалъ въ себѣ всего два эскадрона кавалеріи, зато двѣнадцать полковъ пѣхоты, изъ которыхъ два стояло по сосѣдству съ Константинополемъ, два въ пашалыкѣ Кутайэ, восемь въ пашалыкѣ Караманіе, начальникъ котораго Абдерраманъ Кади-паша всецѣло преданъ былъ султану и дѣлу реформъ. Обмундировка пѣхотинцевъ была почти совершенно европейская. Вооружены они были французскимъ ружьемъ со штыкомъ, кривой саблей; къ каждому полку причислена была артиллерійская рота, оркестръ музыки и имамъ. Два ренегата, одинъ грекъ, другой пруссакъ сдѣлались командирами регулярныхъ войскъ, собранныхъ подъ Константинополемъ [1]).

---

[1]) Ревностный сторонникъ реформы, государственный министръ Челеби-эффенди написалъ пламенную апологію *низамъ-джедида*. Онъ приписываетъ пораженія послѣдователей Ислама въ войнахъ противъ Россіи дурному обученію старой турецкой милиціи, „состоявшей изъ пирожниковъ, лодочниковъ, рыбаковъ, содержателей кофеенъ и публичныхъ домовъ и другихъ, занимавшихся тридцатью двумя отраслями торговли". Эти-то люди отказывались подвергаться упражненіямъ, которыми обезпечивается побѣда, и тѣмъ не менѣе,

Въ 1803 и 1804 годахъ европейская Турція была опустошена такъ называемыми *кирджали*, славянскими или албанскими разбойниками, которые дѣйствовали небольшими отрядами, захватывали значительные города, угрожали Адріанополю и даже Константинополю и при всякой встрѣчѣ разбивали янычаръ и другую оттоманскую милицію. Съ ними удалось справиться, только отправивъ противъ нихъ нѣсколько отрядовъ *низамъ-джедида*.

Къ несчастью, доблестный капитанъ-паша Кучукъ-Гуссейнъ умеръ въ 1803 году. Въ лицѣ его Селимъ лишился поддерживающей, но и сдерживающей силы. Гордясь успѣхомъ своихъ солдатъ, онъ издалъ мартовскій *хатти-шерифъ* 1805 года, которымъ приказывалось набирать по всей европейской Турціи изъ янычаръ и молодыхъ людей отъ двадцати до двадцатишестилѣтняго возраста самыхъ сильныхъ для включенія ихъ въ составъ *низамъ-джедида*. Вслѣдъ за этимъ султанъ и его совѣтники сообразили крайнюю необдуманность этой мѣры. Въ Константинополѣ не рѣшились обнародовать *хатти-шерифъ*; въ Адріанополѣ глашатай, которому поручено было объявить его, былъ избитъ до полусмерти; въ Родосто убили кади, которому ввѣрено было выполненіе эдикта. Нигдѣ въ европейскихъ областяхъ Турціи приказъ не былъ выполненъ, но Кади-паша Караманскій значительно увеличилъ свой наличный составъ. Въ 1806 году, когда война съ Россіей казалась неизбѣжной, диванъ обратился къ Кади-пашѣ, который съ 15—16 тысячами регулярныхъ войскъ и 1.500 феодальной кавалеріи переправился черезъ Босфоръ и вступилъ въ Константинополь. Султанъ совершилъ ошибку, задержавъ ихъ болѣе чѣмъ на мѣсяцъ: столько удовольствія доставляли ему военныя упражненія этихъ войскъ. Онъ отправилъ ихъ на Дунай, гдѣ они должны были соединиться съ Бараиктаромъ, лишь въ іюлѣ 1806 года, въ страшную жару. Промедленіе было использовано всѣми врагами реформы: янычары и *кирджали* примирились. Въ Адріанополѣ они въ числѣ 10.000 человѣкъ затѣяли преградить дорогу войскамъ Кади-паши. Послѣдній такъ плохо повелъ атаку на городъ, что всѣ его прекрасныя войска были истреблены огнемъ разбойниковъ и янычаръ, засѣвшихъ въ домахъ. Ему пришлось отступать на Силиври (Селимврія), гдѣ онъ расположился подъ охраной пушекъ флота. Унизивъ регулярные полки передъ разбойниками и передъ такими презрѣнными войсками, какъ янычары, эта кампанія нанесла смертельный ударъ престижу *низамъ-джедида*. Она внесла разстройство и опасеніе въ намѣренія султана. Великій муфтій ушелъ въ изгнаніе. Постъ великаго визиря занялъ теперь ага янычаръ. Когда дѣло реформъ получило такое неодобреніе со стороны самого султана, возмуще-

---

бахвалясь своей отвагой, говорили: „Къ чему эти новыя войска, называемыя *низамъ-джедидъ*? Въ ту пору, когда оттоманская раса саблей завоевывала міръ, такихъ войскъ не было. Пусть-ка покажется врагъ, мы возьмемъ въ руки свои сабли и первой же атакой изрубимъ его въ куски“. Вотъ этимъ-то храбрецамъ берется отвѣчать Челеби-эффенди. Развѣ не раздавалась подобная же критика противъ янычаръ въ моментъ ихъ образованія? И затѣмъ Челеби-эффенди за 87 лѣтъ своей жизни много видѣлъ: онъ участвовалъ въ войнахъ съ 1733 года; онъ видѣлъ паденіе Кинбурна и Очакова. Онъ былъ въ плѣну у невѣрныхъ. Онъ знаетъ ихъ мнѣніе объ этихъ оттоманскихъ толпахъ, которыя наводняютъ роты, не умѣя даже зарядить ружья, кладя въ мушкеты сначала пулю, а потомъ поверхъ нея порохъ, способные самое большее на истребленіе магазиновъ и разореніе страны, на распространеніе ложныхъ слуховъ объ измѣнѣ и на панику. Вотъ почему авторъ восхваляетъ эти „недавно набранныя войска“, которыя, „вмѣсто того чтобы заниматься торговлей, остаются денно и нощно на своихъ квартирахъ, ежедневно занимаясь военными упражненіями, сохраняя свое оружіе, пушки, мушкеты, военное снаряженіе всякаго рода въ состояніи, годномъ къ непосредственному употребленію, соблюдая дисциплину, соотвѣтствующую ихъ званію солдатъ новаго устава“.

ніе улеглось. Но такъ какъ янычары продолжали относиться съ недовѣріемъ къ султану и такъ какъ послѣдній только пріостановилъ, а не взялъ назадъ свой *хатти-шерифъ*, то всѣ сознавали, что это только перемиріе. На время этого перемирія приходится яркая вспышка оттоманскаго патріотизма въ февралѣ 1807 года.

Ямакъ-табели: новое возстаніе.—По мѣрѣ того какъ паденіе дисциплины сказывалось въ старой оттоманской милиціи, и новая милиція вскорѣ охвачена была тѣмъ же порокомъ. Въ 1807 году это обнаружилось на такъ называемыхъ *ямакъ-табели*, или „батарейныхъ помощникахъ" на Босфорѣ. Ихъ набирали среди лазовъ и албанцевъ, и число ихъ доходило до 2.000 человѣкъ Вскорѣ они сдѣлались яблокомъ раздора, съ одной стороны, между правительствомъ, которому хотѣлось бы включить ихъ въ составъ *низамъ-джедида*, и, съ другой стороны, милиціей янычаръ, которая стремилась приписать ихъ къ ордену святаго Бегташа. Сами они склонялись скорѣе въ пользу второго рѣшенія. Въ это время большинство министровъ находилось при дунайской арміи, а въ Константинополѣ оставались ихъ замѣстители. Такимъ образомъ, за отсутствіемъ великаго визиря и аги янычаръ высшей военной властью въ Стамбулѣ былъ помощникъ *(каймакамъ)* великаго визиря, Муста. А этотъ измѣнилъ султану. По соглашенію съ новымъ великимъ муфтіемъ онъ подбилъ *ямаковъ* на возстаніе, увѣривъ ихъ въ томъ, что ихъ хотятъ зачислить въ *низамъ - джедидъ*. Они избрали своимъ вождемъ нѣкоего Кабакши-Оглу и, переправившись черезъ Босфоръ, проникли въ городъ, увлекли за собой 700 — 800 янычаръ, 200 *галіонджей* и часть *топаджей*. Бунтовщики сосредоточились въ Этмеиданѣ и перенесли къ себѣ всѣ полковые котлы изъ янычарскихъ казармъ. Кабакши привѣтствовалъ янычаръ во имя вѣры, древнихъ законовъ, святого Бегташа, обѣщалъ имъ уничтоженіе *низамъ-джедида* и развернулъ передъ ними длинный списокъ опальныхъ чиновниковъ, которые и подверглись немедленному преслѣдованію со стороны янычаръ и черни. Семнадцать головъ принесено было въ Этмеиданъ.

Сверженіе Селима III; вступленіе на престолъ Мустафы IV (1807).—Среди опальныхъ находился *бостанджи-бахши* (начальникъ садовниковъ), которому ввѣрена была охрана сераля. Когда мятежники стали угрожать дворцу, этотъ преданный слуга посовѣтовалъ султану обезглавить его и бросить его голову мятежникамъ. Султанъ по слабости согласился на это. Въ то же время онъ заявилъ, что беретъ назадъ *хатти-шерифъ* 1805 года и окончательно отмѣняетъ *низамъ - джедидъ*. Уступки эти слишкомъ запоздали. На третій день звѣрствъ мятежники задали вѣроломному великому муфтію слѣдующій вопросъ: „Заслуживаетъ ли оставаться на престолѣ падишахъ, который своимъ поведеніемъ и своими распоряженіями подрываетъ религіозныя начала, освященныя Кораномъ?" И великій муфтій отвѣтилъ на это отрицательнымъ *фетуа*. Солдаты провозгласили султаномъ Мустафу, сына султана Абдулъ-Гамида. Оставалось сообщить Селиму III его участь. Великій муфтій взялъ на себя это порученіе, и Селимъ, видя трусость своихъ окружающихъ, отправился въ *Кавэ*, гдѣ томился его двоюродный братъ Мустафа. Онъ сказалъ ему: „Братъ, я хотѣлъ сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми, но народъ раздраженъ противъ меня... Я оставляю престолъ безъ сожалѣнія и совершенно искренно привѣтствую твое восшествіе на престолъ". Селимъ III встрѣтился въ *Кавэ* съ своимъ двоюроднымъ братомъ Махмудомъ; онъ посвятилъ себя его воспитанію, и тотъ впослѣдствіи отомстилъ за него. Селимъ палъ жертвой коалиціи военщины, черни и духовенства.

Новый султанъ давно уже былъ из-

вѣстенъ своей ненавистью къ реформамъ. Онъ приписывалъ пораженія оттомановъ тѣмъ европейскимъ новшествамъ, которыя уже были приняты. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ посредственнаго ума и занятъ былъ только своими удовольствіями.

Убійство Селима III; вступленіе на престолъ Махмуда II.—Прошло четырнадцать мѣсяцевъ со времени сверженія Селима III. Рущукскій паша Мустафа *Байрактаръ* (т.-е. знаменоносецъ) былъ глубоко преданъ Селиму III и дѣлу реформъ. Онъ убѣдилъ великаго визиря, который также находился при дунайской арміи, что онъ раздѣляетъ его образъ мыслей; между тѣмъ въ сущности великій визирь добивался только наказанія *ямаковъ*, Кабакши, великаго муфтія, тогда какъ Байрактаръ имѣлъ въ виду перемѣну на престолѣ. Оба начальника пошли на Константинополь: сначала великій визирь съ *санджакъ-шерифомъ* (знаменемъ пророка), за нимъ Байрактаръ. Послѣдній велѣлъ захватить и зарѣзать Кабакши въ его босфорской виллѣ (іюль 1808). При приближеніи этихъ двухъ генераловъ, вернувшихся къ столицѣ безъ его приказа, Мустафа IV обнаружилъ безпокойство. Но какъ употребить противъ нихъ силу? справятся ли янычары и *ямаки* съ 30.000 ветерановъ дунайской арміи? Министры совѣтовали султану выиграть время. Байрактаръ воспользовался отсрочкой для происковъ въ городѣ и въ сералѣ. Все было подготовлено къ контрреволюціи. 28 іюля Мустафа IV совершалъ прогулку на одной изъ своихъ увеселительныхъ лодокъ; Байрактаръ созвалъ вождей заговора и попросилъ къ себѣ великаго визиря. Такъ какъ онъ отказывался отъ участія въ сверженіи Мустафы и во вторичномъ возведеніи на престолъ Селима III, то Байрактаръ приказалъ его арестовать. Затѣмъ онъ объявилъ, что въ виду заключенія славнаго мира съ русскими санджакъ-шерифъ совершитъ свое вступленіе въ сераль. На глазахъ изумленныхъ янычаръ пройдены были первыя ворота; но у вторыхъ воротъ завязался разговоръ между Байрактаромъ и новымъ *бостанджи - баши*, который не хотѣлъ отпирать безъ приказанія султана Мустафы: „Какой тамъ султанъ Мустафа!—закричалъ паша,—нашъ императоръ и повелитель—султанъ Селимъ“. Пригрозивъ разбить ворота пушечными ядрами, онъ чуть было не добился открытія воротъ, но въ это время вернулся въ сераль Мустафа, предупрежденный своими лазутчиками. Онъ велѣлъ задушить Селима III и сказалъ своимъ рабамъ: „Отоприте ворота и отдайте султана Селима Мустафѣ Байрактару, коли онъ этого проситъ“. Надъ трупомъ своего господина Байрактаръ разразился было горючими слезами. Капитанъ-паша Сеидъ-Али замѣтилъ ему: „Подобаетъ ли рущукскому пашѣ плакать, словно женщинѣ. Султанъ Селимъ требуетъ отъ насъ мести, а не слезъ!“ Придя въ себя, Байрактаръ приказалъ схватить султана Мустафу, провозгласить султаномъ Махмуда, который и былъ немедленно возведенъ на престолъ (28 іюля 1808 года). Месть Байрактара настигла всѣхъ, способствовавшихъ смерти Селима: тридцать три головы отрублены были въ сералѣ; гаремныя жены, привѣтствовавшія убійство султана, были зашиты въ мѣшки и брошены въ Босфоръ.

Управленіе Байрактара; его трагическій конецъ (1809). — Сдѣлавшись великимъ визиремъ новаго султана, всесильный въ сералѣ и во всей имперіи, Байрактаръ раздѣлался со всѣми своими врагами и соперниками; даже капитанъ-паша былъ изгнанъ. Послѣ этого онъ вернулся къ дѣлу преобразованія арміи. Онъ созвалъ большое собраніе министровъ, пашей, высшихъ чиновниковъ и нотаблей. Онъ говорилъ имъ о своемъ уваженіи къ святому Бегташу и къ корпусу янычаръ; но этотъ корпусъ забылъ свои традиціи, и великій визирь сдѣлалъ точный и устра-

шающій перечень подтачивавшихъ его злоупотребленій. Слѣдовательно, надо было, во-1-хъ, уничтожить продажность званія янычара; во-2-хъ, платить жалованье только тѣмъ, кто дѣйствительно живетъ въ казармахъ; въ-3-хъ, возстановить былую дисциплину. Такимъ образомъ, Байрактаръ предлагалъ провести реформу подъ видомъ возвращенія къ прошлому. Его рѣчь встрѣчена была одобреніемъ всего собранія. Его старый союзникъ Кади-паша обѣщалъ остаться въ Константинополѣ съ 4.000 своихъ регулярныхъ солдатъ. Однако, налоги, сокращеніе земельныхъ дачъ, вызванное расходами на новую армію, вскорѣ раздражили народъ и всѣхъ, пользовавшихся этими дачами. Проснулся фанатизмъ улемовъ и озлобленіе янычаръ. Властный характеръ Байрактара вывелъ изъ терпѣнія даже новаго его повелителя. Враги его искали диверсіи противъ реформъ въ родѣ той, какая уже удалась въ 1806 году; въ Румеліи опять расцвѣло разбойничество. Для его подавленія Байрактаръ выдѣлилъ изъ своего вѣрнаго войска 6.000 человѣкъ, оставивъ при себѣ всего 6.000. Наступилъ Рамазанъ съ обычными своими религіозными изступленіями. 14 ноября 1809 года великій визирь отправился изъ дому съ парадным визитомъ; его свита, состоявшая изъ солдатъ и чаушей, вынуждена была дѣйствовать палками по головамъ, чтобы проложить себѣ дорогу. Видъ раненыхъ, заполнившихъ всѣ кофейни, довелъ раздраженіе черни и янычаръ до кульминаціоннаго пункта. Возстаніе вспыхнуло почти само собой. Прежде чѣмъ броситься на дворецъ Байрактара, толпа занялась поджогами съ цѣлью вызвать наружу его лейбъ-гвардію, и скоро все кругомъ дворца было объято пламенемъ. Вмѣсто того, чтобы прорваться черезъ это огненное и желѣзное кольцо, Байрактаръ скрылся въ каменную башню своего дворца, захвативъ съ собою свои драгоцѣнности, свою казну, любимую рабыню и чернаго евнуха. 15-го новый капитанъ-паша Рамисъ собралъ всѣ вѣрныя войска: *сейменовъ*, т.-е. новыхъ регулярныхъ солдатъ, флотскій экипажъ, *низамъ-джедидъ* Кади-паши, солдатъ дунайской арміи. Не зная ничего о судьбѣ великаго визиря, онъ занялъ на всякій случай сераль, чтобы защитить султана. 16 ноября янычары были отброшены къ св. Софіи и Гипподрому; а пожаръ все распространялся по кварталамъ, по которымъ проходили императорскія войска. Султанъ въ страхѣ отдалъ приказъ вернуть защитниковъ въ сераль. Мятежники сейчасъ же снова появились подъ стѣнами дворца. Махмудъ почувствовалъ себя въ опасности. Ему оставалось только одно средство, чтобы сдѣлать свою жизнь священною въ глазахъ самыхъ дерзкихъ мятежниковъ, а именно принести въ жертву единственнаго оставшагося въ живыхъ рядомъ съ нимъ принца османовой крови. И дѣйствительно, когда въ городѣ узнали, что Мустафа IV задушенъ, возстаніе стихло.

На другой день (17 ноября) простонародье, копавшееся въ обломкахъ дворца Мустафы Байрактара, натолкнулось у подножья высокой каменной башни на желѣзную дверь. Ее взломали и, проникнувъ въ сводчатую комнату, нашли тамъ посреди мѣшковъ, наполненныхъ золотомъ, и шкатулокъ съ драгоцѣнными камнями трупъ великаго визиря вмѣстѣ съ трупами любимой рабыни и чернаго евнуха. Человѣкъ, на которомъ покоились судьбы всей имперіи, умеръ настоящимъ азіатомъ, жаднымъ и распутнымъ. Извѣщенный объ этой находкѣ ага янычаръ прискакалъ туда и распорядился выставить въ Этмейданѣ посаженный на колъ трупъ своего врага. Это вызвало ужасную панику среди его сторонниковъ. *Сеймены* и *низамъ-джедидъ* Кади-паши спасли себѣ жизнь, заключивъ соглашеніе съ янычарами. Послѣдніе удовлетворились сожженіемъ казармъ регулярныхъ войскъ.

Они потребовали у султана головы Рамиса, Кади и другихъ друзей Байрактара. Не таковъ былъ Махмудъ II, чтобы спасать себя подобной цѣной; онъ помогъ имъ убѣжать моремъ. Такъ закончилась пятая съ 1733 года попытка ввести въ старую оттоманскую организацію начала европейскаго военнаго искусства. Прошло еще семнадцать лѣтъ прежде чѣмъ сдѣлана была новая и рѣшительная попытка тѣмъ же самымъ султаномъ Махмудомъ.

Турція, покинутая Франціей (1807). — Сверженіе султана Селима дало поводъ Наполеону — въ тотъ самый моментъ, когда онъ собирался заключить союзъ съ Россіей—рѣзко порвать съ Турціей такъ же, какъ онъ сдѣлалъ это и по отношенію къ Персіи. Узнавъ объ этомъ происшествіи, онъ воскликнулъ: „Съ этими варварами нельзя имѣть никакого дѣла. Провидѣніе избавляетъ меня отъ нихъ. Устроимся на ихъ счетъ". Въ 22 и 24 статьяхъ Тильзитскаго мира было оговорено, что враждебныя отношенія между Турціей и Россіей должны прекратиться послѣ перемирія, которое будетъ заключено между русскими и османами въ присутствіи французскаго посредника; вслѣдъ за этимъ въ тридцатипятидневный срокъ Валахія и Молдавія очищаются русскими, причемъ, однако, турки не могутъ занять эти области раньше окончательнаго заключенія мира; наконецъ, переговоры объ окончательномъ мирѣ между Портою и Россіей будутъ происходить при посредничествѣ Франціи.

Тильзитскій миръ явился для Турціи полною неожиданностью. Враждебныя отношенія между Франціей и Россіей до сихъ поръ были чрезвычайно на руку туркамъ, ибо русская дунайская армія не рѣшалась перейти въ наступленіе въ то время, когда самыя границы русскія находились подъ угрозой. Это и позволяло турецкимъ генераламъ воображать, что они въ самомъ дѣлѣ защищаютъ дунайскую линію. Союзъ Франціи съ Россіей въ корень измѣнялъ все положеніе дѣла. А вѣдь турки еще не знали секретныхъ условій Тильзитскаго соглашенія, напримѣръ, слѣдующаго пункта: „Если въ силу происшедшихъ въ Константинополѣ перемѣнъ Оттоманская Порта не приметъ посредничества Франціи или, если по принятіи этого посредничества случится, что въ трехмѣсячный срокъ послѣ начала переговоровъ они не приведутъ къ удовлетворительному результату,... то обѣ высокія договаривающіяся стороны войдутъ въ соглашеніе относительно избавленія отъ турецкаго ига и притѣсненій всѣхъ европейскихъ провинцій Оттоманской имперіи, исключая города Константинополя и области Румеліи".

Однако, Наполеонъ, повидимому, отнесся серьезно къ своей роли посредника. Прямо изъ Тильзита онъ отправилъ 9-го іюля на мѣсто дѣйствій генерала Гиймино, причемъ ему данъ былъ приказъ помогать русскимъ „во всемъ не офиціально, но рѣшительно". Его стараніемъ заключено было 24 августа перемиріе въ Слобозіи, которое упрочивало за русскими обладаніе румынскими областями и дѣлало Дунай пограничной линіей между воюющими сторонами. А между тѣмъ за весь промежутокъ времени отъ Тильзита до Эрфуртскаго свиданія императоръ французовъ детально обсуждалъ съ царемъ планъ раздѣла Оттоманской имперіи. Австрія твердо разсчитывала, что и ея не забудутъ при этомъ дѣлежѣ, и Наполеонъ не отнималъ у нея этой надежды. Какъ бы то ни было, боязнь увидѣть свои интересы принесенными въ жертву Россіи или Франціи, а также французскіе захваты на западѣ заставили Австрію усилить свое вооруженіе, что и сдѣлало неизбѣжной войну 1809 года. Подъ рукой Австрія подзадоривала Турцію оспаривать у Россіи обладаніе румынскими провинціями; даже послѣ Ваграмскаго разгрома она не переставала вести двойную игру между Россіей и Портой.

Возобновленіе русско-турецкой войны: союзъ Турціи съ Англіей (1809 годъ).—Перемиріе въ Слобозіи не привело къ миру Россіи съ Портою: притязанія обѣихъ сторонъ были непримиримы. Помимо подтвержденія предшествовавшихъ договоровъ царь требовалъ, во-1-хъ, уступки румынскихъ областей; во-2-хъ, независимости Сербіи подъ двойнымъ протекторатомъ Россіи и Порты; въ-3-хъ, признанія русскаго протектората надъ Грузіей, Имеретіей и Мингреліей [1]). Капитанъ Краснокутскій, посланный русскаго главнокомандующаго князя Прозоровскаго, принятъ былъ Мустафой Байрактаромъ за два дня до мятежа, стоившаго ему жизни, а потомъ—его преемникомъ Юсуфомъ; но 1808 годъ такъ и прошелъ безъ заключенія мира. Въ февралѣ 1809 года въ Яссахъ собрался конгрессъ; турецкіе уполномоченные, воспрянувъ духомъ вслѣдствіе договора, только что заключеннаго (5 января) съ Великобританіей, въ лицѣ сэра Роберта Эдера, при тайномъ содѣйствіи австрійскаго интернунція Штюмера,—отказались отъ какой бы то ни было территоріальной уступки. Война сдѣлалась неизбѣжной. Адъютантъ Паскевичъ привезъ въ Константинополь русскій ультиматумъ; безъ стараній, приложенныхъ новымъ французскимъ посланникомъ Латуръ-Мобуромъ, онъ даже не получилъ бы аудіенціи. Порта не приняла ультиматума (13-го августа). На время своихъ дѣйствій въ Испаніи и борьбы съ Австріей Наполеонъ долженъ былъ оставить царю свободу дѣйствій на Дунаѣ. Пока держалась дружба Наполеона съ Александромъ, туркамъ приходилось выносить давленіе русскихъ силъ, находя поддержку только въ союзѣ съ Англіей, но и этотъ союзъ все время ослаблялся возможностью примиренія Великобританіи съ Россіей.

Кампанія 1809 года: русскіе задержаны у дунайскихъ крѣпостей.—Въ апрѣлѣ 1809 года силы обѣихъ воюющихъ армій были численно почти равны: по 80 тысячъ человѣкъ съ той и другой стороны. Но русскіе были закалены въ бою, довольно хорошо снаряжены и состояли при главнокомандующемъ Прозоровскомъ, подъ начальствомъ такихъ вождей, какъ Кутузовъ, Милорадовичъ, Марковъ, Воиновъ, Исаевъ, Платовъ, Зассъ и французскій эмигрантъ Ланжеронъ. Турецкая армія, за исключеніемъ небольшихъ регулярныхъ частей, представляла собой какой-то сбродъ, а ея командующій—великій визирь Юсуфъ, извѣстный главнымъ образомъ по тѣмъ пораженіямъ, какія нанесъ ему Бонапартъ во время египетской кампаніи, былъ уже восьмидесятилѣтнимъ старцемъ.

Царь совѣтовалъ своимъ генераламъ скорѣе перейти Дунай и закрѣпить за собой пріобрѣтенныя румынскія области. 5 апрѣля, не дожидаясь отвѣта на ультиматумъ, русская армія тронулась тремя колоннами: она заняла Фокшаны, захватила крѣпостцу Слобозію, но потерпѣла неудачу при штурмѣ Джурджева 5 апрѣля. 21 апрѣля она приступила къ осадѣ крѣпости Браилова. Штурмъ русскихъ въ ночь съ 1 на 2 мая былъ отбитъ съ потерей 5.000 человѣкъ. Главнокомандующій заплакалъ. Кутузовъ сказалъ ему: „Я потерялъ Аустерлицкую битву, отъ которой зависѣла судьба Европы, и то не плакалъ".

Уже послѣ двойной неудачи подъ Джурджевомъ и Браиловымъ царь Александръ приказалъ своимъ генераламъ не тратить силъ на приступы, а итти прямо на Константинополь. Они не отваживались оставлять у себя въ тылу такихъ крѣпостей, какъ Джурджево, Браиловъ, Измаилъ, Силистрія. Кромѣ того, они боялись, какъ бы турецкій флотъ, соединившись съ флотомъ адмирала Коллингвуда, не напалъ на Одессу и Крымъ, или какъ бы австрійцы, побѣдивъ Наполеона (въ то время еще не знали о взятіи Вѣны), не бросились черезъ польскія

[1]) См. ниже, главу XIV, *Азія*.

области въ тылъ русской арміи. Царю пришлось заняться разсѣяніемъ этихъ вздорныхъ страховъ, и онъ снова объявилъ о рѣшительномъ наступленіи. Разливъ Дуная заставилъ отложить наведеніе мостовъ до конца іюля. Великій визирь отошелъ къ Шумлѣ, выжидая, когда русскіе рѣшатся перейти на правый берегъ. 14 іюля Исаевъ на лодкахъ переправился съ 3.500 человѣкъ черезъ Дунай на высотѣ Крайовы, потерпѣлъ неудачу при попыткѣ помочь сербамъ въ захватѣ Кладова и торопливо отошелъ назадъ за рѣку. Эта неудача окончательно обезкуражила князя Прозоровскаго. Онъ скончался 21 августа; его преемникомъ былъ доблестный Багратіонъ. Онъ началъ со взятія крѣпостей Матчина, Кюстенджи, Измаила. Великій визирь попытался использовать ослабленіе русскаго оккупаціоннаго корпуса въ Валахіи, обнаруживъ при этомъ рѣшительность, которой трудно было ждать отъ восьмидесятилѣтняго старца. Онъ самолично съ 20.000 человѣкъ перешелъ Дунай при Джурджевѣ; но въ двухъ миляхъ отъ этой крѣпости у Фрассина его авангардъ подвергся нападенію отряда Ланжерона въ 6.500 человѣкъ, и онъ счелъ благоразумнымъ уйти обратно за рѣку. Багратіонъ началъ осаду Силистріи (24 сентября), потерпѣлъ неудачу, зато 3 декабря овладѣлъ Браиловымъ. Позднѣе онъ опять ушелъ за Дунай, такъ какъ у него было около 20.000 больныхъ. Въ общемъ нѣсколько успѣховъ рядомъ съ неудачами, захватъ крѣпостей праваго берега,—вотъ единственные результаты кампаніи 1809 года. Въ борьбѣ съ такими презрѣнными войсками, какъ турецкія, эти успѣхи не могутъ считаться черезчуръ блестящими.

Кампанія 1810 года: Шумла, Рущукъ, Батинъ.—Въ этомъ штабѣ, столь блестящемъ въ началѣ кампаніи, обнаружилась неурядица. Прозоровскій потребовалъ отозванія Кутузова; Багратіонъ добился того же относительно Милорадовича. Самъ Багратіонъ былъ отозванъ на основаніи полученныхъ въ Петербургѣ донесеній о безпорядкѣ, царившемъ въ его арміи. Главнокомандующимъ назначенъ былъ графъ Каменскій, герой Финляндской войны (февраль 1810 года). Въ его распоряженіи было 85.000 солдатъ. Въ то же время военный министръ Аракчеевъ смѣненъ былъ на своемъ посту остзейскимъ нѣмцемъ Барклаемъ де Толли. Начинали побаиваться разрыва съ Наполеономъ; но отсюда дѣлали лишь одинъ выводъ, а именно, что надо торопиться окончаніемъ турецкой войны.

Съ 22 по 26 мая Каменскій произвелъ переправу черезъ рѣку недалеко отъ Гирсова и направился къ Шумлѣ. По пути онъ уничтожилъ довольно значительный турецкій корпусъ, а именно корпусъ Пеглевана-паши, который засѣлъ въ Базарджикѣ 3 іюня. Силистрія, атакованная русскою арміей и флотомъ, сдалась 11 іюня. Зассъ захватилъ 6 іюня Туртукай. Наконецъ, Сабанѣевъ и Зандерсъ взяли съ бою укрѣпленія Разграда и захватили въ плѣнъ 8.000 турокъ. Дорога черезъ всю Болгарію была совершенно открыта. Испуганный великій визирь просилъ о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій; Каменскій далъ только четыре дня сроку и сообщилъ требованія царя. По истеченіи срока онъ пошелъ на Шумлу и 19 іюня былъ уже на разстояніи семи или восьми миль отъ этой позиціи. Онъ немедленно издалъ слѣдующій приказъ по арміи: „Мы предложили миръ Оттоманской Портѣ. Вѣроломные мусульмане осмѣлились отвергнуть наши предложенія. Послѣзавтрашній день—день нашей мести и возмездія за такую дерзость... Шумла должна быть взята и вѣроломная армія великаго визиря уничтожена“. 23 и 24 іюня русскіе повели противъ турецкихъ позицій атаки, которыя были отбиты съ огромными для нихъ потерями. Тогда Каменскій рѣшилъ бло-

кировать эти позиціи, чтобы взять армію великаго визиря измором и итти прямо на Константинополь. Въ столицѣ уже поднялось сильное волненіе: въ мечетяхъ читались дерзкія предложенія Россіи, — знамя пророка было развернуто, отданъ приказъ о созывѣ ополченія. Русская армія въ своемъ быстромъ походѣ растянулась на цѣлыхъ двадцать миль; она страдала отъ жары, отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, отъ болѣзней. 10 іюня туркамъ удалось снабдить припасами Шумлу. Великій визирь увѣдомилъ Каменскаго, что Порта отвергаетъ его предложенія. Варна отразила всѣ нападенія русскихъ. Рущукскій гарнизонъ участилъ свои вылазки. Зассъ потерпѣлъ неудачу во время штурма этой крѣпости. На помощь ему явился Каменскій.

3 сентября въ три часа утра русская армія численностью въ 20.000 человѣкъ, распредѣленныхъ на пять штурмующихъ колоннъ, бросилась на крѣпость и въ результатѣ потеряла выбывшими изъ строя 8.495 человѣкъ, т.-е. около половины наличнаго состава. Тогда Кушанецъ-паша окопался на правомъ берегу Янтры около Батина, гдѣ ему удалось сосредоточить около 30.000 человѣкъ. Если бы великій визирь съ войсками изъ Шумлы успѣлъ соединиться съ Кушанецомъ, русская армія оказалась бы въ чрезвычайно опасномъ положеніи. Чтобы предупредить это соединеніе, Каменскій во главѣ 20.000 человѣкъ двинулся на Батинъ и 7 сентября приступомъ взялъ эту позицію. Паша оказался въ числѣ убитыхъ. Послѣдствія этой побѣды были еще счастливѣе самой побѣды. Систово, Рущукъ, Джурджево, Тырновъ, Никополь сдались побѣдителю. Дунай былъ въ рукахъ русской арміи, но ей пришлось расположиться на зимнія квартиры въ княжествахъ. Въ эту кампанію 1810 года она потеряла убитыми или умершими отъ ранъ и болѣзней 27.000 человѣкъ, не считая 9.000 солдатъ совершенно негодныхъ къ военной службѣ. Уже второй годъ Турція со своей старинной милиціей и со старикомъ главнокомандующимъ, котораго французы когда-то побѣждали въ Египтѣ, ухитрялась задерживать дѣйствія русской арміи.

Кампанія 1811 года: русскіе парализованы угрозой войны съ Франціей. — Весною 1811 года русская армія усилилась на 26.000 человѣкъ. Смѣлымъ маршемъ на Балканы Каменскій собирался заставить Юсуфа выйти изъ его неприступной Шумлы, чтобы раздавить его въ открытомъ полѣ. 12 февраля русскій авангардъ подъ командой Сенъ-При взялъ приступомъ Ловчу: это было принято за блестящее начало кампаніи въ Болгаріи. Вдругъ Каменскій получилъ изъ Петербурга приказанія, совершенно его огорошившія: ему велѣно было отправить пять своихъ дивизій на Днѣстръ (это было начало отлива къ будущему сѣверному театру военныхъ дѣйствій), а съ остальными четырьмя держаться на Дунаѣ, ограничиваясь простыми демонстраціями въ Болгаріи. А потомъ Каменскій захворалъ и смѣненъ былъ Кутузовымъ. Послѣдній засталъ русскую армію прочно утвердившеюся на Дунаѣ, а турецкую—не менѣе прочно окопавшеюся въ Шумлѣ и на Балканахъ. Кутузовъ, который еще во времена Екатерины и Суворова былъ свидѣтелемъ битвъ при Ларгѣ, Кагулѣ, Матчинѣ, понялъ, что всякая надежда форсировать дорогу на Константинополь должна быть оставлена. У него было всего 46.000 человѣкъ, 190 полевыхъ и 38 осадныхъ орудій. Совершенно примирившись съ оборонительнымъ образомъ дѣйствій, онъ все еще разсчитывалъ выманить великаго визиря изъ Шумлы и разбить его. Турки, армія которыхъ доходила до 75.000 человѣкъ, обнаруживали склонность перейти къ энергичному наступленію. Старика Юсуфа смѣнилъ бывшій комендантъ Браилова Ахмедъ-бекъ. Одновременно съ этимъ турецкій

военный министръ Гамидъ-эффенди отправился въ Бухарестъ и попытался завязать переговоры. Кутузовъ вспомнилъ, что во времена Екатерины II въ 1792 г. онъ оказался ловкимъ и счастливымъ дипломатомъ и что ему удалось къ досадѣ европейской дипломатіи заключить особый миръ съ диваномъ. И на этотъ разъ онъ сумѣлъ вести переговоры одновременно съ военными дѣйствіями. Въ іюлѣ онъ выбилъ великаго визиря изъ его укрѣпленныхъ позицій при Разградѣ, а 4 іюля явился къ его лагерю у Казикоя въ трехъ съ половиною миляхъ отъ Рущука. У него было 18.000 человѣкъ при 114 орудіяхъ противъ 60.000 турокъ съ 78 орудіями. Сраженіе было ожесточенное и кончилось пораженіемъ турокъ. Помощники Кутузова горѣли желаніемъ использовать свой успѣхъ, но онъ заявилъ имъ: „Конечно, мы можемъ добраться до Шумлы, но что мы станемъ дѣлать потомъ? Придется возвращаться назадъ, и какъ въ минувшемъ году турки объявятъ себя побѣдителями". И вотъ обѣ арміи къ вечеру заняли свои утреннія позиціи. Три дня спустя Кутузовъ увелъ свои войска назадъ за Дунай. 12 іюля онъ очистилъ даже Рущукъ, предварительно спаливъ городъ и разрушивъ укрѣпленія.

Турецкая армія, окруженная въ Слобозіи (1811). — Въ концѣ августа великій визирь во главѣ 70.000 войска затѣялъ дѣло, дерзкое до безумія, а именно перейти Дунай. Въ ночь съ 8 на 9 сентября онъ началъ переправу мили на полторы выше Рущука; его авангардъ засѣлъ въ кустарникахъ и встрѣтилъ мушкетнымъ и картечнымъ огнемъ первыя появившіяся русскія войска. Янычары, устроивъ засаду въ камышахъ, захватили даже русское знамя, которое и было отправлено въ сераль. Тогда великій визирь самъ перешелъ рѣку съ главною частью своей арміи въ 36.000 человѣкъ, которыхъ онъ размѣстилъ въ цѣломъ рядѣ маленькихъ укрѣпленныхъ лагерей. На правомъ берегу оставались вмѣстѣ съ лагеремъ и богатствами великаго визиря 30.000 турокъ, которые угрожали одновременно Рущуку и Силистріи. Прискакалъ Кутузовъ, осмотрѣлъ расположеніе и, увидавъ Дунай, покрытый турецкими лодками, замѣтилъ просто: „Ну, что жъ, пускай *они* переправляются; чѣмъ больше ихъ будетъ на нашемъ берегу, тѣмъ лучше". Онъ занялъ позицію напротивъ вражескихъ укрѣпленій около Слобозіи. Обѣ арміи цѣлый мѣсяцъ наблюдали другъ за другомъ. Очевидно было, что положеніе великаго визиря было гораздо болѣе опасно. Въ свою очередь и Кутузовъ 12 октября велѣлъ навести мостъ въ четырехъ миляхъ выше Слобозіи, и въ ночь съ 13 на 14 октября русскіе перешли рѣку въ числѣ 7.500 человѣкъ. Они прорвали слишкомъ растянутую линію расположенія турокъ на правомъ берегу и овладѣли лагеремъ, сокровищами и припасами великаго визиря. Послѣ этого Кутузовъ атаковалъ турокъ на лѣвомъ берегу. Перепуганные, отрѣзанные отъ линіи отступленія, поражаемые картечью, турки были въ отчаянномъ положеніи. Вечеромъ того же дня великій визирь послалъ уполномоченныхъ для веденія переговоровъ; но онъ воспользовался ночью и на лодкѣ переправился обратно за рѣку, рискуя попасть въ руки къ русскимъ. Когда Кутузовъ узналъ утромъ о его бѣгствѣ, онъ просто замѣтилъ: „Тѣмъ лучше: это бѣгство ускоряетъ заключеніе мира; вѣдь извѣстно, что великій визирь, пока онъ окруженъ врагомъ, не имѣетъ права вести переговоры". Тѣмъ временемъ турецкая армія была въ агоніи, брошенная своимъ начальникомъ, страдая отъ холода, голода и болѣзней, доведенная до необходимости питаться травой, выкапывать коренья, ѣсть лошадей, заваленная со всѣхъ сторонъ трупами людей и животныхъ, уничтожаемая непрерывнымъ огнемъ русскихъ.

Первые переговоры. — Но вотъ все болѣе и болѣе тревожимый угрозой французскаго нашествія Александръ I написалъ въ іюнѣ Кутузову, что миръ съ Портою ему необходимъ во что бы то ни стало, что онъ въ виду этого готовъ довольствоваться Молдавіей до Серети, съ уплатой крупной военной контрибуціи. Послѣ успѣха при Слобозіи онъ потребовалъ Бессарабію и всю Молдавію; Валахія должна была получить новое устройство, Сербія — независимость; въ Азіи воюющія стороны должны сохранить занятыя ими въ то время территоріи.

Таковы были притязанія Россіи, когда великій визирь на другой день послѣ своего бѣгства написалъ Кутузову, предлагая ему послать въ русскій лагерь полномочное лицо и прося о прекращеніи военныхъ дѣйствій на пять дней, потому что „нельзя въ одно и то же время сражаться и вести переговоры". Кутузовъ отказалъ въ перемиріи и потребовалъ уступки всей страны къ сѣверу отъ Дуная. Великій визирь предложилъ въ качествѣ границы рѣку Сереть. Такъ какъ это предложеніе отвѣчало ранѣе выраженнымъ желаніямъ царя, Кутузовъ отвѣчалъ, что онъ приметъ турецкихъ уполномоченныхъ, что онъ согласенъ на перемиріе, что онъ не допуститъ никакихъ сношеній между турками, находившимися въ Слобозіи и великимъ визиремъ, но пошлетъ имъ сухарей. Перемиріе не распространяется на Виддинъ. Каждая изъ воюющихъ сторонъ можетъ отказаться отъ него, предупредивъ о своемъ отказѣ за двадцать четыре часа. Переговоры начаты были въ Джурджевѣ. Турки заявили, что султанъ не согласенъ на границу по Серети, а только по Пруту. Кутузовъ долженъ былъ сообщить объ этомъ царю; дожидаясь отвѣта, онъ далъ знать великому визирю, что онъ не рѣшится сообщить своему государю турецкихъ предложеній иначе какъ подъ условіемъ, что армія въ Слобозіи сдастся ему съ тѣмъ, чтобы быть отпущенной въ моментъ заключенія мира; если великій визирь не согласенъ на это, онъ отдастъ приказъ уничтожить эту армію до послѣдняго человѣка. Великій визирь долженъ былъ согласиться на это унизительное условіе (7 декабря); слобозійскіе турки въ числѣ 12.000 человѣкъ, оставшихся изъ 36.000, похожіе скорѣе на тѣни, чѣмъ на людей, сдали свои пушки и оружіе.

Бухарестскій миръ (1812). — Такъ какъ главная квартира Кутузова перенесена была въ Бухарестъ, то туда же переѣхалъ и конгрессъ. Въ виду того, что турки противились требованіямъ царя (граница по Серети), Кутузовъ 12 января 1812 г. заявилъ имъ о прекращеніи перемирія.

Однако, по мѣрѣ того, какъ война между Александромъ и Наполеономъ казалась все болѣе неизбѣжной, французскій посолъ въ Константинополѣ Латуръ-Мобуръ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы помѣшать туркамъ заключить миръ. Онъ указывалъ имъ, что неизбѣжность этой войны привела прежде всего къ уменьшенію русскихъ войскъ, выставленныхъ противъ турокъ; что и вся остальная вражеская армія скоро будетъ отозвана на сѣверъ; что старый ихъ союзникъ Наполеонъ на этотъ разъ находится уже на пути къ Петербургу и Москвѣ. Если бы турки не потеряли головы, они поняли бы, что только отъ нихъ самихъ зависитъ немедленно отомстить врагамъ и что если бы даже они пожелали мира, то они добьются его, не принося за это никакихъ жертвъ. Въ это же время Александръ I заклиналъ Кутузова „во имя родины" поторопиться заключеніемъ мира съ Турціей. Затѣмъ, потерявъ терпѣніе, не оцѣнивъ такого ловкаго и настойчиваго дипломата, царь смѣнилъ его адмираломъ Чичаговымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ былъ главнымъ начальникомъ дунайской арміи и черноморскаго флота. Нетерпѣніе Александра I еще усиливалось благодаря недовѣрію,

которое внушала ему естественная соперница Россіи на Востокѣ—Австрія; она только что связала себя договоромъ съ Наполеономъ (16 марта), и можно было предполагать, что она выговорила себѣ важныя преимущества на востокѣ.

Когда Чичаговъ прибылъ 17 мая въ Бухарестъ, предварительныя условія мира были уже подписаны Кутузовымъ. Окончательный миръ заключенъ былъ 28-го. Россія пріобрѣтала Бессарабію съ границей по Пруту: плохое вознагражденіе за шестилѣтнюю кампанію! Она возвращала Портѣ всю территорію, захваченную у нея въ Азіи. (Въ число этихъ возвращенныхъ земель не вошли тѣ, которыя считались лишь подъ протекторатомъ Турціи, т.-е. Грузія, Мингрелія и т. п.). Бухарестскій миръ подвергся рѣзкой критикѣ Чичагова, который надѣялся, что переговоры придется вести ему самому, и обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Въ своихъ донесеніяхъ императору онъ выражаетъ сожалѣніе, что не была потребована независимость Валахіи и Молдавіи. Онъ предлагалъ смѣлую диверсію противъ Константинополя сразу съ суши черезъ тѣснины Балканъ и съ моря, при содѣйствіи крымскаго флота, на который можно было бы посадить дивизію, стоявшую въ Одессѣ подъ командою герцога Ришелье. Царь Александръ зналъ, что подобная попытка, даже если бы она увѣнчалась успѣхомъ, способствовала бы лишь отчужденію отъ него новыхъ его союзниковъ—англичанъ. Онъ слишкомъ хорошо сознавалъ, какъ ему необходимъ былъ Бухарестскій миръ, какъ необходимо было также содѣйствіе его дунайской арміи противъ наполеоновскаго нашествія, чтобы подумать хоть одну минуту о пересмотрѣ дипломатической работы Кутузова.

Подписаніе мира было гораздо болѣе не по душѣ султану, чѣмъ царю. Его гнѣвъ обрушился главнымъ образомъ на Димитрія Морузи, драгомана Порты, который участвовалъ при переговорахъ въ Бухарестѣ и котораго французскіе агенты и военная партія обвиняли въ томъ, что онъ перехватывалъ письма Наполеона къ Махмуду II и продался за русское золото. Морузи былъ арестованъ въ Рущукѣ, приведенъ въ Шумлу къ великому визирю и тутъ же повѣшенъ. Голова его была послана въ сераль вмѣстѣ съ головой его брата Панаіоти.

Дальнѣйшее распаденіе Турецкой имперіи: мятежные паши.—Можно считать за чудо, что Турецкая имперія выдержала шесть лѣтъ войны съ Россіей. Казалось, она готова была распасться. Отвѣтомъ на революціонныя движенія въ Константинополѣ послужили возстанія христіанскихъ народовъ, мятежи пашей. Для священной войны противъ французовъ или противъ русскихъ непокорные паши еще посылали свои контингенты въ армію султана; но являлся вопросъ, какія провинціи станутъ питать казну. Берберы, тунисскій бекъ и алжирскій дей вели свою особую политику. Вагабиты—ибадитская секта, которая грозила снова начать эпопею Пророка—распоряжались въ Аравіи и безпокоили святые города, которыми въ концѣ концовъ и овладѣли (Меккой въ 1803 году, Мединой въ 1804). Пасванъ-Оглу, виддинскій паша, хозяйничалъ въ Болгаріи; янинскій паша Али Тебеленскій—въ Албаніи. Съ первымъ мы встрѣтимся въ исторіи славянскихъ народовъ, со вторымъ—въ исторіи албанскихъ и греческихъ народностей. Наслѣдственные багдадскіе паши сдѣлались независимыми; они дѣлили съ неукротимыми курдами господство надъ верхней Азіей. Мы уже видѣли, какъ въ Караманіи Кади-паша оказывалъ повиновеніе только султанамъ, сторонникамъ военныхъ реформъ. Сирія была въ рукахъ Джеззара-паши, Египетъ—въ рукахъ Мехмета-Али.

Сирія: Джеззаръ-паша.—Ахметъ, по прозвищу Джеззаръ, т.-е. *Мясникъ*, родился около 1735 года въ одной босній-

ской деревнѣ. Изгнанный пятнадцати лѣтъ отъ роду изъ своей страны, онъ побывалъ носильщикомъ въ константинопольскихъ гаваняхъ, нищимъ, бродягой, юнгой на борту каботажнаго судна и впалъ въ такую нужду, что продался въ рабы одному еврею, который увезъ его въ Египетъ и продалъ одному мусульманскому купцу. Послѣдній принудилъ его перейти въ исламъ и перепродалъ его за 1.200 франковъ одному мамелюкскому вождю Али-беку, въ домѣ котораго онъ долго прозябалъ, выполняя обязанности шута и палача. Когда Али-бекъ былъ побѣжденъ въ одной изъ междоусобныхъ войнъ, происходившихъ среди мамелюковъ, его рабъ убѣжалъ къ эмиру Юсуфу, князю друзскому. Онъ уговорилъ его захватить Бейрутъ, укрыть тамъ свои сокровища и ввѣрить ихъ охрану самому надежному изъ слугъ, каковымъ могъ быть только самъ Ахметъ. Когда онъ попалъ въ эту крѣпость и когда его повелитель въ свою очередь хотѣлъ войти туда, онъ велѣлъ крикнуть ему съ высоты укрѣпленій: „Если ты попробуешь вернуться сюда, Джеззаръ посадитъ тебя на колъ“. Чтобы обезпечить свое господство въ Бейрутѣ, „Мясникъ“ нафанатизировалъ мусульманъ и далъ имъ перерѣзать все христіанское маронитское населеніе. Послѣ этого онъ занялся постройкой укрѣпленій и, сооружая молъ, замуравилъ при этомъ живьемъ двадцать христіанъ. „Отъ этого моя работа станетъ прочнѣе“, заявилъ онъ левантинскому купцу Форнетти. Свою армію онъ составилъ изъ магребскихъ наемниковъ, албанскихъ проходимцевъ, турецкихъ бродягъ, выселенныхъ съ родины мамелюковъ и особенно изъ *капси*, профессіональныхъ разбойниковъ, постоянныхъ кандидатовъ на висѣлицы всего Востока. Вскорѣ ему пришлось обороняться отъ бывшаго своего повелителя, друзскаго князя, отъ восьмидесятилѣтняго героя Дагерса, захватившаго Сенъ-Жанъ-д'Акру, отъ степныхъ племенъ, отъ пиратовъ всякихъ національностей, которые наводнили подъ флагомъ Алексѣя Орлова восточную часть Средиземнаго моря, прикрываясь именемъ великой Екатерины (1773). Осажденный въ Бейрутѣ мнимыми русскими и сирійскими проходимцами, онъ велъ переговоры съ тѣми и другими, обманулъ всѣхъ и убѣжалъ въ Дамаскъ. Одинъ турецкій адмиралъ, отвоевавшій обратно Сенъ-Жанъ-д'Арку, вздумалъ было пригласить туда въ управители Ахмета Мясника. Но городъ былъ весь въ развалинахъ: ни жителей, ни гарнизона, ни казны. Ахметъ нашелъ средства вернуть туда разбѣжавшихся жителей, обложилъ французскихъ купцовъ принудительнымъ налогомъ, создалъ себѣ артиллерію, навербовалъ въ солдаты разбойниковъ, починилъ стѣны; его покровитель, турецкій адмиралъ, добылъ для него у Порты фирманъ, назначавшій его на семь лѣтъ пашей акрскимъ и саидскимъ. Ахметъ не замедлилъ вернуть Бейрутъ, поссорился съ турецкимъ адмираломъ и закрылъ передъ нимъ всѣ крѣпости. Онъ воюетъ со степными и горными племенами, разоряетъ замки мелкихъ шейховъ-разбойниковъ, нагоняетъ ужасъ на всю Сирію, обезглавливая и сажая на колъ, одновременно запугиваетъ и подкупаетъ Порту, получаетъ отъ нея за деньги пашалыки триполійскій и дамасскій (1785). Вскорѣ его назначаютъ офиціальнымъ руководителемъ великаго каравана въ Мекку, что придаетъ ему религіозное значеніе. Онъ поражаетъ своихъ подданныхъ и иностранцевъ своеобразною смѣсью умильной благотворительности и безпричинной жестокости, прозорливаго ума и кровожаднаго безумія, грознаго величія и шутовского веселья. Въ турецкомъ пашѣ сказывался временами славянинъ, уроженецъ Босніи, хвастунъ, враль, шутникъ и пьяница, одинаково равнодушный и къ христіанству, и къ исламу, но болѣе

чѣмъ кто-либо умѣющій подогрѣть фанатизмъ. Самъ по себѣ храбрый, свѣдущій въ политикѣ и въ военномъ дѣлѣ Востока, склонный къ военнымъ нововведеніямъ въ европейскомъ духѣ, онъ покупалъ во Франціи артиллерію и военные снаряды; инженеръ и архитекторъ, онъ старался украсить и укрѣпить городъ. Трудно было сказать, былъ ли онъ вѣрнымъ слугою султана или наглымъ мятежникомъ. Отъ времени до времени являлся къ нему изъ Стамбула чаушъ, безъ сомнѣнія привозившій съ собой какой-нибудь фирманъ о смѣщеніи; но Ахметъ никогда не давалъ ему времени предъявить грамату, спѣшилъ покончить съ нимъ и отправлялъ его голову въ диванъ, какъ голову убійцы-заговорщика! Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ осыпалъ золотомъ визирей, евнуховъ, женъ султанскаго гарема. Подвыпивъ онъ говорилъ Толесу: „Султанъ похожъ на продажныхъ женщинъ: онъ отдается тому, кто больше заплатитъ. Если ему вздумается противиться мнѣ, я сумѣю его образумить. Я подниму Египетъ, Сирію и Малую Азію. Я пойду на Стамбулъ во главѣ своихъ *капси*. Я стану такимъ же могущественнымъ, какъ повелитель французовъ Людовикъ XIV. Въ 1790 году онъ началъ сильнѣе притѣснять маленькую французскую колонію и чуть было не вызвалъ этимъ войну съ королемъ Людовикомъ XVI, два фрегата котораго уже крейсировали передъ Акрой. Всѣ его мятежи, всѣ его преступленія изглажены были въ глазахъ правовѣрныхъ, даже въ глазахъ Порты, когда онъ остановилъ въ 1799 году передъ разваливающимися стѣнами Сенъ-Жанъ-д'Акры побѣдоносное шествіе Бонапарта. Къ концу своей жизни онъ считался въ Исламѣ святымъ, пророкомъ божіимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ среди дикихъ горныхъ племенъ онъ пріобрѣлъ репутацію колдуна. Когда онъ скончался въ маѣ 1804 года въ возрастѣ семидесяти лѣтъ, французскіе купцы всего Востока обрадовались въ надеждѣ, что теперь кончится ненавистная монополія, съ которой онъ хозяйничалъ въ сирійской торговлѣ. Впечатлѣніе среди мусульманъ было совсѣмъ иное: они оплакивали кончину героя и святого; говорили, что на могилѣ его совершаются чудеса. Послѣ него государство его распалось.

Египетъ: Мехметъ-Али.—Ахметъ Мясникъ былъ славянинъ; Мехметъ-Али—албанецъ. Онъ родился въ Кавалѣ, небольшомъ портовомъ городкѣ вблизи Салоникъ. Онъ торговалъ тамъ табакомъ. Когда Порта во время французскаго нашествія на Египетъ, объявила въ Кавалѣ, какъ и въ другихъ маленькихъ городахъ, рекрутскій наборъ, Мехметъ-Али взятъ былъ въ солдаты, отличился въ Абукирской битвѣ и быстро поднялся по службѣ. Послѣ очищенія Египта французами, а затѣмъ англичанами, страна сдѣлалась добычей двухъ армій: арміи мамелюковъ, которые все еще бунтовали, и арміи Порты, ядро которой составлялъ корпусъ изъ 4.000 албанцевъ; въ числѣ ихъ былъ Мехметъ-Али. Пашою или намѣстникомъ въ то время былъ Мохамедъ-Хозрой. Онъ возобновилъ борьбу противъ мамелюковъ, главными беками которыхъ были тогда Османъ-Бардисси и Мохамедъ-Эльфи. Войска его были разбиты. Обвиняя Мехмета-Али въ измѣнѣ, онъ вызвалъ его къ себѣ, чтобы погубить его. Мехметъ предпочелъ войти въ соглашеніе съ Бардисси, отдалъ ему Каиръ, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ противъ Хозроя, заперъ его въ Даміеттѣ и плѣнникомъ привелъ его въ столицу. Другой вице-король, посланный Портою, Али-Джезаирли, былъ убитъ солдатами. Послѣ этого мамелюки раздѣлились. Мехметъ, попеременно поддерживая обѣ партіи одну противъ другой, оттѣснилъ Эльфи въ верхній Египетъ и выгналъ Бардисси изъ Каира. Опираясь на народъ и на улемовъ, онъ оказался настоящимъ властителемъ нижняго Египта. Онъ попытался прикрыть свою

фактическую власть какой-нибудь законной формой. Онъ предложилъ Куршиду-пашѣ, губернатору Александріи, званіе намѣстника, соглашаясь вмѣстѣ съ тѣмъ быть его *каймакамомъ* (замѣстителемъ). Порта приняла эту комбинацію (1804).

Куршидъ обладалъ всѣми видимыми знаками власти, т.-е. тѣми ея сторонами, которыя навлекали на него больше всего непріятностей; дѣйствительно, главнымъ образомъ противъ него бунтовали албанцы, требуя своего жалованья, которое постоянно задерживалось. Роль Мехмета была гораздо привлекательнѣе и славнѣе: онъ охотился на мамелюковъ, увеличивая этимъ путемъ свою популярность въ глазахъ народа и духовенства, которыхъ тѣ долгое время притѣсняли. Куршидъ считалъ возможнымъ отдѣлаться отъ албанцевъ, давъ имъ приказъ вернуться въ Европу. Мехметъ притворился послушнымъ; но вѣсть объ его близкомъ отбытіи вызвала сильное волненіе среди шейховъ, т.-е. именитыхъ людей Каира. Какъ разъ въ это время турецкіе солдаты Куршида, оплачиваемые едва ли лучше албанцевъ, подвергли городъ разграбленію; шейхи соединились, смѣстили Куршида и предложили намѣстничество Мехмету. Сначала онъ дѣлалъ видъ, что отказывается, уступилъ лишь послѣ многократныхъ настояній, а затѣмъ такъ хорошо обработалъ диванъ, что получилъ утвержденіе въ новомъ своемъ званіи (9 іюля 1805 года). Всѣ уязвленныя самолюбія обратились тогда противъ него. Мохамедъ-Эльфи, помирившись съ Куршидомъ, изъявилъ Портѣ свою покорность и предложилъ поддержку въ сверженіи Мехмета. Въ Константинополѣ Эльфи поддержанъ былъ агентами Англіи, которой онъ обѣщалъ отдать египетскія гавани. Поддавшись на его подарки, Порта отправила въ Египетъ капитана-пашу для водворенія тамъ мамелюковъ, а чтобы избавить страну отъ албанцевъ, она предложила Мехмету салоникскій пашалыкъ. Еще разъ онъ объявилъ свою готовность повиноваться; и еще разъ шейхи и солдаты, къ которымъ присоединились мамелюки изъ партіи Бардисси, воспротивились его уходу. Французскій консулъ Дроветти поддерживалъ его дѣло передъ турецкимъ адмираломъ, передъ французскимъ посломъ при Портѣ; онъ отнялъ у партіи Эльфи двадцать пять человѣкъ французовъ, служившихъ въ его войскѣ. Въ концѣ концовъ Порта убѣдилась, что мамелюки слишкомъ разъединены для того, чтобы можно было въ чемъ-либо разсчитывать на нихъ. Новый фирманъ возстановилъ Мехмета намѣстникомъ за принесенный имъ подарокъ въ 7.500.000 франковъ.

Немного спустя и почти одновременно скончались оба мамелюкскихъ вождя, Бардисси и Эльфи (1807). Англичане, попытавшіеся силой взять то, что имъ обѣщалъ Эльфи, потерпѣли кровавую неудачу. Мехметъ-Али былъ бы мирнымъ обладателемъ Египта, если бы Порта не приказала ему отправить армію противъ вагабитовъ и отнять у нихъ священные города. Намѣстникъ понялъ, что нельзя бросаться въ такую опасную экспедицію, оставляя у себя за спиной мамелюковъ, которые въ 1808 году только что сдѣлали новую попытку взяться за оружіе. 1 марта 1811 года онъ пригласилъ ихъ въ каирскую цитадель по поводу назначенія своего сына Туссуна сераскиромъ арабской экспедиціи. Они имѣли неосторожность не отказаться отъ этого столь лестнаго для нихъ приглашенія. Эта великолѣпная кавалерія отправилась дорогой, которая вела вверхъ къ цитадели между рядами высокихъ зубчатыхъ стѣнъ. По данному сигналу ворота были заперты за ними, между зубцами высунулись длинныя албанскія ружья; ни одинъ изъ мамелюковъ не ускользнулъ. Многіе были перебиты послѣ этого по областямъ. Милиція, которая съ XIII вѣка эксплуатиро-

вала и держала въ страхѣ Египетъ, прекратила свое существованіе.

Война съ вагабитами была продолжительна, трудна, успѣхи смѣнялись неудачами. Мехметъ долженъ былъ самолично предпринять походъ въ Геджасъ. Въ концѣ концовъ секта была наполовину покорена, священные города освобождены, дороги вновь открыты караванамъ богомольцевъ. Порта не преминула, по своему всегдашнему обыкновенію, создавать затрудненія Мехмету даже въ то время, когда онъ самолично принималъ участіе въ священной войнѣ. Порта привлекла на свою сторону одного изъ любимцевъ Мехмета, Латхива-пашу, и отправила ему фирманъ на занятіе должности; но военный министръ Мехмета, оставшійся вѣрнымъ своему господину, велѣлъ схватить и обезглавить этого заговорщика (декабрь 1813 года). Въ слѣдующій періодъ мы встрѣтимся съ Мехметомъ, какъ съ реформаторомъ Египта, создателемъ регулярной арміи, завоевателемъ Судана, участникомъ въ великихъ дѣлахъ Востока сначала въ качествѣ сторонника, а потомъ противника султана.

II.—Славяне.

Первое пробужденіе Болгаріи.—Болгаринъ въ теченіе четырехсотъ лѣтъ былъ типичнымъ образцовымъ *райей*. Сохранивъ—въ массѣ народа—православную вѣру, лишенный тѣхъ преимуществъ, которыя давало нѣкоторымъ областямъ (напр., родопскимъ *помакамъ*) ихъ обращеніе въ исламъ, преданный земледѣлію истинный крестьянинъ, — болгаринъ покорно выносилъ всю систему налоговъ и всѣ тяготы турецкаго владычества. Можно было думать, что онъ почилъ вѣчнымъ сномъ, этотъ народъ, который имѣлъ, однако, на протяженіи съ IX вѣка по XIV-й воинственную аристократію и знаменитыхъ государей—царя Симеона, царя Самуила, царя Іоанницу, царя Шишмана. Но вотъ Болгарія взбудоражена была тѣми войнами, которыя вела на ея территоріи Россія противъ турокъ притѣснителей съ 1788 по 1792 годъ. Много крестьянъ вступило въ христіанскія войска подъ именемъ *гайдуковъ, хаджутовъ, момчетей;* послѣ мира въ Яссахъ много ихъ переселилось на русскую территорію, и оттуда они не переставали поддерживать броженіе на своей прежней родинѣ. Однако, настоящимъ своимъ пробужденіемъ Болгарія обязана была не христіанскимъ арміямъ и не подвигамъ болгарскихъ крестьянъ, превратившихся въ солдатъ или разбойниковъ, а одному славянину-мусульманину, достигшему званія паши на службѣ у Порты.

Пасванъ-Оглу овладѣваетъ Виддиномъ.—Дѣдъ Пасвана-Оглу былъ боснякъ, перешедшій по примѣру многихъ другихъ въ исламъ, но ходившій попеременно то въ мечеть, то въ православную церковь деревни Туслы, а то и въ католическую часовню францисканцевъ. Онъ никогда не зналъ, былъ ли онъ солдатомъ Порты или разбойникомъ; но его разбойничества въ концѣ концовъ привели къ тому, что его посадили на колъ въ Приштинѣ. Отецъ Пасвана-Оглу, Омаръ, былъ скорѣе солдатомъ; въ награду онъ получилъ помѣстье изъ двухъ деревень недалеко отъ Виддина; онъ достигъ даже званія *байрактара* (знаменоносца) при пашѣ этого города. Позднѣе, возбудивъ къ себѣ вражду этого паши, онъ обвиненъ былъ въ оскорбленіи Пророка, осужденъ улемами, осажденъ въ своемъ замкѣ, схваченъ и обезглавленъ. Вынужденный бѣжать, Пасванъ-Оглу (род. около 1758 года), укрылся въ Албаніи и первоначально велъ тамъ жизнь разбойника; потомъ онъ поступилъ на службу къ печскому пашѣ, принималъ участіе въ походѣ 1789 года противъ австрійцевъ, добился у Порты возврата части отцовскихъ имѣній и силой вернулъ себѣ остальныя при содѣйствіи шайки, со-

ставленной имъ наполовину изъ янычаръ, наполовину изъ разбойниковъ. Отпрыскъ семьи съ такой трагической исторіей, онъ никогда не забывалъ клятвы, которую заставилъ его принести отецъ во время преслѣдованій его виддинскимъ пашой. Эта ганнибалова клятва объясняетъ всю его карьеру. Въ эпоху, когда Турція потрясена была реформами Селима III, Пасванъ-Оглу выступилъ противъ реформъ и сдѣлался главой мусульманской партіи, которая въ Болгаріи отвергала ихъ. Онъ разбилъ виддинскаго пашу, овладѣлъ городомъ, укрѣпилъ его съ помощью польскихъ инженеровъ, окружилъ его рвомъ въ сорокъ футовъ глубины, наполнилъ его водою изъ Дуная. Онъ разыгрывалъ вѣрнаго слугу султана, который воюетъ только съ дурными его совѣтниками. Онъ захватилъ послѣдовательно Никополь, Плевну, Софію, Нишъ, (1797), Систово, Рущукъ, Нѣготинъ, и сдѣлался обладателемъ Болгаріи, даже восточной Сербіи. Индифферентный въ религіозныхъ вопросахъ, онъ одинаково защищалъ христіанъ и мусульманъ. Онъ создалъ себѣ армію въ 16.000 человѣкъ, въ которой участвовали турки, албанцы, особенно болгары, даже начальники *гайдуковъ*. Какъ бы совершенно избавившись отъ турецкой зависимости, онъ чеканилъ свою собственную монету; эти деньги назывались *пасванчети*. Онъ мечталъ о походѣ на Константинополь, о низверженіи султана, о возстановленіи древней греческой имперіи, но съ болгарскимъ царемъ во главѣ.

Борьба Пасвана-Оглу и болгаръ съ турками (1798—1807 гг.).—Въ 1798 году Порта рѣшила уничтожить мятежника. Храбрый капитанъ-паша Кучукъ-Гуссейнъ осадилъ Виддинъ съ арміей почти въ 120.000 человѣкъ. Чуя приближеніе грозы, Пасванъ распустилъ часть своей арміи, очистилъ всю страну и укрылся въ Виддинъ съ 10.000 человѣкъ. Крѣпость эта, отлично укрѣпленная, снабженная припасами на два года, охраняемая флотиліей со стороны Дуная, могла не бояться нападеній такой арміи, гдѣ паши, начальники различныхъ частей, старались во всемъ вредить другъ другу. Пасванъ всѣми мѣрами поддерживалъ эту рознь, старался вызывать дезертирство, эксплуатировалъ обычное при осадѣ утомленіе. По прошествіи шести мѣсяцевъ его флотилія уничтожила флотилію султана, цѣлый рядъ атакъ былъ отбитъ, турецкая армія сильно растаяла благодаря дезертирству, и тогда турки въ послѣдній разъ пошли на приступъ ночью: турецкіе полки при этомъ разстрѣливали другъ друга. Произошла паника, и осада была снята. Пасванъ преслѣдовалъ бѣглецовъ и захватилъ ихъ обозъ. Онъ вернулъ себѣ почти всю Болгарію за исключеніемъ Рущука. Въ 1799 году онъ пошелъ на Константинополь, дошелъ до Адріанополя, и перепуганная Порта послала ему фирманъ на занятіе должности съ традиціонными тремя лошадиными хвостами.

У Пасвана была своя особая политика. Такъ какъ русскіе относились къ нему враждебно, то австрійцы естественно благоволили ему. Изъ Австріи являлись къ нему офицеры для усовершенствованія его артиллеріи и укрѣпленій. Россія предложила султану военную помощь противъ мятежнаго паши. Нетрудно догадаться, что Порта отказалась. Въ 1800 году Пасвану пришлось отбивать нападеніе плевненскаго паши, въ 1803 г.—защищаться отъ измѣны своего помощника Манафъ-Ибрагима, въ 1804 — остерегаться кампаніи, предпринятой Кади-пашой противъ *кирджали*. Въ 1806 году онъ показалъ себя лояльнымъ слугой Порты и Ислама, помогая Мустафѣ-Байрактару бороться съ русскимъ нашествіемъ.

Интереснѣе борьба, которую онъ велъ съ 1796 по 1801 годъ противъ бѣлградскаго паши; ниже мы увидимъ, какъ эта борьба способствовала пробужденію національныхъ стремленій у сербовъ и болгаръ.

Пасванъ умеръ въ февралѣ 1807 года. Мы знаемъ его главнымъ образомъ благодаря любопытнымъ мемуарамъ (на болгарскомъ языкѣ) тырновскаго епископа Софронія, очевидца опустошеній, произведенныхъ въ его странѣ походами и отступленіями турецкихъ войскъ. Кое-что даютъ также и мемуары Паисія, монаха изъ Киланджара на горѣ Аѳонѣ, который отстаивалъ болгарскій народъ отъ притязаній греческихъ священниковъ и такимъ путемъ способствовалъ поддержанію болгарской національности.

Послѣ толчка, даннаго Пасваномъ, Болгарія, какъ страна равнинная, расположенная въ самомъ центрѣ варварства, со всѣхъ сторонъ отрѣзанная отъ культурныхъ странъ, слишкомъ отдаленная для того, чтобы вѣянія запада могли достигнуть ея,—опять погрузилась надолго въ монотонную жизнь райи.

Далматинцы и западные кроаты: шесть лѣтъ французскаго господства (1806—1813). — Другая вѣтвь южныхъ славянъ обнимаетъ собственно Сербію, австрійскую Славонію, австрійскую и турецкую Кроацію, Герцеговину, Далмацію, Черногорію. Въ сущности все это одинъ народъ, сербскій, который раздѣленъ на три вѣроисповѣданія, никогда не объединялся въ одно цѣлое, но который въ минувшихъ вѣкахъ (съ X по XIV) могъ бы указать на своихъ царей,—на Нѣманей, царя Душана, царя Лазаря, и вызвать этимъ воспоминанія не менѣе славныя, чѣмъ у болгарскаго народа. За двадцать три года революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ исторія этого народа отмѣчена слѣдующими главными эпизодами: французскимъ господствомъ надъ западными далматинцами и кроатами, борьбою черногорцевъ противъ турокъ и французовъ, возстаніемъ собственно Сербіи.

Когда Кампо-Формійскій договоръ 1797 года вмѣстѣ съ самой Венеціей отдалъ въ руки Австріи и далматинскія ея владѣнія, недовольство противъ Венеціи достигло здѣсь своего апогея: десять тысячъ „славянскихъ“ солдатъ, которыхъ сенатъ республики распустилъ изъ страха передъ французами, подняли здѣсь огромное волненіе, крестьяне начали возстаніе, разбойники нападали на города. Высшіе классы торопились подчиниться австрійскому правительству, умоляя его поспѣшить присылкой гарнизоновъ.

Пресбургскимъ договоромъ (1805 года) Венеція присоединена была къ наполеоновской Италіи, а Далмація къ Франціи. Молитору и Лористону поручено было осуществить занятіе этой области (февраль 1806 г.). Такъ какъ австрійскій комиссаръ Гизліери, желая насолить французамъ, далъ время русскимъ и ихъ союзникамъ черногорцамъ занять Бокку Каттарскую, то Наполеонъ взамѣнъ этого забралъ Рагузу, самостоятельную республику, хотя и находившуюся въ вассальной зависимости отъ Турціи. Лористонъ вступилъ въ городъ, но выпустилъ прокламацію, которая гарантировала независимость этой республики (27 мая); предполагалось предоставить ее снова самой себѣ, какъ только русскіе вернутъ Франціи заливъ Каттаро. Лористону пришлось выдержать осаду русскихъ и черногорцевъ, и онъ былъ освобожденъ лишь приходомъ Молитора. Послѣдній вскорѣ смѣненъ былъ Мармономъ, получившимъ полномочія военнаго губернатора; рядомъ съ нимъ венеціанецъ Винченцо Дандоло исполнялъ обязанности *генеральнаго проведитора*, т.-е. гражданскаго губернатора. Въ то время, какъ первый велъ войну съ русскими и ихъ союзниками, упрочивалъ дружескія отношенія съ сосѣдними турецкими пашами, второй пытался управлять Далмаціей.

Тильзитскій миръ (1807 года) вернулъ Франціи обладаніе Боккой Каттарской, но Рагуза такъ и не получила обратно своей независимости, а въ слѣдующемъ году присоединена была къ Далмаціи. Во время войны Наполеона съ Австріей страна сдѣлалась ареной довольно серьез-

ныхъ военныхъ дѣйствій, въ теченіе которыхъ турецкій паша изъ Босніи вступился за французовъ, напавъ на австрійскую Кроацію. Вѣнскій миръ (1809 года) чрезвычайно расширилъ за счетъ Габсбурговъ славянскія владѣнія Франціи [1]). Далмація и Рагуза слиты были въ одно цѣлое подъ именемъ *Иллирійскихъ провинцій*. Послѣднія получили организацію по декрету 15 апрѣля 1811 года, въ которомъ содержится не менѣе 271 статьи. Стремленіе ассимилировать эту страну съ Франціей зашло такъ далеко, что здѣсь были введены даже французскіе кодексы, при чемъ не сочли нужнымъ обратить достаточное вниманіе на соціальный строй страны и на то вліяніе, какое сохранили старинные обычаи. Всѣ отрасли администраціи были преобразованы, включая и народное образованіе, и въ распоряженіе молодыхъ иллирійцевъ предоставлены были стипендіи, чтобы они могли отправляться во Францію для усовершенствованія въ научныхъ занятіяхъ. Многія французскія реформы разбились о сопротивленіе или о силу инерціи, которыя поддерживались въ населеніи священниками. Система рекрутскаго набора вызвала недовольство, которое дошло мѣстами до возмущенія. Французское господство надъ Иллиріей не пережило пораженій 1813 года. Продолжавшееся шесть лѣтъ соприкосновеніе французскаго генія со славянскимъ не привело ни къ какимъ прочнымъ результатамъ. Отъ французскаго господства въ Илиріи остались только хорошія дороги, доставшіяся въ наслѣдство австрійскому правительству, которое долгое время не имѣло ни силъ, ни охоты увеличивать это наслѣдство. Извѣстно шутливое замѣчаніе императора Франца по поводу этихъ дорогъ, которыхъ его правительство не умѣло достроить: „Какая жалость, что французы не остались еще нѣсколько лѣтъ въ этой странѣ!“

[1]) См. выше, стр. 62.

Черногорія: владыка Петръ I (1782—1830).—Въ Черногоріи правилъ Петръ I, царствованіе котораго было настолько продолжительно, что захватило время отъ Людовика XVI до Людовика-Филиппа. Помимо національной самообороны отъ турокъ, вся его политика направлена была къ пріобрѣтенію того, чего особенно не хватало его скалистой странѣ, а именно равнинной территоріи, необходимой для пропитанія его народа, и какой-нибудь гавани на Адріатическомъ морѣ. Побуждаемый Іосифомъ II и Екатериною II къ участію въ совмѣстной войнѣ съ Турціей, онъ подписалъ съ обоими государствами договоръ, обезпечивавшій независимость Черногоріи и важныя территоріальныя пріобрѣтенія. Въ помощь ему Іосифъ II послалъ даже маіора Вукасовича съ 4.000 человѣкъ. Въ договорахъ, заключенныхъ Австріей, а потомъ и Россіей съ Портою (въ 1791 и 1792 г.) эти державы покинули Черногорію, какъ это очень часто дѣлала когда-то Венеціанская республика.

Война съ турками (1792—1796); реформы.—Владыка остался одинъ лицомъ къ лицу съ Портой, а главное съ сосѣдними турецкими пашами, которые принимали черногорскихъ вѣроотступниковъ и поддерживали въ Черногоріи чуть не гражданскую войну. Въ 1792 году владыка разбилъ скутарійскаго пашу Кара-Махмуда. Въ 1796 году съ отборнымъ отрядомъ въ 6.000 воиновъ онъ уничтожилъ въ три дня въ Крузскомъ ущельѣ цѣлую его армію въ 30.000 человѣкъ. Ему досталось 15 знаменъ, 25 начальниковъ, 3.000 солдатъ, самъ паша; всѣхъ ихъ привели въ Цетинье, обезглавили, а головы выставили на стѣнахъ города и епископскаго дворца.

Съ этихъ поръ турки оставили владыку въ покоѣ. Независимость его формально признана была Селимомъ III, который заявилъ, что черногорцы „никогда не были подданными нашей Высокой Порты“. Теперь князь-епископъ получилъ возможность приняться за реформы. Рядомъ съ

собой онъ оставилъ прежняго *управителя* или *губернадура*, которому ввѣрена была часть свѣтскаго управленія. Во главѣ каждой *нахіи*[1]) поставленъ былъ *сердаръ*, во главѣ каждаго *племени—князь, воевода* или *байрактаръ*: всѣ эти начальники соединяли въ своихъ рукахъ военную и гражданскую власть. Ихъ контролировали племенныя *собранія*. Такимъ образомъ, черногорское управленіе представляло собой любопытную смѣсь теократіи, военной аристократіи и сельской демократіи. Владыка учредилъ судъ, издалъ военное уложеніе, и, не имѣя возможности замѣнить старинные мѣстные обычаи гражданскимъ уложеніемъ, онъ ограничился обнародованіемъ „Уложенія объ имуществахъ и о государствѣ". Отличный администраторъ, онъ занесъ въ свою страну, бѣдную и подверженную частымъ голодовкамъ, культуру картофеля изъ Германіи.

Образъ дѣйствій Франціи въ Черногоріи; Феликсъ де Лапрадъ (1803).—Крузская побѣда какъ бы открыла міру военную силу Черногоріи: европейскія державы стали заискивать въ ней. Австріи, за все время ея господства въ Далмаціи (1797—1805), приходилось бороться съ черногорцами, которые уже наложили руку на важныя владѣнія по сосѣдству съ Боккой Каттарской. Австрійскій генералъ Барди пытался то склонить ихъ на австрійскую сторону, то взять ихъ измором, подвергая блокадѣ ихъ скалистую страну. Православная Черногорія естественно питала бо́льшую симпатію къ единовѣрной Россіи, чѣмъ къ католической Австріи.

Въ то же время черногорцевъ соблазняло могущество и слава Наполеона; они разсчитывали когда-нибудь получить отъ него земли, которыхъ они давно домогались. Французскіе агенты въ Рагузѣ—Бертье, Пуквилль—поддерживали во владыкѣ это настроеніе. Въ 1803 году въ Черногоріи появился въ качествѣ посланца перваго консула артиллерійскій офицеръ Феликсъ де Лапрадъ. Когда онъ вернулся въ Европу, къ нему прибылъ въ Гагу племянникъ владыки съ письмомъ отъ своего дяди. Петръ I приглашалъ Лапрада принять командованіе надъ его арміей, которую онъ отдавалъ въ полное распоряженіе Франціи, предлагая напасть въ интересахъ послѣдней на австрійцевъ или на турокъ. Поставленный въ извѣстность насчетъ этихъ переговоровъ Талейранъ далъ уклончивый отвѣтъ.

Черногорцы—союзники Россіи; борьба съ Франціей.—Владыка понялъ, что ему нечего ждать отъ Франціи. Онъ перешелъ на сторону царя, принялъ въ 1804 году русскихъ агентовъ, получилъ субсидію въ 3.000 цехиновъ, наказалъ палочными ударами рагузскаго священника Дольчи, который продолжалъ защищать передъ нимъ дѣло Франціи. Его воины вмѣстѣ съ русскими участвовали въ захватѣ Бокки Каттарской (14 марта 1806 года). Вслѣдъ затѣмъ они же помогли запереть въ Рагузѣ Лористона. 5-го и 7-го іюня черногорцы атаковали 200 французовъ около Брено и были отбиты, хотя численность ихъ вмѣстѣ съ каттарцами доходила до 3.500. Они отрубили головы мертвымъ и раненымъ французамъ, и французскіе солдаты были сильно поражены, встрѣтивъ въ европейской странѣ дикіе пріемы азіатской войны. Когда огонь русскаго флота, подъ командой адмирала Сенявина, заставилъ французовъ очистить Брено, они ушли въ Верхній Бергатто, подъ начальство генерала Дельгорга. 17-го іюня генералъ попробовалъ было штыковую атаку, но попалъ подъ перекрестный огонь высадившихся русскихъ ротъ и черногорцевъ. Онъ палъ, пораженный пулей, и трупъ его былъ обезглавленъ горцами. Послѣдніе вслѣдъ за этимъ приняли участіе въ осадѣ Рагузы, обстрѣливаемой русскимъ флотомъ. Прибытіе Молитора съ 2.000 человѣкъ заставило русскихъ и ихъ союзни-

[1]) Нахія—областное дѣленіе, округъ или уѣздъ.

ковъ снять осаду. Въ сентябрѣ снова объявились черногорцы, каттарцы, греки, всего 9.000 — 10.000 человѣкъ. Новый губернаторъ Мармонъ чувствовалъ къ этимъ „мужикамъ“ одно презрѣніе. Онъ былъ золъ только на русскихъ. Онъ напалъ на нихъ у Кастельмаре, перебилъ до 1.000 человѣкъ (сверхъ того 1.200 человѣкъ у ихъ союзниковъ) и вынудилъ ихъ снова сѣсть на корабли. Военныя дѣйствія носили вялый характеръ во время большой европейской войны 1806 и 1807 года. Тильзитскій миръ, отдавая французамъ Бокку Каттарскую, выговорилъ амнистію черногорцамъ. Владыка объявилъ, что онъ старается добиться расположенія Наполеона. Онъ чуть было не провелъ въ своемъ народномъ собраніи вотумъ признанія французскаго протектората. Съ другой стороны, вице-король Италіи совѣтовалъ (въ іюлѣ 1807 года) относиться бережно къ черногорцамъ, и Наполеонъ писалъ Мармону (въ 1808 году): „Держите агента при епископѣ и старайтесь привлечь этого человѣка на свою сторону... Надо отправить туда агентовъ и привлечь на свою сторону вожаковъ страны“. Владыка не хотѣлъ ни агентовъ, ни дорогъ, предлагаемыхъ ему Мармономъ. Ссоры, вспыхнувшія между черногорцами и итальянскими солдатами Франціи чуть было не вызвали возобновленія враждебныхъ дѣйствій. Ростъ французскаго могущества въ Илляріи также заставилъ призадуматься князя-епископа. Въ 1810 году онъ заключилъ съ генераломъ Бертраномъ де Сивре соглашеніе въ Ластвѣ; французскіе рынки въ Будуѣ и Каттаро открыты были черногорцамъ или скорѣе ихъ женамъ; что касается мужчинъ, то ихъ соглашались допускать въ Каттаро лишь при условіи, если они станутъ сдавать свое оружіе стражѣ у воротъ города. Вскорѣ эти стѣснительныя предосторожности были ослаблены, и доброе согласіе, повидимому, было совершенно возстановлено. Въ томъ же 1810 году полковникъ Віалла де Соммьеръ, комендантъ Каттаро, отправился во главѣ миссіи въ Черногорію: это было первое путешествіе, сдѣланное въ эту страну французомъ и потомъ описанное. Віалла не могъ нахвалиться гостепріимствомъ черногорцевъ, ихъ вниманіемъ и ихъ удивленіемъ передъ „наполеоновскимъ солдатомъ“, довѣріемъ, которое оказалъ ему владыка. Въ минуту откровенности князь-епископъ даже заявилъ полковнику—и это еще въ 1810 году—о близости разрыва между Франціей и Россіей. Въ 1811 году Наполеонъ составилъ проектъ покоренія Черногоріи посредствомъ единовременной атаки трехъ колоннъ, направленныхъ въ одно мѣсто, но потомъ проектъ этотъ былъ оставленъ. Съ своей стороны, черногорцы не переставали агитировать среди каттарцевъ, тоже исповѣдывавшихъ православіе, и даже подкупать православныхъ кроатовъ, состоявшихъ на французской службѣ; пришлось замѣнить послѣднихъ кроатами-католиками.

Черногорія остается въ союзѣ съ Россіей. Въ 1812 году произошли новые пограничные инциденты. Ихъ удалось уладить при помощи свиданія между генераломъ Готье и владыкой (въ іюнѣ); возобновленъ былъ договоръ 1810 года съ прибавленіемъ слѣдующей многозначительной оговорки: „Въ случаѣ полученія отъ своего покровителя, императора русскаго, приказа начать войну съ французами, епископъ обязуется увѣдомить объ этомъ генерала за два мѣсяца; то же обязанъ сдѣлать vice versa и генералъ“. Владыка заставилъ своихъ воиновъ поклясться именемъ Богоматери и св. Спиридона въ соблюденіи этого договора. 1812 годъ прошелъ не безъ недоразумѣній, но и безъ открытой войны. Лишь въ сентябрѣ 1813 года черногорцы начали кампанію противъ французовъ. Они взяли Будую, выданную имъ вслѣдствіе мятежа французскаго гарнизона, состоявшаго изъ кроатовъ. Владыка выпустилъ рѣзкую прокламацію противъ „Бо-

напарта, обольстителя и палача Европы". Онъ призывалъ „доблестныхъ славянъ Далмаціи, Рагузы и Каттаро соединиться противъ французскихъ тирановъ" и заставить ихъ „умереть съ голоду" въ ихъ послѣднихъ крѣпостяхъ. Вслѣдъ затѣмъ черногорцы отняли фортъ Троицы, который господствовалъ надъ дорогой изъ Будуи въ Каттаро и довольно плохо защищался итальянскимъ гарнизономъ. Кастельново палъ вслѣдствіе измѣны кроатскаго гарнизона. Каттаро чуть было не подвергся той же участи и по той же причинѣ. Генералъ Готье продержался тамъ со своими итальянцами съ сентября 1813 по январь 1814 года. Постановленія Вѣнскаго конгресса отдавали Каттаро вмѣстѣ со всей Далмаціей Австріи, и черногорцы, оставленные императоромъ Александромъ безъ поддержки, еще разъ испытали величайшее оскорбленіе: имъ пришлось видѣть, какъ на этой гавани развѣвалось иноземное знамя.

Сербія; ея политическое и соціальное состояніе послѣ 1791 года. — Сербскія области Турціи были раздѣлены и какъ бы раздроблены (мѣстами присоединены къ территоріямъ, населеннымъ другими племенами) между пашалыками бѣлградскимъ, боснійскимъ, виддинскимъ, скутарійскимъ, нишскимъ, румелійскимъ. Пашалыки подраздѣлялись на нахіи, или округа. Въ административномъ центрѣ пашалыка находился паша, что-то въ родѣ намѣстника, который неограниченно распоряжался жизнью и имуществомъ райи. Въ административномъ центрѣ нахіи жилъ *кади*, или судья, со своимъ помощникомъ *мусселимомъ*, или приставомъ; не получая жалованья отъ Порты, онъ кормился за счетъ подсуднаго ему населенія, которое онъ судилъ согласно Корану, не зная мѣстнаго языка, обычаевъ, нравовъ, не допуская никакихъ свидѣтельскихъ показаній, кромѣ мусульманскихъ.

Масса населенія оставалась христіанской. Надъ этимъ презрѣннымъ народомъ райи возвышалось два класса военныхъ, исповѣдывавшихъ мусульманство. Къ первому принадлежалъ *спаги* (преемникъ былого сербскаго помѣщика), хозяинъ деревень, которыя онъ держалъ на ленномъ правѣ отъ Порты, обязанный ей военною службой, уполномоченный сверхъ того поддерживать порядокъ среди своихъ подданныхъ, съ которыхъ онъ производилъ всяческіе якобы феодальные поборы и требовалъ всевозможныхъ барщинныхъ повинностей. Извѣстно, что въ этихъ славянскихъ странахъ многіе изъ этихъ спаги были потомками старинной мѣстной аристократіи, перешедшей въ исламъ, чтобы удержать за собой свои имѣнія и подданныхъ; такъ было въ большинствѣ случаевъ въ Босніи, Кроаціи, Герцеговинѣ; зато въ собственной Сербіи, по мѣрѣ исчезновенія исконнаго военнаго класса, спаги являлись по большей части мусульманами изъ Босніи и Албаніи. Другой военный классъ — это янычары, которые стояли гарнизонами по городамъ, набирались тѣмъ же способомъ и совершали тѣ же злоупотребленія, что и янычары константинопольскіе. Они подчинялись не столько поставленному Портою пашѣ, сколько своимъ агамъ, или *дагіямъ* (слово, соотвѣтствующее алжирскому *дею*). Ихъ одинаково ненавидѣли и христіане, которыхъ они притѣсняли, и спаги, чьи деревни они грабили, и турки. Въ сущности былъ еще третій привилегированный классъ, именно собственно турки, свободные земледѣльцы по деревнямъ или промышленники по городамъ; въ рукахъ этихъ городскихъ турокъ монополизировалась вся промышленность и торговля страны. Сербы-христіане, казалось, призваны были только пахать землю, разрабатывать лѣсныя угодья и особенно разводить свиней, которыя паслись огромными стадами въ дубовыхъ лѣсахъ. Если существовала еще христіанская аристократія, это — свиноводы; они были преемниками героевъ съ золотыми султа-

нами, которые пали на Коссовомъ полѣ; таковы были Кара-Георгій и Милошъ Обреновичъ, освободители своего народа и родоначальники князей и королей.

Сербскій народъ сохранилъ рядомъ съ турецкой организаціей слѣды старинной національной организаціи. Она носила общинный и патріархальный характеръ. Въ каждой деревнѣ были свои *кметы* (отъ латинскаго *comites*), выбранные жителями; въ ихъ рукахъ находилось управленіе; они же и судили, если стороны соглашались удовольствоваться ихъ приговоромъ и не апеллировали къ кади; они ходатайствовали, часто рискуя жизнью, передъ турецкими властями объ освобожденіи своихъ несправедливо арестованныхъ согражданъ; иногда они выдавали также этимъ властямъ преступниковъ и бунтовщиковъ. Во главѣ каждой нахіи, или *кнежины*, стоялъ *главный князъ* (или *кнезъ*), избранный деревнями, но снабженный *бератомъ*.

Епископы покупали свое назначеніе у Порты, которая назначала почти однихъ грековъ. Они представляли собой особую разновидность иноземныхъ эксплуататоровъ и утѣснителей, совершенно такихъ же, какъ паша или кади. Они грабили священниковъ и простыхъ вѣрующихъ. Они выѣзжали только на лошади, вооруженные саблей и булавой, со свитой изъ солдатъ-мусульманъ. Священники сербскаго происхожденія мало чѣмъ отличались отъ крестьянъ, живя скудными случайными доходами, подвергаясь основательному обиранію со стороны своего епископа, который устрашалъ ихъ тюрьмой и палочными ударами и въ случаѣ смерти бралъ себѣ лучшую часть оставленнаго ими наслѣдства. Церкви въ сербскихъ деревняхъ были такъ же бѣдны, какъ ихъ священники и прихожане; турки брали плату за разрѣшеніе исправлять или перестраивать ихъ; они изгнали колокольный звонъ и не допускали открытаго употребленія креста. Въ противоположность этому монахи историческихъ монастырей, уцѣлѣвшихъ въ Сербіи — въ Ипекѣ, въ Раваницѣ, въ Призренѣ,— внушали всѣмъ уваженіе своею прочною организаціей, многочисленностью, крѣпкими стѣнами, вооруженіемъ, наконецъ, фирманами, полученными отъ султановъ. Они являлись блюстителями могилъ древнихъ королей и патріотовъ и поддерживали національныя традиціи и надежды. Они же вмѣстѣ съ послѣдними остатками національной культуры поддерживали и школы, предназначенныя подготовлять немногихъ священниковъ, не столь невѣжественныхъ, какъ всѣ остальные. Помимо этого, монастыри являлись мѣстами паломничества, гдѣ рядомъ съ религіозными упражненіями находили себѣ мѣсто развлеченія, пляска, пѣніе бродячихъ пѣвцовъ, торговля хлѣбомъ и скотомъ, заключеніе браковъ, обсужденіе частныхъ и общественныхъ дѣлъ. Здѣсь, слушая пѣсни, прославлявшія подвиги предковъ и былую славу Сербіи, люди забывали тѣ униженія, которыя ожидали крестьянина въ деревнѣ, горожанина въ городѣ, гдѣ приходилось уступать дорогу самому послѣднему турку, подчиняться всякому требованію, и прежде всего подъ страхомъ самыхъ ужасныхъ наказаній не смѣть надѣвать чалмы, которая была предметомъ страстнаго желанія всѣхъ сербовъ, какъ аристократическій головной уборъ.

Южная Венгрія съ XVII вѣка служила убѣжищемъ все болѣе и болѣе возраставшей сербской эмиграціи. Подобно славянамъ изъ австрійской Кроаціи и Славоніи, сербы входили въ составъ полковъ *военной границы*, организованныхъ принцемъ Евгеніемъ. По цѣлому ряду договоровъ (Карловицкій отъ 1699 года, Пожаровецкій отъ 1718 г., Бѣлградскій отъ 1739 г., Систовскій отъ 1791 г.), граница между австрійской и турецкой имперіями не переставала измѣняться; однако, она перемѣщалась все время въ

предѣлахъ сербской территоріи, раздѣляя ея обитателей на подданныхъ Порты и подданныхъ Габсбургской монархіи. Такимъ образомъ, была Сербія австрійская и Сербія турецкая, Кроація турецкая и Кроація австрійская.

Послѣдняя война между Австріей и Турціей всколыхнула Сербію сильнѣе, чѣмъ всѣ предыдущія. Много сербовъ служило въ австрійскихъ войскахъ; многіе дослужились до офицерскаго чина. Когда послѣ Систовскаго мира турецкія власти снова появились въ Сербіи, онѣ замѣтили, что въ странѣ произошла какая-то перемѣна. Турецкіе комиссары говорили австрійцамъ: „Сосѣди, сосѣди, что вы сдѣлали съ нашей райей?“ Правда, въ Бѣлградѣ снова появился паша, въ округахъ—кади, въ деревняхъ—спаги, въ городахъ—янычары. Но могли ли сербскіе крестьяне, познавшіе дни независимости и славы, забыть объ этомъ? Прибавимъ, что Систовскій миръ обезпечивалъ имъ амнистію, т.-е. продленіе австрійскаго протектората, и право эмиграціи; все это не позволяло турецкому владычеству принять черезчуръ несносную форму.

Тиранія янычаръ.—Только одни янычары, можетъ быть, не поняли совершившейся въ Сербіи перемѣны. Они пытались установить здѣсь тираническое военное управленіе во вкусѣ берберскихъ правительствъ. Они усилили свою организацію и учредили четырехъ *дагіевъ*, между которыми раздѣлена была Сербія. Одинъ изъ нихъ, Ахметъ Безумный, терроризировалъ христіанъ и мусульманъ. Онъ убилъ до пятнадцати спаги. Новый бѣлградскій паша Бекиръ рѣшилъ покончить съ ними. Онъ созвалъ въ Нишъ спаги, кметовъ, князей, предписалъ явиться Ахмету Безумному и велѣлъ убить его на лѣстницѣ своего дворца. Послѣ этого онъ прочелъ фирманъ отъ Порты, который объявлялъ янычарамъ амнистію за все прошлое, но изгонялъ ихъ изъ Сербіи. За Бекиромъ слѣдовалъ рядъ пашей, то враждебныхъ, то расположенныхъ къ янычарамъ: кончилось тѣмъ, что они вернулись назадъ. Въ 1795 году вспыхнула война между Пасваномъ-Оглу виддинскимъ, который всюду поддерживалъ янычаръ, и бѣлградскимъ пашей Хаджи-Мустафой, который относился къ христіанамъ настолько терпимо, что разрѣшилъ основаніе новаго монастыря въ Шабацкомъ округѣ. Хаджи-Мустафа вербовалъ сербскихъ крестьянъ, *гайдуковъ*, и среди его помощниковъ было много участниковъ будущей войны за независимость, какъ, напр., Кара-Георгій. Это была борьба серботурковъ съ болгаро-турками, борьба, весьма способная одинаково пріучить къ войнѣ и сербовъ, и болгаръ. Побѣда при Чупрѣ была чисто сербской побѣдой: головы побѣжденныхъ отправлены были въ Бѣлградъ. Къ сожалѣнію, когда Пасванъ-Оглу заключилъ миръ съ Портой, однимъ изъ условій его было возстановленіе янычаръ въ Сербіи. Хаджи-Мустафа сумѣлъ нѣкоторое время держать ихъ внѣ Бѣлграда; но какъ-то ночью нѣсколько янычаръ проникли въ городъ, спрятавшись въ возахъ съ сѣномъ, и убили пашу. Послѣ этого военная тиранія организована была еще сильнѣе, чѣмъ раньше, на глазахъ у безсильныхъ пашей, которыхъ эта военщина крѣпко держала въ рукахъ. Для своего усиленія янычары призывали бродягъ и разбойниковъ со всей страны, лишили кметовъ и князей всякой власти, задавили крестьянъ налогами и барщиной, не пощадили даже женщинъ: Сали-Ага, котораго прозвали „рудникскимъ быкомъ“, прославился своимъ дикимъ сластолюбіемъ. Это было настоящее турецкое завоеваніе, такое, какого не могли, да и не хотѣли осуществить султаны въ самый расцвѣтъ своего могущества.

Первое возстаніе сербовъ: Кара-Георгій.—Въ отвѣтъ на тиранію язычаръ сейчасъ же обнаружилось другое явленіе: стали умножаться шайки *гайдуковъ*, крестьянъ,

которыхъ отчаяніе превращало въ разбойниковъ. Одновременно съ этимъ Порту осаждали жалобами со всѣхъ сторонъ: жаловался паша, лишенный своей власти, горожане-турки, изгнанные изъ городовъ, спаги, у которыхъ отняты были ихъ ленныя владѣнія, кметы и князья, которые заявляли султану: „Коли ты еще нашъ царь, защити насъ". И Селимъ III, по словамъ сербовъ, будто бы отвѣчалъ, что онъ отправитъ противъ бунтовщиковъ-янычаръ „армію, только не турокъ, а людей другой націи и другой вѣры, армію, которая станетъ обращаться съ ними такъ, какъ до сихъ поръ никто съ ними не обращался". Янычары были обезпокоены и взбѣшены такою угрозой. Что это могла быть за армія, которою грозилъ имъ султанъ? Очевидно—все изъ тѣхъ же сербовъ, которымъ обстоятельства уже не одинъ разъ давали въ руки оружіе. Деи вошли въ соглашеніе и, чтобы лишить эту армію ея естественныхъ защитниковъ, рѣшили устроить массовое избіеніе князей, поповъ и монаховъ (январь 1804 года). Почти одновременно самые знаменитые изъ сербовъ были перерѣзаны (январь 1804 года). Тѣ, кому удалось избѣжать рѣзни, скрылись въ лѣсахъ и составили тамъ воинственныя шайки. Въ Шумадіи распоряжался Кара-Георгій, ускользнувшій изъ своей резиденціи Тополья. Въ долинѣ Колубары главенствовали князь Яковъ Ненадовичъ, попъ Лука Лазаревичъ, гайдукъ Кіурча; въ долинѣ Моравы — князья Миленко и Петръ Добрынацы, въ Рудникѣ—князья Миланъ и Милошъ Обреновичи, въ другихъ мѣстахъ—гайдуки Главачъ и Велико, разбойники по профессіи.

Георгій Петровичъ, болѣе извѣстный подъ прозвищемъ Георгія Чернаго (по-турецки *Кара*) оказался вскорѣ самымъ ловкимъ и энергичнымъ изъ этихъ атамановъ. Это былъ великанъ, обладавшій всѣми дикими пороками и добродѣтелями легендарнаго Марко-королевича, человѣкъ грубый, пьяница, вспыльчивый въ порывахъ безпричиннаго гнѣва, совершенно необразованный, человѣкъ прямо героической храбрости, страннымъ образомъ сочетавшейся съ временнымъ упадкомъ духа. У него на совѣсти было отцеубійство: въ 1787 году онъ собирался бѣжать въ Австрію, чтобы уйти отъ турецкихъ насилій; отецъ пытался удержать его; онъ убилъ тогда отца со словами: „Турки заставили бы тебя умереть медленной смертью, лучше тебѣ умереть отъ моей руки". Во время австрійской войны онъ участвовалъ во внезапномъ нападеніи на Бѣлградъ, служилъ сначала добровольцемъ, потомъ предпочелъ итти заодно съ *гайдуками.* Послѣ Систовскаго мира и амнистіи онъ вернулся въ Шумадію, нажился на разведеніи свиней, но оставался на подозрѣніи у турокъ. Деи попробовали погубить его, но его всегда предупреждалъ объ этомъ его побратимъ, мусульманинъ Ибрагимъ изъ Орѣшаца. Послѣ январской рѣзни 1804 года онъ собралъ въ Орѣшацѣ 300 воиновъ и кликнулъ кличъ: „Пусть всякій, способный дѣйствовать ружьемъ, присоединяется къ намъ. Женъ, стариковъ, дѣтей—увести". Когда собравшіяся въ Шумадіи шайки пожелали выбрать себѣ вождя, Главачъ отказался, заявивъ, что онъ вѣдь только разбойникъ, а народъ никогда не подчинится руководительству человѣка, которому нечего терять и спасать. Князь Ѳеодосій, по профессіи купецъ, отказался, заявивъ: „Кто же станетъ защищать васъ передъ турками, если въ это дѣло замѣшаны будутъ князья?" Нельзя было выбирать ни *гайдука,* ни *князя.* Выбрали Кара-Георгія, который противился избранію, ссылаясь на то, что станетъ бить и убивать, если ему оказано будетъ неповиновеніе. „Вотъ это-то и нужно", отвѣчали возставшіе и провозгласили его „начальникомъ сербовъ". *Скупщина* 1804 года, первое національное собраніе современной Сербіи, утвердила его въ этой должности.

Война во имя законности. — Въ рукахъ возставшихъ находились только лѣса и равнины. Со всѣхъ сторонъ они были окружены крѣпостями: на Дунаѣ — Шабацъ, Бѣлградъ, Семендрія; на боснійской границѣ—Лозница, Соколъ, Ушица; на болгарской границѣ — Пожаровецъ, Ягодино, Чупря, Парашино, Делиградъ, Алексинацъ; на румелійской границѣ — Нишъ, Лѣсковацъ; на Тимокѣ — Нѣготинъ, Кладово; внутри самой страны—Валіево, Крагуевацъ. У сербовъ было подъ ружьемъ всего лишь 3.000 человѣкъ. Они отказались отъ поддержки 1.000 разбойниковъ, *кирджали*, которые немедленно присоединились къ янычарамъ. Война носила своеобразный характеръ: сербы притворялись вѣрноподданной *райей* султана, которая подняла оружіе только на янычаръ, бунтующихъ противъ общаго повелителя, и для самозащиты отъ притѣсненія. Въ виду такихъ успокоительныхъ завѣреній мусульмане, спаги, мирные турки приняли сторону возставшихъ. Хаджи-бекъ изъ Среберницы снабжалъ ихъ порохомъ; мусульмане сражались въ ихъ рядахъ. Вторженіе Али-Виддаича, одного боснійскаго бека, было отбито съ огромными потерями въ бою при Свиленвѣ близъ Шабаца. Сербы овладѣли Шабацемъ, потомъ Пожаровцемъ. Они хорошо обошлись съ побѣжденными, „относясь къ спаги, какъ къ спаги, къ эффенди, какъ къ эффенди“, давъ свободный выходъ гарнизонамъ, но удержавъ за собой лошадей, оружіе, амуницію, казну. Вслѣдъ затѣмъ Кара-Георгій осадилъ Бѣлградъ.

До сихъ поръ Порта обнаруживала расположеніе къ возставшимъ. Султанъ, казалось, былъ доволенъ этимъ урокомъ, даннымъ янычарамъ. Сербскіе посланцы были очень хорошо приняты въ Стамбулѣ. Великій визирь поручилъ боснійскому пашѣ отправиться на помощь сербамъ и покончить съ янычарами. Паша этотъ, Бекиръ, вступилъ въ Сербію съ 3.000 человѣкъ, расположился лагеремъ посреди арміи, осаждавшей Бѣлградъ, поставивъ свое знамя рядомъ съ знаменемъ Кара-Георгія. Но велико было его удивленіе при видѣ этой арміи: это былъ уже не угнетенный народъ, а народъ торжествующій; это были уже не свиноводы, а настоящіе воины, которые горделиво украшались чалмами, сидѣли на арабскихъ коняхъ, выставляли напоказъ свои драгоцѣнности и дорогое свое вооруженіе, обнаруживали знаніе военнаго искусства и умѣли подчиняться дисциплинѣ. Онъ понялъ, что надо покончить съ войной, которая въ такой степени преобразила бывшую райю. Онъ ускорилъ осаду Бѣлграда и, когда янычары ушли оттуда черезъ Дунай, вступилъ въ городъ. Оказалось, что цитадель занята разбойниками *кирджали*, а сербы и не думаютъ покидать своего лагеря вокругъ Бѣлграда; такимъ образомъ, онъ очутился одновременно въ положеніи осаждающаго и осажденнаго. Онъ объявилъ сербамъ: „Теперь виновные наказаны. Вы можете съ миромъ разойтись по домамъ. Васъ ждутъ стада и плуги“.

Тогда эти люди, въ которыхъ онъ видѣлъ только крестьянъ, вручили ему резолюцію, состоявшую изъ девяти пунктовъ и принятую ихъ скупщиной. Въ этихъ пунктахъ выстаалялись такія требованія: новый паша въ Бѣлградѣ будетъ подъ охраной 1.500 сербовъ; амнистія; реформы; свобода исправлять и вновь строить церкви, звонить въ колокола, водружать кресты; избраніе народомъ представителя, который будетъ имѣть мѣстопребываніе при пашѣ; сложеніе недоимокъ; покрытіе военныхъ расходовъ, понесенныхъ сербами для наказанія враговъ султана. Озадаченный Бекиръ согласился на всѣ требованія; но когда сербы стали добиваться, чтобы эти уступки гарантированы были Австріей, онъ отказался. Сербы все еще оставались при оружіи подъ предлогомъ, что Бѣлградская крѣпость все еще

была въ рукахъ *кирджали* и что янычары удерживали за собой нѣсколько крѣпостей въ Сербіи. Бекиръ въ безпокойствѣ рѣшилъ сняться лагеремъ.

Открытая война съ Портой (1804). — Пришелъ конецъ войны „во имя законности". Сербы начали обращать свои взоры за границу. Австрія послѣ послѣдней войны пользовалась у сербовъ большими симпатіями. Въ маѣ 1804 года ихъ эмиссары предложили, чтобы одинъ изъ эрцгерцоговъ провозглашенъ былъ княземъ сербскимъ; но скоро сербы поняли, насколько, въ сущности, Австрія относилась враждебно ко всякому освободительному движенію въ придунайскихъ областяхъ. Да и близость новой войны съ Наполеономъ дѣлала Австрію безсильною. Оставалась одна Россія; въ апрѣлѣ 1804 года сербы отправили въ Петербургъ трехъ делегатовъ. Эти делегаты не видѣли самого царя, а только Адама Чарторыйскаго. Онъ наговорилъ имъ много хорошихъ словъ, далъ имъ 300 золотыхъ и евангеліе. Къ тому же Наполеонъ парализовалъ свободу дѣйствій Россіи такъ же, какъ и Австріи.

Военныя операціи сербовъ, ихъ переговоры съ державами открыли, наконецъ, глаза султану Селиму. Онъ увидалъ, куда клонится сербское возстаніе. Онъ отдалъ приказъ нишскому пашѣ Гафизу смирить мятежниковъ.

Побѣды сербовъ (1805 — 1806). — Гафизъ привелъ 20.000 человѣкъ съ веревками для связыванія плѣнныхъ, съ крестьянскими шапками для побѣжденныхъ. Сербамъ оставалось только защищаться. Окопавшись въ Иванковицѣ, Миленко задержалъ пашу. Прибытіе Кара-Георгія съ 10.000 человѣкъ заставило Гафиза уйти. Онъ умеръ съ горя въ Нишѣ. Послѣ этого попала въ руки возставшихъ Семендрія.

Весною 1806 года султанъ отправилъ противъ мятежниковъ двѣ арміи: одну съ западной стороны, подъ командой Бекира-паши, въ составѣ 30.000 босняковъ и герцеговинцевъ, людей той же расы, что и сербы, но мусульманъ по религіи; другую—съ юга, подъ начальствомъ скутарійскаго паши Ибрагима, въ составѣ 40.000 албанцевъ и румеліотовъ. Сербскіе вожди готовились ко встрѣчѣ со всѣхъ сторонъ; Кара-Георгій охранялъ болгарскую границу, но, узнавъ, что армія Якова Ненадовича на западной границѣ разсѣялась при первомъ же натискѣ босняковъ, онъ кинулся въ эту сторону, имѣя всего 1.500 человѣкъ противъ 30.000, собралъ бѣглецовъ Ненадовича, сталъ преслѣдовать турокъ и отбросилъ ихъ подъ Шабацъ. Послѣ этого, имѣя уже 9.000 человѣкъ, онъ окопался въ Мисхарѣ на разстояніи мили отъ Шабаца, дождался тамъ атаки и на глазахъ сбѣжавшихся съ австрійской территоріи зрителей, послѣ трехдневнаго боя совершенно разбилъ турокъ: сербы захватили тысячи плѣнныхъ, лошадей, оружіе, амуницію, огромную добычу. Послѣ этого Кара-Георгій снова отправился на южную границу, гдѣ Добрынацъ удерживалъ армію Ибрагима. Вмѣсто того, чтобы биться, Ибрагимъ вступилъ въ переговоры. Въ этотъ самый моментъ сербскіе посланцы въ Константинополѣ, благодаря поддержкѣ болгарина Петра Ичко, драгомана турецкаго посольства въ Берлинѣ, и особенно благодаря тому страху, который внушали Портѣ русскіе, добились отъ Порты слѣдующихъ мирныхъ предложеній: диванъ признаетъ автономію сербовъ, выговаривая себѣ только допущеніе въ Бѣлградъ турецкаго *мугазиля* (комиссара) со свитой въ 150 человѣкъ и уплату дани въ 900.000 піастровъ. Посланцы приняли эти условія, но вдругъ Порта отказалась отъ нихъ. Этотъ поворотъ вызванъ былъ Аустерлицемъ, пораженіемъ русскихъ, которыхъ такъ боялась Турція. Переговоры возобновились, когда образовалась четвертая коалиція; они прекратились послѣ Іены и Ауер-

штедта. Такъ своеобразно отражались наполеоновскія побѣды въ Сербіи!

12 декабря 1806 года Бѣлградъ взятъ былъ сербами, благодаря нечаянному ночному нападенію. Десять дней спустя *кирджали* сдали цитадель. Сербы произвели въ Бѣлградѣ безчинства: они издѣвались надъ пашой и его свитой, подѣлили между собой его гаремъ, совершали въ городѣ грабежи и убійства, принудили оставшихся въ живыхъ турокъ принять христіанство. Старые князья были опечалены этими безчинствами: „Нехорошо это“, говорили они: „Богъ накажетъ сербовъ“ (1807 г.). Взята была Ужица, вторично взятъ Шабацъ. Не было больше въ Сербіи ни турецкихъ крѣпостей, ни гарнизоновъ. Слава объ этихъ подвигахъ пронеслась по всему Балканскому полуострову [1]).

Временная конституція Сербіи (1805).— Сербія уже приняла конституцію, столь же простую, какъ ея нравы, и совершенно военнаго склада. На верху іерархической лѣстницы стоялъ правитель сербовъ Кара-Георгій. Онъ велъ почти крестьянскій образъ жизни, обрабатывалъ землю со своими *момками,* составлявшими его гвардію, ходилъ за своими свиньями и виноградниками, самъ набивалъ обручи на свои бочки и однажды попортилъ за этой работой русскую орденскую ленту, посылалъ своихъ дочерей за водой къ колодцу, по примѣру гомеровской Навсикаи. На второй ступени стояли *господари,* главные военачальники,—Ненадовичъ на западѣ, Миленко на Дунаѣ, Добрынацъ на востокѣ, Милошъ Обреновичъ въ Рудникѣ. На третьей ступени—*воеводы,* простые начальники отрядовъ, власть которыхъ всюду заняла мѣсто власти *князей* и *кметовъ.* Верховенство народа выражалось въ собраніи *скупщины;* военные вожди собирались на этотъ съѣздъ со своими вооруженными *момками.* Одинъ венгерскій сербъ, докторъ правъ, пріѣхавшій изъ Россіи, нѣкто Ѳедоръ Филипповичъ, сказалъ сербамъ: „Все у васъ военныя власти; надо бы вамъ завести власть гражданскую, стоящую надъ всѣми партіями“. По его указанію созданъ былъ Совѣтъ, учрежденіе постоянное, тогда какъ собранія скупщины продолжались всего день или два; Совѣтъ состоялъ изъ двѣнадцати членовъ, представителей двѣнадцати округовъ. Филипповичъ сдѣланъ былъ его секретаремъ (онъ былъ единственный образованный человѣкъ въ Совѣтѣ). Отрасли управленія распредѣлены были между шестью министерствами. Эта гражданская власть внушала мало уваженія. Разъ какъ-то Кара-Георгій со своими *момками* окружилъ Совѣтъ, приговаривая: „Легко сочинять законы, заперевшись въ хорошихъ домахъ; а вотъ когда вернутся турки, кто первый пойдетъ на нихъ?“ Впрочемъ, Совѣтъ отличался той же простотой, что и другія власти: онъ засѣдалъ въ какомъ-то монастырѣ, и члены его ѣли въ трапезной вмѣстѣ съ монахами. Позднѣе его перевели въ Бѣлградъ, и тогда его члены стали получать вознагражденіе натурой — виномъ, хлѣбомъ; къ Рождеству имъ давалось два быка. Надо быть благодарнымъ этому Совѣту за то, что онъ думалъ о будущемъ и снабдилъ Сербію первыми ея начальными училищами. Совѣтъ не сумѣлъ обойтись безъ партійности: въ немъ образовалось двѣ партіи—партія Кара-Георгія, представителями которой были предсѣдатель Совѣта Младенъ и Иванъ Юговичъ, состоявшій въ то время секрета-

---

[1]) Владыка черногорскій сочинилъ такую пѣсню:
„Слава сербамъ! Мечи турецкіе сокрушаются ихъ оружіемъ.
„Слава Кара-Георгію! Онъ гордо держитъ знамя царя Душана, и лѣсныя феи вѣнчаютъ лаврами главу его.
„Онъ прогонитъ османовъ изъ Босніи и Герцеговины.
„Онъ присоединится къ черногорцамъ, непобѣдимымъ стражникамъ восточной независимости отъ латинянъ и турокъ“.

ремъ; другая партія — *господарская.* Господари заставили Кара-Георгія удалить изъ Совѣта Младеня и Юговича.

Русское вліяніе въ Сербіи.—Какъ только Сербія освободилась и устроилась, въ ней появились русскіе агенты, а именно грекъ Родофиникинъ. Кара-Георгій былъ всецѣло на сторонѣ русскихъ. Онъ грозилъ повѣсить всякаго, кто станетъ дѣйствовать безъ совѣта этого агента. Позднѣе Младень и Юговичъ внушили ему недовѣріе къ русскимъ, указавъ на то, что они дѣйствуютъ въ согласіи съ греками и готовы навязать Сербіи греческое правительство.

Въ 1808 году послѣ убійства Селима III и возобновленія враждебныхъ дѣйствій между Россіей и Портой, Кара-Георгій, разсчитывая на реальную помощь со стороны царя, заключилъ съ Паулуччи Нѣготинскій договоръ, который ставилъ Сербію подъ покровительство Александра I и уполномочивалъ царя назначать чиновниковъ, только бы они не были греками. Русскіе гарнизоны заняли крѣпости; русскій корпусъ расположился на Дринѣ и Тимокѣ; въ Бѣлградѣ учрежденъ былъ русскій арсеналъ; Сербія получила пушки, амуницію, деньги. Затѣмъ русскіе вдругъ очистили страну, обезпокоившись успѣхами Наполеона. Сербы впали въ отчаяніе; въ скупщинѣ одинъ князь воскликнулъ: „Кто будетъ нашимъ царемъ?“ Кара-Георгій, котораго соотечественники осыпали упреками, сказалъ имъ: „Да что же, вы думаете, вамъ принесутъ царей на выборъ, какъ раковъ въ мѣшкѣ? Есть два царя: царьградскій да петроградскій (петербургскій)“. Былъ еще третій—вѣнскій. Въ январѣ 1808 года Кара-Георгій писалъ эрцгерцогу Карлу, который отвѣтилъ, что Австрія не собирается выйти изъ нейтральнаго своего положенія.

Сношенія сербовъ съ Франціей. — Было бы странно, если бы, подобно многимъ другимъ народамъ міра, сербы въ извѣстный моментъ не обратили своихъ взоровъ и надеждъ на націю, которая въ то время дѣйствовала въ Европѣ со всемогуществомъ судьбы. Однако, Наполеонъ всегда относился къ сербамъ весьма сурово. Съ самаго начала онъ видѣлъ въ ихъ возстаніи только причину ослабленія Турціи, съ которой онъ былъ въ то время въ союзѣ. 1-го декабря 1806 года онъ писалъ султану Селиму: „Не соглашайся на условія, которыя сербы ставятъ тебѣ съ оружіемъ въ рукахъ“. 26 марта 1811 года онъ велитъ писать г-ну Отто: „Самостоятельность Сербіи возбудитъ притязанія и надежды 20-ти милліоновъ грековъ (читай: православныхъ), отъ Албаніи до Константинополя; по самой вѣрѣ своей они могутъ примкнуть только къ Россіи. Турецкая имперія поражена будетъ въ самое сердце“. Какъ бы то ни было, въ августѣ 1809 года Кара-Георгій отправилъ Наполеону умоляющее письмо, переведенное на латинскій языкъ. Онъ назначилъ уполномоченнымъ передъ французскимъ правительствомъ нѣкоего Радо Вучинича, привезшаго съ собой резолюцію, принятую въ Бѣлградѣ „сербскимъ народомъ“. Сербы умоляли Наполеона принять ихъ подъ свое покровительство, увѣряя, что у нихъ подъ ружьемъ 100.000 человѣкъ и что другіе славяне—босняки, герцеговинцы, славяне венгерскіе, даже болгары, „которые происходятъ, такъ сказать, отъ одной и той же вѣтви“—послѣдуютъ ихъ примѣру. Они просили у Франціи денежной помощи, хорошихъ инженеровъ, артиллеристовъ, минеровъ. Въ одной изъ записокъ, переданныхъ ихъ посланникомъ, читаемъ: „Сербы и другіе народы той же націи горятъ нетерпѣніемъ отличиться подъ знаменами его императорскаго величества, какъ они отличались когда-то при великомъ Александрѣ Македонскомъ и при законныхъ своихъ государяхъ“. Въ 1809 году Наполеонъ и не думалъ ссориться съ царемъ изъ-за

маленькаго неизвѣстнаго народа; съ 1810 года онъ снова сталъ бережно относиться къ Портѣ: въ обоихъ этихъ случаяхъ онъ вовсе не желалъ связывать себя по отношенію къ союзникамъ, которые предлагали ему свои услуги. Радо Вучиничъ такъ и не видѣлъ никогда Наполеона. Онъ прозябалъ въ Парижѣ до 1813 года, поддерживая съ французскими министрами безплодную переписку.

Походы Сербіи съ 1809 по 1811 годъ.— Когда обострились враждебныя отношенія между Портой и Россіей, сербы перенесли свои упованія на послѣднюю. Кара-Георгій, кажется, уже въ 1809 году предвосхитилъ идею Великой Сербіи. Онъ рѣшилъ перенести войну въ сосѣднія славянскія страны. Онъ вступилъ въ Герцеговину, разбилъ мусульманъ при Суводолѣ, захватилъ Сѣницу, расположился въ Новомъ Базарѣ и вошелъ въ соприкосновеніе съ черногорцами. Онъ былъ внезапно отозванъ въ свою страну двойнымъ турецкимъ нашествіемъ: съ востока вторгся Куршидъ-паша нишскій, съ запада—боснійскій паша Ибрагимъ. Западная граница была прорвана благодаря измѣнѣ Мило, бѣгству Добрынаца, пораженію воеводы Синжелича, который далъ разбить себя у Каменицы. Шумадія была наводнена врагами, Бѣлградъ находился въ опасности. Кара-Георгій бросился сначала къ Алексинацу: онъ потерялъ 6.000 человѣкъ, часть своей артиллеріи и былъ раненъ. Зато у Ягодина онъ оказалъ сильное сопротивленіе, и ему удалось отбить вторженіе съ востока. Теперь въ свою очередь приходилось плохо на западѣ: Пожаровецъ былъ взятъ, Шабацъ находился въ опасности. Кара-Георгій далъ кровопролитное сраженіе при Чупрѣ, потерялъ еще 6.000 человѣкъ и 40 пушекъ и долженъ былъ отступить на Шумадію. Ужасъ охватилъ Бѣлградъ: русскій агентъ Родофиникинъ бѣжалъ изъ города. Кара-Георгій успокоилъ всѣхъ. Онъ разсчитывалъ на разногласія, которыя обязательно должны были возникнуть между двумя пашами-побѣдителями. Его выручила энергичная кампанія, начатая русскими на Дунаѣ. Сербія послѣ такой сильной тревоги снова оказалась свободной. Во время кампаніи 1810 года, въ которой русскіе нанесли столько урона туркамъ, сербы завладѣли Крайной (территорія Виддина), Алексинацемъ, Студеницей, Паракинымъ, Кружевацемъ и даже крѣпостями Босніи. Въ 1811 году, послѣ успѣха русскихъ при Слобозіи, одинъ изъ ихъ отрядовъ подъ командой полковника Балы, соединился съ сербами. Онъ засталъ страну въ самомъ разгарѣ революціи.

Государственный переворотъ Кара-Георгія (1811): попытка установленія монархіи. — Давно уже партія Кара-Георгія страстно боролась съ партіей *господарей*. Отчасти по этой причинѣ нѣкоторые господари такъ плохо защищали границы. Все это тѣмъ сильнѣе выдвигало Кара-Георгія, какъ спасителя отечества. Вернувъ себѣ прежнюю популярность, онъ воспользовался этимъ и добился въ скупщинѣ 1811 года постановленія о томъ, чтобы всѣ воеводы одинаково стояли подъ его верховной властью. Это означало уничтоженіе могущества господарей. Поднялось сильное сопротивленіе. Милошъ Обреновичъ возсталъ; онъ былъ разбитъ, схваченъ и предсталъ передъ судомъ. „Вы не осудите меня,— говорилъ онъ судьямъ,—народъ меня любитъ“. Вотъ при какихъ обстоятельстахъ встрѣтились обѣ будущія династіи—Кара-Георгія и Обреновичей. Милошъ не былъ осужденъ, но онъ обѣщалъ оказывать повиновеніе Кара-Георгію и Совѣту. Другіе вожди — Миленко, Добрынацъ — были изгнаны. Кара-Георгій сталъ всемогущимъ, почти королемъ. Но эти раздоры ослабили Сербію какъ разъ въ тотъ моментъ, когда отпаденіе русскихъ, только что заключившихъ миръ въ Бухарестѣ, ставило ее лицомъ къ лицу съ Портой.

Пораженія 1813 года; бѣгство Кара-Георгія.—Въ Бухарестскомъ мирномъ договорѣ (статья 8-я) устанавливалось, что „сербы покорятся туркамъ“; подъ этимъ условіемъ трактатъ выговаривалъ имъ полную амнистію и независимое управленіе. Кара-Георгій не допускалъ покорности, а предложенныя гарантіи казались ему насмѣшкой. Въ рѣчи, произнесенной имъ на Рождествѣ 1812 года онъ перечислилъ средства, какими располагала Сербія: 150 пушекъ, 7 хорошо устроенныхъ крѣпостей, 40 редутовъ и т. д., но закончилъ онъ свою рѣчь молитвой, полной предчувствій: „Боже, вложи силу и мужество въ сердца всѣхъ сыновъ Сербіи! Боже, сломи могущество нашихъ враговъ, которые идутъ уничтожать истинную вѣру“. Онъ сдѣлалъ попытку вступить въ переговоры съ Портой: онъ предлагалъ допустить пашу и турецкій гарнизонъ въ Бѣлградъ и только въ случаѣ войны—гарнизоны въ другія крѣпости. Султанъ отправилъ его посланцевъ къ Куршиду-пашѣ. Послѣдній объявилъ, что совѣщаніе соберется въ Нишѣ въ январѣ 1813 года. Въ это время Порта сразу отдѣлалась и отъ русскихъ, и отъ Пасвана-Оглу, и отъ вагабитовъ, и ея армія гордилась своимъ долгимъ сопротивленіемъ русскому нашествію. Врагъ сербовъ Куршидъ только что назначенъ былъ великимъ визиремъ. На совѣщаніи въ Нишѣ сербамъ было объявлено, что они должны выдать всѣ свои крѣпости, оружіе и амуницію и допустить возвращеніе въ ихъ страну турокъ (включая, разумѣется, и янычаръ). Кара-Георгій уступилъ относительно перваго пункта, но протестовалъ противъ остальныхъ. Итакъ, предстояло возобновленіе войны, и почти одновременно суждено было разыграться двойной трагедіи, великой и малой—трагедіи Кара-Георгія и Наполеона. Куршидъ лично командовалъ турецкими арміями—нишской, боснійской и виддинской—всего 240.000 человѣкъ.

Кара-Георгій сначала думалъ срыть всѣ крѣпости, которыя отнимали у него столько воиновъ, и отступить въ Шумадію или даже въ Черногорію, какъ въ естественныя крѣпости. Его совѣтникъ Младенъ воспротивился этому. Изъ его помощниковъ раньше другихъ подвергся нападенію гайдукъ Велико: у Нѣготина, гдѣ онъ охранялъ восточную границу, на него напало 18.000 человѣкъ. Когда Велико былъ убитъ ядромъ, весь его отрядъ охваченъ былъ паникой и въ безпорядкѣ очистилъ Нѣготинъ. Та же паника прогнала людей съ редутовъ Берзы-Паланки, Острова, Кладова. Турки перешли и западную границу: Милошъ Обреновичъ пятнадцать дней сопротивлялся въ Раванахъ. Дѣло сербовъ казалось потеряннымъ во всѣхъ пунктахъ. 2-го октября Кара-Георгій посѣтилъ центральный лагерь при сліяніи двухъ Моравъ, призывая свои войска держаться до смерти. На другой день по всей странѣ пронеслась вѣсть, что онъ перебрался со своими сокровищами въ Австрію. Сербія была предана освободителемъ 1804 года!

Частичное возстановленіе оттоманскаго режима: Милошъ Обреновичъ. — Турецкое нашествіе подобно огненному урагану охватило всю страну. Совершались ужасающія жестокости. Одинъ изъ сербскихъ вождей, Матвѣй Ненадовичъ, окопавшись съ тридцатью воинами на горѣ Вучакѣ, задумалъ отправить великому визирю письмо съ изъявленіемъ покорности. Его посланецъ привязалъ письмо къ концу длинной жерди и, показавшись въ виду мусульманскаго лагеря, распростерся на землѣ, затѣмъ, вставая и снова распростираясь, добрался до передовыхъ постовъ. Куршидъ велѣлъ подать себѣ письмо, прочелъ его и приказалъ остановить рѣзню. Но съ кѣмъ вести переговоры? Вожди убѣжали въ Австрію [1]). Уда-

[1]) Здѣсь, впрочемъ, ихъ задержали: Кара-Георгія въ Грацѣ, Младеня въ Будѣ, Якова Ненадовича въ Цилли. Австрійская полиція отобрала

лось найти только одного князя—Милоша Обреновича.

Отцомъ этого Милоша былъ простой сельскій батракъ. Его мать, потерявъ перваго мужа, зажиточнаго крестьянина, по имени Обрена, оставившаго ей двухъ сыновей, вышла замужъ во второй разъ за совершеннаго бѣдняка. Сынъ отъ этого второго брака, Милошъ, поступилъ въ услуженіе къ одному изъ своихъ единоутробныхъ братьевъ и по его примѣру принялъ отчество *Обреновича*. Онъ отличился своей смѣлостью въ войнѣ съ турками. Послѣ бѣгства Кара-Георгія онъ оказался единственнымъ „княземъ" во всей странѣ. Куршидъ призвалъ его къ себѣ въ Таково. Явившись къ великому визирю, Милошъ сложилъ все свое вооруженіе и распростерся на землѣ. Куршидъ назначилъ его *главнымъ княземъ* въ Рудникѣ и поручилъ ему объѣзжать деревни, успокаивать и призывать назадъ жителей. Тѣмъ не менѣе Сербія попадала подъ прежнее иго. Сербскіе воины должны были выдать свое оружіе, одѣться снова въ прежнее мужицкое платье. Даже жена Милоша, Любица, должна была одѣваться крестьянкой. Въ этой столь жестоко угнетаемой Сербіи роль „князя" Милоша во многомъ напоминаетъ ту роль, которую выполняли когда-то во времена монгольскаго ига русскіе князья. Ему приходилось терпѣть и выносить все, улыбаться притѣснителямъ, проповѣдывать вокругъ себя терпѣніе и покорность, иногда становиться турецкимъ палачомъ по отношенію къ нетерпѣливымъ и нежелавшимъ повиноваться.

гардеробъ, драгоцѣнности и деньги у жены Кара-Георгія, приговаривая: „Вотъ до какого позора довела васъ ваша Россія".

Тѣмъ временемъ сербскіе вожди, избѣжавшіе турецкой сабли или принудительнаго водворенія на мѣстожительство въ Австріи, пытались привлечь къ своей странѣ вниманіе дипломатовъ Вѣнскаго конгресса и въ частности русскихъ. Вначалѣ никто не хотѣлъ ихъ слушать.

Осенью 1814 года въ тырновскомъ монастырѣ вспыхнула ссора между турками и сербами, недостаточно сломленными игомъ. Послѣдовало возстаніе. Вожди обратились къ Милошу, прося его стать во главѣ дѣла. Осуждая ихъ безуміе, онъ собралъ своихъ людей, поспѣшилъ на мѣсто безпорядковъ, успокоилъ самыхъ благоразумныхъ, разогналъ силой строптивыхъ и первымъ бросился на штурмъ Крагуеваца, которымъ овладѣли было мятежники. Онъ думалъ, что пріобрѣлъ себѣ этимъ право заступничества передъ пашой за этихъ безумцевъ. Паша Солиманъ не счелъ себя удовлетвореннымъ. Онъ велѣлъ схватить нѣсколько сотъ плѣнныхъ и въ день св. Саввы, въ этотъ національный праздникъ сербовъ, велѣлъ обезглавить 114 человѣкъ изъ этого числа и посадить на колъ 38.

Возстаніе 1814 года: замиреніе.—Милошъ понялъ, какую онъ сдѣлалъ ошибку, разсчитывая на лояльность и гуманность паши. Онъ считалъ себя отвѣтственнымъ за всю эту благородную кровь, пролитую во время казни. Онъ поспѣшилъ въ Бѣлградъ, чтобы попытаться спасти плѣнныхъ сербовъ. Турецкіе солдаты, желая испугать его, показали ему голову гайдука Главача, прибитую къ городскимъ воротамъ, и сказали ему: „Теперь твоя очередь". Онъ отвѣчалъ имъ: „Я давно уже свою голову бросилъ въ мѣшокъ; теперь у меня на плечахъ чужая голова". Онъ былъ хорошо принятъ султаномъ, и освободилъ 60 плѣнниковъ, заплативъ за нихъ выкупъ. Вскорѣ, почувствовавъ опасность своего положенія въ Бѣлградѣ, онъ убѣжалъ оттуда и примчался въ темный Чернушскій лѣсъ. Тамъ онъ нашелъ массу сербовъ, дожидавшихся его, князей, вынужденныхъ бѣжать изъ своихъ домовъ, потому что они убили турецкихъ сборщиковъ податей или полицейскихъ,—цѣлыя шайки, готовыя къ возстанію. Онъ провозглашенъ былъ верховнымъ вождемъ въ церкви села Такова,

того самаго села, гдѣ онъ бросилъ свою саблю къ ногамъ великаго визиря. Предстоявшая война являлась для сербовъ необходимой и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасной. Многіе говорили о томъ, что надо убить своихъ женъ прежде, чѣмъ итти на врага. Жена Милоша заставила поклясться своего стараго конюшаго Ститареца въ томъ, что онъ зарѣжетъ ее прежде, чѣмъ она попадетъ въ руки турокъ. И все-таки именно эта война отчаявшихся во всемъ людей имѣла успѣхъ. Начатая всюду въ одно и то же время, она захватила турокъ врасплохъ и разстроила сопротивленіе. Первая побѣда одержана была надъ спаги Палиша: въ первый разъ сербы взяли пушку. Впрочемъ, Милошъ проявлялъ столько человѣчности къ побѣжденнымъ, раненнымъ, мусульманскимъ женщинамъ, къ которымъ онъ относился, „какъ къ матерямъ и сестрамъ", что турки Пожароваца и Корловаца немедленно сдались, какъ только они узнали, что во главѣ осаждающихъ стоитъ Милошъ. Онъ разбилъ авангардъ боснійской арміи и захватилъ въ плѣнъ ея вождя Али, который подъ вліяніемъ хорошаго съ нимъ обращенія далъ ему слѣдующій совѣтъ: „Остерегайся вступать въ сношенія съ какимъ-либо королемъ... Лучше склонись и стань подъ покровительство султана, онъ сдѣлаетъ тебя своимъ визиремъ надъ этой страной". Двѣ турецкихъ арміи,—боснійская во главѣ съ Куршидомъ и албанская съ Марашли-Али, котораго прозвали „разставителемъ сѣтей",—вторглись въ Сербію. Но общее положеніе дѣлъ въ Европѣ было гораздо благопріятнѣе, чѣмъ во времена пораженія Кара-Георгія. На Вѣнскомъ конгрессѣ сербскимъ делегатамъ удалось заставить выслушать себя. Одинъ изъ русскихъ членовъ конгресса замѣтилъ турецкимъ: „Что это за войну ведете вы съ сербами? развѣ миръ не былъ подписанъ въ Бухарестѣ?" Порта поняла, что времена перемѣнились и что было бы вовсе неразумно доводить сербовъ до крайности. Оба турецкихъ генерала также понимали это. Они старались обогнать другъ друга, но не для того, чтобы разбить сербовъ, но чтобы присвоить себѣ честь заключенія мира и получить въ награду за этотъ бѣгъ бѣлградскій пашалыкъ. Куршиду удалось первому добиться свиданія съ Милошемъ при посредствѣ Али-аги. Милошъ объяснилъ поведеніе сербовъ жестокостями, совершонными Солиманомъ. Куршидъ предложилъ сербамъ свободу, но послѣ ихъ разоруженія. Это было прямо непріемлемо. Если Милошъ ушелъ съ этого свиданія цѣлымъ и невредимымъ, то онъ обязанъ былъ этимъ лояльности Али-аги; но его покровитель сказалъ ему: „Впредь никому не довѣряйся, даже мнѣ". Однако, Милошъ рискнулъ довѣриться другому пашѣ, „разставителю сѣтей". Марашли совсѣмъ не говорилъ о разоруженіи. Онъ сказалъ: „Носите оружіе; если можете, носите даже пушки за поясомъ". На этотъ разъ оказалось возможнымъ договориться. Верховная власть въ Сербіи дѣлится между пашой и *главнымъ княземъ*. Бѣлградъ и Крагуевацъ охраняются одновременно турецкой и сербской милиціей. Князья всюду получаютъ прежнюю свою власть за исключеніемъ крѣпостей и пограничныхъ городовъ. Сумма налоговъ опредѣляется пашой и князьями, распредѣляется скупщиной по деревнямъ, князьями — по семьямъ. Такъ установился извѣстный modus vivendi, утвержденный Портою и давшій Сербіи нѣсколько спокойныхъ лѣтъ. Въ общемъ для Сербіи, какъ и для всей Европы, надолго закончился періодъ большихъ войнъ.

III.—Румыны и греки.

Румынія: возстановленное турецкое господство (1792 — 1806). — По миру въ Яссахъ (1792 года) турки получили обратно Молдавію и Валахію, но области эти были совершенно разорены русскими

реквизиціями и опустошены чумой, возникшей отъ соприкосновенія съ турецкими войсками. Все опять пошло по-прежнему: господари смѣняли другъ друга на обоихъ румынскихъ престолахъ съ тѣмъ большей быстротой, что эти перемѣны были крайне выгодны для жадной Порты: за десять лѣтъ въ Валахіи перебывало шесть князей, въ Молдавіи—пять. Князья эти—все фанаріотскіе греки; безпрестанно повторяются все тѣ же фамиліи, все та же взаимная вражда; зачастую господари изъ драгоманскаго званія попадаютъ на престолъ, съ молдавскаго престола на престолъ валахскій, или попадаютъ на этотъ престолъ послѣ недавняго смѣщенія съ него. Внезапныя опалы, казни чередуются съ возвышеніями.

Корыстная эксплуатація страны господарями, простыми откупщиками Порты, сопровождалась другими бѣдствіями. Валахія, находившаяся по сосѣдству съ оттоманскими провинціями, особенно страдаетъ отъ господствующей въ ней анархіи. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Пасванъ-Оглу по очереди то самъ совершаетъ опустошительные набѣги въ эту страну, то вызываетъ не менѣе опустошительное вмѣшательство турецкихъ армій, назначенныхъ защищать ее. То цѣлые города, въ родѣ Тиргушила и Крайова, испепелялись Пасваномъ; то ужасная паника охватывала всѣхъ, и господари вмѣстѣ со знатью, солдатами и крестьянами при малѣйшемъ движеніи пасвановыхъ полчищъ бросались къ противоположной границѣ страны. Въ это именно время русскія области за Днѣстромъ пріобрѣли наиболѣе значительное количество румынскихъ эмигрантовъ.

Когда Франція заключила въ 1802 году мирный договоръ съ Портой, Россія потребовала компенсаціи; особый *хатти-шерифъ* предназначенъ былъ истолковать статьи мирныхъ трактатовъ при Кайнарджи (1774 года) и Аинъ-Али-Кавакѣ (1779 года), въ силу которыхъ Россія получила право заступничества по дѣламъ обоихъ княжествъ. *Хатти-шерифъ* 1802 года точнѣе опредѣлялъ эти статьи, устанавливая, что срокъ правленія господарей, до сихъ поръ зависѣвшій отъ усмотрѣнія турокъ, отнынѣ долженъ быть семилѣтнимъ; господари не могутъ быть смѣщены раньше срока, развѣ только въ случаѣ тяжкаго проступка, и притомъ не иначе, какъ съ согласія русскаго посла въ Турціи; сверхъ того, хатти-шерифъ 1802 года постановлялъ, что господарямъ разрѣшается принимать представленія русскихъ посланниковъ „какъ по части налоговъ, такъ и по части правъ страны“. Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы имѣемъ фактъ, важный для внутренней исторіи Румыніи: семилѣтній срокъ господарства, выгодный, какъ для князей, такъ и для подданныхъ; съ другой стороны,—фактъ, важный для исторіи отношеній Россіи къ Портѣ, именно почти открытый протекторатъ царя надъ обѣими румынскими областями. Константинъ Ипсиланти назначенъ былъ на семь лѣтъ господаремъ въ Валахіи, Александръ Морузи—въ Молдавіи; ихъ смѣщеніе по требованію Наполеона вызвало конфликтъ между Россіей и Портой [1]).

Русская оккупація (1806 — 1812); „похищеніе Бессарабіи“. — Этотъ конфликтъ привелъ къ занятію обѣихъ румынскихъ областей русскими войсками съ 1806 года. Эта оккупація была для княжествъ еще тяжелѣе предшествующихъ, ибо она продолжалась цѣлыхъ шесть лѣтъ. Русскіе поручили Ипсиланти организовать туземную армію, которая могла бы служить имъ въ помощь. Ипсиланти навербовалъ самыхъ отчаянныхъ бродягъ страны, которыхъ русскіе въ концѣ концовъ разогнали нагайками, выйдя изъ терпѣнія отъ ихъ безчинствъ. Румынскіе крестьяне снова обременены были реквизиціями, которыя уже къ 1809 году настолько ра-

---

[1]) См. выше, стр. 89—90.

зорили страну, что русская армія вскорѣ должна была добывать провіантъ изъ Одессы и русскихъ областей къ сѣверу отъ Днѣстра. Крестьяне стонали подъ тяжестью подводной повинности, потому что для нуждъ арміи постоянно требовалось 15—20 тысячъ телѣгъ, запряженныхъ парой воловъ. Тяжелѣе всѣхъ была повинность по сооруженію укрѣпленій. Крестьяне работали подъ ударами кнута, погибая тысячами. Французскій рапортъ 1812 года констатируетъ, что требованія русскихъ „довели до крайнихъ предѣловъ отчаяніе обывателей, которымъ въ ближайшую зиму грозилъ голодъ вслѣдствіе невозможности вспахать и засѣять землю". Князю Ипсиланти его освободители стали предъявлять такія требованія, что онъ въ концѣ концовъ убѣжалъ въ Россію. Бояре, которыхъ до этихъ поръ не задѣвала народная нужда, теперь также подверглись вымогательствамъ. И тѣмъ не менѣе *диванъ* Валахіи вынужденъ былъ при уходѣ русскихъ поднести Кутузову богатый подарокъ „въ знакъ благодарности".

Бухарестскій миръ освятилъ собою новое раздробленіе Румыніи. Къ „похищенію Буковины" австрійцами въ 1775 году теперь присоединилось „похищеніе Бессарабіи" русскими. Валахскіе бояре обратились къ Портѣ съ энергичнымъ протестомъ, который имѣлъ такъ же мало послѣдствій, какъ и протестъ 1775 года. Даже самъ народъ почувствовалъ это покушеніе на его національность. По разсказу одного румынскаго лѣтописца, Драгичи, „по мѣрѣ приближенія рокового дня выполненія договора... народъ, собираясь толпами, ходилъ взадъ и впередъ по берегамъ Прута и, какъ стадо, бродилъ по деревнямъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль всѣ прощались съ отцами, братьями и родственниками... вплоть до того момента, когда имъ предстояло разстаться, быть можетъ, навсегда". Прутъ, который отнынѣ раздѣлялъ собою румынскія области, сдѣлался „проклятой рѣкой".

Соціальное состояніе княжествъ.—Подъ властью господаря, неограниченнаго властителя въ теченіе своего кратковременнаго и ненадежнаго правленія, населеніе каждаго княжества дѣлилось на два класса: бояръ и крестьянъ (промышленные и торговые слои едва замѣтны были въ странѣ, почти цѣликомъ земледѣльческой). Бояре утратили всѣ доблести, которыми украшены были ихъ предки въ отдаленныя уже времена независимости. Непрерывно пополняемая греческими проходимцами, которыхъ приводили съ собой князья, эта аристократія едва сохранила свой національный характеръ. Почти всѣ ихъ жены были фанаріотскаго происхожденія. Толстыя и разжирѣвшія, какъ турчанки, онѣ проводили дни на своихъ диванахъ, одѣтыя въ газъ, обвѣсивъ шею и руки ожерельями изъ жемчуга и цехиновъ, покрывъ лицо бѣлилами. Немудрено, что ихъ дѣти были греки съ турецкими замашками. Бояре не иначе, какъ на колѣняхъ, обращались къ князю, который въ свою очередь самъ падалъ ницъ передъ всякимъ пашой; полученіе отъ него побоевъ нисколько не унижало ихъ. Бауэръ говоритъ, что они „подличали и пресмыкались передъ высшими, зато невыносимо важничали передъ низшими; за деньги они готовы были совершить какія угодно низости". Въ концѣ концовъ они раздѣлились на три класса, изъ которыхъ первый старался лишь унижать второй, а второй—третій. Существуетъ масса анекдотовъ о подлости этой знати.

Подъ этой знатью, которая осыпала свои костюмы золотомъ и драгоцѣнными камнями, и подъ высшимъ духовенствомъ греческаго происхожденія стоналъ крестьянскій народъ, который грабили во всю мочь турки и русскіе, господарь и бояре. Никогда крестьянинъ не могъ знать, сколько ему приходится платить, ибо въ любой моментъ по требованію Порты на него налагались новыя повинности, которыя подлежали уплатѣ въ убійственно корот-

кій срокъ, и притомъ „выколачивались“: отца семейства подвѣшивали за ноги въ печь, выкуривали его оттуда, какъ лисицу, мучили у него на глазахъ жену и дѣтей. Разъ, когда бухарестскій народъ принесъ убитыхъ во дворецъ, князь Константинъ Ханжерли въ отвѣтъ на жалобы замѣтилъ: „Они бы заплатили, ихъ бы и не стали убивать“.

Французская культура; заря румынской культуры. — При фанаріотскихъ князьяхъ Румынія все еще находится въ періодѣ греческой культуры, которую эти князья принесли съ собой. Вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ греческаго происхожденія, имѣются и книги, только греческія, церковныя. Если случайно приходится писать по-румынски, то пишутъ не латинскими буквами, а славянскими, что́ придаетъ языку потомковъ Траяна характеръ какого-то варварскаго нарѣчія. И все-таки Румынія при всей своей отдаленности отъ Запада не могла избѣжать всеобщаго въ то время господства французской культуры. Съ XVIII в. главные драгоманы Порты начинаютъ прибѣгать въ своей перепискѣ къ французскому языку, а сдѣлавшись румынскими князьями, они вводятъ его при своемъ дворѣ. У нихъ появляются секретари-французы. При дворѣ Александра Ипсиланти французскіе эмигранты, самозванный графъ Гаспаръ де Бельваль и самозванный маркизъ де Бопоръ де Сентъ-Олеръ—завѣдуютъ иностранными дѣлами въ духѣ, враждебномъ Наполеону. Другіе эмигранты устраиваются учителями французскаго языка въ Яссахъ и Бухарестѣ. Въ Бухарестѣ особенно выдаются въ этомъ отношеніи Лорансонъ, Рекордонъ, Кольсонъ, Мондовилль, которые оставили любопытные мемуары о Румыніи. Боярыни почти всѣ начинаютъ говорить по-французски и увлекаются французскими романами. Въ Бухарестѣ появляются французскіе журналы, въ родѣ органа французскихъ эмигрантовъ *Лондонскаго Курьера* (*Courrier de Londres*).

Одновременно съ этимъ стремится занять подобающее мѣсто и національный языкъ, который находился въ загонѣ у чужеродной аристократіи, считавшей его за мужицкое нарѣчіе. Школы съ преподаваніемъ румынскаго языка становятся въ княжествахъ достаточно многочисленными. Однако, та революція, которая открыла самимъ румынамъ благородство ихъ языка, началась не въ придунайской Румыніи, а въ трансильванской, въ *Ардеалѣ*. Тамъ уже съ начала XVIII вѣка нѣсколько высшихъ духовныхъ лицъ сдѣлали попытку замѣнить славянскія богослужебныя книги румынскими. Таковъ былъ, напр., трансильванскій архіепископъ Иннокентій Мику или Микуль, который посылалъ молодыхъ румынъ въ Римъ, „гдѣ могилы предковъ говорятъ еще о храбрости и добродѣтели“. Его племянникъ, Самуилъ Мику, учившійся въ Римѣ, написалъ на румынскомъ языкѣ и латинскими буквами *Исторію ардеальскихъ румынъ* и *Исторію румынъ Валахіи и Молдавіи*, изданную въ Будѣ въ 1806 году. Георгій Шинкай слѣдовалъ тому же пріему, стремясь избавить національный языкъ отъ славянскихъ буквъ подобно тому, какъ очищаютъ прекрасную римскую медаль отъ вѣковой ржавчины. Въ 1808 году онъ издалъ первыя главы румынской исторіи отъ дакійскихъ временъ до 1739 года (цѣликомъ эта работа появилась лишь въ 1843 и 1853 годахъ). Венгерскія власти пріостановили изданіе, находя „произведеніе достойнымъ сожженія, а автора достойнымъ висѣлицы“. Наконецъ, Петръ Маіоръ настаивалъ на римскомъ прошломъ и доказывалъ латинское происхожденіе своего народа. Впослѣдствіи эта троица румынскихъ патріотовъ „загорной“ Румыніи — Мику, Шинкай, Петръ Маіоръ—нашла себѣ въ придунайскихъ княжествахъ родственную троицу патріотовъ: Георгія Лазаря, Геліада Радулеску и Георгія Асаки. Въ 1813 году послѣдній открылъ румынскую школу въ

Яссахъ. Благодаря этимъ учителямъ народа и совершилось румынское возрожденіе.

Греки; соціальное положеніе въ концѣ XVIII вѣка.—Безчинства албанскихъ шаекъ при подавленіи греческаго возстанія 1770 года вызвали опустѣніе Мореи и собственной Эллады. Послѣдующее поколѣніе еще видѣло сожженныя деревни и груды бѣлѣющихъ костей. Національная жизнь укрылась на Іонійскіе острова, находившіеся въ то время подъ покровительствомъ Венеціи, и на нѣкоторые острова Архипелага. Если Греція снова заселилась, то это произошло главнымъ образомъ благодаря албанскимъ переселенцамъ, такъ какъ изъ горной Албаніи мало-по-малу стали выходить мусульманскія шайки, подавлявшія всякое стремленіе грековъ къ свободѣ, и колонисты-христіане, которые, при своей большой готовности превратиться въ эллиновъ и забыть свое горное нарѣчіе для эллинскаго языка, заполнили собой пробѣлы, сдѣланные въ исконномъ населеніи турецкой саблей. Въ остальномъ продолжала дѣйствовать прежняя организація: въ городахъ часть жителей называлась турками, потому ли, что это были потомки азіатскихъ завоевателей, или потому, что это были греки, обратившіеся къ исламу; но тѣ и другіе говорили только по-гречески; въ деревняхъ были помѣщики—*спаги*, тоже двойного происхожденія. Рядомъ съ этими „турками" и чиновниками Порты стояли городскія и сельскія общины, управляемыя *демогеронтами* и *приматами*. Духовенство дѣлилось на сельскихъ священниковъ, которые вели такую же жалкую жизнь, какъ ихъ паства, и были такъ же невѣжественны, какъ она, и на монаховъ, укрывшихся въ укрѣпленныхъ монастыряхъ, иногда въ монастыряхъ, высѣченныхъ въ скалѣ прямо надъ пропастью; всѣ они находились подъ охраной султанскихъ фирмановъ и всѣ въ моменты нужды служили надежнымъ убѣжищемъ для жителей равнины.

Арматолы, клефты, пираты.— Наконецъ, въ утесистыхъ областяхъ, — каковы Олимпъ, гора Аграфа, горы Акрокераунскія, Маина,—греческія общины, обладавшія военными привилегіями, организованныя въ милиціи *арматоловъ*, снабженныя фирманами, относились безъ всякаго уваженія къ сборщикамъ податей или солдатамъ султана. Назначеніе арматоловъ состояло въ подавленіи безчинствъ клефтовъ (воровъ или разбойниковъ); но какъ отличить начальника арматоловъ отъ начальника клефтовъ? Оба эти вида военныхъ шаекъ являлись какъ бы школой воинственной гордости греческой расы. Народныя пѣсни, снисходительныя къ ихъ разбойничьимъ подвигамъ, одинаково воспѣвали подвиги тѣхъ и другихъ. Современный греческій историкъ, Трикуписъ, хорошо показалъ симпатію къ этимъ „горнымъ властителямъ" со стороны тѣхъ, кого они обирали.

Пираты — это морскіе клефты. Прикрываясь съ 1770 года русскимъ флагомъ, недавно появившимся на берегахъ Эллады вмѣстѣ съ братьями Орловыми, они продолжали морскую войну, которая считалась оконченной въ 1792 г. послѣ Ясскаго мира. Они забирали безразлично, какъ христіанскія, такъ и мусульманскія суда. Самымъ знаменитымъ былъ Ламбросъ Кацантонисъ, состоявшій когда-то на службѣ у Екатерины II. Онъ сдѣлалъ своей главной квартирой Порто-Кваліо въ Маинѣ, защитивъ это мѣсто поставленными на горахъ баттареями. Въ маѣ 1792 года онъ осмѣлился даже броситься близъ Навпліи на два французскихъ судна и поджегъ ихъ. Французское посольство при Портѣ немедленно потребовало примѣрнаго наказанія, и французская эскадра, плававшая въ Архипелагѣ, соединилась съ турецкимъ флотомъ подъ командой капитана-паши.

Одиннадцать кораблей Ламброса стояли на якорѣ въ Порто-Кваліо, когда онъ атакованъ былъ турецкимъ флотомъ при содѣйствіи французскаго фрегата *Модестъ;* береговыя баттареи приведены были къ молчанію, суда разстрѣляны, захвачены и торжественно уведены въ Константинополь.

Хозяйственные успѣхи Греціи.—Арматолы, клефты, пираты продолжали въ концѣ XVIII вѣка героическую и варварскую жизнь, которую вели когда-то герои Гомера и этолійцы Ѳукидида. Что касается хозяйственнаго и умственнаго возрожденія Греціи, то оно подготовлялось болѣе культурными греками Константинополя, Іонійскихъ острововъ, островковъ Идры, Специи, Псары; они вытѣсняли французскихъ купцовъ въ восточной торговлѣ, обогащаясь этимъ и пріобрѣтая культурность, черпая отсюда матеріальные рессурсы, которые со временемъ будутъ необходимы для войны за независимость. Это возрожденіе подготовлялось также богатыми греческими колоніями Одессы, Анконы, Ливорно, Марселя, даже Парижа, Москвы и Петербурга, которыя горячо преданы были національному дѣлу, всюду вербовали ему сторонниковъ, создавали среди иностранцевъ особый типъ *филэллина* (друга эллиновъ). Отъ этихъ промышленныхъ и просвѣщенныхъ грековъ, пропитанныхъ западными идеями, пожалуй черезчуръ снисходительныхъ къ порокамъ своихъ соотечественниковъ, оставшихся варварами, исходило то движеніе, которое способствовало увеличенію греческихъ школъ даже въ странахъ, гдѣ греческая народность съ трудомъ оспаривала почву у другихъ народностей, и путемъ возрожденія умственнаго обезпечило возрожденіе политическое.

Французы на Іонійскихъ островахъ. — Корреспонденція Стамати, грека, жившаго въ Парижѣ и состоявшаго агентомъ Директоріи, свидѣтельствуетъ о той симпатіи, съ какой относились въ то время греки къ французской революціи. Ихъ нисколько не поражали эксцессы революціи, такъ какъ они пріучены были турками и албанцами къ еще сильнѣйшимъ эксцессамъ; они усваивали себѣ только принципы свободы, провозглашенные революціей; они воодушевлялись ея побѣдами, ибо отъ потрясенія Европы ждали независимости для Эллады. Такъ какъ они все еще не могли забыть „бѣгства русскихъ“ въ 1770 году и тѣхъ несчастій, которыя возникли отсюда для ихъ страны, то они вначалѣ цѣликомъ стояли на сторонѣ Франціи. Но вотъ послѣдняя по Кампо-Формійскому договору утвердилась на Іонійскихъ островахъ [1]).

Проповѣди Димо и Николы Стефанополи, двухъ корсиканцевъ маинотскаго происхожденія, изъ которыхъ одинъ отправленъ былъ въ Маину Директоріей, а другой Бонапартомъ, обращенія послѣдняго къ „храброму маинотскому народу“, къ этимъ „достойнымъ потомкамъ Спарты“, не остались безъ отклика. Такъ какъ въ прежнія времена переселенія изъ Мореи въ Корсику и обратно были очень

[1]) 26 мая 1797 года Бонапартъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ давалъ отчетъ Директоріи о занятіи Корфу: „Громадная толпа стояла на берегу, встрѣчая наши войска криками радости и восторга, которые воодушевляютъ народы, вернувшіе себѣ свободу. Во главѣ этой толпы былъ *папа*, или верховный глава мѣстной церкви, человѣкъ образованный и преклонныхъ уже лѣтъ. Онъ приблизился къ генералу Джентили и сказалъ ему: „Французы, вы найдете на этомъ островѣ народъ, невѣжественный въ наукахъ и искусствахъ, которыми славятся другіе народы, но не презирайте его; научитесь уважать его, читая вотъ эту книгу“. Генералъ съ любопытствомъ развернулъ книгу, предложенную ему папой, и не мало удивился, увидѣвъ, что это была Одиссея Гомера. Острова Занте, Кефалонія, св. Мавры стремятся къ тому же, выражаютъ то же пожеланіе, тѣ же чувства къ свободѣ. Дерево свободы есть во всѣхъ деревняхъ. Во всѣхъ общинахъ есть самоуправленіе, и народы эти надѣются, что при поддержкѣ великой націи они снова вернутъ себѣ науки, искусства и торговлю, которыя они утратили при тираніи олигарховъ“.

обычны, то греки весьма склонны были видѣть въ Бонапартѣ соотечественника, итальянское имя котораго *Buonaparte* соотвѣтствовало греческому *Kallimeri.* Маинскій бекъ Колокотронисъ привѣтствовалъ въ немъ „бога войны". Онъ организовалъ свиданія между обоими французскими эмиссарами и делегатами Мореи, материковой Греціи, Крита, Албаніи. Стамати также отправленъ былъ Директоріей изъ Парижа для устройства въ Анконѣ бюро возстанія. Другой грекъ, Кодрикасъ, драгоманъ турецкаго посла въ Парижѣ, повидимому способствовалъ тому, что его шефъ и Порта ничего не знали о приготовленіяхъ къ Египетской экспедиціи. Масса грековъ приняла въ ней участіе подъ французскими знаменами. Сохранилась ихъ военная пѣснь, сочиненная въ Парижѣ ученымъ грекомъ Кораемъ: „Эллины соединились съ защитниками своей свободы, съ неустрашимыми французами... Оба народа слились въ одинъ... Это галло-греческая нація". Когда Іонійскіе острова, отдѣленные отъ Франціи въ 1799 году, снова попали къ ней на время съ 1807 по 1813 годъ, Наполеонъ сталъ прививать здѣсь воинскій духъ. Онъ набиралъ здѣсь *іонійскихъ конныхъ охотниковъ, семиостровной* батальонъ и т. д.

Предтеча независимости: Ригасъ.—Одинъ ѳессаліецъ, Ригасъ изъ Велестино, возымѣлъ намѣреніе объединить всѣхъ грековъ въ гетерію, или товарищество, для ниспроверженія турецкаго господства. Много священниковъ, богатыхъ купцовъ, смѣлыхъ военачальниковъ вошло въ составъ этой ассоціаціи. Ригасъ видѣлся въ Вѣнѣ съ Бернадоттомъ, посломъ республики, который обѣщалъ свою поддержку (1797). Въ это именно время Ригасъ сочинилъ свою пѣснь *паликаровъ* и свою греческую *Марсельезу*, которой суждено было тридцать лѣтъ спустя воодушевлять грековъ къ борьбѣ:

Δεῦτε παῖδες τῶν Ἑλλήνων
Идемте, дѣти эллиновъ!

Эти воинственныя пѣсни вмѣстѣ съ призывомъ къ возстанію онъ отпечаталъ у одного греческаго типографщика въ Вѣнѣ, у Евстратія Ардженти, поставивъ въ заголовкѣ французскій девизъ: *Свобода, Равенство, Братство.* За нимъ уже очень близко слѣдила австрійская полиція, такъ какъ Австрія въ то время враждебно относилась ко всякому освободительному движенію во владѣніяхъ султана, а французскія симпатіи Ригаса и его сношенія съ французами дѣлали его еще болѣе подозрительнымъ. Весной 1798 года ѳессалійскій патріотъ отправился въ Тріестъ, чтобы слѣдить поближе за событіями. Онъ послалъ туда впередъ двѣнадцать ящиковъ со своими сочиненіями, затѣмъ пачку писемъ къ Бонапарту. Объ этой посылкѣ донесено было полиціи. Ригасъ прибылъ въ городъ, ведя себя крайне неблагоразумно: онъ выдавалъ себя за греческаго генерала, носилъ національный костюмъ съ античной каской на головѣ. Въ слѣдующую же ночь онъ былъ арестованъ съ семью другими гетеристами. Въ тюрьмѣ онъ сдѣлалъ неудачную попытку къ самоубійству. Восьмеро гетеристовъ привезены были обратно въ Вѣну, подвергнуты допросу и выданы бѣлградскому пашѣ, который и велѣлъ потопить ихъ въ Дунаѣ. Когда очередь дошла до Ригаса, онъ сталъ отбиваться, разорвалъ оковы, ударомъ кулака повалилъ на землю одного изъ своихъ стражниковъ. Паша приказалъ разстрѣлять его. Послѣднія слова патріота были: „Такъ погибаютъ паликары, но я посѣялъ достаточно, придетъ для моего народа часъ жатвы". Несчастіе Ригаса было въ томъ, что онъ хотѣлъ дѣйствовать раньше времени; но его примѣръ, его писанія и особенно его воинственныя пѣсни не пропали даромъ.

Али-паша янинскій: албанцы и греки.—Къ этому времени непрерывно росло могущество янинскаго паши Али изъ Тебелена. Потомокъ настоящей турецкой семьи, происходившей изъ Малой Азіи,

онъ родился около 1741 года въ Тебеленѣ (на Воюссѣ), который отданъ былъ султаномъ на ленномъ правѣ его предкамъ. Его дѣдъ Мухтаръ убитъ былъ при осадѣ Корфу (въ 1716 году). Его отецъ, Вели, сдѣланъ былъ дельвинскимъ пашой, но потомъ лишенъ былъ этого достоинства. Онъ умеръ съ горя, оставивъ вдову Хамко, сына Али и дочь Хайницу. Чтобы существовать, Али долженъ былъ вести жизнь, полную приключеній, таская за собой мать и сестру. Послѣ одной битвы съ бератскимъ пашой онъ брошенъ былъ своей шайкой и лишился своего достоянія. Хормовскіе и гардикскіе обыватели захватили въ плѣнъ его мать и сестру, которыя подвергались величайшимъ оскорбленіямъ до тѣхъ поръ, пока имъ удалось выкупиться или убѣжать.

Послѣ ряда бѣдственныхъ лѣтъ Али нашелъ возможность захватить нечаяннымъ нападеніемъ свой ленъ, Тебеленъ, перерѣзавъ при этомъ своихъ враговъ. Онъ поступилъ на службу къ дельвинскому пашѣ Селиму-Кокѣ, заслужилъ его довѣріе, а потомъ добился отъ дивана приказанія убить его. Отличившись въ войнѣ съ австрійцами, онъ получилъ трикальскій пашалыкъ (около 1788 года) и званіе инспектора дорогъ Румеліи. Но онъ особенно добивался янинскаго пашалыка въ самомъ сердцѣ Албаніи, своей родины. Въ городѣ шла партійная борьба: Али-паша сумѣлъ привлечь на свою сторону мирныхъ жителей и въ октябрѣ 1788 года занялъ городъ и цитадель. Онъ очень ловко успокоилъ диванъ, который формально запретилъ ему это предпріятіе, и заставилъ Порту признать совершившійся фактъ. Подобными же средствами онъ захватилъ артскій пашалыкъ и подчинилъ себѣ Акарнанію. Мѣстечко Хормово попало въ его руки; вспомнивъ когда-то нанесенную ему жестокую обиду, онъ вырѣзалъ тамъ всѣхъ, кто не успѣлъ бѣжать, и живьемъ зажарилъ одного изъ совершившихъ насиліе надъ его матерью. (Позднѣе онъ обнаружилъ ту же мстительную жестокость въ Гардикахъ, гдѣ послѣ рѣзни на улицахъ онъ хладнокровно велѣлъ убить 800 плѣнниковъ.) Теперь онъ домогался бератскаго пашалыка, но всѣ его усилія разбивались о сопротивленіе паши Ибрагима. Послѣдняго поддерживалъ маленькій воинственный народецъ суліотовъ албанскаго племени и православнаго исповѣданія. Они жили въ странѣ скалъ, ущелій и пропастей надъ быстро несущимся Ахеронтомъ. Въ 1790 году они отправили въ Петербургъ посольство ходатайствовать у Екатерины II о покровительствѣ и просить у нея „пороха". Она представила депутатовъ великому князю Константину, котораго они привѣтствовали, какъ „короля эллиновъ". Али воспользовался этой попыткой суліотовъ, донесъ на нихъ Портѣ и получилъ фирманъ, возлагавшій на него порученіе наказать ихъ. 1-го іюля 1792 года онъ отправился въ походъ съ 10.000 человѣкъ, но онъ такъ плохо принялся за дѣло, что суліоты, насчитывавшіе не болѣе 2.500 воиновъ, но зато все отличныхъ стрѣлковъ, уничтожили его армію ружейнымъ огнемъ и частью потопили въ Ахеронтѣ (іюль 1792 года).

Потомъ появились французы, ставшіе обладателями венеціанскихъ крѣпостей Далмаціи и Албаніи. Бонапартъ дѣлалъ попытки привлечь на свою сторону Али. Генералъ Джентили направилъ къ нему своего адъютанта Розу, которому паша устроилъ великолѣпный пріемъ; онъ помѣстилъ его въ своемъ дворцѣ, отдалъ за него замужъ одну изъ самыхъ красивыхъ обитательницъ горъ, демонстративно носилъ трехцвѣтную кокарду и проявлялъ сочувствіе къ „Правамъ человѣка".

Бонапартъ послалъ ему съ Мальты одного изъ своихъ офицеровъ, Лавалетта, съ письмомъ отъ 17 іюня 1798 года, въ которомъ называлъ пашу „весьма

уважаемымъ другомъ" и прославлялъ за его привязанность къ Французской республикѣ. Али обѣщалъ свой нейтралитетъ. Вдругъ онъ приказалъ запереть Розу въ тюрьму и попробовалъ пыткой вынудить у него свѣдѣнія о французскихъ силахъ. Затѣмъ въ октябрѣ 1798 года онъ пошелъ на Превезу, защищаемую 300 французовъ, заставилъ ихъ сдаться и перебилъ жителей. Послѣ этого онъ занялъ Каменицу и Бутринто; но англичане и русскіе, какъ раньше французы, помѣшали ему стать твердой ногой на Іонійскихъ островахъ и аттаковать Паргу.

Въ слѣдующемъ году онъ возобновилъ войну противъ суліотовъ и, притворно проявляя самое пламенное мусульманское усердіе противъ христіанъ, заставилъ сосѣднихъ бековъ и даже пашей, въ родѣ дельвинскаго Мустафы и бератскаго Ибрагима, явиться къ нему со своими контингентами (іюнь 1800 года). На этотъ разъ онъ не рискнулъ форсировать ущелья; онъ удовольствовался тѣсной блокадой суліотовъ въ ихъ скалахъ, стараясь взять ихъ изморомъ, отрѣзать имъ доступъ къ родникамъ. Суліоты, отправивъ часть женщинъ и дѣтей въ Паргу и на Іонійскіе острова, поддержаны были храбрымъ Фотосомъ Тсавелласомъ и увѣщаніями монаха Самуила и сопротивлялись до декабря 1803 года. Тогда только они капитулировали обязавшись покинуть свою родную страну, но съ правомъ уйти, куда угодно. Они ушли тремя отрядами, направляясь на Паргу, Цалонго и Реніассу. Въ этотъ моментъ монахъ Самуилъ, который заперся въ небольшомъ укрѣпленіи, взорвалъ себя тамъ вмѣстѣ съ нападавшими на него турками. Али объявилъ условія сдачи нарушенными и пустилъ своихъ солдатъ въ погоню за эмигрантами. Только тѣ, которые пошли по дорогѣ на Паргу, избавились отъ уничтоженія. Остальные были захвачены врасплохъ и перебиты. Ихъ жены побросались съ дѣтьми въ пропасть.

Теперь паша направилъ свои побѣдоносныя войска противъ *кирджали* и клефтовъ. Съ 10.000 албанцевъ разбилъ онъ первыхъ и проникъ до воротъ Филиппополя. Послѣ этого онъ принялся окружать клефтовъ. Лѣтомъ 1805 года они держали въ Карпенизи что-то въ родѣ военнаго совѣта, на которомъ обсуждался планъ всеобщаго возстанія Греціи. Въ теченіе зимы одинъ изъ нихъ, Никоцарасъ, съ отрядомъ отборныхъ воиновъ задумалъ смѣлый проектъ пойти на помощь Кара-Георгію. Онъ проникъ до Стримона, но тутъ его отрядъ былъ уничтоженъ. Осенью 1806 года Али чуть было не захватилъ островъ св. Мавры, но былъ отбитъ гражданами, которыхъ поддержали клефты съ материка и пиратъ Ламбросъ Кацантонисъ. Когда вслѣдствіе Тильзитскаго мира положеніе Порты сдѣлалось опаснымъ, Али, забывая свое прежнее пренебреженіе къ Бонапарту, сдѣлалъ попытку войти въ соглашеніе съ Наполеономъ, предлагая подчиниться его протекторату при условіи, что онъ, Али, признанъ будетъ наслѣдственнымъ государемъ Іонійскихъ острововъ. Когда императоръ велѣлъ отвѣтить ему, что не желаетъ больше слышать про него, Али горько жаловался французскому консулу Пуквиллю, прибавляя: „Если Бонапартъ гонитъ меня въ дверь, я войду въ окно. Я хочу умереть его слугой".

Нѣсколько времени спустя онъ уничтожилъ отрядъ ѳессалійца Евѳимія Блахаваса, который съ вершины Олимпа призывалъ къ оружію всѣхъ эллиновъ, поддерживалъ сношенія съ сѣверными греками вплоть до константинопольскихъ.

Ведя борьбу съ врагами Порты, Али не забывалъ и своихъ. Одинъ изъ помощниковъ Али, Омеръ Вріонисъ, осаждалъ въ Бератѣ пашу Ибрагима и, пугая его употребленіемъ конгревскихъ ракетъ, которыми снабдили его англичане, принудилъ его сдаться въ плѣнъ. Али обобралъ дельвинскаго пашу Мустафу. Затѣмъ онъ взялъ

Аргиро-Кастро и Гордики, бывшіе чѣмъ-то въ родѣ свободныхъ городовъ. Вся Албанія была въ его рукахъ. Онъ былъ истиннымъ властителемъ горъ. Онъ готовъ былъ играть великую роль, которую случай предоставилъ ему въ послѣдующій періодъ. Онъ объединилъ въ одно національное цѣлое племена скипетаровъ, до тѣхъ поръ ожесточенно враждовавшія между собой. Онъ мечталъ свергнуть султана и замѣнить выродившуюся расу османлисовъ новою и побѣдоносною расою. Это—то же самое, о чемъ про себя мечтали славяне Пасванъ-Оглу и Джеззаръ, позднѣе другой албанецъ Мехметъ-Али египетскій. Али янинскій, совершенный албанецъ по воспитанію, едва знавшій по-турецки, свободный отъ всякаго религіознаго фанатизма, казался албанцамъ чѣмъ-то въ родѣ мусульманскаго Скандеръ-Бека. Въ грекахъ онъ вызывалъ воспоминаніе объ одномъ древнемъ албанцѣ, Пиррѣ. Хотя онъ часто обагрялъ свои руки кровью своихъ сосѣдей-грековъ, однако, уже однимъ внесеніемъ разстройства въ сосѣднія турецкія области и колебаніемъ авторитета Порты онъ дѣлалъ возможнымъ успѣхъ общаго возстанія эллиновъ. Имя этого кровожаднаго врага грековъ тѣсно связано съ исторіей будущей греческой революціи.

Глава VII.

Скандинавскія государства.

(1789—1815).

I.—Швеція.

Періодъ исторіи Швеціи, обнимающій время съ 1789 по 1815 годъ, имѣетъ огромное значеніе. Масса событій совершится за эти двадцать шесть лѣтъ и во многомъ измѣнится положеніе вещей. Предпринятыя войны вначалѣ будутъ несчастливы для Швеціи, и все-таки она опять найдетъ долю былого своего величія подъ управленіемъ значительнаго человѣка, Бернадотта, который сумѣлъ дать усыновившей его странѣ возможность извлечь пользу изъ того потрясенія, въ которомъ находилась Европа къ концу наполеоновской эпопеи. Въ результатѣ этихъ войнъ карта Европы подверглась перекройкѣ: Швеція утратила Финляндію и пріобрѣла Норвегію. Эти же войны отозвались на внутренней политикѣ страны и вызвали революцію (въ 1809 году). Періодъ, которымъ намъ здѣсь предстоитъ заняться, открывается другимъ внутреннимъ кризисомъ, но послѣдній не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ дѣламъ остальной Европы, и въ особенности къ революціонному движенію, которое начинало обрисовываться во Франціи: государственный переворотъ 1789 года является лишь послѣдствіемъ предшествовавшихъ событій и логическимъ продолженіемъ царствованія Густава III.

Царствованіе Густава III со времени переворота 1789 года.—Послѣ аньялскихъ заговоровъ, послѣ своего путешествія въ Далекарлію и успѣха въ Гетеборгѣ Густавъ III рѣшилъ окончательно сломить дворянство, закончивъ дѣло 1772 года, и созвалъ въ концѣ 1788 года сеймъ, собравшійся въ Стокгольмѣ 26 февраля 1789 года.

Предстояло обсудить двоякіе вопросы: вопросы финансовые и вопросы политическіе и конституціонные. Первые не вызвали значительныхъ затрудненій: какъ посредственный администраторъ, король, чтобы справиться съ расходами, вызванными войною противъ Россіи, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ средствамъ, которыя сдѣлали опаснымъ и безъ того непрочное положеніе шведскихъ финансовъ. Дефицитъ былъ очевиденъ; пришлось признать его и заняться возможно скорымъ его устраненіемъ.

Разрѣшеніе конституціонныхъ вопросовъ представляло гораздо бóльшія затрудненія. Съ первыхъ же засѣданій сейма въ средѣ дворянства обнаружилась ненависть къ королю. Когда Густавъ III началъ съ просьбы о назначеніи тайной

комиссіи, съ которой онъ могъ бы обсуждать военныя дѣла, собраніе дворянства, очень бурное, выразило стремленіе снабдить своихъ комиссаровъ точными инструкціями и дошло даже до оскорбленія сеймоваго маршала, который въ силу своего званія по закону являлся предсѣдателемъ дворянскаго собранія. Взбѣшенный король собралъ всѣ четыре сословія и потребовалъ отъ дворянъ, чтобы они извинились передъ маршаломъ; когда они отказались и выразили протестъ, король прогналъ ихъ долой съ своихъ глазъ. Послѣ этого онъ обратился съ первоначальнымъ своимъ предложеніемъ къ тремъ непривилегированнымъ сословіямъ и добился отъ нихъ назначенія тайной комиссіи, обѣщавъ даровать имъ привилегіи; дѣйствительно, онъ предложилъ на разсмотрѣніе комиссіи проектъ акта, который названъ былъ *актомъ единенія и безопасности*.

Надо было заставить принять этотъ актъ на сеймѣ. Увѣренный въ согласіи трехъ непривилегированныхъ сословій, король не остановился передъ государственнымъ переворотомъ, передъ насиліемъ надъ дворянствомъ. Прежде всего онъ велѣлъ схватить главныхъ вожаковъ аристократіи, затѣмъ созвалъ полное собраніе и представилъ на его одобреніе актъ единенія и безопасности; большинство непривилегированныхъ подало голосъ за, дворянство рѣшительно высказалось противъ, потребовало предварительнаго обсужденія этого акта и осталось при своемъ мнѣніи, которое, однако, не было принято во вниманіе. Три непривилегированныхъ сословія и сеймовый маршалъ подписали актъ, и онъ признанъ былъ принятымъ.

Въ актѣ единенія и безопасности приходится считаться съ двойнымъ рядомъ постановленій. Прежде всего, во исполненіе обѣщаній короля, непривилегированныя сословія получили извѣстныя привилегіи или изъятія по части налоговъ и пріобрѣли право занимать нѣкоторыя опредѣленныя высшія должности, до тѣхъ поръ предназначавшіяся исключительно для дворянства.

Въ обмѣнъ на эти преимущества король силился вернуть королевской власти возможно большее количество прерогативъ, дополняя такимъ образомъ дѣло 1772 года. Прежде всего ограничены были права сейма: такъ, король могъ объявлять войну помимо него; далѣе, король оставлялъ за собою право иниціативы на сеймѣ, который, однако, сохранялъ верховенство въ области законодательной. Актъ единенія и безопасности въ сущности знаменуетъ собой также и конецъ сената: дѣйствительно, король могъ по своему усмотрѣнію опредѣлять число сенаторовъ; онъ не назначилъ ни одного.

Установленный такимъ путемъ порядокъ, безъ сомнѣнія, не былъ абсолютизмомъ: въ теоріи власть короля все еще очень ограничена, именно полномочіями сейма. Но въ дѣйствительности настроеніе умовъ было таково, что теорія ничего не значила, и Густавъ III въ 1789 году былъ почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ находились въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка его предшественники Карлъ XI и особенно Карлъ XII; на практикѣ королевская власть становилась въ полномъ смыслѣ слова всемогущей.

Государственный переворотъ 1789 года въ извѣстной степени аналогиченъ съ переворотами 1680 и 1772 года; однако, онъ во многомъ и отличенъ отъ нихъ. И прежде всего онъ сопровождался гораздо большими насиліями, чѣмъ предшествующіе перевороты, происшедшіе почти въ законной формѣ. Кромѣ того, тутъ не приходится говорить о замѣнѣ предшествующаго, признаннаго дурнымъ режима новымъ и всѣми желаннымъ режимомъ: новый не соотвѣтствовалъ реальнымъ нуждамъ страны, онъ являлся скорѣе простымъ слѣдствіемъ личной политики короля. Вотъ почему результаты этого акта

были пагубны прежде всего для самого короля, а затѣмъ и для Швеціи.

Убійство Густава III; регентство. — Въ іюлѣ 1789 года вспыхнула французская революція. Принимая во вниманіе отношенія Густава III къ Людовику XVI и къ Маріи-Антуанеттѣ, а также его абсолютистическія идеи, легко понять, что онъ долженъ былъ обнаруживать мало симпатіи къ революціонному движенію. Поэтому онъ быстро вступилъ въ переговоры съ Россіей, подписалъ Верельскій миръ и готовился проявить иниціативу вмѣшательства во французскія дѣла. Съ такимъ намѣреніемъ онъ совершилъ даже поѣздку въ Ахенъ, чтобы войти въ соглашеніе съ вождями эмиграціи. Въ это время дворянская оппозиція, приведенная въ отчаяніе событіями 1789 года, перешла въ настоящую ненависть, и нѣсколько человѣкъ дворянъ рѣшили избавиться отъ короля: составленъ былъ заговоръ, и въ ночь съ 15 на 16 марта 1792 года во время бала Густавъ III былъ смертельно раненъ выстрѣломъ изъ пистолета; убійцей оказался Анкарстрёмъ, отставной гвардейскій капитанъ. Король прожилъ до 29 марта.

Густавъ III оставилъ сына, который вступилъ на престолъ подъ именемъ Густава IV Адольфа; но молодой король — ему было четырнадцать лѣтъ—былъ несовершеннолѣтенъ. Значитъ, нужно было регентство: согласно съ волею умиравшаго отца, регентство поручено было его дядѣ, герцогу сюдерманскому, человѣку испытанной храбрости, но лишенному ума и энергіи. Первымъ актомъ регента явилось распоряженіе о судѣ надъ убійцами его брата. Преслѣдованія вначалѣ были очень строги и привели къ большому количеству арестовъ. Но эта строгость мало-по-малу смягчилась, и большинство захваченныхъ было отпущено. Только Анкарстрёмъ и нѣкоторые изъ наиболѣе замѣшанныхъ въ дѣло заговорщиковъ предстали передъ судомъ. Убійца приговоренъ былъ къ смерти и казненъ; остальные подверглись лишь незначительнымъ наказаніямъ. Эта мягкость приписана была вліянію одного человѣка, который игралъ преобладающую роль въ Швеціи въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ, а именно Рейтерхольму. Послѣдній былъ личнымъ другомъ герцога сюдерманскаго. При Густавѣ III ему поручали лишь не особенно важныя административныя обязанности. Умный, тщеславный, увлеченный либеральными идеями, заимствованными у Руссо, онъ получилъ огромное вліяніе на ограниченный умъ регента, и въ сущности онъ являлся истиннымъ правителемъ страны. Такъ какъ онъ былъ изъ числа ожесточенныхъ враговъ покойнаго короля, которому онъ не могъ простить заключенія въ тюрьму своего брата во время переворота 1772 года, то онъ началъ устранять отъ власти сторонниковъ Густава III, *густавцевъ*, которые съ этого момента становятся оппозиціонной партіей и часто ищутъ поддержки за границей, особенно у Россіи. Либеральныя тенденціи новаго правительства обнаружились внутри мѣрами въ пользу свободы печати, вовнѣ—сближеніемъ съ Франціей. Въ то же самое время Швеція вела переговоры съ Даніей, и договоръ, заключенный въ 1794 году, содержитъ въ себѣ первые зачатки того, что превратилось потомъ въ лигу нейтральныхъ [1]).

Царствованіе Густава IV Адольфа.—Въ 1796 году Густаву IV сравнялось восемнадцать лѣтъ; въ своемъ завѣщаніи его отецъ опредѣлилъ передать ему управленіе въ эти именно годы, и Густавъ IV немедленно принялъ власть. Онъ обладалъ въ гораздо большей степени главными недостатками Густава III, но безъ его достоинствъ: страшно упрямый, умственно ограниченный, онъ еще больше своего отца пропитанъ былъ идеями абсолютной монархіи и принципами боже-

---

1) См. т. I, стр. 36.

ственнаго права. Кромѣ того, появившись въ разгаръ такой смутной эпохи, онъ былъ черезчуръ безтолковъ для того, чтобы фигурировать среди европейскихъ государей. Начало новаго царствованія отмѣчено было во внутренней политикѣ реакціей: густавцы вернулись ко власти, Рейтерхольмъ изгнанъ былъ изъ столицы, и герцогъ сюдерманскій стушевался окончательно. Во внѣшней политикѣ король Швеціи окончательно примкнулъ къ Лигѣ нейтральныхъ (1800 годъ) и мало обращалъ на себя вниманія до вступленія на престолъ Наполеона I. Съ этого момента, движимый слѣпою ненавистью, которая заставляла его видѣть въ новомъ императорѣ французовъ самого антихриста, онъ ввергнулъ Швецію въ такія осложненія, которыя привели ее на край гибели: во время войны 1805—1807 гг. Швеція, постоянно побиваемая, дожила до того, что французскія войска заняли Померанію. Въ результатѣ происшедшаго между Наполеономъ и Александромъ соглашенія въ Тильзитѣ, русскій императоръ отнялъ у Швеціи Финляндію [1]).

Революція 1809 года.—Между тѣмъ въ Швеціи господствовало всеобщее недовольство и самимъ королемъ и—какъ это уже случилось во времена Карла XII—режимомъ, представителемъ котораго онъ являлся. Дѣйствительно, шведы негодуя смотрѣли на внѣшнее и внутреннее паденіе своей страны; со всѣми сосѣдями шла война, приходилось воевать разомъ на три фронта: на югѣ съ Даніей, на западѣ съ Норвегіей, на сѣверѣ съ Финляндіей; всюду побиваемые, шведы не довѣряли болѣе своему вождю. При такихъ обстоятельствахъ дѣло было только за человѣкомъ, который рѣшился бы дѣйствовать: генералъ Адлерспарре, командовавшій арміей, которая оперировала на норвежской границѣ, пошелъ на Стокгольмъ. Густавъ IV Адольфъ собрался было бѣжать подъ защиту южной арміи, но не могъ выполнить своего плана, былъ арестованъ въ стокгольмскомъ дворцѣ 13 марта 1809 года и отвезенъ въ замокъ Дроттнинггольмъ. Впослѣдствіи сеймъ приговоритъ его къ изгнанію изъ королевства. Герцогъ сюдерманскій временно взялъ на себя управленіе съ титуломъ правителя королевства, затѣмъ 1 мая 1809 года собрался сеймъ для выбора короля и выработки конституціи. Новымъ королемъ сталъ герцогъ сюдерманскій, принявшій имя Карла XIII.

Любопытное и рѣдкое обстоятельство: реакція, послѣдовавшая за этой революціей, была очень умѣренная. Конституція 1809 года, основныя положенія которой дѣйствуютъ и понынѣ [1]), существенно характеризуется тѣмъ, что она возвращаетъ сейму и сенату власть, которая отнята была у нихъ въ 1772 и 1789 годахъ. Но это не было возвращеніе къ полной анархіи въ родѣ той, какая была во времена Свободы. Король продолжаетъ созывать сеймъ по собственному желанію, но на случай, если онъ не воспользуется этимъ правомъ, конституція постановляетъ, что сеймъ собирается безъ созыва каждые пять лѣтъ. Контролирующая власть чиновъ становится болѣе обширной, и члены сената отвѣтственны передъ ними. Наконецъ, сенатъ преобразованъ: въ составѣ 9 членовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ особыя полномочія, сенатъ образуетъ нѣчто въ родѣ совѣта министровъ, находящагося подъ предсѣдательствомъ короля и высказывающаго въ большинствѣ случаевъ свое мнѣніе.

Помимо избранія короля и выработки конституціи сеймъ 1809 года долженъ былъ заняться выборомъ наслѣдника престола. Дѣйствительно, Карлъ XIII, женатый на голштинской принцессѣ Ядвигѣ-

---

[1]) См. т. I, стр. 77, 87.

[1]) Однако, положенія, касающіяся сейма и сената и приведенныя здѣсь, подверглись измѣненіямъ по законамъ 1840 и 1865 года.

Елизаветѣ-Шарлоттѣ, не имѣлъ дѣтей, а его возрастъ не позволялъ разсчитывать, что у него будетъ потомство. Намѣченъ былъ принцъ Христіанъ-Августъ аугустенбургскій, находившійся въ родствѣ съ датскимъ царствующимъ домомъ и командовавшій датской арміей въ Норвегіи; этотъ выборъ казался залогомъ мира, а Швеція такъ нуждалась въ немъ, что новый принцъ очень быстро пріобрѣлъ популярность. Со времени этого избранія въ первый разъ появляется мысль о возможной уніи между Норвегіей и Швеціей съ цѣлью вознагражденія Швеціи за утрату Финляндіи. Усыновленный Карломъ XIII Христіанъ-Августъ сталъ съ этихъ поръ называться Карломъ-Августомъ.

Первымъ актомъ новаго правительства, установленнаго изъ ненависти къ войнѣ, явилось подписаніе мира со всѣми: съ Россіей, которой окончательно уступлена была Финляндія, по Фридрихсгамскому договору (сентябрь 1809 года); съ Даніей въ Іенкѣпингѣ (декабрь 1809 года); съ Франціей въ Парижѣ (январь 1810 года). Послѣдній договоръ возвращалъ Швеціи Померанію, но подтверждалъ ея присоединеніе къ континентальной блокадѣ. Одно время можно было думать, что Швеція оправится отъ бѣдствій только что пережитаго бурнаго періода; но спокойствіе было непродолжительно. Карлъ - Августъ скончался 28 мая 1810 года отъ апоплектическаго удара. Даже въ провинціи распространились слухи объ отравленіи, и, когда его тѣло привезено было въ Стокгольмъ, вспыхнулъ сильный мятежъ, во время котораго убитъ былъ великій маршалъ королевства графъ Ферзенъ.

Созванъ былъ сеймъ, который и собрался въ Эребро 23 іюля 1810 года съ цѣлью выбрать новаго наслѣднаго принца. Выборъ требовалъ осмотрительности, ибо дѣло шло о будущемъ Швеціи.

Состояніе умовъ. — Правительство, вышедшее изъ революціи 1809 года, было честно и добросовѣстно; но хотя новая конституція и предоставляла королю довольно большое значеніе, онъ ни въ чемъ не проявлялъ его. Покойный наслѣдный принцъ не успѣлъ пріобрѣсть вліянія; что касается совѣтниковъ короля, то у нихъ не было ни привычки къ власти, ни рѣшимости; помимо этого, между ними возникло разногласіе. Въ общемъ новое правительство, удовлетворяя до извѣстной степени ту нужду во внутреннемъ порядкѣ, которая и способствовала его установленію, не вполнѣ отвѣчало желаніямъ шведскаго народа. И вотъ теперь хотѣлось выбрать наслѣднаго принца, который былъ бы способенъ непосредственно взять въ руки настоящую власть и осуществить то, чего отъ него ожидали. А у всѣхъ шведовъ жили въ душѣ надежда и желаніе реванша. Швеція была бита, подверглась нашествію, унижена и искалѣчена; они стремились вернуть ей прежнее положеніе въ Европѣ. Эти желанія находили себѣ усиленную поддержку въ движеніи, происходившемъ тогда въ умахъ; съ одной стороны, идеи французской революціи, которыя въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ приводили тогда въ броженіе всю Европу, добрались въ концѣ концовъ и до Скандинавіи, и если онѣ не проявились тамъ въ рѣзкой формѣ, то все-таки оказали извѣстное вліяніе. Съ другой стороны, это было время первыхъ проявленій важнаго литературнаго движенія; къ нему придется вернуться въ другой главѣ, чтобы изложить его во всей полнотѣ, но нѣкоторыя существенныя черты его тѣмъ не менѣе придется отмѣтить уже здѣсь. Это было прежде всего и главнымъ образомъ движеніе романтическое, реакція противъ классической школы царствованія Густава III; эта реакція вызвана была до извѣстной степени вліяніемъ нѣмецкой литературы, а съ другой стороны—влія-

ніями чисто скандинавскими. Стало замѣтно очень опредѣленное движеніе къ изученію старинныхъ традицій страны; національное чувство было приподнято болѣе, чѣмъ когда-либо, и, увлекаясь все болѣе и болѣе тѣми временами, когда Швеція была велика и могущественна, люди невольно все сильнѣе желали пришествія героя, который вывелъ бы ее изъ настоящаго униженія.

Къ этимъ глубоко патріотическимъ чувствамъ присоединилось большое изумленіе, а потомъ и извѣстная симпатія къ великому полководцу, который въ теченіе двѣнадцати лѣтъ побѣдителемъ носился по Европѣ,—къ императору Наполеону. Конечно, онъ былъ врагомъ Швеціи, но всякая вражда къ нему исчезала въ виду того обстоятельства, что въ глазахъ шведскаго народа единственнымъ отвѣтчикомъ за существующее печальное положеніе дѣлъ являлся шведскій король. Наконецъ, подумывали и о томъ, что оставаться въ числѣ враговъ Наполеона довольно-таки опасно, и надѣялись, что соглашеніе съ нимъ, наоборотъ, принесетъ съ собой много преимуществъ; въ частности разсчитывали на смягченіе требованій императора, который для примѣненія своей системы континентальной блокады собирался воспретить Швеціи всякую торговлю съ Англіей.

Избраніе Бернадотта.—При самомъ началѣ избирательнаго сейма налицо было два кандидата: датскій король Фридрихъ VI и принцъ Фридрихъ-Христіанъ аугустенбургскій, младшій братъ умершаго наслѣдника престола. Послѣдній являлся кандидатомъ со стороны короля, который въ стремленіи своемъ слѣдовать политикѣ, начатой въ 1809 году, полагалъ, что Швеція, остановившая сначала свой выборъ на старшемъ братѣ, теперь безъ затрудненій выберетъ младшаго; такимъ образомъ наслѣднымъ принцемъ будетъ датчанинъ, т.-е. другъ Наполеона, а это считалось безусловно необходимымъ. Впрочемъ, чтобы обезпечить себѣ расположеніе императора французовъ, Карлъ XIII обратился къ нему по этому поводу съ письмомъ.

Но хотя принцъ аугустенбургскій и являлся официальнымъ кандидатомъ, онъ все-таки мало былъ популяренъ въ Швеціи, особенно въ арміи, которая хотѣла назначенія французскаго маршала наслѣдникомъ престола. Случилось, что письмо Карла XIII къ Наполеону повезъ въ Парижъ молодой офицеръ Карлъ-Отто Мернеръ, который, дѣйствуя по порученію одного упсальскаго комитета, сталъ искать среди маршаловъ такого, который подходилъ бы шведамъ; онъ обратился къ Бернадотту. Послѣдній, не компрометируя себя, далъ понять, что, можетъ быть, и принялъ бы это предложеніе, если императоръ не станетъ этому противиться. Затѣмъ Мёрнеръ въ полномъ убѣжденіи, что Наполеонъ поддержитъ это избраніе, вернулся съ доброю вѣстью на родину, а Бернадоттъ отправилъ въ Швецію эмиссара отъ имени Фурнье, который сталъ интриговать, воспользовался тѣмъ, что у него былъ дипломатическій паспортъ, написанный рукой министра иностранныхъ дѣлъ, истолковалъ рядъ писемъ въ духѣ, благопріятномъ своему дѣлу и сдѣлалъ все это такъ ловко, что шведское правительство, вначалѣ настроенное враждебно, вскорѣ прониклось убѣжденіемъ, что этотъ эмиссаръ говоритъ отъ имени императора, и кончило тѣмъ, что приняло принца ди Понте-Корво, который и былъ избранъ наслѣднымъ принцемъ Швеціи 21 августа 1810 года. Итакъ, Бернадоттъ въ сущности избранъ былъ главнымъ образомъ потому, что его считали кандидатомъ императора. А между тѣмъ Наполеонъ, обыкновенно столь быстрый въ своихъ рѣшеніяхъ, на этотъ разъ еще не сумѣлъ притти къ опредѣленному рѣшенію. Съ одной стороны, поддерживая Бернадотта, онъ боялся раздражить рус-

скихъ, которые сочли бы это назначеніе за актъ враждебности; съ другой стороны, не особенно полагаясь на вѣрность своего маршала, онъ разсчитывалъ держать его въ рукахъ хоть нѣкоторое время, достаточное для того, чтобы окончательно закрыть Швецію для англійской торговли и осуществить на сѣверѣ, какъ и на югѣ, свой замыселъ континентальной блокады. При этихъ обстоятельствахъ онъ такъ и не сумѣлъ стать на опредѣленную точку зрѣнія, а когда избраніе состоялось, ему оставалось только заявить Европѣ, что онъ тутъ не при чемъ. Тѣмъ временемъ Бернадоттъ направлялся къ Швеціи. Въ Даніи онъ перешелъ въ лютеранство. Усыновленный Карломъ XIII, онъ принялъ имя Карла-Іоанна и въ началѣ ноября 1810 года вступилъ въ Стокгольмъ. Здѣсь онъ произвелъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе, и популярность его сразу стала значительной. Допущенный съ самаго своего прибытія къ участію въ дѣлахъ, онъ немедленно получилъ преобладающее вліяніе на короля и на членовъ совѣта. Съ этихъ поръ онъ является настоящимъ правителемъ Швеціи.

Начало правленія Карла-Іоанна; „политика 1812 года“.—Весь интересъ первыхъ лѣтъ правленія новаго наслѣднаго принца сосредоточивается на его внѣшней политикѣ. Положеніе Швеціи въ эту минуту было таково, что все для нея зависѣло отъ того, какъ сложатся ея отношенія къ различнымъ державамъ Европы. Внутренняя политика Карла-Іоанна за это время можетъ быть названа ничтожною, и приходится отмѣтить развѣ только мѣры, направленныя къ реорганизаціи арміи, да и то эти мѣры находятся въ связи съ внѣшними вопросами. Зато внѣшняя политика значительна и достопримѣчательна: Карлъ-Іоаннъ задумалъ выполненіе чрезвычайно обширнаго и яснаго плана и работаетъ надъ его осуществленіемъ съ такою настойчивостью и такимъ постоянствомъ усилій, которыя позволяютъ считать его настоящимъ государственнымъ человѣкомъ.

Общее положеніе Европы было таково, что поведеніе Швеціи являлось чрезвычайно важнымъ. Союзъ между Россіей и Франціей былъ уже непроченъ; улегшееся было на время соперничество Наполеона съ Александромъ ежеминутно готово было возобновиться; по своему положенію между этими двумя державами Швеція могла явиться полезной поддержкой той или другой, а затѣмъ ей уже нетрудно было получить хорошую плату за свою помощь.

Карлъ-Іоаннъ и шведы совершенно сходились на мысли о томъ, что надо воспользоваться этимъ выгоднымъ положеніемъ и попытаться вернуть себѣ такимъ путемъ почетное мѣсто въ Европѣ; но принцъ и страна желали не одного и того же: Карлъ-Іоаннъ хотѣлъ забрать въ свои руки Норвегію, а Швеція, или по крайней мѣрѣ большинство шведовъ желало вернуть себѣ обладаніе Финляндіей: оно никакъ не могло примириться съ мыслью, что Финляндія останется въ рукахъ царя. Карлъ-Іоаннъ видѣлъ въ пріобрѣтеніи Норвегіи многостороннія преимущества. Какъ человѣкъ очень честолюбивый, стремившійся къ совершенію великихъ дѣлъ, онъ воображалъ себѣ, что подобное присоединеніе дастъ міру высокое представленіе о его талантахъ. Кромѣ того, обладаніе другою частью полуострова было въ его глазахъ цѣннѣе обладанія какою угодно другою территоріей. Швеція такимъ путемъ пріобрѣла бы полное географическое единство; въ случаѣ будущихъ конфликтовъ съ Даніей ей не пришлось бы держать армію на западной границѣ, которая до этихъ поръ такъ часто была подъ угрозой нападенія; наконецъ, достигнувъ болѣе изолированнаго отъ остального міра положенія, Швеція уже въ силу одного этого была бы менѣе уязвима.

Но вѣдь Норвегія принадлежитъ Даніи, а послѣдняя—вѣрный союзникъ Наполеона. Значитъ, будетъ трудно добиться желаннаго результата, опираясь на Францію. Надо, слѣдовательно, обезпечить себѣ поддержку со стороны державъ, враждебныхъ Наполеону. Карлъ-Іоаннъ быть можетъ, склонится къ этому, тѣмъ скорѣе, что онъ питаетъ къ императору довольно сильную антипатію. Каково бы ни было вліяніе послѣдняго обстоятельства на поведеніе наслѣднаго принца, одно остается достовѣрнымъ, а именно—твердое рѣшеніе Бернадотта взять Норвегію и его намѣреніе добиться этого, опираясь главнымъ образомъ на Россію. Этотъ планъ сталъ называться въ Швеціи „политикой 1812 года", потому что какъ разъ въ этомъ году стали замѣтны послѣдствія этого плана.

Политика 1812 года не обошлась безъ протестовъ со стороны шведовъ, но во всякомъ случаѣ эти протесты были очень нерѣшительны. Кромѣ того, партія, враждебная Россіи, вѣдь могла опираться только на Францію; а между тѣмъ симпатія къ Наполеону падала и не безъ причины: императоръ становился слишкомъ требовательнымъ въ вопросѣ о континентальной блокадѣ, которая грозила разорить Швецію. Разногласіе обострилось, и въ началѣ 1812 года Наполеонъ занялъ своими войсками шведскую Померанію. Это былъ послѣдній ударъ, нанесенный шведскимъ надеждамъ; Карлъ-Іоаннъ могъ теперь совершенно безпрепятственно выполнить намѣченный имъ себѣ планъ. Продолжая свои переговоры съ Наполеономъ, которые по самому существу дѣла не могли привести къ удовлетворительному результату, онъ поддерживалъ добрыя отношенія съ Россіей и продолжалъ давно уже затѣянные официозные переговоры съ Англіей. Наконецъ, около середины 1812 года подписано было тайное соглашеніе между Россіей и Швеціей, и въ августѣ того же года Карлъ-Іоаннъ и Александръ свидѣлись въ Або.

Послѣдствія этихъ переговоровъ были значительны. Швеція, которая въ тайномъ соглашеніи обѣщала Россіи свою поддержку противъ Наполеона, получала со стороны Россіи въ открытомъ договорѣ гарантію въ пріобрѣтеніи Норвегіи. Нѣсколько недѣль спустя началась Русская кампанія: Карлъ-Іоаннъ оставался нейтральнымъ, но его нейтралитетъ былъ доброжелателенъ по отношенію къ Россіи, ибо онъ не требовалъ немедленнаго выполненія условій абоскаго договора, а именно содѣйствія русскихъ войскъ въ завоеваніи Норвегіи.

Въ то же время Карлъ-Іоаннъ не переставалъ работать надъ обезпеченіемъ себѣ расположенія другихъ державъ; такъ, въ Стокгольмѣ подписано было два договора—одинъ съ Англіей (3 марта 1813 года), другой съ Пруссіей (22 апрѣля); оба они гарантировали Карлу-Іоанну пріобрѣтеніе Норвегіи. Кромѣ того, договоромъ 3 марта Англія приносила въ даръ Гваделупу, но отдавала ее не Швеціи, а королевской фамиліи, чтобы вознаградить Карла-Іоанна за потерю его французскихъ помѣстій. Когда впослѣдствіи Гваделупа переуступлена была Франціи, Англія вознаградила шведскую королевскую фамилію даромъ въ 24 милліона.

Ограничившись доброжелательнымъ нейтралитетомъ во время кампаніи 1812 года, Карлъ-Іоаннъ принялъ военное участіе въ кампаніи 1813 года; онъ высадился съ арміей въ Германіи и дѣйствовалъ въ согласіи съ союзниками. Но послѣ Лейпцига (16 окт. 1813 года) ему не было никакого смысла итти впередъ; отдаваясь выполненію задуманнаго плана, онъ снова вернулся на сѣверъ со своими шведами, а также съ нѣсколькими русскими и прусскими отрядами, и въ личныхъ своихъ интересахъ началъ кампанію противъ Даніи, напавъ на Голштинію. Датчане были разбиты. Въ концѣ

декабря завязались переговоры, и 14 января 1814 года подписанъ былъ Кильскій договоръ, четвертая статья котораго трактовала объ уступкѣ Норвегіи въ обмѣнъ на шведскую Померанію.

Получивъ такимъ образомъ желаемое, Карлъ-Іоаннъ догналъ союзниковъ. Но онъ оставилъ свои шведскія войска въ Нидерландахъ и явился въ Парижъ одинъ; здѣсь Швеція вмѣстѣ съ другими державами подписала миръ съ Франціей. Къ этому моменту относится одинъ инцидентъ, еще недостаточно хорошо выясненный; къ тому же здѣсь не мѣсто распространяться о немъ: именно проектъ кандидатуры наслѣднаго принца шведскаго на французскій престолъ. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Карлъ-Іоаннъ очень охотно принялъ бы подобное предложеніе; гораздо труднѣе установить, въ какой мѣрѣ это предложеніе ему дѣлалось. Во всякомъ случаѣ дѣло это осталось безъ послѣдствій, и наслѣдный принцъ вернулся на свою новую родину, которой онъ и посвятилъ себя до самаго конца своей жизни.

Унія съ Норвегіей.—Серьезныя затрудненія ожидали Карла-Іоанна на сѣверѣ. Норвежцы рѣшительно отказывались признать Кильскій договоръ и требовали своей независимости, несмотря на существованіе партіи, во главѣ съ графомъ Ведель-Ярлсбергомъ, тянувшей къ Швеціи. Въ Эйдсвольдѣ состоялось учредительное собраніе, которое выработало конституцію (17 мая 1814 года) и провозгласило королемъ генералъ-губернатора, принца Христіана-Фридриха, двоюроднаго брата датскаго короля, впослѣдствіи сдѣлавшагося въ свою очередь королемъ подъ именемъ Христіана VIII. Тогда Карлъ-Іоаннъ бросился на Норвегію, которая не могла защищаться, не имѣя вполнѣ основательной арміи. Враждебныя дѣйствія закончились 14 августа 1814 года по соглашенію въ Моссѣ; Христіанъ-Фридрихъ окончательно отказался отъ норвежской короны, и Швеція обѣщала послать комиссаровъ для установленія условій личной уніи между обоими королевствами на основѣ конституціи 17 мая. Эта конвенція принята была норвежскимъ стортингомъ, и 4 ноября 1814 года унія стала совершившимся фактомъ; Карлъ XIII, король Швеціи, сдѣлался королемъ Норвегіи и въ силу этого своего званія провозгласилъ ту же конституцію 17 мая, слегка видоизмѣнивъ ее.

Договоръ объ уніи устанавливалъ, что оба королевства, совершенно равноправныя, связаны будутъ лишь чисто личной уніей, причемъ у нихъ будутъ общими только король и министерство иностранныхъ дѣлъ. Король можетъ передавать свою власть въ Норвегіи генералъ-губернатору. Каждая изъ странъ сохраняетъ въ неприкосновенности свой внутренній строй, а именно Швеція — конституцію 1809 года, Норвегія—конституцію 1814 года, главными органами которой является парламентъ, *стортингъ*, избираемый народомъ посредствомъ двухстепенныхъ выборовъ и затѣмъ уже самъ по себѣ раздѣляющійся на двѣ палаты; далѣе — совѣтъ, назначеніе котораго помогать королю, причемъ одинъ изъ членовъ этого собранія долженъ постоянно быть при монархѣ, даже когда послѣдній находится въ Швеціи.

Результатъ, достигнутый такимъ путемъ Карломъ-Іоанномъ къ концу 1814 года, какъ видно, весьма существенно разнится отъ цѣли, къ которой, повидимому, стремился вначалѣ наслѣдный принцъ. Первые договоры всѣ имѣли въ виду уступку Норвегіи Швеціи, а между тѣмъ онъ осуществилъ личную унію между двумя независимыми и обособленными государствами. Это сдѣлано было Кильскимъ трактатомъ, четвертая статья котораго гласитъ, что норвежскія земли „отнынѣ будутъ принадлежать на правахъ собственности и верховенства его величеству королю шведскому и будутъ составлять ко-

ролевство, связанное уніей съ королевствомъ Швеціей". Чрезвычайно замѣчательно то обстоятельство, что предварительные проекты, шведскіе и датскіе, предусматривали окончательную и безусловную уступку, и самъ наслѣдный принцъ велѣлъ измѣнить редакцію и ввести начало уніи. Многіе терялись въ догадкахъ насчетъ мотивовъ, которые могли побудить Карла-Іоанна дѣйствовать такъ и которые позднѣе во время самыхъ переговоровъ съ Норвегіей, сдѣлали его такимъ уступчивымъ. Предполагали, напримѣръ, что наслѣдный принцъ вынужденъ былъ удовольствоваться полумѣрой вслѣдствіе международныхъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя главнымъ образомъ передъ Англіей. Это мнѣніе, повидимому, опровергается нѣкоторыми извѣстными документами и не находитъ опоры ни въ какихъ другихъ. Говорили также, что Карла-Іоанна заставилъ такъ поступить страхъ передъ революціей: въ случаѣ, если бы его изгнали изъ Швеціи, онъ могъ бы найти убѣжище у норвежцевъ, сочувствіе которыхъ онъ пріобрѣталъ заранѣе. Нѣкоторыя черты его характера дѣлали бы подобное предположеніе допустимымъ, но все-таки надо было бы доказать это, что, повидимому, довольно затруднительно. Одно обстоятельство во всякомъ случаѣ остается достовѣрнымъ и должно быть отмѣчено, потому что оно объясняетъ многія послѣдующія обстоятельства,—это противорѣчіе, которое можетъ выставлено на видъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Ведя переговоры объ уніи съ норвежцами, шведы, и прежде всего самъ Карлъ-Іоаннъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, убѣждены были, что Норвегія отнынѣ станетъ составною частью Швеціи. Впрочемъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что Карлъ-Іоаннъ, человѣкъ даровитый, но склонный къ мечтательности, самъ не предвидѣлъ всѣхъ возможныхъ послѣдствій своего поведенія и утѣшалъ себя на всякій случай тѣмъ, что если возникнутъ какія-нибудь затрудненія, то онъ сумѣетъ справиться съ ними.

Швеція играла лишь совершенно второстепенную роль въ рѣшеніяхъ Вѣнскаго конгресса, гдѣ она тѣмъ не менѣе имѣла своего представителя. Лично на Карла-Іоанна, управлявшаго ею, косо поглядывали многіе изъ „легитимныхъ" государей. И все-таки дѣло, совершонное въ 1814 году, было сохраненно почти цѣликомъ. Вотъ какъ Швеція вышла изъ смутнаго періода революціи и имперіи, страннымъ образомъ расширивъ свои предѣлы и достигнувъ нѣкотораго благополучія.

II. Данія.

Христіанъ VII и Фридрихъ VI. — Когда въ 1789 году начиналась французская революція, королемъ Даніи былъ Христіанъ VII, вступившій на престолъ въ 1766 году. Но въ 1784 году вслѣдствіе разныхъ происшествій власть захватилъ въ свои руки наслѣдный принцъ Фридрихъ, впослѣдствіи носившій имя Фридриха VI. Такъ какъ Христіанъ VII ни въ одинъ моментъ своего царствованія лично не вмѣшивался въ управленіе, то въ сущности въ 1789 году королемъ былъ принцъ Фридрихъ еще раньше того, какъ онъ окончательно сдѣлался королемъ въ 1808 году. Слѣдовательно, за все время съ 1789 по 1815 годъ намъ придется изучать правленіе одного лица.

Въ теченіе этихъ двадцати шести лѣтъ исторія Даніи представляетъ собой двѣ совершенно различныхъ фазы: первый періодъ—благоденствія, соотвѣтствующій политикѣ абсолютнаго нейтралитета, и второй, въ теченіе котораго Данія, благодаря осложненіямъ, вызваннымъ именно этой политикой нейтралитета, втянута была въ борьбу и, сдѣлавшись игрушкой въ рукахъ участниковъ этой борьбы, оказалась въ 1815 году обѣднѣвшей и разоренной.

Періодъ мира: Бернсторфъ. — Сдѣлавшись съ 1784 года регентомъ, Фридрихъ VI окружилъ себя выдающимися министрами; самымъ знаменитымъ среди нихъ, оказавшимъ наибольшее вліяніе на судьбы Даніи, былъ графъ Андрей-Петръ Бернсторфъ. Вліяніе Бернсторфа дало себя почувствовать во всѣхъ отрасляхъ управленія, и его дѣятельность касалась самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Толчокъ, который онъ сообщилъ теченію дѣлъ, былъ настолько силенъ, что съ его смертью, происшедшей въ 1797 году, Данія не остановилась на томъ пути, по которому онъ ее направилъ. Было, правда, нѣсколько легкихъ реакціонныхъ попытокъ, но тѣмъ не менѣе движеніе впередъ не остановилось и благоденствіе страны оставалось все то же; ближайшіе годы увидѣли даже осуществленіе плановъ, которые самъ Бернсторфъ успѣлъ только задумать, именно плановъ насчетъ просвѣщенія.

Политика, провозвѣстникомъ которой является Бернсторфъ, характеризуется двумя чертами: значительнымъ благоразуміемъ во внѣшнихъ отношеніяхъ, которое давало Даніи возможность поддерживать свой нейтралитетъ и свободно развивать свою торговлю, и, во-вторыхъ, откровенно либеральными тенденціями въ чисто внутреннихъ дѣлахъ. Мы упоминали уже по поводу Швеціи о договорѣ, подписанномъ Даніей въ 1794 году для покровительства своей торговлѣ. Послѣдняя, благодаря политикѣ Бернсторфа, пріобрѣла въ эту пору чрезвычайно крупное значеніе не только на сѣверѣ Европы, но и во всемъ мірѣ. Такъ, грузы на Средиземное море приносили копенгагенскимъ купцамъ значительные доходы, а ввозъ съ Дальняго Востока доходилъ въ среднемъ до пяти милліоновъ талеровъ въ годъ.

Во внутреннемъ управленіи Бернсторфъ и регентъ занялись прежде всего положеніемъ крестьянъ, которые, несмотря на производившіяся въ теченіе XVIII вѣка (при Фридрихѣ IV, Христіанѣ VI, Фридрихѣ V и во время управленія Струэнзе) попытки дать имъ полную свободу, оказывались послѣ каждой такой попытки въ худшемъ положеніи: дарованная свобода немедленно подвергалась ограниченіямъ. Въ общемъ можно сказать, что крѣпостное право еще существовало во всей силѣ. Въ 1787 году указомъ точно опредѣлены были права арендатора и собственника; въ 1788 году другимъ указомъ уничтожено было принудительное мѣстопребываніе. Дѣло не остановилось на этомъ, и Бернсторфъ видоизмѣнилъ барщину и сборъ десятины натурою, уничтоживъ неопредѣленную барщину и установивъ взиманіе денежнаго оброка вмѣсто десятины натурой. Въ Шлезвигѣ и въ Голштиніи крѣпостное право, превращавшее женщину, какъ и мужчину, въ полную собственность барина, уничтожено было указомъ 19 декабря 1804 года, которымъ дарованы были свобода и благоденствіе 20.000 крѣпостныхъ семействъ. Съ другой стороны, Бернсторфъ отмѣнилъ нѣкоторыя привилегіи, принадлежавшія знатнымъ, что равносильно было косвенному увеличенію крестьянской свободы.

Благодѣтельное вліяніе этихъ либеральныхъ тенденцій распространилось не на однихъ крестьянъ: Бернсторфъ старался также упорядочить положеніе евреевъ, передъ которыми закрыто было большинство профессій; но лишь послѣ его смерти законъ 29 марта 1814 года призналъ за ними „одинаковую съ остальными подданными возможность отправлять любую закономъ разрѣшенную профессію".

Этотъ же періодъ отмѣченъ улучшеніями въ области суда. Армія подверглась преобразованію и сдѣлалась дѣйствительно національною послѣ окончательнаго устраненія иноземныхъ и наемныхъ элементовъ. Основаны были школы и университеты. Чрезвычайно важны были мѣропріятія, направленныя въ пользу свободы печати. Въ теченіе XVIII вѣка можно встрѣтить нѣкоторыя попытки въ этомъ.

направленіи, чаще всего оставшіяся въ области проектовъ; однако, Струэнзе, какъ человѣкъ либеральнаго склада, предоставилъ печати почти полную свободу; послѣ его смерти произошла реакція, и министерство Гульдберга сильно ограничило эту свободу. Бернсторфъ придерживался либеральнаго образа мыслей и снова даровалъ печати полную свободу.

Мѣры, предпринятыя въ интересахъ торговли, которую поощряли всѣми способами, оказали также могущественное содѣйствіе всеобщему благоденствію. Какъ мы указывали выше, отмѣнены были нѣкоторыя стѣснительныя привилегіи дворянства, а главное — уничтожено было извѣстное количество ограничительныхъ мѣръ, бывшихъ еще въ силѣ: такъ, напр., указъ 1747 года, которымъ воспрещался вывозъ пастбищныхъ быковъ, и указъ 1735 года, которымъ затруднялась хлѣбная торговля; разрѣшенъ былъ раздѣлъ собственности; наконецъ создана была „кредитная касса", которая превосходно дѣйствовала до 1804 года, т.-е. до того момента, когда война и плохое состояніе финансовъ не позволили ей оказывать услуги въ прежнихъ размѣрахъ.

Въ общемъ, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка финансы Даніи, о которой мало говорили въ Европѣ, находились въ превосходномъ состояніи, а экономическое ея состояніе значительно выигрывало благодаря политическому положенію сосѣдей, которые при другихъ условіяхъ могли бы явиться ея конкурентами. Живя въ мирѣ со всѣми народами, Данія сумѣла остаться въ сторонѣ отъ всякихъ соперничествъ и споровъ и на нѣсколько лѣтъ сдѣлалась однимъ изъ наиболѣе торговыхъ народовъ Европы.

Война и разореніе страны. — Къ несчастью это цвѣтущее положеніе было непродолжительно, и, по мѣрѣ того какъ европейскія дѣла съ каждымъ днемъ усложнялись, для Даніи становилось причиной гибели то самое, что составляло пока ея силу.

Вся Европа дѣлилась въ то время на два лагеря, при чемъ каждая страна держала сторону либо Франціи, либо Англіи. Вѣрная своей политикѣ, Данія не хотѣла становиться ни на чью сторону, но ей приходилось заботиться даже объ охранѣ своего нейтралитета; съ этой цѣлью она вошла въ соглашеніе съ Россіей и Швеціей, образовавъ съ этими державами лигу нейтральныхъ (въ 1800 г.); въ результатѣ—бомбардировка Копенгагена англичанами [1]). По Тильзитскому договору между Наполеономъ и Александромъ состоялось соглашеніе—заставить Данію примкнуть къ континентальной блокадѣ; это равносильно было требованію отъ Даніи самоубійства. Впрочемъ, Англія не стала ждать, пока явятся русскіе, чтобы напасть на эту несчастную страну въ интересахъ Франціи, и въ видахъ нанесенія рѣшительнаго удара второй разъ бомбардировала Копенгагенъ (въ 1807 году) [2]). При такомъ образѣ дѣйствій Англіи Даніи оставалось только присоединиться къ Франціи; надежда Даніи остаться навсегда нейтральной отнынѣ была разрушена, и Данія насильственно вовлечена была въ борьбу.

Благодаря войнѣ съ Англіей, Данія почти совершенно лишена была своихъ морскихъ сообщеній. Хотя Норвегія находилась совершенно по сосѣдству, сношенія съ ней затруднились, и пришлось устроить въ Христіаніи мѣстное управленіе; этимъ обстоятельствомъ объясняется то, какъ во время вышеописанныхъ событій 1814 года Норвегія могла внезапно и безъ всякихъ потрясеній превратиться въ независимое государство: у нея уже оказались на лицо готовыя центральныя учрежденія.

Другое послѣдствіе разрыва съ Англіей, оказавшееся болѣе серьезнымъ,—это упа-

---

[1]) См. объ этомъ т. I, стр. 37.

[2]) См. объ этомъ т. I, стр. 83.

По Б. Торвальдсену.

Люцернскій левъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

докъ морской торговли, за которымъ послѣдовало и разореніе страны, обремененной помимо этого военными расходами. Послѣ событій 1801 года государственный долгъ съ 28 милліоновъ талеровъ возросъ до 41 милліона, долгъ по кредитнымъ билетамъ и авансамъ національнаго банка—съ16 милліоновъ до 26. Въ 1814 году количество выпущенныхъ ассигнацій достигло 142 милліоновъ на датскія деньги (около 240 мил. рублей), а долгъ—100 милліоновъ талеровъ серебромъ (около 207 мил. рублей). Такъ какъ все это бумажное денежное обращеніе совершенно ничѣмъ не было обезпечено, то обезцѣненіе скоро сдѣлалось значительнымъ, и государству пришлось объявить себя несостоятельнымъ на сумму приблизительно девяти десятыхъ номинальной стоимости ассигнацій. Новый національный банкъ, основанный 5 января 1813 года, выпустилъ ассигнаціи, обезпеченныя недвижимостью всего королевства, и добылъ необходимые рессурсы у владѣльцевъ земли и десятины. Всѣ эти мѣры, необходимыя въ виду всеобщаго разоренія, вызвали въ странѣ огромныя потрясенія, которыя долго не позволяли ей оправиться.

Итакъ, въ то время, какъ Швеція послѣ ряда потрясеній и пораженій вышла изъ общеевропейскаго кризиса эпохи революціи и имперіи расширенною и относительно благополучною, — Данія, несмотря на всю мудрость своей политики, уходила изъ борьбы разоренною и урѣзанною, получивъ въ возмѣщеніе за Норвегію самое незначительное удовлетвореніе: а именно, согласно Вѣнскому трактату она вынуждена была взять герцогство Лауэнбургское въ обмѣнъ на уступленную ей Швеціей Померанію, которую Пруссія потребовала себѣ.

Умственное движеніе.—Въ Даніи, какъ и въ Швеціи, первые годы XIX вѣка отмѣчены были началомъ чрезвычайно важнаго умственнаго движенія, охватившаго всѣ проявленія человѣческой мысли. Грундтвигъ принимался за работу обновленія религіозной жизни. Пластическія искусства имѣли своихъ выдающихся представителей, среди которыхъ наиболѣе знаменитымъ былъ Торвальдсенъ [1]). Равнымъ образомъ процвѣтала и литература. И въ этомъ движеніи мы находимъ тѣ же два ряда вліяній,—только еще рѣзче выраженныя,—которыя мы уже отмѣтили въ Швеціи: съ одной стороны, вліяніе нѣмецкой литературы и особенно романтической школы, которое можно отмѣтить главнымъ образомъ у поэтовъ Шака фонъ-Стаффельдта, Ингемана и Гейберга, и съ другой—вліяніе чисто скандинавскихъ традицій. Народныя пѣсни снова вошли въ почетъ, исландская литература была изучена и получила общенародное значеніе благодаря, напр., трудамъ Раска и финна Магнуссона, который перевелъ Эдду. Изъ сочетанія этихъ элементовъ вышла истинная датская литературная школа, самымъ знаменитымъ представителемъ которой былъ Эленшлегеръ, который началъ писать въ эту эпоху. Но такъ какъ эта школа достигла полнаго своего расцвѣта лишь послѣ 1815 года, то къ ея подробному изученію придется вернуться въ другой главѣ.

---

[1]) См. объ этомъ т. I, стр. 225.

Глава VIII.

Походъ въ Россію.

Гибель великой арміи.

1812 годъ.

I.—Разрывъ между Наполеономъ и Александромъ.

Союзъ Наполеона съ Александромъ, заключенный въ Тильзитѣ и, повидимому, еще тѣснѣе скрѣпленный въ Эрфуртѣ, закончился громкимъ разрывомъ. Главными причинами его являются: во-1-хъ, поведеніе Россіи во время войны 1809 года; во-2-хъ, неудавшаяся русская женитьба Наполеона и его австрійскій бракъ; въ-3-хъ, послѣдствія континентальной блокады для Россіи; въ-4-хъ, безпокойство, внушаемое Александру безконечнымъ расширеніемъ имперіи Наполеона; въ-5-хъ, присоединенія 1810 года и ольденбургское дѣло; въ-6-хъ, польскій вопросъ.

Поведеніе Россіи во время войны 1809 г.—Выше мы ознакомились съ надеждами, какія возлагалъ Наполеонъ на энергичныя дѣйствія Россіи. Онъ разсчитывалъ сначала, что Россія помѣшаетъ Австріи начать новую войну съ Франціей, а потомъ, что она сдѣлаетъ сильную и лояльную диверсію, чтобы оттянуть силы Австріи. И вотъ Россія не оказала ни одной изъ этихъ услугъ. Языкъ русской дипломатіи умалчивалъ кое о чемъ, и это ободрило Австрію; а вмѣшательство русской арміи было и вовсе вяло [1]).

По окончаніи войны Наполеонъ горько жаловался на слабость той помощи, какую онъ встрѣтилъ со стороны своего тильзитскаго союзника; „вы вели себя совершенно неопредѣленно“, говорилъ онъ Куракину. Россія оказалась безоружной передъ Наполеономъ, когда въ Шенбрунскомъ договорѣ рѣшалась судьба австрійской Галиціи. Наполеонъ присоединилъ къ своему великому герцогству Варшавскому территорію съ 1.500.000 душъ; Россія должна была удовольствоваться восточной Галиціей съ 400.000 жителей: это была очень незначительная компенсація за тотъ новый толчокъ, который получили польскія національныя вожделѣнія благодаря трактату 1809 года.

Неудавшаяся русская женитьба; австрійскій бракъ.—Выше мы видѣли, какъ Талейранъ нашелъ самое вѣрное средство, чтобы подготовить разстройство брачнаго союза, къ которому такъ стремился Наполеонъ. Съ того момента, какъ по совѣту этого дипломата Александръ склонился къ мысли предоставить разрѣшеніе

[1]) См. т. I, стр. 100.

этого дѣла своей матери, вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна ставила одно препятствіе за другимъ; она оправдывалась ученіемъ православной церкви, которая воспрещала бракъ съ разведеннымъ. Разъ Наполеонъ отвергъ первую свою жену, гдѣ ручательство, что онъ не поступитъ такъ же со второй? [1]) Великая княжна Анна была уже невѣстой принца саксенъ - кобургскаго; наконецъ, вдовствующая императрица ставила требованіе, чтобы въ Тюльери было православное духовенство и домовая церковь, такъ какъ русскія великія княжны никогда не мѣняютъ вѣры. Въ сущности она очень польщена была предложеніемъ Наполеона; она отлично понимала разницу между императоромъ французовъ и принцемъ саксенъ - кобургскимъ; когда дѣло разладилось, она испытывала горькую досаду и упрекала своего сына; но, не любя самого Наполеона, она хотѣла доставить себѣ удовольствіе, заставляя его подождать. Съ своей стороны, и царь стремился припутать къ этому матримоніальному вопросу другіе вопросы, поставить окончательное согласіе свое на этотъ бракъ въ зависимость отъ уступчивости Наполеона въ нѣмецкихъ и польскихъ дѣлахъ. Онъ игралъ достоинствомъ своего тильзитскаго союзника, его самолюбіемъ государя и человѣка. Онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, насколько пламенно было у Наполеона его стремленіе скорѣе обезпечить преемственность своей династіи.

Въ то самое время, когда Россія притворно заставляла себя упрашивать и требовала такой высокой цѣны за свое согласіе, Австрія въ силу неожиданнаго поворота, который объясняется ея страхомъ передъ возможностью упроченія надолго франко-русскаго союза, изъявила свою готовность отдать Наполеону руку одной изъ эрцгерцогинь. Въ декабрѣ 1809 года посолъ императора Франца въ Парижѣ, Шварценбергъ, сдѣлалъ предложенія въ этомъ духѣ министру иностранныхъ дѣлъ герцогу Бассано. Онъ заранѣе уже добился согласія своего двора, чтобы имѣть возможность дать утвердительный отвѣтъ въ ту самую минуту, когда сдѣлано будетъ предложеніе. По поводу этого двойного матримоніальнаго вопроса Наполеонъ два раза торжественно совѣщался съ высокопоставленными лицами имперіи. Въ тотъ самый день, когда подписано было соглашеніе съ Шварценбергомъ, Наполеонъ отправилъ въ Россію курьера „сказать, что я склонился въ сторону австріячки“.

Тщетно Наполеонъ расточалъ послѣ этого царю увѣренія въ томъ, что его дружба къ нему осталась прежнею: фактъ, что новая императрица французовъ была австрійской эрцгерцогиней, а не русской великой княгиней, становился очень важнымъ. Если даже франко - русскій союзъ будетъ держаться, одинъ существенный элементъ его все - таки исчезъ, а именно—довѣріе и сердечность. Вскорѣ во французской политикѣ замѣчается новое направленіе. Въ то время, какъ прежде наибольшимъ почетомъ въ Тюльери пользовался русскій посланникъ, теперь его мѣсто занимаетъ австрійскій, выдвинувшійся впередъ въ качествѣ посланника родственной фамиліи. Въ восточныхъ дѣлахъ та точка зрѣнія, какую еще недавно занималъ Наполеонъ, вдругъ рѣзко измѣнилась. Онъ внялъ жалобамъ австрійскаго посла на ненасытныя притязанія Россіи и вернулся къ былымъ талейрановскимъ проектамъ объ Австріи, прочно сидящей въ дунайскихъ областяхъ. Французскій посолъ въ Вѣнѣ, Отто, скоро получилъ указаніе (26 марта 1811 года), что Франція поддержитъ Австрію, если послѣдняя выступитъ въ Константинополѣ противъ занятія Бѣлграда сербами, союзниками русскихъ. Франція изъявляла готовность взять на

[1]) См. т. I, стр. 96, 180—181.

себя „такое обязательство, какое Вѣнскому двору угодно будетъ поставить". Наполеонъ писалъ своему послу въ Петербургѣ, Коленкуру, что война между Франціей и Россіей можетъ вспыхнуть въ любомъ изъ двухъ случаевъ; во-первыхъ, если нарушенъ будетъ Тильзитскій договоръ; во-вторыхъ, если русскіе перейдутъ Дунай.

Послѣдствія континентальной блокады для Россіи.—Континентальная блокада налагала тяжелыя лишенія на всю Европу, какъ и на самое Францію. А между тѣмъ, какъ отъ своихъ вассаловъ, такъ и отъ союзниковъ Наполеонъ настойчиво требовалъ проведенія этой системы съ безжалостною строгостью. Особенно обвинялъ онъ нейтральныхъ, наприм., американцевъ, флагомъ которыхъ прикрывались англійскія суда, нагруженныя англійскими товарами. Но вотъ въ 1810 году по Балтійскому и Нѣмецкому морю блуждало шестьсотъ судовъ, нейтральныхъ или якобы нейтральныхъ; всѣ они искали мѣста выгрузки и, отвергнутыя Россіей, находили возможность сваливать свой грузъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ гаваняхъ, при чемъ островъ Гельголандъ служилъ имъ базой для безконечнаго снабженія себя припасами. Въ письмѣ отъ 23 октября 1810 года Наполеонъ требовалъ отъ Александра, чтобы съ этими мнимыми нейтральными обходились со всею строгостью. Россія страдала отъ перерыва торговыхъ сношеній съ Великобританіей, ибо русское помѣстное дворянство нуждалось въ Англіи для сбыта хлѣба, конопли, сала и лѣса со своихъ помѣстій. Наоборотъ, торговля съ Франціей, цѣликомъ сводившаяся ко ввозу предметовъ роскоши и винъ, была для русскихъ только убыточна. Между тѣмъ какъ турецкая война закрывала для вывоза Черное море и Востокъ, континентальная блокада закрывала передъ ними сѣверныя моря. Рубль, стоившій 67 копеекъ еще въ 1807 году, въ 1810 г. стоилъ только 25 копеекъ. Какъ могли наполовину разоренные помѣщики справиться съ налогами? Отсюда оскудѣніе казны и полное ослабленіе военной мощи Россіи. По совѣту Сперанскаго, царь обнародовалъ декабрьскій тарифъ 1810 года. Этотъ тарифъ, больше всего затрогивавшій торговлю съ Франціей, налагалъ пошлину въ 80 рублей на бочку вина, совершенно воспрещалъ привозъ водки и предметовъ роскоши. Данъ былъ приказъ сжигать всякій товаръ, привезенный контрабандой. Наполеонъ увидѣлъ въ этихъ мѣрахъ нарушеніе статьи 7-й Тильзитскаго трактата и обнаружилъ сильнѣйшій гнѣвъ. Онъ поручилъ своему министру написать Коленкуру: „Императоръ сказалъ мнѣ, что онъ лучше желалъ бы получить пощечину, чѣмъ видѣть сожженіе произведеній промышленнаго труда своихъ подданныхъ". Могъ ли онъ „на той высотѣ славы, куда онъ поднялся", терпѣть „то, чего не стерпѣлъ бы даже Людовикъ XV, дремавшій въ объятіяхъ m-me дю Барри?" На эти представленія русскіе отвѣчали, что это—дѣла внутренняго управленія, что такое сожженіе практикуется со времени Екатерины II, что Наполеонъ и самъ повсюду велитъ сжигать контрабанду; что Россія, лишенная для своего вывоза какихъ-либо рынковъ, имѣетъ право стѣснять ввозъ, который грозитъ ей разореніемъ. Наполеонъ упиралъ на то, что Россія не предупредила его, что сожженіе—пріемъ слишкомъ оскорбительный, и т. п. Къ этимъ обвиненіямъ присоединился цѣлый рядъ другихъ одинаково щекотливыхъ вопросовъ.

Разочарованіе Россіи въ шведскихъ и восточныхъ дѣлахъ.—Не то для удовлетворенія собственныхъ своихъ вожделѣній, не то изъ желанія выполнить условія Тильзитскаго договора, Россія навязала себѣ цѣлыхъ пять войнъ: во-первыхъ, войну съ Англіей,—единственнымъ ея результатомъ пока было плѣненіе флота Сенявина, укрывшагося въ устьѣ рѣки

Тахо и принужденнаго сдаться одновременно съ арміей Жюно (въ Синтрѣ въ 1808 году); во-вторыхъ, войну 1809 года съ Австріей,—эта война дала Россіи въ видѣ компенсаціи за расширеніе Польши лишь пріобрѣтеніе восточной Галиціи; въ-третьихъ, войну съ Персіей, начатую въ 1806 году и затянувшуюся до 1813 года; въ-четвертыхъ, войну съ Турціей, начатую также въ 1806 году и продолжавшуюся до 1812; въ-пятыхъ, войну шведскую, которая блистательно началась въ 1808 году завоеваніемъ Финляндіи и продолжалась зимой 1809 года, когда русскіе, захвативъ Аландскіе острова, перешли по льду Ботническій заливъ подъ командой Кальнера, Багратіона и Барклая-де-Толли и перенесли военныя дѣйствія на берега Швеціи. Всѣ эти войны либо принесли Россіи одни разочарованія, либо обнаружили извѣстные результаты лишь позднѣе, какъ это было, напр., съ Персидской войной. Мы уже видѣли, какъ съ 1810 года русскіе должны были убѣдиться, что они не могутъ ни занять Константинополь, ни завоевать Болгарію, ни даже удержать за собой бо́льшую часть румынскихъ областей. Самая удачная изъ этихъ войнъ—шведская, которая принесла Россіи обширную провинцію и драгоцѣнный оплотъ противъ Швеціи въ лицѣ Финляндіи, все-таки не примирила русскаго общественнаго мнѣнія съ французскимъ союзомъ. При каждой побѣдѣ петербургская аристократія говорила съ притворнымъ сожалѣніемъ: „Бѣдная Швеція, бѣдные шведы!“ и та самая Финляндія, которой такъ долго домогались, утратила въ русскихъ глазахъ всю свою цѣну съ тѣхъ поръ, какъ она казалась подаркомъ Наполеона. Когда свергнутъ былъ Густавъ IV (13 марта 1809 г.), когда его смѣнилъ старый Карлъ XIII, все еще благосклонно относившійся къ французскимъ идеямъ, и когда, наконецъ, въ 1810 году штаты Швеціи избрали наслѣднымъ принцемъ одного изъ наполеоновскихъ маршаловъ, Бернадотта, русское общественное мнѣніе, не знавшее того, насколько доволенъ былъ самъ Наполеонъ подобнымъ выборомъ, почувствовало себя какъ бы еще разъ обманутымъ. Императоръ сдѣлалъ попытку пояснить истинный характеръ этого избранія. Въ Петербургѣ ему не повѣрили.

Безпокойство, вызванное въ Россіи безпредѣльнымъ расширеніемъ Французской имперіи.—Это чувство еще болѣе усиливалось, когда русскіе сравнивали пріобрѣтеніе Финляндіи и нѣсколькихъ клочковъ въ Молдавіи, Галиціи, Литвѣ и Азіи съ огромнымъ расширеніемъ, какого достигла Французская имперія. Наполеонъ пошелъ дальше тѣхъ дерзкихъ захватовъ Директоріи, которые заставили Павла I примкнуть къ крестовому походу противъ Франціи. Германія, на которую Россія со времени Петра Великаго постоянно пыталась оказывать преобладающее вліяніе дипломатическимъ путемъ, браками, оружіемъ, была теперь цѣликомъ въ распоряженіи Наполеона. Онъ сгруппировалъ здѣсь всѣ династіи, состоявшія въ родствѣ съ домомъ Романовыхъ, и образовалъ изъ нихъ Рейнскій Союзъ. Онъ создалъ здѣсь французское королевство Вестфалію и два полуфранцузскихъ государства Бергъ и Франкфуртъ. Онъ раздробилъ здѣсь Пруссію и Австрію. Все, что еще оставалось въ Италіи нераздѣленнымъ на французскіе департаменты, все это онъ подчинилъ себѣ подъ именемъ королевства Италіи и королевства Неаполитанскаго. Онъ былъ „посредникомъ“ Швейцарскаго союза, сюзереномъ великаго герцогства Варшавскаго. Французская имперія и вассальныя ея государства насчитывали 71 милліонъ душъ изъ 172 милліоновъ, населявшихъ Европу. Куракинъ писалъ своему государю: „Отъ Пиренеевъ до Одера, отъ Зунда до Мессинскаго пролива, все — Франція“. Франція стояла въ самомъ центрѣ русскихъ интересовъ на Востокѣ — владѣя тамъ Іонійскими островами и Илли-

рійскими провинціями, на Балтійскомъ морѣ—благодаря своей дружбѣ съ Даніей, и,—такъ это по крайней мѣрѣ казалось,—благодаря шведскому избранію. Она непосредственно граничила съ Россіей на Вислѣ великимъ герцогствомъ Варшавскимъ. Ей предстояло сдѣлаться угрозой Россіи въ другихъ мѣстахъ.

„Присоединенія" 1810 года; ольденбургское дѣло. — Желаніе сдѣлать континентальную блокаду дѣйствительной побудило французскаго Цезаря къ новымъ захватамъ. Голландія, сѣверное прибрежье Германіи, Валлисъ—вотъ тѣ страны, которыя больше всего служили мѣстами для провоза или для склада контрабанды. Въ силу цѣлаго ряда сенатскихъ постановленій, Наполеонъ объявилъ о присоединеніи къ французской территоріи: въ іюлѣ 1810 года—всего королевства Голландскаго, ссылаясь на то, что вся эта страна является лишь „наносомъ рѣкъ имперіи"; 12 декабря—Валлиса; 18 февраля 1811 года—герцогства Ольденбургскаго, княжествъ Сальмъ и Аренберга, части великаго герцогства Бергъ, части Ганновера, недавно уступленнаго Іерониму вестфальскому, цѣлаго вестфальскаго департамента, наконецъ, трехъ ганзейскихъ городовъ [1]). Не вестфальскія земли вошли въ составъ трехъ департаментовъ: *Верхняго Эмса* съ главнымъ городомъ Оснабрюкомъ, *Устья Везера* съ Бременомъ, *Устья Эльбы*, съ главнымъ городомъ Гамбургомъ и съ Любекомъ въ числѣ подпрефектуръ. Три новыхъ департамента образовали „тридцать второй военный округъ". Наполеонъ не считалъ нужнымъ оправдывать это упраздненіе государствъ и вольныхъ городовъ какимъ-либо серьезнымъ соображеніемъ; онъ дѣлалъ все это въ силу сенатскихъ постановленій, подмѣняя такимъ образомъ международное право и договоры режимомъ простыхъ декретовъ.

[1]) См. т. I, стр. 282, 300, и выше стр. 5 и слѣд., 16 и слѣд.

Всѣ нѣмецкіе князья почуяли опасность. Самыя могущественныя государства Европы обезпокоены были этимъ. Въ частности Россія сочла себя затронутой двумя изъ этихъ присоединеній. Съ одной стороны, Наполеонъ, уже державшій гарнизонъ въ Данцигѣ и все время грозившій оккупировать шведскую Померанію, пріобрѣталъ теперь—съ присоединеніемъ Любека—господство на томъ самомъ Балтійскомъ морѣ, гдѣ Петръ Великій стремился обезпечить гегемонію Россіи. Съ другой стороны, одинъ изъ обобранныхъ государей, наслѣдникъ герцогства Ольденбургскаго, приходился шуриномъ царя по женитьбѣ своей на великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Наполеонъ отправилъ къ своему союзнику Александру его сестру, у которой отнялъ будущую ея корону! Царь попытался добиться обратнаго водворенія своихъ родственниковъ или соотвѣтствующаго удовлетворенія. Наполеонъ либо затягивалъ переговоры, либо предлагалъ ничтожное или ненадежное удовлетвореніе. Александръ разослалъ дворамъ независимой Европы копію со своего подлиннаго протеста. Наполеонъ сдѣлалъ видъ, что считаетъ этотъ актъ за новый вызовъ.

Польскій вопросъ.—Изъ всѣхъ причинъ для конфликта наиболѣе серьезною являлся безъ сомнѣнія польскій вопросъ. Великое герцогство Варшавское, расширенное пріобрѣтеніями 1809 года,—развѣ это не Польша, возстановленная на самой границѣ Россіи и готовая потребовать у нея всѣ области прежняго польскаго королевства, завоеванныя Россіей за время отъ Ивана Грознаго до великой императрицы Екатерины? Тщетно пытался до этихъ поръ Наполеонъ усыпить опасенія своего союзника. Онъ даже уступилъ ему нѣкоторыя земли польскаго королевства: въ 1807 году литовскую область Бѣлостокъ, въ 1809 году русинскую область—восточную Галицію. Онъ вѣдь и не возстанавливалъ Польскаго королевства, а просто

создалъ великое герцогство подъ властью саксонскаго короля. На офиціальномъ языкѣ говорилось только о *варшавскихъ* подданныхъ, о *варшавской* арміи. Но Александръ зналъ, какія надежды возлагали на Наполеона поляки, какъ великаго герцогства, такъ и поляки русскихъ областей, зналъ, съ какимъ самоотверженіемъ поляки французскихъ армій проливали за него свою кровь на поляхъ битвы. Александру не безызвѣстно было, что варшавское государство могло еще увеличиться: для этого Наполеону достаточно было получить отъ Австріи находившуюся пока въ ея рукахъ часть Галиціи, вернувъ за это Австріи Иллирійскія области. И Данцигъ, который Наполеонъ держалъ про запасъ подъ именемъ вольнаго города, разумѣется, вернулся бы къ Польшѣ. Словомъ, царь боялся возстановленія Польши, и по мѣрѣ того, какъ выяснялась возможность разрыва съ Александромъ, Наполеонъ въ свою очередь приходилъ къ мысли, что это возстановленіе—цѣль его политики.

Если бы въ умахъ того времени, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Парижѣ этнографическое представленіе о старой Польшѣ не было такъ смутно, то скоро поняли бы, что въ сущности Польша (за исключеніемъ Галиціи, остававшейся въ рукахъ Австріи) давно уже была возстановлена. Страны, которыя Александръ собирался защищать отъ возрождавшейся Польши,—а именно Литва, Бѣлоруссія, Малороссія,— вовсе не были польскими. Царя, Наполеона и даже самихъ поляковъ вводило въ заблужденіе то обстоятельство, что дворянство въ литовскихъ и русскихъ областяхъ было польское. Воспоминанія старинной конституціонной жизни Польши поддерживали эту иллюзію: въ то время, какъ *шляхта* въ самой Польшѣ представляла изъ себя какъ бы дворянскую демократію, крупные магнаты, за которыми польскіе дворяне вѣками привыкли во всемъ слѣдовать и у которыхъ они состояли кліентами, — эти магнаты владѣли огромными помѣстьями въ русскихъ областяхъ. Впрочемъ, и между русскими областями надо дѣлать нѣкоторое различіе: въ Литвѣ крестьянинъ, литовецъ по происхожденію, остался католикомъ, что способствовало *ополяченію* одной части народа; здѣсь, по крайней мѣрѣ въ верхнемъ слоѣ общества, встрѣчался польскій патріотизмъ, и великій польскій національный поэтъ Мицкевичъ — родомъ изъ Литвы. Совершенно иное было положеніе другихъ русскихъ областей съ менѣе многочисленною и менѣе энергичною польскою аристократіей, съ населеніемъ русскаго племени и православнаго вѣроисповѣданія, не поддававшимся ни на какую польскую и католическую пропаганду, искренне преданнымъ царю своей вѣры. Если Литва или по крайней мѣрѣ ея правящіе классы почти всегда шли заодно съ Польшей, русскія области поставляли лишь рѣдкихъ бойцовъ во время польскихъ возстаній. Съ этой стороны Наполеонъ такъ же ошибался въ расчетѣ, какъ впослѣдствіи и польское возстаніе 1831 года. И Александръ, и Наполеонъ очень плохо знакомы были съ этимъ этнографическимъ и политическимъ положеніемъ; этимъ объясняется преувеличенный страхъ перваго и надежды второго.

Попытки Александра столковаться съ Наполеономъ. — Александръ попытался сначала получить отъ своего союзника формальное обезпеченіе отъ случайностей, которыхъ онъ опасался. Отсюда проектъ соглашенія, представленный Румянцевымъ Коленкуру 4 января 1810 года. Здѣсь говорится, что королевство Польское никогда не будетъ возстановлено, что слова „Польша“ и „поляки“ никогда не будутъ въ употребленіи; что польскіе ордена будутъ уничтожены. Наполеонъ (письмо къ Шампиньи, 6 февраля 1810 года) счелъ эти предложенія смѣшными, вздорными, не соотвѣтствующими его досто-

инству. Онъ готовъ былъ обязаться только въ томъ, что не окажетъ „никакой помощи никакому движенію, направленному къ возстановленію королевства Польскаго“, не станетъ офиціально пользоваться терминами „Польша“, „поляки“, не станетъ больше раздавать польскихъ орденовъ: они уничтожатся, такимъ образомъ, естественнымъ путемъ. Поднятый въ такой формѣ вопросъ снова сдѣлается предметомъ обсужденія лишь въ іюлѣ 1810 года.

Попытки Александра столковаться съ поляками.—Усиливаясь добиться отъ Наполеона обязательства никогда не возстановлять Польши, Александръ въ то же время мечталъ возстановить ее въ своихъ видахъ. У него какъ разъ былъ подъ рукой одинъ изъ крупныхъ литовскихъ магнатовъ, недавно еще состоявшій у него министромъ иностранныхъ дѣлъ, князь Адамъ Чарторыйскій. 5 апрѣля 1810 года Александръ имѣлъ съ нимъ любопытный разговоръ, во время котораго и выяснилъ ему свой планъ: пріобрѣсти расположеніе поляковъ великаго герцогства, присоединивъ къ ихъ государству восемь губерній Россійской имперіи, считавшихся польскими. Въ декабрѣ царь выражалъ Чарторыйскому желаніе имѣть точныя свѣдѣнія о настроеніи умовъ въ великомъ герцогствѣ и давалъ ему что-то въ родѣ порученія по этой части. Чарторыйскій отвѣчалъ письмами, въ которыхъ истолковывалъ чувства поляковъ къ Наполеону безъ сомнѣнія, послѣдній не вполнѣ удовлетворялъ ихъ; но онъ нашелъ средство убѣдить ихъ, что это замедленіе въ удовлетвореніи ихъ желаній зависитъ отъ общаго положенія дѣлъ, а не отъ его воли, и что при первомъ разладѣ Франціи съ Россіей Польша сейчасъ-же возродится. Чарторыйскій указывалъ на услуги, которыя Наполеонъ уже оказалъ имъ, и на долгое братство по оружію поляковъ и французовъ. Единственное средство противодѣйствовать вліянію Наполеона на поляковъ, это — обезпечить имъ теперь же осязательные результаты, въ родѣ присоединенія восьми польскихъ губерній Россіи къ великому герцогству, съ автономіей, гарантированной возстановленіемъ конституціи 3 мая 1791 года. Александръ отвѣчалъ 11 февраля, предлагая формальныя обязательства и обѣщая требуемое присоединеніе. „Прокламаціи о возстановленіи Польши должны были предшествовать всему другому“. Царь ручался въ томъ, что австрійская Галиція навѣрное будетъ уступлена Польшѣ. И дѣйствительно, какъ бы угадавъ намѣренія Наполеона и желая предупредить ихъ, царь путемъ тайной своей дипломатіи, т.-е. безъ вѣдома Румянцева, завелъ переговоры съ Австріей и, стараясь склонить ее въ предстоящей борьбѣ на свою сторону, онъ предлагалъ ей взамѣнъ Галиціи часть Молдавіи и всю Валахію, уже отвоеванныя у турокъ русскими войсками (13 февраля 1811 года).

Въ великомъ герцогствѣ и въ польскихъ областяхъ было двѣ партіи: одна ждала всего отъ Франціи, другая во всемъ разсчитывала на Россію. На эту послѣднюю попытались повліять Чарторыйскій въ Варшавѣ и Александръ въ Петербургѣ. Чарторыйскій оставилъ царю лишь очень немного иллюзій: военачальники и всѣ вліятельныя лица великаго герцогства продолжали оставаться вѣрными Наполеону.

Великое герцогство Варшавское подъ угрозой со стороны Россіи (мартъ 1811 г.).— И вотъ въ этотъ самый моментъ (мартъ 1811 года) Александръ захотѣлъ, повидимому, ускорить отпаденіе поляковъ посредствомъ внезапнаго вторженія въ великое герцогство. Въ то самое время, когда поляки въ Петербургѣ, очарованные Александромъ, увѣряли, что онъ рѣшилъ возстановить Польшу и что онъ назначитъ 3 мая, годовщину конституціи 1791 года, для выпуска своей прокламаціи,—въ это время масса русскаго вой-

ска безшумно приближалась къ границамъ великаго герцогства. Пять дивизій, отозванныхъ изъ дунайской арміи надвигались черезъ Подолію и Волынь. Финляндская армія спускалась къ югу. Подъ предлогомъ усиленія таможеннаго дозора цѣлая завѣса изъ казаковъ скрывала отъ взора варшавцевъ обильный притокъ войскъ въ Литву. Поляки великаго герцогства поторопились поднять тревогу въ Гамбургѣ, гдѣ начальствовалъ Даву, и въ Парижѣ, гдѣ императоръ, сначала предубѣжденный противъ слишкомъ частыхъ тревогъ и противъ слишкомъ живого воображенія варшавцевъ, въ концѣ концовъ сталъ безпокоиться (мартъ и апрѣль 1811 года). Получивъ отъ Даву донесеніе о серьезности положенія, онъ не сталъ терять времени и съ своей стороны началъ готовиться къ защитѣ. Онъ ускорилъ отправку подкрѣпленій въ Данцигъ, далъ знать саксонскому королю о необходимости пополнить вооруженіе варшавскихъ войскъ, потребовалъ отъ государей Рейнскаго союза, чтобы они поставили на военное положеніе свои контингенты, обратился съ призывомъ къ своимъ арміямъ Итальянскаго и Неаполитанскаго королевствъ, приказалъ польскимъ войскамъ, служившимъ въ Испаніи, перейти обратно черезъ Пиренеи, предписалъ Даву быть готовымъ къ походу черезъ шведскую Померанію на помощь великому герцогству. Съ этого момента всюду, отъ Рейна и до Эльбы, отъ Эльбы и до Одера происходило непрерывное движеніе полковъ, баттарей, обозовъ. На подлинную или предполагаемую подготовку царя во всѣхъ военныхъ центрахъ Франціи и Германіи отвѣчали подготовкою прямо огромнаго масштаба.

Переговоры двухъ императоровъ. — Эти дѣятельныя подготовленія мало-по-малу привели Александра и Наполеона къ окончательному разрыву. Коленкуръ, котораго Наполеонъ весьма несправедливо считалъ черезчуръ „русскимъ", просилъ о своемъ отозваніи. Онъ былъ замѣненъ генераломъ Лористономъ. Куракинъ, котораго можно было бы обвинять въ томъ, что онъ слишкомъ „французъ", дожилъ до того, что его безпечность была нарушена: въ Парижъ посланъ былъ адъютантъ царя Чернышевъ. Наполеонъ принялъ этого посла тотчасъ по его прибытіи въ Парижъ, представилъ ему устрашающую картину своихъ силъ, показалъ ему „гигантскую" армію съ 800 орудій, готовыхъ отправиться на востокъ; впрочемъ, всѣ эти угрозы Наполеонъ закончилъ заявленіемъ, что онъ желаетъ только мира. Тѣмъ не менѣе была минута, когда онъ понялъ дѣло такъ, что Россія требуетъ отъ него великаго герцогства Варшавскаго въ видѣ вознагражденія за Ольденбургъ, и тогда онъ обнаружилъ сильнѣйшій гнѣвъ: „Я заставлю Россію раскаиваться, но тогда ей предстоитъ потеря не только польскихъ областей, но и Крыма". Потомъ, сообразивъ, что Чернышевъ имѣлъ въ виду лишь какой-то польскій уѣздъ, онъ смягчился, попытался разсѣять остальныя недоразумѣнія, предложилъ щедрое вознагражденіе за Ольденбургъ, предложилъ подписать относительно Польши гарантіи, которыя онъ предлагалъ уже раньше. Чернышевъ, полномочія котораго касались только вознагражденія за Ольденбургъ, не могъ входить въ обсужденіе всѣхъ этихъ вопросовъ. Впрочемъ, когда русскія войска вдругъ удалились съ польской границы, Наполеонъ сразу успокоился, сдѣлался ровнѣе, сталъ чаще дѣлать мирныя завѣренія, но въ то же время менѣе расположенъ былъ связывать себя договорами. Въ разговорѣ съ однимъ дипломатомъ, Шуваловымъ, проѣздомъ посѣтившимъ Парижъ, Наполеонъ сказалъ: „Чего хочетъ отъ меня императоръ Александръ? Пусть онъ оставитъ меня въ покоѣ! Мыслимое ли дѣло, что я пожертвую 200.000 французовъ для возстановленія Польши?" Несмотря на настойчивыя военныя приго-

товленія, Европа въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ могла вѣрить въ сохраненіе мира. Она снова впала въ тревогу послѣ сцены, которую Наполеонъ сдѣлалъ старому князю Куракину 15 августа 1811 года во время торжественнаго пріема дипломатическаго корпуса: „Я не настолько глупъ, чтобы думать, будто васъ такъ занимаетъ Ольденбургъ. Я вижу ясно, что дѣло тутъ въ Польшѣ. Вы приписываете мнѣ различные проекты въ пользу Польши; я начинаю вѣрить, что вы сами собираетесь завладѣть ею... Даже если бы ваши войска стояли лагеремъ на высотахъ Монмартра, я не уступлю ни пяди варшавской территоріи“.

Русскій ультиматумъ; разрывъ. — Лористонъ былъ хорошо принятъ Александромъ, который снова подтвердилъ свое желаніе поддерживать миръ и даже союзъ. Царь изъявилъ готовность выполнить условія Тильзитскаго договора; онъ допуститъ существованіе великаго герцогства Варшавскаго, лишь бы только это не было началомъ возстановленія Польши; онъ станетъ соблюдать континентальную блокаду, только бы ему не запрещали торговыхъ сношеній съ американцами и другими нейтральными государствами. Въ этомъ пунктѣ царь былъ непреклоненъ. „Я скорѣе готовъ вынести десятилѣтнюю войну, удалиться въ Сибирь, чѣмъ принять для Россіи условія, въ какихъ находятся сейчасъ Австрія и Пруссія“ (февраль 1812 года). А нѣсколько дней спустя Наполеонъ твердилъ Чернышеву: „Это дурная шутка — думать, будто есть американскія суда... всѣ они англійскія!“ Теперь онъ уже указывалъ ему на сосредоточеніе своихъ войскъ на Одерѣ и на свои аванпосты по Вислѣ. Онъ прибавилъ: „Такая война изъ-за дамскихъ грѣшковъ!“ Отвѣтомъ царя явился ультиматумъ, заготовленный уже съ октября 1811 года; Куракину поручено было вручить его 27 апрѣля 1812 года. Александръ требовалъ оставленія шведской Помераніи и ликвидаціи французскихъ затрудненій со Швеціей; оставленія прусскихъ владѣній; сокращенія данцигскаго гарнизона; разрѣшенія торговли съ нейтральными государствами. Въ случаѣ принятія Франціей этихъ предварительныхъ условій, царь изъявлялъ готовность вести переговоры о вознагражденіи за Ольденбургъ и объ измѣненіи русскихъ тарифовъ, прилагаемыхъ къ французскимъ товарамъ. Но вотъ незадолго до этого времени въ Парижѣ въ квартирѣ Чернышева произведенъ былъ обыскъ, который далъ ясныя улики въ томъ, что Чернышевъ добылъ секретныя бумаги, подкупивъ одного служащаго въ военномъ министерствѣ, нѣкоего Мишеля. 13 апрѣля послѣдній предсталъ передъ сенскимъ судомъ присяжныхъ. Онъ приговоренъ былъ къ смерти и казненъ. Понятно, что послѣ осужденія Мишеля, т.-е. послѣ „заочнаго“ осужденія Россіи аудіенція 27 апрѣля, во время которой Куракинъ передалъ Наполеону ультиматумъ, была одной изъ самыхъ бурныхъ: „Вы дворянинъ,—кричалъ Наполеонъ, — какъ вы смѣете дѣлать мнѣ подобныя предложенія?.. Вы поступаете, какъ Пруссія передъ Іеной“.

Александръ такъ мало разсчитывалъ на принятіе своего ультиматума, что 22 апрѣля онъ покинулъ Петербургъ и отправился къ арміи. Давно уже онъ окружалъ себя всѣми, кто въ Европѣ такъ или иначе ненавидѣлъ Наполеона. Тутъ были: шведъ Армфельдъ, нѣмцы Пфуль, Вольцогенъ, Винцингероде, эльзасецъ Анштетъ, пьемонтецъ Мишо, итальянецъ Паулуччи, корсиканецъ Поццо ди Борго, британскій агентъ Робертъ Уильсонъ. 12 іюня въ Россію прибылъ баронъ фонъ-Штейнъ. Эти иностранцы образовали военную партію, еще болѣе непримиримую, чѣмъ самые ярые русскіе.

Договоры Наполеона съ Пруссіей и Австріей. — Пруссія предложила Наполеону 100.000 человѣкъ, попросивъ за это лишь

очищенія одной изъ крѣпостей на Одерѣ и уменьшенія военной контрибуціи [1]). Наполеонъ вовсе не собирался увеличивать армію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и могущество Пруссіи, заявилъ, что довольствуется контингентомъ въ 20.000 человѣкъ и согласился только уменьшить контрибуцію на 20 милліоновъ.

Договоръ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи подписанъ былъ 24 февраля 1812 года. Фридрихъ-Вильгельмъ III поручилъ начальство надъ своимъ отрядомъ Іорку фонъ-Вартенбургу, который долженъ былъ поступить подъ высшее командованіе Макдональда.

16 марта Наполеонъ подписалъ свой договоръ съ Австріей, которая два раза, въ февралѣ и въ октябрѣ 1811 года, отвергла предложенія Россіи. Австрія ставила Наполеону контингентъ въ 30.000 человѣкъ. Командовать ими долженъ былъ князь Шварценбергъ, тогдашній посланникъ въ Парижѣ. Помимо этого включены были и политическія оговорки, именно неприкосновенность Турціи и (въ особой тайной статьѣ) возможность обмѣна Галиціи на Иллирійскія провинціи.

Зато обмануты были ожиданія, которыя Наполеонъ возлагалъ на Швецію и Турцію, въ родѣ того, что султанъ станетъ во главѣ оттоманской арміи на Дунаѣ. Изъ этихъ двухъ естественныхъ союзниковъ Франціи, коварно отстраненныхъ Тильзитскимъ договоромъ, Турція осталась нейтральной, Швеція собиралась перейти на сторону врага. Что касается двухъ недавно привлеченныхъ союзниковъ, то ихъ настоящія чувства нетрудно угадать. Фридрихъ - Вильгельмъ III ничего не забылъ изъ прежнихъ униженій; онъ слышалъ вопли своего народа, тяжело страдавшаго отъ прохода великой арміи; онъ вспоминалъ клятву, которой обмѣнялся съ Александромъ въ 1806 году на могилѣ великаго Фридриха, вспоминалъ бартенштейновскія постановленія и ждалъ спасенія Пруссіи только отъ Александра. Отправляя свой отрядъ въ походъ противъ Александра, онъ въ то-же время посылалъ въ Петербургъ фонъ-Кнезебека.

И Австрія, хотя она дѣйствовала отчасти изъ страха передъ притязаніями русскихъ на Дунаѣ, заключая договоръ съ Наполеономъ, увѣряла Александра, что только уступаетъ тяжелой необходимости и что содѣйствіе, оказываемое ею противъ Александра, сведется на нѣтъ, если Россія ничего не предприметъ противъ Австріи.

Договоры Александра со Швеціей, Англіей, Турціей.—Бернадоттъ избранъ былъ въ наслѣдники шведскаго престола неожиданно для Наполеона, который считалъ его наименѣе надежнымъ изъ своихъ маршаловъ и предпочелъ бы какого-нибудь датскаго принца, чтобы подготовить скандинавскій союзъ и надежнѣе закрыть для Россіи сѣверные проливы. Наполеонъ удовольствовался изъявленіемъ своего согласія на избраніе. Онъ выплатилъ Бернадотту милліонъ, но отнялъ княжество Порте-Корво и отозвалъ находившихся при его особѣ французскихъ офицеровъ, такъ какъ не могъ добиться отъ него обязательства никогда не воевать противъ Франціи. 2 ноября 1810 года новый наслѣдный принцъ, перейдя въ лютеранство, совершилъ свой въѣздъ въ Стокгольмъ. Наполеонъ продолжалъ третировать его, какъ подчиненнаго: „Наслѣдный принцъ часто писалъ императору, который не отвѣчалъ ему... Императоръ... не состоитъ въ перепискѣ ни съ однимъ наслѣднымъ принцемъ. Когда означенный принцъ сдѣлается королемъ, императоръ будетъ съ удовольствіемъ получать его письма и отвѣчать на нихъ“. (Изъ письма Шампаньи къ Алькье, французскому послу въ Стокгольмѣ, отъ 22 декабря 1810 года). Подобное высокомѣріе или

[1]) См. выше, стр. 69.

разборчивость были неполитичны въ такой моментъ, когда Швеція всѣми мѣрами противилась континентальной блокадѣ, когда Бернадоттъ пріобрѣталъ рѣшительное вліяніе на стараго короля и правительство, когда императоръ Александръ относился къ нему въ высшей степени предупредительно и когда двѣ соперничавшія дипломатіи, французская и русская, оспаривали Швецію другъ у друга. Впрочемъ, Бернадоттъ, чуждый всякой политики чувства, рѣшилъ втягивать Швецію только въ такія отношенія, которыя соотвѣтствуютъ ея выгодамъ или его собственнымъ выгодамъ, понимаемымъ въ самомъ эгоистическомъ и въ самомъ узкомъ смыслѣ. Онъ запросилъ у Наполеона поддержки Франціи въ дѣлѣ присоединенія Норвегіи къ Швеціи. За такую цѣну онъ обѣщалъ въ случаѣ разрыва между двумя имперіями выступить противъ Россіи, вторгнуться въ Финляндію и угрожать Петербургу. Наполеонъ, уже давшій слово своей союзницѣ — Даніи, отвергнулъ эти предложенія все съ тѣмъ же высокомѣріемъ: „Въ головѣ принца шведскаго такая путаница, что я не придаю никакого значенія сообщенію, которое онъ сдѣлалъ Алькье... Я буду игнорировать его до перемѣны обстоятельствъ... Сообщите... что я слишкомъ могущественъ, чтобы нуждаться въ чьемъ-либо содѣйствіи“ [1]). Но вотъ въ мартѣ 1811 года, въ виду все возраставшей дряблости короля Карла XIII, Бернадоттъ взялъ въ свои руки управленіе дѣлами. Жена наслѣднаго принца, Дезире Клари, дочь марсельскаго купца, которая чуть было не вышла замужъ за Наполеона и сестра которой была за Іосифомъ Бонапартомъ, могла бы способствовать тому, чтобы ея мужъ поддержалъ союзъ съ Франціей; но ей было скучно въ Стокгольмѣ, и она воспользовалась ближайшимъ предлогомъ, чтобы вернуться во Францію. Когда въ январѣ 1812 года, Наполеонъ подъ предлогомъ нарушенія континентальной блокады или въ видахъ дополненія своихъ подступовъ къ Россіи, велѣлъ захватить шведскую Померанію, шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ русскому посланнику: „Теперь мы свободны отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ Франціи“.

Въ февралѣ Швеція, все еще стремившаяся получить Норвегію, изъявила царю готовность подписать формальный отказъ отъ Финляндіи и отъ Аландскихъ острововъ, если онъ поможетъ Швеціи завоевать Норвегію; 25 — 30 тысячъ шведовъ при содѣйствіи 15.000 русскихъ могли бы совершить завоеваніе; послѣ этого соединенныя войска отправились бы въ Германію, т.-е. противъ лѣваго фланга великой арміи; можно было бы добиться присоединенія Англіи къ шведско-русской коалиціи. Эти предложенія встрѣтили хорошій пріемъ въ Петербургѣ, и договоръ былъ подписанъ здѣсь 5 апрѣля 1812 года. А между тѣмъ въ мартѣ Наполеонъ одумался и велѣлъ предложить Бернадотту Финляндію и, кромѣ того, часть Норвегіи. Но онъ одумался слишкомъ поздно. Вспомнивъ свою профессію генерала, Бернадоттъ уже разсылалъ всѣмъ врагамъ своего бывшаго начальника не только политическіе, но и военные совѣты противъ Наполеона. Этотъ французъ преподавалъ имъ искусство побивать французовъ и— верхъ подлости —приглашалъ ихъ не давать пощады солдатамъ Франціи. Онъ тогда же спустился бы и въ Германію, если бы ему не помѣшала кажущаяся вѣрность Пруссіи Наполеону. Во всякомъ случаѣ пока его новое поведеніе давало возможность русскимъ обратить противъ императора всѣ свои войска, стоявшія въ Финляндіи.

3 мая 1812 года и Англія примкнула къ договору 5 апрѣля между Россіей и Швеціей. 18 іюня она заключила договоръ съ Россіей о союзѣ и воспомоществованіи. Наконецъ, въ августѣ Россія подписа-

[1]) Наполеонъ къ Шампаньи, 25 февраля 1811 г.

ла съ Турціей Бухарестскій договоръ, который давалъ возможность бросить противъ Наполеона русскую дунайскую армію [1]).

II. Походъ на Москву.

Наполеонъ въ Дрезденѣ.—9 мая 1812 года Наполеонъ покинулъ Парижъ, а 17-го онъ прибылъ вмѣстѣ съ императрицей Маріей-Луизой въ Дрезденъ, къ саксонскому королю. Здѣсь повторились торжества, свидѣтелемъ которыхъ въ 1808 году явился Эрфуртъ. Передъ владыкою Европы, передъ наслѣдникомъ Карла Великаго столпились всѣ коронованныя особы Германіи, не только участники Рейнскаго союза, но и австрійскій императоръ съ супругой, явившіеся обнять свою дочь и защищать свои интересы, и прусскій король, взволнованный внезапной оккупаціей Пиллау и Шпандау великою арміей. Въ послѣдній разъ Наполеонъ явился міру во всемъ блескѣ своего величія, явился властителемъ 130 французскихъ департаментовъ, сюзереномъ семи вассальныхъ королевствъ [2]) и тридцати государей, во главѣ войскъ, которыя безпрерывной лентой тянулись отъ Рейна къ русской границѣ,—явился, вызывая ужасъ Европы и удивленіе Германіи, восторженное и вмѣстѣ съ тѣмъ испуганное [3]).

Наполеонъ въ Польшѣ.—Вечеромъ 30-го мая Наполеонъ совершилъ свой въѣздъ въ Познань. Его встрѣтили здѣсь съ поразительнымъ энтузіазмомъ. Весь городъ былъ иллюминованъ. Всюду транспаранты съ хвалебными надписями: Heroi invincibili, Restauratori patriae, Grati Poloni imperatori magno [4]) и т. д. Онъ принялъ знать, явившуюся въ придворныхъ костюмахъ, и сказалъ ей: „Я предпочелъ бы видѣть васъ въ сапогахъ и при шпорахъ, съ саблей на боку, какъ ходили ваши предки". Затѣмъ онъ продолжалъ свой походъ къ Нѣману, не отклоняясь къ Варшавѣ. И это былъ промахъ. Весьма ловкаго своего представителя при великомъ герцогствѣ, Биньона, Наполеонъ смѣнилъ мехельнскимъ архіепископомъ аббатомъ де Прадтомъ, разсчитывая, что духовный сановникъ будетъ пользоваться вліяніемъ у такого католическаго народа. Данныя ему отъ 28 мая инструкціи предписывали ему собрать сеймъ съ цѣлью вотировать возстановленіе Польши, образовать повсюду *конфедераціи* и вызвать всеобщее возстаніе. Къ несчастью, архіепископъ мехельнскій былъ глупъ, хотя и слылъ за остряка. Прибывъ въ Варшаву 5 іюня, онъ терялъ время на собственноручное исправленіе рѣчей, которыя имѣли быть произнесены на сеймѣ вождями Польши, и на удаленіе изъ этихъ рѣчей всего того, что было „противно всякимъ правиламъ вкуса". Вмѣсто того, чтобы раскалить энтузіазмъ добѣла, онъ безпокоился по поводу увлеченій, „въ которыя могла впасть эта масса собравшихся людей", и задумывалъ распустить сеймъ, какъ только онъ откроется. 22 іюня при открытіи этого собранія старый князь Адамъ-Казиміръ Чарторыйскій, избранный маршаломъ, возвѣстилъ о возстановленіи Польши въ такихъ патетическихъ выраженіяхъ, что раздались восторженные возгласы. Сеймъ объявилъ себя конфедераціей. Было рѣшено, что больше не будетъ „двоякихъ подданныхъ", т.-е. что поляки, имѣющіе владѣнія и въ великомъ герцогствѣ, и въ Россійской имперіи, вынуждены будутъ сдѣлать выборъ между той и другой національностью. Въ результатѣ этого постановленія князь Адамъ Чарторыйскій долженъ былъ послать царю Александру отказъ отъ всѣхъ своихъ должностей. Наконецъ, рѣшено было от-

---

[1]) См. выше, стр. 103 и 104.

[2]) Италіи, Неаполя, Испаніи, Вестфаліи, Баваріи, Саксоніи, Вюртемберга.

[3]) Въ это именно время лейпцигскій университетъ рѣшилъ назвать три звѣзды, образующихъ „поясъ Оріона",—„созвѣздіемъ Наполеона".

[4]) Непобѣдимому герою, Возстановителю отечества, Благодарные поляки великому императору.

править депутацію къ Наполеону. Прадтъ, все еще не понимавшій положенія дѣлъ, писалъ Бассано: „Они пошли бы очень быстро, если имъ дать ходъ". Онъ не далъ имъ хода: на третій день онъ велѣлъ объявить о закрытіи сейма, и такъ какъ думали, что это дѣлается по приказанію Наполеона, то „это удивило французовъ и охладило поляковъ" (Биньонъ). Узнавъ объ этомъ слишкомъ поздно, Наполеонъ могъ только сдѣлать архіепископу строгій выговоръ.

Допущены были и другія ошибки. Теряли время на то, чтобы обучить польскихъ рекрутовъ на французскій ладъ, вмѣсто того, чтобы поднять всю страну и двинуть противъ русской границы *посполитое рушенье.* Вмѣсто того, чтобы соединить въ одну массу свои регулярныя польскія войска, войска великаго герцогства и войска, возвращавшіяся изъ Испаніи, Наполеонъ распредѣлилъ ихъ по семи корпусамъ (гвардіи, корпусу Мюрата, Понятовскаго, Даву, Іеронима-Наполеона, Виктора, Макдональда). Этимъ путемъ (такъ утверждаетъ Прадтъ, который въ данномъ случаѣ сводитъ счеты съ Наполеономъ) онъ сдѣлалъ „невидимою" цѣлую армію поляковъ въ 70.000 человѣкъ [1]). Наконецъ, проходъ великой арміи черезъ Польшу, какъ и черезъ Германію, сопровождался разными насиліями, и страна, безъ того уже бѣдная, страдала еще больше Германіи отъ тѣхъ, кто называлъ себя ея освободителями. Надо отмѣтить, что Волынь и другія русскія области почти вовсе не входили въ эти 70.000 поляковъ великой арміи.

Силы Наполеона.—Согласно показаніямъ инспектора смотровъ барона Деннье силы, собранныя Наполеономъ въ Германіи и Польшѣ къ 1 іюня 1812 года, состояли изъ одиннадцати корпусовъ, не считая императорской гвардіи и кавалерійскаго резерва подъ командой Мюрата. Въ большинство изъ этихъ корпусовъ помимо французовъ входили иностранные контингенты [1]). Въ императорскую гвардію (Лефевръ, Мортье, Бессьеръ) входила и голландская пѣхота, и польскіе уланы. Въ 40.000-ной кавалеріи Мюрата были поляки, пруссаки и нѣмцы Рейнскаго союза (вестфальцы, баварцы, вюртембержцы). Въ первомъ корпусѣ (Даву) сверхъ трехъ французскихъ дивизій (Гюденъ, Фріанъ, Моранъ) — три дивизіи, составленныя изъ поляковъ, испанцевъ, нѣмцевъ (мекленбуржцевъ, гессенцевъ, баденцевъ). Во второмъ корпусѣ (Удино) — португальцы, кроаты, швейцарцы. Въ третьемъ (Ней)—португальцы, иллирійцы, вюртембержцы. Въ четвертомъ (вице-король Евгеній)—почти только одни сѣверные итальянцы. Въ пятомъ (Іосифъ Понятовскій)—одни поляки. Въ шестомъ (Гувіонъ Сенъ-Сиръ)—одни баварцы (съ баварскими генералами фонъ-Вреде и Деруа). Въ седьмомъ (Ренье)—одни саксонцы (съ Лекокомъ и Франкомъ). Въ восьмомъ (Жюно)—одни вестфальцы. Прибавимъ, что шестой, седьмой и восьмой корпуса поставлены были подъ команду вестфальскаго короля Іеронима-Наполеона. Въ девятомъ корпусѣ (Викторъ)—помимо французовъ были поляки, голландцы, нѣмцы (изъ Берга, Бадена, Гессенъ-Дармштадта). Въ десятомъ (Макдональдъ) — только поляки и нѣмцы (саксонцы, вюртембержцы, вестфальцы), кромѣ того, двѣ прусскихъ дивизіи подъ командой Іорка фонъ-Вартенбурга. Въ одиннадцатомъ (Ожеро) рядомъ съ французами были и нѣмцы (вестфальцы, гессенцы, вюртембержцы, саксонцы). Къ императорской гвардіи, кавалерійскому резерву Мюрата, и одиннадцати армейскимъ корпусамъ надо прибавить: большой артиллерійскій паркъ (французскій и польскій);

---

[1]) См. выше, стр. 23 и слѣд.

[1]) Объ этихъ иностранныхъ контингентахъ см. выше главы: *Италія, Швейцарія, Рейнскій Союзъ, Голландія, Польша.*

датскую дивизію въ 10.000 человѣкъ; такъ называемую *княжескую* дивизію, образованную мелкими государствами, входившими въ составъ Рейнскаго союза; наконецъ, 30.000 австрійцевъ князя Шварценберга.

Наличныя силы, которыми располагалъ Наполеонъ 1 іюня 1812 г. въ Германіи и Польшѣ, состояли изъ 678.000 человѣкъ (включая австрійскій корпусъ), изъ нихъ—355.913 французовъ (къ нимъ надо причислить и присоединенные народы, т.-е. бельгійцевъ, голландцевъ прирейнскихъ жителей, нѣмцевъ тридцать второго военнаго округа, генуэзцевъ, пьемонтцевъ, тосканцевъ, римлянъ) и 322.000 союзниковъ. Такимъ образомъ, армія болѣе, чѣмъ наполовину состояла изъ элементовъ, враждебныхъ Франціи 1789 года. Среди славянскихъ народовъ, которые Наполеонъ сумѣлъ вооружить противъ великой восточной славянской имперіи, были поляки, кроаты, далматинцы, иллирійцы. Русскіе назвали великую армію 1812 года арміей „дванадесяти языкъ". Эти 678.000 человѣкъ заключали въ себѣ 480.000 пѣхоты, 100.000 кавалеріи, 30.000 артиллеріи; остальные входили въ составъ шести понтонныхъ командъ или заняты были при огромномъ обозѣ.

Помимо этихъ 678.000, Наполеонъ располагалъ еще 150.000 солдатъ во Франціи, 50.000 въ Италіи, 300.000 въ Испаніи. Всего, такимъ образомъ, было 1.188.000 человѣкъ.

Движеніе къ сердцу Россійской имперіи должны были произвести императорская гвардія, кавалерія Мюрата, первый, второй, третій, четвертый, пятый и восьмой корпуса. Послѣ перехода Нѣмана шестой корпусъ (Гувіонъ Сенъ-Сиръ) и десятый (Макдональдъ) должны были остановиться на Двинѣ и прикрывать лѣвый флангъ великой арміи; седьмой (Ренье) и австрійскій корпуса должны были прикрывать ея правый флангъ противъ двухъ южныхъ русскихъ армій (арміи Тормасова, стоявшей на Волыни, и Чичагова—въ Румыніи); девятый корпусъ (Викторъ) держался въ резервѣ на Вислѣ и Одерѣ; одиннадцатый (Ожеро)—на Эльбѣ. Датчане и нѣсколько другихъ мелкихъ корпусовъ должны были оставаться въ арьергардѣ.

Переходъ черезъ Нѣманъ. — Для вторженія въ Россію Наполеонъ могъ избрать одинъ изъ четырехъ путей: во-первыхъ, черезъ Кіевъ на Москву; во-вторыхъ, черезъ Гродно и Смоленскъ на Москву; въ-третьихъ, черезъ Ковно, Вильно, Витебскъ на Москву; въ-четвертыхъ, черезъ Тильзитъ, Митаву, Ригу, Нарву на Петербургъ. Первая и четвертая комбинаціи были отвергнуты, такъ какъ первая слишкомъ отдавала французовъ во власть Австріи, четвертая — во власть Пруссіи. Путь на Гродно также былъ отвергнутъ по причинѣ Пинскихъ болотъ. Оставался путь на Ковно.

23 іюня генералъ Эбле со своими понтонерами меньше, чѣмъ въ два часа навелъ черезъ Нѣманъ у Ковно три моста въ разстояніи всего ста саженъ одинъ отъ другого. 24 іюня утромъ войскамъ прочтена была знаменитая прокламація: „Солдаты, вторая польская война начата!" Въ теченіе трехъ дней—24, 25, 26 іюня — по мостамъ подъ Ковно прошли корпусъ Даву, кавалерія Мюрата, императорская гвардія (старая и молодая, пѣхота, конница, артиллерія), корпуса Удино и Нея. Евгеній переправился по преннскому мосту (но только 28 іюня), Іеронимъ-Наполеонъ—по гродненскому, Макдональдъ—по тильзитскому. Всего около 400.000 человѣкъ съ 1.000 орудій.

Наполеонъ въ Литвѣ. — Въ тотъ самый день 24 іюня, когда великая армія начала свой переходъ черезъ Нѣманъ, Александръ участвовалъ близъ Вильно на празднествѣ, которое его офицеры устроили высшему виленскому обществу. Здѣсь онъ узналъ вечеромъ о переходѣ черезъ Нѣманъ. 26 іюня онъ оставилъ городъ,

отправивъ Балашова для мнимыхъ переговоровъ съ Наполеономъ, точно такъ же, какъ нѣсколько раньше Наполеонъ, желая выиграть время, посылалъ къ Александру де Нарбонна.

Во время десятимильнаго перехода между Ковно и Вильно великая армія страдала отъ изсушающей жары. Передовыя части кавалеріи достигли литовской столицы въ ночь съ 27 на 28 іюня. 28 утромъ вступилъ въ городъ самъ Наполеонъ. Проголодавшіеся солдаты уже принялись грабить предмѣстья, что значительнымъ образомъ охладило пріемъ со стороны обывателей. Наполеонъ совсѣмъ не нашелъ того энтузіазма, съ которымъ встрѣчали его въ собственной Польшѣ. У него вырвалось такое замѣчаніе: „Эти поляки совсѣмъ не похожи на познанскихъ". Потомъ удалось собрать дворянство, которое при возобновившемся энтузіазмѣ одобрило рѣшеніе варшавскаго сейма о возстановленіи Польши. Впрочемъ, Наполеонъ далъ Литвѣ особое отъ Польши устройство съ цѣлью управлять ею непосредственно и надежнѣе распоряжаться ея средствами. Онъ раздѣлилъ страну на четыре губерніи—Виленскую, Гродненскую, Минскую, Бѣлостокскую.

Въ Литвѣ обнаружился тотъ бичъ, которому суждено было сгубить великую армію. За недостаткомъ правильной организаціи интендантства, невозможной при такихъ огромныхъ разстояніяхъ и при такихъ плохихъ дорогахъ, солдаты пріучились болѣе, чѣмъ когда-либо, жить на счетъ страны и разбредаться съ цѣлью мародерства. Въ Минскѣ въ то самое время, когда въ соборѣ совершали молебствіе о возрожденіи Польши, они ограбили военные склады. Такъ какъ большинство мародеровъ превращалось въ дезертировъ, особенно солдаты иностранныхъ контингентовъ, то ряды войска стали рѣдѣть. Съ 29 по 31 іюня разразились грозы, которыя вызвали рѣзкое паденіе температуры, испортили дороги, побили нѣсколько тысячъ лошадей и привели къ тому, что не удалось настигнуть русскихъ при ихъ отступленіи, во время котораго русскіе уже начали опустошать страну.

Русскія арміи.—Для оказанія сопротивленія тѣмъ 400.000 человѣкъ, которыхъ велъ съ собою Наполеонъ, Александръ имѣлъ или собирался имѣть въ своемъ распоряженіи пять армій: во-первыхъ, 24.000 человѣкъ на сѣверѣ, подъ командой Витгенштейна; эта армія вначалѣ занята была подготовкой къ оборонѣ Риги; во-вторыхъ, впереди Двины, отъ Динабурга до Витебска 110.000 человѣкъ, такъ называемую „первую западную армію", подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли, по происхожденію прибалтійскаго нѣмца; въ-третьихъ, впереди верховьевъ Днѣпра, отъ Смоленска до Рогачева—„вторую западную армію" изъ 37.000 человѣкъ подъ командой пылкаго Багратіона, грузинскаго князя, одного изъ учениковъ Суворова; въ-четвертыхъ, южнѣе—„обсерваціонную армію" въ 46.000 человѣкъ подъ начальствомъ Тормасова; въ-пятыхъ, на самомъ югѣ—50.000-ную армію подъ начальствомъ адмирала Чичагова, прибывшую изъ Румыніи. Всего 267.000 человѣкъ, которыхъ предполагалось усилить новыми рекрутскими наборами и ополченьемъ. Но такъ какъ армія Витгенштейна, которую должны были усилить войска изъ Финляндіи, стѣснена была въ своихъ дѣйствіяхъ маршаломъ Удино, позднѣе Макдональдомъ и Гувіономъ Сенъ-Сиромъ, и такъ какъ арміи Тормасова и Чичагова находились подъ наблюденіемъ корпусовъ Ренье и Шварценберга, то царь имѣлъ подъ рукой лишь арміи Барклая-де-Толли и Багратіона, всего 147.000 человѣкъ.

Французы на Днѣпрѣ и на Двинѣ.—Наполеонъ возымѣлъ намѣреніе отдѣлить эти арміи одну отъ другой, основательно атаковать Багратіона, который рискнулъ

дойти до самаго Минска, и пробраться раньше него въ Могилевъ. Планъ этотъ разстроился благодаря медленности, которую обнаружилъ Іеронимъ, помогавшій Даву. Онъ сдѣлалъ двадцать миль въ семь дней! Наполеонъ недостаточно считался съ затрудненіями, которыя стѣсняли движенія войскъ въ лѣсистой и болотистой странѣ. Онъ разгнѣвался на своего брата и возымѣлъ намѣреніе поставить его подъ начальство Даву. Недовольный Іеронимъ вернулся въ свое королевство, оставивъ Даву командованіе надъ своими войсками. Маршалъ сразился съ Багратіономъ подъ Могилевымъ (23 іюля) и отбросилъ его къ Смоленску.

Тѣмъ временемъ лѣвое крыло великой арміи достигло Двины. Царь Александръ поддался наставленіямъ нѣмца Пфуля, который собирался въ литовскихъ равнинахъ примѣнить тактику Уэллингтона въ португальскихъ горахъ и сдѣлать изъ дрисскаго лагеря на Двинѣ второе Торресъ-Ведрасъ. Свой лагерь, задуманный по-ученому, Пфуль къ тому же расположилъ впереди рѣки, построивъ сзади четыре моста; словомъ, подготовленъ былъ второй Фридландъ. При приближеніи Наполеона никто и не думалъ защищать это злополучное сооруженіе. Пришлось оставить линію Двины. Вотъ откуда взялось въ генеральномъ штабѣ, въ русской аристократіи, это ожесточеніе противъ „проклятаго нѣмца", даже противъ самого Александра. Наиболѣе преданные его слуги, Аракчеевъ и Балашовъ, должны были освѣдомить его объ общественномъ настроеніи, требовавшемъ, чтобы царь покинулъ армію, которую его царственное присутствіе стѣсняетъ въ ея дѣйствіяхъ; лучше, если бы Александръ вернулся въ Смоленскъ, въ Петербургъ, въ Москву для организаціи защиты и для поощренія къ пожертвованіямъ. Самодержавный царь долженъ былъ уступить. Барклай и Багратіонъ получили свободу дѣйствій.

Наполеонъ съ корпусами лѣваго крыла энергично тѣснилъ Барклая-де-Толли и далъ ему два сраженія при Островнѣ и Витебскѣ (25 и 27 іюля). Барклай на минуту подумалъ было остановиться и дать настоящую битву, потому что, какъ нѣмецъ, онъ чувствовалъ, что внушаетъ подозрѣніе генераламъ, солдатамъ, русскому народу. Но потомъ онъ счелъ нужнымъ отступить и покинулъ Витебскъ, куда Наполеонъ и совершилъ свой въѣздъ 28 іюля.

Наполеонъ начиналъ волноваться: два раза подъ рядъ вышла неудача—съ Багратіономъ и съ Барклаемъ. Онъ понялъ, какова будетъ тактика русскихъ, раньше, чѣмъ сами русскіе рѣшительно склонились къ ней: уходить вглубь имперіи, оставляя за собой пустыню. Мародерство, вызывавшее жестокія расправы со стороны раздраженныхъ крестьянъ, дезертирство, болѣзни, отсталые—все это приводило къ огромнымъ потерямъ въ великой арміи. Отъ Нѣмана до Двины она потеряла тысячъ полтораста человѣкъ, по большей части солдатъ изъ иноземныхъ контингентовъ. Кавалерія Мюрата съ 22.000 уменьшилась до 14.000 человѣкъ; корпусъ Нея—съ 36.000 до 22.000; баварцы Евгенія, застигнутые эпидеміей,—съ 27.000 до 13.000; итальянская дивизія Пино, изможденная переходомъ въ 600 миль, сдѣланныхъ въ три-четыре мѣсяца, съ 11.000 человѣкъ спустилась на 5.000; даже молодая императорская гвардія въ одной изъ своихъ дивизій потеряла 4.000 человѣкъ изъ 7.000; только старая гвардія стойко выносила все. Чтобы поднять мужество, пробудить военную честь, вернуть отсталыхъ, а можетъ быть и дезертировъ, надо было одержать какую-нибудь значительную побѣду. Былъ моментъ, когда можно было надѣяться на это.

Битва подъ Смоленскомъ. — Барклай и Багратіонъ прибыли подъ Смоленскъ. Они созвали здѣсь военный совѣтъ, въ

которомъ приняли участіе великій князь Константинъ и много генераловъ обѣихъ русскихъ армій. По обыкновенію Барклай высказался за отступленіе, Багратіонъ — за сраженіе. Чтобы дать удовлетвореніе Багратіону, произведено было нападеніе на передовыя стоянки Мюрата и Нея, но пойти вглубь не рѣшились.

Съ своей стороны, начала наступленіе и великая армія. 14 августа у Краснаго Мюратъ столкнулся съ силами Багратіона и нанесъ имъ уронъ въ 1.000—1.200 человѣкъ. Чуть было не захватили врасплохъ и Смоленска, но Багратіонъ и Барклай поспѣшили на защиту этого города, и Наполеонъ подумалъ, что наконецъ пришло то сраженіе, котораго онъ искалъ. Оно продолжалось два дня (17 и 18 августа). Барклай опять отступилъ, увлекая за собой Багратіона, отдавъ французамъ объятый пламенемъ Смоленскъ. Французы потеряли 6.000—7.000 человѣкъ, русскіе—отъ 12 до 13 тысячъ. По мнѣнію Наполеона, это опять былъ промахъ, такъ какъ ему не удалось окружить и уничтожить ни одной изъ двухъ русскихъ армій. Зато его польскіе солдаты ликовали по поводу взятія этой крѣпости, которая въ XVI и XVII вѣкахъ выдержала столько осадъ.

Преслѣдуя русскихъ, Ней нагналъ у Валутина (19 августа) корпусъ Тучкова, одного изъ помощниковъ Барклая. Дѣло это, „одно изъ самыхъ кровавыхъ дѣлъ столѣтія“ (Тьеръ), обошлось каждой изъ враждующихъ армій въ 7.000—8.000 человѣкъ (здѣсь былъ убитъ Гюденъ), не приведя ни къ одному изъ результатовъ, какихъ добивался Наполеонъ.

Тѣмъ не менѣе Наполеонъ являлся обладателемъ Двины и Днѣпра, т.-е. двухъ рѣкъ, которыя въ былыя времена составляли восточную границу не собственной Польши, а соединеннаго Польско-Литовскаго государства. Если бы у него хватило благоразумія остановиться на ихъ берегахъ, ограничившись укрѣпленіемъ крѣпостей, господствовавшихъ надъ ними, кто знаетъ, какой ходъ приняла бы всемірная исторія? Польша возстановлена была цѣликомъ со всѣми своими литовскими и русскими владѣніями; Россія— сведена къ границамъ временъ Ивана Грознаго. Но Наполеонъ хотѣлъ блестящаго успѣха, который устрашилъ бы трепещущую Германію, Европу, самое Францію, хотѣлъ какого-нибудь крупнаго боя, какого - нибудь торжественнаго занятія столицы. Какъ нѣкогда Карла XII, его тянуло, увлекало вглубь русскаго государства. По крайней мѣрѣ онъ занятъ былъ усиленіемъ своей арміи, обезпеченіемъ фланговъ и линій своего отступленія. Онъ предписалъ Виктору двинуться впередъ въ Литву, Ожеро — перейти съ Одера на Вислу, сотнѣ когортъ національной гвардіи, предоставленной въ его распоряженіе постановленіемъ сената,—приготовиться къ переходу черезъ Рейнъ. Движеніе съ запада на востокъ вооруженныхъ массъ, начавшееся съ 1810 года, продолжалось. Впрочемъ, общее положеніе не представлялось Наполеону такимъ ужъ плохимъ. На сѣверѣ, на З. Двинѣ, Удино занялъ Полоцкъ, далъ Витгенштейну два побѣдоносныхъ сраженія—при Якубовѣ (29 іюля) и при Дриссѣ (1 августа). Макдональдъ занялъ Курляндію, одержалъ побѣду при Митавѣ, осаждалъ Ригу и угрожалъ Петербургу. Удино былъ раненъ при наступленіи на Полоцкъ; но его смѣнилъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ, который на другой день въ тѣхъ же мѣстахъ нанесъ русскимъ серьезное пораженіе (18 августа). Въ Польшѣ послѣ неудачи саксонскаго корпуса Ренье при Кобринѣ,—неудачи, которая вызвала панику въ Варшавѣ, разбитъ былъ при Городечнѣ генераломъ Ренье и княземъ Шварценбергомъ Тормасовъ (12 августа). Наполеонъ выпросилъ у своего августѣйшаго тестя фельдмаршальскій жезлъ для Шварценберга.

Бородинскій бой [1]).—Барклай и Багратіонъ остановились въ Дорогобужѣ, какъ бы готовясь дать здѣсь битву. Наполеонъ чрезвычайно обрадовался этому. Потомъ они отступили еще и еще послѣ короткаго роздыха въ Вязьмѣ и въ Царевомъ-Займищѣ. Очевидно, они вели французовъ къ Москвѣ, и это во время проливныхъ дождей. Французскіе генералы были встревожены этимъ. Бертье рискнулъ даже сдѣлать на этотъ счетъ представленія императору. Тотъ назвалъ его „старой бабой“ и прибавилъ: „И вы, вы тоже изъ тѣхъ, кто не хочетъ итти дальше!“ И все-таки онъ задумался надъ этимъ и, подъ давленіемъ того же Бертье, Нея, Мюрата, удрученныхъ холодными дождями въ началѣ сентября, онъ сказалъ во время остановки въ Гжатскѣ: „Если погода завтра не перемѣнится, мы остановимся“. А какъ разъ 4 сентября съ утра установилась ясная погода.

Въ русскихъ эти вѣчныя отступленія вызывали еще болѣе сильное безпокойство. Царя осаждали жалобами на Барклая и даже на Багратіона. Онъ рѣшилъ подчинить ихъ обоихъ Кутузову, побѣжденному при Аустерлицѣ, зато вышедшему героемъ изъ послѣдней турецкой войны. Армія сразу окрылилась надеждой. Солдаты говорили: „Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ“. Однако, и онъ продолжалъ отступать; но „чувствовалось, что отступленіе равнялось движенію противъ французовъ“. Онъ отступалъ, но съ цѣлью приблизиться къ ожидаемымъ подкрѣпленіямъ. Царь появился въ московскомъ Кремлѣ и созвалъ тамъ собраніе изъ дворянъ и купцовъ; первые обѣщали по десяти рекрутовъ изъ крѣпостныхъ, объявлено было о созывѣ ополченія; отъ него ожидали 612.000 „длиннобородыхъ“ воиновъ, и Ростопчинъ, назначенный московскимъ главнокомандующимъ, обѣщалъ, что одна Москва дастъ 80.000 человѣкъ.

5 сентября произошелъ бой изъ-за обладанія однимъ русскимъ редутомъ на Шевардинскомъ холмѣ; французы потеряли около 4.000—5.000 человѣкъ, русскіе около 7.000 — 8.000. По крайней мѣрѣ выяснилось, что русскіе заняли позицію и собирались вступить въ бой для защиты своей столицы. Кутузовъ выбралъ небольшую равнину, орошенную Колочей и ея притоками; на этой равнинѣ находились деревни Бородино, Горки и Семеновская. На правомъ русскомъ флангѣ Барклай занималъ деревню Бородино кавалеріей Уварова и казаками Платова. Въ Горкахъ стояла кавалерія и гренадеры Дохтурова. На Красной горѣ сооружено было то, что у русскихъ называлось „батареей Раевскаго“, а у французовъ „большимъ редутомъ“. Далѣе слѣдовала глубокая впадина съ деревней Семеновской. Далѣе три батареи, такъ называемыя „стрѣлы“ Багратіона“. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ ополченье занимало Утицкій лѣсъ. Позади боевой линіи, въ Псаревѣ и Князьковѣ, находился резервъ Тучкова. Русскій главнокомандующій имѣлъ въ своемъ распоряженіи 70.000 пѣхоты, 18.000 регулярной кавалеріи, 7.000 казаковъ, 15.000 артиллеріи и саперъ, 10.000 ополченцевъ; всего 120.000 при 640 орудіяхъ [1]).

Наполеонъ могъ противопоставить ему около 130.000 человѣкъ и 587 орудій. Противъ Бородина стоялъ Евгеній съ баварцами, итальянская армія, дивизіи Морана и Жерара (преемникъ Гюдэна) изъ арміи Даву. Въ центрѣ, противъ большого редута—Ней съ французами Ледрю и Разу, вюртембержцами Марша-

---

[1]) Наполеонъ назвалъ этотъ бой битвой на Москва-рѣкѣ *(bataille de la Moskova)*, хотя эта рѣка протекаетъ очень далеко отъ мѣста рѣзни. Вотъ откуда взялся княжескій титулъ Нея, называвшагося потомъ княземъ Московскимъ.

[1]) Это—цифры, приводимыя Богдановичемъ. Тьеръ насчитываетъ 140.000 человѣкъ, изъ нихъ—120.000 регулярныхъ войскъ.

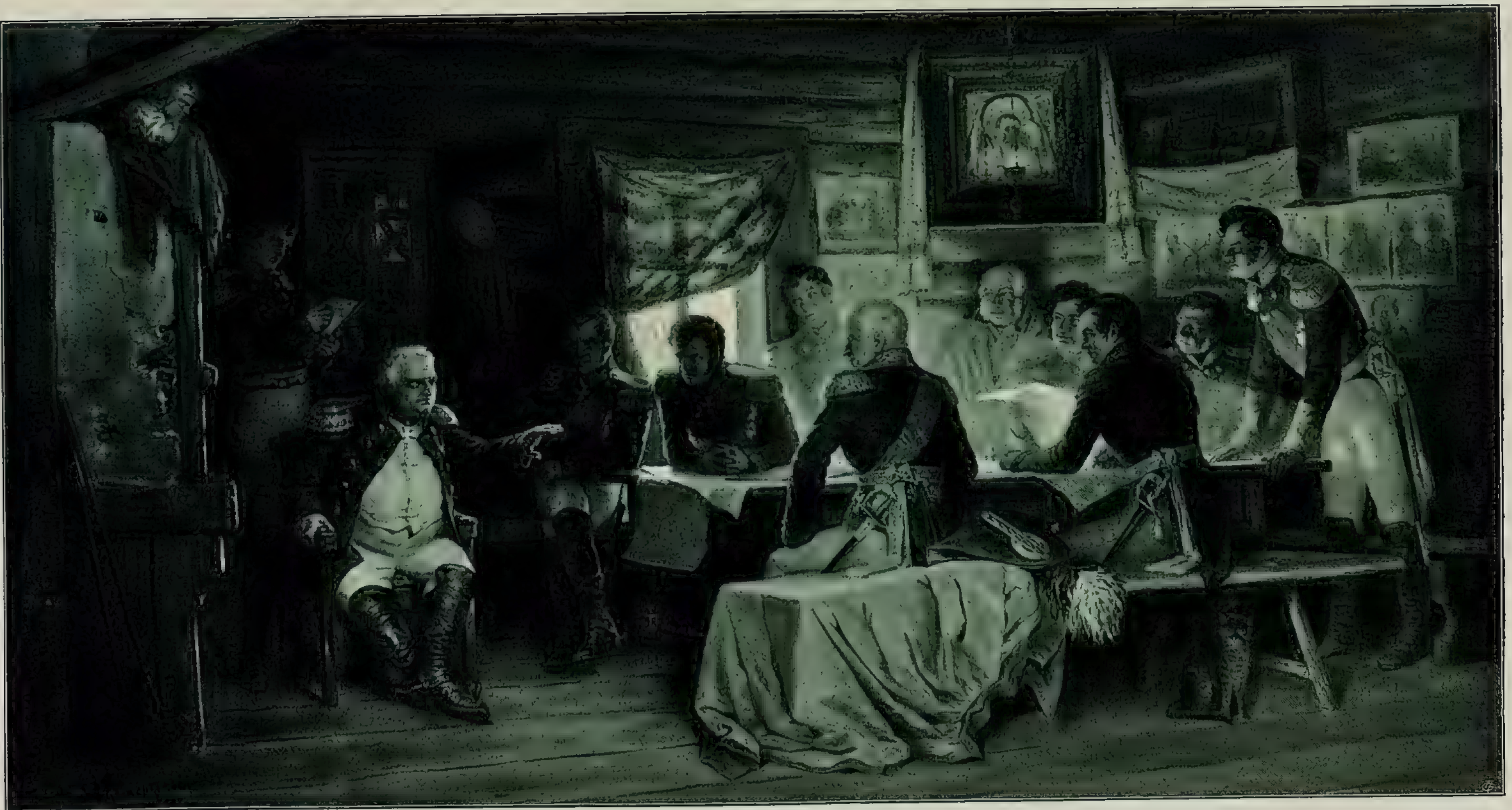
на и вестфальцами Жюно. На французскомъ правомъ флангѣ, противъ трехъ стрѣлъ Багратіона—Даву со своими дивизіями Компана и Дезе. На крайнемъ правомъ флангѣ, противъ Утицы — Понятовскій съ поляками. Позади французской боевой линіи — кавалерія Мюрата. Въ резервѣ—императорская гвардія.

Обѣ арміи отдыхали весь день 6 сентября. Русскіе молились, причащались, преклонялись передъ чудотворными иконами, которыя привезли изъ Москвы и носили крестнымъ ходомъ по фронту арміи; русскіе были „печальны, ожесточены, полны рѣшимости умереть“ (Тьеръ). 7-го бой завязался съ 5 часовъ утра. Онъ начался страшной канонадой, слышной на двадцать миль вокругъ вплоть до самой Москвы. Затѣмъ началось наступательное движеніе французскихъ войскъ. Вице-король Евгеній взялъ Бородино. Даву вмѣстѣ со своими помощниками бросился на большой редутъ, но здѣсь дивизіонный генералъ Компанъ былъ раненъ, самъ Даву сброшенъ съ коня и контуженъ. Его смѣнили Ней и Евгеній, которые взяли укрѣпленіе въ штыки, между тѣмъ какъ Разу, изъ корпуса Евгенія, взялъ „стрѣлы Багратіона“. Было 10 часовъ утра. Въ этотъ моментъ битва могла бы быть рѣшена, если бы Наполеонъ внялъ Нею и Мюрату, которые совѣтовали направить энергичную атаку по лощинѣ у Семеновскаго, гдѣ представлялась возможность разрѣзать русскую армію пополамъ и прорвать ея центръ. Они просили у императора разрѣшенія пустить въ дѣло резервы. Излишнее, можетъ быть, благоразуміе заставило его отказать имъ въ этомъ.

Тогда русскіе въ свою очередь повели рѣшительное наступленіе. Они массами бросились на захваченныя французами укрѣпленія, отбили обратно большой редутъ, атаковали „стрѣлы Багратіона“, но тутъ были отбиты Неемъ и Мюратомъ. Послѣдніе собрались было снова взять большой редутъ, но тутъ смѣлое нападеніе платовскихъ казаковъ и кавалеріи Уварова со стороны Бородина встревожило французскую армію и заставило отказаться отъ атаки. Когда казаковъ прогнали изъ Бородина, когда получено было извѣстіе о занятіи Понятовскимъ утицкихъ высотъ,—большой редутъ снова подвергся бѣшеному нападанію. Коленкуръ съ тремя полками кирасиръ и двумя полками карабинеровъ очистилъ лощину села Семеновскаго, бросился на большой редутъ, изрубилъ тамъ пѣхоту Лихачева, но и самъ палъ, сраженный на смерть, въ тотъ самый моментъ, когда Евгеній взбирался на парапетъ, рубя русскихъ артиллеристовъ и пѣхотинцевъ. По сю сторону редута дѣло кончилось бѣшеной схваткой французскихъ кирасиръ съ русской конной гвардіей.

Было три съ половиной часа. Сбитая со всѣхъ позицій, прикрывавшихъ ея фронтъ, тѣснимая одновременно и съ фронта и съ лѣваго фланга,—ибо французская армія образовала въ это время изломанную подъ прямымъ угломъ линію,— русская армія отошла къ деревнямъ Псареву и Князькову, нашла здѣсь другіе редуты и остановилась густыми массами. Генералы просили Наполеона выпустить для довершенія побѣды гвардію, которая насчитывала 18.000 сабель и штыковъ и еще не вступала въ бой. Наполеонъ отказалъ; онъ не хотѣлъ отдавать ее „на уничтоженіе“, находясь въ 800 миляхъ отъ Франціи. Онъ удовольствовался энергичнѣйшей канонадой изъ 400 артиллерійскихъ орудій по скученнымъ массамъ русскихъ; „коли имъ еще хочется, всыпьте имъ“, говорилъ онъ. Только ночь спасла русскую армію.

Потери съ обѣихъ сторонъ были огромны: со стороны французовъ 30.000 человѣкъ, изъ нихъ тысячъ 9—10 убитыхъ; со стороны русскихъ 60.000 человѣкъ, не считая 10—12 тысячъ пропавшихъ безъ вѣсти. У французовъ убито было три ди-

А. Д. Кившенко.

Военный совѣтъ на Филяхъ въ 1812 году.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

визіонныхъ генерала, девять бригадныхъ, десять полковниковъ; раненыхъ — тринадцать дивизіонныхъ, двадцать пять бригадныхъ, двадцать пять полковниковъ. Русскія потери были еще ужаснѣе; среди убитыхъ былъ и герой Багратіонъ.

Конечно, французы одержали рѣшительную побѣду; если французская армія сократилось до 100.000 человѣкъ, зато русская насчитывала не болѣе 50.000; слѣдовательно, дорога на Москву была открыта передъ Наполеономъ. И все-таки зрѣлище поля битвы, усѣяннаго 30.000 мертвыхъ и 60.000 раненыхъ, омрачало побѣду. Сегюръ отмѣчаетъ, что вечеромъ на бивуакѣ не слышно было пѣсенъ.

Кутузовъ писалъ Александру, что держался хорошо и что отступаетъ единственно для прикрытія Москвы. Недомолвка Кутузова превратилась у царя въ побѣду, о которой онъ и сообщилъ въ посланіи къ Чичагову.

Прибывъ 13 сентября въ деревню Фили, расположенную на одной изъ подмосковныхъ высотъ, Кутузовъ держалъ здѣсь военный совѣтъ. Надо было рѣшить, отдавать ли столицу безъ боя или рисковать арміей въ неравной борьбѣ. Барклай заявилъ, что, когда дѣло идетъ о спасеніи арміи, Москва такой же городъ, какъ и остальные. Русскіе генералы отлично чувствовали, что это городъ не такой, какъ другіе. Большинство высказывалось за сраженіе. Кутузовъ не счелъ возможнымъ пойти на такой рискъ. Въ ночь съ 13 на 14 отступленіе продолжалось. Русская армія обошла столицу и стала на рязанской дорогѣ съ цѣлью закрыть завоевателю доступъ къ богатымъ южнымъ областямъ.

14 сентября французы подошли къ Поклонной горѣ, съ высоты которой они могли созерцать Москву, ея Кремль съ дворцами и храмами, сорокъ сороковъ ея церквей,— городъ, насчитывавшій 400.000 жителей. Наполеонъ воскликнулъ: „Такъ вотъ онъ, этотъ знаменитый городъ! Наконецъ-то".

Московскій главнокомандующій Ростопчинъ. — Ростопчинъ былъ въ фаворѣ во времена Павла I, при немъ же впалъ въ немилость и оставался въ этомъ положеніи и послѣ Павла. Въ своихъ патріотическихъ памфлетахъ противъ Франціи [1]), въ своей перепискѣ, въ своихъ воспоминаніяхъ онъ является однимъ изъ наиболѣе пропитанныхъ культомъ французской литературы русскихъ людей, находившихся въ то же время подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ предразсудковъ, враждебныхъ Франціи. Онъ выдавалъ себя за настоящаго русскаго стариннаго закала, заклятаго врага французскихъ модъ, идей, парикмахеровъ и учителей. Обстоятельства вынудили царя назначить Ростопчина московскимъ главнокомандующимъ. Съ этого момента Ростопчинъ пустилъ въ оборотъ всѣ средства, чтобы воспламенить ввѣренное его управленію населеніе къ борьбѣ съ врагомъ; онъ выдумывалъ разныя исторіи про патріотовъ-крестьянъ, пускалъ слухи о чудесахъ, издавалъ бюллетени о побѣдахъ надъ французами, снискивалъ расположеніе простонародья и духовенства показнымъ благочестіемъ, устраивалъ крестные ходы съ чудотворными иконами, приближалъ къ себѣ Глинку и другихъ патріотическихъ писателей. Онъ организовалъ безконечное шпіонство, свирѣпствовалъ противъ русскихъ, заподозрѣнныхъ въ либеральныхъ или „иллюминатскихъ" идеяхъ, противъ распространителей слуховъ, благопріятныхъ Наполеону. Онъ приказалъ окатывать водой болтуновъ или давать имъ слабительное, прогонялъ сквозь строй иностранцевъ, хвалившихъ Наполеона, зарубилъ саблей одного русскаго, виновнаго въ томъ же преступленіи, сослалъ въ Нижній-Новгородъ 40 французовъ и нѣмцевъ, среди которыхъ былъ и актеръ Думергъ, который описалъ это тягостное путешествіе.

---

[1]) *Охъ, французы* (1806 г.) и *Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ* (1807 г.).

7 сентября Москва услыхала ужасную бородинскую пальбу. Вечеромъ Ростопчинъ возвѣстилъ о большой побѣдѣ. Этому не повѣрили, и богачи начали выѣзжать. Вскорѣ Ростопчинъ пожаловался царю, что Кутузовъ обманулъ его, а Кутузовъ въ свою очередь спросилъ, гдѣ же тѣ 80.000 добровольцевъ, которыхъ обѣщалъ ему прислать московскій главнокомандующій. Выселеніе жителей пошло еще спѣшнѣе; въ Москвѣ осталось едва ли 50.000. Понимая, что городу пришелъ конецъ, Ростопчинъ поторопился отправить въ Петербургъ проживавшихъ въ Москвѣ сенаторовъ, чтобы Наполеонъ не нашелъ никого, съ кѣмъ можно было бы начать переговоры; онъ ускорилъ отправку изъ Москвы дворцоваго имущества, музеевъ, архивовъ, чудотворныхъ иконъ. Другія мѣропріятія его болѣе знаменательны; онъ передалъ народу арсеналъ и казенные кабаки, разрѣшилъ народу вооружаться и напиваться; открылъ тюрьмы и распустилъ по городу каторжниковъ; вывезъ всѣ пожарныя трубы, которыхъ въ Москвѣ было до 1.600. Нѣкоторыя его тогдашнія замѣчанія лишь впослѣдствіи стали понятны; такъ, принцу Евгенію Вюртембергскому онъ сказалъ: „Лучше разрушьте Москву, чѣмъ отдавать ее"; своему сыну: „Поклонись Москвѣ въ послѣдній разъ; черезъ полчаса она запылаетъ".

Вступленіе французовъ въ Москву. — 14 сентября Наполеонъ предписалъ Мюрату возможно скорѣе вступить въ Москву; генералу Дюронелю — привести къ нему власти и именитыхъ людей города, которыхъ онъ называлъ „боярами"; инспектору Денньe—отправиться въ завоеванный городъ и заготовить тамъ припасы и квартиры для войскъ. Мюратъ галопомъ промчался черезъ Дорогомиловскую слободу, доѣхалъ до моста черезъ Москва-рѣку, обмѣнялся здѣсь подарками и рукопожатіемъ съ начальникомъ русскаго арьергарда. Послѣ этого онъ проѣхалъ чрезъ всю Москву; городъ оказался пустымъ; Мюратъ направился въ Кремль, гдѣ его встрѣтили ружейными выстрѣлами мошенники, которыхъ выпустилъ, напоилъ и вооружилъ Ростопчинъ. Здѣсь онъ узналъ объ отъѣздѣ всѣхъ сенаторовъ, всего богатаго населенія, самого главнокомандующаго. Наполеонъ прождалъ все послѣ обѣда 14 сентября, требуя къ себѣ „бояръ". Онъ говорилъ: „Можетъ быть, эти жители даже не умѣютъ сдаться". Въ концѣ концовъ ему привели подъ видомъ депутаціи нѣсколькихъ русскихъ изъ простонародья, да нѣсколькихъ французовъ. Наполеонъ провелъ ночь въ слободѣ и назначилъ Мортье московскимъ губернаторомъ. „Главное—чтобы не было грабежей. Вы отвѣчаете мнѣ за это головой". Ночью пришло извѣстіе, что на биржѣ вспыхнулъ пожаръ, но съ нимъ легко справились.

Утромъ 15-го Наполеонъ вступилъ со своею гвардіей въ Кремль при звукахъ Марсельезы. „Наконецъ я въ Москвѣ,— воскликнулъ онъ, — въ старомъ дворцѣ царей, въ Кремлѣ!" Онъ поднялся на колокольню Ивана Великаго и могъ на досугѣ созерцать всю Москву: Кремль съ Китай-городомъ и Гостинымъ дворомъ, который заключалъ въ себѣ несмѣтныя богатства, Бѣлый городъ и Земляной валъ. За исключеніемъ кремлевскихъ дворцовъ, церквей и нѣсколькихъ сотъ дворянскихъ домовъ, Москва была деревяннымъ городомъ. Даже мосты были деревянные. Все представляло собою такой горючій матеріалъ, что лѣтомъ, по полицейскимъ распоряженіямъ, воспрещалось разводить огонь въ домахъ. Этотъ огромный городъ, покинутый жителями и лишенный всякой защиты отъ огня, могъ сдѣлаться жертвой первой же искры. А мы видѣли, насколько Ростопчинъ способствовалъ этому своими подготовленіями.

Великая армія расположилась по городу слѣдующимъ образомъ: императорская гвардія—въ Кремлѣ; кавалерія Мюрата—

въ сѣверо-восточныхъ кварталахъ города; корпусъ Понятовскаго — въ юго-восточныхъ; корпусъ Даву—въ юго-западныхъ; корпусъ Евгенія—въ сѣверо-западныхъ; войска Нея—въ восточныхъ. Грабежъ въ городѣ уже начали ростопчинскіе разбойники и брошенные своими господами крѣпостные. Однако, армію пока еще удавалось сдерживать. Наполеонъ надѣялся, что Александръ попроситъ у него мира: онъ писалъ ему 14 сентября. Солдаты, расположившись въ богатыхъ домахъ, въ роскоши и изобиліи отдыхали отъ лишеній.

Пожаръ.—Днемъ 15-го произошелъ пожаръ въ казенномъ винномъ складѣ. Съ нимъ еще удалось справиться. Вдругъ пожаръ вспыхнулъ въ Гостиномъ дворѣ, гдѣ навалены были колоніальные товары, спиртные напитки и всякія богатства Азіи. Это было совсѣмъ около Кремля, а въ Кремлѣ стояли 400 муниціонныхъ повозокъ гвардейской артиллеріи, да въ русскомъ арсеналѣ было 400.000 фунтовъ пороха, не считая ружейныхъ патроновъ и пушечныхъ зарядовъ. Полагая, что и этотъ пожаръ—случайность, сдѣлали попытку, правда, тщетную, совладать съ нимъ. Горѣло весь день, и нельзя было помѣшать войскамъ грабить богатства, все равно осужденныя на уничтоженіе. Когда поднялся равноденственный вѣтеръ, западные кварталы, самые богатые въ Москвѣ, охвачены были цѣлымъ океаномъ пламени. Тогда французы поняли, что пожаръ этотъ не самопроизвольный; схвачены были поджигатели, и среди нихъ попались солдаты и полицейскіе агенты, у которыхъ найдены были горючія вещества и банки съ керосиномъ; исчезновеніе пожарныхъ трубъ окончательно открыло всѣмъ глаза. Утромъ 16-го разбудили Наполеона и сказали ему всю правду. „Да это скиѳы!“ воскликнулъ онъ. Вскорѣ пламя сдѣлалось настолько сильнымъ, что накалились оконныя рамы во дворцѣ Екатерины II, гдѣ жилъ Наполеонъ. Искры падали на крыши, даже на муниціонныя повозки артиллеріи. Генералы обезумѣвъ умоляли Наполеона оставить этотъ дворецъ, который вотъ-вотъ взорвется. Онъ удалился въ Петровскій паркъ, но ѣхать пришлось по улицамъ „между двумя стѣнами огня“ (Сегюръ). Всѣ французскія войска очистили свои городскія квартиры. Послѣдніе жители убѣжали. Русскіе раненые изъ-подъ Бородина были брошены въ госпиталяхъ, 15.000 ихъ сгорѣло.

17-го вѣтеръ подулъ съ юго-запада, потомъ съ запада, не пощадивъ ни единаго квартала города. 18-го пожаръ продолжался. Москва окутана была такимъ густымъ облакомъ дыма, что не было видно солнца. 19-го вѣтеръ стихъ, пошелъ дождь, и пожаръ остановился за неимѣніемъ пищи, однако, остались огромные очаги, которые вспыхивали отъ времени до времени. Кремль удалось спасти: императорская гвардія съ ведрами въ рукахъ образовала кругомъ него цѣпь. Точно такъ же охранялся и районъ Кузнецкаго моста при содѣйствіи гренадеръ и ютившейся здѣсь французской колоніи. Великая армія снова могла занять свои квартиры. Но какъ теперь остановить солдатскій грабежъ? Союзники французовъ, особенно нѣмцы, съ радостью принялись за работу. Москвичи называли ихъ *безпардоннымъ войскомъ*, строго различая ихъ отъ „настоящихъ французовъ“. Въ Архангельскомъ соборѣ, въ Кремлѣ, вюртембержцы осквернили и ограбили могилы древнихъ русскихъ царей. Благовѣщенскій соборъ, гдѣ совершалось бракосочетаніе царей, превращенъ былъ въ конюшню; лошади кормились у алтаря и портили копытами мозаичный полъ. Такъ какъ каменныя церкви почти всѣ уцѣлѣли отъ пожара, то солдаты всѣхъ націй старались располагаться именно въ нихъ, оскорбляя чувство русскихъ безсознательнымъ оскверненіемъ святыни, употребляя вмѣсто столовъ святыя иконы, шутки ради одѣва-

ясь въ священническія облаченія, примѣшивая шутовство къ ужаснѣйшей драмѣ вѣка.

Продолжительное пребываніе Наполеона въ Москвѣ.—Вернувшись въ Кремль, императоръ принялъ мѣры—правда тщетныя—спасти то, что уцѣлѣло изъ продовольствія; великая армія могла бы просуществовать въ теченіе шести мѣсяцевъ тѣми припасами, которые сохранились въ погребахъ. Жителямъ, особенно французской колоніи, роздано было пособіе. Разставлены были караулы въ немногихъ уцѣлѣвшихъ домахъ, особенно въ Воспитательномъ домѣ, великолѣпномъ зданіи, построенномъ Екатериной II для подкидышей. Наполеонъ посѣтилъ дѣтей и разговаривалъ съ завѣдывающимъ, старымъ генераломъ Тутолминымъ.

Наполеонъ еще не потерялъ окончательной надежды вступить въ переговоры съ Александромъ; онъ попытался сдѣлать это черезъ генерала Тутолмина, черезъ одного русскаго офицера Яковлева, черезъ Кутузова, зондировать котораго онъ поручилъ Мюрату. Царь оставался нѣмымъ, непреклоннымъ. Пожаръ Москвы, который онъ вначалѣ приписывалъ Наполеону, оскверненіе его столицы и дворцовъ укрѣпили его въ рѣшеніи продолжать войну во что бы то ни стало. Въ Петербургѣ была еще партія мира, во главѣ съ Румянцевымъ и Аракчеевымъ, но она была подавлена криками русскихъ патріотовъ, французскихъ эмигрантовъ, выходцевъ различныхъ національностей. Для послѣднихъ конфликтъ пересталъ быть русскимъ, онъ сдѣлался космополитическимъ. Дѣло шло уже не только объ избавленіи Россіи отъ нашествія; надо было „освободить“ Европу. Александръ вступилъ въ еще болѣе тѣсный союзъ съ Англіей и предоставилъ ей свой флотъ.

Повторяя неоднократно [свои попытки завязать переговоры, Наполеонъ вмѣстѣ съ тѣмъ всячески заботился о реорганизаціи своихъ силъ: онъ предписалъ Ларибуазьеру образовать новыя батареи изъ русскихъ пушекъ, найденныхъ въ Кремлѣ; Мортье—укрѣпить Кремль, очистить подступы къ нему, „взорвать многоглавую мечеть“, какъ онъ называлъ своеобразную и дивную церковь Василія Блаженнаго. Онъ торопилъ дальнѣйшее движеніе корпусовъ, еще стоявшихъ на Двинѣ и Днѣпрѣ. Онъ писалъ австрійскому императору объ усиленіи корпуса Шварценберга, королю прусскому — о замѣнѣ усталаго контингента свѣжими полками, государямъ Рейнскаго союза—о присылкѣ новыхъ войскъ. Онъ приказывалъ приступить во Франціи и Италіи къ набору 1813 года.

Императоръ изучалъ проекты устрашенія и раздробленія Россіи. Онъ говорилъ о своемъ намѣреніи провозгласить себя королемъ Польши, вознаградить Іосифа Понятовскаго княжествомъ Смоленскимъ, создать изъ казацкихъ областей и Украйны самостоятельное королевство, устроивъ, такимъ образомъ, нѣчто подобное Рейнскому союзу, именно „Привислинскій союзъ“. Онъ задумывалъ поднять казанскихъ и крымскихъ татаръ. Онъ велѣлъ изучать въ московскихъ архивахъ исторію аристократическихъ заговоровъ противъ царей, исторію Пугачевскаго бунта, думая поднять русскихъ крестьянъ обѣщаніемъ свободы, и это намѣреніе его внушало страхъ русскому дворянству и правительству, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крѣпостные ждали отъ Наполеона своего освобожденія.

Занятый всѣми этими заботами и проектами, Наполеонъ продлилъ свое пребываніе въ Москвѣ съ 15 сентября до 19 октября: всего тридцать три дня. Это промедленіе явилось одной изъ ближайшихъ причинъ конечной катастрофы, потому что, если солдаты и отдыхали, зато лишенныя фуража лошади продолжали гибнуть. Противъ массы казаковъ теперь уже не хватило бы кавалеріи; вскорѣ стало очевидно, что не на чемъ везти тѣ 600 ору-

дій, которыя привезъ съ собой Наполеонъ, тѣ, которыя онъ хотѣлъ увезти, и ту массу повозокъ, которыя нагружены были амуниціей, съѣстными припасами и добычей. Другая опасность состояла въ томъ, что Кутузовъ получалъ подкрѣпленія, что сѣверная русская армія, подъ командой Витгенштейна, увеличилась на 20.000 человѣкъ, отозванныхъ изъ Финляндіи, что южныя русскія арміи приближались къ русскимъ коммуникаціоннымъ линіямъ. Уже недалекъ былъ моментъ, когда перевѣсъ силъ, находившійся вначалѣ цѣликомъ на сторонѣ Наполеона, начнетъ склоняться на сторону русскихъ. Къ дѣйствіямъ регулярныхъ армій присоединялись дѣйствія партизанскихъ вождей Фигнера, Сеславина, Давыдова, крестьянки Василисы, дворянки Надежды Дуровой. Партизаны и крестьяне задерживали гонцовъ, тревожили обозы, убивали отставшихъ и мародеровъ.

Отступленіе казалось Наполеону операціей, чрезвычайно опасной — съ точки зрѣнія политической — для его престижа въ Европѣ и во Франціи; съ точки зрѣнія военной — операціей чрезвычайно сложной, особенно, если онъ хотѣлъ увести съ собой русскихъ плѣнныхъ, собственныхъ раненыхъ, московскую французскую колонію, всю свою матеріальную часть, всѣ свои трофеи. Одно время онъ думалъ перезимовать въ Москвѣ. Въ этомъ смыслѣ давалъ ему совѣтъ Дарю, „совѣтъ льва“, какъ говорилъ императоръ. Пусть такъ, но къ веснѣ пришлось бы съѣсть всѣхъ лошадей; всѣ русскія арміи къ тому времени усилились бы, объединились, сосредоточились. И въ то время какъ Наполеонъ оставался бы отрѣзаннымъ отъ остального міра, что сталось бы съ Европой, съ Франціей? Онъ подумывалъ также о движеніи на Петербургъ съ тѣмъ, чтобы, ограничившись тутъ одной демонстраціей, которая однако подняла бы его престижъ, вернуться потомъ на Западъ черезъ Прибалтійскій край. Наконецъ, онъ остановился на планѣ пробиться по Калужской дорогѣ и вмѣсто того, чтобы возвращаться на Западъ черезъ области, уже разоренныя великой арміей, вернуться туда черезъ южныя области Россіи, гдѣ всѣ рессурсы оставались еще нетронутыми.

Наполеонъ пытается вернуться черезъ Южную Россію: битва при Малоярославцѣ.— Чтобы открыть себѣ эту дорогу, надо было сначала разбить Кутузова. И вотъ, даже въ случаѣ побѣды, приходилось разсчитывать — не говоря уже объ убитыхъ — на 10.000 раненыхъ, которые загромоздили бы госпитали еще больше. На Калужской дорогѣ Кутузовъ расположился лагеремъ у Тарутина. Онъ заключилъ съ Мюратомъ что-то въ родѣ молчаливаго перемирія. Онъ нарушилъ его сраженіемъ при Вороновѣ; здѣсь сильно досталось Себастіани, который спасенъ былъ только прибытіемъ Мюрата. Этотъ инцидентъ заставилъ Наполеона рѣшиться тѣмъ болѣе, что первый морозъ 13 октября далъ ему понять, какъ опасно дольше задерживаться въ Москвѣ. Онъ одновременно дѣлалъ приготовленія къ отбытію и къ сраженію. Приказавъ собрать всѣхъ своихъ раненыхъ въ Воспитательный домъ, ввѣривъ ихъ, такимъ образомъ, покровительству генерала Тутолмина и великодушію русскихъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предпринялъ мѣры, которыя должны были до крайности раздражить русскихъ. Онъ снялъ крестъ съ колокольни Ивана Великаго. Онъ поручилъ оставленному въ Москвѣ Мортье взорвать храмы и дворцы Кремля (и дѣйствительно, вслѣдствіе взрыва 23 октября кремлевскія башни дали трещины, а дворецъ Екатерины былъ почти совершенно разрушенъ; въ отместку за это при возвращеніи русскихъ перебито было 4.000 раненыхъ французовъ).

19 октября армія, насчитывавшая еще 100.000 человѣкъ, выступила изъ Москвы въ слѣдующемъ порядкѣ: во главѣ шелъ вице-король Евгеній, затѣмъ корпуса Даву

и Нея, наконецъ Наполеонъ и императорская гвардія. Корпуса Мюрата и Понятовскаго уже были въ соприкосновеніи съ врагомъ. 24-го Кутузовъ принялъ сраженіе при Малоярославцѣ; въ началѣ боя 18.000 французовъ и итальянцевъ должны были выдержать натискъ 50.000 русскихъ; потомъ обѣ стороны получили подкрѣпленія; городъ шесть разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. 25-го на поле битвы прибылъ Наполеонъ и, чуть было не попавъ въ руки платовскихъ казаковъ, заставилъ въ концѣ концовъ Кутузова отступить. Французы несомнѣнно одержали побѣду, но какъ ею воспользоваться? Несмотря на потерю 4.000 человѣкъ, Кутузовъ остался цѣлъ; онъ по прежнему заграждалъ путь на югъ; надо было не только побѣдить, но и уничтожить его, а цѣной какихъ жертвъ можно было достигнуть этого? Рѣшено было, упредивъ Кутузова на нѣсколько переходовъ, свернуть черезъ Боровскъ, Верею, Можайскъ на ту самую дорогу, по которой великая армія пришла въ Москву.

III.—Отступленіе изъ Москвы.

Отъ Малоярославца до Дорогобужа.— Задуманное отступленіе совершалось въ слѣдующемъ порядкѣ: во главѣ шелъ Наполеонъ съ гвардіей; затѣмъ корпуса Мюрата, Нея, Евгенія, Понятовскаго, наконецъ Даву. Корпусъ Даву былъ самый сильный, ибо отъ Нѣмана до Москвы онъ сократился только съ 72.000 человѣкъ до 28.000; но изъ пяти его дивизіонныхъ генераловъ Гюденъ былъ убитъ у Валутина, Фріанъ, тяжело раненый, не въ состояніи былъ командовать, у Компана была на перевязи рука, а у Морана забинтована вся голова. Жераръ, преемникъ Гюдена, изображалъ собою крайній арьергардъ. Выпавшая на долю Даву и Жерара задача была крайне тяжела: приходилось сдерживать казаковъ Платова, опиравшихся на легкую артиллерію; понукать или поджидать 20.000 отставшихъ, число которыхъ все увеличивалось; охранять повозки съ ранеными, потому что возчики бросали раненыхъ и уѣзжали съ запряжкой; тащить за собой огромную артиллерію и огромный обозъ; приходить на этапъ, когда предшествующіе корпуса уже истребили все; наконецъ, сносить несправедливые упреки императора, который обвинялъ Даву въ медлительности и излишней боязливости.

Три дня (съ 26 до 28 октября) ушло на то, чтобы перебраться съ Калужской дороги на Московскую у Можайска. Приходилось итти черезъ зачумленное Бородинское поле, представлявшее собою ужасное зрѣлище. Узнавъ, наконецъ, объ избранномъ французами пути, Кутузовъ отправилъ казаковъ вслѣдъ ихъ арьергарду, а Милорадовичу поручилъ тревожить ихъ лѣвый флангъ. Себя онъ берегъ, рѣшивъ не давать настоящаго сраженія и сохранить свою армію. Заботливо избѣгая риска, онъ дожидался случая; несмотря на упорныя поддразниванія Роберта Уильсона, Кутузовъ усвоилъ себѣ эту выжидательную роль, которая была совсѣмъ не героична сама по себѣ, зато въ будущемъ привела къ многочисленнымъ и замѣчательнымъ трофеямъ.

1 ноября французскій авангардъ задержался у переправы при Царевѣ-Займищѣ, гдѣ произошла заминка. Кавалерія Васильчикова попробовала было врѣзаться между корпусами Евгенія и Даву, но была мужественно отброшена Жераромъ. 3-го ноября при Вязьмѣ вступила въ бой главная часть русской арміи; отъ 3 до 4 тысячъ человѣкъ было у нея выведено изъ строя; но французскія потери, отъ 1.500 до 1.800 человѣкъ, были невознаградимы, и кромѣ того всякаго раненаго можно было считать за мертваго.

Послѣ этого сраженія Наполеонъ поручилъ арьергардную службу Нею: 9-го, когда армія достигла Дорогобужа, выпалъ первый снѣгъ; онъ увеличилъ трудности по-

В. В. Верещагинъ.

Отступленіе.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

хода и передвиженія повозокъ. Морозъ достигалъ 12° по Цельсію; такой холодъ, конечно, былъ бы выносимъ, если бы войска были соотвѣтственнымъ образомъ одѣты и накормлены; а между тѣмъ они питались разведенною въ водѣ мукою и почти сырою кониной. Оказалось, что въ этой арміи, недавно еще состоявшей изъ 100.000 человѣкъ, было не болѣе 40.000 пригодныхъ къ бою; большую же часть составляли отсталые: толпа ихъ все росла, почти весь корпусъ Даву уже растаялъ, а между тѣмъ нужда, казаки, крестьяне работали надъ дальнѣйшимъ ея сокращеніемъ. Въ Дорогобужѣ узнали непріятную новость: Шварценбергъ, у котораго оставалось всего 25.000 австрійцевъ, и Ренье со своими 10.000 саксонцевъ не могли помѣшать у Днѣпра соединенію Чичагова и Тормасова, у которыхъ теперь была цѣлая армія въ 60.000 человѣкъ. Оставивъ для сдержки этихъ двухъ наполеоновскихъ генераловъ Сакена съ 25.000 человѣкъ, Чичаговъ отправилъ остальныя 35.000 вверхъ по Днѣпру и Березинѣ, т.-е. прямо на линію отступленія Наполеона. На Двинѣ Витгенштейнъ, имѣвшій 33.000 человѣкъ, поддержанъ былъ финляндскою арміей Штейнгеля въ 12.000 человѣкъ. Такъ какъ Макдональдъ не трогался изъ Динабурга, Сенъ-Сиръ изолированъ былъ со своими 6.000 баварцевъ въ Полоцкѣ, Удино задержанъ на западѣ съ 12.000 французовъ и 4.000 швейцарцевъ, то Витгенштейнъ имѣлъ возможность направить свои 45.000 человѣкъ на югъ, т.-е. также на линію французскаго отступленія. Дѣйствительно, 18 октября произошло второе сраженіе у Полоцка, причемъ раненый Гувіонъ Сенъ-Сиръ смѣненъ былъ маршаломъ Удино, и французы, причинивъ русскимъ уронъ въ 3.000—4.000 человѣкъ, все-таки вынуждены были отступить на Борисовъ и Березину. Зато они явились по крайней мѣрѣ подкрѣпленіемъ для великой арміи, слившись здѣсь съ французами дивизіи Партуно, поляками и нѣмцами Виктора. Какъ бы то ни было, Чичаговъ со своими 35.000 человѣкъ, Витгенштейнъ со своими 40 — 45 тысячами были какъ бы двумя лезвеями ножницъ, которыя готовы сдвинуться и отрѣзать великой арміи отступленіе.

Извѣстіе о заговорѣ Малэ. — Въ довершеніе всего Наполеонъ получилъ изъ Парижа извѣстіе о республиканскомъ заговорѣ Малэ. Посаженный въ тюрьму, водворенный потомъ въ лѣчебницу, этотъ генералъ помѣшался на такой мысли: такъ какъ императоръ постоянно подвергается непріятельскому огню, то рано или поздно случайное ядро избавитъ Францію отъ него и отъ имперіи. Вечеромъ 22 октября онъ убѣгаетъ изъ лѣчебницы, является въ одинъ домъ къ своимъ единомышленникамъ, надѣваетъ генеральскій мундиръ и, вооружившись бумагой, извѣщающей о смерти Наполеона въ Москвѣ, и подложнымъ постановленіемъ сената, провозглашающимъ республику, увлекаетъ за собой вторую когорту національной гвардіи, квартировавшую въ попенкурской казармѣ, освобождаетъ изъ тюрьмы двухъ разжалованныхъ генераловъ, Лагори и Гидаля, арестуетъ министра полиціи Савари и префекта полиціи, поражаетъ выстрѣломъ изъ пистолета парижскаго коменданта Гюлэна и нѣкоторое время считаетъ себя хозяиномъ столицы. Вдругъ во главѣ его отряда его узнаетъ одинъ штабный офицеръ, который велитъ позвать полицейскаго офицера; послѣдній спрашиваетъ Малэ, какъ онъ могъ покинуть свою тюрьму, и велитъ связать его на глазахъ озадаченной и не знающей, что дѣлать, второй когорты. Постановленіемъ военнаго суда Малэ приговоренъ былъ къ смерти и разстрѣлянъ вмѣстѣ съ двѣнадцатью своими сторонниками, среди которыхъ большинство были просто наивные люди. Инцидентъ этотъ свидѣтельствовалъ, насколько дѣло Наполеона, поставленное на карту въ равнинахъ Россіи, было непрочно въ са-

мой Франціи. Все „установленія имперіи“, весь ея блескъ держался жизнью одного человѣка, а сама эта жизнь зависѣла отъ случайнаго внезапнаго набѣга казаковъ или отъ пузырька съ ядомъ, которымъ снабдилъ Наполеона на эту ужасную кампанію его русскій лѣкарь Иванъ, чтобы императоръ въ крайнемъ случаѣ не попалъ живымъ въ руки врага.

Отъ Дорогобужа до Смоленска. — Наполеонъ и великая армія разсчитывали теперь только на Смоленскъ, гдѣ должны были быть собраны громадные припасы. Во время пути Евгеній, прикрывавшій справа главную часть арміи, задержанъ былъ крутымъ спускомъ совершенно обледенѣвшимъ, и лошади, которыхъ не было возможности подковать въ виду такого случая, по большей части оказались не въ состояніи справиться съ этимъ препятствіемъ. Пришлось бросить или уничтожить всѣ крупныя орудія и большую часть повозокъ. Далѣе, при переходѣ черезъ Вопь мосты оказываются недодѣланными; часть войска провалилась въ рѣку; это была Березина въ уменьшенномъ масштабѣ; итальянская армія послѣ двойного своего разгрома потеряла всю артиллерію за исключеніемъ восьми пушекъ.

12 ноября остатки великой арміи собрались въ Смоленскѣ. Тутъ—новое разочарованіе; склады оказались почти пустыми: такъ какъ ранняя зима остановила рѣчную навигацію, масса продовольствія осталась въ Минскѣ (гдѣ нѣсколько дней спустя ею овладѣли русскіе), въ Вильнѣ и Ковнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ узнали, что бригада Ожеро изъ дивизіи Бараге д'Илье, около 2.000 человѣкъ, наткнулась на русскую армію на дорогѣ въ Ельню и подверглась уничтоженію.

Великая армія пострадала уже настолько, что гвардія насчитывала лишь 10 или 11 тысячъ человѣкъ, корпусъ Евгенія—6.000, Даву—отъ 11 до 12 тысячъ, Нея—5.000, Жюно—1.000, Понятовскаго—800; всего—около 34.000 человѣкъ. За исключеніемъ 4.000 лошадей у гвардіи и у поляковъ, во всей остальной арміи едва ли можно было найти даже 500 верховыхъ лошадей. За неимѣніемъ упряжныхъ лошадей сожгли почти всѣ повозки. Рѣшено было бросить женщинъ, слѣдовавшихъ за отступавшими отъ самой Москвы, а также и раненыхъ.

Когда Наполеонъ утромъ 14 ноября покидалъ Смоленскъ, термометръ показывалъ между 25° и 26° по Цельсію. Съ этихъ поръ потери людьми увеличились во много разъ; ночные бивуаки сдѣлались прямо смертоносны; путь отступленія обозначался трупами, занесенными снѣгомъ. Крестьяне обнаруживали еще больше остервенѣнія, чѣмъ казаки: они пытали, топили подъ льдомъ, закапывали живьемъ плѣнниковъ и отсталыхъ.

Бой подъ Краснымъ. — Такъ какъ корпуса французской арміи все время слѣдовали въ томъ же порядкѣ, за однимъ исключеніемъ—Ней занялъ въ арьергардѣ мѣсто Даву,—то Наполеонъ 16-го добрался до Краснаго. Кутузовъ пропустилъ его; но въ интервалъ, образовавшійся между гвардіей и Евгеніемъ, онъ двинулъ Милорадовича. Такимъ образомъ, Наполеонъ съ гвардіей оказался отрѣзаннымъ отъ остальной части арміи. Сначала, 16-го, Евгеній тщетно пытался форсировать переправу; посланный отъ Кутузова явился къ нему съ предложеніемъ сдаться, заявивъ, что Наполеонъ тоже разбитъ. Предложеніе было отвергнуто, канонада продолжалась. Наконецъ, Наполеонъ послалъ Роге съ молодой гвардіей. Рѣшительной атакой въ штыки она опрокинула солдатъ Милорадовича и расчистила путь Евгенію. И все-таки послѣднему пришлось бросить дивизію Бруссье.

На другой день (17 ноября) на томъ же самомъ мѣстѣ нападенію подвергся Даву. Онъ явился съ 9.000 человѣкъ, но безъ артиллеріи; онъ подобралъ остатки дивизіи Бруссье, которая съ 3.000 человѣкъ сократилась до 400. Встрѣтивъ на

своемъ пути Милорадовича, онъ не сталъ дожидаться обстрѣла, а самъ бросился въ штыки; въ свою очередь опять вступила въ дѣло и молодая гвардія. Сраженіе продолжалось цѣлый день. Когда Даву прибылъ въ Красное, оказалось, что городъ уже очищенъ Наполеономъ. Даву продержался здѣсь противъ всей русской арміи и пошелъ дальше лишь по приказу императора. Онъ потерялъ 5.000 убитыми и ранеными, кромѣ того — отъ 6 до 8 тысячъ отсталыми.

18-го все къ тому же мѣсту прибылъ Ней съ 6.000 годныхъ къ бою солдатъ, за которыми шло еще 6.000 отсталыхъ. Ней тоже былъ окруженъ и тоже получилъ предложеніе о сдачѣ. Онъ сопротивлялся цѣлый день, воспользовался ночью для переправы по еще ненадежному льду Днѣпра и 20-го догналъ у Орши остальную армію.

Такимъ образомъ, русскіе въ теченіе трехъ дней пытались захватить подъ Краснымъ три корпуса французской арміи. Попытка не удалась. Но корпуса Евгенія и Даву потеряли половину своего состава, корпусъ Нея съ 6.000 сократился до 1.200. Вся великая армія, собравшаяся у Орши, насчитывала лишь 24.000 годныхъ къ бою солдатъ, да еще 25.000 отсталыхъ. Со времени ухода изъ Москвы уже пришлось оставить врагу 50.000 человѣкъ, 400 пушекъ, 5.000 повозокъ, шесть понтонныхъ обозовъ.

Въ Оршѣ по крайней мѣрѣ оказались цѣлыми мосты и значительные продовольственные запасы. Бездѣйствіе Кутузова попрежнему удивляло Роберта Уильсона. Русскій главнокомандующій ограничивался подбираніемъ трофеевъ, которые доставлялъ ему главнымъ образомъ морозъ, но онъ ничего не предпринималъ для ускоренія развязки. Впрочемъ, его войска пострадали отъ мороза и лишеній почти столько же, сколько и французы, и дѣйствующій составъ его арміи съ 60.000 сократился до 30.000. Французская армія отдыхала въ Оршѣ два дня. Ее выгнали отсюда все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія съ сѣвера и юга. Шварценбергъ и Ренье, сдерживаемые помощникомъ Чичагова, Сакеномъ, упустили Чичагова, который спѣшно пошелъ по направленію къ Березинѣ. Польскіе генералы Домбровскій и Брониковскій вынуждены были очистить Минскъ, гдѣ огромные продовольственные запасы попали въ руки русскихъ, и отойти къ Борисову. На сѣверѣ Удино даже вмѣстѣ съ Викторомъ имѣлъ всего 23.500 годныхъ къ бою солдатъ. Атаковавъ Витгенштейна съ его 40.000 человѣкъ, оба маршала были отброшены и, оставивъ баварцевъ Вреде въ Глубокомъ, явились дожидаться Наполеона въ Черею. У Виктора и Удино была по крайней мѣрѣ кавалерія, даже кирасиры.

Березина.—Такимъ образомъ, рѣка Березина и въ частности окрестности Борисова становились мѣстомъ встрѣчи всѣхъ французскихъ армій, остатки которыхъ должны были собраться здѣсь. Этотъ же пунктъ сталъ и мѣстомъ встрѣчи трехъ русскихъ армій: Кутузовъ шелъ сюда съ востока по слѣдамъ Наполеона; Витгенштейнъ съ сѣвера по лѣвому берегу рѣки; Чичаговъ съ юга по правому берегу. У нихъ было всего 100.000 человѣкъ противъ 36.000 годныхъ къ бою французовъ. Уничтоженіе великой арміи и Наполеона было вопросомъ нѣсколькихъ часовъ. Французы пропали бы, если бы не успѣли переправиться во время. Между тѣмъ императору приходилось обсуждать вопросъ о томъ, гдѣ переправа была бы всего легче. Выбрано было мѣсто у Студенки, причемъ врага обманывали приготовленіями къ наведенію моста у Борисова. Въ довершеніе затрудненій, вслѣдъ за ужасными морозами, уничтожившими армію, вдругъ наступила оттепель, такъ что переходъ черезъ рѣку сдѣлался возможнымъ только съ помощью мостовъ. Такъ какъ понтонные обозы были брошены французами, то имъ

приходилось ставить козлы, дѣлая поверхъ нихъ настилку изъ досокъ. Генералъ Эбле со своею понтонною командою работалъ надъ этимъ безъ перерыва 25 и 26 числа, включая и ночь. Они навели два моста, одинъ для пѣхоты, другой для обоза. Второй обвалился; тогда Эбле и его команда принялись за его возобновленіе, стоя по поясъ въ ледяной водѣ. Ни одинъ не остался въ живыхъ послѣ такого героическаго самопожертвованія.

Вечеромъ 26-го Удино переправился съ двумя дивизіями Леграна и Мезона, кирасирами Думерка, поляками Домбровскаго, всего 9.000 человѣкъ и 2 орудія. 27-го утромъ переправились Наполеонъ и гвардія, Ней, Понятовскій, вестфальцы и наконецъ Даву. Вечеромъ того же дня завязалось сраженіе съ тремя русскими арміями: Чичаговъ пытался сбросить французовъ въ Березину съ праваго берега, Кутузовъ и Витгенштейнъ съ лѣваго. Противъ Чичагова боролись Наполеонъ и войска, уже совершившія переправу; противъ двухъ другихъ русскихъ генераловъ—Викторъ съ поляками, голландцы, баденцы и французская дивизія Партуно. Послѣдняя назначена была прикрывать переправу остальныхъ войскъ Виктора. Это ей удалось. Но утромъ 28, еще находясь на лѣвомъ берегу, она была окружена и совершенно уничтожена. Въ тотъ же день на правомъ берегу раненъ былъ Удино, его смѣнилъ Ней, пустилъ въ атаку своихъ кирасиръ и вывелъ у русскихъ изъ строя 6.000 человѣкъ.

Такимъ образомъ, несмотря на численное и артиллерійское превосходство цѣлыхъ трехъ русскихъ армій, французы не дали сбросить себя въ Березину. Эта горсть истощенныхъ людей сумѣла спасти своего императора и его знамена, нанеся врагу уронъ въ 14.000 человѣкъ. 29-го разрушены были мосты. Въ это время произошелъ одинъ изъ самыхъ прискорбныхъ эпизодовъ отступленія: гибель отсталыхъ.

Отступленіе Литвою.—Отступленіе продолжалось на Вильно. Его прикрывали Ней и Мезонъ, приблизительно съ 2.000 человѣкъ; они заставляли врага нести серьезныя потери при всякой его попыткѣ подойти ближе. Въ Молодечнѣ Ней и Мезонъ, сохранившіе много пушекъ, рѣшили разстрѣлять свои картечные снаряды по платовскимъ казакамъ, прежде чѣмъ окончательно бросить или испортить орудія. Затѣмъ, когда арьергардъ растаялъ до 400—500 человѣкъ, Ней смѣненъ былъ на этомъ посту Викторомъ съ 6.000 баварцевъ Вреде, прибывшихъ изъ Глубокаго. Впрочемъ, самое преслѣдованіе русскихъ сдѣлалось менѣе настойчивымъ.

Въ Сморгони Наполеонъ покинулъ армію и отправился въ Варшаву, а оттуда во Францію. Дарю говорилъ ему: „Вашъ отъѣздъ—это гибель арміи“. Однако, рѣшеніе императора покоилось на серьезныхъ основаніяхъ: если онъ дастъ время нѣмцамъ узнать о размѣрахъ французскаго разгрома, тогда — конецъ великой арміи, и Франціи, и имперіи; и самъ онъ избѣгнетъ русскаго плѣна лишь для того, чтобы попасть въ плѣнъ къ пруссакамъ. Ему необходимо было вернуться въ Парижъ, въ центръ своего могущества и своихъ рессурсовъ прежде, чѣмъ Европа будетъ освѣдомлена о катастрофѣ. Только онъ одинъ могъ отдать приказъ о новыхъ рекрутскихъ наборахъ во Франціи и Италіи, потребовать новыхъ жертвъ отъ своихъ народовъ и своихъ вассаловъ, создать войска и артиллерію, которыя весною 1813 года снова побѣдоносно явились въ Германіи, которая почти вся возстала. 5 декабря онъ созвалъ на совѣтъ Евгенія, Мюрата, Бертье, маршаловъ, познакомилъ ихъ со своимъ рѣшеніемъ, передалъ главное начальство Мюрату и отбылъ въ саняхъ въ Варшаву, захвативъ съ собою только Коленкура, Дюрока, Лефевра-Денуэтта. Въ пути его чуть было не захватилъ, партизанскій вождь

Сеславинъ, опоздавшій всего на часъ. Наполеонъ почти совсѣмъ не останавливался въ Варшавѣ, гдѣ у него произошелъ любопытный разговоръ съ де Прадтомъ, разговоръ, переданный послѣднимъ въ его мемуарахъ.

Въ великой арміи оставалось только 12.000 годныхъ къ бою солдатъ; позади нея изъ еще недавно самыхъ здоровыхъ ея элементовъ образовалась новая толпа въ 40.000 отсталыхъ, эскортируемая 6.000 баварцевъ Вреде. Армія съ трудомъ плелась по Литвѣ, къ тому же уничтожаемая морозами, которые 6 декабря достигли 36⁰ по Цельсію и заставляли людей плакать кровавыми слезами. Но свѣжія войска готовились принять армію: въ Вильнѣ стоялъ Луазонъ съ 9.000 французовъ, Франчески и Кутаръ съ 7.000—8.000 поляковъ, итальянцевъ и нѣмцевъ; въ гарнизонахъ Литвы было еще 6.000 человѣкъ; сюда надо прибавить 25.000 австрійцевъ Шварценберга и 15.000 саксонцевъ Ренье, которые только что разбили Сакена у Слонима; 10.000 пруссаковъ и 6.000 поляковъ подъ начальствомъ Макдональда; въ Кёнигсбергѣ 15.000 французовъ Эделе; 18.000 французовъ, которые подъ командой Гренье спѣшили изъ Италіи. Это составляло еще около 85.000 солдатъ, количество, достаточное для того, чтобы остановить три русскихъ арміи, которыя вѣдь тоже жестоко пострадали и въ общемъ сократились (считая и Сакена) до 100.000 человѣкъ; изъ 10.000 рекрутъ въ полкъ попадало едва 1.500.

Изъ Вильна Луазонъ отправилъ войска навстрѣчу уцѣлѣвшимъ отъ Березины. Эти войска не были такъ закалены или, вѣрнѣе, не подверглись такому отбору путемъ испытаній, какъ вернувшіяся изъ Москвы: и вотъ въ двое сутокъ погибло 8—10 тысячъ человѣкъ, больше всего изъ неаполитанской кавалеріи, и лошади пали всѣ, пораженныя морозомъ. Остатки великой арміи прибыли въ Вильно 8 и 9 декабря. Эти несчастные сейчасъ же бросились грабить магазины, разбивать кабаки. Многіе умерли отъ изобилія и излишествъ. Вильно не было укрѣплено, тамъ не было никакого начальства; главнокомандующій Мюратъ былъ совершенно деморализованъ и ничего не дѣлалъ. Вдругъ вечеромъ 9-го сигналомъ возвѣщено было появленіе платовскихъ казаковъ. Несмотря на усилія Нея и Луазона и быстрое отраженіе казаковъ, въ дезорганизованныхъ французскихъ войскахъ обнаружилась паника. Пришлось продолжать отступленіе при морозѣ въ 36⁰, къ великому отчаянію Ларрея, вынужденнаго бросить своихъ раненыхъ. Послѣ этого ожесточенная виленская чернь проявила ужасное звѣрство. Раненыхъ и больныхъ французовъ предательски убивали и трупы ихъ бросали на тѣхъ, кого сгубилъ морозъ, алкоголь и излишества. Когда русскіе вступили въ городъ, тамъ валялось до 40.000 труповъ.

Отступавшая французская армія наткнулась въ одной милѣ отъ Вильна на подъемъ у дороги, настолько крутой и обледенѣлый, что ни одна лошадь не могла справиться съ нимъ. Здѣсь пришлось бросить послѣднія повозки съ больными и ранеными, послѣднія орудія и мниціонныя фуры, архивы съ самыми секретными бумагами, даже фургонъ, въ которомъ хранилась войсковая казна (10 милліоновъ). 10-го, 11-го и 12-го продолжали путь на Ковно. Нѣманъ перешли по мостамъ у этого города. Въ Ковнѣ нельзя было оставаться, потому что Нѣманъ сталъ и уже не могъ служить защитой отъ казацкой удали. Мюратъ поручилъ Нею и Жерару продержаться въ Ковнѣ столько времени (двое сутокъ), сколько нужно для того, чтобы армія могла продолжать отступленіе.

Затѣмъ, вслѣдствіе новой паники, армія разсѣялась совершенно. Каждая горсть солдатъ спасалась по-своему. Многіе полегли у подножія другого подъема, расположеннаго при самомъ выходѣ изъ

Ковно. Нею удалось сохранить около себя лишь 500 — 600 человѣкъ. Когда старая гвардія добралась до Кёнигсберга, она растаяла до 1.500 человѣкъ, изъ которыхъ только 500 въ состояніи были носить оружіе. Отъ молодой гвардіи не осталось ничего.

Размѣры бѣдствія. — Обыкновенно считаютъ, что русскую границу въ іюнѣ 1812 года перешло около 420.000 человѣкъ, которыхъ потомъ уже въ предѣлахъ Россіи догнали еще 113.000 человѣкъ; всего 533.000 солдатъ. Изъ всей этой массы обратно переправились черезъ Нѣманъ въ декабрѣ 1812 года около 18.000 человѣкъ. Надо присоединить сюда 55.000 уцѣлѣвшихъ въ корпусахъ Макдональда, Ренье, Шварценберга. Около 50.000 дезертировали въ самомъ началѣ кампаніи. Около 130.000 остались въ плѣну въ Россіи. Такимъ образомъ, число погибшихъ въ Россіи отъ лишеній, болѣзней, мороза, непріятельскаго огня и крестьянской мести можно исчислить въ 250.000 человѣкъ. Даже изъ тѣхъ, кто добрался домой, многіе ли пережили вынесенныя страданія!

Для Наполеона бѣдствіе было непоправимо. Нанесенъ былъ ударъ не только его военному могуществу, но и всей его европейской политической системѣ. Съ истребленіемъ его польскихъ полковъ рушилось все дѣло возрожденія Польши, начатое образованіемъ великаго герцогства Варшавскаго. Съ истребленіемъ его нѣмецкихъ полковъ рушились его Рейнскій союзъ, его королевство Вестфалія, всѣ его планы созданія Германіи, подвластной Франціи. Печаль, вызванная этимъ огромнымъ бѣдствіемъ въ другихъ странахъ Европы: въ Голландіи, Бельгіи, Швейцаріи, во всей Италіи, отъ Милана до Неаполя и отъ Венеціи до Турина, даже вплоть до иллирійскихъ провинцій, — эта печаль подготовила распаденіе наполеоновской имперіи на мелкія части. Погибшіе въ Россіи вѣдь были главнымъ образомъ нѣмецкіе, итальянскіе, польскіе и иные генералы, офицеры и солдаты разныхъ націй, которые вѣрили въ звѣзду императора и обезпечивали ему вѣрность своихъ соотечественниковъ; вѣдь это были чужеземные полки, которые онъ закалилъ въ бою, артиллерія, которую онъ организовалъ, солдаты, которые научились выкрикивать на всѣхъ языкахъ Европы *„да здравствуетъ императоръ!"* и рисковать своею жизнью за его похвалу въ *Бюллетеняхъ* или за крестъ его *Почетнаго легіона*. Наполеоновская Европа была прежде всего Европой военныхъ лагерей и полей битвъ. И вотъ она почти цѣликомъ осталась на равнинахъ Россіи. Ея мѣсто готовилась занять другая Европа; она заявила о своемъ пришествіи 30 декабря 1812 года неожиданной измѣной Іорка фонъ Вартенбурга. Наполеонъ въ гордынѣ своей вооружилъ противъ Россіи двѣнадцать народовъ и, такъ сказать, передвинулъ Европу съ запада на востокъ, отъ Сены до Москва-рѣки. Александръ вооружилъ теперь не меньшее количество народовъ противъ французскаго Цезаря, и на этотъ разъ потокъ вооруженныхъ массъ долженъ былъ направиться съ востока на западъ, отъ Нѣмана къ Сенѣ, увлекая въ своемъ теченіи націю за націей, армію за арміей — всѣхъ тѣхъ, кто еще недавно привѣтствовалъ орловъ Наполеона.

И. М. Прянишниковъ.

„Въ 1812 году".

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Глава IX.

Нѣмецкая кампанія.

Распаденіе Рейнской конфедераціи.

1813.

I.—Шестая коалиція.

Состояніе французскихъ армій (январь 1813 г.).—Въ русскихъ снѣгахъ великая армія растаяла: отъ нея уцѣлѣло лишь нѣсколько жалкихъ отрядовъ, цѣлые корпусы насчитывали контингентъ батальона, кавалеристы были безъ коней, гренадеры съ отмороженными членами, офицеры въ лохмотьяхъ. Наиболѣе отчаявшимся изъ побѣжденныхъ было ясно, что у Франціи больше нѣтъ войска. „Проходя чрезъ старую Пруссію, мы легко могли опредѣлить настроеніе жителей. Въ ихъ вопросахъ слышалось злорадное любопытство; они иронически соболѣзновали перенесеннымъ нами страданіямъ и безпрестанно сообщали намъ ложные слухи о погонѣ казаковъ, которые ни разу не показались. Если какой-нибудь солдатъ отдалялся отъ большой дороги, крестьяне обезоруживали его и отпускали съ угрозами и бранью“ (Фезенсакъ). Отложеніе генерала Іорка фонъ Вартенбургъ, бросившаго корпусъ Макдональда и обязавшагося по Таурогенскому соглашенію (31 декабря 1812 г.) не воевать съ русскими въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, заставило французовъ эвакуировать всю Пруссію кромѣ Данцига. Мюратъ былъ вынужденъ отступить за Вислу, и русскіе перешли эту рѣку. Вслѣдствіе тайныхъ переговоровъ съ Меттернихомъ онъ въ Познани внезапно оставилъ армію подъ предлогомъ необходимости отправиться на защиту своего Неаполитанскаго королевства. Принцъ Евгеній взялъ на себя печальную честь командованія и принялъ дѣятельныя мѣры, чтобы добыть оружіе, коней и боевые запасы, привести въ боевую готовность крѣпости по Одеру и ускорить прибытіе подкрѣпленій и новобранцевъ, которое позволило бы ему возобновить кампанію. Но вскорѣ и правый французскій флангъ оказался столь же обнаженнымъ, какъ и лѣвый. Шварценбергъ, заключивъ перемиріе съ русскими, оставилъ Варшаву и заперся въ Галиціи. Русскіе заняли вслѣдъ за Пруссіей и Силезію. Евгеній оставилъ гарнизоны въ Штеттинѣ, Кюстринѣ и Глогау, но очистилъ Берлинъ и перенесъ свои военныя квартиры на берега Эльбы. Здѣсь онъ нашелъ четыре крохотныхъ армейскихъ корпуса подъ начальствомъ Лористона, Виктора, Макдональда и Рейнье. Въ общемъ французскія силы не достигали и 40.000 человѣкъ: это

было все, что въ данный моментъ могла противопоставить Францiя готовой возставшей Германiи.

Наборы 1813 года.—Наполеону приходилось создавать новую армiю. Нужно было найти денегъ и людей, чтобы побѣжденная Францiя могла снова внушать уваженiе къ себѣ. Путемъ отчужденiя коммунальныхъ имуществъ Наполеонъ добылъ около 300 миллiоновъ, не считая своей частной казны, въ которой было 160 миллiоновъ.

Сенатъ безъ труда вотировалъ всѣ предложенные наборы. Уже до того, раньше срока, были призваны 140.000 призывныхъ 1813 года: они обучались теперь въ военныхъ депо; 100 батальоновъ нацiональной гвардiи были мобилизованы и разбиты на полки; въ силу закона, вотированнаго палатами, забрано было 100.000 человѣкъ изъ предыдущихъ призывовъ; наконецъ, до срока взятъ былъ весь призывъ 1814 года. Не пощадили даже юношей, по закону свободныхъ отъ службы въ качествѣ единственныхъ кормильцевъ семьи или нанявшихъ за себя замѣстителей. Иные выкупались до трехъ разъ. Францiя покорилась почти безъ ропота. Однако, кое-гдѣ было оказано сопротивленiе, особенно въ Вандеѣ и Бретани. Летучiе отряды рыскали по лѣсамъ, отыскивая уклонявшихся отъ военной службы; многiе вырывали себѣ переднiе зубы, чтобы нечѣмъ было откусывать патроны, или отрубали себѣ указательный палецъ,—но и эти не избѣгли своей участи: ихъ приставляли къ обозу или походнымъ госпиталямъ. Къ концу 1813 года землю принуждены были заступомъ обрабатывать женщины и дѣти: это предписывалъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ виду повсемѣстной и непрерывной реквизицiи мужчинъ и лошадей.

Въ портовыхъ округахъ были набраны флотскiя команды, безполезныя за отсутствiемъ флота,—30.000 прекрасныхъ солдатъ. Префекты въ каждомъ изъ 130 департаментовъ сформировали своего рода преторiанскую стражу подъ именемъ *департаментской пѣхоты;* эти солдаты были хорошо одѣты, хорошо обучены и получали хорошее продовольствiе. Эти 130 отрядовъ отправили въ Германiю. Нѣсколько полковъ было отозвано изъ Испанiи. Во время отступленiя изъ Россiи погибли почти всѣ лошади; изъ конницы Наполеонъ привелъ обратно во Францiю лишь тотъ *священный эскадронъ*, составленный изъ всѣхъ офицеровъ, у кого уцѣлѣли кони, гдѣ командиромъ былъ Мюратъ, дивизiонные и бригадные генералы—офицерами и унтеръ-офицерами, гдѣ первая шеренга каждаго взвода состояла исключительно изъ полковниковъ и эскадронныхъ командировъ и капитаны и лейтенанты были простыми рядовыми. Этотъ священный эскадронъ не просуществовалъ и мѣсяца: Наполеонъ рѣшилъ замѣнить его лейбъ-гвардiей по образцу тѣлохранителей старой монархiи и поручилъ Кларку и Дюроку ознакомиться со способомъ ихъ рекрутировки, организацiей и формой обмундированiя. Такъ еще и въ худшiе дни онъ изыскивалъ средства возвысить блескъ своего трона. Но такъ какъ приходилось спѣшить, то онъ ограничился призывомъ на службу, подъ именемъ *почетнаго караула,* юношей изъ дворянства и богатой буржуазiи, которые должны были на собственный счетъ экипироваться кавалеристами и могли послѣ годичной службы получать офицерскiй чинъ. Это были какъ бы заложники, отвѣчавшiе ему за вѣрность своихъ семействъ. Въ полковники онъ далъ имъ генераловъ, въ капитаны—полковниковъ армiи. Это отборное войско предполагалось довести до состава четырехъ полковъ, но для кампанiи 1813 года изъ нихъ удалось организовать только два, т.-е. около 5—6 тысячъ человѣкъ. Въ полку, состоявшемъ подъ командой Сегюра, агенты Бурбоновъ успѣли вызвать мятежъ

Ф. Адамъ.

Отступленіе изъ Россіи въ 1813 г.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

кончившійся попыткою убить командира и быстро угасшій. Однако, эти молодые люди оказали цѣнныя услуги въ исполненіи тѣхъ деликатныхъ порученій, для которыхъ ихъ готовила ихъ выучка. Сверхъ того, Наполеонъ приказалъ офицерамъ прежнихъ кавалерійскихъ полковъ всюду забирать коней и наскоро обучить причисленныхъ къ ихъ полкамъ новобранцевъ. Но потери, понесенныя въ русскомъ походѣ, были непоправимы. Недостатокъ конницы въ теченіе всей кампаніи 1813 года не позволяетъ Наполеону преслѣдовать врага и придавать своимъ побѣдамъ рѣшающее значеніе.

Новая армія.—Такимъ образомъ, Наполеонъ собралъ подъ знамена до 500.000 человѣкъ. По мѣрѣ экипировки и элементарной выучки, ихъ частями, въ видѣ звеньевъ цѣпи, передвигали къ Германіи. Это были въ большинствѣ отроки, хрупкаго тѣлосложенія, не достигшіе и двадцатилѣтняго возраста, но отроки твердые духомъ, которымъ иногда измѣняли силы, но никогда мужество, и которые лихо шли въ огонь со смѣлой увѣренностью стараго войска. Наполеонъ предусмотрительно съ большой тщательностью распредѣлилъ ихъ промежъ ветерановъ, которые и обучали ихъ военному ремеслу. Прочныя рамки этихъ полковъ составляли уцѣлѣвшіе изъ русскаго похода и вызванные изъ Испаніи офицеры. Но уже пылъ войска былъ не тотъ; старые солдаты знали, что живымъ имъ уже не уйти изъ полка, и еще больше прежняго предавались грабежу и разврату. Молодежь дралась уже не за побѣду, а за жизнь. Звѣзда Наполеона поблѣднѣла. Лично онъ все еще считался непобѣдимымъ. Накануне сраженія при Лейпцигѣ онъ раздалъ орловъ новымъ полкамъ, причемъ просилъ ихъ предпочесть смерть оставленію ввѣреннаго имъ знамени: „Никогда, — говоритъ очевидецъ, — никогда не изгладится въ моей памяти конецъ его рѣчи, когда, привставъ въ стременахъ и протянувъ руку къ намъ онъ бросилъ намъ эти два слова: „Клянетесь ли?“ И я, и всѣ мои товарищи—мы почувствовали въ этотъ мигъ, точно онъ силою исторгъ изъ нашихъ внутренностей крикъ: „Клянемся! Да здравствуетъ императоръ!“ Сколько мощи было въ этомъ человѣкѣ! У насъ почти слезы стояли въ глазахъ, и, во всякомъ случаѣ, въ нашихъ сердцахъ была непоколебимая рѣшимость“ *(Воспоминанія бывшаго офицера*, пастора Мартэна).

И дѣйствительно, эти молодыя войска не уступали старымъ въ героизмѣ: объ этомъ свидѣтельствуютъ тысячи эпизодовъ. При штурмѣ Кайи, взятой лишь послѣ шести безплодныхъ атакъ, они исторгали у Нея и Наполеона крики восторга. Въ сраженіи при Любницѣ у генерала Жирара снесло часть черепа; казаки хотѣли прикончить его, но гусарскій адъютантъ Гитье вырвалъ генерала изъ ихъ рукъ, посадилъ его съ собою на лошадь и спасъ, и Жираръ, оправившись отъ трепанаціи черепа, вернулся въ строй и сражался при Линьи. При Линденау гусаръ Фушэ былъ раненъ одной пулей насквозь чрезъ обѣ ляшки; онъ отказался итти въ госпиталь и вмѣстѣ со своимъ полкомъ совершилъ весь остальной путь отступленія во Францію.

Но Наполеонъ быстро состарился; имъ часто овладѣвала неодолимая сонливость; онъ уснулъ подъ громъ орудій въ траншеѣ при Бауценѣ и во время страшной битвы при Лейпцигѣ. Верховая ѣзда утомляла его; болѣзнь желудка, ставшая причиною его смерти, часто причиняла ему жестокія страданія; въ промежутокъ между сраженіями при Дрезденѣ и Лейпцигѣ онъ провелъ нѣсколько недѣль въ полномъ безсиліи и бездѣйствіи. Но невѣроятными усиліями воли онъ возвращалъ себѣ бодрость. И чѣмъ больше онъ чувствовалъ, что силы покидаютъ его, тѣмъ нетерпѣливѣе онъ требовалъ отъ всѣхъ слѣпого повиновенія. Меньше, чѣмъ

когда-нибудь, слушалъ онъ теперь своихъ совѣтниковъ. Но если онъ въ полной мѣрѣ сохранилъ свою магическую власть надъ войсками, его помощники уже не внушали прежняго довѣрія. Они были утомлены, недовольны и завидовали другъ другу. По горло насыщенные почестями и богатствомъ, они страстно жаждали покоя. Бертье мечталъ объ охотѣ въ своемъ прекрасномъ помѣстьѣ Гробуа; притомъ онъ хворалъ слабостью мозга, которая не разъ мѣшала ему въ точности исполнять приказы Наполеона. Даву, одинъ стоившій нѣсколькихъ дивизій, былъ отодвинутъ Наполеономъ на второй планъ, можетъ быть, изъ тайной зависти, и командовалъ изъ-подъ начала небольшимъ корпусомъ въ сѣверной Германіи. Ланнъ умеръ, Массена ушелъ на покой, Мюратъ измѣнилъ, Бессьеръ и Дюрокъ скоро падутъ на полѣ брани. Макдональдъ, превосходный теоретикъ, въ дѣлѣ обнаруживаетъ все бо́льшую нерѣшительность. Мармонъ думаетъ лишь о томъ, какъ бы стоять на виду; онъ мрачнѣе, чѣмъ когда-либо: „Его уста не знали улыбки“. Гувіонъ Сенъ-Сиръ продолжаетъ критиковать вся и всѣхъ: въ Россіи онъ насмѣхался надъ приказами „монсиньора маршала Удино“. Въ кампанію 1813 года онъ убѣждаетъ Мортье оставить Вандамма безъ всякой поддержки и доводитъ его до гибельной капитуляціи. Вандаммъ заслуживалъ бы маршальскаго жезла, будь онъ не такъ сухъ, язвителенъ и рѣзокъ. Жомини, начальникъ штаба Нея, вскорѣ предастъ Наполеона, что́ еще раньше сдѣлали Моро и Бернадоттъ, которыхъ мы видимъ въ эту кампанію во главѣ вражескихъ войскъ. Наполеонъ принужденъ поручать командованіе корпусами новымъ военачальникамъ, какъ Бертранъ и Лористонъ, которые, будучи инженерными или артиллерійскими офицерами, никогда не командовали пѣхотой. „Если бы императоръ вздумалъ наказывать всѣхъ, кто обнаруживалъ недостатокъ усердія, ему пришлось бы остаться почти безъ единаго изъ своихъ маршаловъ“. Это признаніе вырвалось у Марбо, отнюдь не настроеннаго враждебно. Дисциплина ослабѣла: осудивъ на смерть двухъ мародеровъ, Экзельманъ одного прощаетъ, а другого велитъ разстрѣлять въ упоръ, предварительно условившись съ нимъ, что дастъ ему убѣжать послѣ мнимой казни; но эта хитрость открылась, и солдаты его дивизіи немало издѣвались надъ нимъ. Дѣятельность интендантства по снабженію войска провіантомъ и одеждою, можно сказать, прекратилась.

Въ началѣ 1813 года министръ Лакюэ де Сессакъ отправилъ въ Германію обозъ, доставку котораго за Рейнъ онъ поручилъ нѣмецкимъ подрядчикамъ, причемъ не послалъ ни одного французскаго агента присмотрѣть за сдачей товара. Пруссаки присвоили себѣ весь обозъ, т.-е. болѣе, чѣмъ на 12 милліоновъ вещей, столь необходимыхъ французскимъ войскамъ. Ротные командиры ничего не получали, и ихъ солдаты, голодные и изнуренные, разсѣивались по дорогѣ. Приходилось остатокъ войска посылать на мародерство — забирать въ окрестныхъ селахъ дрова, солому и съѣстные припасы. Сами офицеры принуждены были, чтобы прожить, участвовать въ грабительствѣ своихъ солдатъ. Такимъ образомъ, всѣ узы ослабѣвали. Правда, армія обнаруживала героическую стойкость, мужество и преданность, достойныя удивленія; но этимъ едва отесаннымъ новобранцамъ, которыхъ приходилось обучать всему даже во время переходовъ и которые существовали единственно грабежомъ, было далеко до побѣдителей при Флерюсѣ, Маренго и Аустерлицѣ.

Ослѣпленіе Наполеона. — Нѣсколькихъ приказовъ, напечатанныхъ въ *Монитёрѣ*, было достаточно, чтобы снова двинуть Францію въ походъ. И гордый тѣмъ, что по его слову изъ земли выросло столько

новыхъ легіоновъ, Наполеонъ снова чувствовалъ себя непобѣдимымъ. Никогда еще онъ съ такой спокойной самоувѣренностью не направлялъ свою политику на полный выигрышъ или потерю. Тотчасъ вслѣдъ за русскимъ походомъ былъ короткій промежутокъ, когда онъ могъ бы заключить выгодный для Франціи миръ. Правда, ему пришлось бы отречься отъ мысли о всемірномъ владычествѣ, но у него осталась бы все же прекрасная держава, завѣщанная ему революціей: Галлія до Рейна. Русскіе нерѣшительно вступали въ предѣлы Германіи. Нѣкоторые изъ совѣтниковъ царя хотѣли остановить войско на Вислѣ. Кутузовъ указывалъ царю на крайнюю изнуренность арміи, Румянцевъ выставлялъ на видъ настоятельную необходимость мира. Прусскій король заявлялъ, что желаетъ остаться вѣренъ союзу съ Франціей. Австрія не была въ силахъ начать войну; Меттернихъ еще не смѣлъ требовать отъ своего господина, чтобы онъ порвалъ со своимъ зятемъ единственно потому, что счастье отвернулось отъ послѣдняго. Въ эту минуту Наполеонъ могъ еще предотвратить образованіе коалиціи, привлечь на свою сторону Австрію, предоставивъ ей Италію, и оставить прусскаго короля самого вѣдаться съ прочими нѣмецкими государями въ видахъ созданія единства Германіи. Франція осталась бы еще довольно обширной въ предѣлахъ до Альпъ и Рейна. Но Наполеонъ не догадывался ни объ усталости Франціи, ни объ ожесточеніи Европы. Онъ думалъ, что Францъ I никогда не пойдетъ противъ своего зятя, точно австрійскій императоръ долженъ былъ относиться къ семьѣ по-корсикански. Въ нѣмцахъ онъ былъ увѣренъ, зная ихъ партикуляристическій духъ. Наконецъ, проигравъ ставку въ Россіи, онъ съ болѣзненной страстью и слѣпымъ упорствомъ игрока желалъ отыграться. До послѣдней битвы, до Лейпцига, весь планъ его дѣйствій сводился къ тому, чтобы не уступать ни пяди изъ своихъ завоеваній.

Колебанія союзниковъ.—Не лучше сумѣли воспользоваться выгодами своего положенія и союзники: дѣйствуй они нѣсколько рѣшительнѣе въ разсчетѣ на неурядицу, вызванную отступленіемъ изъ Россіи, они безъ труда могли бы истребить небольшой корпусъ принца Евгенія или оттѣснить его до Рейна. Но они не отдавали себѣ отчета въ истинныхъ размѣрахъ своихъ силъ. „Война народовъ", начавшаяся въ Испаніи, продолжается въ Германіи съ ярымъ ожесточеніемъ. Нѣмцы уже не вспоминали о благахъ, занесенныхъ къ нимъ французами, а помнили только объ ихъ тираніи и вымогательствахъ. Ужасающія реквизиціи, которыми Наполеонъ изнурялъ Германію со дня битвы при Аустерлицѣ, довели ее до полнаго ожесточенія. Тайныя общества, особенно *Тугендбундъ*, въ короткое время пріобрѣли тысячи членовъ. Университеты, въ особенности молодой берлинскій университетъ, ставшіе, какъ въ эпоху Реформаціи, настоящими боевыми органами, прославляли идею патріотическаго отмщенія, Гумбольдтъ, Шлейермахеръ, Шлегель своими лекціями и писаніями воспламеняли учащуюся молодежь. Нѣмецкіе Тиртеи—Арндтъ, Кернеръ, Рюккертъ, Фукэ, Коллинъ, Штегеманнъ—во множествѣ производили патріотическія пѣсни[1]), и Веберъ, наиболѣе національный изъ нѣмецкихъ музыкантовъ, нашелъ въ этомъ новомъ жанрѣ богатѣйшій источникъ своего вдохновенія. Однако, не всѣ нѣмцы съ одинаковой рѣшимостью стремились къ національной эмансипаціи и политической свободѣ. Южно-германскіе князья, которыхъ Наполеонъ осыпалъ благодѣяніями, колебались покинуть его; они боялись, что въ территоріальной переверсткѣ, долженствующей послѣдо-

---

[1]) См. выше стр. 78.

вать за его паденіемъ, они потеряютъ часть только что пріобрѣтенныхъ ими владѣній. Ихъ солдаты всего безжалостнѣе грабили сѣверную Германію. Ихъ контингенты обращаютъ свое оружіе противъ Наполеона лишь въ послѣдніе дни нѣмецкой кампаніи, когда имъ стало не въ мочь противостоять общему порыву. Меттернихъ до такой степени боялся всякаго революціоннаго движенія, что долго колебался связать судьбу Австріи съ судьбою нѣмецкаго національнаго движенія. Наполеонъ, являвшійся теперь въ его глазахъ символомъ консервативнаго духа, легко привлекъ бы его на свою сторону, если бы во-время сдѣлалъ австрійской коронѣ необходимыя уступки.

Не менѣе робокъ былъ сначала и король Фридрихъ-Вильгельмъ III. Но великія соціальныя и административныя реформы Штейна положили начало обновленію Пруссіи, а Шарнгорстъ подготовилъ новую армію [1]). Съ первыхъ же дней Пруссія могла выставить въ поле 150.000 человѣкъ. Война 1813 года была преимущественно реваншемъ Пруссіи. Однако, народу приходилось увлечь за собою своего короля.

Возстаніе восточной Пруссіи. — Подобно тому какъ Іоркъ фонъ-Вартенбургъ заключилъ Таурогенское соглашеніе, не спросившись короля, такъ провинція Восточная Пруссія, освободившаяся первою изъ прусскихъ областей, не стала дожидаться королевскаго приказа, чтобы поднять знамя мятежа. Въ 1806 — 1809 гг. въ Кёнигсбергѣ образовалось общество, имѣвшее цѣлью издавать патріотическія произведенія вродѣ *Volksfreund* Бартша и *Bürgerblatt* Гейдеманна. При извѣстіи о Таурогенскомъ соглашеніи вся провинція возстала, точно движимая инстинктомъ. Этотъ взрывъ прусскаго патріотизма испугалъ короля, который въ этотъ моментъ находился въ Берлинѣ во власти Наполеона и французскихъ войскъ. Онъ отрекся отъ солидарности съ Іоркомъ фонъ-Вартенбургъ и отрѣшилъ его отъ командованія. Послѣ долгихъ колебаній Іоркъ рѣшилъ продолжать свой патріотическій мятежъ, удержалъ въ своихъ рукахъ начальство надъ войскомъ, пополнилъ составъ послѣдняго и расположился въ Кёнигсбергѣ. Сюда вскорѣ прибылъ Штейнъ съ полномочіемъ отъ императора Александра; но тутъ выступила на сцену патріотическая недовѣрчивость Іорка, Шёна, Дона, Ауэрсвальда и другихъ прусскихъ генераловъ, которые подозрительно смотрѣли на русскихъ и въ свое время протестовали противъ занятія ими Мемеля. Они уполномочили Штейна только созвать областной сеймъ, а вскорѣ затѣмъ принудили его оставить городъ. Тѣмъ не менѣе сеймъ исполнилъ свою патріотическую задачу: онъ постановилъ созвать *Landwehr* и *Landsturm* и, такимъ образомъ, организовалъ—при общемъ числѣ народонаселенія въ милліонъ душъ—60.000-ое войско. Французы были изгнаны изъ Пиллау, одной изъ крѣпостей, доставшихся имъ по договору 29 мая 1812 года.

Отложеніе прусскаго короля; его союзъ съ Россіей. — Въ ту самую минуту, когда Фридрихъ-Вильгельмъ во всеуслышаніе заявлялъ протестъ противъ Таурогенскаго соглашенія, онъ оставилъ Берлинъ и уѣхалъ въ Бреславль (22 января), гдѣ попалъ въ среду наиболѣе пылкихъ членовъ національной партіи. Притомъ возстаніе распространялось повсемѣстно. Вся прусская армія, исключая силезскихъ войскъ, ускользала изъ-подъ власти короля. „Если король еще долго будетъ колебаться,— писалъ англійскій агентъ,—я считаю революцію неминуемой". Между тѣмъ король отправилъ къ царю одного изъ своихъ наперсниковъ, Кнезебека, переодѣтаго купцомъ, и Кнезебекъ убѣдилъ русскаго императора заключить союзный договоръ: Калишскій договоръ (28 февраля 1813 г.) установлялъ, что Пруссія должна

[1]) См. выше стр. 69 и слѣд.

быть возстановлена въ границахъ, опредѣлявшихъ ея территорію въ 1806 году, Германіи возвращается ея независимость, и оба союзника не вправѣ заключать сепаратныхъ договоровъ. Въ виду этого соглашенія Бюловъ открылъ русскимъ переходъ чрезъ Одеръ. Витгенштейнъ занялъ Берлинъ. 15 марта царь съ тріумфомъ вступилъ въ Бреславль. Теперь прусскій король рѣзко оборвалъ начатые имъ переговоры съ Наполеономъ и 17 марта подписалъ приказъ о созывѣ *Landwehr*'а и издалъ знаменитое *Воззваніе къ моему народу:* „Бранденбуржцы, пруссаки, силезцы, померанцы, литовцы! Вы знаете, что̀ вы выстрадали за послѣднія семь лѣтъ! Вы знаете, какая участь ждетъ насъ, если мы не кончимъ съ честью начинающейся теперь борьбы..."

Калишскія прокламаціи.—Съ такимъ же воззваніемъ обратился къ германскому народу и Витгенштейнъ: „Свобода или смерть! Саксонцы, нѣмцы, наши генеалогическія древа, наши дворянскія родословныя кончаются 1812 годомъ. Славные подвиги нашихъ предковъ стерты униженіемъ ихъ потомковъ. Но возстаніе Германіи породитъ новыя благородныя фамиліи и одно вернетъ старымъ утраченный ими блескъ". Онъ указывалъ на то, что въ рядахъ прусскаго ополченія „бокъ о бокъ стоятъ сынъ крестьянина и княжескій сынъ". 25-го Кутузовъ издаетъ прокламаціи, гдѣ говорится уже не только о національной независимости, но и о свободѣ.

Бреславльскій договоръ. — 19 марта Штейнъ, снова вошедшій въ милость у короля, и Нессельроде отъ лица Россіи заключили между собою Бреславльское соглашеніе. Обѣ договаривающіяся державы призывали къ независимости нѣмецкій народъ и нѣмецкихъ государей; отнятыя назадъ у Наполеона нѣмецкія земли должны быть раздѣлены на пять областей и въ каждую изъ нихъ назначены два губернатора — военный и гражданскій: первый получаетъ приказанія отъ союзныхъ военачальниковъ, второй подчиненъ „центральному административному совѣту" (Centralverwaltungsrath). По мысли Штейна, этотъ совѣтъ долженъ былъ содѣйствовать разрушенію партикуляристическихъ суверенитетовъ и осуществленію единства Германіи. Князья и народы, которые не примкнутъ къ союзникамъ, теряютъ свою автономію и становятся военной добычей. Союзники только-что стяжали свои первые успѣхи: 12 марта вспыхнувшій въ Гамбургѣ мятежъ отдалъ городъ въ руки казаковъ Теттенборна, 26-го пруссаки вступили въ Дрезденъ и прогнали оттуда саксонскаго короля. Такимъ образомъ, линія Эльбы, до сихъ поръ остававшаяся во власти вице-короля Евгенія, была прорвана на обѣихъ своихъ оконечностяхъ, и онъ долженъ былъ отступить къ Заалѣ. Но Наполеонъ уже оставилъ Парижъ съ внушительными силами. Въ Тюрингіи онъ соединился со своимъ помощникомъ: начиналась нѣмецкая кампанія.

Враждебный нейтралитетъ Австріи.—Наполеонъ все еще разсчитывалъ на австрійскій союзъ; но четыре раза побѣжденная, четыре раза безжалостно раздавленная Австрія съ замираніемъ сердца ждала часа отмщенія, и Меттернихъ съ отвратительной двуличностью старался его приблизить. Онъ всячески завѣрялъ французскаго посла Отто въ мирныхъ замыслахъ Австріи и въ ея готовности при случаѣ оказать французамъ вооруженную поддержку: „Нашъ союзъ основанъ на чрезвычайно устойчивыхъ интересахъ, и потому онъ долженъ быть вѣчнымъ... Мы обязуемся дѣйствовать въ строгомъ соотвѣтствіи съ нуждами императора Наполеона, не дѣлать шага безъ его вѣдома и, если русскіе не согласятся на миръ, двинуть противъ нихъ всѣ силы монархіи". Но у Меттерниха были два лица и два языка. Въ то самое время, когда онъ расточалъ Наполеону эти успокоительныя обѣщанія, онъ примкнулъ къ

Бреславльскому соглашенію, побуждалъ Фридриха-Вильгельма поднять оружіе „за независимость Европы“ и открылъ тайную дипломатическую кампанію съ цѣлью отбить у французовъ ихъ послѣднія опоры — королей датскаго, саксонскаго, баварскаго и вюртембергскаго, даже Жерома и Мюрата: онъ убѣждалъ ихъ прекратить безполезныя военныя приготовленія, которыя только дѣлаютъ Наполеона менѣе сговорчивымъ. Эти коварные происки начали, однако, выступать наружу, и французскіе послы при всѣхъ нѣмецкихъ дворахъ — Рейнгартъ, Биньонъ, Бёньо, Отто — сообщали о нихъ Наполеону. Но его система принуждала его слѣпо довѣрять своимъ надеждамъ. Вопреки очевидности, онъ упрямо разсчитывалъ на вѣрность своихъ нѣмецкихъ вассаловъ и принцевъ своей фамиліи и на неизмѣнную дружбу Австріи. А тѣмъ временемъ Меттернихъ подъ покровомъ нейтралитета поднималъ Европу и Бельгардъ, подготовлялъ австрійскія арміи къ борьбѣ.

II.—Лѣтняя кампанія; перемиріе; конгрессъ.

Сраженія при Люценѣ и Бауценѣ. — Въ нѣмецкую кампанію 1813 года Наполеонъ обнаружилъ ту же геніальность, его войска—то же самоотверженіе, что и раньше. Первый періодъ войны, когда Наполеону приходилось бороться еще только съ соединенными силами Россіи и Пруссіи, былъ благопріятенъ для него; во второмъ періодѣ она принимаетъ гигантскіе размѣры. Сначала Австрія, затѣмъ послѣдовательно всѣ нѣмецкія вассальныя государства обращаются противъ Наполеона, и онъ теряетъ Германію. Такимъ образомъ, *лѣтняя кампанія* была еще удачна, *осенняя* кончилась пораженіемъ при Лейпцигѣ.

Вначалѣ силы противниковъ были почти равны: противъ 220.000 русскихъ и пруссаковъ, предводимыхъ Витгенштейномъ, стояло 200.000 французовъ. Главными помощниками Витгенштейна были Винцингероде, Милорадовичъ, Барклай-де-Толли, Горчаковъ. Пруссаками командовалъ Блюхеръ. Держа въ своихъ рукахъ линію Эльбы отъ Гамбурга до Дрездена, союзники намѣревались отбросить Евгенія за Заалу и двинулись на Эрфуртъ. У Евгенія было 60.000 человѣкъ, а Даву дѣйствовалъ на сѣверѣ съ изолированнымъ корпусомъ въ 30.000 человѣкъ. Наполеонъ, передавъ правленіе Маріи-Луизѣ, 26 апрѣля въ Эрфуртѣ принялъ начальство надъ 110.000-нымъ войскомъ, только что прибывшимъ изъ Франціи. Оно было раздѣлено на четыре корпуса, подъ начальствомъ Нея, Мармона, Бертрана и Удино. Гвардіей командовали Сультъ, Мортье и Бессьеръ. Первое столкновеніе произошло у Вейсенфельса; здѣсь палъ маршалъ Бессьеръ [1]. Русскіе были опрокинуты и потеряли Риппахскій проходъ. Наполеонъ двинулся къ Лейпцигу, но союзники перерѣзали ему дорогу, и вокругъ Люцена, на равнинѣ Позерна, видѣвшей уже столько кровавыхъ боевъ, разыгралось большое сраженіе. Обѣ арміи насчитывали приблизительно по 90.000 человѣкъ. Вначалѣ Нею приходилось одному выдерживать атаки Витгенштейна, вдвое превосходившаго его силами. Вокругъ деревень Гроссъ-Гершенъ и Кайа завязалась бѣшеная стычка. Но Наполеонъ уже повернулся лицомъ къ непріятелю и бросилъ Макдональда на правый флангъ союзниковъ, тогда какъ Бертранъ и Удино врубились въ ихъ лѣвый флангъ. Молодая гвардія покрыла себя славой,

---

[1]) „Командуя конной гвардіей, онъ рѣдко подвергался опасности, а со времени испанскаго похода участвовалъ въ войнахъ преимущественно въ качествѣ зрителя. При первомъ залпѣ онъ поспѣшилъ на поле битвы, а второй его уложилъ“ (Сегюръ). Марбо заявляетъ, что о его смерти жалѣлъ больше Наполеонъ, чѣмъ армія, такъ какъ ему не могли простить, что онъ помѣшалъ двинуть въ бой гвардію подъ Бородинымъ.

принявъ боевое крещеніе въ пятикратной атакѣ позиціи при Кайѣ: „Эти юноши— герои, — воскликнулъ Ней: — съ ними я могъ бы сдѣлать все, что угодно". Таковъ былъ Люценскій бой, который нѣмцы называютъ сраженіемъ при Гроссъ-Гершенѣ. За недостаткомъ конницы французы не могли преслѣдовать побѣжденныхъ. Но важно было то, что во французскомъ войскѣ воскресло довѣріе къ своимъ силамъ. Вся Саксонія была снова занята, императоръ вступилъ въ Дрезденъ и возстановилъ на престолѣ своего стараго союзника, саксонскаго короля. Союзныя арміи бѣжали за Эльбу. Онѣ потеряли 20.000 человѣкъ, но и французы потеряли не меньше, а врагъ въ отдаленіи могъ быстрѣе оправиться. Наполеонъ превозносилъ свою побѣду надъ этими „татарскими полчищами", опустошившими свои поля и сжегшими Москву.

Витгенштейнъ остановился на дорогѣ изъ Дрездена къ Бреславлю, занявъ грозную позицію, на которой когда-то съ успѣхомъ велъ бой Фридрихъ II: съ юга крутые склоны Исполинскихъ горъ, съ сѣвера необозримыя болота, поперекъ дороги—двѣ преграды, двѣ стремительныхъ и крутобережныхъ рѣчки—Шпре и Блезаертъ, а позади Блезаерта — плоскогорье Гогенкирхенъ, сплошь покрытое укрѣпленными селами. Слѣва Витгенштейнъ съ русскимъ войскомъ опирался на гору; справа Блюхеръ съ пруссаками образовалъ обособленную массу, прикрытую болотами; въ центрѣ Бауценская позиція господствовала надъ дорогою. Это была настоящая арена, со всѣхъ сторонъ окруженная естественными и искусственными загражденіями. Наполеонъ, лично осмотрѣвъ поле битвы, рѣшилъ разбить сраженіе на два дня. Атака началась 20 мая около полудня. Удино произвелъ демонстрацію на югъ противъ русскаго корпуса Горчакова, какъ будто желая обойти его лагерь. Самое сраженіе происходило въ центрѣ: Макдональдъ и Мармонъ перешли Шпре, Милорадовичъ былъ отброшенъ отъ Бауцена, но Бертранъ на французскомъ лѣвомъ флангѣ не сумѣлъ выбить Блюхера съ Крекевицскихъ высотъ. Однако, къ вечеру перваго дня линія Шпре была въ рукахъ французовъ. На слѣдующій день оставалось прорвать линію Блезаерта и овладѣть плоскогорьемъ Гогенкирхенъ. Наполеонъ надѣялся на рѣшительный успѣхъ; ночью онъ отправилъ Нея въ обходъ непріятельскаго праваго фланга: онъ разсчитывалъ прорвать центръ и окружить всю массу прусскаго войска. Но Ней неосторожно задержался въ ничтожныхъ стычкахъ съ Барклаемъ-де-Толли; вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, онъ рѣшилъ ждать приказаній Наполеона, заблудившихся по пути къ нему. Тщетно начальникъ его штаба, Жомини, доказывалъ ему необходимость стремительно атаковать плоскую возвышенность, простирающуюся отъ Вуршена до Гогенкирхена, чтобы отрѣзать союзникамъ единственный ихъ путь отступленія. Ней взялся за дѣло медленно и вяло и тѣмъ подорвалъ успѣхъ этого остроумнаго маневра. Овладѣвъ на минуту деревней Прейтицъ въ тылу у пруссаковъ, онъ далъ выбить себя отсюда въ тотъ самый моментъ, когда Бертранъ и Мармонъ стремительно атаковали Блюхера въ лобъ, отрѣзали его отъ Витгенштейна, котораго сдерживалъ Удино, и вотъ-вотъ могли довести его до сдачи. Во всякомъ случаѣ, побѣда была спорная и нерѣшительная. Изъ строя выбыло 30.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 12.000 французовъ. „Какъ!— съ горестью воскликнулъ Наполеонъ,— такая бойня, и никакихъ результатовъ! ни одного плѣннаго! Эти люди не оставятъ мнѣ и гвоздя!" — „Мы всѣ сложимъ здѣсь головы!" вздыхали солдаты, которыхъ приводило въ отчаяніе то, что, постоянно побѣждая, они все-таки принуждены были безпрестанно драться. Блюхеръ отступилъ, Витгенштейнъ, правое крыло котораго осталось безъ прикрытія, дол-

женъ былъ послѣдовать его примѣру; но они оспаривали у французовъ каждый ручей, каждую лощину. Слишкомъ малочисленная конница по мѣрѣ силъ тревожила непріятельскій арьергардъ. Въ одной изъ этихъ схватокъ, у Рейхенбаха (22 мая), одно и то же ядро убило генерала Киржнера и великаго маршала Дюрока. Наполеонъ долго оплакивалъ этого друга первыхъ дней, съ которымъ ни разу не разстался со времени Тулона. „Бѣдный!" говорили гренадеры, свидѣтели его великой скорби.

Между тѣмъ какъ союзники отступали вдоль Богеміи, французская армія прошла впередъ до Одера, занявъ вооруженной рукой Глогау, Бреславль и Швейдницъ. Саксонія была освобождена; Силезія наполовину завоевана; Вестфалія и Ганноверъ очищены отъ партизановъ, которые появились здѣсь и, на минуту занявъ Кассель, прогнали короля Жерома; Даву снова владѣлъ Гамбургомъ и Любекомъ: таковы были результаты этого перваго мѣсяца операцій, покрывшихъ славою новую французскую армію. Русскіе и прусскіе военачальники взаимно обвиняли другъ друга въ измѣнѣ или бездарности. Населеніе равно страдало отъ реквизицій своихъ „освободителей", какъ и непріятеля. Разбитая, выброшенная изъ колеи коалиція находилась въ нерѣшимости.

Поведеніе Австріи; Плесвицское перемиріе.—Вмѣшательство Австріи снова сплотило коалицію, готовую распасться. Поздравляя Наполеона съ его побѣдами, Австрія въ то же время поощряла царя и прусскаго короля къ дальнѣйшему сопротивленію. Душою этой коварной политики былъ Меттернихъ. Онъ поклялся отмстить за *такъ называемый Вѣнскій договоръ* 1809 года. По преданію, онъ первый, съ цѣлью вѣрнѣе погубить Наполеона, подалъ мысль о его женитьбѣ на Маріи-Луизѣ, потому что этимъ онъ ставилъ его въ натянутыя отношенія къ Россіи и въ то же время могъ надѣяться улещить и усыпить побѣдителя увѣреніями въ своей неизмѣнной дружбѣ, чтобы за этой ширмою тѣмъ лучше подготовить свое предстоящее отложеніе. Помощь Шварценберга въ экспедиціи 1812 года противъ русскихъ была такъ же комична, какъ и помощь Голицына въ экспедиціи 1809 года противъ австрійцевъ. По возвращеніи въ Вѣну Меттернихъ сталъ подготовлять вооруженный нейтралитетъ Австріи; окончательный же образъ его дѣйствій долженъ былъ опредѣлиться сообразно съ исходомъ кампаніи. Онъ не хотѣлъ безъ подготовки объявлять войну императору, но оставлялъ за собою возможность сдѣлать это, когда понадобится. Часто утверждали, что, предлагая вступить въ переговоры съ Наполеономъ, Меттернихъ искренно желалъ мира; но его *Мемуары* доказываютъ діаметрально противоположное. 23 апрѣля 1813 года онъ пишетъ Нессельроде: „Потеряй Наполеонъ одно сраженіе, и вся Германія подъ ружьемъ". Нѣсколько позднѣе онъ добавляетъ: „Переходъ отъ нейтралитета къ войнѣ возможенъ лишь чрезъ вооруженное посредничество". Послѣ Люцена и Бауцена онъ рѣшаетъ, что наступило время предложить это посредничество. И вотъ онъ предлагаетъ императору заключить перемиріе съ цѣлью подготовить открытіе большого европейскаго конгресса, плодомъ котораго долженъ быть всеобщій миръ. 4 іюня 1813 года Наполеонъ заключилъ Плесвицское перемиріе срокомъ до 28 іюля.

Можно было думать, что и онъ былъ одушевленъ искреннимъ стремленіемъ къ миру: иначе какъ объяснить то, что онъ прервалъ войну въ разгаръ своихъ успѣховъ, въ такую минуту, когда коалиція колебалась рисковать новыми битвами, и что онъ рѣшился дать Австріи такъ упорно искомый ею предлогъ для открытія враждебныхъ дѣйствій противъ

Франціи? Дѣло въ томъ, что въ арміи царило уныніе: „Офицеры всѣхъ степеней были утомлены сраженіями и спрашивали себя, не задался ли императоръ умысломъ умереть не иначе, какъ на бранномъ полѣ. Прибывавшіе изъ Франціи молодые солдаты, видя отчаяніе ветерановъ, считали себя потерянными" (Беньо). Сподвижники Наполеона громогласно требовали мира. Во Франціи разочарованіе овладѣло всѣми слоями населенія; страна пресытилась славой; недовольство росло и ждало лишь первой военной неудачи, чтобы бурно вырваться наружу. Наполеонъ считалъ нужнымъ воочію доказать всѣмъ, что искренно желаетъ мира; притомъ, онъ надѣялся, пользуясь разногласіемъ между державами, на конгрессѣ обыграть ихъ другъ чрезъ друга. Онъ увѣрилъ себя, что Австрія ни въ какомъ случаѣ не можетъ покинуть его и что нѣмецкіе вассалы останутся ему вѣрны. А главное—онъ разсчитывалъ пополнить свое вооруженіе, обновить свою конницу, дать время 120.000 новобранцевъ прибыть изъ Франціи, выиграть блестящій бой въ родѣ Аустерлица или Фридланда и снова смирить пораженную ужасомъ Европу. Онъ мало думалъ о томъ, что въ этотъ промежутокъ и Пруссія не преминетъ пополнить свою армію свѣжими рекрутами, русскіе призовутъ къ себѣ формируемую въ покоренной Польшѣ армію Беннигсена, Бернадоттъ успѣетъ высадиться въ Стральзундѣ. Онъ вводилъ Францію въ заблужденіе своими побѣдоносными бюллетенями, переставляя даты, преувеличивая размѣры непріятельскихъ потерь, сообщая совершенно успокоительныя свѣдѣнія о своемъ здоровьѣ, тогда какъ рвота становилась у него все болѣе частой и физическая слабость его быстро прогрессировала. Марія-Луиза безпрестанно устраивала праздники въ Парижѣ, Сенъ-Клу, Шербургѣ, въ ознаменованіе славныхъ подвиговъ молодыхъ французскихъ войскъ. Самъ онъ, живя во дворцѣ Марколини въ Дрезденѣ, издавалъ во множествѣ всевозможные декреты, чтобы показать, что онъ все тотъ же, что въ Москвѣ и Берлинѣ, и что онъ можетъ изъ любого мѣста править своей всемірной державой.

Двуличность Меттерниха.— Меттернихъ цинично пользовался добровольнымъ ослѣпленіемъ своего опаснаго противника. На свиданіи въ Опосно, на границѣ Богеміи, онъ категорически заявилъ императору Александру, что австрійскія силы не вступятъ на арену войны, пока Наполеонъ не согласится на посредничество Австріи и на пріемлемыя условія. „Если онъ отклонитъ посредничество, — сказалъ онъ съ цѣлью успокоить царя, — вы найдете насъ въ рядахъ вашихъ союзниковъ; если же приметъ, переговоры съ очевидностью докажутъ, что Наполеонъ не желаетъ быть ни благоразумнымъ, ни справедливымъ, и результатъ будетъ тотъ же". Такимъ образомъ, Меттернихъ хотѣлъ вогнать Наполеона въ дилемму, которую его пагубное упрямство, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ неразрѣшимой. Новымъ договоромъ о субсидіяхъ, подписаннымъ въ Рейхенбахѣ еще 14 іюня, Англія обязалась выплатить помѣсячно Россіи 33 милліона, Пруссіи — 17 на продолженіе военныхъ дѣйствій. Графъ Стадіонъ, уполномоченный при главной квартирѣ союзныхъ государей, просилъ лишь нѣсколькихъ недѣль, чтобы Австрія могла закончить свои военныя приготовленія. Такъ все подготовлялось для окончательной измѣны. И дѣйствительно, Меттернихъ отправился въ Дрезденъ просить о продолженіи перемирія и о созывѣ конгресса, гдѣ Францъ I долженъ былъ навязать Наполеону свое посредничество для заключенія мира. Отъ имени своего господина Меттернихъ долженъ былъ предложить Наполеону отказаться отъ Голландіи, Швейцаріи, Испаніи, Рейнской конфедераціи, Польши и большей части

Италіи. Наполеону слѣдовало бы обѣими руками принять эти условія, оставлявшія Францію нетронутой до Рейна. Въ какое затрудненіе онъ поставилъ бы этимъ Австрію! какую смуту вызвалъ бы въ нѣдрахъ коалиціи! какъ воскресилъ бы довѣріе къ себѣ французскаго народа! какую несокрушимую силу могъ бы онъ противопоставить своимъ изумленнымъ врагамъ, если бы, отозвавъ всѣ свои гарнизоны, разсѣянные по Германіи, массою сосредоточилъ бы на Рейнѣ свои несравненные полки, поручивъ имъ оборонять священную почву родины! Ему слѣдовало или отвергнуть всякое перемиріе и всякій конгрессъ, или же безъ разсужденій согласиться на любой миръ, который оставилъ бы неприкосновенной границу старой Галліи.

Свиданіе Наполеона съ Меттернихомъ состоялось въ Дрезденѣ 28 іюня; оно продолжалось восемь часовъ. Взбѣшенный двуличностью своего тестя, императоръ безъ умолку кричалъ, бушевалъ и топалъ ногами: „Вы хотите войны,—хорошо же, будемъ драться. Мы увидимся въ Вѣнѣ. Сколько же васъ, союзниковъ: четверо, пятеро, шестеро, семеро? Чѣмъ больше васъ будетъ, тѣмъ я буду спокойнѣе“.—„Миръ и война“, холодно отвѣчалъ Меттернихъ, „въ рукахъ вашего величества. Сегодня вы еще можете заключить миръ; завтра, быть можетъ, будетъ уже поздно...“ — „Чего же хотятъ отъ меня? Чтобы я покрылъ себя позоромъ? Никогда! Я предпочту умереть, нежели уступить пядь земли. Ваши цари, рожденные на престолѣ, могутъ двадцать разъ быть разбиты и все же вернуться въ свои столицы; мнѣ этого нельзя, потому что я вышелъ изъ солдатъ... Вы не солдатъ и не знаете, что́ дѣлается въ душѣ солдата. Я выросъ на бранномъ полѣ, и такого человѣка, какъ я, мало тревожитъ жизнь милліона человѣкъ...“ И, произнося эти проклятія, онъ швырнулъ свою шляпу въ противоположный уголъ комнаты. Затѣмъ онъ сталъ укорять Меттерниха, что онъ подкупленъ Англіей, доказывалъ ему, что Австрія не можетъ выставить болѣе 75.000 человѣкъ, что Франція нимало не утомлена войною; наконецъ, введенный въ заблужденіе непоколебимой флегмою, съ какою Меттернихъ выдержалъ грозу, и думая, что онъ оробѣлъ, Наполеонъ дружески хлопнулъ его по плечу и сказалъ: „Знаете, чѣмъ это кончится? Вы не станете воевать со мною“.—„Вы погибли!—воскликнулъ Меттернихъ,—я предчувствовалъ это, идя сюда, а теперь уходя увѣренъ въ этомъ“.

Пражскій конгрессъ.—Между тѣмъ Наполеонъ, желая наперекоръ благоразумію продлить опасную комедію своихъ усилій достигнуть мира, согласился продолжить перемиріе до 10 августа и обѣщалъ прислать отъ себя уполномоченныхъ на конгрессъ въ Прагѣ, гдѣ Австрія должна была наконецъ осуществить свое посредничество. Нарбоннъ, французскій посолъ въ Вѣнѣ, тотчасъ отправился въ Прагу. Но Коленкуръ заставилъ себя ждать и пріѣхалъ безъ полномочій. Иностранные делегаты, Гумбольдтъ отъ Пруссіи и французскій ренегатъ Анстеттенъ отъ Россіи, поддержали эту систему проволочекъ. Когда же уполномоченные наконецъ собрались, Меттернихъ выдвинулъ рядъ формальныхъ придирокъ. Онъ поднялъ вопросъ о томъ, какъ должны вестись переговоры: письменно, какъ на Тешенскомъ конгрессѣ, или устно, какъ на Рисвикскомъ.

Эти праздные дебаты заняли нѣсколько дней. Тѣмъ временемъ конгрессъ узналъ, что Наполеонъ помимо него ведетъ прямые переговоры съ Меттернихомъ. 7 августа императоръ получилъ австрійскій ультиматумъ, заключавшій въ себѣ слѣдующія требованія: подѣлить великое герцогство Варшавское между Россіей, Пруссіей и Австріей, предоставить независимость ганзейскимъ горо-

дамъ, отказаться отъ Иллирійскихъ провинцій, вернуть независимость Голландіи и Испаніи, возстановить прежнюю территорію Пруссіи, наконецъ отказаться отъ званій протектора Рейнской конфедераціи и предстателя Гельветской конфедераціи. Такимъ образомъ, при этихъ условіяхъ Францiя все же сохранила бы, кромѣ своихъ естественныхъ границъ, Италію. Съ этого момента событія развиваются съ такой быстротою, что ихъ приходится точно датировать по днямъ, почти по часамъ. 10 августа австрійскій генералъ Бубна, тотъ самый, который въ 1809 году велъ прямые переговоры съ императоромъ, отвезъ Францу I отвѣтъ Наполеона. Наполеонъ хотѣлъ удержать Голландію и ганзейскіе города, а о предоставленіи независимости Германіи выражался туманно; категорически онъ отказывался только отъ Иллирійскихъ провинцій, великаго герцогства Варшавскаго и Испаніи. Путь отъ Дрездена до Вѣны занялъ болѣе сутокъ, и въ Вѣну Бубна прибылъ только 11 августа. 10 августа въ полночь, въ моментъ окончанія срока перемирія, Меттернихъ объявилъ конгрессъ распущеннымъ и издалъ указъ, которымъ Австрія объявляла войну. Заранѣе приготовленные сигнальные огни отъ Праги до силезской границы оповѣстили армію о возобновленіи военныхъ дѣйствій. 11 августа, когда Коленкуръ, доставъ наконецъ свои полномочія, пожелалъ прямо приступить къ обсужденію коренныхъ вопросовъ, Меттернихъ сообщилъ ему, что конгрессъ закрытъ. Когда сдѣлался извѣстенъ отвѣтъ Наполеона, Коленкуръ опять попытался возобновить переговоры, но Меттернихъ былъ непреклоненъ, и 12 августа, спустя двадцать часовъ по возвращеніи Бубны, заявилъ французскимъ уполномоченнымъ, что Австрія примкнула къ коалиціи. Итакъ, пражскій конгрессъ былъ распущенъ, еще не успѣвъ по-настоящему открыться. Съ обѣихъ сторонъ одинаково дѣйствовали двоедушіе и злой умыселъ. Наполеонъ и Меттернихъ съ равнымъ усердіемъ парализовали всѣ попытки водворить миръ.

Посредничество Австріи, вначалѣ доброжелательное, потомъ покровительственное, пріобрѣло наконецъ характеръ угрозы и затѣмъ превратилось въ открытую вражду въ тотъ моментъ, когда въ австрійской арміи кончены были военныя приготовленія. Трудно было одурачить врага ловчѣй и безсовѣстнѣе. Съ другой стороны, трудно понять радость, обнаруженную Наполеономъ при извѣстіи о закрытіи конгресса. Онъ все еще мечталъ нанести громовый ударъ, который потрясъ бы всю Европу, страстно искавшую его гибели. На о. св. Елены онъ разсказывалъ, какъ жутко было ему въ минуту, когда онъ взвѣшивалъ въ своемъ умѣ это безповоротное рѣшеніе. Онъ боялся за свою участь и за свой тронъ. Онъ зналъ, что вернись онъ въ Парижъ не побѣдителемъ,—онъ погибъ. Возникъ ли въ немъ хоть на мгновеніе патріотическій страхъ за участь, которую онъ готовитъ Франціи? Онъ выписалъ парижскихъ актеровъ для своего дрезденскаго театра: въ послѣдній разъ, окруженный пышнымъ дворомъ, онъ тѣшился своимъ всемогуществомъ. Онъ ускорилъ на нѣсколько дней празднованіе дня св. Наполеона: армія въ послѣдній разъ справляла этотъ праздникъ; и это было послѣднее празднество обреченныхъ смерти жертвъ.

III. Осенняя кампанія.

Силы и устройство коалиціи; новая тактика.—Справедливо было сказано, что за время перемирія коалиція должна была получить больше полковъ, нежели Наполеонъ могъ призвать изъ Франціи ротъ. Три большія арміи были готовы подать другъ другу руки, чтобы окружить его: *сѣверная*, 180.000 чел. подъ начальствомъ Бернадотта, состоявшая изъ шведскихъ,

нѣмецкихъ и англійскихъ контингентовъ и русскаго корпуса Беннигсена, уже раньше ставшаго лагеремъ на Гавелѣ; *силезская*, состоявшая изъ 200.000 пруссаковъ подъ начальствомъ Блюхера, протянувшаяся вдоль Одера; наконецъ, *богемская*, состоявшая изъ 130.000 австрійцевъ подъ командою Шварценберга, которая собиралась двинуться въ Саксонію. Кромѣ того, 240.000 русскихъ, пруссаковъ, шведовъ и англичанъ должны были прогнать французовъ изъ сѣверной Германіи, 80.000 австрійцевъ готовились отнять у нихъ Италію, 200.000 англичанъ и испанцевъ собирались перейти Пиренеи. Такимъ образомъ, Европа подняла на Францію милліонъ человѣкъ. Планъ коалиціи состоялъ въ томъ, чтобы изнурять Наполеона, отнюдь не вступая съ нимъ въ рѣшительное сраженіе, но атаковать и по одиночкѣ разбить всѣхъ его военачальниковъ; она намѣревалась постепенно все уже стягивать огненное кольцо вокругъ Наполеона, пока онъ не будетъ задушенъ. Мысль объ этой новой тактикѣ исходила отъ Бернадотта, который и былъ поставленъ во главѣ коалиціи; Моро былъ вызванъ изъ Америки для командованія войскомъ; генералъ Жомини, измѣнившій Наполеону послѣ битвы при Бауценѣ, доставлялъ императору Александру планы передвиженій. Казалось, что только французы могутъ побѣждать французовъ. Эти измѣнники прикрывались хитрой оговоркой, что они воюютъ только съ Наполеономъ, а не съ Франціей [1]). Напротивъ, они призывали Францію къ свободѣ, къ низверженію тираніи! Въ минуту откровенности Наполеонъ однажды самъ сказалъ, что извѣстіе объ его смерти будетъ встрѣчено вздохомъ облегченія.

Этимъ громаднымъ полчищамъ Наполеонъ могъ противопоставить лишь половинныя силы, около 550.000 человѣкъ, да и среди нихъ было не мало нѣмцевъ и итальянцевъ, готовыхъ измѣнить ему при первой возможности. Въ Германіи онъ располагалъ 330.000 чел. Онъ усилилъ корпусъ Даву и гарнизоны главныхъ крѣпостей по Эльбѣ. Изъ остальныхъ войскъ онъ сформировалъ двѣ сильныя арміи: одна, въ 90.000 чел. подъ начальствомъ Удино, должна была объ руку съ Даву двинуться на Берлинъ; другая, въ 120.000 чел. подъ непосредственнымъ начальствомъ Наполеона, должна была воспрепятствовать соединенію силезской и богемской армій. Гвардія, отборные 40.000 чел., расположенная въ Герлицѣ, могла идти на помощь къ каждой изъ этихъ армій. Наконецъ, 20.000 чел. подъ командою Гувіона Сенъ-Сира должны были охранять Дрезденъ, центръ всѣхъ операцій.

Осенняя кампанія: Дрезденъ. — Осенняя кампанія началась въ концѣ августа. Шварценбергъ, получивъ въ подкрѣпленіе кое-какія войска отъ Блюхера, двинулся на Дрезденъ. Но несмотря на громадный перевѣсъ своихъ силъ, онъ не осмѣлился штурмовать городъ, пока не закончилъ его оцѣпленія. Эти потерянные шесть дней дали возможность Наполеону поспѣть на выручку. Въ ту минуту, когда австрійцы проникли въ Дрезденъ чрезъ предмѣстье Плауэнъ, французы вступили въ городъ чрезъ ворота Пирны. Кирасиры Лятуръ-Мобура, старая гвардія, предводимая Мортье, опрокинули австрійцевъ и выбросили ихъ вонъ изъ города (26 августа). На слѣдующій день разыгралась рѣшающая битва. Наполеонъ, не опасаясь за свой центръ, достаточно прикрытый дрезденскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, двинулъ въ дѣло оба своихъ крыла. На правомъ флангѣ конница, увлекаемая Мюратомъ и поддерживаемая корпусомъ Виктора, толкала австрійцевъ въ пропасть, образуе-

---

[1]) Наполеонъ ихъ не щадилъ. Послѣ сраженія при Люценѣ онъ съ презрѣніемъ отозвался о союзныхъ арміяхъ, предводимыхъ „всѣми прощалыгами и дезертирами Германіи, Франціи и Италіи“.

мую рѣчкой Плауэнъ; на лѣвомъ Ней обратилъ въ бѣгство русскихъ и загналъ ихъ на Петерсвальдскую дорогу. Шварценбергъ, боясь за свои пути сообщенія, отступилъ назадъ въ Богемію. Потери обѣихъ сторонъ были почти равны — по 10.000 чел., но союзники оставили въ рукахъ Наполеона 15.000 плѣнныхъ и 40 орудій. Дрезденское сраженіе было разыграно преимущественно страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Ружья, смоченныя непрекращавшимся дождемъ, были почти совсѣмъ непригодны [1]).

Пораженія сподвижниковъ Наполеона. — Это была послѣдняя большая побѣда Наполеона. Ему бы нужно преслѣдовать разбитаго непріятеля, но онъ не могъ этого сдѣлать вслѣдствіе болѣзни, заставившей его почти шесть недѣль прожить въ Дрезденѣ безъ силъ, въ совершенной праздности. Онъ поручилъ это преслѣдованіе своимъ помощникамъ, но, не имѣя возможности близко наблюдать за ними, не могъ предотвратить соперничества и ошибокъ съ ихъ стороны. Вандаммъ былъ уже въ Богеміи и собирался чрезъ Петерсвальдскій проходъ преградить Шварценбергу путь отступленія. Но Гувіонъ Сенъ-Сиръ и Мортье оставили его безъ поддержки. И вотъ, вмѣсто того, чтобы отрѣзать австрійцевъ, онъ самъ былъ окруженъ и вынужденъ сложить оружіе. Эта капитуляція при Кульмѣ стоила французамъ 6.000 чел., да 7.000 чел. и 50 орудій попали въ плѣнъ (29—30 августа). Она изгладила впечатлѣніе, произведенное побѣдою при Дрезденѣ. Плѣнный Вандаммъ былъ посаженъ на телѣгу, и трусливая чернь осыпала его оскорбленіями, подло мстя за свой прежній страхъ. — Не болѣе успѣшны были и дѣйствія Макдональда, которому поручено было удерживать Блюхера въ Силезіи. Онъ раскидалъ свои силы на пространствѣ въ десять миль, чтобы не оставить непріятелю никакой возможности проникнуть въ Кацбахскій проходъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ ту ошибку, что атаковалъ врага, далеко превосходившаго его силами и особенно конницей, на плоскогорьѣ Яуэръ, господствующемъ надъ Кацбахомъ. Застигнутый бурнымъ ливнемъ, который сдѣлалъ негодными къ употребленію ружейныя капсюли, атакованный и почти окруженный 20.000-нымъ кавалерійскимъ отрядомъ, Макдональдъ въ безпорядкѣ перешелъ назадъ Кацбахъ. Во время отступленія онъ потерялъ 10.000 человѣкъ, всѣ орудія и весь обозъ (26 августа). Наполеонъ надѣялся еще на армію Удино, подвигавшуюся къ Берлину, гдѣ съ нею долженъ былъ соединиться Даву. Удино, со своей обычной запальчивостью, вздумалъ выбить армію Бернадотта, расположенную въ Гроссберенѣ, на дорогѣ къ Берлину. Послѣ жаркой схватки онъ былъ отброшенъ (23 августа). Даву, успѣвшій взять Шверинъ и Висмаръ, долженъ былъ отступить, такъ какъ некому было поддержать его; а Ней, которому приказано было во что бы то ни стало задержать сѣверную армію, чтобы спасти лѣвое крыло великой арміи, съ 50.000 чел. атаковалъ при Денневицѣ 80.000-ое войско Бернадотта. Обѣщанныя Наполеономъ подкрѣпленія не прибыли, и Ней былъ разбитъ (6 сентября). Эти два пораженія стоили французамъ 27.000 чел. и 35 орудій. Всѣ три непріятельскія арміи приближались, готовясь соединиться и запереть Наполеона въ Саксоніи. Но врагъ еще не смѣлъ вступать съ нимъ въ единоборство. Наполеонъ двинулся на помощь къ Макдональду; Блюхеръ от-

[1]) Къ концу битвы 12″-ое ядро, попавъ въ середину главнаго штаба имп. Александра, раздробило Моро оба колѣна. Ему пришлось отнять обѣ ноги; онъ перенесъ эту операцію съ необычайнымъ мужествомъ, но пять дней спустя умеръ отъ нея. Саксонскій пасторъ, свидѣтель его послѣднихъ минутъ, разсказываетъ, что онъ самъ проклиналъ себя: „Какъ! мнѣ, мнѣ, Моро, умереть среди враговъ Франціи, отъ французской бомбы!“

ступилъ, разрушивъ мосты и утопивъ припасы. Теперь Шварценбергъ рѣшился сдѣлать шагъ впередъ, но Наполеонъ обернулся противъ него, и Шварценбергъ поспѣшно ретировался. Гвардія была изнурена этими стремительными ежедневными переходами въ погонѣ за безпрестанно скрывавшимся врагомъ; кромѣ того, иностранные контингенты, входившіе въ составъ французской арміи, отказывались продолжать службу или передавались непріятелю. При Кацбахѣ голландскій гусарскій полкъ отказался итти въ атаку; при Денневицѣ саксонцы побросали свое оружіе, крича: „Спасайся, кто можетъ!“ Послѣ сраженія при Денневицѣ Гувіонъ Сенъ-Сиръ, посланный на помощь къ Нею, чтобы снова овладѣть дорогой на Берлинъ, былъ остановленъ извѣстіемъ объ отложеніи государей.

Теплицкій договоръ. — 9 сентября, на слѣдующій день послѣ сраженія при Денневицѣ, Россія, Пруссія и Австрія еще тѣснѣе скрѣпили свой союзъ Теплицкимъ договоромъ. Секретные пункты опредѣляли, что Пруссія и Австрія должны быть возстановлены въ тѣхъ своихъ территоріальныхъ границахъ, какія принадлежали имъ до 1805 года, Рейнская конфедерація расторгнута, брауншвейгскій и ганноверскій домы возстановлены, французскія княжества Бергское, Франкфуртское, и Вестфальское, равно какъ и „тридцать второй военный округъ“, раскассированы, великое герцогство Варшавское подѣлено, независимость Германіи гарантирована противъ всякой иноземной державы, и т. п. Въ видахъ привлеченія къ коалиціи второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ Пруссія уполномочивалась вступить въ переговоры съ сѣверными, Австрія съ южными. 3 октября къ Теплицкому договору присоединилась Англія.

Битва при Лейпцигѣ.—Всѣ три союзныя арміи уже пришли въ соприкосновеніе и начали стягивать свое огненное кольцо. Наполеонъ былъ въ положеніи звѣря, котораго травятъ. На лейпцигской равнинѣ рѣшилась участь имперіи и вмѣстѣ участь Франціи. Это страшное сраженіе, длившееся четыре дня, справедливо было названо *битвой народовъ*. Здѣсь звучали всевозможныя нарѣчія, здѣсь сошлись воины со всѣхъ концовъ Европы. Въ этой битвѣ участвовали даже башкиры, которыхъ французскіе гренадеры въ насмѣшку называли *амурами*, потому что ихъ вооруженіе состояло только изъ лука и колчана со стрѣлами.

Въ первый день (16 октября) Наполеону противостояло всего 220.000 человѣкъ, состоявшихъ изъ силезской арміи, которая атаковала его съ сѣвера, и богемской, атаковавшей его съ юга. Самъ онъ располагалъ 155.000 чел. На сѣверѣ Мармонъ, располагавшій лишь 20.000 чел. противъ 60.000, оставилъ свою позицію при Мокернѣ и отступилъ въ Шенфельдъ позади Парты. На югѣ Мюратъ одержалъ побѣду надъ Шварценбергомъ при Вашау, но австрійцы держались вдоль Плейсы.

17 октября къ союзнымъ войскамъ присоединилась вся сѣверная армія, 110.000 человѣкъ подъ начальствомъ Бернадотта, Беннигсена и Коллоредо. Союзники рѣшили окружить французскую армію. День прошелъ безъ боя. Наполеонъ началъ предусматривать возможность отступленія и отодвинулъ назадъ, ближе къ Лейпцигу, позиціи различныхъ своихъ колоннъ. Онъ предложилъ перемиріе, но было уже поздно: находившійся въ плѣну у французовъ австрійскій генералъ Мерфельдъ, котораго онъ уполномочилъ передать австрійскому императору условія перемирія, предупредилъ его о вѣроятности отказа: „Жаль мнѣ васъ, господа французы, воскликнулъ онъ, оставляя французскіе аванпосты, вы заперты, какъ въ мышеловкѣ“.

Рѣшительное сраженіе произошло 18 октября: союзники предприняли энергическое наступленіе. Тщетно гвардія оказы-

П. Гессъ.

Сраженіе подъ Лейпцигомъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

вала чудеса храбрости у Пробстейды, отразивъ всѣ атаки австрійцевъ. Весь саксонскій корпусъ, донынѣ остававшійся вѣрнымъ, передался непріятелю въ разгарѣ боя и изъ своихъ орудій выпалилъ по французскимъ полкамъ заряды, предназначенные для пруссаковъ. Французы были отброшены подъ самыя стѣны Лейпцига. Въ эти три дня было выпущено 220.000 ядеръ и гранатъ; у нихъ оставалось всего 16.000 зарядовъ. Во что бы то ни стало приходилось отступать.

Это отступленіе превратилось въ гибельное бѣгство, и Эльстеру суждено было оставить по себѣ печальную память второй Березины. Чтобы облегчить переходъ чрезъ Плейсу, Эльстеръ и соединяющіе ихъ многочисленные отводные каналы, нужно было навести множество большихъ и малыхъ мостовъ. Но Бертье не получилъ отъ Наполеона никакого письменнаго приказа на этотъ счетъ [1]), а налицо оказался только одинъ мостъ — въ Линденау. Французская армія, все болѣе и болѣе тѣснимая въ самомъ Лейпцигѣ, скучилась на единственной дорогѣ отступленія. Корпусамъ Виктора, Ожеро, Нея и Мармона и самому Наполеону съ гвардіей удалось пробиться. Корпусы Ренье, Лористона, Макдональда и Понятовскаго утвердились въ городѣ за зубчатыми стѣнами ограды. Пока они готовились отбиваться здѣсь до ночи, чтобы артиллерія и обозъ успѣли выбраться, раздался оглушительный взрывъ: это взорвало мостъ чрезъ Эльстеръ. Дѣло въ томъ, что саперы, невѣрно понявъ не совсѣмъ ясный приказъ, сочли своевременнымъ въ эту минуту взорвать мостъ, чтобы остановить непріятельскую погоню. Эта ошибка была причиною страшной катастрофы. Французамъ не оставалось ничего другого, какъ или топиться въ Эльстерѣ, берега котораго очень круты, или дать непріятелю перебить или плѣнить себя въ Лейпцигѣ. Макдональдъ, умѣвшій отлично плавать, нагишомъ переплылъ Эльстеръ и спасся. Понятовскій верхомъ бросился въ воду и былъ унесенъ теченіемъ. Саксонскій король, Ренье, Лористонъ и 15 французскихъ генераловъ были взяты въ плѣнъ съ 15.000 человѣкъ и 350 орудіями; 13.000 французовъ было перебито въ лейпцигскихъ домахъ. Никогда еще французы не проявляли большей храбрости. Молодая гвардія до шести разъ брала назадъ тѣ же позиціи подъ градомъ картечи. Но союзники ринулись на французовъ, точно на штурмъ крѣпостной стѣны. Они избивали французовъ съ какимъ-то остервенѣніемъ, не заботясь о собственныхъ потеряхъ. Въ эти злополучные лейпцигскіе дни пало болѣе 130.000 человѣкъ, въ томъ числѣ почти 50.000 французовъ.

Сраженіе у Ганау.—Послѣ лейпцигской битвы у Наполеона не оставалось уже ни одного союзника. Мюратъ окончательно покинулъ армію и открыто предался врагу. Послѣдніе саксонцы и баденцы, какіе еще оставались вѣрны, теперь стрѣляли по французскому арьергарду. Вся Германія была охвачена мятежомъ. Наполеонъ пожиналъ ту „жатву мести", которую онъ давно взрастилъ униженіями, какимъ подвергалъ нѣмецкихъ государей. Жалкіе остатки арміи отступали чрезъ Вейсенфельсъ, Веймаръ и Эрфуртъ. Здѣсь было получено извѣстіе, что 50.000 баварцевъ и австрійцевъ подъ начальствомъ Вреде укрѣпились на Майнѣ

[1]) Генералъ Пелэ и баронъ Фэнъ утверждали, что Наполеонъ приказалъ навести рядъ мостовъ; но они не указываютъ, ни когда были отданы эти приказанія, ни кому. Марбо категорически заявляетъ, что нѣтъ никакихъ офиціальныхъ указаній на то, чтобы такія распоряженія были отданы или получены кѣмъ-либо. Бертье, никогда не отличавшійся избыткомъ иниціативы, но въ послѣдніе годы безпрестанно терпѣвшій отъ возраставшей раздражительности императора, повиновался теперь лишь письменнымъ приказамъ. Достовѣрно, что Бертье не получилъ никакихъ письменныхъ приказаній на предметъ постройки новыхъ мостовъ.

съ цѣлью отрѣзать Наполеону отступленіе; извѣстно было также, что Бернадоттъ и Блюхеръ съ сѣвера другъ за другомъ идутъ къ Франкфурту и что туда же направляется Шварценбергъ вдоль лѣваго берега Майна. Необходимо было обогнать ихъ и опрокинуть баварцевъ. Послѣдняя схватка произошла у Ганау. Друо съ батареей въ 50 орудій, открывшей огонь по непріятельской конницѣ лишь въ пятидесяти шагахъ, пробилъ дорогу чрезъ массу баварскаго корпуса. „Я могъ бы, конечно, сдѣлать его графомъ, презрительно выразился Наполеонъ о Вреде, но я не могъ произвести его въ генералы“ (30 октября).

Обратный переходъ французовъ чрезъ Рейнъ; французскіе гарнизоны въ Германіи.— 5 декабря 1813 года послѣдніе взводы французской конницы перешли назадъ Рейнъ. Въ Майнцѣ собралось едва 40.000 человѣкъ. Притомъ среди нихъ свирѣпствовала тифозная эпидемія. „Всюду находили мертвыхъ солдатъ... Мнѣ было поручено убрать всѣ трупы солдатъ, умершихъ за ночь. Пришлось нарядить каторжныхъ, чтобы свалить трупы на большія телѣги и обвязать ихъ веревками, какъ возы съ сѣномъ. Каторжники не хотѣли итти на эту работу, но имъ пригрозили картечью“ (капитанъ Куанье). Остатки великой арміи были расположены частями по Рейну, отъ Майнца до Нимвегена, для охраны всѣхъ переправъ черезъ рѣку. Это была лишь тѣнь арміи, едва способная на самое ничтожное сопротивленіе.

Наполеонъ, котораго все еще не покидала надежда обратно завоевать Германію, оставилъ здѣсь 170.000 человѣкъ, разбросанныхъ по укрѣпленіямъ вдоль Вислы, Одера и Эльбы. Изъ всѣхъ этихъ солдатъ, уже закалившихся въ бояхъ, ни одинъ не могъ послужить дѣлу обороны французской территоріи въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Нарбоннъ, которому поручена была защита Торгау, предлагалъ соединить ихъ въ одну армію, достаточно сильную для того, чтобы подъ командою Даву проложить себѣ путь въ Голландію. Но комендантъ каждой крѣпости отбивался изо всѣхъ силъ согласно полученнымъ инструкціямъ и капитулировалъ лишь въ послѣдней крайности. Такъ Сенъ-Сиръ сдалъ Дрезденъ, Нарбоннъ—Торгау, Лапуапъ—Виттенбергъ, Лемаруа—Магдебургъ, Грандо—Штеттинъ, Фурнье д'Альбъ—Кюстринъ, Лапласъ—Глогау.—Раппъ былъ запертъ въ Данцигѣ съ 40.000 человѣкъ, уцѣлѣвшими отъ русскаго похода, между которыми было много иностранцевъ. Онъ нашелъ здѣсь огромные склады провіанта, заготовленные на предметъ наступленія Наполеона. Онъ оборонялся съ необычайной энергіей. „Когда послѣ семимѣсячной блокады и трехмѣсячной правильной осады голодъ принудилъ насъ сдаться, непріятель былъ не ближе къ крѣпости, чѣмъ мы въ 1806 году при первыхъ ударахъ нашихъ заступовъ“ (офиціальное донесеніе).—Всѣ крѣпости капитулировали на томъ условіи, чтобы французы сохранили свое оружіе и были доставлены во Францію съ оружіемъ и обозомъ. И нигдѣ эти условія не были соблюдены: всюду французовъ обезоруживали и трактовали, какъ военноплѣнныхъ. Со времени Раштатскаго вѣроломства они стояли какъ бы внѣ дѣйствія международнаго права.—Одинъ Даву оказался счастливѣе. Съ нечеловѣческой энергіей, превращавшейся иногда въ жестокость, онъ защищалъ Гамбургъ противъ всѣхъ атакъ съ суши и съ моря. Забравъ изъ гамбургскаго банка большія суммы на содержаніе своего войска, онъ не взялъ изъ нихъ себѣ ни одного су. Онъ сдалъ ввѣренную его чести крѣпость лишь на основаніи формальнаго приказа отъ правительства Людовика XVIII послѣ паденія имперіи. Это былъ послѣдній полководецъ, оставшійся невозмутимымъ и непобѣжденнымъ въ моментъ торжества коалиціи.

Общее положеніе въ концѣ 1813 года.— Внѣ Франціи теперь уже нигдѣ не развѣвалось французское знамя. Бюловъ и Винцингероде прогнали Молитора и Декана изъ Голландіи, ввѣренной ихъ защитѣ. Небольшіе гарнизоны, оставленные въ Гертрюйденбергѣ, Буа-ле-Дюкъ, Бреда и Бергъ-оп-Зоомъ, принуждены были сдаться. Англичане овладѣли островами Зеландіи. Временное правительство провозгласило независимость Соединенныхъ провинцій. Смѣнившій Декана Мэзонъ распредѣлилъ по бельгійскимъ крѣпостямъ остатки французской арміи.

Въ Италіи Мюратъ открыто дѣйствовалъ въ интересахъ коалиціи и старался съ ея помощью захватить Романью и добыть себѣ корону Италіи. Евгеній, непоколебимо вѣрный Наполеону, долженъ былъ бороться одновременно и съ австрійцами, и съ Мюратомъ. Измѣна баварцевъ открыла Тироль австрійскимъ войскамъ. Въ виду опасности, грозившей его линіи отступленія, принцъ Евгеній отошелъ съ Озонцо къ Эчу. Онъ разбилъ австрійцевъ у Кальдіеро (15 ноября) и отвергъ всѣ предложенія союзниковъ, предлагавшихъ ему итальянскую корону. Но у него было лишь 30.000 человѣкъ, которые съ трудомъ защищали проходы нижняго теченія Эча, а вскорѣ ему пришлось — кромѣ австрійцевъ и кромѣ англичанъ, высадившихся въ устьѣ По—вступить въ борьбу еще и съ арміей Мюрата, который думалъ сыграть въ Италіи роль Бернадотта.

Наконецъ, Веллингтонъ, отбросивъ Сульта на сѣверъ отъ Пиренеевъ, перешелъ Бидассоа и Нивеллу и растянулъ свою боевую линію отъ Байонны чрезъ Пейрегорадъ до Сенъ-Жанъ-Пьедъ-де-Портъ. Сюше отступилъ къ Фигіеру. На каждой изъ французскихъ границъ какая-нибудь непріятельская армія ждала благопріятной минуты, чтобы вторгнуться во Францію. Нашествіе было послѣдней стадіей, которою должна была увѣнчаться военная слава имперіи!

IV.—Расторженіе Рейнской конфедераціи.

Участь Саксоніи. — Отложеніе саксонскихъ войскъ при Денневицѣ и Лейпцигѣ показываетъ, какъ глубоко королевство Саксонія было захвачено пропагандой нѣмецкихъ національныхъ идей. Но король Фридрихъ-Августъ до конца оставался вѣренъ Наполеону. Въ мартѣ 1813 года, при извѣстіи о приближеніи союзниковъ, онъ не предалъ своего союзника, а бѣжалъ въ Регенсбургъ со всей семьей, со своими министрами, казною и драгоцѣнностями, ввѣривъ управленіе королевствомъ особой *Immediat-Commission*, а начальствованіе надъ войскомъ—генералу Тильману, который заперся въ Торгау. Однако, несмотря на то, что союзники обвиняли престарѣлаго короля въ измѣнѣ интересамъ Германіи и Европы, и Штейнъ норовилъ включить его владѣнія въ территорію своего *Centralverwaltungsrath*'а, Блюхеръ, вступивъ 20 марта въ Дрезденъ, объявилъ, что будетъ управлять королевствомъ отъ имени Фридриха-Августа, и приказалъ своимъ солдатамъ относиться къ Саксоніи, какъ къ дружественной странѣ. Тѣмъ не менѣе и несмотря на протестъ *Immediat-Commission*, онъ именемъ своего короля занялъ округъ Коттбусъ, на который издавна зарились Гогенцоллерны. Вопреки дружественнымъ предложеніямъ со стороны коалиціи, старый король упрямо держался выжидательной политики, не желая отложиться, хотя это обезпечило бы его корону и сохранило бы въ цѣлости почти всѣ его владѣнія. Министры совѣтовали ему объявить нейтралитетъ и обезпечить его союзомъ съ Австріей, которая сама въ этотъ моментъ была нейтральна; и это дѣйствительно былъ бы наиболѣе цѣлесообразный выходъ. Фридрихъ-Августъ отказался принять письмо короля прусскаго, совѣтовавшаго ему „воспользоваться случаемъ, который

болѣе не повторится,—разбить французскія оковы и присоединить его войска къ прусскимъ и русскимъ".

Штейнъ сдѣлалъ попытку завязать переговоры съ Тильманомъ, но послѣдній отвѣтилъ нѣсколько высокомѣрно: „Я не изъ породы Іорковъ фонъ-Вартенбургъ". Тщетно союзники предлагали саксонскому королю въ случаѣ немедленнаго его присоединенія къ коалиціи гарантировать ему неприкосновенность всѣхъ его владѣній и уплатить за все, что они заберутъ въ его странѣ. Король отказался. Онъ предупредилъ Тильмана, что „всякій произвольный актъ съ его стороны (въ родѣ того, что сдѣлалъ Іоркъ) будетъ нарушеніемъ его обязанностей вѣрноподданнаго". Факты, казалось, оправдали политику короля, когда Наполеонъ, побѣдивъ при Люценѣ, побѣдителемъ вступилъ въ Дрезденъ. Принявъ верхомъ на конѣ ключи города, онъ заявилъ избраннымъ горожанамъ, что прощаетъ имъ ихъ отложеніе ради добродѣтелей, преклоннаго возраста и честности ихъ государя. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ обошелся весьма бережно со вновь завоеваннымъ городомъ. Между тѣмъ престарѣлый король одумался: 29 апрѣля, предъ сраженіемъ при Люценѣ, онъ написалъ прусскому королю, что по примѣру Австріи будетъ сохранять вооруженный нейтралитетъ. Изъ Регенсбурга онъ переѣхалъ въ Прагу. Онъ не подчинился требованіямъ Наполеона, думавшаго заставить его вернуться въ Дрезденъ, и запретилъ Тильману передать Наполеону Торгау и саксонскую армію. Узнавъ о побѣдѣ подъ Люценомъ, онъ не посмѣлъ уже ослушаться новаго приглашенія, вернулся въ Дрезденъ и велѣлъ Тильману отдать Торгау. Тильманъ повиновался, но, какъ подобало нѣмецкому патріоту, вышелъ изъ саксонской службы, вступилъ въ прусскую и открылъ въ Тюрингіи партизанскую войну въ тылу великой арміи. Измѣна саксонскаго контингента на полѣ битвы при Лейпцигѣ больно ранила стараго короля. А союзники, принимая къ себѣ этихъ перебѣжчиковъ, не безъ основанія упрекали ихъ, что они-таки „заставили себя ждать". Но Фридриха-Августа ждали еще болѣе тяжелыя испытанія: послѣ сраженія при Лейпцигѣ онъ плѣнникомъ вступилъ въ свою столицу, осыпаемый жесткими упреками, дрожа за свою корону и съ увѣренностью предвидя, что значительная часть его владѣній будетъ оторвана, а то и всѣ они цѣликомъ присоединены къ Пруссіи.

Уничтоженіе французскихъ и полу-французскихъ государствъ въ Германіи. — Не менѣе неопредѣленна была участь, ожидавшая эфемерное Вестфальское королевство. 30-тысячная вестфальская армія почти вся цѣликомъ погибла въ Россіи. Жеромъ едва сумѣлъ сформировать новое войско въ 18.000 человѣкъ, составленное изъ рекрутовъ. Въ апрѣлѣ онъ не могъ помѣшать казакамъ захватить врасплохъ Ганноверъ и подполковнику Марвицу занять на минуту Брауншвейгъ. 28 сентября Чернышевъ съ 2.300 всадниками и 16 орудіями, перейдя Эльбу, явился предъ Касселемъ. Жеромъ бѣжалъ наканунѣ съ двумя пѣхотными полками, небольшимъ отрядомъ конницы и нѣсколькими пушками, поручивъ защиту города генералу Аликсу. Казаки бѣшено преслѣдовали короля, и онъ нашелъ убѣжище только въ Кобленцѣ. Аликсъ, гарнизонъ котораго быстро таялъ благодаря дезертирству, долженъ былъ 30 сентября послѣ недолгой канонады капитулировать. Казаки принялись грабить городъ, но послѣ битвы при Дрезденѣ ушли, унеся обильную добычу и часть королевскихъ архивовъ. Аликсъ снова занялъ Кассель (7 октября), затѣмъ сюда вернулся и Жеромъ; онъ пріостановилъ преслѣдованія, начатыя Аликсомъ, и утвердилъ только одинъ смертный приговоръ. 26-го, при извѣстіи о битвѣ подъ Лейпцигомъ, снова появились казаки, и король снова очи-

стилъ столицу. Этимъ кончилось существованіе Вестфальскаго королевства. Штейну, мечтавшему обратить его въ провинцію объединенной Германіи, суждено было съ горестью видѣть возстановленіе въ Вестфаліи послѣдовательно брауншвейгской, гессенъ-кассельской и англо-ганноверской династій, а въ концѣ концовъ всѣхъ мелкихъ князей, низвергнутыхъ Наполеономъ. То же случилось и въ „тридцать второмъ военномъ округѣ", гдѣ Ольденбургъ и всѣ три ганзейскихъ города были возстановлены на старыхъ основаніяхъ. Полу-французскія княжества Бергъ и Франкфуртъ прекратили свое существованіе въ моментъ приближенія союзныхъ армій.

Отложеніе юго-западныхъ нѣмецкихъ государствъ.—Крушенію саксонскаго и вестфальскаго королевствъ предшествовало отпаденіе Баваріи и юго-западныхъ князей.

Король Максимиліанъ баварскій все время крайне тяготился владычествомъ Наполеона. Не разъ онъ грозилъ бросить все и уйти. Наполеонъ говорилъ ему: „Если бы вы не послѣдовали за мною въ 1805 году, здѣсь царствовалъ бы Мюратъ". Королева и наслѣдный принцъ, будущій король-поэтъ, ненавидѣли французскаго Цезаря. Потеря 30.000 человѣкъ въ Россіи и всѣхъ орудій окончательно возстановила противъ него баварскій народъ. Только король и его министръ Монжела твердо держались этого тягостнаго союза. Монжела настаивалъ на необходимости вести политику въ интересахъ не Германіи, а Баваріи: онъ былъ прежде всего партикуляристъ. Максимиліанъ дорожилъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ обязанъ былъ Наполеону: своей королевской короной, территоріальными пріобрѣтеніями и своей властью, получившей характеръ самодержавія. Но онъ могъ надѣяться, что всѣ эти блага будутъ утверждены за нимъ и врагами Наполеона. Суть заключалась въ томъ, чтобы хорошо выбрать моментъ для отложенія: отложившись слишкомъ рано, онъ неизбѣжно обрушилъ бы на себя гнѣвъ Наполеона, а отпасть слишкомъ поздно—значило навлечь на себя репрессіи со стороны союзниковъ и конфискацію чрезъ *Centralverwaltungsrath*. А пока необходимо было подчиниться повторнымъ требованіямъ императора и преобразовать армію, призвавъ три набора рекрутовъ. Этимъ путемъ было сформировано 30 батальоновъ, безъ кавалеріи и артиллеріи. Это войско было частью сосредоточено близъ Мюнхена, частью гарнизонами распредѣлено по крѣпостямъ, которыя приходилось теперь оборонять противъ вожделѣній обѣихъ сторонъ. Главнокомандующему Вреде приказано было „никогда, ни подъ какимъ предлогомъ не раздроблять своихъ войскъ, ни уводить ихъ въ Саксонію или Пруссію". Когда же, кромѣ того, была призвана на службу еще и милиція, король счелъ нужнымъ успокоить Наполеона увѣреніями въ своей преданности. Въ то же время союзникамъ было сообщено, что „король не можетъ самочинно и вдругъ снять маску", и при этомъ высказана жалоба на „революціонныя" калишскія прокламаціи.

Если калишская политика, т.-е. политика Штейна и революціонныхъ прокламацій, обезпокоила юго-западныхъ государей, то политика Теплицкаго договора, т.-е. легитимистская политика Меттерниха, ободрила ихъ. Баварія еще больше успокоилась, сообразивъ, какъ цѣнна для коалиціи возрожденная баварская армія. Итакъ, предложенія, сдѣланныя Австріей, были приняты съ готовностью, и если этому исконному врагу не совсѣмъ довѣряли, то обѣщанія русскаго императора и прусскаго короля внушали полную увѣренность. 10 сентября Максимиліанъ рискнулъ сдѣлать первый шагъ: онъ сообщилъ Наполеону, что „не можетъ впредь, наперекоръ интересамъ и желаніямъ своего народа, продолжать свой союзъ съ нимъ", и уполномочилъ Вреде (за невозможностью поручить это Монжела, кото-

рый былъ слишкомъ привязанъ къ системѣ *Rheinbund*'а) вступить въ переговоры съ австрійцами. 8 октября былъ заключенъ Ридскій договоръ на слѣдующихъ условіяхъ: Баварія вступаетъ въ союзъ съ Австріей; къ австрійской арміи присоединяется баварское войско въ 36.000 человѣкъ; Австрія получаетъ обратно Тироль и восточныя области, за что уплачиваетъ вознагражденіе, которое должно быть опредѣлено особымъ соглашеніемъ; королю гарантируется полный и безусловный суверенитетъ; Россія и Пруссія должны присоединиться къ этому договору. Такимъ путемъ Баварія избавлялась сразу и отъ наполеоновской системы, и отъ той, которою Штейнъ грозилъ нѣмецкимъ государямъ. Когда французскій резидентъ уѣзжалъ изъ Мюнхена, Монжела сказалъ ему: „Мы теперь уступаемъ грозѣ, но разъ миръ будетъ возстановленъ, вы можете быть увѣрены въ одномъ: Баварія нуждается во Франціи". Максимиліанъ оповѣстилъ подданныхъ о своемъ рѣшеніи манифестомъ отъ 14 октября. Скоро получены были извѣстія о лейпцигской катастрофѣ и плачевномъ отступленіи великой арміи. Теперь приходилось подписать баварской кровью договоръ съ новыми союзниками. „Мы настолько новые друзья,—сказалъ Вреде,—что намъ необходимо доказать нашу добросовѣстность съ кровавой серьезностью". Вотъ почему Вреде 30 октября 1813 года энергично сталъ въ Ганау на пути, по которому отступалъ Наполеонъ.

2 ноября король Фридрихъ вюртембергскій, по примѣру баварскаго короля, заключилъ съ Австріей договоръ въ Фульдѣ: подобно Максимиліану, онъ выговорилъ себѣ полный и безусловный суверенитетъ; но ему ничего не приходилось отдавать назадъ, и онъ позаботился оговорить, чтобы 12-тысячный вюртембергскій отрядъ, который онъ обязывался предоставить въ распоряженіе австрійцевъ, оставался нераздробленнымъ и находился подъ командою вюртембергскаго генерала. Биньонъ такъ характеризуетъ этого жесткаго и надменнаго короля: „Послѣ своего вынужденнаго отпаденія онъ держался независимо и твердо, вооружался съ умышленной медлительностью, наказалъ солдатъ, передавшихся врагу подъ Лейпцигомъ, и вообще оставался вѣренъ французамъ, пока это было хоть въ малой мѣрѣ возможно". Нѣмецкіе историки прибавляютъ, что онъ не безъ удовлетворенія принялъ извѣстіе о пораженіи баварцевъ подъ Ганау.

2 ноября, на слѣдующій день послѣ битвы при Ганау, великій герцогъ гессенъ-дармштадтскій подписалъ аналогичный договоръ, но лишь послѣ долгаго сопротивленія совѣтамъ своихъ министровъ; 20-го то же сдѣлалъ великій герцогъ баденскій, выразивъ, однако, предварительно Наполеону „живѣйшее и искреннее свое сожалѣніе"; 23-го то же сдѣлалъ герцогъ нассаускій, 24-го — саксенъ-кобургскій. Отъ Рейнской конфедераціи не осталось камня на камнѣ.

Глава X.

Французская кампанія и крушеніе имперіи.

1814.

I.—Нашествіе и первыя битвы.

Франкфуртская декларація.—Въ октябрѣ 1813 года одинъ французскій дипломатъ, Сентъ-Эньянъ, былъ взятъ въ плѣнъ и, сославшись на свое званіе, доставленъ въ главную квартиру союзныхъ государей, во Франкфуртъ. Союзные министры поручили ему передать Наполеону условія, на которыхъ они готовы были вступить въ переговоры: ограниченіе Франціи ея естественными предѣлами — Рейномъ, Альпами и Пиренеями, независимость Германіи, Голландіи и Италіи, возвращеніе Испаніи Бурбонамъ. Сентъ-Эньянъ прибылъ въ Парижъ 14 ноября. 16-го Наполеонъ отвѣчалъ чрезъ Бассано, что Коленкуръ готовъ выѣхать въ Маннгеймъ для переговоровъ съ уполномоченными, какъ только Меттернихъ сообщитъ ему о днѣ, назначенномъ для открытія конгресса. 25 ноября Меттернихъ прислалъ письмо къ Бассано съ просьбою категорически высказаться о „главныхъ и общихъ условіяхъ". Въ промежуткѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто сторонника войны Бассано, сдѣлался сторонникъ мира Коленкуръ. 2 декабря онъ отвѣчалъ Меттерниху: „Съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія сообщаю вашему сіятельству, что Его Величество принимаетъ главныя и общія условія". Но союзники твердо рѣшили продолжать войну. *Корреспонденція* Меттерниха, *Корреспонденція* Кэстльри и *Депеши* Генца доказываютъ, что франкфуртскія предложенія были лишь уловкой съ цѣлью ввести въ заблужденіе и Европу, и Францію. Союзники не стали и дожидаться отвѣта, котораго требовалъ Меттернихъ отъ французскаго правительства. 1 декабря они издали Франкфуртскую декларацію, смыслъ которой былъ тотъ, что ихъ мирныя предложенія отвергнуты. Манифестъ сводился къ двумъ положеніямъ: миръ Франціи, война Наполеону.

Франція въ началѣ 1814 года.—Континентальная блокада, опустѣлость полей, закрытіе фабрикъ, полный застой въ торговлѣ и общественныхъ работахъ, 25-процентные вычеты изъ жалованья и пенсій всѣхъ не—военныхъ, наконецъ, огромное увеличеніе налоговъ — довели богатыхъ до стѣсненія, бѣдныхъ до нищеты. Рента упала съ 87 до $50^1/_2$ фр.; акціи банка, котировавшіяся раньше въ 1.430 фр., шли теперь по 715; вексельный курсъ дошелъ до 12 за 1000 въ серебрѣ, 50 за 1000 въ золотѣ. Звонкой монеты стало такъ мало, что пришлось пріостановить

до 1 января 1815 года дѣйствіе закона, устанавливавшаго норму процента въ 5 и 6 за 100. Въ Парижѣ 1 января ничего нельзя было достать, кромѣ простѣйшихъ съѣстныхъ припасовъ и кое-какихъ сластей. Въ провинціи суда стояли въ гаваняхъ, лавки были полны товаровъ, подвалы — вина. Виноторговцы, правда, имѣли должниковъ въ Германіи; но когда могли они разсчитывать получить свои деньги? А пока приходилось нести въ ссудную кассу серебро, мебель, бѣлье. Всюду было много банкротствъ. По лѣсамъ рыскали летучіе отряды, отыскивая уклонявшихся отъ военной службы, сыщики располагались въ жилищѣ матери ослушнаго рекрута; въ иныхъ округахъ полевыя работы исполнялись женщинами и дѣтьми.

И весь этотъ разоренный народъ, вся обезлюдѣвшая Франція жила одной мыслью, одной надеждой, однимъ желаніемъ: мира. Отъ городовъ и деревень, даже отъ военныхъ штабовъ шла эта единодушная мольба, робкая и дрожащая, къ ступенямъ императорскаго трона. Франція была въ конецъ утомлена войною. Березинскій и лейпцигскій разгромы и приближеніе врага къ ея границамъ разсѣяли ея мечты о славѣ, какъ пятнадцать лѣтъ назадъ гекатомбы террора и неурядица директоріи спугнули ея грёзы о свободѣ. Послѣ двадцатипятилѣтняго періода революцій и войнъ Франція желала покоя. Но огромное большинство французовъ, четыре пятыхъ народа, не хотѣло паденія Наполеона; оно даже не думало объ этомъ.

Правда, старое дворянство и либеральная буржуазія смотрѣли на дѣло иначе. Несмотря на то, что множество дворянъ примкнуло къ имперіи, въ цѣломъ дворянство никогда не примирилось совершенно. Двѣнадцатилѣтнее господство абсолютизма, двѣнадцатилѣтнее безмолвіе на трибунѣ и въ печати, разумѣется, не обезоружили либераловъ. Отсрочка сессіи Законодательнаго корпуса (31 декабря 1813) и рѣзкія слова, обращенныя императоромъ къ депутатамъ на ихъ прощальной аудіенціи (1 января 1814), усилили недовольство образованной буржуазіи; съ другой стороны, извѣстіе о переходѣ союзниковъ чрезъ Рейнъ и ихъ прокламаціи придали смѣлости роялистамъ. Манифестъ Шварценберга, сходный по смыслу съ Франкфуртской деклараціей, сводился въ существѣ къ той же формулѣ: миръ Франціи, война Наполеону. Недовольные не замедлили использовать выставленное союзниками разграниченіе между страной и государемъ. Они сопоставляли это заявленіе съ фактомъ временнаго закрытія Законодательнаго корпуса: распустивъ народныхъ представителей, говорили они, императоръ самъ подписалъ свой разводъ съ Франціей.

Въ этотъ молчаливый союзъ между либералами и роялистами первые, еще не имѣя опредѣленной программы, вносили только свою жажду мести, послѣдніе, при ясномъ сознаніи предлежащей цѣли, внесли свои надежды. Для нихъ союзники были не врагами, а освободителями. Прежде всего они постарались напомнить французамъ забытое имя Бурбоновъ. Ежедневно въ разныхъ городахъ расклеивались афиши, объяснявшія народу, что союзники воюютъ за Бурбоновъ и не тронутъ имущества роялистовъ, и сулившія съ возвращеніемъ законнаго короля миръ, отмѣну косвенныхъ налоговъ и рекрутскихъ наборовъ. „Французы, — говорилось въ одной изъ прокламацій Людовика XVIII,—не ждите отъ вашего короля ни упрека, ни пени, ни напоминаній о прошломъ. Вы услышите отъ него лишь слова мира, милосердія и прощенія... Всякій французъ имѣетъ равное право на почести и отличія. Король не можетъ править безъ содѣйствія народа и его выборныхъ... Примите дружески этихъ великодушныхъ союзниковъ, отоприте имъ ворота вашихъ

городовъ, предотвратите удары, которые неминуемо навлекло бы на васъ преступное и безцѣльное сопротивленіе, и да будутъ они встрѣчены радостными кликами при своемъ вступленіи во Францію".—„Французы, — гласила прокламація принца Кондэ,—Людовикъ XVIII, вашъ законный государь, только что признанъ европейскими державами. Ихъ побѣдоносныя арміи приближаются къ вашимъ границамъ... Вы получите миръ и прощеніе. Неприкосновенность собственности будетъ гарантирована, налоги уменьшены, ваши дѣти вернутся въ ваши объятія и снова смогутъ обработывать поля..."

Миръ, отмѣна налоговъ и рекрутчины—лучшихъ аргументовъ въ пользу самодержавія Божьей милостью при данномъ настроеніи народа нельзя было и придумать. Но приверженцы Бурбоновъ, конечно, не ограничивались этой словесной пропагандой. Скоро, въ лицѣ Витролля, д'Эскара, Полиньяка, они начинаютъ просвѣщать союзническіе военные штабы насчетъ умонастроенія общества и оборонительныхъ средствъ Парижа; другіе, какъ Линчъ, возведенный Наполеономъ въ графы, выдаютъ Бордо англичанамъ; третьи, какъ шевалье де Ружвилль, „всей душою преданный союзникамъ", и шевалье Брюнель, „готовый умереть за казаковъ", становятся во главѣ непріятельскихъ колоннъ, чтобы вести ихъ противъ французской арміи.

Сами Бурбоны также не сидѣли сложа руки. Окрыляемые извѣстіями изъ Франціи, статьями англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ, восхвалявшими реставрацію, открытымъ сочувствіемъ англійскаго принца-регента и двусмысленнымъ поведеніемъ прочихъ государей, которые, не обѣщая имъ ничего опредѣленно, ничѣмъ не перечили ихъ надеждамъ, — они готовились лично поддержать старанія роялистовъ. 1 января Людовикъ XVIII составилъ — и подписалъ какъ король Франціи—свою вторую Гартуэльскую прокламацію. Въ этомъ же мѣсяцѣ герцогъ Беррійскій прибылъ на Джерси, гдѣ ему было рукой подать до Бретани, и графъ Артуа и герцогъ Ангулемскій отплыли изъ Англіи, первый—съ цѣлью достигнуть Франшъ-Конте чрезъ Голландію и Швейцарію, второй — съ цѣлью добраться до главной квартиры Веллингтона по сю сторону Пиренеевъ. Вражеское нашествіе открыло имъ доступъ во Францію.

Призывы къ возстанію, бездѣйствіе администраціи и особенно извѣстія о наступательномъ движеніи непріятеля, подвигавшагося все дальше вглубь страны, окончательно сбили съ толку народъ; всюду воцарились возбужденіе и анархія. Въ южныхъ и западныхъ департаментахъ наборы въ армію и въ національную гвардію встрѣтили ожесточенное сопротивленіе. Жандармы, сыщики, летучіе отряды были безсильны: количество дезертировъ и ослушныхъ возрастало съ каждымъ днемъ. Такой же отпоръ встрѣчало и взысканіе податей. Несмотря на то, что прямые налоги были почти удвоены, въ первую треть 1814 года они дали казначейству всего 33.743.000 франковъ, тогда какъ въ соотвѣтствующую треть 1810 года ихъ было собрано 75.500.000 фр. Въ Парижѣ Шатобріанъ началъ писать свою брошюру: *Буонапарте и Бурбоны*. Недовольство росло, и въ салонахъ, въ кафе, на биржѣ, въ обезлюдѣвшихъ фойе театровъ, не стѣсняясь, говорили все, что думали. Двадцать разъ на день повторяли приписываемыя Талейрану слова: „Это—начало конца", обсуждали шансы Бурбоновъ, утверждали, что задача союзниковъ—возстановить старую монархію, и что король будетъ коронованъ въ Ліонѣ, находившемся уже во власти непріятеля. Изъ рукъ въ руки ходила каррикатура, изображавшая „казака", вручающаго Наполеону визитную карточку русскаго царя. Однажды утромъ на цоколѣ колонны Великой арміи оказалась

приклеенной бумажка съ надписью: „Просятъ проходить скорѣе: колонна готова упасть“.

Но въ народной массѣ вѣра въ Наполеона еще была крѣпка. Населеніе селъ и городскихъ предмѣстій желало мира, но не осуждало императора. Народъ ненавидѣлъ войну, но это не лишало популярности того, кто былъ виновникомъ этихъ безконечныхъ войнъ. Массамъ и на умъ не приходило сближать причину со слѣдствіемъ или отождествлять два тожественныхъ понятія: война и Наполеонъ. Крестьяне кричали разомъ—и „Долой косвенные налоги!“, и „Да здравствуетъ императоръ!“ Вотъ почему съ осени 1813 по мартъ 1814 года истощенная Франція все-таки дала Наполеону 300.000 солдатъ и 50.000 ополченцевъ для летучей національной гвардіи.

Къ несчастію, эти новыя войска, которыхъ въ серединѣ января набралось еще не больше 175.000 чел., по прибытіи въ рейнскую, сѣверную и пиренейскую арміи или во французскія и итальянскія казармы не могли быть тотчасъ употреблены въ дѣло: прежде, чѣмъ вести ихъ противъ врага, ихъ необходимо было обучить, одѣть, вооружить. А обучать ихъ было некогда. Въ январѣ 1814 года восемь десятыхъ новыхъ рекрутовъ еще обучались воинскимъ пріемамъ. Что же касается экипировки и вооруженія, то въ магазинахъ и арсеналахъ старой Франціи запасовъ оказалось мало. Въ нихъ безъ мѣры черпали съ 1811 года для наполненія военныхъ складовъ зарейнскихъ крѣпостей, гдѣ сосредоточивались всѣ военные запасы, а саксонскій походъ истощилъ ихъ въ конецъ. Были еще запасы оружія въ Гамбургѣ, Штеттинѣ, Майнцѣ, Везелѣ, Магдебургѣ, а въ Мецѣ и Парижѣ не было ничего.

Тщетно императоръ дѣлалъ наборъ за наборомъ, удвоилъ налоги, отдалъ свой собственный капиталъ (75.000.000 фр., сбереженныхъ за десять лѣтъ съ цивильнаго листа) на нужды войны, тщетно торопилъ онъ работу на оружейныхъ заводахъ, оборудованіе крѣпостей, изготовленіе боевого матеріала, солдатскихъ шинелей и сапогъ: времени и денегъ не хватало ни на что.

Бріеннъ и Ла-Ротьеръ.—Движеніе союзниковъ по французской территоріи вначалѣ представляло собою настоящую военную прогулку. Перейдя Рейнъ двѣнадцатью или пятнадцатью колоннами на протяженіи отъ Базеля до Кобленца (21 декабря — 1 января), союзныя арміи безъ труда оттѣснили небольшіе французскіе отряды, охранявшіе границу. Мармонъ, Макдональдъ, Викторъ и князь Московскій имѣли въ своемъ распоряженіи никакъ не болѣе 46.000 человѣкъ. Между тѣмъ передовая непріятельская колонна, наступавшая подъ предводительствомъ Шварценберга и Блюхера, состояла изъ 250.000 человѣкъ. Передъ такимъ полчищемъ, грозившимъ на каждомъ шагу обойти ихъ, маршалы по необходимости должны были отступать, какъ можно болѣе задерживая и ослабляя врага мелкими схватками, но всячески избѣгая серьезнаго боя, который безъ пользы подвергъ бы ихъ риску.

Исключая Доля, Шалона, Турнюса и Бурга, всѣ открытые города сдались по первому требованію. Что же касается укрѣпленій, то полководцы коалиціи, воспитанные въ школѣ Наполеона (нѣкоторые изъ нихъ даже служили подъ его начальствомъ), не рѣшались задерживаться для осады: они обходили укрѣпленные пункты, прикрывая ихъ заслонами, и стремились прямо къ сердцу Франціи. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ Бубна овладѣлъ Женевой и направился къ Ліону чрезъ Юру и долину Соны. Въ центрѣ армія Шварценберга нѣсколькими колоннами, чрезъ Доль и Оксоннъ, чрезъ Монбельяръ и Везуль, чрезъ Ремирмонъ и Эпиналь, Кольмаръ и Сенъ-Діэ, достигла Дижона, Лангра и Баръ-сюр-Объ, кото-

рый Мармонъ принужденъ былъ очистить послѣ ожесточенной битвы (24 января). На правомъ флангѣ оба корпуса Блюхера чрезъ Лотарингію вышли къ Васси, Сенъ-Дизье и Бріенну. 26 января почти всѣ союзныя войска собрались на пространствѣ между Марной и устьемъ Сены: ихъ концентрація была почти закончена.

Въ этотъ самый день императоръ выступилъ изъ Шалона, надѣясь предупредить эту концентрацію и атаковать пруссаковъ до ихъ соединенія съ русско-австрійской арміей. Ему удалось настигнуть Блюхера одного въ Бріеннѣ и нанести ему кровавое пораженіе (31 января). Но отъ Бріенна до Баръ-сюр-Объ рукой подать, — фельдмаршалъ отступилъ къ арміи Шварценберга. Послѣдняя заколыхалась, тронулась впередъ, и 1 февраля разыгралось сраженіе при Ла-Ротьерѣ, гдѣ 136.000 французовъ въ теченіе восьми часовъ дрались съ 122.000-нымъ непріятельскимъ войскомъ, не давая оттѣснить себя къ Обу, и оказали настолько внушительный отпоръ, что смогли на слѣдующій день отступить къ Труа чрезъ единственный мостъ въ Лесмонѣ.

Союзники были въ неописуемомъ восторгѣ: 50 французскихъ орудій и 2.000 плѣнныхъ остались въ ихъ рукахъ, поле битвы было усѣяно 4.000 мертвыхъ и раненыхъ. Однако не эти трофеи и гекатомбы возбуждали восторгъ въ союзникахъ: они и сами потеряли около 6.000 человѣкъ. Но это была первая побѣда, одержанная надъ Наполеономъ на французской почвѣ. Сила его чаръ, измѣнившая ему подъ Лейпцигомъ, не воскресла: онъ уже не непобѣдимъ, и, значитъ — принимая во вниманіе огромность арміи, выставленной противъ него,—побѣда надъ нимъ обезпечена. Опьяненные этимъ легкимъ тріумфомъ, союзники вообразили, что отнынѣ ихъ не можетъ задержать никакая преграда и что имъ остается лишь войти въ Парижъ, чтобы здѣсь продиктовать условія мира. Офицеры союзныхъ армій назначали себѣ чрезъ недѣлю свиданія въ саду Палэ-Рояля, и царь сказалъ генералу Рейнье, уѣзжавшему изъ плѣна въ силу обмѣна плѣнныхъ: „Мы раньше васъ будемъ въ Парижѣ“.

На военномъ совѣтѣ, состоявшемся 2 февраля въ Бріеннскомъ замкѣ, рѣшено было идти немедленно на Парижъ, и для того, чтобы предоставить Блюхеру, побѣдителю при Ла-Ротьерѣ, честь самостоятельнаго командованія, равно какъ и съ цѣлью облегчить заботу о прокормленіи громадной арміи, рѣшено было двигаться двумя колоннами. Планъ былъ таковъ: силезская армія, присоединивъ къ себѣ подлѣ Шалона корпусы Іорка и Капцевича, идущіе съ Рейна, спустится вдоль Марны, богемская двинется къ Труа, откуда направится къ Парижу по обоимъ берегамъ Сены. И такъ велика была самоувѣренность и близорукость союзныхъ государей и ихъ совѣтниковъ, что, игнорируя всякія стратегическія соображенія, они считались лишь съ самолюбіемъ своихъ генераловъ и съ удобствами той или другой дневки.

Старый Блюхеръ, въ которомъ еще не угасла удаль гусарскаго полковника, тотчасъ двинулся въ путь. 3 февраля онъ былъ въ Бро, 4-го въ Сомпюи, 6-го въ Гондронѣ; корпусы Іорка и Сакена онъ отрядилъ къ Шато-Тьерри, а за нимъ самимъ на разстояніи двухъ дней пути слѣдовали корпусы Клейста и Капцевича. Тѣмъ временемъ кунктаторъ Шварценбергъ съ величественной медлительностью двигался къ Труа. Вмѣсто того, чтобы энергично преслѣдовать французскую армію и разбить ее въ этомъ городѣ, онъ колебался, безпрестанно отмѣнялъ приказы, предпринималъ контръ-марши, и напуганный смѣлыми рекогносцировками нѣсколькихъ кавалерійскихъ отрядовъ, далъ Наполеону возможность предоставить своимъ солдатамъ время для отдыха, сосредоточить новыя войска, реорганизовать свою армію, словомъ, придти въ

себя и осмотрѣться среди этого хаотическаго безпорядка. Наполеонъ очистилъ Труа лишь 6 февраля, никѣмъ не потревоженный, и отошелъ къ Ножану. При нѣкоторой смѣлости, напавъ на Труа съ востока отъ Лобресселя и съ юга по дорогѣ отъ Баръ-сюр-Объ, Шварценбергъ могъ бы однимъ ударомъ кончить войну.

Наполеонъ былъ въ чрезвычайно критическомъ положеніи. Его вступленіе въ Труа имѣло жалкій видъ: ни одного привѣтственнаго клика, угрюмое молчаніе, полное безлюдье на улицахъ; все населеніе попряталось по домамъ. Военные магазины были пусты, у арміи не было провіанта, и достать его было негдѣ, потому что населеніе ничего не давало, припрятавъ запасы для предстоящихъ реквизицій непріятеля. Приближенные императора, штабъ, войска—все было погружено въ какое-то оцѣпенѣніе. Старые солдаты говорили: „Гдѣ же мы остановимся?“ Не унывалъ, одинъ въ странѣ и войскѣ — только императоръ.

Шампоберъ, Монмирайль, Вошанъ, Монтеро; отступленіе союзниковъ. — Союзники считали французскій походъ уже почти конченнымъ; въ глазахъ Наполеона онъ только начинался. Въ то время какъ медлительность Шварценберга оставляла Наполеону свободу дѣйствій, Блюхеръ опрометчиво предпринялъ боковое движеніе, при чемъ расположилъ свои четыре корпуса уступами на разстояніяхъ больше дневного перехода одинъ отъ другого. Такимъ образомъ, онъ подставилъ свой флангъ Наполеону. Въ ночь съ 7 на 8 февраля, когда герцогъ Бассано вошелъ къ императору въ Ножанѣ, чтобы представить ему для подписи депеши въ Шатильонъ, онъ нашелъ его лежащимъ на полу надъ картою, утыканной булавками. „А, это вы, — сказалъ Наполеонъ, едва поворачивая къ нему голову.—Я занятъ теперь совсѣмъ другими дѣлами: въ эту минуту я мысленно разбиваю Блюхера“. На слѣдующій день онъ отдалъ приказанія. Викторъ, имѣя Удино во второй линіи, долженъ былъ оставаться въ Ножанѣ, чтобы воспрепятствовать переходу русско-австрійской арміи чрезъ Сену, а корпусъ Мармона, уже начавшій свое движеніе, конница Груши и гвардія должны были подняться вверхъ на Сезаннъ, чтобы атаковать силезскую армію, двигавшуюся по дорогѣ изъ Шалона въ Парижъ. Впрочемъ, императоръ не торопился. Онъ уже два или три дня обдумывалъ этотъ искусный маневръ, но не желалъ приступать къ его исполненію, пока Блюхеръ не увязнетъ безповоротно. Лишь 9 февраля Наполеонъ покинулъ Ножанъ; онъ переночевалъ въ Сезаннѣ и 10-го, соединившись въ 9 час. утра съ корпусомъ Мармона предъ ущельями Сенъ-Гонъ, двинулъ свои войска въ атаку. Корпусъ Олсуфьева, отброшенный съ позиціи на позицію за Шампоберъ, былъ почти весь истребленъ. 1.200 — 1.500 русскихъ остались на полѣ битвы, болѣе 2.000 попали въ плѣнъ—въ томъ числѣ Олсуфьевъ и два другихъ генерала; французамъ досталось 15 орудій, обозъ, знамена; спаслось отъ разгрома едва 1.500 чел.. Французскіе солдаты въ порывѣ энтузіазма прозвали Шампоберскій лѣсъ: le Bois enchanté.

Остроумное стратегическое движеніе Наполеона удалось: вытянувшаяся колонна силезской арміи была разрѣзана на двѣ части. Наполеонъ занялъ позицію между Блюхеромъ, идущимъ изъ Шалона, и Сакеномъ и Іоркомъ, оттѣснившими Макдональда къ Мо. Эти два генерала, во-время извѣщенные о движеніи французской арміи, повернули назадъ и поспѣшно отступили къ Монмирайлю. Но императоръ явился сюда раньше ихъ; какъ накунунѣ у Шампобера, французы одержали полную побѣду. Потерявъ 4.000 человѣкъ, русскіе и пруссаки отступили или, вѣрнѣе, бѣжали по дорогѣ къ Шато-Тьерри. Французы пустились за ними въ погоню и на слѣдующій день, 12 февраля,

нанесли имъ новое пораженіе, причинивъ имъ уронъ убитыми и плѣнными въ 3.000 чел., опрокинули ихъ въ Шато-Тьерри и въ безпорядкѣ отбросили за Уркъ.

Между тѣмъ Блюхеръ, думая, что его два помощника нагнали страха на императорскую армію, продолжалъ спокойно подвигаться впередъ. 12 февраля онъ занялъ Бержеръ, 13-го дошелъ до Шампобера, безъ труда оттѣснивъ къ Фромантьеру корпусъ Мармона, которому Наполеонъ поручилъ наблюдать за передвиженіями пруссаковъ. Предупрежденный офицеромъ, котораго прислалъ герцогъ Рагузскій, Наполеонъ въ ночь съ 13 на 14 выѣхалъ изъ Шато-Тьерри. Въ восемь часовъ утра онъ прибылъ въ Монмирайль и приказалъ Мармону, возобновившему свое попятное движеніе, повернуть въ пол-оборота и атаковать непріятеля, какъ только послѣдній выйдетъ изъ Вошана. Внезапный и энергичный штурмъ заставилъ прусскій авангардъ отступить въ безпорядкѣ; а позади войскъ Мармона Блюхеръ увидѣлъ приближающуюся гвардію въ полномъ составѣ. До него, какъ громовый раскатъ, донесся грозный кликъ десяти тысячъ голосовъ: „Да здравствуетъ императоръ!“ Въ теченіе двухъ часовъ его войска, построенныя въ карре на манеръ шахматной доски, отступали въ полномъ порядкѣ, спокойно выдерживая артиллерійскій огонь Друо и бѣшеныя атаки конной гвардіи. Но Груши великолѣпнымъ обходнымъ движеніемъ съ линейной конницей опередилъ врага сзади Фромантьера и бросился въ атаку. Его 3.500 всадниковъ врѣзались въ 20.000-ую массу пруссаковъ, прорвали ее и привели въ полное замѣшательство. Они рубили почти безъ сопротивленія, пролагая въ этихъ карре кровавыя борозды. Опрокидываемые бѣгущими, смѣшавшись съ ними, Блюхеръ, принцъ Августъ прусскій, генералы Клейстъ и Капцевичъ десять разъ едва не были взяты въ плѣнъ, убиты или размозжены копытами лошадей. Преслѣдованіе продолжалось до поздней ночи. Блюхеръ потерялъ 6.000 человѣкъ.

Планъ Наполеона заключался въ томъ, чтобы преслѣдовать Блюхера до Шалона, истребить остатки его арміи и затѣмъ повернуть чрезъ Витри въ тылъ богемской арміи. Но изъ депешъ онъ узналъ, что русско-австрійская армія явно перешла въ наступленіе, оттѣснила Виктора и Удино и продвинула свои передовыя части къ Провену, Нанжи, Монтеро и Фонтенебло. Чтобы прикрыть Парижъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ своей ближайшей цѣли, т.-е. прекратить преслѣдованіе Блюхера; но, съ другой стороны, разбросанность богемской арміи, вытянувшейся почти на двадцать миль, грозила ей тою же участью, какая постигла силезскую армію.

Форсированнымъ маршемъ, при чемъ часть пѣхоты ѣхала на телѣжкахъ, добытыхъ путемъ реквизиціи, императоръ 15 февраля достигъ Мо, на слѣдующій день — Гюиня. Гвардія соединилась съ корпусами Виктора, Удино и Макдональда. 17-го армія выступила изъ Гюиня. У Мормана корпусъ Виктора, шедшій впереди, опрокинулъ и истребилъ отрядъ графа Палена, состоявшій изъ восьми батальоновъ и 24 эскадроновъ; Макдональдъ приблизился къ Брего, Удино—къ Провену. 18-го Жераръ со вторымъ корпусомъ, перешедшимъ подъ его начальство въ разгаръ боя вслѣдствіе опалы, постигшей герцога Беллюнъ, и Пажоль со своей конницей оттѣснили вюртембержцевъ съ плоскогорья Сюрвилль, перешли вслѣдъ за ними мостъ Монтеро и вогнали ихъ между Сеною и Іонной. Въ тотъ же день Макдональдъ отбросилъ Вреде къ Брею, Удино прогналъ аванпосты Витгенштейна къ Ножану, и Алли принудилъ Біанки очистить Немуръ.

Этого было вполнѣ достаточно, чтобы побудить Шварценберга къ поспѣшному

отступленію. Онъ вдругъ отослалъ свой обозъ въ Баръ-сюр-Объ и сосредоточилъ всѣ свои войска въ Труа. Но французская армія отстала отъ него: ее задержали демонстраціи Макдональда и Удино и обусловленное ихъ операціями загроможденіе переправъ черезъ Сену. Только 22 февраля послѣ полудня ея авангардъ вышелъ на равнину Труа, между тѣмъ какъ на лѣвомъ флангѣ дивизія Буайе оттѣснила отъ Мери авангардъ Блюхера, который, собравъ у Шалона свои разсѣянныя войска, 19-го выступилъ къ Обу на соединеніе съ Шварценбергомъ.

Передъ Труа французская армія стала въ боевомъ порядкѣ, упираясь правымъ крыломъ въ Сену, лѣвымъ въ деревушку Сенъ-Жерменъ. Было уже слишкомъ поздно, чтобы Наполеонъ могъ сейчасъ начать сраженіе. Но завтрашній день сулилъ ему большой успѣхъ. Движеніе Наполеона къ Сенѣ удалось лишь наполовину, такъ какъ изъ семи корпусовъ богемской арміи пять ускользнули отъ него. Наконецъ-то Шварценбергъ остановился! Теперь Наполеонъ покончитъ съ нимъ сразу, одной кровавой и рѣшительной битвой. Французы, одушевленные своими побѣдами, были увѣрены въ себѣ и полны энтузіазма. Если на сторонѣ русско-австрійской арміи было неоспоримо численное превосходство, зато позиція, занятая ими, съ рѣкою въ тылу, была крайне невыгодна, и среди нихъ царила полная деморализація. Силезская армія, угрожавшая французскому лѣвому флангу, не пугала императора. Чтобы перейти Сену у Мери, гдѣ мостъ былъ разрушенъ и гдѣ лѣвый берегъ охранялся отрядомъ испанскихъ ветерановъ, Блюхеръ долженъ былъ потратить не менѣе двадцати четырехъ часовъ. А тѣмъ временемъ Наполеонъ успѣетъ разбить Шварценберга, и если силезская армія тогда явится на этомъ берегу, она въ свою очередь будетъ разбита и сброшена въ рѣку.

Къ несчастью, Шварценбергъ думалъ совершенно такъ же, какъ Наполеонъ. Онъ сознавалъ страшную опасность предстоящаго сраженія и „не былъ склоненъ изъ раболѣпства предъ общественнымъ мнѣніемъ пожертвовать прекрасной арміей славѣ Франціи“. На слѣдующій день, 23 февраля, въ четыре часа утра русско-австрійская армія начала отходить къ Обу, оставивъ передъ Труа только заслонъ. Полтораста тысячъ человѣкъ не рѣшались вступить въ бой съ семьюдесятью!

Русскій царь, прусскій король, Кнезебекъ и другіе высказывались за принятіе боя; Шварценбергъ, лордъ Кэстльри, Нессельроде, Толь и Волконскій были противъ. Императоръ австрійскій, небогатый собственными мыслями, соглашался съ Шварценбергомъ. Въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія Шварценбергъ, въ ночь съ 22 на 23 февраля, самовольно приказалъ отступать. И надо отдать ему справедливость — этотъ его шагъ, съ виду осторожный до трусости, былъ спасеніемъ. Морально армія въ этотъ день не была въ состояніи принять бой, а на войнѣ, какъ и всюду, надо умѣть выбирать подходящую минуту. Тиленъ справедливо говоритъ: „Князь Шварценбергъ, одинъ и вопреки мнѣнію всѣхъ, совершилъ двѣ операціи, которыми и былъ обусловленъ успѣхъ этой кампаніи: отступилъ отъ Труа и атаковалъ французовъ у Арси-сюр-Объ“.

Труа, куда Наполеонъ разсчитывалъ въ этотъ же день вступить безъ единаго выстрѣла, былъ еще занятъ частью корпуса Вреде. Въ моментъ штурма этотъ генералъ послалъ записку Наполеону съ заявленіемъ, что онъ очиститъ городъ завтра утромъ, если же штурмъ не будетъ тотчасъ прекращенъ, онъ сожжетъ Труа. Императоръ безъ колебаній предпочелъ спасеніе Труа истребленію баварцевъ, тотчасъ прекратилъ пальбу и переночевалъ въ предмѣстьи Ну. Восторгъ, вызванный его въѣздомъ въ го-

родъ утромъ 24 февраля, составлялъ полную противоположность тому холодному, почти презрительному пріему, который былъ оказанъ ему здѣсь три недѣли назадъ. Грубость союзниковъ и его недавнія побѣды вызвали поворотъ въ общественномъ мнѣніи и снова окружили его ореоломъ. Даже тогда, когда онъ тріумфально возвращался послѣ сраженій при Аустерлицѣ и Іенѣ, его не привѣтствовали такъ многолюдно, такъ искренно и страстно. Въ этотъ же день Жераръ и Удино прогнали баварцевъ по дорогѣ отъ Баръ-сюр-Объ до Монтіерамей, а Макдональдъ, направляясь къ Бару на Сенѣ, оттѣснилъ австрійскій арьергардъ до Сенъ-Пьеръ-о-Водъ.

Такимъ образомъ, союзниковъ всюду гнали, и не было сомнѣнія, что, если они не рѣшатся принять сраженіе, имъ придется покинуть линію Оба, подобно тому, какъ они только что были оттѣснены отъ линіи Сены. И точно, Блюхеръ, занимавшій на флангѣ у французовъ Мери и Англюръ, присылалъ гонца за гонцомъ, спрашивая приказаній и предлагая произвести диверсію, которая выручила бы главную армію. Но въ то же время Бубна, отброшенный къ Эню помощниками Ожеро и угрожаемый потерять Женеву, неустанно требовалъ подкрѣпленій.

25 февраля въ 8 часовъ утра трое государей снова держали въ Баръ-сюр-Объ военный совѣтъ, на который были приглашены Шварценбергъ, Меттернихъ, лордъ Кэстльри, Нессельроде, Гарденбергъ, Радецкій, Дибичъ, Волконскій и Кнезебекъ. Безъ пререканій рѣшено было послать Бубнѣ сильное подкрѣпленіе подъ командою принца Гессенъ-Гомбургскаго. Продолжительныя и оживленныя пренія вызвалъ вопросъ, защищать ли, или оставить Объ, такъ какъ русскій царь настойчиво требовалъ быстраго наступленія. Однако рѣшено было, что главная армія отступитъ къ Лангру, гдѣ приготовится или принять бой, если Наполеонъ будетъ продолжать двигаться впередъ, или возобновить наступленіе, если силезской арміи удастся привлечь на себя французовъ. Блюхеру рѣшено было предоставить полную самостоятельность въ дѣйствіяхъ; но такъ какъ его войско сократилось до 48.000 чел., то совѣтъ, по предложенію царя, рѣшилъ предоставить въ его распоряженіе корпусъ Винцингероде, находившійся вблизи Реймса, и шедшій изъ Бельгіи корпусъ Бюлова. Лордъ Кэстльри взялся написать къ Бернадотту съ цѣлью извѣстить его, что въ общихъ интересахъ совѣтъ коалиціи увидѣлъ себя вынужденнымъ усилить силезскую армію корпусами Бюлова и Винцингероде, принадлежавшими доселѣ къ сѣверной арміи; взамѣнъ Бернадотту будетъ предоставлено верховное начальство надъ оперирующими въ Голландіи ганноверскими, англійскими и голландскими войсками.

На слѣдующій день, 26 февраля, вся русско-австрійская армія обратно перешла Объ.

Размѣры и позиціи армій въ день 26 февраля.—Вотъ каково было общее расположеніе армій 26 февраля: Наполеонъ, занимая Труа, располагалъ 74.000 чел. при 350 орудіяхъ, сосредоточенными между Сеною и Обомъ. Передъ нимъ отступала къ Шалону и Лангру главная армія коалиціи, сократившаяся до 130.000 чел. Слѣва Блюхеръ съ 48.000 чел. совершалъ крайне рискованное фланговое движеніе къ Парижу на Куломмьеръ: ему грозило тыловое нападеніе со стороны Наполеона, и въ то же время спереди его ждала преграда въ видѣ корпусовъ Мармона и Мортье, возросшихъ благодаря подкрѣпленіямъ до 16.000 чел. слишкомъ. Справа отъ Наполеона Алли, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ генераловъ во всей арміи, съ 2.000 чел. защищалъ линію Іонны, массами собирая подъ свое знамя ополченцевъ-крестьянъ. Изъ Парижа, куда Франція ежедневно высылала офицеровъ и новобранцевъ, ежедневно

прибывали въ армію батальоны, эскадроны и батареи. Наконецъ, во всѣхъ провинціяхъ формировалась національная гвардія.

На югѣ Ожеро, располагавшій въ ліонской арміи 28.000 чел., рѣшился наконецъ перейти въ наступленіе противъ 20.000-го австрійскаго корпуса Бубны и Лихтенштейна. Онъ разбилъ свое войско на двѣ колонны. Лѣвая, подъ командою Паннетье и Мюнье, отбросила врага за Энь, а правая, подъ командою Маршана, подступила къ Женевѣ, которую 26 февраля какъ разъ готовилась обложить. Ожеро было категорически приказано отнять у непріятеля этотъ городъ и затѣмъ утвердиться на дорогѣ изъ Базеля въ Лангръ, чтобы перерѣзать операціонную линію арміи Шварценберга. Планъ этой превосходной операціи принадлежалъ Наполеону; нужно было лишь немного рѣшимости и быстроты, чтобы исполнить ее съ вѣрнымъ успѣхомъ.

Въ Испаніи маршалъ Сюшэ съ 15.000 чел., сосредоточенными въ Фигерасѣ, и приблизительно 23.000 въ видѣ гарнизоновъ въ Барселонѣ, Сагунтѣ, Толедо и другихъ крѣпостяхъ, держалъ на почтительномъ разстояніи англо-испанскій корпусъ лорда Бентинка и Копонса въ 55.000 чел. Онъ ждалъ лишь ратификаціи Валенсейскаго договора кортесами, чтобы увести во Францію свои отборныя войска, закаленныя въ огнѣ многочисленныхъ сраженій [1]).

По сю сторону Пиренеевъ 4.500 солдатъ Сульта, сосредоточенные въ Байоннѣ и Ортецѣ, не пускали за Адуръ и двѣ рѣчки сильную армію герцога Веллингтона, состоявшую изъ 72.000 англичанъ, испанцевъ и португальцевъ.

За Альпами принцъ Евгеній, только что получившій отъ императора приказаніе держаться въ Италіи, занималъ линію Минчіо. Съ 48.000 чел. онъ заставлялъ 75.000-ое австрійское войско фельдмаршала Бельгарда держаться въ оборонительномъ положеніи и принудилъ Мюрата съ его неаполитанцами отступить.

На старой сѣверной границѣ генералъ Мэзонъ съ 15.000 чел. искусно и систематически тревожилъ 30.000-ый германо-прусскій корпусъ принца Саксенъ-Веймарскаго и генерала Борстелля, вступая лишь въ мелкія схватки, непрерывно находясь въ движеніи, то отступая, то внезапно переходя въ наступленіе. Въ Мастрихтѣ, въ Бергъ-оп-Зоомѣ, въ Антверпенѣ, который защищалъ Карно, въ фортахъ Новаго Дьеппа, защищаемыхъ адмираломъ Вергюэллемъ, французы отвѣчали орудійными залпами англичанамъ Грэгема, саксонцамъ Вальмѣдена и голландцамъ принца Оранскаго на предложенія сдаться.

Обильно снабженныя провіантомъ и защищаемыя исправными гарнизонами укрѣпленія по ту и по эту стороны Рейна,—Глогау, Кюстринъ, Магдебургъ, Вюрцбургъ, Петерсбергъ, Гамбургъ [1]), Везель, Майнцъ, Люксембургъ, Страсбургъ, Нейбризахъ, Фальсбургъ, Ландау, Гюнингенъ, Бельфортъ, Мецъ, Саарлуи, Тіонвиль, Лонгви — были обезпечены противъ блокады и штурмовъ.

Отъ Одера до Оба, отъ Минчіо до Пиренеевъ, всюду французы либо сдерживали, либо тѣснили передъ собою вражескія арміи.

Грабительство и насилія союзниковъ; возстаніе крестьянъ.—Въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи былъ съ точностью предусмотрѣнъ день вступленія союзниковъ въ Парижъ: оно должно было произойти 11, самое позднее — 12 февраля. Но 12 февраля прибыла не непріятельская армія, а военный бюллетень изъ Шампобера. И вдругъ въ настроеніи общества произошелъ поворотъ: глубокое уныніе смѣнилось безграничной увѣренностью. Рента

[1]) См. т. I, стр. 141.

[1]) См. выше стр. 196.

въ три дня поднялась съ 47—75 фр. до 56—50. Начали трунить надъ тѣми, кто сдѣлалъ домашнія приготовленія на случай осады или спряталъ золото въ погребахъ. На бульварахъ, въ Палэ-Роялѣ, снова закипѣвшемъ шумной жизнью, въ снова полныхъ зрительныхъ залахъ всѣ наперебой толковали объ одержанныхъ побѣдахъ и предсказывали новыя.

Между тѣмъ какъ эти боевые успѣхи ободрили Парижъ, въ захваченныхъ непріятелемъ департаментахъ беззаконія союзниковъ, насилія казаковъ и пруссаковъ возбуждали страстную жажду мести. Обезсилѣвшая Франція сначала встрѣтила нашествіе безъ возмущенія; она была почти равнодушна къ метафизической идеѣ оскорбленнаго отечества. Чтобы пробудить въ ней патріотизмъ, понадобился грубо-матеріальный фактъ иноземной оккупаціи со всѣми сопутствующими ей невзгодами: реквизиціями, грабежомъ, насилованіемъ женщинъ, убійствами, пожарами. Занятыя союзниками провинціи были буквально разорены реквизиціями. Труа, Эпернэ, Ножанъ, Шато-Тьерри, Сансъ и свыше двухсотъ другихъ городовъ и селъ были въ конецъ разграблены. „Я думалъ, — сказалъ однажды генералъ Іоркъ своимъ бригадирамъ,— что имѣю честь командовать отрядомъ прусской арміи; теперь я вижу, что командую шайкой разбойниковъ".

Когда вечеромъ послѣ побѣды, или на другой день послѣ пораженія, или просто послѣ какого-нибудь маневра казаки или пруссаки проникали въ какой-нибудь городъ, село или усадьбу, здѣсь воцарялся паническій ужасъ. Они не только искали добычи: они хотѣли сѣять скорбь, отчаяніе, разореніе. Они валились съ ногъ отъ вина и водки, ихъ карманы были полны драгоцѣнныхъ вещей (на трупѣ одного казака нашли пять часовъ), ихъ сумки и кобуры были биткомъ набиты всякимъ добромъ, слѣдовавшія за ихъ отрядами повозки были нагружены мебелью, бронзой, книгами, картинами. Но и этого имъ было мало: не имѣя возможности все увезти, они уничтожали все остальное—разбивали двери, окна, зеркала, рубили мебель, рвали обои, поджигали закрома и скирды, сжигали сохи и разбрасывали ихъ желѣзныя части, вырывали плодовыя деревья и виноградные кусты, складывали для иллюминаціи костры изъ мебели, ломали инструменты у мастеровыхъ, бросали въ рѣку аптекарскую посуду, выбивали дно у бочекъ съ виномъ или водкою и затопляли подвалы.

Въ Суассонѣ было сожжено до тла 50 домовъ, въ Муленѣ 60, въ Мениль-Селльерѣ 107, въ Ножанѣ 160, въ Бюзанси 75, въ Шато-Тьерри, Вельи и Шавиньонѣ по 100 съ лишнимъ, въ Атьи, Мебрекурѣ, Корбени и Класи — всѣ. Исправно слѣдуя урокамъ Ростопчина, казаки всюду прежде всего разбивали пожарные снаряды. Пламя пожаровъ освѣщало сцены безчеловѣчной жестокости. Мужчинъ закалывали саблями или штыками; обнаженные и привязанные къ ножкамъ кровати, они принуждены были смотрѣть, какъ насиловали ихъ женъ и дочерей; другихъ пытали, сѣкли или жарили на огнѣ, пока не укажутъ, гдѣ спрятаны деньги. Кюрѐ въ Монландонѣ и Роланпонѣ (Верхняя Марна) остались мертвыми на мѣстѣ. Въ Бюси-ле-Лонгъ казаки обуглили ноги слуги, по имени Леклеркъ, оставшагося сторожить господскій домъ; такъ какъ онъ все же упорно молчалъ, то они набили ему ротъ сѣномъ и зажгли. Въ Ножанѣ дюжина пруссаковъ почти разорвала на части торговца сукнами Обера, таща его за всѣ четыре конечности, и только благодѣтельная пуля прекратила его страданія. Въ Провенѣ бросили ребенка на горящія головни, чтобы развязать языкъ его матери. Алчность и развратъ не щадили ни малыхъ, ни старыхъ. У восьмидесятилѣтней женщины на пальцѣ было коль-

цо съ брилліантомъ; кольцо было тѣсно: ударъ саблей — и палецъ отлетѣлъ. Насиловали семидесятилѣтнихъ старухъ, двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ. Въ одномъ только округѣ Вандёвръ было подсчитано 550 человѣкъ обоего пола, умершихъ отъ истязаній и побоевъ. Одна замужняя крестьянка Олливье, послѣ того какъ казаки надругались надъ нею, подобно Лукреціи не снесла позора и утопилась въ Барсѣ.

Озлобляя населеніе, эти звѣрства казаковъ и пруссаковъ примиряли съ Наполеономъ людей враждебныхъ ему и заставляли мирныхъ жителей браться за оружіе. Въ Лотарингіи, Франшъ-Контэ, Бургундіи, Шампани, Пикардіи крестьяне вооружались вилами и старыми охотничьими ружьями, утаенными отъ правительственныхъ и вражескихъ реквизицій, подбирали на поляхъ сраженій ружья убитыхъ и нападали на небольшіе или только-что разбитые непріятельскіе отряды. Въ Монтеро, въ Труа, подъ конецъ сраженія, жители осыпали австрійцевъ градомъ черепицъ и мебели и стрѣляли въ нихъ сквозь ставни и отдушины погребовъ. Въ Шато-Тьерри мастеровые провели подъ прусскими ядрами барки съ гвардейцами. Побережные жители Нижней Марны въ четыре дня переловили 250 русскихъ и пруссаковъ. На дорогѣ изъ Шомона въ Лангръ ватага крестьянъ освободила 400 солдатъ изъ корпуса Удино, взятыхъ въ плѣнъ у Баръ-сюр-Объ. Между Монмеди и Сезанномъ, на протяженіи въ сорокъ съ лишнимъ миль по прямой линіи, всѣ села совершенно опустѣли, а жители ихъ въ сосѣднихъ лѣсахъ изъ-за засады тревожили непріятеля. Въ Бургундіи, Дофинэ, въ охваченныхъ поголовнымъ возстаніемъ Арденнахъ, въ Аргоннѣ, гдѣ проходы охранялись двумя тысячами партизановъ, въ Нивернэ, Бри, Шампани крестьяне правильными дружинами, или просто сзываемые набатомъ, дрались рядомъ съ регулярными войсками. Рощи, опушки лѣсовъ, берега рѣкъ и прудовъ, проѣзжія дороги кишѣли партизанами. Банды въ 10, 20, 50, 300 человѣкъ, вооруженныхъ охотничьими ружьями, вилами и топорами, сидѣли въ засадахъ, готовыя напасть на проходящій непріятельскій отрядъ, или разсыпаться и исчезнуть при появленіи цѣлой непріятельской колонны. Военноплѣнные офицеры союзныхъ армій признавались, что возстаніе крестьянъ держитъ въ трепетѣ ихъ солдатъ.

Шатильонскій конгрессъ. — Сомнительно, чтобы союзники желали мира во время конгресса въ Прагѣ; еще болѣе сомнительно, чтобы они готовы были согласиться на миръ во Франкфуртѣ, — и несомнѣнно, что они рѣшительно не желали его въ ту минуту, когда отсылали своихъ уполномоченныхъ въ Шатильонъ. Со времени вступленія союзныхъ войскъ во Францію низложеніе Наполеона было молча рѣшено. Англія желала Бурбоновъ. Регентство Маріи-Луизы могло льстить императору Францу, какъ отцу; но какъ государь, онъ подъ вліяніемъ Меттерниха и Шварценберга былъ противъ этой комбинаціи. Прусскій король былъ готовъ содѣйствовать реставраціи, но лишь въ томъ случаѣ, если его армія, до изступленія охваченная жаждою мести, предварительно зальетъ Францію огнемъ и кровью. Русскій царь, въ принципѣ не совершенно враждебный Бурбонамъ, считалъ ихъ возвращеніе пока невозможнымъ, думая, что Франція ихъ отвергнетъ. Опредѣленнаго плана у него не было; его тонкій и мечтательный умъ колебался между разными проектами: возвести на императорскій престолъ Бернадотта, предоставить регентство Маріи-Луизѣ, созвать большое собраніе депутатовъ, которые сами рѣшили бы участь Франціи. Его не пугала даже возможность провозглашенія республики. Впрочемъ, имъ неотступно владѣла одна мысль: Наполеонъ вступилъ въ Москву, и онъ хотѣлъ вступить въ Парижъ.

Между тѣмъ министры союзныхъ державъ уже три мѣсяца афишировали свои миролюбивыя намѣренія. Во Франкфуртѣ 9 ноября они офиціозно предложили открыть переговоры о мирѣ на условіи ограниченія Франціи ея естественными предѣлами; 25 ноября они оффиціально заявили, что „готовы начать переговоры“, 1 декабря—что „первое употребленіе, какое государи сдѣлали изъ своей побѣды, заключалось въ предложеніи мира французскому императору“; послѣ всего этого отказаться отъ созванія конгресса значило озлобить весь французскій народъ и оскорбить самое Европу, жаждавшую мира не меньше Франціи. Наполеонъ со своей стороны согласился начать переговоры съ цѣлью доказать свою готовность къ миру, но не вѣря въ возможность соглашенія.

Конгрессъ, открывшійся 4 февраля и закрывшійся 19 марта, кончился ничѣмъ. Да иначе и не могло быть. Картина была такова: Наполеонъ предлагалъ начать переговоры на условіяхъ о которыхъ зналъ, что они не будутъ приняты уполномоченными союзныхъ державъ, а союзники соглашались вести переговоры на условіяхъ, которыя, какъ они хорошо понимали, будутъ отвергнуты герцогомъ Виченцскимъ, уполномоченнымъ Наполеона. Это была обоюдная комедія, сочиненная и разыгранная исключительно съ цѣлью обмануть общественное мнѣніе.

II.—Конецъ кампаніи.

Критическое положеніе Блюхера; капитуляція Суассона.—Въ то время, какъ армія Шварценберга отступила къ Обу, армія Блюхера, возобновивъ наступленіе, двинулась на Парижъ. 27 февраля Блюхеръ явился предъ Мо, который занимали Мармонъ и Мортье съ 16.000 человѣкъ. Произведя неудачную атаку, онъ направился къ Урку, готовясь обойти въ тылъ французамъ. Но послѣдніе утвердились позади Теруанна и въ теченіе двухъ дней отражали всѣ атаки русскихъ и пруссаковъ. Въ ночь съ 1 на 2 марта Блюхеръ узналъ, что Наполеонъ большими переходами идетъ на него.

Наполеонъ оставилъ Труа 27 февраля со своей гвардіей и съ небольшими корпусами Нея, Виктора и Арриги (въ общемъ 30.000 ружей и сабель), намѣреваясь съ тыла или фланга напасть на силезскую армію. Богемскую же армію должны были удерживать позади Оба Макдональдъ, Удино и Жераръ со своими 40.000 чел.

Получивъ такія извѣстія, Блюхеръ отступилъ къ Ульши, гдѣ, овладѣвъ предварительно Суассономъ, должны были присоединиться къ нему русскій корпусъ Винцингероде (27.000 чел.) и прусскій корпусъ Бюлова (17.000 чел.). Но 3 марта въ 7 часовъ утра онъ получилъ письмо отъ Винцингероде съ извѣстіемъ, что, въ виду энергическаго сопротивленія Суассона, онъ и Бюловъ отступаютъ на правый берегъ Эня. Такимъ образомъ, Блюхеръ не только лишался ожидаемыхъ подкрѣпленіи, но—разъ Суассонъ остается въ рукахъ французовъ—ему приходилось фланговымъ маршемъ отводить свою изнуренную, оголодавшую, деморализованную армію на 15 миль къ Берри-о-Бакъ. Такимъ образомъ, фельдмаршалу грозила величайшая опасность, потому что казалось невѣроятнымъ, чтобы онъ могъ избѣгнуть сраженія между Ульши и Берри-о-Бакъ, а эта битва, гдѣ противъ него были бы насѣдавшій на него Мармонъ и приближавшійся ему во флангъ Наполеонъ, неизбѣжно должна была кончиться для него страшнымъ пораженіемъ.

Армію Блюхера спасло слабоволіе коменданта Суассона, Моро, при данныхъ условіяхъ равносильная военному преступленію. Опутанный лестью и запуганный угрозами русскаго парламентера, Моро согласился эвакуировать крѣпость подъ условіемъ *почетнаго отступленія!* Получивъ объ этомъ извѣстіе въ полдень,

Блюхеръ тотчасъ двинулъ свои войска къ Суассону, гдѣ они по городскому мосту и перешли Энь.

Битвы при Краннѣ и Ланѣ.— Капитуляція Суассона была большимъ несчастіемъ, но Наполеонъ считалъ эту бѣду поправимой. Не успѣвъ разбить Блюхера по сю сторону Эня, онъ рѣшилъ ждать его по ту сторону рѣки. За день и въ ночь 5 марта французы перешли чрезъ мостъ Барри-о-Бакъ. Блюхеръ расположилъ часть своей арміи на горѣ Краннѣ, въ сильной позиціи на высотѣ 150 метровъ надъ уровнемъ Эня, защищенной крутыми склонами и доступной для артиллеріи только въ одномъ пунктѣ, чрезъ узкое ущелье Гюртебизъ. Съ остальнымъ своимъ войскомъ онъ разсчитывалъ напасть на французовъ сзади во время ихъ атакъ на возвышенность. Дѣло началось 7 марта въ девять часовъ утра. Тотчасъ послѣ полудня французы прошли чрезъ ущелье и, овладѣвъ восточными отрогами, выстроились на возвышенности параллельно врагу. Побѣда ихъ казалась уже обезпеченной, какъ вдругъ русскіе военачальники получили отъ Блюхера приказъ отойти къ Лану. Вслѣдствіе дурного состоянія дорогъ обходное движеніе не удалось. Русскіе отступили въ порядкѣ съ позиціи на позицію, хотя и преслѣдуемые на протяженіи трехъ миль. У нихъ выбыло убитыми и ранеными 5.000 человѣкъ, у французовъ — приблизительно столько же.

Военная сметка подсказала Наполеону, что у Кранна противъ него была лишь часть союзной арміи. Поэтому онъ былъ склоненъ думать, что упорная оборона этой позиціи имѣла цѣлью замаскировать либо отступленіе Блюхера къ Авеню, либо новое движеніе фельдмаршала къ Парижу на Ланъ, Ла Ферь и правый берегъ Уазы. Уже очищеніе безъ боя линіи Эня внушило Наполеону мысль, что Блюхеръ старается ускользнуть. Въ обоихъ случаяхъ, т.-е. въ случаѣ отступленія къ сѣверу, какъ и въ случаѣ движенія на Парижъ, Ланъ, намѣченный для различныхъ частей арміи скорѣе какъ сборный пунктъ, чѣмъ какъ оборонительная позиція, долженъ былъ быть занятъ лишь арьергардомъ. Императоръ уже не надѣялся, какъ восемь дней назадъ, „истребить силезскую армію“. Огромныя потери, понесенныя французами въ сраженіи при Краннѣ, гдѣ они имѣли дѣло лишь съ частью союзныхъ войскъ, доказывали съ очевидностью, что со всей этой арміей, да еще отдохнувшей и усиленной, нелегко будетъ справиться. Но если бы императору удалось овладѣть Ланомъ, нанести непріятельскому арьергарду новое пораженіе и отбросить Блюхера къ его операціонному базису, это былъ бы удовлетворительный результатъ, потому что тѣмъ самымъ былъ бы выручeнъ Парижъ, пруссаки принуждены къ отступленію и союзники устрашены. Тогда Наполеонъ, цѣлесообразно маневрируя, присоединилъ бы къ себѣ гарнизоны сѣверо-восточныхъ крѣпостей и затѣмъ вышелъ бы противъ праваго фланга главной непріятельской арміи, между тѣмъ какъ Ожеро атаковалъ бы ее съ лѣваго фланга, чрезъ Бургъ и Везуль.

9 марта Наполеонъ стоялъ передъ Ланомъ; но здѣсь въ грозной позиціи его ждалъ не арьергардъ, а вся армія Блюхера, возросшая благодаря присоединенію корпусовъ Бюлова и Винцингероде до 80.000 человѣкъ. Притомъ, бóльшая часть этихъ войскъ была скучена къ сѣверу и востоку отъ города, такъ что гора скрывала ихъ отъ Наполеона. Онъ упрямо стоялъ на своихъ первоначальныхъ догадкахъ и произвелъ нѣсколько атакъ, которыя были отбиты. Непріятель, введенный въ заблужденіе малочисленностью атакующихъ французовъ, и опасаясь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ подвергнуться нападенію болѣе значительныхъ силъ, весь день держался въ оборонительномъ положеніи. Ночью прусская колонна Іорка и

Клейста врасплохъ напали въ бивуакѣ на изолированный корпусъ Мармона, привели его въ страшное замѣшательство и съ боемъ гнали его до прохода Фестіё. Мармонъ потерялъ 3.000 человѣкъ и всю свою артиллерію. На слѣдующій день императоръ, у котораго не осталось и 25.000 человѣкъ, повелъ дѣло съ такой рѣшительностью, что смогъ безпрепятственно отступить къ Суассону.

Переходъ Наполеона въ наступленіе: Арси-на-Обѣ.—Французскія войска были всюду оттѣснены. Удино, разбитый у Баръ-сюр-Объ вслѣдствіе безобразной диспозиціи, соединился у Труа съ Макдональдомъ и Жераромъ; отсюда они отступили къ Ножану, затѣмъ къ Провену. Ожеро отступалъ къ Ліону, Мэзонъ къ Лиллю, Сультъ оставилъ безъ защиты Бордо, который горсть заговорщиковъ-роялистовъ вскорѣ выдастъ англичанамъ. Надо было быть Наполеономъ, чтобы при такихъ условіяхъ не почувствовать себя безвозвратно погибшимъ.

11 марта послѣ полудня императоръ вступилъ въ Суассонъ; 12-го онъ пополнилъ свою армію подкрѣпленіями, прибывшими изъ Парижа; 13-го онъ двинулся къ Реймсу, гдѣ истребилъ русско-прусскій корпусъ Сенъ-При.

Взятіе Реймса имѣло большое стратегическое значеніе, такъ какъ, овладѣвъ этимъ городомъ, Наполеонъ занялъ позицію на коммуникаціонной линіи обѣихъ непріятельскихъ армій; но еще болѣе важенъ былъ его моральный эффектъ. Оно смутило и ужаснуло союзниковъ. Блюхеръ, рѣшившійся, наконецъ, пуститься въ погоню за Наполеономъ и форсировать переходъ черезъ Энь, отозвалъ назадъ свои войска, уже выступившія въ путь, и сосредоточилъ ихъ подъ Ланомъ. Шварценбергъ пріостановилъ свое наступленіе противъ Макдональда. Итакъ, армія Наполеона, которую считали уже не существующей, съ быстротою молніи сокрушила корпусъ Сенъ-При и грозила русско-австрійскому флангу. Что же это? или Франція непрерывно рождаетъ новые батальоны? или эти гренадеры и драгуны чудомъ воскресли съ полей битвъ?

Теперь первоначальный планъ Наполеона—двинуться къ сѣверо-восточнымъ крѣпостямъ—снова оказывался осуществимымъ, подъ условіемъ внесенія въ него нѣкоторыхъ поправокъ. Главная русско-австрійская армія находилась такъ близко къ Парижу, что представлялось опаснымъ оставить Макдональда глазъ на глазъ съ этими полчищами до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ успѣетъ присоединить съ себѣ гарнизоны тѣхъ укрѣпленій. Но нельзя ли врасплохъ застигнуть Шварценберга среди его передвиженій, разбить порознь одинъ или два его корпуса и, пользуясь отступленіемъ русско-австрійской арміи, броситься въ Лотарингію? Уже утромъ 14 марта, т.-е. меньше, чѣмъ восемь часовъ по своемъ вступленіи въ Реймсъ, Наполеонъ рѣшилъ идти противъ Шварценберга; но еще до 17-го онъ колебался въ выборѣ мѣста нападенія. Идти ли къ Провену или къ Мо, соединиться тамъ съ корпусомъ Макдональда и атаковать врага въ лобъ, или же идти чрезъ Феръ-Шампенуазъ и Арси-на-Обѣ къ Мери или Труа, чтобы напасть на русско-австрійскую армію съ фланга или тыла? Первый планъ представлялся ему „наиболѣе надежнымъ", но онъ выбралъ второй, какъ „болѣе смѣлый".

Но главная непріятельская армія не дерзнула ждать его. 19-го, когда французская колонна тронулась изъ Феръ-Шампенуаза къ Булажу, русско-австрійская армія начала попятное движеніе къ Труа и Баръ-сюр-Объ. Такимъ образомъ, первая часть грандіозной операціи, задуманной Наполеономъ, не совсѣмъ удалась, потому что непріятель отступилъ еще быстрѣе, чѣмъ онъ атаковалъ его. Зато, въ основной своей части планъ его не былъ испорченъ. Если движеніе къ

Обу, представлявшее собою лишь подготовительный маневръ, оказалось недостаточно тайнымъ и быстрымъ, чтобы сдѣлать возможной фланговую или тыловую атаку, то посредствомъ этого движенія Наполеонъ, по крайней мѣрѣ, освободилъ Парижъ, соединился съ Макдональдомъ, удалилъ Шварценберга и навелъ страхъ на Блюхера. Все позволяло думать, что теперь онъ можетъ свободно располагать тѣми восемью днями, которые были ему нужны, чтобы дойти до своихъ сѣверовосточныхъ крѣпостей и оттуда свернуть въ тылъ главной непріятельской арміи. Хорошимъ предзнаменованіемъ являлась даже тревога, поднятая Шварценбергомъ, несмотря на то, что она спасла русско-австрійскую армію отъ частичнаго пораженія. Если приближеніе горсти людей, маневрирующихъ на его флангѣ, привело непріятельскаго главнокомандующаго въ такое волненіе, то каковъ будетъ его испугъ, когда Наполеонъ, усиливъ себя гарнизонами крѣпостей и присоединивъ къ себѣ корпуса Макдональда и Удино, Мармона и Мортье, атакуетъ его сзади съ 90.000 человѣкъ и съ помощью возставшихъ Лотарингіи, Аргонна и Бургундіи?

Наполеонъ рѣшилъ не мѣшать отступленію непріятеля и двинуться прямо къ своимъ крѣпостямъ на Витри, идя до Арси обоими берегами Оба. 20 марта, около полудня, Наполеонъ съ кавалеріей Себастіани и двумя небольшими дивизіями Нея прибылъ въ Арси (по лѣвому берегу)—и здѣсь внезапно атаковалъ его авангардъ богемской арміи.

Шварценбергу надоѣло скрываться, и онъ самовольно и вопреки всякому ожиданію рѣшилъ прервать свое отступленіе и дать сраженіе. Опрокинутые и затопленные потокомъ непріятельской конницы, слабые эскадроны Себастіани были охвачены паникой и въ безпорядкѣ поскакали къ Арсискому мосту. Императоръ, со шпагою въ рукѣ, стрѣлою промчался среди нихъ, опередилъ ихъ у самаго моста и здѣсь, обернувшись къ нимъ лицомъ, крикнулъ громовымъ голосомъ: „Кто изъ васъ перейдетъ мостъ раньше меня?“ Бѣглецы остановились, и Наполеонъ снова повелъ ихъ въ атаку на непріятеля. Вскорѣ затѣмъ показалась на правомъ берегу Оба старая гвардія. Ветераны Фріана и новобранцы Нея до ночи выдерживали, не уступая ни пяди, всѣ атаки вражескихъ полчищъ.

На слѣдующій день, съ прибытіемъ части небольшой императорской арміи, силы Наполеона достигли 28.000 ружей и сабель, но онъ занималъ угрожаемую позицію, съ рѣкою въ тылу, и имѣлъ передъ собою стотысячное непріятельское войско. Однако Шварценбергъ колебался напасть на него и рѣшился на атаку лишь послѣ полудня, когда увидѣлъ, что французы начинаютъ спокойно отступать. На войнѣ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, потеря времени—вещь непоправимая. Тщетно русско-австрійская армія быстро двинулась на врага: когда она стала подходить къ Обу, больше двухъ третей французскаго войка достигло уже праваго берега Оба. Отступленіе безстрашно прикрывали 6.000 испанскихъ ветерановъ генерала Леваля, укрѣпившіеся въ городѣ. Они покинули свой постъ лишь съ наступленіемъ ночи и, отступая, взорвали главный Арсискій мостъ.

20 марта Шварценбергъ не сумѣлъ сокрушить французскую армію, 21-го онъ, не двигаясь съ мѣста, далъ ей перейти рѣку на разстояніи выстрѣла своихъ безмолвныхъ пушекъ. Благодаря своей нераспорядительности и нерѣшимости онъ дважды въ продолженіе тридцати часовъ упустилъ случай одержать рѣшительную побѣду. Имѣя дѣло съ такимъ противникомъ, какъ бы велики ни были его силы, могъ ли Наполеонъ хоть на минуту отчаяться въ успѣхѣ?

Движеніе союзниковъ къ Парижу: двукратный бой у Ферь-Шампенуаза.—Два дня, слѣдовавшіе за сраженіемъ у Арси-на-

Обѣ, союзники оставались въ неизвѣстности относительно направленія, по которому двинулся Наполеонъ. Лишь 23 февраля послѣ полудня они узнали, что онъ перешелъ Марну и идетъ къ Сенъ-Дизье и Жуанвиллю съ цѣлью напасть сзади на ихъ главную армію. Получивъ это извѣстіе, Шварценбергъ созвалъ военный совѣтъ. Предложеніе, которое первымъ было высказано здѣсь, доказываетъ, что многіе изъ генераловъ союзной арміи растерялись совершенно. Сущность ихъ мнѣнія заключалась въ слѣдующемъ: „Наполеонъ стоитъ уже на нашей операціонной линіи; онъ опередилъ насъ двумя днями и угрожаетъ Шомону. Слѣдовательно, мы должны обезопасить наши сообщенія съ Швейцаріей посредствомъ параллельнаго форсированнаго марша на Вандёвръ, Баръ-на-Сенѣ и Шатильонъ. Отсюда мы двинемся либо къ Лангру, либо къ Дижону и Везулю". Эта операція представляла собою ничто иное, какъ отступленіе, притомъ—отступленіе крайне пагубное съ моральной и чрезвычайно опасное съ военной точки зрѣнія. По единодушному сужденію нѣмецкихъ, англійскихъ и русскихъ историковъ, оно повлекло бы за собою самыя тяжкія послѣдствія. Отступи союзная армія до Рейна и даже, какъ говорилъ Дибичъ, за него,—потеряны были бы плоды десяти сраженій, двухмѣсячной кампаніи, богемскую армію охватила бы деморализація, силезской арміей, которая одна осталась бы на французской территоріи, овладѣлъ бы паническій страхъ, обозы и магазины были бы разграблены, артиллерійскіе парки достались бы врагу, войска были бы преслѣдуемы и разъединяемы Наполеоновскими солдатами и тревожимы вооруженными крестьянами, пришли бы въ полное разстройство и подверглись бы всѣмъ ужасамъ паническаго бѣгства.

Однако великую опасность этого отступленія, кидающуюся въ глаза намъ на разстояніи вѣка, замѣтило и большинство членовъ совѣта. На обсужденіе былъ поставленъ другой планъ кампаніи, подсказанный приближеніемъ силезской арміи чрезъ Шалонъ. Рѣчь шла о томъ, чтобы совсѣмъ отказаться отъ коммуникаціонныхъ линій въ Швейцарію и открыть себѣ новыя—въ Голландію, чрезъ Шалонъ, Реймсъ и Монсъ. Для этого нужно было только соединиться съ арміей Блюхера, послѣ чего обѣ арміи дружно двинулись бы противъ Наполеона и дали бы ему сраженіе между Витри и Мецомъ. Послѣ краткихъ преній совѣтъ принялъ этотъ планъ, который, хотя и былъ для союзниковъ много выгоднѣе перваго,—какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ и замысламъ, и предсказаніямъ Наполеона. Его ловкій маневръ удался—союзники пошли на удочку: они послѣдуютъ за нимъ подъ выстрѣлы крѣпостныхъ орудій. И теперь, какъ въ предыдущія кампаніи, увѣнчанныя великими побѣдами, войну направлялъ Наполеонъ, заставляя противниковъ исполнять его волю и, такъ сказать, диктуя непріятельскимъ арміямъ ихъ собственныя движенія.

Къ несчастію, случайное происшествіе открыло глаза союзникамъ. Казаки, поймавъ гонца изъ Парижа, нашли у него пакетъ съ депешами, адресованными Наполеону. Это были конфиденціальныя сообщенія высшихъ сановниковъ имперіи, крайне удрученныя и изображавшія положеніе дѣлъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Здѣсь говорилось объ истощеніи казначейства, арсеналовъ и магазиновъ, о разореніи народа, о сильномъ броженіи и возрастающемъ недовольствѣ парижскаго населенія. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, подписанномъ, какъ говорятъ, герцогомъ Ровиго, сообщалось, что въ Парижѣ есть группа вліятельныхъ лицъ, обнаруживающая открытую вражду къ императору и могущая стать чрезвычайно опасной въ томъ случаѣ, если бы непріятель приблизился къ столицѣ. Такія же свѣдѣнія уже

раньше получилъ императоръ Александръ отъ роялистскихъ эмиссаровъ, вродѣ барона Витролля; но онъ не далъ имъ вѣры. Теперь, когда они подтверждались болѣе достовѣрными свидѣтельствами, съ ними можно было считаться. Царь цѣлую ночь обдумывалъ новый планъ, состоявшій въ томъ, чтобы рѣшительно идти на Парижъ, игнорируя армію Наполеона; на утро, 24 марта, твердо рѣшившись, онъ убѣдилъ Шварценберга принять этотъ планъ. Было рѣшено, чтобы главная союзная армія и армія Блюхера завтра же начали параллельное движеніе къ Парижу, между тѣмъ какъ генералъ Винцингероде съ конницей въ 10.000 чел., орудіями и отрядомъ пѣхоты послѣдуетъ за Наполеономъ въ направленіи къ Сенъ-Дизье, всѣми возможными способами внушая ему мысль, что его преслѣдуетъ вся союзная армія.

Утромъ 25 марта русско-австрійскій авангардъ встрѣтилъ близъ Феръ-Шампенуаза небольшіе отряды Мармона и Мортье, которые, согласно приказанію Наполеона, шли съ Эня къ Марнѣ на соединеніе съ императорской арміей. Атакованные вражескими полчищами, эти 16.000 человѣкъ пришли въ полное разстройство. Обоимъ маршаламъ удалось собрать ихъ позади Феръ-Шампенуаза. Мармонъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о положеніи Наполеона. По соглашенію съ Мортье онъ благоразумно рѣшилъ отступить къ Парижу.

Въ этотъ самый день, пока авангардъ Шварценберга отбрасывалъ Мармона, происходило и другое сраженіе, къ сѣверу отъ Феръ-Шампенуаза, между авангардомъ Блюхера и дивизіями Панто и Амея, силившимися соединиться съ императорской арміей. Эти двѣ дивизіи, состоявшія изъ 3.300 національныхъ гвардейцевъ, 800 рекрутовъ и 200 солдатъ 54-го линейнаго полка, въ общемъ 4.300 ружей, построившись въ шесть карре, сначала отразили атаки непріятельской конницы. Но такъ какъ къ атакующимъ безпрерывно подходили на подкрѣпленіе новые батальоны, то французы начали подъ градомъ картечи отступать къ Феръ-Шампенуазу въ огненномъ кругу непріятельской конницы. Теперь приходилось уже не только отражать ея атаки, но и пробиваться сквозь ея полчища. Такъ шли національные гвардейцы пять часовъ подъ градомъ ядеръ, каждые четверть часа атакуемые конницей. Подойдя ближе къ Феръ-Шампенуазу, они очутились лицомъ къ лицу съ русской и прусской конной гвардіей. Отступить къ Феръ-Шампенуазу оказывалось невозможнымъ. Панто рѣшилъ энергическимъ усиліемъ высвободить свой правый флангъ и добраться до Сенъ-Гондскихъ болотъ.

Къ этому времени французы потеряли уже больше трети своихъ силъ и составляли только четыре карре, такъ какъ три изъ шести карре настолько порѣдѣли, что должны были слиться въ одно. И вотъ они стоически двинулись въ новомъ направленіи. Еще разъ пришлось пробиваться чрезъ массу русскихъ и пруссаковъ. Шесть километровъ прошли они въ этомъ вихрѣ коней. Врагъ лишь на минуты прерывалъ свои атаки, чтобы давать возможность батареямъ осыпать картечью безстрашные батальоны. Послѣ каждаго залпа пѣхотинцы смыкали ряды и принимали русскую конницу на свои штыки, искривленные безчисленными ударами, и, отразивъ атаку, снова нѣкоторое время двигались впередъ. Только одно карре, разстроенное орудійнымъ огнемъ, было опрокинуто; солдаты продолжали защищаться и были почти всѣ перебиты. Остальные три карре уже подходили къ болотамъ, когда генералъ Депрерадовичъ съ однимъ кирасирскимъ полкомъ и частью резервныхъ батарей, легко обогнавъ ихъ близъ Баннъ, вдругъ преградилъ имъ путь огнемъ изъ 48 орудій. Залпы открыли просвѣты въ этой живой стѣнѣ, и конница ворвалась въ

Ф. П. С. Жераръ.

Императрица Марія Луиза.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

эти бреши и принялась рубить разъединенныхъ солдатъ, которые защищались одинъ на одинъ, стараясь пробиться къ находившимся по близости болотамъ.

Изъ этихъ 4.300 человѣкъ, которые прошли семь миль, отбиваясь сначала противъ 5.000, потомъ 10.000, потомъ 20.000 всадниковъ, поддерживаемыхъ сильной артиллеріей, 500 удалось добраться до болотъ, 1.500—въ большинствѣ раненыхъ—сдались послѣ отчаяннаго сопротивленія, и больше 2.000 легли на полѣ битвы. Исторія войнъ эпохи революціи и имперіи не представляетъ ни одного столь необычайнаго эпизода, ни одной столь героической страницы. Въ эту удивительную французскую кампанію безстрашіе солдатъ сравнялось съ геніальностью ихъ вождя.

III.—Отреченіе.

Регентство и оборона Парижа.—Со времени отъѣзда Наполеона въ дѣйствующую армію бразды правленія номинально находились въ рукахъ императрицы, облеченной правами регентства въ силу рескрипта 23 января, фактически—въ рукахъ короля Жозефа, объявленнаго намѣстникомъ императора,—далѣе, въ рукахъ великаго канцлера, даннаго въ совѣтники Маріи-Луизѣ, и министровъ внутреннихъ дѣлъ, военнаго и полиціи. Однако, какъ ни былъ императоръ поглощенъ неотложными заботами по управленію арміей,—рѣдкій день онъ не писалъ Жозефу, Кларку, Монталивэ, Ровиго по всевозможнымъ военнымъ, административнымъ и политическимъ вопросамъ. Но находясь вдали отъ Парижа и недостаточно освѣдомленный донесеніями, иногда черезчуръ оптимистическими, а чаще черезъ мѣру тревожными, онъ могъ давать только общія указанія и совѣты, а не точныя и формальныя приказанія. Результатомъ было то, что его почти не слушали, и его распоряженія, исключая тѣхъ, которыя касались посылки въ императорскую армію подкрѣпленій и военныхъ запасовъ, исполнялись плохо. Объ его инструкціяхъ спорили, ихъ обходили или клали въ долгій ящикъ. Въ годы славы слѣпо полагались на геній и счастіе императора, и безъ разсужденій исполняли его приказы. Неудачи умалили это довѣріе: слуги не слушались его и, отвыкнувъ мыслить и дѣйствовать самостоятельно, не знали, что дѣлать.

Вотъ почему 28 марта, когда непріятель очутился въ двухъ переходахъ отъ Парижа, постройка ретраншементовъ еще не была начата, двѣ трети національной гвардіи не были ни вооружены, ни даже сформированы, гарнизонъ состоялъ всего изъ 13.000 запасныхъ, въ артиллеріи не хватало лошадей, населеніе было терроризовано неумными статьями официальныхъ газетъ, которыя, подъ предлогомъ возбужденія патріотизма, усиливали страхъ, наконецъ заговорщики, немногочисленные, но смышленные, стояли наготовѣ, ожидая только подходящей минуты.

Въ совѣтѣ регентства Жозефъ прочиталъ письмо императора отъ 16 марта, гласившее, что, если Парижу будетъ угрожать серьезная опасность, регентша, король римскій, высшіе сановники, министры, высшіе чины сената и двора должны удалиться къ Луарѣ. Эти распоряженія скрывали въ себѣ большой рискъ, который Жозефъ еще усугубилъ, исполнивъ ихъ лишь наполовину. Онъ рѣшилъ, что императрица и король римскій на слѣдующій день утромъ, 29 марта, одни уѣдутъ съ Камбасересомъ, остальныя же лица, указанныя въ письмѣ императора, останутся въ Парижѣ, пока каждый изъ нихъ отдѣльно получитъ отъ Жозефа приказаніе выѣхать. Между тѣмъ не трудно было предвидѣть, что среди неурядицы и тревоги штурмовъ разсылка этихъ приказовъ будетъ сильно тормозиться и что, во всякомъ случаѣ, каждому легко

будетъ уклониться отъ исполненія такого приказа. Такимъ образомъ, отсрочивъ выѣздъ главныхъ сановниковъ и высшихъ чиновъ сената, особенно же Талейрана, Жозефъ открылъ полный просторъ всяческимъ интригамъ.

Сраженіе и капитуляція Парижа.— Утромъ 30 марта союзная армія въ 110.000 чел. двумя главными колоннами подступила къ Парижу чрезъ Бонди и Буржэ. Небольшіе корпусы Мармона и Мортье, прибывшіе наканунѣ вечеромъ, увеличили оборонительныя силы города до 42.000 чел., включая и національную гвардію, и канонировъ-инвалидовъ, и учениковъ Политехнической и Альфортской школъ. Жозефъ счелъ нужнымъ оставить за собою командованіе, хотя и предоставилъ двумъ маршаламъ полную свободу въ отношеніи выбора позицій. Мармонъ развернулъ свой отрядъ поперекъ возвышенности Роменвилля, Мортье расположилъ свой на холмахъ Шомона, у Ла-Вильетта и Ла-Шапелля. Конница Бельяра и Орнано прикрывала лѣвый флангъ до Сены. Монмартрскіе холмы, гдѣ находился король Жозефъ, занимала національная гвардія. На югѣ Мармонъ, еще только одинъ подвергшійся серьезной атакѣ, съ видимымъ успѣхомъ держался на своихъ позиціяхъ. Положеніе дѣлъ было удовлетворительно, какъ вдругъ Жозефъ, напуганный рѣзкимъ ультиматумомъ царя, прислалъ обоимъ маршаламъ „полномочіе" вступить въ переговоры съ русскимъ императоромъ и отойти къ Луарѣ. Самъ онъ тотчасъ выѣхалъ по направленію къ Рамбулье чрезъ Рульскую заставу и Булонскій лѣсъ.

Мармонъ считалъ себя въ силахъ продлить сопротивленіе до ночи; онъ положилъ записку Жозефа въ карманъ и продолжалъ отбиваться съ величайшей энергіей. Лишь въ четыре часа, будучи вынужденъ далеко отступить съ фронта и будучи обойденъ съ обоихъ боковъ, онъ, скрѣпя сердце, рѣшился послать парламентеровъ. Тѣмъ временемъ Мортье, тѣснимый съ позиціи на позицію, сосредоточилъ свои войка передъ заставой Сенъ-Дени, а Монсэ съ національной гвардіей и канонирами - инвалидами мужественно отстаивалъ заставу Клиши. Но скоро огонь прекратился въ силу молчаливаго перемирія. Регулярныя войска начали очищать Парижъ, уходя по дорогѣ на Фонтенебло. Капитуляція, условія которой были выработаны къ 6 часамъ вечера, была подписана ночью въ 2 часа.

Парижскій бой, имѣвшій такія громадныя послѣдствія, съ военной точки зрѣнія представляетъ собою незначительный эпизодъ. Это была лишь серія стычекъ безъ одного общаго плана со стороны нападающихъ и безъ систематическаго единства со стороны обороняющихся. Однако не слѣдуетъ забывать, что по числу дѣйствующихъ силъ и по потерямъ съ обѣихъ сторонъ (девять тысячъ убитыми и ранеными у союзниковъ, девять тысячъ у французовъ) парижское сраженіе было крупнѣйшимъ и наиболѣе кровопролитнымъ во всю эту кампанію. Къ несчастію, Наполеонъ не командовалъ здѣсь.

Возвращеніе императора въ Парижъ. — Наполеонъ, маневрируя за Марною, истребилъ у Сенъ-Дизье корпусъ Винцингероде, но лишь 27 марта узналъ о движеніи союзниковъ къ Парижу.

Съ начала кампаніи въ его умѣ, чередуясь, брали верхъ два противоположныхъ плана: защищать Парижъ, или оставить его на произволъ судьбы. Онъ говорилъ: „Если непріятель дойдетъ до Парижа, — конецъ имперіи"; въ другой разъ онъ писалъ: „Никогда Парижъ не будетъ занятъ, пока я живъ". Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неоднократно дѣлалъ точныя распоряженія насчетъ выѣзда императрицы и правительства, и когда, 21 марта, возобновилъ свое движеніе къ Марнѣ, — онъ зналъ, что это движеніе равно можетъ и выручить Парижъ, и отдать его въ руки врага. И рѣшаясь пожертвовать своей столицей, онъ дѣлалъ

это въ надеждѣ, что въ концѣ концовъ ему все же не придется принести эту опасную жертву. Но роковой часъ пробилъ неожиданно быстро. Тогда Наполеономъ снова овладѣло сомнѣніе: идти ли форсированными маршами назадъ къ Парижу? поспѣетъ ли онъ еще во-время? не овладѣютъ ли къ тому времени Парижемъ союзники, опередившіе его на три дня? или лучше оставить попеченіе о Парижѣ, какъ русскій царь пренебрегъ Москвой, и продолжать начатое движеніе? Союзники очистили всю территорію отъ Іонны до Марны и отъ Сены до Мерты. Онъ могъ теперь двѣ недѣли свободно маневрировать, истребить отступающія колонны, захватить обозъ и магазины, вернуть занятые врагомъ города, присоединить къ себѣ крѣпостные гарнизоны, провозгласить всеобщее ополченіе. Въ Лотарингіи, Шампани, Эльзасѣ и Бургундіи 30.000 крестьянъ, вооруженныхъ охотничьими ружьями, вилами и косами, взывали о мести и готовы были начать ту „императорскую Вандею", вѣрнѣе сказать — національную, возможность которой наводила смертельный ужасъ на непріятеля.

Все заставляетъ думать, что, будь рѣшеніе Наполеона вполнѣ свободно отъ постороннихъ вліяній, онъ остался бы на Марнѣ. Но онъ уступилъ тревогѣ, унынію и недовольству, царившимъ въ его штабѣ. Если солдаты и громадное большинство офицеровъ были и теперь еще готовы на всякія жертвы, то маршаламъ и генераламъ, за немногими исключеніями, надоѣло сражаться. Они понимали, что маневрировать въ Лотарингіи значило надолго затянуть войну.

Утромъ 28 марта войска двинулись къ Парижу. До Вильнева-на-Іоннѣ императоръ ѣхалъ при войскѣ по-военному, но здѣсь, снѣдаемый нетерпѣніемъ, онъ бросилъ свой ничтожный отрядъ и ускакалъ на почтовыхъ лошадяхъ съ Коленкуромъ, Друо, Лефевромъ, Флаго и Гурго.

Ночью съ 30 на 31 марта, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по дорогѣ, пока мѣняли лошадей на станціи Куръ-де-Франсъ, онъ встрѣтилъ кавалерійскій отрядъ: начальникъ послѣдняго, Бельяръ, спѣшилъ приготовить квартиры для арміи, очищавшей Парижъ въ силу капитуляціи. Онъ разсказалъ Наполеону о событіяхъ этого дня. Въ первую минуту, обезумѣвъ отъ бѣшенства, императоръ рѣшилъ во что бы то ни стало ѣхать въ Парижъ, созвать туда войска, вооружить народъ и разорвать договоръ о сдачѣ; но затѣмъ онъ понялъ, что это—лишь героическая мечта. Онъ уѣхалъ въ Фонтенебло, предварительно пославъ въ Парижъ герцога Виченцскаго съ полномочіемъ „выработать и заключить миръ".

Вступленіе союзниковъ въ Парижъ; учрежденіе временнаго правительства.—31 марта, около девяти часовъ утра, въ Парижѣ началъ распространяться слухъ, что заключена капитуляція и что русскій императоръ, очень хорошо принявъ муниципалитетъ, обѣщалъ ему для населенія полную неприкосновенность личности и имущества; царь заявилъ де, что беретъ Парижъ подъ свое покровительство. Сквозь страстныя преувеличенія современныхъ мемуаровъ легко разглядѣть истинныя чувства большинства парижанъ. То не было ни непристойное ликованіе, какое обуяло роялистовъ, ни глухой гнѣвъ, терзавшій сердце немногихъ патріотовъ: то было глубокое успокоеніе, умственное и нервное. Послѣдніе два мѣсяца грабежи, насилія надъ женщинами, убійства, поджоги, всевозможныя преступленія и ужасы распространяли небывалую тревогу. И вдругъ, въ одно мгновеніе это долгое томленіе улеглось. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣялась и шаткая надежда на побѣду; но возстановленіе безопасности далеко перевѣшивало горечь обманутыхъ надеждъ и униженій. Да тутъ и не разсуждали: впору было свободно вздохнуть.

А сторонники Бурбоновъ, разумѣется, приготовили побѣдоносному врагу тріумфальный въѣздъ. Имъ дали знать, что необходимо организовать роялистское движеніе, чтобы закрѣпить рѣшеніе союзныхъ государей. И вотъ, съ утра наиболѣе предпріимчивые изъ нихъ, украсившись королевскими цвѣтами, бѣгали по бульварамъ, крича: „да здравствуетъ король!“ и предлагая всѣмъ прохожимъ бѣлыя кокарды и повязки. Отъ площади Согласія до улицы Ришелье манифестанты приманили не многихъ, а дальше ихъ встрѣчали ропотомъ, угрозами и побоями. Тѣмъ временемъ союзники вступили въ Парижъ. Оказалось, что они приготовили роялистамъ великолѣпный сюрпризъ: на всѣхъ солдатахъ были бѣлыя ручныя повязки. Дѣло въ томъ, что утромъ въ день сраженія при Ла-Ротьерѣ англійскій офицеръ, какъ говорили, былъ раненъ казакомъ; и вотъ, во избѣжаніе путаницы, могущей произойти отъ великаго количества разнообразныхъ формъ обмундированія, приказано было всѣмъ офицерамъ и солдатамъ союзныхъ войскъ надѣть бѣлыя повязки. Такимъ образомъ, къ пяти или шести стамъ бѣлымъ кокардамъ роялистовъ вдругъ прибавилось 100.000 бѣлыхъ повязокъ.

Этотъ случайный фактъ произвелъ свое дѣйствіе. Когда толпа, привлеченная любопытствомъ на бульвары, увидѣла первые ряды солдатъ съ бѣлыми повязками на рукавахъ, ропотъ противъ бѣлыхъ кокардъ, столь сильный утромъ, сразу ослабѣлъ. Многіе, кто раньше отвергъ роялистскія эмблемы, теперь сами нацѣпили ихъ на себя, одни — думая тѣмъ обезпечить себя противъ насилій со стороны казаковъ, другіе — въ знакъ мира. Одинъ русскій историкъ замѣчаетъ, что бѣлая повязка на войскахъ, хотя и была лишена всякаго политическаго значенія, тѣмъ не менѣе оказала услугу партіи Бурбоновъ, породивъ двойное недоразумѣніе: при видѣ этой эмблемы парижане увѣровали, что Европа подняла оружіе въ защиту Бурбоновъ, и съ другой стороны, украсивъ себя бѣлыми кокардами и повязками изъ страха или во свидѣтельство мира, вопреки своимъ убѣжденіямъ, они внушили союзникамъ мысль, что роялистовъ много. Такъ обѣ стороны были взаимно одурачены.

Послѣ смотра на Елисейскихъ поляхъ, во время котораго нѣсколько аристократовъ, въ томъ числѣ маркизъ Мобрейль, привязавшій къ хвосту своей лошади крестъ Почетнаго легіона, сбрасывали съ колонны Великой арміи статую Наполеона,—государи и дипломаты собрались у Талейрана. Прусскій король и князь Шварценбергъ сѣли, имѣя съ правой стороны Дальберга, Нессельроде, Поццо ди Борго и Лихтенштейна, съ лѣвой — принца Беневентскаго. Царь ходилъ взадъ и впередъ. Остановившись, онъ сказалъ, что на выборъ представляются три возможности: заключить миръ съ Наполеономъ, принявъ противъ него всяческія мѣры предосторожности, или назначить регентшей императрицу Марію-Луизу, или призвать Бурбоновъ. Талейранъ безъ труда убѣдилъ присутствующихъ, уже заранѣе къ тому подготовленныхъ, что миръ съ Наполеономъ не дастъ никакихъ гарантій. „Не менѣе опасно для спокойствія Европы,—сказалъ онъ,—будетъ и регентство, такъ какъ подъ именемъ Маріи-Луизы царствовать будетъ императоръ“. Онъ кончилъ тѣмъ, что все будетъ палліативомъ, исключая возстановленія Бурбоновъ, которые „олицетворяютъ собою принципъ“. Это удачное слово не могло не произвести впечатлѣнія на царя, который самъ олицетворялъ собою принципъ. Однако Александръ возразилъ, что онъ не желаетъ насиловать Францію, которая, какъ ему кажется, не расположена къ Бурбонамъ. Онъ напомнилъ, что, исключая нѣсколькихъ старыхъ эмигрантовъ, онъ всюду въ провинціяхъ замѣчалъ вражду противъ ка-

кой бы то ни было реставраціи. Революція въ Бордо, бѣлыя кокарды на Итальянскомъ бульварѣ, прошенія, поданныя ему прекрасными парижанками на площади Согласія,—все было вытѣснено изъ его ума воспоминаніемъ о національныхъ гвардейцахъ, падавшихъ при Феръ-Шампенуазѣ подъ картечью съ кличемъ: „Да здравствуетъ императоръ!“ Эта героическая сцена произвела на него глубокое впечатлѣніе. Онъ разсказалъ ее присутствующимъ. Тутъ Талейранъ выдвинулъ подкрѣпленіе. Въ залу вошли Прадтъ и баронъ Луи; на вопросъ царя они заявили, что Франція проникнута роялизмомъ, но неопредѣленность положенія донынѣ мѣшала народу изъявить свою волю. Александръ далъ убѣдить себя.

Итакъ, рѣшено было произвести государственный переворотъ. Оставалось только изыскать способъ его осуществленія. Но Талейранъ уже позаботился объ этомъ. Онъ доложилъ государямъ, что сенатъ, гдѣ онъ пользуется значительнымъ вліяніемъ, готовъ объявить Наполеона низложеннымъ, подъ условіемъ, чтобы сенаторамъ было дано ручательство, что императоръ никогда не вернется на престолъ. Талейранъ зналъ мѣру храбрости сенаторовъ; онъ зналъ, что безъ письменной гарантіи они не рѣшатся на этотъ опасный шагъ. — „Разъ дѣло стоитъ такъ,—сказалъ Александръ,—я заявляю, что болѣе не стану вести переговоровъ съ Наполеономъ“.

Тотчасъ же была составлена декларація, гласившая, что союзные государи отказываются вести переговоры съ Наполеономъ или кѣмъ-либо изъ членовъ его семьи, и приглашавшая сенатъ намѣтить временное правительство, которое могло бы выработать новую конституцію. Эта декларація, бывшая всецѣло созданіемъ Талейрана, не только снимала съ сената всякій страхъ, но и диктовала ему его дальнѣйшее поведеніе. Это было ручательство и вмѣстѣ приказъ. Завѣреніе, что условія мира будутъ мягки, если Франція изберетъ себѣ „разумное правительство“ (эвфемизмъ вмѣсто „Бурбоны“), приглашало гражданъ даже наиболѣе враждебныхъ этому „разумному правительству“ принять его изъ патріотическаго самоотреченія, какъ выкупъ за Францію. Чтобы пощадить самолюбіе французовъ, декларація лгала, будто „государи считаютъ своимъ долгомъ исполнить волю націи“; чтобы успокоить либераловъ относительно возможности мести со стороны стараго порядка, она обѣщала: „Государи гарантируютъ конституцію, какую выработаетъ себѣ французскій народъ“.

Вечеромъ 31 марта Талейранъ частью пригласилъ къ себѣ, частью опросилъ чрезъ довѣренное лицо наиболѣе вліятельныхъ членовъ сената. Прежде чѣмъ созвать сенатъ на завтра въ качествѣ его вице-президента и vice-grand électeur, онъ хотѣлъ убѣдиться въ его полной покорности. Необходимо было устроить такъ, чтобы въ засѣданіи не обнаружилось ни колебаній, ни разногласій, чтобы рѣшеніе состоялось, такъ сказать, безъ словъ; поэтому нужно было все уладить заранѣе. Въ этотъ же вечеръ Талейранъ выбралъ будущихъ членовъ временнаго правительства, имѣя въ виду санкціонировать свой выборъ постановленіемъ сената. На слѣдующій день собрался сенатъ. Онъ насчитывалъ 140 членовъ, изъ коихъ около 90 находились въ Парижѣ. На засѣданіе явились, по незаконному приглашенію принца Беневентскаго, 64 члена, въ томъ числѣ два маршала имперіи, Серюрье и герцогъ Вальми. Талейранъ произнесъ или, вѣрнѣе, прочиталъ короткую рѣчь—неподражаемый образчикъ безсмыслицы и общихъ мѣстъ. Самый предметъ обсужденія едва былъ намѣченъ въ ней; впрочемъ, не нужно было ни поясненій, чтобы освѣдомить, ни краснорѣчія, чтобы убѣдить сенаторовъ: они уже все знали и все рѣшили про себя.

Сенатъ безъ преній постановилъ, что должно быть организовано временное правительство для завѣдованія администраціей и для выработки проекта конституціи. На третій день сенатъ, по наущенію Талейрана, вотировалъ декретъ о низложеніи Наполеона. Палата, или, вѣрнѣе, 79 депутатовъ, созванныхъ временнымъ правительствомъ, также объявила Наполеона лишеннымъ престола.

Отреченіе.—Въ Парижѣ воцарилось временное правительство, въ Блуа функціонировало регентство, въ трехъ четвертяхъ Франціи народъ признавалъ императорскую власть, а въ Фонтенебло Наполеонъ собралъ 60.000 штыковъ съ цѣлью уничтожить декреты сената.

Несмотря на свой громадный численный перевѣсъ, союзники не торопились идти на льва въ его берлогѣ. Царь, ставшій вершителемъ судебъ Франціи, былъ упоенъ тріумфомъ. Онъ достигъ своей цѣли—онъ вступилъ въ Парижъ во главѣ своей гвардіи. Онъ достославно кончилъ „отечественную войну". Впредь онъ, если и не отказывался рѣшительно, то колебался проливать кровь своихъ солдатъ въ чисто-политической войнѣ и за дѣло, къ которому онъ до сихъ поръ былъ равнодушенъ. Вопреки стараніямъ временнаго правительства онъ дважды принялъ Коленкура. Категорически отвергая его предложеніе вступить въ переговоры съ Наполеономъ, онъ однако намекалъ на возможность учрежденія регентства. Прощаясь съ Коленкуромъ, онъ совѣтовалъ ему привезти отреченіе Наполеона, и тогда, сказалъ онъ, „можно будетъ поговорить о регентствѣ".

Эти слова были не довольно опредѣленны, чтобы заставить Наполеона подписать отреченіе. Тщетно Коленкуръ умолялъ его; онъ рѣзко отвергалъ совѣты и просьбы. Онъ твердо рѣшилъ еще разъ попытать военное счастіе. Его горячее воззваніе по окончаніи смотра, произведеннаго имъ войску 3 апрѣля во дворѣ Cheval—Blanc, наэлектризовало солдатъ, которые, пылая местью, поклялись лечь костьми подъ развалинами Парижа.

Маршаламъ такое желаніе было совершенно чуждо. Слухъ о томъ, что императоръ отказывается отречься въ пользу своего сына, проникъ въ штабы и вызвалъ здѣсь крайнее недовольство. 4 апрѣля, послѣ парада, Ней, Лефевръ, Макдональдъ, Монсэ и Удино послѣдовали за императоромъ и ворвались въ его кабинетъ, куда онъ только что вернулся съ Бертье, Бассано, Коленкуромъ и Бертраномъ.—Ней, выступивъ отъ имени своихъ товарищей, заявилъ Наполеону, что онъ долженъ отречься отъ престола. Наполеонъ, сохраняя хладнокровіе, изложилъ свой планъ кампаніи и пытался убѣдить маршаловъ. Споръ все болѣе разгорался. Тутъ Ней вспылилъ и грубо заявилъ, что армія не двинется къ Парижу, что она „послушается только своихъ генераловъ". Гренадеры заняли дворецъ. Наполеонъ зналъ, что ему стóитъ лишь приказать офицеру караула, и маршалы, дерзающіе грозить ему, будутъ немедленно арестованы. Но поведеніе его старыхъ соратниковъ еще болѣе огорчило, чѣмъ разгнѣвало его; его сердце преисполнилось горечи. Онъ сухо отпустилъ маршаловъ и, оставшись одинъ съ Коленкуромъ, написалъ заявленіе объ условномъ своемъ отреченіи въ пользу Наполеона II подъ регентствомъ Маріи-Луизы.

Коленкуру, Нею и Макдональду поручилъ онъ отвезти этотъ актъ русскому царю и добиться провозглашенія регентства; въ Эссоннѣ они должны были присоединить къ себѣ, въ качествѣ четвертаго уполномоченнаго, герцога Рагузскаго. Но послѣдній только что совершилъ предательство, и по отношенію не къ одному Наполеону: сдавшись на увѣщанія роялистскихъ эмиссаровъ, онъ письменно обязался доставить свой корпусъ въ линію австрійскихъ позицій; согласно отданнымъ распоряженіямъ, переходъ

долженъ былъ быть произведенъ ночью, чтобы несчастные солдаты, жертвы этой измѣны, ничего не могли замѣтить, пока не будутъ окружены непріятелемъ. Мармонъ, назначенный уполномоченнымъ императора, уѣхалъ въ Парижъ, приказавъ дивизіоннымъ командирамъ своего войска пріостановить движеніе и не трогаться съ мѣста до его возвращенія. Однако, считая себя слишкомъ опороченнымъ, чтобы предстать передъ царемъ, онъ отказался сопровождать Коленкура и двухъ маршаловъ на аудіенцію, которая была имъ дана въ ночь съ 4 на 5 апрѣля.

Ней, Коленкуръ и Макдональдъ горячо ходатайствовали за учрежденіе регентства. Царь былъ поколебленъ. Онъ отложилъ отвѣтъ на завтра. 5 апрѣля, когда трое уполномоченныхъ снова вошли въ его кабинетъ, онъ сказалъ имъ: „Господа, прося меня о регентствѣ, вы опираетесь на непоколебимую преданность войскъ императорскому престолу. Ну, вотъ: авангардъ Наполеона только что предался. Въ эту минуту онъ уже въ нашихъ позиціяхъ“. Дѣло въ томъ, что генералы 6-го корпуса, устрашенные мыслью, что имъ довѣрена такая тайна, произвели предположенное движеніе и въ отсутствіе герцога Рагузскаго осуществили его предательство. „Я отдалъ бы руку, чтобы этого не случилось“, сказалъ Мармонъ. — „Руку! — сурово отвѣчалъ ему Макдональдъ,—скажите: голову,—и это будетъ только справедливо“.

Мысль о регентствѣ была оставлена. Наполеонъ, все еще жаждавшій рѣшить споръ оружіемъ, выражалъ желаніе удалиться за Луару. Двадцать четыре часа боролся онъ съ волею своихъ окружающихъ; наконецъ, 6 апрѣля днемъ онъ написалъ актъ отреченія: „Въ виду заявленія союзныхъ державъ, что императоръ Наполеонъ является единственнымъ препятствіемъ къ возстановленію мира въ Европѣ, императоръ Наполеонъ, вѣрный своей присягѣ, заявляетъ, что онъ отказывается за себя и своихъ наслѣдниковъ отъ престоловъ Франціи и Италіи, такъ какъ нѣтъ личной жертвы, не исключая даже жертвы собственной жизнью, которой онъ не былъ бы готовъ принести благу Франціи“.

Въ тотъ же день сенатъ провозгласилъ королемъ Людовика XVIII. О томъ, что Наполеонъ еще живъ, знали, повидимому, только герцогъ Бассано, нѣсколько адъютантовъ и нѣсколько генераловъ. Генералы и высшіе сановники имперіи наперегонки спѣшили выразить публичное одобреніе мѣрамъ временнаго правительства и заявить о своей преданности королю. Наполеонъ оставался почти одинъ въ своемъ опустѣвшемъ дворцѣ въ Фонтенебло. Въ ночь съ 12 на 13 апрѣля онъ сдѣлалъ попытку отравиться, но ядъ, который онъ носилъ при себѣ со времени отступленія отъ Москвы, потерялъ свою силу. Онъ рѣшилъ жить— и подписалъ такъ называемый Фонтенеблоскій договоръ, признававшій за нимъ суверенныя права надъ островомъ Эльбою. Цезарю подарили державу Санчо-Пансы!

Въ полдень 20 апрѣля во дворѣ Cheval—Blanc Наполеонъ простился со своей старой гвардіей. Ветераны уже не кричали: „Да здравствуетъ императоръ!“, но ихъ искаженныя болью лица, глаза, полные слезъ, и угрюмое молчаніе, прерванное всхлипываніями въ ту минуту, когда онъ обнялъ побѣжденное знамя, выразили всю любовь, всю скорбь, весь гнѣвъ арміи.

Глава XI.

Первая Реставрація и возвращеніе съ острова Эльбы.

1814—1815 гг.

I. Восшествіе на престолъ Людовика XVIII.

Сентъ-уанскій манифестъ.—Заявивъ, что только Бурбоны олицетворяютъ собою „принципъ“, Талейранъ относился однако нѣсколько недовѣрчиво къ принципамъ Бурбоновъ. Вотъ, почему онъ потребовалъ гарантій. 6 апрѣля онъ провелъ въ сенатѣ актъ, которымъ „на престолъ свободно призывался Людовикъ-Станиславъ-Ксаверій французскій“; актъ этотъ представлялъ собою настоящую конституцію и содержалъ въ себѣ указаніе, что король будетъ провозглашенъ послѣ принесенія присяги въ томъ, что онъ самъ будетъ признавать конституцію и слѣдить, чтобы ее признавали другіе. Графъ д'Артуа, объявившій себя собственною своею властью королевскимъ намѣстникомъ, вступилъ 12 апрѣля въ Парижъ, не будучи офиціально признанъ въ своемъ званіи. Сенатъ желалъ, чтобы принцъ предварительно принялъ именемъ своего брата новую конституцію. Графъ д'Артуа, признававшій только божественное право, не соглашался на это. Чтобы сломить его сопротивленіе, понадобилось категорическое заявленіе русскаго императора. 14 апрѣля онъ покорился и принялъ сенатъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Онъ заявилъ сенаторамъ: „Я не получилъ отъ короля полномочій принять конституцію, но я знаю его чувства и не боюсь вызвать его неодобреніе, если заявлю отъ его имени, что онъ готовъ признать основы этой конституціи“.

Во всемъ, что сказалъ графъ д'Артуа, не было ни одного искренняго слова. Двѣ недѣли спустя онъ отправилъ навстрѣчу королю, высадившемуся 24 апрѣля въ Калэ, графа Брюгскаго съ тѣмъ, чтобы посовѣтовать королю не принимать конституціи. Король именно такимъ образомъ и собирался поступить. Роялисты говорили ему, что онъ обязанъ и можетъ отважиться на все. Несмотря на замѣчанія и просьбы Талейрана, которому онъ, въ сущности, обязанъ былъ короной, онъ отвергъ малѣйшую уступку. Опять пришлось вмѣшаться царю. Уступая по существу, чтобы только спасти формы, Людовикъ XVIII согласился обезпечить публичнымъ актомъ конституціонныя вольности, совершенно отвергнувъ конституцію, которую стремился навязать ему сенатъ. Манифестъ 2 мая отлично намѣчаетъ это ограничивающее условіе.

„Мы, Людовикъ, милостію Божіею король Франціи и Наварры, рѣшивъ принять либеральную конституцію и не въ состояніи будучи принять такую, которую неминуемо придется передѣлать, созываемъ на 10 число іюня мѣсяца Сенатъ и Законодательный корпусъ, обязуясь представить на ихъ разсмотрѣніе трудъ, который мы свершимъ вмѣстѣ съ комиссіей, избранной изъ состава обоихъ этихъ учрежденій, и положить въ основу этой конституціи представительную форму правленія, разрѣшеніе налоговъ палатами, свободу печати, свободу исповѣданія, безвозвратность продажи національныхъ имуществъ, сохраненіе Почетнаго легіона"...

Этотъ, такъ называемый, сентъ-уанскій манифестъ напечатанъ былъ въ *Монитерѣ.* На другой день Людовикъ XVIII совершилъ свой въѣздъ въ Парижъ при колокольномъ звонѣ и пушечныхъ салютахъ. Такъ совершилась „реставрація" Бурбоновъ, настолько неожиданная въ послѣдній годъ имперіи, что ее не безъ основанія можно было назвать чудесною.

Общественное мнѣніе. — Монархія съ энтузіазмомъ встрѣчена была десятою частью населенія; три десятыхъ примкнули къ ней изъ благоразумія; остальная часть, т.-е. бóльшая половина французовъ колебалась, относясь къ ней съ недовѣріемъ, скорѣе даже враждебно. Тѣмъ не менѣе, было вполнѣ возможно цѣликомъ привлечь на свою сторону общественное мнѣніе. У монархіи было много противниковъ, но совершенно не было налицо оппозиціонной партіи. Не надо было допускать ея образованія.

Подписаніе мира и обнародованіе Хартіи произвело мало впечатлѣнія на общественное мнѣніе. Этотъ столь желанный миръ фактически существовалъ уже два мѣсяца. Къ нему привыкли, не безъ основанія считая его уже упроченнымъ. Такимъ образомъ, опубликованіе договора не сообщило французамъ ничего новаго, кромѣ развѣ тѣхъ жертвъ, какія наложены были на нихъ побѣдителями. Такъ какъ основные принципы Хартіи содержались уже въ сентъ-уанскомъ манифестѣ, то нечего было разсчитывать на то, чтобы вторично поразить умы торжественнымъ возобновленіемъ обязательствъ, имѣвшихъ за собой двухмѣсячную давность. Всѣ возвѣщенныя въ конституціи гарантіи не являлись неожиданными. Зато болѣе неожиданными являлись 38-я и 40-я статьи Хартіи, которыя сводили число прямыхъ избирателей къ 12—15 тысячамъ, а число избираемыхъ къ 4 — 5 тысячамъ, такъ что многіе изъ настоящихъ депутатовъ, какъ, напр., президентъ палаты Феликсъ Фоконъ, утрачивали право быть избранными. Болѣе неожиданными являлись также слова *уступка (concession)* и *пожалованіе (octroi),* вставленныя въ Хартію, и своеобразное выраженіе, которымъ она заканчивалась: *дана въ Парижѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1814-е, царствованія же нашего въ девятнадцатое.* Политики съ большею или меньшею горечью судили объ этихъ безобидныхъ претензіяхъ. Масса населенія не безпокоилась по поводу этихъ тонкостей, но вскорѣ у нея явились болѣе серьезные мотивы для боязни и недовольства. Приказъ Беньо о строгомъ соблюденіи воскресныхъ и праздничныхъ дней; сохраненіе *соединенныхъ правъ,* отмѣна которыхъ формально обѣщана была графомъ д'Артуа и роялистскими агентами, наглость дворянъ-помѣщиковъ, которые демонстративно вели себя въ деревняхъ, какъ въ завоеванной странѣ; анаѳемы проповѣдниковъ противъ пріобрѣтателей церковныхъ имуществъ; наконецъ, больше всего—притязанія эмигрантовъ признать недѣйствительною продажу національныхъ имуществъ, притязанія, поддержанныя неразумными сочиненіями и двусмысленными разговорами принцевъ и ихъ окружающихъ.

Подъ вліяніемъ бюджетнаго стѣсненія

пришлось сократить армію; 12,000 офицеровъ разныхъ степеней уволено было въ запасъ съ сохраненіемъ половиннаго содержанія; болѣе 10.000 было совсѣмъ уволено въ отставку. Оставшись безъ дѣла, они проводили время на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ, прислушиваясь къ разнымъ толкамъ, разглашая неблагопріятныя извѣстія, критикуя дѣйствія правительства, ругая министровъ, принцевъ, короля, предсказывая возвращеніе императора, разглагольствуя насчетъ „постыднаго мира", потери пограничныхъ областей, униженія Франціи, расходовъ двора, нищеты солдатъ, могущества поповъ, угрозъ роялистовъ. Отставные и уволенные на половинномъ содержаніи офицеры были самыми дѣятельными врагами реставраціи.

Одновременно съ отставкой старыхъ солдатъ правительство съ большими затратами устраивало королевскую гвардію изъ старыхъ лейбъ-гвардейцевъ Людовика XVI, солдатъ Кондэ, вандейцевъ, эмигрантовъ, служившихъ за границей, и молодыхъ пятнадцатилѣтнихъ дворянъ. Созданіе этого привилегированнаго отряда являлось однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ къ недовольству арміи Бурбонами. Были однако и другіе поводы: къ побѣдамъ этой арміи относились съ напускнымъ презрѣніемъ, трехцвѣтное знамя было отмѣнено, возстановленъ былъ орденъ св. Людовика, а Почетный легіонъ униженъ, жалованье выплачивалось неисправно, солдаты ходили въ лохмотьяхъ. За время реставраціи не проходитъ, кажется, дня безъ того, чтобы въ казармахъ не раздавались крики: „да здравствуетъ императоръ!" Солдатъ носитъ бѣлую кокарду, но въ глубинѣ своего ранца онъ хранитъ, какъ реликвію, старую трехцвѣтную кокарду. Войска служатъ Людовику XVIII, но предметомъ ихъ культа является Наполеонъ, и они увѣрены въ томъ, что снова увидятъ императора въ маленькой шляпѣ и сѣромъ сюртукѣ. Во время переходовъ и въ караулахъ всѣ разговоры сосредоточиваются около одной темы: „онъ вернется!" 15 августа въ болѣе, чѣмъ сорока, казармахъ шумно справляется праздникъ св. Наполеона.

Солдаты стараются внѣдрить въ душу своихъ братьевъ изъ народа свои воспоминанія, свои сожалѣнія, свои надежды. Они поддерживаютъ и оживляютъ ненависть къ Бурбонамъ въ крестьянахъ и рабочихъ. Не слѣдуетъ, однако, представлять себѣ въ преувеличенномъ видѣ это вліяніе духа арміи на настроеніе населенія. Народъ отнесся бы равнодушно къ жалобамъ солдатъ и враждебно къ ихъ крикамъ, если бы эти жалобы и эти крики не отвѣчали его собственному недовольству. Французская армія не была арміей наемниковъ. Она выходила изъ нѣдръ народа, и ея чувства находились въ тѣсномъ общеніи съ чувствами народа. Народъ и армія вмѣстѣ сдѣлали революцію. Ихъ сердца бились при однихъ и тѣхъ же воспоминаніяхъ, трепетали однимъ и тѣмъ же страхомъ, воспламенялись однимъ и тѣмъ же гнѣвомъ.

Возрожденіе партій.—Итакъ, народъ и армія были враждебно настроены къ монархіи. Людовикъ XVIII послѣ десятимѣсячнаго царствованія не только не сумѣлъ заслужить ихъ уваженія и довѣрія, но онъ не осуществилъ и тѣхъ надеждъ, какія возлагались на его правленіе дворянствомъ, буржуазіей и политическимъ міромъ. Такимъ образомъ, онъ въ значительной мѣрѣ утратилъ ту симпатію, съ которой въ первые дни относились къ его особѣ эти классы чуть ли не въ полномъ своемъ составѣ.

Монархія съ конституціонной хартіей, двумя палатами и министерствомъ, куда входили частью присоединившіеся бонапартисты и нераскаявшіеся либералы,—монархія съ администраціей и судомъ, находившимися въ рукахъ чиновниковъ и судей временъ имперіи, съ военнымъ

командованіемъ, предоставленнымъ наполеоновскимъ генераламъ, съ революціонерами, возведенными въ пэрское достоинство, и цареубійцами, состоящими при Кассаціонной Палатѣ,—такая монархія въ глазахъ роялистовъ стараго закала не могла быть настоящей монархіей. Неужели Людовикъ снова занялъ тронъ Бурбоновъ для того, чтобы принять учрежденія республики и *узурпатора*, чтобы покрыть своею мантіею, съ вытканными на ней бѣлыми лиліями, всѣ преступленія и несправедливости минувшаго двадцатипятилѣтія? Умѣренность короля разстроила всѣ замыслы эмигрантовъ и обманула всѣ ихъ надежды. Имъ давали правительство, которое они называли „революціонной анархіей“, тогда какъ они ожидали „возстановляющаго правительства“, т.-е. „всеобщей чистки“, массоваго смѣщенія чиновниковъ, распущенія арміи и возстановленія ея въ формѣ провинціальныхъ полковъ подъ командой кондейцевъ и героевъ Вандеи, отмѣны дѣленія на департаменты съ возстановленіемъ провинцій и старинныхъ ихъ вольностей, уничтоженія палатъ, свободы печати, Почетнаго легіона, реставраціи парламентовъ, отмѣны конкордата, возвращенія имуществъ, проданныхъ во время революціи,—съ вознагражденіемъ, а то и безъ вознагражденія пріобрѣтателей, достаточно вознагражденныхъ двадцатипятилѣтнимъ пользованіемъ,—простой терпимости къ инославнымъ исповѣданіямъ безъ уплаты жалованья ихъ церковнослужителямъ, возстановленія дворянства въ большинствѣ его привилегій, полной реорганизаціи духовенства для того, чтобы оно могло вернуть себѣ подобающее мѣсто и вліяніе въ государствѣ. Словомъ, эмигранты хотѣли абсолютной монархіи, контрреволюціи, возстановленія трехъ сословій, возврата къ режиму 1788 года.

Буржуазія, отчасти уже недовольная всѣмъ происходившимъ, особенно безпокоилась по поводу того, что могло произойти дальше. Языкъ печати раздражалъ ее, предложенія роялистовъ выводили ее изъ себя, ихъ притязанія тревожили ее. Бонди писалъ Сюше: „Теперь доходятъ до того, что считаютъ за преступленіе все, что до сихъ поръ дѣлало честь каждому: теперь уже нельзя любить свою родину, быть добрымъ французомъ, горевать о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыми задавлена Франція“. Барантъ писалъ Монлозье: Когда дворянинъ становится министромъ или офицеромъ, то это „считается вполнѣ естественнымъ; но всѣхъ возмущаетъ то, что помѣщикъ изъ дворянъ, имѣющій 2—3 тысячи дохода, безграмотный и ни къ чему непригодный, смотритъ сверху внизъ на крупнаго собственника, адвоката, врача и возмущается тѣмъ, что съ него требуютъ налоговъ“. Короля любили, вѣрили въ то, что онъ искренне желаетъ слѣдовать хартіи, но сомнѣвались въ его твердости; побаивались, какъ бы онъ въ концѣ концовъ не подчинился вліянію своей семьи и окружающихъ. Въ разговорахъ постоянно попадалась фраза: „Если Бурбоны останутся вѣрны хартіи...“

Профессіональные политики, либералы, бонапартисты и бывшіе революціонеры, разумѣется, всѣми силами старались волновать общественное мнѣніе. Такъ какъ они считали себя наиболѣе угрожаемыми, одни въ своихъ принципахъ, другіе въ своей личной безопасности,—изъ числа послѣднихъ пятьдесятъ пять человѣкъ уже подверглись исключенію изъ палаты пэровъ,—то ихъ нападеніе преслѣдовало цѣли самозащиты. Они критиковали всѣ акты правительства, комментировали неосторожныя статьи роялистическихъ газетъ, заявляли о проектахъ партіи эмигрантовъ, отмѣчали возрастающее вліяніе духовенства, указывали, что близится торжество реакціи, изобличали съ тонкостью казуистовъ всѣ нарушенія Хартіи. Дюрбакъ, Ренуаръ, Ламбрехтъ,

Бедокъ, Дюмоларъ, Фложергъ, Сукъ, Бенжаменъ Констанъ, Контъ, Лафайетъ провозгласили свободу въ опасности. Г-жа де Сталь проповѣдовала и „впадала въ конституціонное бѣшенство“ въ замкѣ Клиши, гдѣ она три раза въ недѣлю устраивала ужинъ для всѣхъ вожаковъ либерализма. У герцогини Сенъ-Лэ, у г-жи Амелинъ, у г-жи де Суза бонапартисты осыпали эпиграммами королевскую фамилію, министровъ, эмигрантовъ и не скрывали своихъ оживающихъ надеждъ. Но рѣшительнѣе всѣхъ дѣйствовали прежніе террористы: Карно, Фуше, Тибодо, Реаль, Тюрьо, Меэ, Понъ де Верденъ, Мерленъ, Вильтаръ, Грегуаръ, Гара, Пріэръ де ла Марнъ. Словами и писаніями своими они усерднѣйшимъ образомъ предрекали паденіе Людовика XVIII, старались возбудить умы, вызвать агитацію, разжечь ненависть.

Оппозиція изъ глубины выступила на поверхность. Далеко отошло уже то время, когда въ первые дни реставраціи высшіе и средніе классы единодушно поздравляли другъ друга съ возвращеніемъ Бурбоновъ, когда всѣ газеты прославляли доброту и благоразуміе Людовика XVIII и усчитывали благодѣянія его правленія, когда на выставкахъ у эстампныхъ торговцевъ только и можно было видѣть портреты короля и каррикатуры на императора. Теперь въ салонахъ царило безпокойство и фрондерство. Говорили о государственныхъ переворотахъ, о законѣ, отмѣняющемъ личную свободу, о волненіяхъ, о военныхъ заговорахъ. Партійныя страсти, надежды, озлобленіе отражались и въ прессѣ.

Въ палатѣ депутатовъ, какъ и въ палатѣ пэровъ, конституціонная оппозиція насчитывала болѣе одной трети голосовъ. Пренія происходили часто, касались очень важныхъ и жгучихъ темъ, принимали очень острую форму. Роялистскіе ораторы произносили прямо провокаторскія рѣчи. Министру Феррану поручено было представить палатѣ проектъ закона о возвращеніи эмигрантамъ оставшихся въ рукахъ государства эмигрантскихъ имуществъ. Министръ началъ читать сводъ мотивовъ, представлявшій собою нагроможденіе самыхъ рѣзкихъ безтактностей. По мысли правительства законъ этотъ являлся актомъ удовлетворенія и примиренія. Ферранъ придалъ ему характеръ расплаты и возмездія за прошлое. Не довольствуясь обиняками и умолчаніями, которые встревожили пріобрѣтателей національныхъ имуществъ, онъ повидимому поставилъ себѣ цѣлью оскорбить всѣхъ французовъ, заявивъ, что эмигранты „шли прямою дорогою“.

Безпокойство и недовольство распространились всюду. Единодушіе въ настроеніи высшихъ классовъ смѣнилось замѣшательствомъ. Одни мечтали о графѣ д'Артуа, другіе о герцогѣ Орлеанскомъ, третьи о республикѣ, о регентствѣ, о Наполеонѣ, о принцѣ Евгеніи. Но роялисты, либералы, якобинцы, бонапартисты, словомъ, всѣ сходились на одномъ: „такъ дальше нельзя“.

Маршалъ Сультъ во главѣ военнаго министерства. Заговоры. — Въ декабрѣ военнымъ министромъ вмѣсто генерала Дюпона сдѣлался маршалъ Сультъ. Онъ взялся быстро возстановить дисциплину. Однимъ изъ первыхъ своихъ распоряженій онъ предалъ военному суду Эксельманса, обвинивъ его сразу въ пяти преступленіяхъ: въ сношеніяхъ съ врагомъ, въ шпіонствѣ, въ оскорбленіи короля, въ ослушаніи, въ нарушеніи присяги. Дѣйствительно, Эксельмансъ написалъ незначущее письмо королю Мюрату и отказался послѣдовать произвольному приказанію военнаго министра. Онъ былъ единогласно оправданъ военнымъ судомъ, къ великой радости не только всей арміи, но и всей либеральной партіи, включая г-жу де Сталь, Лафайета и Ланжинэ.

Этотъ злополучный процессъ, волненіе, вызванное въ Парижѣ отказомъ свя-

щенника церкви св. Роха совершить заупокойное служеніе по одной актрисѣ, знаменитой Рокуръ, отправка въ Реннъ въ качествѣ королевскаго комиссара одного бывшаго или предполагаемаго атамана такъ называемыхъ chauffeurs [1]), искупительныя церемоніи 21 января, проповѣди, изрекавшія анаѳему противъ всѣхъ цареубійцъ, смутные толки о массовой проскрипціи гражданъ, замѣшанныхъ въ революціи, призывъ подъ знамена 60.000 человѣкъ — мѣра эта вызвана была послѣдними вѣстями съ Вѣнскаго конгресса,—наконецъ, возрастающая заносчивость дворянъ—помѣщиковъ въ деревняхъ и нетерпимость духовенства,—все это доводитъ недовольство и тревогу до крайней степени напряженія. Крестьяне раздражены, парижскіе салоны фрондируютъ, парижскія предмѣстья ропщутъ.

Въ февралѣ 1815 года недовольные грозили перейти отъ словъ къ дѣлу. Вожаки различныхъ партій волновались. Бывшій авдиторъ при Государственномъ Совѣтѣ Флери де Шабулонъ отправился на островъ Эльбу съ цѣлью представить императору смутное состояніе страны. Многіе конституціонные депутаты вернулись въ Парижъ изъ провинціи, охваченные тамошнимъ возбужденіемъ, рѣшившись получить или отвоевать серьезныя гарантіи противъ произвола министровъ и требованій эмигрантовъ. Либеральная партія готовилась къ энергичной борьбѣ во время предстоящей сессіи и, если нужно, даже къ повторенію 14 іюля.

Бонапартисты и якобинцы, болѣе нетерпѣливые и нѣсколько недовѣрявшіе энергіи конституціоналистовъ, хотѣли, наоборотъ, воспользоваться отсутствіемъ палатъ для того, чтобы произвести насильственный переворотъ. Уже болѣе полугода тому назадъ задуманъ былъ заговоръ; его откладывали со дня на день, потомъ оставили совсѣмъ, наконецъ, опять ухватились за него, подвергли его нѣкоторымъ измѣненіямъ и снова постановили привести его въ исполненіе. Главнымъ его руководителемъ былъ Фуше. Сдѣлавъ подобно многимъ другимъ устраненнымъ сенаторамъ попытку войти въ палату пэровъ, предложивъ разъ двадцать свои услуги и свою преданность Бурбонамъ, несчетное число разъ повидавшись съ Витроллемъ, Блака, Малуэ, Бернонвиллемъ, съ герцогомъ д'Аврэ, — этотъ трагическій Скапэнъ задумалъ свергнуть короля за то, что король медлилъ назначить его министромъ. У него было нѣсколько совѣщаній съ Тибодо, Даву, Мерленомъ Реньо, Друэ д'Эрлономъ, братьями Лаллеманъ и другими. Фуше хотѣлъ завербовать и Карно, популярность котораго упрочилась благодаря его *Письму къ королю*. Но бывшій членъ Комитета Общественнаго Спасенія относился слишкомъ недовѣрчиво къ бонапартистамъ и слишкомъ презрительно къ герцогу Отрантскому. Онъ удалился въ свой маленькій домикъ въ Марэ. Въ послѣдній моментъ Даву заявилъ, что онъ отказывается принять участіе въ заговорѣ. Пришлось дѣйствовать безъ него. Было рѣшено, что по данному изъ Парижа знаку поднимутся всѣ войска, которыя входили въ составъ 16-го военнаго округа и могли быть увлечены Друэ д'Эрлономъ. По дорогѣ они захватятъ попутные гарнизоны и проникнутъ въ Парижъ, гдѣ ихъ поддержатъ офицеры, состоявшіе на полупенсіи, и населеніе предмѣстій. Разсчитывали, что парижскій гарнизонъ не пойдетъ въ бой за короля, а Фуше гарантировалъ, по меньшей мѣрѣ, нейтралитетъ національной гвардіи. Разсчитывали такимъ образомъ, что сопротивленіе будетъ оказано лишь лейбъ-гвардіей и дежурными мушкетерами, а это было нестрашно.

---

[1]) Chauffeurs собственно подогрѣватели; такъ звали во Франціи начала XIX в. разбойниковъ, которые подъ видомъ сторонниковъ короля грабили помѣстья Франціи, при чемъ вымогали указанія о мѣстѣ храненія денегъ пыткой: подвѣшивали пытаемаго и жгли ему подошвы.

Любопытнѣе всего то, что весь этотъ планъ затѣянъ былъ прежде, чѣмъ состоялось соглашеніе о конечной цѣли самаго заговора. Регентство, которое удовлетворило бы почти всѣхъ, дѣлалось невозможнымъ, потому что Францъ I и его совѣтники вовсе не обнаруживали желанія выпустить изъ Австріи маленькаго римскаго короля, а Наполеонъ все еще находился на островѣ Эльбѣ. Поэтому бонапартисты предлагали просто-напросто провозгласить императора и отправить за нимъ правительственный развѣдочный крейсеръ. Патріоты, къ которымъ причисляли и Фуше, цареубійцы и многіе генералы отвергали самую мысль о призваніи Наполеона. Они хотѣли „заставить“ герцога Орлеанскаго принять власть. Въ виду трудности соглашенія и необходимости дѣйствовать, пререканія пока были оставлены. Общая ненависть объединяла этихъ людей, кореннымъ образомъ расходившихся въ остальномъ. Важно было свергнуть Бурбоновъ. А тамъ будетъ видно.

Наполеонъ на островѣ Эльбѣ. — Высадившись 4 мая въ Портоферрайо, Наполеонъ съ 7-го числа объѣхалъ верхомъ весь островъ, посѣтилъ копи и солеварни, осмотрѣлъ оборонительныя сооруженія и занялся устройствомъ своихъ новыхъ владѣній. Его необычайная привычка къ дѣятельности, насильно сдерживаемая во время его пребыванія въ Фонтенебло, нашла себѣ приложеніе и въ этомъ маленькомъ дѣлѣ, которое онъ въ дни своего могущества поручилъ бы простому полевому сторожу.

При французскомъ господствѣ островъ Эльба былъ подпрефектурой *Средиземноморскаго департамента.* Наполеонъ превратилъ подпрефекта Бальби въ интенданта острова, сдѣлалъ Друо губернаторомъ и назначилъ своего дорожнаго казначея Пейрюсса главнымъ казначеемъ. Такимъ образомъ, Бальби оказался во главѣ внутреннихъ дѣлъ, Друо завѣдывалъ военными, Пейрюссъ — финансами. Вмѣстѣ съ великимъ дворцовымъ маршаломъ Бертраномъ, который былъ какъ бы главнымъ министромъ, они составляли собою совѣтъ министровъ этого лилипутскаго государства. Наполеонъ создалъ апеляціонную палату, ибо съ 1808 года судъ находился въ вѣдомствѣ Флорентинской палаты. Онъ назначилъ инспектора мостовъ и дорогъ, управляющаго государственными имуществами, инспектора смотровъ, провіантмейстера. Камброннъ сдѣланъ былъ начальникомъ арміи, состоявшей изъ одного батальона корсиканскихъ стрѣлковъ, батальона эльбской милиціи, батальона старой гвардіи, роты гвардейскихъ канонировъ и моряковъ, маленькаго эскадрона польскихъ уланъ и трехъ ротъ жандармеріи, всего около 1.600 человѣкъ. Шестнадцатипушечный бригъ *l'Inconstant*, уступленный Франціею по договору въ Фонтенебло, и нѣсколько мелкихъ судовъ составляли военный флотъ. Мичманъ Тайядъ, женившійся въ Порто-Лонгоне и произведенный въ лейтенанты, получилъ команду надъ этой флотиліей, экипажъ которой состоялъ изъ 129 человѣкъ.

„Это будетъ островъ отдохновенія“, заявилъ Наполеонъ при высадкѣ. А между тѣмъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ онъ проявлялъ почти лихорадочную дѣятельность. Повинуясь своему организаторскому генію, который побуждалъ его наложить свою печать на все, къ чему онъ прикоснется, онъ захотѣлъ преобразить весь островъ. Онъ преобразовалъ таможню, октруа, регистратуру, взималъ ввозную пошлину на хлѣбъ, за исключеніемъ предназначеннаго къ потребленію въ Портоферрайо, снова отдалъ на откупъ солеварни и заколы. Онъ устроилъ лазаретъ, соединилъ богадѣльню съ военнымъ госпиталемъ, прокладывалъ дороги, построилъ театръ, расширилъ укрѣпленія, исправилъ казармы, насадилъ виноградники, занялся

акклиматизацiей шелковичныхъ червей, поощрялъ распашку нови, раздавая земельные участки, оздоровилъ и украсилъ городъ, который былъ теперь вымощенъ, снабженъ водой и окруженъ аллеями тутовыхъ деревъ.

Наполеонъ и не думаетъ выполнять обѣщанiе, данное имъ въ Фонтенебло солдатамъ старой гвардiи, именно „описать великiя дѣла, совмѣстно совершонныя ими". Этимъ займется впослѣдствiи плѣнникъ острова св. Елены. Властитель острова Эльбы еще слишкомъ человѣкъ дѣла, чтобы писать что-либо иное, кромѣ приказовъ. Онъ распоряжается, организуетъ, сооружаетъ, надзираетъ, ѣздитъ верхомъ, стараясь забыться въ этой безпрестанной тревогѣ, которая даетъ ему иллюзiю дѣятельности.

Нарушенiе договора въ Фонтенебло. — Первые мѣсяцы онъ ждалъ прибытiя императрицы и своего сына. Онъ разсчитывалъ, что Марiя-Луиза станетъ жить поочередно въ Пармѣ и на островѣ Эльбѣ. Такъ какъ во время переговоровъ въ Фонтенебло даже не высказывалось предположенiя о разводѣ, то, повидимому, само собой разумѣлось, что отреченiе отъ престола никоимъ образомъ не можетъ лишить императора его правъ супруга и отца. Но державы по-своему распорядились Марiей-Луизой и ея сыномъ. Наполеонъ былъ еще слишкомъ популяренъ во Францiи, чтобы не явилось желанiя уничтожить его династiю. На островѣ Эльбѣ сынъ Марiи-Луизы былъ бы наслѣднымъ принцемъ; въ Вѣнѣ, если бы онъ остался живъ, изъ него сдѣлали бы австрiйскаго эрцгерцога или епископа.

Вслѣдствiе какого-то остатка гуманности австрiйскiй императоръ, вѣрнѣе сказать, его всемогущiй совѣтникъ Меттернихъ, остановился предъ скандаломъ насильственнаго разлученiя супруговъ или развода. Онъ предпочелъ бы склонить Марiю-Луизу къ добровольному отказу отъ Наполеона. Чтобы сразу не вызвать съ ея стороны рѣшительнаго протеста, который могъ бы разстроить весь этотъ проектъ, поостереглись прямо заявить ей о томъ, что она больше не увидитъ своего мужа. Рѣшено было повременить, были пущены въ ходъ разныя отговорки, постепенно истощили то небольшое количество воли, какое могло быть въ этой молодой женщинѣ. Затѣмъ къ ней приставили въ качествѣ камергера генерала Нейперга. Ему дано было тайное порученiе заставить ее забыть Францiю и императора, „заходя такъ далеко, насколько это позволятъ обстоятельства", какъ выражается Меневаль.

Наполеонъ неоднократно съ горечью жаловался Кэмлю на безчеловѣчное поведенiе австрiйскаго императора. „Моя жена мнѣ не пишетъ больше,—сказалъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненiя, что сильно подѣйствовало на англiйскаго комиссара. У меня отняли моего сына, какъ отнимали когда-то дѣтей у побѣжденныхъ, чтобы украсить этимъ трiумфъ побѣдителей; въ новыя времена едва ли можно найти примѣръ подобнаго варварства".

Къ этому горю императора присоединились заботы иного порядка. Статья III договора въ Фонтенебло гласила, что Наполеону предоставленъ будетъ годовой доходъ въ два миллiона франковъ въ цѣнностяхъ французской государственной ренты. Тюльерiйскiй кабинетъ, повидимому, вовсе не былъ расположенъ выполнять это обѣщанiе. А между тѣмъ Наполеонъ вслѣдствiе недостаточности доходовъ, получаемыхъ съ острова, вынужденъ былъ покрывать почти всѣ издержки деньгами, которыя удалось спасти изъ когтей временнаго правительства. Но эта небольшая казна, — она представляла собой остатокъ знаменитой Тюльерiйской казны, составившейся путемъ экономiи въ цивильномъ листѣ; да и то четыре пятыхъ ея было израсходовано на военныя нужды въ 1813 и 1814 годахъ, — эта казна

не была неистощима. Изъ 3.800.000 франковъ, которые были въ рукахъ императора во время его прибытія на островъ, третья часть была затрачена къ январю 1815 года.

Изъ всѣхъ тайныхъ донесеній, посланныхъ изъ Портоферрайо въ Парижъ и Вѣну, явствовало, что Наполеонъ могъ оставаться на своемъ островѣ столько времени, насколько у него хватитъ денегъ для прожитія. Невыполненіе обязательствъ по отношенію къ императору являлось, такимъ образомъ, не только безчестнымъ, но и неблагоразумнымъ. Въ сущности французское правительство имѣло всѣ основанія думать, что Наполеонъ приметъ рѣшительныя мѣры къ обезпеченію своей участи прежде, чѣмъ истратитъ послѣдніе свои рессурсы.

Въ Вѣнѣ Талейранъ и Кэстльри сговаривались насчетъ отправленія Наполеона на какой-нибудь океаническій островъ. Безъ сомнѣнія выполненіе этой мѣры общественной безопасности отложено было до закрытія конгресса, а затѣмъ на нее еще не далъ согласія русскій императоръ. Но въ случаѣ его отказа, или въ случаѣ если бы Англія, Франція и Австрія не рѣшились пренебречь его представленіями, оставалось еще много средствъ къ тому, чтобы упрятать императора въ надежное мѣсто. Поднимался вопросъ объ отправкѣ въ Портоферрайо испанской эскадры, о высадкѣ на островъ алжирскихъ корсаровъ. Ливорнскій консулъ Маріотти пытался склонить лейтенанта Тайяда къ тому, чтобы онъ похитилъ Наполеона и увезъ его на островъ св. Маргариты. Были, наконецъ, и проекты убійства.

На островѣ Эльбѣ Наполеонъ постоянно повторяетъ: „Отнынѣ я хочу жить, какъ мировой судья... Императоръ умеръ, я—ничто... Я не думаю ни о чемъ, за предѣлами моего маленькаго острова. Я болѣе не существую для міра. Меня теперь интересуетъ только моя семья, мой домикъ, мои коровы и мулы“. Допустивъ, что его примиреніе съ судьбою искренне, что его честолюбіе угасло, душа прояснилась и что онъ серьезно смотритъ на новый свой девизъ, изображенный въ его столовой въ Санъ-Мартино: *Napoleo ubicumque felix* [1], — допустивъ все это, приходится признать, что дѣлалось рѣшительно все къ тому, чтобы разбудить въ немъ дремлющаго льва. Людовикъ XVIII оставляетъ его безъ денегъ, австрійскій императоръ отнимаетъ у него сына, Меттернихъ отдаетъ его жену придворному развратнику, Кэстльри хочетъ его сослать, Талейранъ замышляетъ бросить его въ подземную темницу, нѣкоторые, наконецъ, задумываютъ убить его.

Значитъ ли это, что, если бы Наполеону уплачивали выговоренную ренту, если бы ему отдали жену и сына и если бы ему обезпечили безопасность, — онъ не сдѣлалъ бы героической и роковой попытки, которая закончилась при Ватерлоо? Возможно, конечно, что при такихъ условіяхъ императоръ остался бы въ своемъ уединеніи. Но какъ маловѣроятно подобное предположеніе! Различныя нарушенія договора въ Фонтенебло, отъ которыхъ ему приходилось страдать, и другія, болѣе значительныя, которыхъ ему по всѣмъ даннымъ слѣдовало бояться въ будущемъ, послужили ему предлогомъ для его экспедиціи, но они были лишь второстепенными ея причинами. Рѣшающей причиной было состояніе Франціи при реставраціи. Первой причиной было то, что маленькій государь острова Эльбы назывался Наполеономъ и что ему было сорокъ пять лѣтъ.

II. Полетъ орла.

Отбытіе съ острова Эльбы.—Наполеонъ не принялъ еще окончательнаго рѣшенія или, по крайней мѣрѣ, никому еще не от-

---

[1] Наполеонъ всюду счастливый.

крылъ своихъ плановъ, когда бывшій аудиторъ Государственнаго Совѣта Флери де Шабулонъ высадился въ Портоферрайо. Ознакомивъ императора съ состояніемъ Франціи, онъ открылъ ему существованіе заговора якобинцевъ и генераловъ. Наполеонъ тутъ же рѣшился. Онъ отправилъ Флери назадъ, не сказавъ ему ничего опредѣленнаго, но, какъ только послѣдній покинулъ островъ, Наполеонъ принялъ мѣры къ скорому отбытію. 26 февраля все было готово. Въ восемь часовъ вечера онъ сѣлъ на корабли съ 1.100 человѣками старой гвардіи и корсиканскаго батальона. Флотилія состояла изъ брига l'Inconstant и шести мелкихъ судовъ.

Наканунѣ Наполеонъ составилъ и приказалъ тайно отпечатать двѣ прокламаціи къ французскому народу и къ арміи. Написанныя съ тою напыщенностью, которую императоръ, столь простой и точный въ своихъ письмахъ и удивительныхъ воспоминаніяхъ, повидимому, заимствовалъ для своихъ воззваній у ораторовъ Конвента, эти пламенныя прокламаціи были грубы, но въ своемъ родѣ краснорѣчивы. Трудно было придумать что-нибудь лучше для того, чтобы поразить умы, разжечь гнѣвъ противъ Бурбоновъ, пробудить въ душѣ Франціи воспоминанія о республиканскомъ равенствѣ и объ императорской славѣ. Императоръ начиналъ съ того, что приписывалъ свои неудачи измѣнѣ. Безъ Ожеро и Мармона союзники нашли бы себѣ могилу на поляхъ Франціи. Далѣе онъ выставлялъ причиной своего отреченія интересы родины. Но Бурбоны, навязанные Франціи чужеземцемъ, *ничему не научились и ничего не забыли*. Народное право они хотѣли замѣнить феодальнымъ правомъ. Благо и слава Франціи никогда не имѣли злѣйшихъ враговъ, чѣмъ эти люди, которые смотрѣли на старыхъ солдатъ революціи и имперіи, какъ на бунтовщиковъ. Вскорѣ, пожалуй, только сражавшимся противъ своей родины можно будетъ ждать награды, а чтобы сдѣлаться офицеромъ, потребуется происхожденіе, соотвѣтствующее предразсудкамъ. Всѣ тягости лягутъ на патріотовъ; богатства и почести достанутся эмигрантамъ. „Французы!—говорилъ онъ народу—въ изгнаніи услышалъ я ваши жалобы и ваши желанія: вы требовали правительства по собственному выбору, только такое и является законнымъ. Я переплылъ моря и явился, чтобы взять себѣ свои права, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ и ваши".—„Солдаты!—говорилъ онъ арміи—приходите и становитесь подъ знамена своего вождя. Его существованіе тѣсно связано съ вашимъ; его права—права народа и ваши... Побѣда быстро будетъ за нами. Орелъ съ національными цвѣтами полетитъ съ колокольни на колокольню вплоть до башни собора Парижской Богоматери".

Маленькая флотилія прошла незамѣченною посреди англійскихъ и французскихъ судовъ, крейсировавшихъ между Корсикой и Италіей. 1-го марта, около полудня, брошенъ былъ якорь въ бухтѣ Жуанъ. Нѣсколько часовъ спустя все войско высадилось и расположилось на бивуакѣ въ оливковой рощицѣ между моремъ и дорогой изъ Каннъ въ Антибы. Въ это время одинъ капитанъ проникъ съ двадцатью гренадерами въ Антибскую цитадель съ цѣлью поднять тамошній гарнизонъ. Они были захвачены въ плѣнъ. Офицеры выражали императору желаніе взять цитадель приступомъ, чтобы разсѣять дурное впечатлѣніе, которое неминуемо вызвано будетъ захватомъ въ плѣнъ гренадеровъ. Наполеонъ возразилъ: „Каждая минута дорога. Надо летѣть. Лучшее средство загладить дурное впечатлѣніе отъ Антибскаго дѣла это—двигаться впередъ быстрѣе распространенія слуховъ объ этомъ!.."

Историки изображали, какъ Наполеонъ во время своей стоянки въ бухтѣ Жуанъ, устремивъ глаза на карты, колебался, какой ему избрать путь, и взвѣшивалъ

преимущества того и другого. На самомъ дѣлѣ императоръ принялъ свое рѣшеніе гораздо раньше момента своей высадки. Онъ слишкомъ хорошо зналъ политическую карту Франціи, слишкомъ велика была горечь, съ которою онъ припоминалъ угрозы, оскорбленія, униженія, какимъ онъ подвергся въ Оранжѣ, Авиньонѣ, Оргонѣ, — опасности, какихъ онъ избѣжалъ въ Сенъ-Кана и Э, чтобы надѣяться достигнуть Ліона по большой дорогѣ. Въ ультра-роялистскихъ областяхъ Прованса приходилось опасаться національной гвардіи и вооруженныхъ крестьянъ, поднимаемыхъ по призыву набата или сельскаго барабанщика. Конечно, такимъ шайкамъ не подъ силу было бы справиться съ 1100 старыми солдатами подъ командой Наполеона, но вѣдь къ бою могли быть привлечены войска Марселя и Тулона, входившіе въ составъ королевскихъ волонтеровъ. Пусть даже, первая схватка непремѣнно окончилась бы побѣдой, во всякомъ случаѣ это было бы сраженіе, а императоръ вовсе не хотѣлъ сраженія. Въ Альпахъ не приходилось опасаться этого. Настроеніе горныхъ обитателей восточнаго Прованса и особенно Дофине совершенно разнилось отъ настроенія прибрежныхъ жителей Средиземнаго моря и Роны; кромѣ того, горные обитатели, малочисленные, разбросанные, съ трудомъ сносившіеся между собой вслѣдствіе природныхъ препятствій и недостатка дорогъ, почти вовсе не могли получить предупрежденія и собраться. Еще на островѣ Эльбѣ Наполеонъ рѣшилъ итти на Гренобль по крутымъ альпійскимъ тропинкамъ.

Около полуночи колонна тронулась въ путь. Она прошла черезъ Каннъ и Грассъ. Въ этихъ городахъ толпа сбѣгалась посмотрѣть на императора, проявляя, однако, больше любопытства и безпокойства, чѣмъ энтузіазма. Вечеромъ 2-го марта добрались до деревушки Сернонъ на высотѣ 1.373 метровъ. Въ двадцать часовъ небольшой отрядъ сдѣлалъ болѣе 50 километровъ по тропинкамъ, покрытымъ снѣгомъ, гдѣ приходилось итти гуськомъ. Этотъ переходъ былъ своего рода чудомъ. 3-го марта Наполеонъ миновалъ Кастеллане и имѣлъ дневку въ Барремѣ; 4-го онъ вступилъ въ Динь, откуда генералъ Ловердо вывелъ гарнизонъ, чтобы избѣжать столкновенія. 5-го онъ былъ въ Гапѣ. 6-го онъ ночевалъ въ Корѣ, на разстояніи одного перехода отъ Гренобля. Въ восточномъ Провансѣ населеніе проявляло равнодушіе или глухую вражду. Начиная съ границъ Дофине, стало обнаруживаться совсѣмъ другое настроеніе. Крестьяне привѣтствовали императора кликами и желали ему побѣды.

Вѣсть о Наполеонѣ приходитъ въ Тюльери.—Массена, начальникъ 8-го военнаго округа (Марсель), получилъ извѣстіе о высадкѣ Наполеона лишь въ ночь со 2-го на 3-е марта. Онъ сейчасъ же отправилъ часть марсельскаго гарнизона съ назначеніемъ остановить императорскую колонну при переходѣ р. Дюрансы. Наполеонъ былъ на два дня впереди; генералъ Міолли пришелъ слишкомъ поздно. Въ то же время Массена отправилъ депешу военному министру, который получилъ ее лишь 5-го марта. Немедленно собрался совѣтъ министровъ. Сультъ заявилъ, что Талейранъ писалъ изъ Вѣны, прося образовать обсерваціонный корпусъ на итальянской границѣ для того, чтобы держать на почтительномъ разстояніи Мюрата и революціонеровъ съ Аппенинскаго полуострова; въ исполненіе этой просьбы 30.000 человѣкъ шли теперь по направленію къ Альпамъ. Военный министръ ручался, такимъ образомъ, что въ нѣсколько дней противъ 1.100 солдатъ Наполеона будетъ выставлена настоящая армія. Всѣ обрадовались такому счастливому совпаденію, и рѣшено было, что графъ д'Артуа отправится въ Ліонъ, станетъ во главѣ войскъ, уже соединенныхъ

или имѣющихъ соединиться въ Ліоннэ, Дофине и Франшконте.

На слѣдующій день на новомъ засѣданіи совѣта рѣшено было немедленно созвать палаты, которыя передъ этимъ получили отсрочку до 1-го мая. Предполагалось, что въ виду появленія Наполеона, ссылавшагося на принципы революціи, король долженъ дать это доказательство своихъ конституціонныхъ чувствъ. Кромѣ того, онъ могъ быть увѣренъ въ томъ, что найдетъ твердую поддержку въ представителяхъ страны, потому что среди нихъ былъ всего одинъ бонапартистъ. Въ томъ же засѣданіи составленъ былъ королевскій ордоннансъ, который объявлялъ Бонапарта измѣнникомъ и бунтовщикомъ и предписывалъ всякому военному, національному гвардейцу или гражданину „преслѣдовать его всяческимъ способомъ".

Тѣснина Лаффре; вступленіе Наполеона въ Гренобль и Ліонъ.—Генералъ Маршанъ, командовавшій въ Греноблѣ, рѣшилъ, во что бы то ни стало, раздѣлаться съ „корсиканскимъ разбойникомъ". У него было три полка пѣхоты, 4-й артиллерійскій полкъ, 3-й саперный и 4-й гусарскій. Сначала онъ думалъ пойти противъ Наполеона и уничтожить его въ открытомъ полѣ. Но когда начальники частей дали ему понять, что настроеніе въ войскахъ самое сомнительное, онъ рѣшилъ дожидаться маленькой императорской колонны, укрывшись за своими укрѣпленіями. Здѣсь отпаденіе войскъ во всякомъ случаѣ было бы затруднительнѣе. Желая, впрочемъ, выиграть время для завершенія внѣшнихъ укрѣпленій крѣпости, Маршанъ отправилъ въ Ламюръ роту саперъ и батальонъ 5-го линейнаго полка съ порученіемъ взорвать мостъ у Понго. На полдорогѣ отрядъ этотъ встрѣтилъ императорскій авангардъ, вслѣдъ за которымъ вскорѣ появился и Наполеонъ. Маіоръ Делессаръ считалъ свой батальонъ вполнѣ надежнымъ. Позиція у него была хорошая, впереди деревни Лаффре, въ тѣснинѣ, гдѣ не приходилось опасаться обхода. По соглашенію съ адъютантомъ генерала Маршана, капитаномъ Рандономъ, онъ рѣшилъ задержать здѣсь императора и горсть людей, его сопропровождавшихъ. Солдаты, развернувшись къ бою, сначала держались совершенно твердо. Они отнеслись равнодушно къ словамъ офицеровъ, которыхъ послалъ Наполеонъ, чтобы склонить ихъ на свою сторону, и отказались взять прокламаціи, которыя протягивали имъ крестьяне. То былъ критическій моментъ этой экспедиціи.

Императоръ велѣлъ полковнику Малле приказать своимъ солдатамъ взять ружья въ лѣвую руку. Полковникъ возразилъ, что было бы опасно приближаться, можно сказать, безоружными къ войску, которое подозрительно по своему настроенію и первымъ же залпомъ можетъ нанести огромный уронъ. Наполеонъ повторилъ: „Малле, дѣлайте, что я вамъ приказываю". И онъ направился одинъ во главѣ своихъ ветерановъ, державшихъ ружья дуломъ внизъ, къ 5-му линейному полку. „Вотъ онъ!.. Пли!"—закричалъ внѣ себя капитанъ Рандонъ. Несчастные солдаты оторопѣли. У нихъ дрожали колѣна, ружья тряслись въ судорожно сжатыхъ рукахъ. Подойдя на пистолетный выстрѣлъ, Наполеонъ остановился. „Солдаты 5-го полка, — сказалъ онъ твердымъ и спокойнымъ голосомъ,—признайте меня". Затѣмъ, сдѣлавъ еще два-три шага впередъ и разстегивая свой сюртукъ, онъ прибавилъ: „Если есть среди васъ солдатъ, желающій убить своего императора, онъ можетъ сдѣлать это. Я становлюсь подъ ваши выстрѣлы". Солдаты не въ силахъ вынести такое испытаніе. Громкій крикъ „да здравствуетъ императоръ!" крикъ, такъ долго сдерживаемый, вырывается изъ груди у всѣхъ. Ряды приходятъ въ разстройство, бѣлыя кокарды усыпаютъ дорогу, солдаты машутъ киверами, надѣтыми на штыки, бро-

саются къ своему императору, окружаютъ его, привѣтствуютъ кликами, становятся передъ нимъ на колѣни.

Въ это время 7-й линейный полкъ, увлекаемый своимъ командиромъ Лябедуайеромъ, покидалъ Гренобль съ криками „да здравствуетъ императоръ!“ и шелъ на соединеніе съ солдатами острова Эльбы. Отчаявшись уже въ возможности защищать Гренобль, гдѣ населеніе побуждаетъ солдатъ къ отпаденію, Маршанъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, увести съ собой оставшіяся войска. Но уже поздно. Около 7 часовъ вечера болѣе 2.000 крестьянъ, вооруженныхъ вилами и старыми ружьями, неся въ рукахъ факелы, ярко пылающіе въ темнотѣ, приближаются вперемежку съ солдатами Наполеона къ Боннскимъ воротамъ. Задержанная палисадами крытой дороги, эта шумная толпа скопляется на гласисахъ и на обширномъ пространствѣ передъ крѣпостью, крича во все горло: „Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ императоръ!“ Бастіоны и куртины, канониры и пѣхотинцы отвѣчаютъ тѣмъ же возгласомъ. Гренобльскій народъ, столпившійся въ Военной улицѣ, неистово вторитъ этимъ крикамъ. По ту и по сю сторону укрѣпленій всѣ голоса смѣшиваются въ единый громкій и непрерывный крикъ. Каретники изъ предмѣстья св. Іосифа пробиваютъ городскія ворота огромной дубовой доской. Императоръ вступаетъ въ Гренобль, его несутъ съ тріумфомъ по улицамъ, внезапно иллюминованнымъ. Вскорѣ предъ балкономъ гостиницы Трехъ Дофиновъ, гдѣ по своему желанію, остановился Наполеонъ появляется группа рабочихъ и слагаетъ тутъ обломки Боннскихъ воротъ, со словами: „За неимѣніемъ ключей твоего дорогого города Гренобля мы приносимъ тебѣ его ворота“.

10-го марта въ Ліонѣ повторяются тѣ же сцены. Такъ какъ не осталось никакихъ сомнѣній насчетъ враждебнаго настроенія народа и войскъ, то графъ д'Артуа въ полдень убѣжалъ отсюда. Макдональдъ послѣдовалъ за нимъ два часа спустя и писалъ военному министру: „Я покинулъ Ліонъ или, вѣрнѣе сказать, я ускользнулъ оттуда, послѣ того какъ былъ свидѣтелемъ отложенія всего гарнизона, который перешелъ подъ знамена Наполеона съ кликами „да здравствуетъ императоръ!“ кликами, которые подхватывались отъ предмѣстья Гійотьеръ до ліонской набережной массою народа, толпившагося на обоихъ берегахъ Роны“.

Проводивъ Наполеона въ архіепископскій домъ, ліонскій народъ разсыпался по городу, неся въ рукахъ факелы и распѣвая *Марсельезу*. Рабочіе, занятые въ шелковомъ производствѣ, останавливались передъ домами роялистовъ и камнями выбивали окна. На площади Белльку́ръ разгромлено было кафе Бурбонъ, извѣстное, какъ мѣсто сборища эмигрантовъ. Всю ночь улицы оглашались восторженными привѣтствіями и угрожающими проклятіями. Крики „да здравствуетъ императоръ!“ перемѣшивались съ такими возгласами: „Долой поповъ! Смерть роялистамъ! На эшафотъ Бурбоновъ!“ Можно было бы подумать, что мы опять наканунѣ 1793 года, говорилъ одинъ офицеръ.

Возвращеніе Наполеона начинаетъ волновать всю Францію. Въ два дня рента падаетъ на пять франковъ. Это внезапное паденіе отлично отмѣчаетъ собою настроеніе буржуазіи. Въ Парижѣ, какъ и въ провинціи, достаточные классы, недовольные и фрондировавшіе въ послѣдніе мѣсяцы реставраціи, становятся искренними союзниками Бурбоновъ. Въ палатахъ, въ парижской національной гвардіи, состоявшей изъ людей съ имущественнымъ цензомъ, господствуетъ то же негодованіе, та же вражда противъ Наполеона. Но въ трехъ четвертяхъ департаментовъ масса населенія, городскіе рабочіе и крестьяне стоятъ за императора,

который въ ихъ глазахъ олицетворяетъ собою принципы революціи. Что касается солдатъ, то одни изъ нихъ не скрываютъ своей радости; они бросаютъ вверхъ свои соломенные тюфяки при кликахъ „да здравствуетъ императоръ!“ Они срываютъ свои бѣлыя кокарды и предсказываютъ скорое прибытіе въ Тюльери любимаго вождя. Другіе держатся спокойно, но, по мнѣнію генераловъ, „не слѣдовало бы рисковать, испытывая ихъ вѣрность“. Маршалы Франціи и почти всѣ генералы на дѣйствительной службѣ приходятъ прямо въ отчаяніе. Они въ претензіи на Наполеона за то, что онъ поставилъ ихъ въ такое положеніе, когда приходится либо стрѣлять въ него, либо нарушить данную королю присягу. Чтобы подогрѣть самихъ себя, они обращаются къ войскамъ съ яростными приказами. Сультъ заявляетъ, что Бонапартъ не болѣе, какъ авантюристъ; Журданъ называетъ его „общественнымъ врагомъ“, Рей—„безумнымъ разбойникомъ“, Пакто—„кровожаднымъ чудовищемъ“, Кюрто заявляетъ, что онъ хотѣлъ бы „убить его своими руками“, Ней обѣщаетъ привезти его въ желѣзной клѣткѣ. Штабы точно также пламенно стоятъ за Бурбоновъ, но много полковыхъ командировъ и большинство офицеровъ раздѣляютъ чувства солдатъ.

Военный заговоръ на сѣверѣ; измѣна маршала Нея.—Фуше узналъ о высадкѣ Наполеона почти одновременно съ самимъ Людовикомъ XVIII. Онъ былъ крайне раздосадованъ этимъ, но не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы дать совершиться обстоятельствамъ, не постаравшись извлечь изъ нихъ какой-нибудь выгоды. Онъ думалъ, что у него хватитъ времени для дѣйствія. Ускоривъ военное движеніе, затѣянное въ февралѣ, установивъ временное правительство, обратившись съ призывомъ къ національной гвардіи, онъ надѣялся воспротивиться возвращенію Наполеона въ Парижъ. Если же, наоборотъ, бонапартистское теченіе увлечетъ армію и народъ и обратится въ пользу императора, то выйдетъ, будто Фуше работалъ въ его пользу. Что бы ни случилось, онъ будетъ съ побѣдителями и использует обстоятельства.

И вотъ, вечеромъ 5-го марта Фуше вызвалъ къ себѣ генерала Лаллемана и, ничего не сообщивъ ему о возвращеніи императора, убѣдилъ его въ томъ, что дворъ что-то подозрѣваетъ и что нужно немедленно выполнить движеніе, чтобы предупредить репрессивныя мѣропріятія. Лаллеманъ отправился въ Лилль, гдѣ одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ Друэ д'Эрлонъ командовалъ войсками подъ верховнымъ начальствомъ командира 16-го военнаго округа Мортье. Воспользовавшись отсутствіемъ Мортье, д'Эрлонъ разослалъ квартировавшимъ въ области полкамъ приказъ немедленно отправиться въ Парижъ. Инструкціи эти составлены были въ такой формѣ, что начальники частей, не участвовавшіе въ заговорѣ, могли подумать, что все передвиженіе совершается въ силу приказа военнаго министра. Лишь на пути предстояло разсѣять ихъ заблужденіе. Нѣсколько полковъ тронулись въ путь 8 и 9 марта. Внезапное возвращеніе Мортье смутило д'Эрлона, и онъ поторопился уже 8-го марта взять назадъ свой приказъ, отданный наканунѣ. Войска повернули назадъ, за исключеніемъ королевскихъ стрѣлковъ (бывшихъ гвардейскихъ конныхъ стрѣлковъ). Послѣдніе дошли до Компьеня, но вслѣдствіе стычки и они, въ свою очередь, вернулись обратно.

Въ то время какъ это движеніе терпѣло неудачу, маршалъ Ней прибылъ въ Лонъ-ле-Сонье, гдѣ находилась его главная квартира. Онъ все еще былъ раздраженъ противъ „обитателя острова Эльбы и его безумнаго предпріятія“. Но вокругъ него все предвѣщало отложеніе. 14 марта 76-й линейный полкъ, шедшій во главѣ его небольшой арміи, перешелъ на сторону

Наполеона. Другіе полки готовы были послѣдовать этому примѣру. Ней поддался общему увлеченію, призналъ императора и повелъ къ нему свои войска.

Возвращеніе Наполеона въ Тюльери.— Тщетно Людовикъ XVIII замѣняетъ Сульта Кларкомъ, тщетно привѣтствуютъ его обѣ палаты на королевскомъ засѣданіи 16 мая, тщетно созываетъ онъ генеральные совѣты, призываетъ къ оружію три милліона національныхъ гвардейцевъ, концентрируетъ одну армію подъ командою герцога Беррійскаго въ Вилльжуивѣ, другую — подъ командою герцога Орлеанскаго на сѣверѣ: Наполеонъ, согласно своему предсказанію, продолжаетъ свой путь безъ единаго выстрѣла. Его армія съ каждымъ переходомъ растетъ вслѣдствіе присоединенія полковъ, посланныхъ противъ него. Дорогой за нимъ идетъ толпа крестьянъ; обитатели каждой деревни провожаютъ императорскую колонну до ближайшей деревни, гдѣ ихъ смѣняетъ новый потокъ народа. 13-го марта Наполеонъ покидаетъ Ліонъ и ночуетъ въ Маконѣ; 14-го онъ въ Шалонѣ, 15-го въ Отэнѣ, 16-го въ Аваллонѣ, 17-го въ Оссерѣ, 19-го въ Понъ-сюръ-Іоннъ. 20-го утромъ онъ прибываетъ въ Фонтенебло. Въ тотъ же день, въ 9 часовъ вечера, онъ возвращается въ Тюльери, покинутое наканунѣ Людовикомъ XVIII и уже съ полудня украшенное развѣвающимся знаменемъ революціи и имперіи.

Оцѣнка этихъ событій.—Возстановленіе имперіи разсматривается обыкновенно, какъ результатъ чисто военнаго движенія, похожаго на мятежи преторьянцевъ или на испанскія пронунціаменто. Это совершенно не согласно съ истиной. Революція 1815 года—народное движеніе, поддержанное арміей. Кокарда 1789 года увлекла народъ, уязвленный заносчивостью, угрозами, требованіями священниковъ и дворянъ о возвращеніи имъ имущества. Солдаты, попрежнему обожавшіе своего императора, дрожали при мысли, что имъ придется стрѣлять въ него, и давали себѣ клятву не дѣлать этого, но, утративъ волю въ силу долгой привычки къ дисциплинѣ, они не высказывались, пока не почувствовали поддержки со стороны населенія. Повсюду во Франціи,—по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ двухъ недѣль, а вѣдь позднѣе дѣло уже было рѣшено,—манифестаціи крестьянъ и рабочихъ предшествовали отпаденію войскъ. 1-го марта солдаты 87-го полка сажаютъ въ Антибскую цитадель двадцать пять гренадеровъ старой гвардіи; на другой день жители Грасса приносятъ императору фіалки. Населеніе Гапа не даетъ генералу Ростоллану принять мѣры къ защитѣ; генералъ отводитъ свои войска въ Эмбрену; войска послушно идутъ за нимъ, а тѣмъ временемъ въ покинутомъ ими городѣ уже провозглашаютъ Наполеона. Въ Сенъ-Бонне хотятъ бить въ набатъ, чтобы собрать тысячу вооруженныхъ горцевъ, которые усилятъ собою маленькую эльбскую колонну. Въ ущельѣ Лаффре крестьяне протягиваютъ императорскія прокламаціи солдатамъ 5-го линейнаго полка, а тѣ не рѣшаются брать ихъ. Противъ войскъ генерала Маршана у императора идутъ въ авангардѣ 2.000 жителей Дофине, вооруженныхъ вилами и старыми ружьями. Ворота въ Греноблѣ выбиваютъ каретники. Баррикаду на ліонскомъ мосту разрушаютъ рабочіе изъ предмѣстья Гійотьеръ, занятые въ шелковомъ производствѣ. Въ Вилльфраншъ нѣтъ ни одного солдата, за то 60.000 крестьянъ ждутъ императора около деревъ свободы. Неверскіе рабочіе призываютъ къ отложенію полки, проходящіе черезъ городъ. Въ Шалонѣ-на-Сонѣ народъ останавливаетъ артиллерійскій обозъ, предназначенный для арміи графа д'Артуа. „Во Франшконте, говоритъ Прешанъ, войска можно было бы удержать, если бы оставили ихъ въ казармахъ; но какъ только они пришли въ соприкосновеніе съ народомъ,

они пропали“. Полковникъ Бюжо писалъ военному министру: „Я беру на себя отвѣтственность за то, что остановилъ свой полкъ въ Аваллонѣ. Уйди я дальше впередъ, мнѣ пришлось бы опасаться, какъ бы настроеніе населенія не заразило моихъ солдатъ, которые до сихъ поръ держались хорошо“. Энскій префектъ въ ужасѣ сказалъ Нею: „Мы присутствуемъ при новой революціи“.

Ненависть крестьянъ къ старому порядку и преклоненіе солдатъ предъ императоромъ объединились въ одномъ общемъ дѣлѣ. Народъ и армія охвачены были однимъ и тѣмъ же порывомъ и во взаимномъ довѣріи дружно шли навстрѣчу Наполеону. Вотъ гдѣ объясненіе его столь легкаго и быстраго успѣха, этого поразительнаго тріумфальнаго шествія отъ бухты Жуанъ до Парижа.

При такой точкѣ зрѣнія это эпическое происшествіе, именно возвращеніе съ острова Эльбы, которое называли „однимъ изъ самыхъ удивительныхъ подвиговъ, какіе знала когда-либо исторія и миѳологія“, теряетъ нѣсколько свою чудесную окраску. Далеко не все было достигнуто обаяніемъ сѣраго сюртука. Если принять во вниманіе господствовавшее въ народѣ и въ арміи настроеніе, то даже начинаетъ казаться, что предпріятіе императора не могло потерпѣть неудачи. Разъ онъ ступилъ на французскую территорію, ему приходилось опасаться только нѣсколькихъ бригадъ жандармеріи, шаекъ фанатиковъ - провансальцевъ и королевской гвардіи. 1.100 человѣкъ было достаточно для защиты отъ жандармовъ. Выбравъ путь черезъ Альпы, онъ ускользалъ отъ провансальцевъ. Что касается королевской гвардіи, то ей надо было совершить двѣнадцать десятимильныхъ переходовъ, чтобы добраться до Ліона. Прежде чѣмъ она могла бы вступить въ дѣло, батальонъ острова Эльбы успѣлъ бы превратиться въ маленькую армію.

Сто разъ было сказано, что одного ружейнаго выстрѣла, сдѣланнаго изъ рядовъ войска, было бы достаточно, чтобы остановить движеніе Наполеона. Это возможно, но не безусловно, потому что старая гвардія навѣрное не отвѣтила бы на одинъ выстрѣлъ, и желанное сраженіе все-таки было бы избѣгнуто. Во всякомъ случаѣ, трудно было вызвать этотъ провиденціальный выстрѣлъ. Въ ущельѣ Лаффре капитанъ Рандонъ отдалъ каманду стрѣлять, но онъ не взялъ ружья у солдата и не выстрѣлилъ самъ. На гренобльскихъ бастіонахъ у заряженныхъ картечью пушекъ были и роялистскіе офицеры. Ни одинъ не имѣлъ рѣшимости поднести къ орудію фитиль. Они знали, „что будутъ искрошены своими же канонирами“. Въ Ліонѣ Макдональдъ не нашелъ человѣка, готоваго выстрѣлить первымъ, ни у милиціонеровъ, ни среди королевскихъ волонтеровъ, ни даже за деньги среди подонковъ черни; и хотя маршалъ далъ себѣ обѣщаніе сдѣлать это лично, онъ обнаружилъ такую же слабость, какъ и всѣ другіе, когда, окруженный своими мятежными полками, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ императорскимъ авангардомъ и услыхалъ во взбунтовавшемся городѣ громкіе голоса народа, кричавшаго: „да здравствуетъ императоръ!“

Глава XII.

Сто дней.

Послѣдняя борьба: Ватерлоо.

Бонапартистская реставрація. — Вернувшись въ Тюльери, Наполеонъ поторопился перемѣнить декорацію. Дамамъ императорскаго двора, которыя устроили ему чествованіе въ достопамятный вечеръ 20 марта, пришлось лишь сорвать прикрѣпленныя повсюду бурбонскія лиліи, изъ-подъ которыхъ опять выглянули на свѣтъ божій наполеоновскія пчелы. Императоръ снова призвалъ прежнихъ своихъ совѣтниковъ. Маре сдѣлался опять государственнымъ секретаремъ, Декре вернулся къ управленію флотомъ, Годенъ сдѣлался министромъ финансовъ, Молльэнъ— главнымъ казначеемъ. Камбасаресу временно поручено было министерство юстиціи. Кларкъ удалился вмѣстѣ съ Людовикомъ XVIII; послѣ немногихъ колебаній военное министерство принялъ Даву. Но Савари отказался отъ министерства полиціи. Опять всплылъ Фуше. Онъ ставилъ на видъ, что участвовалъ въ заговорѣ именно въ пользу Наполеона; со всѣхъ сторонъ императору внушали, что Фуше необходимый человѣкъ. Нисколько не поддаваясь на его уловки, Наполеонъ однако оставилъ его при себѣ, чтобы лучше слѣдить за нимъ. Можно сказать, что онъ поселялъ измѣну въ своей собственной передней. Честный Коленкуръ почуялъ громъ пушекъ; ему хотѣлось бы опять стать генераломъ. Наполеонъ апеллировалъ къ его преданности, и онъ согласился взять на себя руководство иностранными дѣлами. Карно сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ: его присутствіе являлось уступкой либеральной партіи.

Мѣстное сопротивленіе; возстаніе въ Вандеѣ.—Наполеонъ пока былъ признанъ еще только въ департаментахъ, через которые онъ проѣхалъ. Но вѣсть о его тріумфальномъ шествіи разносилась по городамъ. Всюду вновь появлялась трехцвѣтная кокарда, а бѣлое знамя устранялось. Это былъ цѣлый рядъ пороховыхъ вспышекъ. Эксельмансъ преслѣдовалъ королевскую гвардію по пятамъ вплоть до самаго Лилля, гдѣ она была, наконецъ, разсѣяна. Мортье, помедливъ нѣкоторое время, изъявилъ покорность императору. Сюше добился единодушнаго провозглашенія Наполеона императоромъ въ Страсбургѣ, Журданъ — въ Руанѣ, Ожеро—въ Валенсіи, адмиралъ Бувэ— въ Брестѣ. Мѣстное сопротивленіе быстро было подавлено.

Въ Бордо герцогиня ангулемская, „единственный мужественный человѣкъ во всей фамиліи“, объѣзжала казармы, тщетно

пытаясь вызвать клики „да здравствуетъ король!“ Ей пришлось вмѣстѣ съ мэромъ Линшемъ опять уйти въ изгнаніе. Клозель провозгласилъ имперію. Въ Тулузѣ Витроль и герцогъ ангулемскій старались устроить центральное правительство и набрать рекрутовъ-роялистовъ. Записалось нѣсколько дворянъ и студентовъ. Но какъ только они покинули Тулузу, тамъ водружено было трехцвѣтное знамя: генералъ Шартранъ заставилъ признать Наполеона во всемъ верхнемъ Лангедокѣ. Область Роны оказала болѣе продолжительное сопротивленіе: при содѣйствіи генераловъ Компана и Эрнуфа, Массена организовалъ шайку роялистовъ, которая прошла вверхъ по обоимъ берегамъ Роны двумя колоннами и разбила при Лоріолѣ небольшой отрядъ солдатъ, вѣрныхъ императору. Но роялисты были хозяевами только на мѣстахъ своей стоянки: какъ только они уходили откуда-нибудь, сейчасъ же за спиной у нихъ вспыхивало возстаніе. Груши, посланный въ Ліонъ, принялъ энергичныя мѣры къ подавленію всякихъ волненій. Роялисты, оттѣсняемые все далѣе и далѣе, вынуждены были капитулировать въ ла-Палюдъ (8 апрѣля). Герцогъ ангулемскій, котораго, невзирая на капитуляцію, думали одно время удержать въ качествѣ заложника, получилъ возможность сѣсть на корабль въ Сеттѣ. Принесъ повинную и Массена. Въ Вандеѣ сопротивленіе грозило перейти въ гражданскую войну. Прежде всего герцогъ бурбонскій и генералъ д'Отишанъ разожгли старинную ненависть бѣлыхъ противъ голубыхъ. Стали образовываться отряды шуановъ; эксплуатировалось отвращеніе мѣстнаго крестьянскаго населенія къ военной службѣ. Твердое поведеніе генерала Фуа смутило роялистовъ. Герцогъ бурбонскій моремъ уѣхалъ въ Испанію; въ пять дней миръ, повидимому, былъ возстановленъ. Но нѣсколько позднѣе другое, болѣе опасное возстаніе вызвало живое безпокойство: д'Отишанъ, Сюзанне и Сапино подняли страну; пламя возстанія охватило Вандею, Бретань, Анжу и Мэнъ. Масса бродягъ, нищихъ, которые предпочитали „искать свой хлѣбъ, чѣмъ его зарабатывать“, поднялись и стали подъ знамена короля. Для начальствованія надъ ними Людовикъ XVIII послалъ молодого маркиза де-Ларошжакелена. Въ теченіе цѣлаго апрѣля подвижныя колонны солдатъ, жандармовъ и пограничниковъ ничего не могли подѣлать, города находились въ опасности. Даву умоляли не посылать въ армію контингенты съ запада, которые извѣстны были своимъ отвращеніемъ къ рекрутскому набору. Фуше, обѣщавшій императору покончить съ этимъ возстаніемъ, поручилъ графу де-Маларти, бывшему начальнику штаба мэнской арміи, убѣдить мятежныхъ вождей, что возстаніе пока преждевременно, что оно скорѣе повредитъ, чѣмъ принесетъ пользу Бурбонамъ; Маларти сумѣлъ добиться замиренія. Одинъ только Ларошжакеленъ продолжалъ сражаться; онъ былъ убитъ во время одной стычки съ колонной генерала Траво (май 1815 г.). Вся остальная Франція, казалось, признала имперію.

Состояніе общественнаго мнѣнія.—Новому правительству было гораздо труднѣе удержаться, чѣмъ заставить признать себя. Бурбоны раздражили всѣхъ; Наполеонъ стремился не раздражать никого; онъ не тронулъ чиновниковъ, назначенныхъ Бурбонами, разсчитывая, что его успѣхъ привяжетъ ихъ къ нему. Да и вообще, можно въ нѣсколько дней поднять революцію въ цѣлой странѣ; но требуется много времени на созданіе новаго чиновничьяго персонала. Префекты Людовика XVIII, изъ которыхъ, впрочемъ, многіе служили уже Наполеону, остались на мѣстахъ и вяло поддерживали его. Мэры почти всѣ были изъ крупныхъ баръ, настроенныхъ враждебно; духовенство открыто выступало противъ императора. Поддержкой для Наполеона являлось народное настроеніе и

культъ арміи; противъ него было настроеніе тѣхъ правящихъ классовъ, которые ставили ему въ вину иноземное нашествіе и раздѣлъ Франціи, считая эти явленія плодомъ его деспотизма. Нечаянное нападеніе удалось, но Франція скоро одумалась. Стали побаиваться неизбѣжныхъ для предстоящей войны рекрутскихъ наборовъ. Многіе новобранцы не шли къ своимъ частямъ; цѣлый рядъ общинъ отказался поставить потребныхъ людей. Парижъ былъ относительно спокоенъ; буржуазія, настроенная враждебно, молчала; предмѣстья, очень расположенныя къ Наполеону, ждали поворота къ якобинской политикѣ. Императора два раза привѣтствовали кликами—въ оперѣ и во Французскомъ Театрѣ. Но въ его отсутствіе возникли безпорядки, сопровождавшіеся перебранкой: нѣкоторые зрители требовали *Марсельезу* или *Ça ira*, другіе свистали. Цензура была отмѣнена декретомъ; но Фуше, вступивъ въ особые переговоры съ редакторами главныхъ журналовъ, обезпечилъ себѣ умѣренное направленіе въ печати. Однако онъ позволялъ печатать постановленія и нападки роялистскихъ журналовъ подъ предлогомъ, что не слѣдуетъ оставлять публику въ невѣдѣніи насчетъ всей этой лжи и клеветы, пусть она сама оцѣнитъ все это. Парижъ былъ наводненъ цѣлымъ потокомъ пасквилей, брошюръ и памфлетовъ; большинство ихъ исходило отъ либераловъ; небольшое количество—отъ республиканцевъ или непримиримыхъ бонапартистовъ; очень мало—отъ чистыхъ монархистовъ [1]).

Проблема управленія.—Вопросъ о реформахъ, которыя предстояло ввести въ управленіе, явился главнымъ подводнымъ камнемъ для новаго режима. Если Наполеонъ встрѣтилъ сочувствіе за предѣлами арміи, то потому, что онъ былъ сыномъ революціи: онъ вернулъ увѣренность крестьянамъ, пріобрѣтателямъ національныхъ имуществъ, мелкимъ и крупнымъ буржуа, разбогатѣвшимъ вслѣдствіе паденія стараго порядка, не привилегированнымъ, занявшимъ высшія служебныя должности и первыя мѣста въ арміи. Воспоминанія 1792—1793 годовъ воскресли повсюду. Открывались клубы; газеты требовали новаго *террора*, чтобы образумить роялистовъ и эмигрантовъ, и массоваго рекрутскаго набора, чтобы одержать верхъ надъ иноземцами. Наполеону напоминали о его плебейскомъ происхожденіи; ему внушали необходимость взять въ руки якобинскую диктатуру. Спасла ли бы она его? Можно очень сомнѣваться въ этомъ. Онъ боялся этой диктатуры; онъ любилъ порядокъ. Онъ не хотѣлъ быть „королемъ жакеріи". Въ своемъ честолюбіи онъ постоянно стремился къ тому, чтобы его считали *законнымъ* государемъ. Теперь онъ снова сдѣлался императоромъ. Но онъ отказывался отъ самодержавія. Всѣ окружающіе говорили о свободѣ; онъ говорилъ о ней громче всѣхъ остальныхъ. Онъ понялъ, что ему слѣдуетъ усвоить себѣ пріемы конституціоннаго государя. Въ первыхъ своихъ прокламаціяхъ онъ обѣщалъ, что избирательныя коллегіи созваны будутъ на чрезвычайное собраніе, *Майское Поле*, для измѣненія конституціи. Въ какой

---

[1]) Henry Houssaye приводитъ цѣлый рядъ такихъ выходокъ въ своей прекрасной книгѣ о 1815 годѣ, которая является лучшимъ руководствомъ по исторіи этой эпохи; наприм., объявленіе такого рода: „Два милліона награды тому, кто найдетъ миръ, утраченный 20 марта". Или такой пасквиль: „Мы, Наполеонъ, милостію дьявола и установленіями ада императоръ французовъ, постановили и объявляемъ ниже слѣдующее: Статья 1: ежегодно мнѣ будетъ доставляться 300.000 жертвъ.—Ст. 2: сообразно съ обстоятельствами я увеличу означенное количество до 3.000.000.—Ст. 3: всѣ эти жертвы будутъ немедленно отправляемы на бойню". Нѣкоторые куплеты не лишены злости; напримѣръ:

Ah! dis donc, Napoléon!
A n'vient pas la Marie-Louise.

(Ну-ка, что, Наполеонъ! А вѣдь Марія-Луиза то не придетъ!).

формѣ произойдетъ это измѣненіе? Нельзя было непосредственно совѣщаться съ избирателями по поводу различныхъ статей. Избраніе Учредительнаго Собранія требовало слишкомъ продолжительной отсрочки и могло вызвать затрудненія. Комиссія изъ юристовъ и государственныхъ людей, повидимому, лучше справилась бы съ этой передѣлкой. По рекомендаціи своего брата Іосифа, Наполеонъ ввѣрилъ трудъ переработки имперской конституціи въ либеральномъ духѣ, одному искреннему другу свободы, именно Бенжамену Констану.

Дополнительный актъ.—Бенжаменъ Констанъ, бывшій якобинецъ, большой сторонникъ директорскаго режима, позднѣе, въ Трибунатѣ, глава оппозиціи, съ которой безъ труда раздѣлялся первый консулъ, провелъ десять лѣтъ въ Германіи въ добровольномъ изгнаніи. Мистикъ въ обществѣ г-жи Крюденеръ, онъ мало-помалу превратился въ либеральнаго легитимиста; и вотъ, на другой день послѣ рѣзкой выходки, направленной противъ возстановленной имперіи, ему поручена была редакція конституціи, которая, повидимому, предназначалась къ оживленію этой самой имперіи. Задача была щекотливая и нелегкая: Бенжаменъ Констанъ трудился надъ ней съ искренней любовью къ свободѣ. Онъ справился съ ней очень быстро. По удачному выраженію Шатобріана, это была *улучшенная Хартія*. Статьи конституціи XII года, касавшіяся наслѣдственности имперіи и правъ императорской фамиліи, были сохранены. Но исполнительная власть поставлена была подъ очень серьезный контроль законодательной власти. Реставраціонная палата пэровъ съ наслѣдственностью ея членовъ была удержана; палата депутатовъ должна была избираться непосредственно цензитарными избирателями, число которыхъ однако достигало теперь 100.000 вмѣсто прежнихъ 15.000. Полномочія палатъ были значительно расширены. Палаты получали право вносить законопроекты и поправки къ нимъ, вотировать ежегодно численный составъ арміи, свергать министровъ, которые становились теперь отвѣтственными. Предварительная цензура была отмѣнена; всѣ преступленія по дѣламъ печати передавались суду присяжныхъ засѣдателей; превотальные суды отмѣнялись; возстановлялась свобода культовъ, безъ государственной церкви; объявленіе осаднаго положенія переходило къ палатамъ. „Публичность преній, свобода выборовъ, отвѣтственность министровъ, свобода печати, я хочу всего этого", говорилъ Наполеонъ. „Я человѣкъ народа; если народъ хочетъ свободы, я обязанъ дать ее ему". Искренне ли говорилъ онъ все это? Были сильныя основанія сомнѣваться въ этомъ. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы *конфискація*, отмѣненная въ Хартіи 1814 года, была возстановлена въ новомъ конституціонномъ Актѣ. „Меня толкаютъ на путь, который чуждъ мнѣ", говорилъ онъ по этому поводу: „меня обезсиливаютъ, меня сковываютъ. Франція ищетъ и не находитъ меня. Она спрашиваетъ себя, что же сталось со старой рукой императора, которая такъ нужна Франціи, чтобы покорить Европу. Первый законъ—необходимость; первая справедливость—общественное благо".

Конституція Бенжамена Констана (*La Benjamine*, какъ ее звали), повидимому, приноровлена была къ состоянію умовъ. Герцогъ де Броли находилъ въ ней „много сильныхъ и искреннихъ положеній". Между тѣмъ якобинцы хотѣли бы всеобщаго голосованія и отмѣны наслѣдственнаго пэрства; истые бонапартисты требовали полнаго и простого возстановленія императорской диктатуры; роялисты протестовали; даже сами либералы спрашивали себя, въ какомъ духѣ будетъ примѣняться новый Актъ, который получилъ названіе *Акта дополнительнаго къ установленіямъ имперіи*, а это вызывало

опасеніе возврата къ традиціямъ прежняго императорскаго режима. Вообще, не было вѣры въ обращеніе Наполеона. Задорные пасквили все увеличивались въ числѣ: „Сегодня большое представленіе въ театрѣ *Честолюбія*, на площади Карусель, въ пользу одной нуждающейся корсиканской семьи. Представлено будетъ: *Императоръ вопреки общему желанію*, траги-комическій фарсъ; *Принцы и принцессы, сами того не вѣдающіе*, веселая шутка, и балетъ *Рабы*. Въ заключеніе выходъ казаковъ". Восторженное отношеніе къ императору падало по мѣрѣ того, какъ росла увѣренность въ томъ, что будетъ война, неумолимая, безуспѣшная. Выборы въ законодательный корпусъ дали палату, враждебную императорскому режиму; либералы и республиканцы занимали въ ней господствующее положеніе; они были полны злобы и недовѣрія къ императору. Многіе изъ нихъ совершенно искренне относились къ прокламаціямъ вождей коалиціи, которые задавались мыслью отдѣлить Францію отъ императора и мечтали посадить на престолъ Наполеона II, устроивъ за его малолѣтствомъ регентство, или возстановить монархію съ герцогомъ Орлеанскимъ въ качествѣ короля. Дополнительный Актъ подвергнутъ былъ голосованію избирательныхъ коллегій; при подсчетѣ получилось 1.532.527голосовъ за, 4.802 голоса противъ него. Число воздержавшихся отъ голосованія было очень значительно. Во время плебисцита, которымъ установлена была въ XIII году имперія, утвердительно отвѣтили болѣе 3.500.000 человѣкъ.

Марсово поле.—1-го іюня на Марсовомъ полѣ состоялась знаменитая церемонія *Майскаго поля*. Наполеонъ долженъ былъ обнародовать Дополнительный Актъ, присягнуть ему, сдѣлать смотръ избирателямъ, національной гвардіи, возстановленной арміи и раздать ей орловъ. Церемонія была очень холодная, несмотря на всю торжественность, какую старались придать ей. Императоръ одѣтъ былъ въ какое-то старинное римское одѣяніе; его братья были всѣ въ бѣломъ бархатѣ, какъ кандидаты на званіе императора; мундиры были черезчуръ обшиты золотомъ, украшены слишкомъ большимъ количествомъ перьевъ. Церемонія была безконечно длинная; народъ присутствовалъ при ней, ничего не видя вслѣдствіе сооруженій, воздвигнутыхъ ради этого обстоятельства архитекторомъ Фонтэномъ. Національная гвардія продефилировала спокойно; императорская гвардія испускала неистовые клики. Естественно напрашивалось сравненіе этихъ старыхъ храбрецовъ съ античными гладіаторами, которые привѣтствовали императора прежде, чѣмъ умереть ради его удовольствія. Рѣчь Наполеона была высокопарна и театральна, полна принужденности. Всѣ почувствовали себя какъ-то неловко. Палаты собрались 7 іюня. На должность президента законодательнаго корпуса было два кандидата: во-первыхъ, Люсьенъ Бонапартъ, который раньше отказывался отъ коронъ, предлагаемыхъ ему братомъ, но теперь, когда счастіе брата пошатнулось, готовъ былъ помочь ему въ его либеральной попыткѣ; во-вторыхъ, Ланжинэ, одинъ изъ авторовъ предложенія 1814 года о низложеніи Наполеона. Предпочтеніе дано было Ланжинэ. Начались зложелательныя распри: депутаты не вѣрили въ искренность намѣреній Наполеона. 12 іюня онъ покинулъ Парижъ и отправился въ Бельгію. Тамъ должна была рѣшиться его собственная судьба, а вмѣстѣ съ ней и судьба Франціи.

Франція и седьмая коалиція.—Какъ только собравшіеся въ Вѣнѣ государи узнали о прибытіи Наполеона во Францію, они помирились [1]) и декларацией 13 марта поставили Наполеона внѣ закона. 25 марта четыре великія державы подписали

[1]) См. т. III., гл. I, *Вѣнскій конгрессъ*.

новый договоръ о союзѣ, цѣлью котораго являлось поддержаніе мира, а средствомъ для этого—война. Державы старательно отдѣляли Наполеона отъ Франціи и объявляли, что онъ—единственное препятствіе мира. Однако Франція подвергнута была интердикту. Всѣ французы, занимавшіе офиціальныя должности отъ имени новаго правительства, были арестованы и считались военноплѣнными. Французскія суда захвачены были англичанами. Чтобы довести до свѣдѣнія иностранныхъ кабинетовъ свои дипломатическіе циркуляры, Коленкуръ вынужденъ былъ обратиться къ секретнымъ агентамъ. Наполеонъ разсчитывалъ было снова привлечь на свою сторону Австрію; ему не удалось даже добиться возвращенія императрицы Маріи-Луизы. Недостойная жена и равнодушная мать, она поддалась опутываніямъ Нейпперга и заявила, что пребываніе въ Вѣнѣ нравится ей больше, чѣмъ въ Парижѣ. Ея сынъ лишенъ былъ даже своей французской воспитательницы, г-жи де Монтескіу, которая замѣнена была австріячкой. Государи Европы готовились, очевидно, воевать съ Наполеономъ не на животъ, а на смерть. Будь они изолированы, Наполеонъ еще имѣлъ бы нѣкоторые шансы разъединить ихъ. Собравшись всѣ вмѣстѣ въ Вѣнѣ, они оказались безжалостными.

Послѣдняя армія имперіи.—Итакъ, Франція одна вступаетъ въ борьбу съ цѣлой объединенной Европой. 20 марта въ распоряженіи Наполеона было 102 пѣхотныхъ полка двухбатальоннаго состава и 57 кавалерійскихъ полковъ; вмѣстѣ съ артиллеріей, саперами и обозомъ это составляло около 150.000 человѣкъ. При дѣятельной помощи Даву императоръ работаетъ надъ увеличеніемъ этой арміи и надъ приведеніемъ ея въ боевой порядокъ. Нѣкоторые полки изъ двухъ батальоновъ развертываются въ пять батальоновъ; призываются обратно старые солдаты, зачисляются на службу рекруты этого года, мобилизуется національная гвардія. Всюду закупаютъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей. При началѣ кампаніи императоръ располагаетъ 275.000 солдатъ, 150.000 національной гвардіи, мобилизованной для участія въ бояхъ второй линіи, 50.000 матросовъ и артиллеристовъ для охраны морскихъ береговъ. Вольные отряды назначены охранять Пиренеи, Альпы и Вогезы. Вокругъ Парижа начаты работы по укрѣпленію города. Армія остается послѣднею надеждою Наполеона. Ея энтузіазмъ прорывается во время банкетовъ и смотровъ. Національная гвардія вооружилась съ увлеченіемъ: даже женатые люди идутъ, не отказываясь. Въ нѣсколько недѣль Даву возстановилъ прекрасную армію и притомъ армію цѣликомъ французскую, безъ всякаго участія иностраннаго элемента. Наполеонъ разсчитываетъ къ концу іюня имѣть въ своемъ распоряженіи полмилліона людей. Онъ уводитъ съ собой 180.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 30.000 конницы. Коалиція выставляетъ противъ него болѣе 1.000.000 враговъ: 100.000 англичанъ и голландцевъ, подъ командой Уеллингтона, расположилось между Самброй и Маасомъ; 150.000 пруссаковъ, во главѣ съ Блюхеромъ, охраняютъ линію Мааса; 350.000 австрійцевъ идутъ по направленію къ Рейну и Альпамъ; 225.000 русскихъ изъ-подъ Нюрнберга уходятъ во Францію. Другія войска готовятся въ тылу. Коалиція европейскихъ государей рѣшила покончить съ Наполеономъ.

Линьи и Катръ-Бра.—Намѣчалось два плана: либо ожидать врага подъ стѣнами Парижа, но это значило подвергнуть Францію всѣмъ ужасамъ нашествія; либо смѣло начать наступленіе. Наполеонъ принялъ второе рѣшеніе, болѣе отвѣчавшее привычкамъ великой арміи и вдохновенію его собственнаго генія. Свою атаку онъ направилъ туда, гдѣ его ждали меньше всего. Его ждали со стороны Дюнкирхена, гдѣ онъ произвелъ нѣсколь-

ко демонстративныхъ движеній. Онъ сумѣлъ втайнѣ отъ врага собрать свои войска на самомъ важномъ пунктѣ шахматной доски. Онъ перешелъ Самбру у Шарлеруа (15 іюня) съ цѣлью раздѣлить англичанъ и пруссаковъ. Измѣна генерала Бурмона явилась первой причиной неуспѣха. Помимо того, что союзники могли узнать отъ генерала (хотя онъ впослѣдствіи и отрицалъ это) нѣкоторые проекты Наполеона, измѣна эта вызвала въ арміи недовѣріе къ вождямъ.—16 іюня одновременно дано было два сраженія: у фермы *Катръ-Бра* („Четыре руки"), въ томъ мѣстѣ, гдѣ пересѣкаются дороги изъ Шарлеруа въ Брюссель и изъ Нивелль въ Намюръ, Ней разбилъ англичанъ, но не могъ использовать своей побѣды. Онъ атаковалъ врага слишкомъ поздно, лишь къ двумъ часамъ. Онъ отдѣлилъ одинъ изъ своихъ корпусовъ, подъ начальствомъ Друэ д'Эрлона, на помощь Наполеону, потомъ отозвалъ его назадъ, прежде чѣмъ корпусъ достигъ императора. Безполезная прогулка Друэ д'Эрлона между Неемъ и Наполеономъ безполезно утомила его войска, не оказавъ осязательной помощи ни той, ни другой арміи. Въ это время Наполеонъ атаковалъ Блюхера и пруссаковъ у Линьи, близъ Флёрю. Три прусскихъ корпуса защищались съ ожесточеніемъ и потеряли 20.000 человѣкъ. Блюхеръ, сброшенный съ коня и смятый французскою кавалеріей, ускользнулъ только потому, что его не узнали. Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ, не получивъ корпуса Друэ д'Эрлона, вынужденъ былъ пустить въ дѣло всѣ свои резервы и не могъ раздавить пруссаковъ, какъ онъ разсчитывалъ сдѣлать это. Стратегическій замыселъ Наполеона былъ достоинъ славныхъ дней Аустерлица и Ваграма, но выполненіе его было вялое. У Наполеона не хватило силъ перейти съ одного поля битвы на другое и одушевить все своимъ присутствіемъ. Въ немъ замѣчалась настоящая физическая усталость, которая выражалась продолжительною сонливостью; онъ уже не обладалъ подвижностью своихъ молодыхъ лѣтъ. „Это одутлое лицо", пишетъ генералъ Петье, „явилось для насъ печальнымъ предзнаменованіемъ".

Груши при Ваврѣ.—Груши, который во главѣ съ кавалеріей резерва принялъ крупное участіе въ битвѣ при Линьи, поручено было преслѣдовать пруссаковъ на Маасѣ черезъ Вавръ и Люттихъ, въ то время какъ Наполеонъ готовился уничтожить англичанъ, изолированныхъ въ направленіи къ Брюсселю. Къ несчастью для французовъ, Уэллингтонъ и Блюхеръ встрѣтились у мельницы Бри, близъ Линьи. Они дали взаимную клятву, что тотъ изъ двухъ, кто будетъ атакованъ императоромъ, во что бы то ни стало продержится до прихода союзника. Въ виду этого, вмѣсто отступленія на Люттихъ, Блюхеръ собралъ свои войска 17 іюня у Вавра, къ сѣверо-западу, съ цѣлью приблизиться къ своему союзнику. Груши 18 іюня двинулся на Вавръ, гдѣ засталъ Тильмана съ 25.000 пруссаковъ, между тѣмъ какъ Блюхеръ ушелъ съ тремя корпусами своей арміи на соединеніе съ Уэллингтономъ. Когда Груши услыхалъ ватерлооскую канонаду, ему стало ясно, что онъ упустилъ главную часть прусской арміи. Несмотря на мольбы своихъ трехъ корпусныхъ командировъ, Жерара, Эксельманса и Вандамма, онъ придерживался буквальныхъ приказаній Наполеона, которыя были ему даны 17 іюня. 18-го онъ получилъ отъ главной квартиры лишь два совершенно неопредѣленныхъ приказа; второй изъ нихъ пришелъ къ нему лишь черезъ четыре часа послѣ перваго. Великая вина Груши въ этотъ день заключалась въ томъ, что онъ не повторилъ удачной дерзости Дезе при Маренго.

Битва при Ватерлоо.—Рѣшительная битва завязалась 18 іюня. Раздѣливъ англичанъ и пруссаковъ, Наполеонъ хотѣлъ

теперь, слѣдуя неизмѣнной своей тактикѣ, раздавить ихъ порознь. Но въ роковой день при Ватерлоо Уэллингтонъ сдержалъ свое слово, данное Блюхеру, и вполнѣ заслужилъ прозвище *желѣзнаго герцога* (*iron duke*), которое присвоило ему потомство. Онъ окопался на прекрасной позиціи, на плоской возвышенности горы С.-Жанъ; причемъ его правый флангъ находился у замка Угумонъ, центръ—у Э-Сентъ (Haie-Sainte), лѣвый—у Смоэна и Папелотта; въ тылу у него былъ лѣсъ Суаньи, который отрѣзывалъ ему всякое отступленіе. Въ случаѣ пораженія онъ былъ бы потерянъ. Французы, сосредоточившіеся предъ Планшенуа, отдѣлены были небольшимъ ручьемъ, стекавшимъ со склоновъ горы С.-Жанъ. Наполеонъ атаковалъ сначала правый флангъ англичанъ съ тѣмъ, чтобы охватить потомъ ихъ лѣвый флангъ и помѣшать имъ соединиться съ Блюхеромъ. Онъ надѣялся, впрочемъ, что Блюхера будетъ сдерживать Груши. Наполеону слѣдовало бы начать атаку какъ можно раньше, но онъ былъ боленъ, къ тому же грунтъ былъ испорченъ наканунѣ сильнѣйшей грозой. Битва началась лишь въ одиннадцать часовъ. Французы сперва одержали перевѣсъ у замка Угумона и у Э-Сентъ. Тогда начались атаки Нея противъ горы Сенъ-Жанъ. Вскорѣ французы услыхали канонаду справа отъ себя. Думали, что это Груши. На самомъ дѣлѣ, это были первые отряды прусскаго авангарда подъ начальствомъ Бюлова, явившіеся спасать англичанъ. Наполеонъ могъ отступить. Но онъ зналъ, что 600.000 враговъ вскорѣ перейдутъ Рейнъ и Альпы. Ему необходимо было рѣшительное дѣйствіе. Онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе. Онъ отдѣлилъ Мутона, графа де Лобо, съ 12.000 человѣкъ, поручивъ ему сдерживать пруссаковъ, и отдалъ приказъ Нею захватить во что бы то ни стало англійскія позиціи. Съ трехъ часовъ до пяти перевѣсъ былъ еще на его сторонѣ. Кавалерія, герои-кирасиры Милло и Келлермана, два раза добиралась до гребня горы Сенъ-Жанъ. Два раза они отступали подъ ужасными залпами англичанъ. Для поддержанія атакъ не хватало пѣхоты. Чувствовалось отсутствіе Мюрата, который такъ умѣлъ воодушевлять свою конницу. Нѣтъ словъ, Ней велъ дѣло съ обычнымъ своимъ мужествомъ, но онъ ничего не могъ подѣлать противъ хладнокровной отваги англичанъ. Тѣмъ временемъ въ рядахъ войскъ распространяется слухъ о прибытіи Груши. Груши — это желанное спасеніе, это—побѣда. А между тѣмъ это Блюхеръ, подходившій къ англичанамъ, это была—смерть. Наполеонъ еще разъ пытается остановить пруссаковъ своею гвардіей. Но англичане послѣднимъ усиліемъ отбрасываютъ войска Нея къ подножію горы Сенъ-Жанъ, къ самому Белль-Альянсу. Подъ Неемъ убиваютъ пятую лошадь, и маршалъ чудомъ избавляется отъ смерти, которой онъ искалъ. Съ этого момента всѣ французскіе корпуса приходятъ въ разстройство. Послѣднія каре, старая гвардія, подъ командой Камбронна, одни прикрываютъ отступленіе и гордо уходятъ, въ то время какъ прусская кавалерія преслѣдуетъ бѣгущихъ до границы. 32.000 французовъ, 22.000 союзниковъ легло на полѣ битвы.

Такова была роковая битва, которая получила свое названіе отъ Ватерлоо, главной квартиры Уэллингтона, откуда онъ разослалъ во всѣ концы вѣсть о своей побѣдѣ. Измѣна Бурмона, неудовлетворительность Сульта въ качествѣ начальника главнаго штаба, вялость Нея при Катръ-Бра, неспособность Груши, который не получилъ точныхъ приказаній и боялся личной своей иниціативой погубить исходъ главной битвы, а главное—жестокая болѣзнь, отъ которой страдалъ Наполеонъ, и утрата вѣры въ свое счастье — вотъ сколько было причинъ этого пораженія. Не будь сочетанія всѣхъ этихъ несчастныхъ обстоятельствъ, битва мог-

ла бы быть выиграна, но это была бы пиррова побѣда. Европа рѣшила ниспровергнуть Наполеона. Она раздавила бы его численностью. Всюду въ другомъ мѣстѣ онъ нашелъ бы другое Ватерлоо.

Второе отреченіе; Наполеонъ на св. Еленѣ.—Франція снова была побѣждена. Остатки арміи черезъ Шарлеруа и Авенъ отступили на Лаонъ. Здѣсь Наполеонъ въ послѣдній разъ покинулъ свою армію, стремясь предупредить въ Парижѣ взрывъ всеобщаго недовольства. Повидимому, онъ былъ единственнымъ препятствіемъ къ возстановленію мира. Слово „отреченіе" было у всѣхъ на устахъ. По предложенію Лафайетта, палаты заявили, что онѣ не разойдутся, и потребовали отъ Наполеона отреченія. Онъ подчинился, объявилъ императоромъ Наполеона II и передалъ власть временному правительству во главѣ съ министромъ полиціи Фуше, который старался устроить возвращеніе Бурбоновъ. Врагъ приближался къ Парижу. Даву собралъ 800.000 человѣкъ съ тѣмъ, чтобы остановить его. Можно было сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы избѣгнуть позора вторичной оккупаціи Парижа. Наполеонъ предложилъ взять на себя начальство надъ этими войсками въ качествѣ простого дивизіоннаго генерала. Временное правительство отказало ему. Тѣмъ временемъ коалиція, подвергнувъ блокадѣ пятый корпусъ въ Страсбургѣ, двигалась отъ Рейна черезъ Нанси, Шалонъ и Мо, не встрѣчая никакого сопротивленія. Наблюдательный корпусъ на Юрѣ, находившійся подъ командой Лекурба, послѣ мужественной борьбы вокругъ Бефора, также былъ опрокинутъ ордами завоевателей. Альпійская армія, подъ начальствомъ Сюше, сумѣла удержать свои позиціи, зато въ области Вара маршалъ Брюнъ вынужденъ былъ заключить съ врагомъ соглашеніе. Такимъ образомъ несчастная Франція цѣликомъ была выдана Европѣ, неумолимой въ своей мести. Тщетно генералъ Эксельмансъ одерживаетъ при Роканкурѣ послѣдній успѣхъ надъ прусской кавалеріей. Приходилось сдаваться на милость побѣдителя. Парижъ отданъ былъ Блюхеру и Уэллингтону по военному соглашенію, въ силу котораго французская армія, подъ начальствомъ Даву, должна была отойти къ югу отъ Луары (3 іюля 1815 года). Наполеонъ, удалившійся первоначально въ Мальмезонъ, добрался до Рошфора и отправился на англійское судно *Беллерофонтъ*. Онъ написалъ англійскому принцу-регенту знаменитое письмо, прося себѣ гостепріимства у англійскаго народа: „Ваше королевское высочество. Жертва борьбы партій, раздирающихъ мою страну, жертва вражды великихъ державъ Европы, я закончилъ свою политическую карьеру. Подобно Ѳемистоклу я пришелъ къ очагу британскаго народа. Я становлюсь подъ защиту его законовъ, которой я прошу у вашего королевскаго высочества, какъ у самаго могущественнаго, самаго постояннаго, самаго благороднаго изъ моихъ враговъ". Англія обошлась со своимъ гостемъ, какъ съ плѣнникомъ. Она приговорила его къ самому строгому заточенію, посреди океана, вдали отъ морей Европы, на островѣ св. Елены. Онъ скончался здѣсь шесть лѣтъ спустя (5 мая 1821 года).

Людовикъ XVIII и союзники.—Людовикъ XVIII второй разъ вернулся на престолъ при содѣйствіи иноземцевъ. Хотя онъ гордо заявилъ, что явился затѣмъ, чтобы снова стать „между французами и союзными арміями", онъ, въ сущности, былъ плѣнникомъ послѣднихъ. Чтобы досыта насладиться своимъ мщеніемъ, государи-союзники отказались отъ немедленныхъ переговоровъ. Такимъ образомъ, Франція снова должна была пережить всѣ униженія и муки нашествія враговъ. Въ Парижѣ англичане стали лагеремъ въ Булонскомъ лѣсу, пруссаки—въ Люксембургскомъ паркѣ. Блюхеръ хотѣлъ разрушить Вандомскую

Н. Т. Шарле.

Наполеонъ послѣ Ватерлоо.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

колонну и Іенскій мостъ, думая этимъ уничтожить самое воспоминаніе о великихъ побѣдахъ французскихъ армій. Въ своемъ приказѣ, не имѣвшемъ прецедентовъ, нѣмецъ Мюффлингъ отдавалъ прусскимъ часовымъ приказъ стрѣлять, при малѣйшемъ хвастливомъ жестѣ со стороны какого-либо француза. 1.150.000 солдатъ различной національности обрушились на несчастную страну. По всей Франціи иностранцы предавались самымъ дикимъ крайностямъ. Всюду они требовали огромныхъ денегъ, провіанта, фуража, платья. Одинъ нѣмецкій полковникъ держалъ подъ арестомъ всѣхъ мэровъ изъ окрестностей Санса, пока они не уплатятъ выкупа. Префектовъ отправляли въ казематы прусскихъ крѣпостей за то, что они исполняли свой долгъ, защищая французовъ. Даву спасъ раненыхъ, которыхъ везли внизъ по Луарѣ, лишь угрозой стрѣлять картечью въ тѣхъ, кто посмѣетъ ихъ тронуть. Лѣса наполнились несчастными, искавшими тамъ послѣдняго пріюта.

Бѣлый терроръ.—Эти страданія были еще усилены крайними проявленіями *бѣлаго террора*. Такъ названа была необузданная роялистская реакція и расправа, учиняемая во имя короля надъ наиболѣе знаменитыми сторонниками Наполеона и защитниками революціи. На югѣ цѣлыми массами избивали протестантовъ. Убивали до смерти даже генераловъ, пытавшихся защитить ихъ; такъ случилось съ маршаломъ Брюномъ въ Авиньонѣ, съ генералами Лагардомъ въ Нимѣ и Рамелемъ въ Тулузѣ. Реакція на югѣ получила характеръ религіозной войны.

Юридическая расправа была еще гнуснѣе, чѣмъ народныя избіенія, потому что она прикрывалась мнимою законностью. При своемъ возвращеніи Людовикъ XVIII въ своей прокламаціи, изданной въ Камбрэ (28 іюня 1815 г.), заявилъ слѣдующее: „я, никогда не дававшій пустыхъ обѣщаній, обѣщаю простить французамъ все, что произошло *со времени моего отъѣзда изъ Лилля*". Эта лицемѣрная оговорка разрѣшала теперь всѣ преслѣдованія, которыхъ требовали роялисты. Они хотѣли отплатить за пережитый страхъ и за свои неудачи самою безжалостною расправою. Фуше, болѣе, чѣмъ когда-либо, охваченный маніей власти, горѣвшій желаніемъ искупить свое прошлое цареубійцы и наполеоновскаго министра преувеличеннымъ усердіемъ роялиста-неофита, опубликовалъ списокъ 57 опальныхъ. Во главѣ значился Лабедуайеръ. „Если Бурбоны вернутся", говорилъ онъ послѣ Ватерлоо, „моя судьба рѣшена: меня разстрѣляютъ первымъ". Онъ думалъ было бѣжать въ Америку, но былъ схваченъ въ Парижѣ, куда онъ явился обнять свою молодую девятнадцатилѣтнюю жену. Ему не было еще тридцати лѣтъ, когда его разстрѣляли. Его процессъ былъ чѣмъ-то въ родѣ спектакля, на которомъ безъ всякаго чувства жалости присутствовали дамы самаго высшаго общества. Братья Фоше, одинъ—мэръ изъ Ла Реоля, другой—депутатъ и вождь бордосскихъ республиканцевъ, можно сказать даже, краса ихъ партіи, подверглись той же казни, причемъ ни одинъ адвокатъ не осмѣлился взять на себя ихъ защиту. Лаваллеттъ, начальникъ почтъ въ эпоху Ста дней, ускользнулъ, переодѣвшись въ платье своей жены, которая осталась въ тюрьмѣ вмѣсто него. Друэ д'Эрлонъ, оба Лаллемана, которые собирались свергнуть Людовика XVIII даже раньше возвращенія Наполеона съ о. Эльбы, спасли свою жизнь лишь бѣгствомъ за границу. Друо, Камброннъ, виновные лишь въ томъ, что сопровождали Наполеона на о. Эльбу, были оправданы.

Процессъ маршала Нея.—Самой знаменитой жертвой былъ маршалъ Ней. Онъ обѣщалъ Людовику XVIII привести Наполеона живымъ или мертвымъ. Но, при приближеніи къ своему старому товарищу по оружію, онъ перешелъ на его сторону,

увлекаемый всею своею арміей. „Точно плотина прорвалась“, говорилъ Ней: „я долженъ былъ уступить обстоятельствамъ“. Было бы политичнѣе сдѣлать видъ, что мѣстопребываніе его неизвѣстно; но слишкомъ усердные агенты вскорѣ открыли его. Ни одинъ генералъ не хотѣлъ судить этого великаго полководца. Монсе отказался предсѣдательствовать въ военномъ судѣ: да, впрочемъ, Ней отклонилъ компетенцію военнаго суда въ этомъ дѣлѣ и потребовалъ передачи его въ палату пэровъ. А эта только и стремилась показать свое усердіе. Ее подстрекали знатнѣйшія дамы, которыя были внѣ себя отъ одной мысли, что Ней можетъ быть помилованъ, и иностранные представители, которымъ хотѣлось окончательно отрубить голову французской арміи. „Отъ имени Европы беремъ мы на себя судъ надъ маршаломъ Неемъ“, воскликнулъ герцогъ Ришелье, и такое вмѣшательство иностранцевъ во внутреннія дѣла Франціи никому не показалось въ то время неблагопристойнымъ. Защита обоихъ Беррье и Дюпэна была неискусна. Изъ 161 пэра нашелся только одинъ голосъ, высказавшійся за невиновность; это былъ молодой герцогъ де Броли, который лишь за девять дней до этого достигъ возраста, дававшаго ему право засѣдать въ палатѣ пэровъ. 139 голосовъ подано было за немедленную смертную казнь безъ права апелляціи. Ней умеръ мужественно, пораженный французскими пулями, близъ обсерваторіи, недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь воздвигнута его статуя (7 декабря 1815 г.).

Мирный договоръ. — За нѣсколько недѣль до этого вторымъ Парижскимъ трактатомъ (20 ноября 1815 г.) окончательно опредѣлена была судьба Франціи. У нея отняты были важныя стратегическія позиціи: Филиппвилль, Маріенбургъ и Шимэ, княжество Бульонъ, Сарбрюкъ и Сарлуи, Ландау, Порантрюи, т.-е. получились какъ бы выступы въ сторону Франціи на Уазѣ, Сарѣ, въ Вогезахъ и на Дубѣ; хозяйничая въ Сарлуи и Ландау, пруссаки безъ труда могли вторгнуться въ 1870 году въ Лотарингію и Эльзасъ, и разгромъ первой имперіи имѣлъ своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ паденіе второй. Крѣпости сѣверо-востока заняты были 150.000 враговъ. Оккупація должна была продолжаться самое большее пять, самое меньшее три года. Союзникамъ уплачено было вознагражденіе въ 700 милліоновъ, но сумма эта возросла вдвое, благодаря частнымъ требованіямъ. Чтобы помѣшать „общему врагу“ встать на ноги, нѣмецкіе гарнизоны заняли Люксембургъ, Сарлуи, Ландау, Майнцъ, Раштаттъ, Ульмъ; здѣсь возведены были союзныя крѣпости. Чтобы слѣдить за Франціей съ сѣвера, создано было Нидерландское королевство изъ соединенныхъ Бельгіи и Голландіи. Рейнскія провинціи раздѣлены были между Пруссіей и Баваріей. Швейцарія сохранила за собой французскую долину Женевы, а Сардинская монархія—долины Савойи и графства Ниццы. Австрія сдѣлалась господствующей державой въ сѣверной Италіи. Такимъ образомъ создана была ревнивая стража, цѣлый рядъ укрѣпленныхъ лагерей всюду, куда Франція когда-либо простирала свое вліяніе.

Глава XIII.

Америка.

Соединенные Штаты.—Европейскія колоніи.

Съ 1800 по 1815 годъ.

I.—Президентство Джефферсона (1801—1809).

Соединенные Штаты въ 1800 году.— Кровавыя войны, происходившія въ Европѣ, вызвали съ 1793 года непрерывное движеніе эмиграціи въ Америку. Установленіе добропорядочнаго правительства и всѣ признаки возраставшаго благополучія, ничѣмъ не угрожаемаго, повидимому, обезпечивали обывателямъ этой страны ту безопасность, недостатокъ которой все болѣе и болѣе чувствовался въ Старомъ Свѣтѣ. По первой офиціальной переписи, произведенной въ 1790 году, жителей оказалось 3.929.000 душъ, а по переписи 1800 года—уже 5.308.000. Приростъ за 10 лѣтъ выражается 35 процентами. Населеніе все еще сосредоточивалось между Аллеганскими горами и моремъ. Однако уже начиналась хозяйственная эксплуатація области между Аллеганами и рѣкою Миссисипи: было уже болѣе 300.000 обитателей въ Кентукки и Теннесси, а плодородная область, ограниченная Огейо и великими озерами, населена была 50.000 человѣкъ. Восточная часть этого района въ 1802 году превращена была въ *штатъ* (семнадцатый по счету), а западная часть оставалась пока *территоріей* подъ именемъ Индіаны. Область, пограничная съ Флоридою, къ югу отъ Теннесси, образовала собою территорію Миссисипи.

Рабство и догматъ суверенитета штатовъ.—Вступленіе Джефферсона въ званіе президента состоялось уже не въ Филадельфіи (куда переѣхалъ Конгрессъ съ конца 1790 года), а въ новой федеральной столицѣ, въ городѣ Вашингтонѣ, построенномъ по грандіозному плану въ центрѣ федеральнаго округа Колумбіи (этотъ округъ расположенъ посреди Мэриленда), на лѣвомъ берегу Потомака. Въ общее число жителей по переписи 1800 года (5.308.000 человѣкъ) входилъ цѣлый милліонъ негровъ, изъ которыхъ 890.000 рабовъ, почти цѣликомъ распредѣленныхъ по штатамъ, лежавшимъ южнѣе Пенсильваніи. Такимъ образомъ, новая столица Союза находилась въ самомъ центрѣ рабства, и конгрессъ имѣлъ слабость допустить въ округѣ Колумбіи, въ силу особаго федеральнаго закона, примѣненіе чернаго кодекса, принятаго южными колоніями въ колоніальныя времена. Вопросъ о рабствѣ ни разу за весь этотъ періодъ съ 1800 по 1815 годъ не подни-

мался до высоты національнаго вопроса. Тѣмъ не менѣе важно отмѣтить, что уже въ послѣдніе годы XVIII вѣка простая петиція филадельфійскаго общества для борьбы съ рабствомъ подняла въ палатѣ общинъ цѣлую бурю, хотя единственнымъ предметомъ этой петиціи являлась просьба о томъ, чтобы Конгрессъ использовалъ всѣ данныя ему конституціей средства для остановки дальнѣйшаго развитія рабства. Нѣкоторые представители штатовъ, расположенныхъ на южномъ берегу Потомака, замѣтили по этому поводу, что для Юга рабство гораздо важнѣе самого Союза (подобное заявленіе уже было сдѣлано во время дебатовъ филадельфійской конвенціи), и это заявленіе сдѣлалось съ тѣхъ поръ лозунгомъ крайней рабовладѣльческой партіи. Сѣверъ въ своемъ индифферентизмѣ сдѣлалъ уступку желаніямъ Юга и вотировалъ федеральный законъ о примѣненіи налагаемыхъ на штаты конституціей обязанностей касательно возвращенія бѣглыхъ рабовъ. Такимъ образомъ, рабовладѣльческая партія пріучилась говорить объ обязанностяхъ Сѣвера въ вопросѣ о рабствѣ, совершенно забывая о его правахъ. Послѣ 1800 года партія эта усвоила себѣ постоянную формулу, въ которую облечено было „резолюціями Виргиніи и Кентукки ученіе о суверенитетѣ штатовъ, хотя Джефферсонъ и Мадисонъ, конечно, придумали эту формулу, не имѣя въ виду распространенія рабства. Отнынѣ всякій разъ, когда рабовладѣльческому интересу будетъ грозить ударъ со стороны федеральной власти, онъ противопоставитъ ей догматъ о суверенитетѣ штатовъ и чисто мѣстный характеръ вопроса о рабствѣ, который можетъ быть рѣшенъ каждымъ штатомъ по-своему, безъ всякаго контроля извнѣ. Но когда ему понадобится прибѣгнуть къ услугамъ федеральныхъ властей, онъ воспользуется тремя оговорками, помѣщенными въ конституціи относительно рабства, для того чтобы выступить въ роли защитника національнаго интереса и потребовать отъ конгресса такого же внимательнаго отношенія, какъ и ко всякому другому національному интересу.

Джефферсонъ былъ родомъ изъ Виргиніи точно такъ же, какъ и Вашингтонъ, какъ и два ближайшихъ его преемника, Мадисонъ и Монроэ. Виргинія оставалась первымъ штатомъ по численности своего населенія, и это преобладаніе отнято было у нея Нью-Іоркомъ лишь четверть вѣка спустя. Со своею династіею рабовладѣльческихъ президентовъ, родомъ изъ Виргиніи, съ федеральною столицею, расположенною въ области рабовладѣнія, собственники негрскаго населенія пяти южныхъ штатовъ увѣренно глядѣли въ будущее. Такимъ образомъ, рабство, или точнѣе распространеніе рабовладѣльческихъ интересовъ за предѣлы первоначальнаго ихъ господства, сдѣлалось самымъ важнымъ вопросомъ Союза лишь къ 1820 году, по окончаніи долгихъ споровъ съ Франціей и Англіей, которые поглощали вниманіе правителей Соединенныхъ Штатовъ въ теченіе всего начала XIX вѣка.

Программа джефферсоновской демократіи; пріобрѣтеніе Луизіаны.—Джефферсонъ олицетворялъ собою правительственную доктрину, противоположную честолюбивымъ намѣреніямъ и аристократическимъ, антинароднымъ тенденціямъ гамильтоновской политики. Умѣренность во внѣшнихъ проявленіяхъ исполнительной власти, строгая экономія, сокращеніе федеральныхъ расходовъ до минимума, примѣненіе конституціи съ самымъ узкимъ толкованіемъ ея постановленій, — таковы основныя черты этой программы. Однако первый срокъ президентства Джефферсона отмѣченъ былъ сдѣлкой крупнаго значенія, сдѣлкой, которая имѣла для будущаго Соединенныхъ Штатовъ самые благіе результаты, но которую самъ Джефферсонъ считалъ не конституціонной: въ

1803 году за сумму въ 16 милліоновъ долларовъ пріобрѣтена была Луизіана, которую Испанія только что вернула Франціи, а послѣдняя переуступила Соединеннымъ Штатамъ. По одному почерку пера американская нація вступила во владѣніе Новымъ Орлеаномъ и его территоріей, обоими берегами Миссиссипи отъ истока до устьевъ и огромной пустыней, лежавшей къ западу отъ великой рѣки вплоть до неточно установленныхъ границъ испанскихъ владѣній, находившихся въ зависимости отъ Мексики. Покупкой Луизіаны Джефферсонъ обезпечивалъ американской республикѣ матеріальную возможность распространенія до самаго Тихаго океана. Въ слѣдующемъ году онъ поручилъ капитанамъ Льюису и Кларку изслѣдованіе части пріобрѣтенной территоріи. Путешественники добрались по Миссури и Скалистымъ Горамъ до бассейна рѣки Колумбіи и обезпечили Соединеннымъ Штатамъ права на эту великую таинственную область.

Финансовое положеніе Союза.—Начало президенства Джефферсона было замѣчательно удачно. Финансовое положеніе Союза было вполнѣ благопріятно. Національный долгъ, уменьшившійся сначала съ 86 милліоновъ до 77 милліоновъ долларовъ въ теченіе двухъ лѣтъ, поднялся въ 1804 году не выше 86 милліоновъ, несмотря на выпускъ бумагъ, которыми покрывалось пріобрѣтеніе Луизіаны, а въ 1805 году уменьшился до 82 милліоновъ, въ 1806—до 75, наконецъ, въ 1807 году—до 69 милліоновъ. Республиканская партія сдержала свои обѣщанія и правила экономно; долгъ прогрессивно уменьшался, дойдя до 45 милліоновъ въ 1812 г. Федеральный доходъ достигъ 15 милліоновъ въ 1812 году (въ 1790 году было $4^1/_2$ милліона), при чемъ одинъ таможенный доходъ составлялъ 12 милліоновъ. Политическая программа Джефферсона намѣчала отмѣну прямыхъ налоговъ, которые вызвали возстаніе верхнихъ графствъ Пенсильваніи (1791—1794 гг.); обѣщаніе было выполнено; поступленіе этихъ налоговъ, доходившее въ 1801 году до 1.600.000 долларовъ, уменьшилось вслѣдствіе произведенныхъ сокращеній до 825.000 долларовъ въ 1802 году; до 300.000 въ 1803; до суммы менѣе 30.000 въ 1808 году. Наоборотъ, доходъ отъ продажи казенныхъ земель въ долинѣ Огейо поднялся съ 167.000 долларовъ въ 1801 году до 765.000 въ 1806 году. Внѣшняя торговля процвѣтала; блестящая кампанія противъ берберскихъ государствъ (въ 1804 году) и бомбардировка Триполи избавили американскій торговый флотъ отъ подати, какую онъ платилъ до этихъ поръ въ Средиземномъ морѣ пиратамъ сѣверной Африки.

Переизбраніе Джефферсона. — Наградой Джефферсону за умѣлое и удачное четырехлѣтнее управленіе было его переизбраніе въ президенты (въ 1804 году) 162-мя голосами изъ 176 голосовъ избирательной коллегіи. Вице-президентомъ избранъ былъ Джорджъ Клинтонъ изъ Нью-Іорка. За федералистскихъ кандидатовъ Чарльза Пинкни и Руфа Кинга поданы были только голоса Коннектикута и Дилауэра; даже Бостонъ перешелъ къ республиканской партіи. До 1800 года федералисты долгое время твердили, что, если Джефферсонъ будетъ выбранъ президентомъ, то вся правительственная система придетъ въ разстройство и упадокъ. Гамильтонъ правильнѣе оцѣнивалъ своего соперника, заявляя, наоборотъ, что этотъ радикалъ, очутившись у власти, удивитъ міръ своею умѣренностью. Въ одномъ письмѣ Гамильтона къ Байару (отъ 16 января 1801 года) находимъ слѣдующее: „Г-нъ Джефферсонъ во имя своихъ принциповъ не сдѣлаетъ ничего такого, что могло бы умалить его популярность или повредить его интересамъ... Справедливая оцѣнка его характера, на мой взглядъ,

заставляетъ ждать отъ него скорѣе замедлящей, чѣмъ стремительной дѣятельности". Такимъ образомъ вышло, что республиканцы, добившіеся власти благодаря своей репутаціи защитниковъ правъ отдѣльныхъ штатовъ, очутившись во главѣ правленія очень скоро, превратились въ рѣшительныхъ сторонниковъ централизаціи власти, тогда какъ федералисты, раздосадованные своимъ пораженіемъ, раздраженные продолжительнымъ заточеніемъ въ рамкахъ Новой Англіи, которыя съ каждымъ днемъ становились тѣснѣе, мало-по-малу пришли къ мысли выработать проектъ отдѣленія сѣверо-восточныхъ штатовъ. Партіи помѣнялись ролями. Республиканская партія воспользовалась благотворными результатами всѣхъ мѣропріятій, установленныхъ федералистами (фискальная система, таможенный тарифъ, государственный долгъ), не пострадавъ однако отъ той непопулярности, какую вызвали эти мѣропріятія по отношенію къ ихъ зачинщикамъ. Эта разумная умѣренность Джефферсона, съ которою онъ сохранилъ все, созданное его предшественниками, вызвала ускоренное паденіе федералистской партіи.

Федералисты; интрига Бёрра.—Въ дѣлѣ о Луизіанѣ Гамильтонъ, какъ истинный государственный человѣкъ, могъ только одобрить Джефферсона. Но молодые члены федералистской партіи отдѣлились по этому поводу отъ своего вождя и ввязались въ темную интригу, въ которой сплетались два вопроса: избраніе одного нечистоплотнаго политика, Бёрра, въ губернаторы штата Нью-Іорка и планъ уничтоженія Союза. Гамильтонъ съумѣлъ помѣшать избранію Бёрра, и заплатилъ жизнью за эту послѣднюю свою услугу родинѣ: 11 іюля 1804 года Бёрръ убилъ его на дуэли [1]). Гамильтону было сорокъ семь лѣтъ; его преждевременная смерть окончательно разстроила федералистскую партію, которая перестала существовать, какъ крупная политическая партія, и опустилась до положенія непримиримой, по временамъ мятежной группы. И только грубые промахи республиканцевъ отъ времени до времени вызывали въ федерализмѣ какое-то подобіе жизни, скоропреходящую силу.

Соединенные Штаты колеблются между Франціей и Англіей.—Второе президентство Джефферсона было далеко не такъ удачно, какъ первое. Оно было полно внѣшнихъ затрудненій. Разногласіе въ общественномъ мнѣніи снова было подогрѣто тѣмъ ожесточеніемъ, какое приняла въ Европѣ борьба между императорскою Франціей и Англіей, и тѣмъ воздѣйствіемъ, какое оказывала эта борьба на коммерческіе интересы Соединенныхъ Штатовъ. Трактату Джея, вызвавшему такія оживленныя нападки республиканской прессы на Вашингтона, истекалъ срокъ въ 1804 г. Джефферсонъ, вся внѣшняя политика котораго направлена была къ тому, чтобы дать отжить существующимъ обязательствамъ, не возобновляя ихъ, и свести дипломатическое представительство въ Европѣ къ консульскому институту, совершенно не стремился вступать въ переговоры съ Лондонскимъ кабинетомъ. Немедленно начались притѣсненія на морѣ. Съ другой стороны, и Франція въ свою очередь вынуждена была предъявить къ Соединеннымъ Штатамъ требованія, превышавшія то, что Соединенные Штаты расположены были дать ей.

Несчастья Стараго Свѣта превратили американскихъ моряковъ въ морскихъ маклеровъ, и это положеніе обезпечило имъ огромные барыши. Правда, это разви-

[1]) Ааронъ Бёрръ, пошатнулъ этимъ свое положеніе въ штатѣ Нью-Іоркъ, утратилъ довѣріе федеральнаго Сената, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ по праву въ качествѣ вице-президента Союза, и удалился на Западъ, гдѣ онъ тайно организовалъ военную экспедицію, цѣлью которой было овладѣніе Луизіаной и штатами по Миссиссипи. Онъ былъ схваченъ, отданъ подъ судъ и оправданъ за недостаткомъ уликъ (1806—1807 гг.).

тіе нейтральной морской торговли вмѣстѣ съ богатствомъ доставляло много хлопотъ и риска. По мѣрѣ того какъ обострялась борьба между Наполеономъ и британскимъ кабинетомъ, американское правительство все сильнѣе сознавало необходимость открыто примкнуть къ той или другой сторонѣ, и такъ какъ оно не обнаруживало никакого расположенія отстаивать свою торговлю силой, то обѣ заинтересованныя стороны дѣйствовали не столько уговоромъ, сколько запугиваніемъ. Цѣлый рядъ приказовъ англійскаго Совѣта и французскихъ императорскихъ декретовъ (миланскій, берлинскій, декретъ о континентальной блокадѣ, о блокадѣ Англіи) дѣлалъ для американцевъ все болѣе затруднительнымъ сохраненіе ихъ нейтральнаго положенія. Джефферсонъ вовсе не хотѣлъ впутываться въ войну; онъ философствовалъ насчетъ положеніе Соединенныхъ Штатовъ между Англіей Питта и Франціей Наполеона и удовольствовался тѣмъ, что попросилъ Конгрессъ вотировать ему нѣкоторую сумму на сооруженіе канонерокъ, которыя въ случаѣ надобности могли бы защитить рѣчныя устья.

Политика „запрещенія“. — Такъ какъ Англія становилась все высокомѣрнѣе, безпощадно примѣняя право осмотра судовъ, снимая съ американскихъ кораблей предполагаемыхъ англійскихъ матросовъ (это дѣлалось по закону о принудительномъ наборѣ матросовъ), то положеніе вскорѣ сдѣлалось невыносимымъ. Федералисты выражали желаніе посредствомъ энергичнаго обращенія съ Франціей заставить Англію относиться къ Соединеннымъ Штатамъ съ бо́льшимъ уваженіемъ. Республиканцы задавались цѣлью не ссориться ни съ Франціей, ни съ Англіей. Тѣмъ временемъ американскія суда повсюду въ европейскихъ моряхъ подвергались захвату какъ англичанъ такъ и французовъ. Въ 1806 году Конгрессъ вотировалъ законъ, воспрещавшій ввозъ нѣкоторыхъ британскихъ товаровъ; законъ этотъ являлся какъ бы отголоскомъ пріемовъ изъ временъ американской революціи. Въ іюнѣ 1807 года при входѣ въ заливъ Чесепикъ англійскій фрегатъ открылъ огонь по американскому фрегату, который недостаточно проворно повиновался его приказаніямъ. Въ возмездіе за это Джефферсонъ внесъ въ Конгрессъ и провелъ тамъ предложеніе о *запрещеніи* (декабрь 1807 года); лишивъ обѣ воюющія стороны услугъ торговаго флота Соединенныхъ Штатовъ и выгодъ, вытекавшихъ изъ ихъ торговыхъ сдѣлокъ съ Америкой, онъ надѣялся принудить ихъ къ бо́льшему уваженію. Онъ не добился ничего, и федералисты Новой Англіи имѣли основаніе указывать на гибельную политику, которая убивала торговлю, задаваясь цѣлью лучшей ея защиты. Республиканцы сопротивлялись нѣкоторое время, но потомъ рѣшились отказаться отъ *запрещенія* (1 марта 1809 года). 4 марта Джефферсонъ оставилъ президентское кресло, обезкураженный, вынужденный сознаться, что его политика интернаціональной философіи и мира, во что бы то ни стало, потерпѣла неудачу, и что его страна роковымъ образомъ приближалась къ войнѣ съ Англіей, войнѣ, которую онъ лично не сумѣлъ ни предотвратить, ни подготовить.

II.—Вторая война за независимость (1812—1815 гг.).

Президентство Мадисона (1809—1817).— Мадисонъ, который уже восемь лѣтъ состоялъ государственнымъ секретаремъ, избранъ былъ въ 1808 году въ президенты Союза 122-мя голосами противъ 47, поданныхъ за Пинкни. Онъ оставилъ министромъ финансовъ Геллетина, который занималъ этотъ постъ съ перваго президентства Джефферсона. Мадисонъ придерживался образа дѣйствій своего предшественника, но съ меньшимъ бле-

скомъ, съ большею умѣренностью и робостью. Федералистская оппозиція вслѣдствіе этого сдѣлалась смѣлѣе, ожесточеннѣе и приняла до такой степени рѣшительное сепаратистское направленіе, что губернаторъ Канады счелъ полезнымъ отправить въ Бостонъ тайнаго агента съ порученіемъ убѣдиться, въ какой мѣрѣ Англія могла бы разсчитывать на восточные штаты въ случаѣ войны съ Соединенными Штатами. Переговоры между обѣими державами не приводили ни къ какому результату. Англія ничего не хотѣла уступать ни въ правѣ осмотра кораблей, ни въ насильственномъ наборѣ матросовъ, ни въ какомъ-либо иномъ требованіи Америки. Послѣдній шагъ въ сторону рѣшенія, которое давно уже казалось неизбѣжнымъ, былъ совершенъ въ тотъ моментъ, когда Мадисонъ увидѣлъ, что его переизбраніе (въ 1812 году) зависитъ отъ подчиненія требованіямъ „молодыхъ" членовъ республиканской партіи Клэя, Кэлуна, Лондеса, которые хотѣли войны. Западъ только и мечталъ о расширеніи, а Канада казалась легкой добычей. Обѣ палаты вотировали объявленіе войны Англіи, и президентъ подписалъ его (18 іюня 1812 года).

Война 1812 года.—Война 1812 года названа была „второю войною за независимость" Соединенныхъ Штатовъ. Явнымъ поводомъ ея было желаніе вырвать у Великобританніи оружіемъ то, чего нельзя было добиться отъ нея путемъ долгихъ переговоровъ, а именно—отказъ отъ примѣненія нѣкоторыхъ тиранническихъ правъ на морѣ. Соединенные Штаты были очень плохо подготовлены къ активнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Казна была пуста, такъ какъ, благодаря законамъ о запрещеніи ввоза, изсякли источники поступленія; армія едва насчитывала 10.000 человѣкъ, изъ которыхъ бо́льшая половина набрана была на спѣхъ и не обучена, весь военный флотъ состоялъ изъ 8 фрегатовъ, 5 шлюпокъ и 3 бриговъ. Къ счастью, Англія въ 1812 году была настолько занята въ Европѣ, что могла отвлечь лишь очень небольшую часть своего вниманія и своихъ силъ на борьбу противъ бывшихъ своихъ колоній.

Возстаніе индѣйцевъ. — Военныя дѣйствія открылись войною съ индѣйцами. Подъ предводительствомъ двухъ братьевъ, называвшихся Текумсе, изъ которыхъ одинъ называлъ себя пророкомъ, сѣверо-западныя племена поднялись всѣ разомъ противъ американскихъ поселеній. Уильямъ Гаррисонъ, губернаторъ территоріи Индіаны, нанесъ имъ рѣшительное пораженіе на берегахъ рѣки Типпканоэ (7 ноября 1811 года). Краснокожіе искали спасенія въ союзѣ съ Англіей.

Кампаніи 1812 и 1813 годовъ.—Кампанія 1812 года была неудачна для американцевъ. Генералъ Хэлль, губернаторъ территоріи Мичигана, получилъ приказаніе вторгнуться черезъ Дитрейтъ на полуостровъ Канаду. У него не хватило силъ для выполненія этого предпріятія. Самъ осажденный въ Дитрейтѣ генераломъ Брукомъ, онъ вынужденъ былъ отдать ему фортъ и весь Мичиганъ. Нападенія на Канаду изъ другихъ пунктовъ, въ частности со стороны Ніагары, тоже не удались. Блестящіе успѣхи на морѣ вознаградили за эти неудачи. Съ августа по декабрь 1812 года въ четырехъ схваткахъ между кораблями почти одинаковой силы американцы одерживали верхъ: фрегатъ *Конституція* (капитанъ Хэлль), шлюпка *Оса* (капитанъ Джонсъ), фрегатъ *Соединенные Штаты* (капитанъ Дикеторъ) захватили въ плѣнъ англійскій фрегатъ *Воительницу,* бригъ *Frolik* и фрегатъ *Македонецъ;* та же *Конституція* съ новымъ капитаномъ Бэнбриджемъ захватила фрегатъ *Яву.* Такимъ образомъ, флотъ, которому общественное мнѣніе до сихъ поръ придавало мало значенія, доставилъ американцамъ рядъ блестящихъ тріумфовъ, въ то время какъ сухопутная армія, на авось двинутая противъ Канады, терпѣла одни толь-

ко пораженія. Съ тѣхъ поръ обнаруживается необычайное пристрастіе къ флоту; изъ гаваней Союза вышли многочисленные пираты и въ годъ лишили британскую торговлю болѣе чѣмъ трехсотъ судовъ. 1813 годъ привелъ съ собою нѣсколько успѣшныхъ дѣйствій на сушѣ и нѣсколько неудачъ на морѣ. Пайкъ занялъ Іоркъ (Торонто) на Канадскомъ полуостровѣ. Броунъ отбилъ англійскій отрядъ отъ Саккетсъ Харбера. Гаррисонъ взялъ обратно Дитрейтъ, перешелъ на канадскій берегъ и разбилъ индѣйцевъ близъ рѣки Темзы; вождь ихъ Текумсе палъ на полѣ битвы. Попытка захватить врасплохъ Монреаль не удалась вслѣдствіе разлада между генералами. Самымъ блестящимъ военнымъ подвигомъ этой кампаніи была побѣда, одержанная 10 сентября 1813 года на озерѣ Эри коммодоромъ Перри надъ англійскимъ флотомъ изъ шести судовъ. Отнынѣ американцы сдѣлались господами на озерахъ. На морѣ американскіе фрегаты совершили еще нѣсколько захватовъ, но въ свою очередь одинъ изъ нихъ самъ попалъ въ плѣнъ.

Чиппэва и Лэндисъ Лэнъ.—Война велась обѣими сторонами съ большею энергіей въ 1814 году, и на границѣ, у Ніагары, происходили настоящія битвы, кровавыя и ожесточенныя. При Чиппэвѣ и Лэндисъ Лэнѣ отличились американскіе генералы Броунъ и Уинфильдъ Скоттъ. Такъ какъ война въ Европѣ казалась оконченною, то англійское правительство отправило въ Канаду нѣсколько лучшихъ полковъ Уэллингтона. Прево вторгся черезъ озеро Шэмпленъ въ штатъ Нью-Іоркъ и осадилъ Питтсбургъ. Когда американская флотилія и на этотъ разъ совершенно разбила маленькую англійскую эскадру, которая поддерживала сухопутную армію, Прево отвелъ свои войска въ Канаду.

Взятіе и сожженіе Вашингтона (24 августа 1814 года).—Въ августѣ 5.000 англичанъ подъ начальствомъ генерала Росса появились въ заливѣ Чесепикъ и высадились въ устьѣ рѣки Пэтоксента. Они пошли на Вашингтонъ и при Бланденсбургѣ обратили въ бѣгство корпусъ милиціи. 24 августа они вступили въ столицу Соединенныхъ Штатовъ и подожгли Капитолій, Бѣлый Домъ и другія общественныя зданія. Они вскорѣ отошли, но съ тѣмъ, чтобы броситься 12 декабря на городъ Балтимору; здѣсь они были отбиты, и Россъ погибъ въ стычкѣ. По поводу этой именно защиты Балтиморы Фр. Ки сочинилъ знаменитый американскій гимнъ о знамени, усѣянномъ звѣздами (The Star-spangled Banner).

Миръ въ Гентѣ (24 декабря 1814 года); побѣда Джексона при Новомъ Орлеанѣ (8 января 1815 года). — На морѣ американцы захватили еще нѣсколько англійскихъ военныхъ судовъ и сами потеряли два изъ лучшихъ своихъ фрегатовъ. Длинные переговоры, начатые въ Англіи съ 1813 года Клеемъ, Куинси Адамсомъ, Рёсселемъ, Байаромъ и Геллетиномъ, привели къ миру въ Гентѣ, подписанному 24 декабря 1814 года; по этому миру обѣ державы возвращали другъ другу свои завоеванія и обходили полнымъ молчаніемъ тѣ спорные пункты, которыми вызвана была война. Извѣстіе о подписаніи мира пришло въ Вашингтонъ одновременно съ вѣстью о блестящей побѣдѣ, одержанной генераломъ Джексономъ [1])

---

[1]) Джексонъ былъ офицеромъ-волонтеромъ изъ Теннесси; онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ демократической партіи и былъ очень популяренъ на всемъ Западѣ. Уже въ 1814 году онъ прославился подвигомъ, который сразу поднялъ его въ общественномъ мнѣніи надъ всѣми генералами войны 1812 года. Когда индѣйское племя криксовъ, подстрекаемое англичанами, возстало въ 1813 году и перебило 400 человѣкъ, скрывшихся въ одномъ укрѣпленіи на Альбамѣ, Эндрью Джексонъ во главѣ волонтеровъ штата Теннесси отправился въ страну этихъ индѣйцевъ и разбилъ ихъ при Хорсшу (въ мартѣ 1813 года). Этимъ ударомъ окончательно сломленъ былъ союзъ криксовъ.

надъ англійской арміей Пэкингема при Новомъ Орлеанѣ (8 января 1815 года).

Федералистскій конвентъ въ Хэртфордѣ.— Федералисты сѣверо-востока во время войны оказывали лишь слабую помощь правительству. Партія подняла голову подъ руководствомъ Пиккеринга, Куинси, Ллойда, Отиса. Губернаторы, а также и большинство законодательныхъ собраній во многихъ штатахъ Новой Англіи принадлежали къ этой партіи. Эти уполномоченные истолкователи общественнаго мнѣнія неоднократно оскорбляли національное чувство. Скоро ихъ стали звать англійской партіей, измѣнниками, и они дѣйствительно были довольно близки къ измѣнѣ (такъ, они отказывались отдать мѣстную милицію въ распоряженіе военнаго департамента, возставали противъ федеральныхъ займовъ). Они придерживались ученія о верховенствѣ отдѣльныхъ штатовъ и повторили слово въ слово деклараціи, изданныя пятнадцать лѣтъ тому назадъ людьми, находившимися тогда у власти. Въ Хэртфордѣ собрался (15 декабря 1814 года) конвентъ для редактированія конституціонныхъ пожеланій и поправокъ, являющихся выраженіемъ ученія партіи. Здѣсь не было формулировано ни одного предложенія въ духѣ сепаратизма, и все-таки республиканцы клеймили Хэртфордскій конвентъ, какъ преступный замыселъ противъ націи, имѣя въ виду трудное положеніе Союза въ моментъ, когда состоялось это собраніе. На дѣлѣ война вовсе не ослабила узъ, скрѣплявшихъ Союзъ; напротивъ, она укрѣпила ихъ; пораженія и побѣды одинаково воспламеняли національный духъ; чѣмъ дольше затягивались военныя дѣйствія, тѣмъ замѣтнѣе падало количество приверженцевъ федерализма. Хэртфордскій конвентъ былъ совѣщаніемъ офицеровъ безъ войскъ. Комиссары, которымъ поручено было представить въ Конгрессъ требованія конвента, были еще въ пути, когда они узнали о подписаніи мира и вмѣстѣ съ тѣмъ о побѣдѣ при Новомъ Орлеанѣ. Имъ ничего больше не оставалось, какъ отправиться обратно.

Внутреннія преобразованія (1813—1816 гг.).—Конецъ войны отпразднованъ былъ въ Америкѣ съ чрезмѣрною радостью. Конгрессъ отмѣнилъ всѣ призывы милиціи и волонтеровъ и всѣ акты, запрещавшіе ввозъ. Армія была уменьшена до 10.000 человѣкъ. Въ Средиземное море отправлена была подъ командою Дикетора эскадра противъ берберскихъ пиратовъ, которые подъ покровомъ войны снова принялись за свои грабежи. Алжирскій дей явился на палубу адмиральскаго корабля и подписалъ отказъ отъ всякаго взиманія дани съ американцевъ; Алжиръ, Тунисъ и Триполи обязывались уплатить вознагражденіе за убытки, причиненные американской торговлѣ за время войны. Общее замиреніе сѣверо-западныхъ индѣйцевъ торжественно завершено было въ сентябрѣ 1815 года путемъ договоровъ, заключенныхъ со всѣми племенами (Дилауеры, Шоани, Уэйэндоты, Оттавы, Чиппевы, Оседжы, Эйовы, Канзасы, Фоксы, Кикапы, Сіу). Съ этой поры ведутъ свое начало *резервы* (Indian reservations), или особо отведенные для индѣйцевъ участки посреди земель, предназначенныхъ для колонизаціи. Въ 1813 году разразился чрезвычайно острый финансовый кризисъ, который вызвалъ общую отмѣну платежей звонкой монетой (за исключеніемъ банковъ въ штатахъ сѣверо-востока). Преемникъ Геллетина по министерству финансовъ, Деллесъ, предложилъ въ видѣ средства для исправленія такого положенія дѣлъ основать новый Національный банкъ Соединенныхъ Штатовъ (привилегія перваго такого банка, срокъ которой истекъ въ 1811 году, не была возобновлена). Его проектъ былъ принятъ въ 1816 году, и банкъ, основанный при капиталѣ въ 35 милліоновъ долларовъ, началъ функціонировать въ 1817 году (въ числѣ его директоровъ

были Жираръ и Асторъ). Платежи звонкой монетой возобновились повсюду въ томъ же году.

III.—Канада.

Борьба франко-канадской и англо-протестантской партій.—Французская революція вызвала переселеніе духовенства въ Канаду. Двѣнадцать сульпиціанцевъ прибыли заразъ въ Монреаль. Епископъ квебекскій отправилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Верхнюю Канаду. Другихъ эмигрантовъ онъ поселилъ въ Новой Шотландіи и на островѣ Кэпъ-Бретнъ. Эти выходцы поддерживали католическую религію и французскій языкъ во многихъ изъ бывшихъ французскихъ владѣній и тормазили успѣхъ правительственныхъ усилій, направленныхъ къ установленію во всей Канадѣ преобладанія англійскаго элемента.

Когда въ 1799 году умеръ послѣдній канадскій іезуитъ, британскія власти отобрали въ казну, какъ выморочное, все имущество Квебекскаго колледжа и употребили это имущество на созданіе Королевскаго института, образовательнаго учрежденія, назначеніемъ котораго было ускорить ассимиляцію страны посредствомъ развитія преподаванія на англійскомъ языкѣ. Католики всѣми силами противились примѣненію закона, который отдавалъ преподаваніе въ руки британскаго исполнительнаго совѣта и протестантовъ. Въ результатѣ этого конфликта народное образованіе въ Канадѣ на цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ задержано было на одномъ и томъ же уровнѣ.

Другое разногласіе разразилось по поводу налоговъ. Торговый классъ, почти весь состоявшій изъ англичанъ, отстаивалъ земельный налогъ; франко-канадцы, какъ земледѣльцы, требовали обложенія товаровъ, такъ какъ земледѣліе должно пользоваться покровительствомъ въ странѣ, гдѣ распашка земли является дѣломъ первостепенной важности. Метрополія приняла сторону франко-канадцевъ, и это заставило Mercury Quebec, органъ англичанъ, купцовъ и протестантовъ, выразиться слѣдующимъ образомъ: „Право, эта провинція слишкомъ французская, чтобы быть британской колоніей... Послѣ сорокапятилѣтняго владѣнія справедливо было бы, чтобы Канада сдѣлалась, наконецъ, англійской“.

Франко-канадцы рѣшили тогда воспользоваться свободой печати,—о которой написано было въ конституціи,—для защиты своихъ учрежденій, своего языка и своихъ обычаевъ, и въ 1806 году основали съ этою цѣлью французскій органъ *Le Canadien* (Канадецъ).

Губернаторъ Крекъ.—Милнсъ былъ губернаторомъ послѣ Прескотта. Милнса въ 1809 году смѣнилъ сэръ Джемсъ Крекъ, сохранивъ при себѣ въ качествѣ личнаго совѣтника Рейлэнда, который при двухъ предшествовавшихъ губернаторахъ былъ душою политики, враждебной французскому элементу и католицизму. Новый губернаторъ немедленно столкнулся съ канадскимъ собраніемъ, гдѣ французскій элементъ былъ въ большинствѣ. Крекъ написалъ въ Лондонъ, что въ колоніальномъ парламентѣ демагогія все сильнѣе пускаетъ корни, и объявилъ о распущеніи палаты. Но избиратели снова послали то же большинство, еще усиливъ его, и губернаторъ получилъ отъ своего правительства наставленіе держаться по отношенію къ новому собранію, насколько возможно, примирительно.

Канадцы ловко воспользовались положеніемъ и вотировали англійскому парламенту адресъ, въ которомъ заявляли, что страна отнынѣ въ состояніи взять на себя всѣ гражданскіе расходы колоніи, включая и жалованіе чиновникамъ, что являлось очень искуснымъ пріемомъ держать послѣднихъ въ зависимости отъ представительства страны и заставлять

ихъ относиться съ уваженіемъ къ правамъ и вольностямъ прежнихъ колонистовъ. Метрополія съ радостью приняла это предложеніе, приводившее къ существенной экономіи, которая пріобрѣтала особую цѣнность вслѣдствіе издержекъ на войну противъ Наполеона и вслѣдствіе финансоваго стѣсненія, вызваннаго континентальной блокадой.

Крекъ замѣтилъ опасность и прибѣгнулъ къ крайнимъ средствамъ. Палата была распущена, *Канадецъ* конфискованъ, издатель газеты подвергся обвиненію въ государственной измѣнѣ. Шесть депутатовъ и многіе изъ монреальскихъ нотаблей были арестованы. Губернаторъ пытался оправдать передъ британскимъ правительствомъ эти произвольныя мѣропріятія, ссылаясь на обнаруженіе заговора противъ Англіи. „Демагогическая партія въ Канадѣ, писалъ онъ, становится все смѣлѣе по мѣрѣ того, какъ Бонапартъ одерживаетъ крупные успѣхи въ Европѣ; эта партія собирается водрузить французскій флагъ. Чтобы справиться съ ней, надо отмѣнить конституцію, соединить обѣ Канады, отобрать имущество монреальской семинаріи и поставить назначеніе духовенства въ зависимость отъ короля. Если король не возьметъ въ руки назначеніе духовенства, колонія пропала“ [1]).

Губернаторъ Прево; лояльность франко-канадцевъ въ войнѣ 1812—1815 гг.—Крека смѣнилъ сэръ Джорджъ Прево, которому поручено было загладить насилія и безтактности своего не въ мѣру усерднаго предшественника. Благоразумный и умѣренный, онъ сумѣлъ завоевать симпатіи канадцевъ, жилъ въ добромъ согласіи съ палатой и добился отъ нея средствъ, необходимыхъ для приведенія колоніи въ состояніе обороны въ ожиданіи разрыва между Соединенными Штатами и Англіей.

Послѣ объявленія войны (18 іюня 1812 года) канадцы рѣшительно стали на сторону метрополіи, и этотъ результатъ получился въ значительной степени благодаря воздѣйствію католическаго духовенства на милицію. Американцы, отбитые въ кампанію 1812 года, завладѣли въ 1813 году всей Верхней Канадой, но не могли удержаться тамъ. Епископъ квэбекскій приказалъ служить общественные молебны о дарованіи побѣды британскому оружію; семинаристы взялись за оружіе и охраняли укрѣпленія города. Деревенская милиція подъ командой франко-канадца Саляберри разбила американцевъ при Шатогé и остановила комбинированное движеніе генераловъ Уилькинсона и Гэмптона противъ Монреаля (1813 г.). Въ награду за это англійское правительство назначило епископу пенсію въ тысячу ливровъ, сдѣлало его членомъ Совѣта и признало за нимъ право засѣдать рядомъ съ протестантскимъ епископомъ. Когда послѣдній сталъ жаловаться на подобныя уступки, онъ получилъ отъ министерства колоній (въ декабрѣ 1813 года) слѣдующій отвѣтъ: „Не время поднимать подобные вопросы, когда канадцы такъ храбро бьются за Англію“.

Кампанія 1814 года, которая должна была бы рѣшительно окончиться въ пользу англо-канадцевъ, благодаря прибытію въ Канаду 14.000 человѣкъ отборныхъ уэллингтоновскихъ войскъ, осталась, однако, нерѣшенною. Подписаніе Гентскаго мира объявлено было канадскому парламенту сэромъ Джорджемъ Прево въ январѣ 1815 года. Президентъ палаты Папино отвѣтилъ губернатору: „Событія послѣдней войны скрѣпили узы, соединяющія Великобританнію и Канаду... Послѣ всѣхъ доказательствъ, данныхъ другъ другу метрополіей и колоніей, съ одной стороны — доказательствъ дѣйствительнаго покровительства, съ другой — доказательствъ неизмѣнной вѣрности, жители этой страны съ бóльшимъ, чѣмъ когда-либо, основаніемъ могутъ разсчитывать

[1]) *Канада* Жака де Бодонкура, стр. 408.

на сохраненіе и свободное пользованіе тѣми преимуществами, которыя обезпечены имъ ихъ конституціей и законами".

Сэръ Джоржъ Прево вскорѣ покинулъ Канаду. Послѣ его ухода борьба между франко-канадцами и партіей англо-протестантской возгорѣлась вновь на парламентской почвѣ; борьба эта тянулась въ продолженіе ближайшихъ тридцати лѣтъ.

IV.—Южная Америка.

Санъ-Доминго [1]); Туссэнъ-Лувертюръ.—Бывшій рабъ, полковникъ испанской арміи, Туссэнъ-Лувертюръ перешелъ въ 1794 году бригаднымъ генераломъ на французскую службу. Французскій комиссаръ въ Санъ-Доминго, Сонтонаксъ, назначилъ его начальникомъ колоніи (въ 1797 году). Туссэнъ обнаружилъ вскорѣ рѣшимость сбросить съ себя всякую зависимость и остаться полнымъ хозяиномъ въ Санъ-Доминго. Онъ отдѣлался отъ Сонтонакса, отправилъ его на кораблѣ во Францію, добился отъ англичанъ очищенія Портъ-о-Пренса, который они занимали съ 1794 года, отправилъ назадъ генерала Эдувиля, которому Директорія поручила возстановить власть метрополіи въ Капѣ (1798 г.), избавился такимъ же порядкомъ отъ комиссара Рума, явившагося изъ Санъ-Доминго на смѣну Эдувилю (въ 1799 г.), подавилъ возстаніе мулатовъ, руководимое Риго, и занялъ (въ 1800 году) испанскую часть полуострова, которую Испанія уступила Франціи въ 1795 году. Туссэнъ завершилъ свое дѣло тѣмъ, что добился отъ призрачнаго собранія своего назначенія пожизненнымъ губернаторомъ съ правомъ намѣтить себѣ преемника.

Бонапартъ, мечтавшій о подъемѣ морской торговли Франціи и о возстановленіи ея былого колоніальнаго процвѣтанія, рѣшилъ наказать дерзость Туссэна-Лувертюра, который посмѣлъ играть въ независимость. Онъ отправилъ въ Санъ-Доминго генерала Леклерка съ 3.500 человѣкъ и флотомъ болѣе, чѣмъ въ 50 кораблей. Экспедиція имѣла успѣхъ въ выполненіи своей непосредственной задачи [1]), заключавшейся въ томъ, чтобы сломить диктатуру Туссэна-Лувертюра (1802 г.), но убійственный климатъ въ два года уничтожилъ эту великолѣпную армію. Въ 1803 году вспыхнуло всеобщее возстаніе подъ предводительствомъ помощниковъ Туссэна. Леклеркъ умеръ, Рошамбо вынужденъ былъ покинуть Санъ-Доминго и выдать англичанамъ остатки экспедиціоннаго корпуса (20 ноября). Дессалинъ, присвоившій себѣ верховную власть надъ всѣми черными вождями, вступилъ 29 числа того же мѣсяца въ Капъ. 4-го декабря 1803 года французскія войска покинули молъ св. Николая, послѣдній пунктъ, который они занимали во французской части Санъ-Доминго.

Дессалинъ, Петіонъ, Кристофъ.—Не такъ удачно дѣйствовалъ Дессалинъ, когда дѣло шло объ изгнаніи французовъ изъ испанской части острова. Онъ вторгнулся въ эту область въ 1805 году, но наткнулся на сопротивленіе, котораго не ожидалъ. Подкрѣпленія, прибывшія въ это время изъ Франціи, высадились въ Санъ-Доминго; Дессалинъ вынужденъ былъ отступить, мстя за это ужасными избіеніями. Къ несчастью, байонскія происшествія (1808 года) нашли отголосокъ въ Санъ-Доминго, какъ и во всей Америкѣ. Поднялись туземцы; французскій гарнизонъ, занимавшій Санъ-Доминго, вынужденъ былъ капитулировать.

Послѣ своего вступленія въ Капъ, Дессалинъ провозгласилъ въ Гонаивахъ независимость острова подъ туземнымъ именемъ Гаити. Вначалѣ онъ удовольствовался титуломъ губернатора новой

[1]) См. т. I, стр. 41—42.

[1]) См. т. I, стр. 42.

республики. Но когда Бонапартъ провозгласилъ себя императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона, то Дессалинъ, считавшій себя равнымъ „первому изъ бѣлыхъ“, провозгласилъ себя императоромъ Гаити (8 октября 1804 года) подъ именемъ Жака I.

Это крупное событіе отпраздновано было избіеніемъ бѣлыхъ (25 апрѣля 1805 года). Пощадили только священниковъ, врачей и немногихъ рабочихъ-художниковъ. Бѣлымъ впредь воспрещено было пріобрѣтеніе собственности въ Гаити. Такъ какъ диктаторъ обращался одинаково жестоко съ бѣлыми и черными, то вспыхнуло возстаніе. Руководилъ имъ Петіонъ, который и вступилъ въ Портъ-о-Пренсъ. Дессалинъ былъ убитъ (17 октября 1806 года).

Петіонъ былъ вождемъ мулатовъ, Кристофъ сталъ во главѣ негровъ. Первый сплотилъ западъ и югъ острова въ республику Гаити и сдѣлался ея президентомъ. Кристофъ остался хозяиномъ на сѣверѣ, сдѣлалъ Капъ мѣстопребываніемъ своего правительства и въ 1811 году провозгласилъ себя тамъ королемъ подъ именемъ Генриха I.

Королевство и республика затѣяли ожесточенную борьбу, но безъ рѣшительнаго результата. Наполеонъ думалъ было одно время, около 1810 года, вернуть себѣ обратно колонію и съ этой цѣлью послалъ даже въ Портъ-о-Пренсъ прежняго вождя мулатовъ Риго. Походъ въ Россію разстроилъ этотъ проектъ, а паденіе имперіи избавило обитателей Гаити отъ всякихъ опасеній.

Испано-американскій міръ въ 1808 году; всеобщая анархія.—Населеніе испанскихъ провинцій представляло собой пеструю амальгаму изъ испанцевъ, креоловъ, краснокожихъ, негровъ, господъ, отпущенниковъ, рабовъ. Администрація была отвратительная, произволъ властей—полнѣйшій. Послѣ 1808 года въ этихъ обширныхъ странахъ, какъ и въ Испаніи, воцарилась анархія, и вице-короли, губернаторы, намѣстники сразу оказались безсильными передъ дѣйствіемъ туземныхъ силъ [1]).

Политика Испаніи всегда заключалась въ томъ, чтобы держать населеніе въ полномъ невѣжествѣ и устранять всякое иноземное вліяніе. Власти особенно боялись воздѣйствія великаго кризиса 1789 года и удвоили деспотизмъ и безпощадную строгость, чтобы не дать агитаціи проникнуть въ ихъ владѣнія.

„Сѣмя возмущенія старались видѣть во всѣхъ ассоціаціяхъ, ставившихъ себѣ цѣлью распространеніе просвѣщенія; воспрещалось устройство типографій въ городахъ съ сорока—пятьюдесятью тысячами жителей. Въ революціонномъ образѣ мыслей заподозрѣвались мирные граждане, которые въ сельскомъ уединеніи читали втихомолку произведенія Монтескье, Робертсона и Руссо. Когда между Испаніей и Франціей вспыхнула война, потащили въ темницу несчастныхъ французовъ, которые уже лѣтъ двадцать-тридцать проживали въ Мексикѣ“ (Гумбольдтъ).

Въ Боготѣ заковывали въ кандалы людей, виновныхъ въ томъ, что они доставали себѣ французскія газеты. Даже и такими средствами невозможно было держать цѣлый материкъ оторваннымъ отъ остального міра по части воспрепятствованія проникновенію туда слуховъ о движеніи идей въ другихъ странахъ. Идеи революціи, свободы, независимости просочились въ Мексикѣ въ глубокіе

[1]) Въ моментъ возстанія населеніе распредѣлено было слѣдующимъ образомъ: въ Мексикѣ 6.500.000 жителей; въ Новой Гренадѣ 1.200.000; въ Венецуэлѣ 950.000; въ Перу 1.100.000; въ Чили 900.000; въ провинціяхъ Ла-Платы 850.000; въ Бандѣ и Монтевидео 150.000; въ Парагваѣ 300.000; всего 11.850.000 человѣкъ; изъ нихъ одна седьмая—испанцевъ (около 1.700.000 челов.), три седьмыхъ—креоловъ и смѣшанныхъ расъ (5.000.000) и остальныя три седьмыхъ — краснокожихъ. Около трети всего населенія приняло участіе въ возстаніи съ самаго начала.

слои индѣйскаго населенія, какъ чистаго, такъ и смѣшаннаго, и заняли мѣсто въ сердцахъ на ряду со старинной ненавистью къ испанцу. Преслѣдованія, за которыя принялись вице-короли, въ тревогѣ своей повсюду видѣвшіе признаки заговоровъ противъ королевской власти, мало-по-малу довели эти чувства до пароксизма, и не хватало лишь искры, чтобы пожаръ вспыхнулъ. Этой искрой явилась испанская революція, которая привела къ тому, что корона метрополіи досталась одному изъ Бонапартовъ.

Начало революціи въ Мексикѣ.—Извѣстіе объ этомъ событіи вызвало волненіе во всей Мексикѣ. Въ провинціяхъ образовались обособленныя, соперничавшія между собой юнты. Какъ-то ночью заговорщики взяли съ бою дворецъ правительства и захватили самого вице-короля (1809 г.). Его отправили въ Кадиксъ, гдѣ засѣдали кортесы. Собраніе отправило на его мѣсто Венегаса, который засталъ Мексику въ разгарѣ мятежа, направленнаго не только противъ ига метрополіи, но даже противъ самого присутствія испанцевъ въ Мексикѣ.

Первая попытка къ возстанію, произведенная въ 1809 году въ Вальядолидѣ, въ провинціи Мечоаканъ, не удалась. Вторая, въ 1810 году, въ Гуанахуато, имѣла бо́льшій успѣхъ. Во главѣ мятежниковъ стоялъ священникъ Гидальго, шестидесятилѣтній метисъ, которому удалось собрать вокругъ себя армію, состоявшую главнымъ образомъ изъ индѣйцевъ, небольшого числа креоловъ, сброда несчастныхъ людей, которые примыкали къ возстанію изъ алчнаго желанія пограбить. Гидальго захватилъ Гуанахуато, гдѣ его войска произвели ужасное избіеніе, и разбилъ при Ласъ-Круцесъ одного изъ помощниковъ Венегаса. Но, въ свою очередь, 7-го ноября 1810 года при Аталько его разбилъ Каллеха, который, при вступленіи своемъ въ Гуанахуато, отмстилъ за недавнее избіеніе по меньшей мѣрѣ столь же ужасной бойней. Гидальго, разбитый еще разъ при Гуадалахарѣ, обратился въ бѣгство, выданъ былъ Каллехѣ 21 марта 1811 года и разстрѣлянъ въ Мексикѣ 27 іюня того же года.

Все возстаніе представлено было теперь лишь шайками грабителей и убійцъ, бродившихъ по областямъ. Вскорѣ однако нашелся новый вождь въ лицѣ священника Морелоса; онъ былъ менѣе свирѣпъ, чѣмъ Гидальго, и въ особенности, чѣмъ испанецъ Каллеха, неумолимая жестокость котораго придавала этой войнѣ совершенно дикій характеръ.

Морелосъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ на югѣ, между Мексикой и моремъ. Желая установить регулярное правительство, онъ созвалъ конгрессъ депутатовъ изъ провинцій, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи. Это собраніе открыло первую свою сессію 13 сентября 1813 года и провозгласило независимость Мексики.

Но Морелосъ былъ отбитъ подъ Вальядолидомъ и понесъ пораженіе отъ Итурбиде [1], помощника вице-короля и будущаго мексиканскаго императора. Вмѣсто Венегаса вице-королемъ сдѣлался Каллеха, и съ этихъ поръ всѣ вожди повстанцевъ, попадавшіе въ руки королевскихъ войскъ, подвергались немедленному разстрѣлянію. Возстаніе, всюду подавленное, теряло почву. Морелосъ былъ обойденъ, схваченъ и разстрѣлянъ въ Санъ-Кристовалѣ 22 декабря 1815 года. Съ нимъ исчезло и единство дѣйствія, созванный имъ конгрессъ разсѣялся. Изъ Испаніи подходили подкрѣпленія; участники мятежа пали духомъ, они покорялись или бѣжали къ сѣверу. Казалось, все погибло, какъ вдругъ Ксавье Мина, племянникъ знаменитаго вождя партизановъ, который

---

[1] Донъ Августинъ Итурбиде, по происхожденію баскъ, родился въ Вальядолидѣ (въ мексиканской провинціи Мечоаканъ) въ 1783 году.

только что потерпѣлъ въ Испаніи неудачу съ заговоромъ противъ Фердинанда VII, принесъ свою ненависть къ королевской власти на служеніе мексиканскому возстанію противъ Испаніи.

Симонъ Боливаръ.—Экспедиція, организованная Мирандою въ 1806 году съ цѣлью поднять Венецуэлу, не удалась. Миранда брошенъ былъ въ темницу. Но возстаніе нашло себѣ другого вождя въ лицѣ знаменитаго Симона Боливара. Сначала онъ былъ разбитъ генераломъ Морильо, котораго только что прислалъ Фердинандъ VII съ 12.000 человѣкъ (въ 1815 году), и вынужденъ былъ искать убѣжища въ Санъ-Доминго; но два года спустя Боливаръ появился снова (въ 1817 году). Онъ разсѣялъ королевскую армію и созвалъ въ Ангостурѣ (17 ноября) конгрессъ венецуэльскихъ провинцій, на которомъ объявилъ себя верховнымъ вождемъ національнаго правительства. Онъ располагалъ 14.000 человѣкъ, плохо вооруженныхъ, принадлежавшихъ къ различнымъ расамъ; нѣсколько англійскихъ авантюристовъ, въ родѣ Макъ-Грегора, и морскихъ разбойниковъ примкнуло къ нему. У Морильо было не больше 6.000 человѣкъ королевскихъ войскъ для охраны крѣпостей и гаваней; правда, на его сторонѣ были симпатіи богатаго и зажиточнаго населенія.

Наполеонъ I и Аргентинская республика.—Въ маѣ 1808 года Наполеонъ отправилъ въ Буэносъ-Айресъ секретную миссію во главѣ съ маркизомъ де Сассенэ. Ему поручено было сообщить лаплатскому намѣстнику Жаку де Линье, съ которымъ тайный посланный Наполеона былъ въ дружбѣ, о вступленіи на испанскій престолъ Іосифа-Наполеона. Кромѣ того, маркизъ де Сассенэ долженъ былъ собрать у намѣстника „свѣдѣнія о состояніи испанской Америки и главнымъ образомъ о намѣстничествѣ Буэносъ-Айресъ". Наполеону особенно хотѣлось узнать, какое впечатлѣніе произвело на аргентинскія власти извѣстіе о происшедшихъ въ Испаніи перемѣнахъ.

Жакъ де Линье, родившійся въ 1753 году въ Ніорѣ, еще очень молодымъ пустился странствовать по свѣту въ поискахъ за счастьемъ. Онъ вступилъ на службу въ испанскій флотъ, сдѣлался губернаторомъ Парагвая, потомъ вернулся въ Буэносъ-Айресъ, гдѣ сталъ опять начальникомъ флотиліи.

Въ 1806 году англійскій капитанъ сэръ Гомъ Попгемъ, который только что завоевалъ принадлежавшую голландцамъ Капскую колонію (въ 1805 году), возымѣлъ намѣреніе захватить Ріо де ла Плату. Не получивъ никакого приказа отъ своего правительства, но предполагая дѣйствовать соотвѣтственно его намѣреніямъ, онъ посадилъ на свои суда 1.400 солдатъ подъ командой генерала Бересфорда. Въ іюнѣ англичане поднялись вверхъ по ла Платѣ и, безъ труда разогнавъ милицію, вступили въ Буэносъ-Айресъ, который былъ едва укрѣпленъ, а губернаторъ Собремонте убѣжалъ при ихъ приближеніи. Жакъ де Линье поднялъ духъ испанцевъ и въ іюлѣ выступилъ изъ Монтевидео съ 600 человѣкъ, усиленныхъ 320-ью моряками его флотиліи и 73-мя французскими корсарами. Онъ энергично атаковалъ Буэносъ-Айресъ, убилъ у англичанъ 300 человѣкъ и принудилъ къ сдачѣ Бересфорда съ оставшимися въ живыхъ (12 августа 1806 года). Попгемъ получилъ изъ Великобританніи новую подмогу въ видѣ 13.000 солдатъ подъ командой генерала Уайтлока. 3 февраля 1807 года англичане приступомъ взяли Монтевидео. Линье вооружилъ все мужское населеніе колоніи — испанцевъ, креоловъ, негровъ, индѣйцевъ, метисовъ, потерпѣлъ сначала нѣсколько неудачъ въ открытомъ полѣ со своей милиціей, плохо обученной военному дѣлу и уступавшей англичанамъ въ числѣ, попытался остановить англичанъ орудійнымъ огнемъ изъ Буэ-

носъ-Айреса, а потомъ, когда укрѣпленія взяты были приступомъ, онъ устроилъ на улицахъ оборону на манеръ Сарагоссы и перебилъ у англичанъ около 4.000 человѣкъ. Англичане вынуждены были очистить городъ и подписать соглашеніе, давшее имъ возможность уйти обратно на свои суда (7 іюля). Во второй разъ Линье спасъ колонію. Наполеонъ твердо надѣялся, что этотъ французъ, который долженъ былъ такъ ненавидѣть англичанъ, сохранитъ его брату испанскія колоніи за моремъ. Вотъ почему онъ посылалъ ему маркиза де Сассенэ.

Миссія не имѣла успѣха. Севильская юнта отправила въ Аргентину эмиссаровъ, которые революціонировали колонію. Сассенэ брошенъ былъ въ тюрьму, Линье—отставленъ по приказу севильской юнты. Онъ скомпрометировалъ себя рыцарски добросовѣстнымъ отношеніемъ къ законной династіи, схваченъ былъ въ открытомъ полѣ съ оружіемъ въ рукахъ, осужденъ мятежными вождями, Бельграно и Сааведрою, и разстрѣлянъ. Сассенэ послѣ десятимѣсячнаго плѣна въ Буэносъ-Айресѣ переведенъ былъ въ Монтевидео и посаженъ на корабль, отправлявшійся въ Кадиксъ, откуда онъ ухитрился бѣжать въ 1810 году.

Мятежъ провинцій Буэносъ-Айреса.—Населеніе провинцій Буэносъ-Айреса состояло изъ очень различныхъ элементовъ: сравнительно малочисленныхъ испанцевъ, преданныхъ королевскому дѣлу, креоловъ, ненавидѣвшихъ иго метрополіи, индѣйцевъ и черныхъ рабовъ, внушавшихъ страхъ всѣмъ бѣлымъ безъ различія. Въ политическомъ отношеніи тутъ были олигархи и демократы, республиканцы унитаріи и республиканцы федералисты. Авантюристовъ всякаго сорта — большое изобиліе. Въ этой средѣ, находившейся въ броженіи, революція вспыхнула внезапно. Вначалѣ не было никакого сопротивленія. Мятежная власть отъ Сааведры перешла къ Пуйерредону, къ Посадасу, къ Альвеару, котораго прогналъ Рондо. Когда испанцы собрались съ силами, начались столкновенія двухъ сторонъ. Бельграно, Балькарсе, Рондо были разбиты нѣсколько разъ. Однако, 9 іюля 1816 года собравшійся въ Тукуманѣ конгрессъ провозгласилъ независимость одиннадцати провинцій ла Платы и назначилъ Пуйерредона верховнымъ правителемъ Аргентинской республики [1]).

---

[1]) Исторія революціи въ американскихъ владѣніяхъ Испаніи и въ Бразиліи будетъ изложена въ послѣдующемъ томѣ настоящаго труда.

Глава XIV.

Азія.

Индостанъ, Персія, Афганистанъ.

1800—1813.

Съ 1800 по 1813 годъ англичане не только продолжаютъ завоеваніе Индостана, но можно даже сказать, что Индостанъ является центромъ всей ихъ азіатской политики. Отсюда, главнымъ образомъ, получаютъ они свои войска и деньги, необходимыя для повсемѣстной борьбы съ французскимъ вліяніемъ въ европейскихъ колоніяхъ восточныхъ морей, въ Египтѣ, Афганистанѣ, Персіи. Такимъ образомъ, намъ приходится одновременно показывать, какъ англійское господство продолжаетъ распространяться на Индостанѣ и какъ англо-индійская имперія вмѣшивается въ качествѣ важнаго, а иногда и автономнаго фактора въ политику обширныхъ областей, простирающихся отъ острова св. Маврикія (île de France) до Явы, отъ Кавказа до Египта и Китая. Получается какъ бы азіатская Англія, которая воспроизводитъ въ Индійскомъ океанѣ борьбу европейской Англіи противъ наполеоновской Франціи.

Въ первый періодъ, совпадающій съ послѣдними годами правленія лорда Ричарда Уэлсли (1800—1805), рѣчь будетъ, главнымъ образомъ, объ Индостанѣ; во второй, совпадающій съ правленіемъ лорда Минто (1807—1813), дѣло идетъ объ общей политикѣ Азіи.

I.—Правленіе лорда Уэлсли (вторая половина).

Послѣдніе отряды французскихъ искателей приключеній. — Война, предпринятая лордомъ Уэлсли противъ Типпу-Сагиба, являлась, по мысли генералъ-губернатора, войной противъ Франціи и революціи. Паденіе Серингапатама (4 мая 1799 года) совпадаетъ со вторженіемъ Бонапарта въ Сирію и со вступленіемъ русскихъ въ верхнюю Италію. Это паденіе было какъ бы азіатскимъ эпизодомъ въ войнахъ второй коалиціи. Къ тому же одной изъ причинъ борьбы противъ Типпу было открытіе французскаго якобинскаго клуба въ Серингапатамѣ и присутствіе въ арміи Майсура французскихъ вспомогательныхъ войскъ, сражавшихся подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ и носившихъ мундиры, на пуговицахъ которыхъ выбита была фригійская шапка. Другою своею побѣдою надъ французскою республикой Уэлсли считалъ то обстоятельство, что онъ добился распущенія „французскаго отряда“, состоявшаго на службѣ Низама

(1798 годъ). Во всѣхъ послѣдующихъ войнахъ, во всѣхъ пораженіяхъ, нанесенныхъ имъ независимымъ князьямъ Индіи, которые почти всѣ держали у себя на службѣ французскихъ искателей приключеній, Уэлсли видѣлъ удары, направленные противъ великой европейской соперницы Англіи. Въ Индіи онъ продолжаетъ противъ консульской и императорской Франціи ту борьбу, которая такъ хорошо удавалась ему противъ Франціи временъ Директоріи.

Былъ моментъ, когда число военныхъ отрядовъ въ Индостанѣ, по-европейски организованныхъ и находившихся подъ командою французскихъ офицеровъ, было довольно значительно. Можно считать, что въ отрядѣ Бегумъ Сомбра, сосредоточенномъ около Сирданнаха, было нѣсколько тысячъ человѣкъ, въ отрядѣ султана Типпу—10,000, въ отрядѣ Раймона, состоявшемъ на службѣ Низама,—14,000 человѣкъ, въ отрядѣ Бенуа де Буаня, служившемъ у Синдгіи,—30,000, въ отрядѣ дю Дрэнека, служившемъ у Голькара,—нѣсколько тысячъ, и т. д. Въ извѣстный моментъ было, такимъ образомъ, всего 60,000 регулярныхъ войскъ, да еще надо присоединить сюда 150,000 индусовъ, болѣе или менѣе воспользовавшихся уроками регулярной арміи. Если бы всѣ эти маленькія арміи могли объединиться въ защиту общаго дѣла, ихъ было бы болѣе, чѣмъ достаточно для изгнанія англичанъ съ полуострова; но между азіатскими князьями, которымъ служили эти „французскіе отряды", не было согласія; не было его и между европейскими руководителями этихъ отрядовъ. Самыми выдающимися среди нихъ были французы (если считать въ ихъ числѣ савойца де Буаня); но часть низшихъ офицеровъ принадлежала къ другимъ національностямъ, включая сюда и британскую. Кромѣ того, сами французскіе офицеры весьма разнились между собою по происхожденію и по воззрѣніямъ: де Буань, Лалли, Раймонъ, дю Дрэнекъ относились къ революціи скорѣе враждебно, тогда какъ французы Типпу были „якобинцами". Многіе не руководились никакой политической идеей и имѣли въ виду лишь жалованье, въ противоположность Лалли и Мадеку, которые обладали совершенно яснымъ представленіемъ о роли этихъ маленькихъ армій. Они даже не всѣ настроены были противъ англичанъ (примѣръ — Бенуа де Буань). Вотъ почему вмѣсто того, чтобы стремиться къ объединенію князей, у которыхъ они служили, противъ общаго врага, они увлекались нелѣпыми взаимными препирательствами этихъ князей: такъ, армія Раймона въ 1792 году пущена была въ ходъ противъ арміи Лалли во время войны Низама противъ Майсура; армія дю Дрэнека, служившая Голькару, дралась въ битвѣ при Лахаири (1792 г.) съ арміей дю Буаня, состоявшей на службѣ у Синдгіи, а позднѣе при Бедерѣ (въ 1795 г.)—съ арміей Раймона. Но какъ бы ни была незначительна съ этой точки зрѣнія нравственная цѣнность этихъ арміей, онѣ все-таки возбуждали злобу Уэлсли. Всѣ его войны, всѣ его договоры съ туземными князьками преслѣдовали, главнымъ образомъ, распущеніе „французскихъ отрядовъ" и закрытіе индусскихъ государствъ для французской торговли.

Англо - индусская армія въ Египтѣ (1801 г.) [1]. — Прежде чѣмъ выполнить эту задачу, надо было устранить то угрожающее положеніе, которое занимала Франція по отношенію къ Индіи благодаря оккупаціи Египта. При отвоеваніи этой страны въ 1801 году, рядомъ съ арміей, посланной прямо изъ Великобританніи, должна была дѣйствовать армія, отправленная изъ Индіи. Въ нее входило нѣсколько европейскихъ полковъ и 6.000 сипаевъ. Изъ уваженія къ религіознымъ предразсудкамъ сипаевъ, которые должны

[1]) См. т. I, стр. 39.

готовить себѣ пищу не иначе, какъ „на землѣ“, пришлось взять на суда мѣшки съ индусской землей. Отправленіе изъ Калькутты произошло въ декабрѣ 1800 года. Тайна назначенія этого отряда охранялась чрезвычайно тщательно: всѣ были увѣрены, что онъ поплыветъ на Батавію. На высотѣ Триномалли начальство надъ экспедиціей принялъ прибывшій изъ Мадраса полковникъ Артуръ Уэлсли (Уэллингтонъ). Затѣмъ флотъ направился къ Бомбею, гдѣ полковникъ Уэлсли къ величайшей своей досадѣ смѣненъ былъ генераломъ Бэрдомъ, а на суда были посажены новыя подкрѣпленія. 7-го апрѣля армія покинула бомбейскую гавань. Теперь всѣ знали, что цѣлью экспедиціи былъ Египетъ. Въ гавани Джедда къ арміи примкнулъ 17-го мая капскій контингентъ; здѣсь же получено было извѣстіе о пораженіи французовъ при Канопѣ. 16-го іюня армія высадилась въ Коссеирѣ, который былъ укрѣпленъ французскимъ генераломъ Бельяромъ, но несмотря на это взятъ былъ безъ всякихъ усилій. Раздѣлившись на четыре бригады (Бересфордъ, Рамсай, Барло, Хармессъ), армія съ 18 іюня по 7 іюля шла по пустынѣ подъ палящими лучами солнца. Достигнувъ Нила, она направилась внизъ по теченію, частью на судахъ, частью вдоль берега. 3-го августа она соединилась въ Старомъ Каирѣ съ войсками, прибывшими изъ Англіи. Въ сущности, индійская армія сдѣлала простую прогулку, не принявъ участія ни въ одной операціи. Тѣмъ не менѣе, она знаменовала собою появленіе новой военной силы: въ теченіе XIX вѣка ея дѣйствіе сказывалось неоднократно и весьма ощутительно (походы въ Китай, въ Абиссинію, въ Египетъ въ 1882 году).

„Великій проектъ“ Бонапарта и Павла I противъ англійской Индіи. — Въ то время какъ англійская Индія выполняла наступательную роль, на сѣверѣ Европы недавно примирившіеся Павелъ I и Бонапартъ, договаривались о томъ, какъ перенести войну въ самую Индію [1]). Царь первый задумалъ „великій проектъ“, въ выполненіи котораго должны были участвовать совмѣстно французская и русская арміи. Русская, числомъ въ 25.000 регулярныхъ войскъ и 10.000 казаковъ, должна была собраться въ Астрахани; французская, подъ начальствомъ Массены, въ составѣ 35.000 человѣкъ, взятыхъ изъ рейнской арміи, должна была спуститься по Дунаю до его устья, переплыть Черное и Азовское моря до Таганрога и затѣмъ отправиться на Астрахань. Здѣсь побѣдитель при Цюрихѣ Массена, спеціально намѣченный для новой роли самимъ рыцарственнымъ царемъ, долженъ былъ принять начальство надъ соединенными силами. Переправившись черезъ Каспійское море, высадившись въ Астрабадѣ, пройдя черезъ Персію и Афганистанъ, раздавая шахамъ, мурзамъ и ханамъ самыя изящныя издѣлія французской промышленности, сопровождаемая избраннымъ кружкомъ ученыхъ и артистовъ, чѣмъ-то въ родѣ индійскаго института, снабженная воздухоплавателями и фейерверкерами, возвѣщая всюду, что единственная ея цѣль—изгнаніе англичанъ изъ Индіи,—могла ли такая армія не добраться до береговъ Инда? Составленная „изъ двухъ самыхъ могущественныхъ націй міра“, могла ли она не повторить подвиговъ Надиръ-шаха? Проектъ царя, повидимому, подвергся серьезному изученію со стороны Бонапарта, потому что сохранились сдѣланныя имъ возраженія и отвѣты на

[1]) См. объ этомъ т. I, стр. 36. Анализъ этого проекта можно найти въ книгѣ Дюбуа де Жансиньи *Индія*, стр. 106 и слѣд.—*Записки* атамана Денисова въ *Русской Старинѣ*, 1873 г., т. XII. — Письма Павла I къ генералу отъ кавалеріи Орлову 1-му, тамъ же, 1873 г., т. VIII; планъ и проектъ экспедиціи тамъ же и въ 1876 г., т. XV.— См. также *Посмертные мемуары* Стединга, Парижъ, 1845 г., т. II.

нихъ Павла I. Русскіе приступили даже къ осуществленію плана. Изъ писемъ Павла I къ генералу отъ кавалеріи Орлову видно, что царь, кстати посылавшій генералу и карты, клалъ на переходъ отъ Оренбурга до Инда три мѣсяца (въ *Великомъ проектѣ* значилось 45 дней отъ Астрабада до Инда). Павелъ I разсчитывалъ открыть пути русской торговлѣ и „нанести смертельный ударъ своему противнику". Всѣ богатства Индіи предназначались въ награду казакамъ (февраль 1801 года). Генералъ Орловъ собралъ 11 казацкихъ полковъ; ихъ авангардъ, подъ командой атамана Денисова уже переправился по льду черезъ Волгу (мартъ 1801 года), когда вѣсть о смерти императора разомъ остановила все.

Амьенскій миръ въ его послѣдствіяхъ для Индостана.—Амьенскій миръ повлекъ за собою уступку Англіи голландской колоніи Цейлона; зато Англія обязалась вернуть пять французскихъ городовъ. Бонапартъ собирался отправить въ Пондишери 7 генераловъ, соотвѣтствующее количество офицеровъ и 1.600 солдатъ; такое значительное число офицеровъ въ достаточной степени вскрывало его намѣреніе завербовать массу солдатъ изъ индусовъ. Уэлсли обнаружилъ живое безпокойство. Онъ отказался выполнить договоръ. Разрывъ Амьенскаго мира вывелъ его изъ затруднительнаго положенія. Онъ продолжалъ удерживать въ своихъ рукахъ пять французскихъ городовъ [1]).

Афганскія и персидскія дѣла.—Съ этихъ поръ Уэлсли угрожали исключительно азіатскія опасности. Земонъ-шахъ, внукъ Ахмета Дурани и правитель Кабула съ 1792 года, сумѣлъ возстановить огромное афганское государство. Въ составъ его входили Кабулъ, Кандагаръ, Гератъ, Газна и, за предѣлами афганской территоріи, Седжистанъ съ Джеллагабатомъ, Хорассанъ, Кашмиръ, наконецъ Пешеваръ, господствующій надъ Индомъ. Въ 1796 году походъ Земонъ-шаха на столицу Пенджаба Лагоръ вызвалъ панику среди маграттовъ, которые припоминали разгромъ Панипата, и обезпокоилъ калькуттское правительство. Этому властителю приписывали намѣреніе возстановить монгольское царство и ввести въ Индіи господство правовѣрныхъ. Въ сущности, пенджабскіе сики могли остановить его движеніе, но они, повидимому, сочувствовали его начинанію. Императорскій дворъ въ Дели относился къ нему благосклонно. Что касается маграттовъ, то, въ случаѣ ихъ пораженія, Англіи грозило афганское нашествіе, а въ случаѣ ихъ побѣды, они сами стали бы угрожать Англіи. На всякій случай Уэлсли собралъ англійскія войска въ лагеряхъ Коунпура и Фетигара. Въ 1797 году Земонъ-шахъ долженъ былъ вернуться домой вслѣдствіе возстанія своего брата Махмуда и покинулъ Лагоръ; но въ 1798 году онъ, повидимому, снова готовъ былъ вторгнуться въ Индостанъ. Уэлсли предложилъ набабъ-визирю аудскому увеличить свой контингентъ. Онъ попытался заключить оборонительный союзъ съ Синдгіей (Даулатъ-Рао), но тотъ гордо отказался.

Въ это время совершилась благопріятная диверсія. Персидскій шахъ принялъ сторону претендента Махмуда и напалъ на Хорассанъ. Лордъ Уэлсли поторопился отправить въ Персію сэра Джона Малькольма, поручивъ ему заключить договоръ съ шахомъ. Это и былъ Тегеранскій договоръ 1800 года. Главныя условія его слѣдующія: во-первыхъ, если Земонъ станетъ угрожать Индостану, шахъ снова нападетъ на Хорассанъ; во-вторыхъ, онъ заключитъ миръ лишь по соглашенію съ Англіей; въ-третьихъ, если французы попытаются утвердиться на берегахъ или на островахъ Персидскаго залива, шахъ примкнетъ къ Англіи, чтобы общими усиліями изгнать французовъ; въ-четвертыхъ, французамъ запрещается

[1]) См. т. I, стр. 39.

проживать въ Персіи; въ-пятыхъ, англичане обязуются прислать шаху офицеровъ, пушки, амуницію, если онъ подвергнется нападенію афганцевъ или французовъ; въ-шестыхъ, коммерческія условія, значеніе которыхъ Джонъ Мелькольмъ оцѣниваетъ слѣдующимъ образомъ: „Совершенно исключая изъ Персіи французовъ, эти условія обезпечиваютъ англичанамъ всѣ выгоды союза".

1800-й годъ прошелъ у англичанъ въ военныхъ приготовленіяхъ и въ переговорахъ съ двумя шахами, афганскимъ и персидскимъ. Въ 1801 году, когда Махмудъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ своего брата Земона, афганская опасность казалась устраненною. Уэлсли опять получилъ возможность по собственному желанію устанавливать отношенія Компаніи [1]) къ индостанскимъ царькамъ.

Низложеніе танджаорской династіи (1799).— Тулджаджи, раджа танджаорскій, умеръ въ 1787 году. Между его братомъ Амиромъ-Сингомъ и пріемнымъ сыномъ Серфоджи произошелъ споръ изъ-за престолонаслѣдія. Англичане устранили послѣдняго и провозгласили правителемъ перваго. Во время майссурской войны 1792 года Амиръ-Сингъ причинилъ англичанамъ столько неудовольствій, что Корнуоллисъ, при всей своей воздержности устранилъ его отъ власти и думалъ низложить его. Однако Амиръ-Сингъ добился своего возстановленія по трактату 12 іюля 1793 года. Но вотъ явился лордъ Уэлсли: послѣ десятилѣтняго царствованія Амира-Синга онъ вдругъ нашелъ, что правленіе его незаконно и что всѣ права принадлежатъ Серфоджи. Съ послѣднимъ подписанъ былъ договоръ 25 октября 1799 года: онъ признанъ былъ раджей, но уступилъ всѣ свои права Компаніи, въ обмѣнъ на пенсію. Когда Амиръ-Сингъ умеръ въ апрѣлѣ 1802 года, состоялось окончательное присоединеніе Танджаора.

Раздѣлъ государства Низама (1800).— Трактатъ 1-го сентября 1798 года, вызвавшій замѣну „французскаго отряда" Раймона британскою „вспомогательною силой", клонился къ тому, чтобы Низамъ сталъ подъ фактическій протекторатъ Англіи. Въ 1799 году Низаму досталась значительная доля изъ наслѣдства Типпу-Сагиба. Однако, отдавая ему нѣкоторые округа, какъ, наприм., Гути, Читльдругъ, Нандидругъ и друг., англичане не преминули оставить за собою крѣпости. Вскорѣ они стали ссылаться на дурное управленіе Низама, на обѣднѣніе его страны, на свои опасенія, какъ бы не прекратилось исправное поступленіе платежей, необходимыхъ для содержанія „вспомогательной силы". Взамѣнъ ежемѣсячной субсидіи Уэлсли потребовалъ уступки какой-нибудь территоріи. Вотъ условія договора, навязаннаго Низаму (12 октября 1800 года): во-первыхъ, „вспомогательная сила" увеличивалась двумя батальонами сипаевъ и полкомъ туземной кавалеріи; во-вторыхъ, англичане обязывались защищать территорію Низама *отъ всякаго нападенія;* въ-третьихъ, Низамъ уступалъ имъ все, что онъ получилъ изъ владѣній Типпу какъ въ 1792, такъ и въ 1799 году; въ-четвертыхъ, онъ обязывался не вступать въ переговоры и не вести войны безъ согласія Англіи; въ-пятыхъ, во всѣхъ войнахъ онъ предоставляетъ въ ихъ распоряженіе помимо „вспомогательной силы" еще 6.000 своихъ всадниковъ и 9.000 пѣхотинцевъ, оставляя лишь два англійскихъ батальона для своей личной охраны; въ-шестыхъ, у себя онъ остается самодержавнымъ государемъ, и англичане не вмѣшиваются въ его управленіе; въ-седьмыхъ, если Пешва или Синдгія пожелаютъ вступить въ союзъ, они будутъ допущены.—Этимъ трактатомъ ан-

[1]) Англійское правительство передало управленіе Индіей особой Компаніи, существовавшей до 1858 года, когда управленіе опять перешло къ коронѣ.

гличане пріобрѣтали почти цѣликомъ царство Майссура и навязывали свой протекторатъ государю 40 милліоновъ подданныхъ. Однако трактатъ вызывалъ критическое къ себѣ отношеніе, по крайней мѣрѣ, по тремъ пунктамъ: во-первыхъ, Компанія формально воспретила всякое пріобрѣтеніе территорій; во-вторыхъ, для обезпеченія за собой посредственной территоріи принято было на себя обязательство защищать чрезвычайно обширную территорію, находившуюся подъ угрозой опасныхъ враговъ (маграттовъ); въ-третьихъ, англичане становились отвѣтственными за правительство Низама (вѣдь они покровительствовали ему); а между тѣмъ, они сами считали это правительство насильническимъ и дурнымъ.

Раздѣлъ Ауда (1801).—Новый набабъ-визирь Саадетъ-Али обязанъ былъ своимъ престоломъ единственно англичанамъ, ибо сынъ послѣдняго государя Визирь-Али, вступившій было на престолъ, именно англичанами низложенъ былъ, какъ незаконный, и замѣненъ Саадетомъ (21 января 1798 года). Въ благодарность за это Саадетъ выдалъ имъ крѣпость Аллагабадъ, уплатилъ имъ 1.200.000 рупій, обѣщалъ имъ ежегодную субсидію въ 7.600.000 рупій за „вспомогательную силу" въ 10.000 человѣкъ. Наличный составъ этой силы могъ быть увеличенъ или уменьшенъ (статья 7); въ такомъ случаѣ ежегодная субсидія должна была возрасти или уменьшиться. Саадетъ обязывался не поддерживать внѣшнихъ сношеній, не принимать на свою службу иноземцевъ, допускать ихъ на свою территорію лишь съ согласія Компаніи. Въ своихъ домашнихъ дѣлахъ, въ своихъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ, надъ своими подданными онъ сохранялъ зато полную свою власть (статья 17).—Таковъ былъ договоръ въ Лукно (январь 1788 года).

Вначалѣ положеніе въ Аудѣ было сносное, потому что страна была богата, а правленіе Саадета не слишкомъ плохо. Но въ октябрѣ 1798 года Уэлсли сообщилъ въ Лондонъ свое намѣреніе потребовать у Саадета ускоренія *реформы* и уступки какой-нибудь территоріи, напр., Доаба, въ видѣ гарантіи въ уплатѣ ежегодной субсидіи. Подъ *реформой* Уэлсли разумѣлъ слѣдующее: Саадетъ долженъ распустить свою туземную армію и не держать другой помимо той, какую дастъ ему въ наемъ Компанія. Саадетъ еще не зналъ этихъ проектовъ. Неожиданный инцидентъ вынудилъ его отдаться въ руки англичанамъ: въ 1799 году бѣжалъ его соперникъ Визирь-Али, котораго англичане держали въ плѣну въ Бенаресѣ; ему удалось укрѣпиться въ лѣсахъ Бготуаля, гдѣ у него вскорѣ набралось около 7.000 человѣкъ. Испуганный Саадетъ попросилъ прислать ему англійскій батальонъ, стоявшій гарнизономъ въ Коунпурѣ, что и было исполнено. Британскій командиръ разбилъ Визиря-Али и отправилъ его плѣнникомъ въ Калькутту. Во время этого кризиса армія Саадета не принесла никакой пользы. Она не годилась ни противъ внутренняго, ни противъ внѣшняго врага. А Уэлсли имѣлъ въ виду такое усиленіе Ауда, чтобы онъ могъ служить оплотомъ противъ афганскихъ нашествій. И вотъ, онъ началъ требовать отъ Саадета выполненія *реформы*. Тщетно молодой государь ссылался на статью 17-ую трактата въ Лукно; ему отвѣчали статьей 7-й, которая разрѣшала увеличеніе „вспомогательной силы". Не дожидаясь даже его согласія, англійскія войска, назначенныя смѣнить его туземную армію, тронулись въ путь, и Саадетъ вынужденъ былъ уплатить увеличенную субсидію (ноябрь 1799 года). Тогда онъ заявилъ о своемъ желаніи отказаться отъ престола; Уэлсли отвѣтилъ, что отреченіе будетъ принято. Саадетъ считалъ себя въ правѣ намѣтить себѣ, по крайней мѣрѣ, преемника; ему заявили, что „его намѣреніе отказаться отъ престола непримиримо съ назначе-

ніемъ преемника". Онъ взялъ назадъ свое предложеніе объ отреченіи, но сдѣлалъ еще попытку отклонить *реформу*. Онъ примирился съ нею лишь тогда, когда англійскія войска вступили въ его владѣнія. При этомъ чуть было не вышло побоища, потому что распущенная армія была многочисленна, а солдаты—въ отчаяніи вслѣдствіе утраты единственнаго средства къ существованію. Англичане обнаружили большой тактъ, уплативъ всѣмъ просроченное жалованіе, избѣгая пускать въ ходъ насиліе, дѣйствуя не черезчуръ строго даже противъ вооруженнаго сопротивленія. Въ ноябрѣ 1800 года реформа была осуществлена повсюду. Новая британская дивизія вступила въ Аудъ. Этимъ самымъ возлагалась новая прибавка субсидіи. Молодой государь осыпалъ упреками британскихъ агентовъ и генералъ-губернатора. Въ формѣ ультиматума ему предложили слѣдующую альтернативу: либо уступить Компаніи все гражданское и военное управленіе подъ условіемъ *приличнаго содержанія* для него самого и для его семейства, либо уступить территорію, обезпечивающую содержаніе „вспомогательной силы". Эта уступка обнимала добрую половину его владѣній; въ оставшейся половинѣ онъ не сохранилъ бы „ни независимой власти, ни значительной военной силы". Чтобы сломить его сопротивленіе, Уэлсли долженъ былъ отправиться въ Лукно (сентябрь 1801 года). Саадетъ въ концѣ-концовъ уступилъ, но съ условіемъ, чтобы ему позволено было отправиться на богомолье въ Мекку, потому что въ эту минуту ему было бы „въ высокой степени непріятно показать свое лицо народу". Вотъ условія договора 11 ноября 1801 года: во-первыхъ, уступка территоріи (она касалась болѣе, чѣмъ половины Ауда, какъ въ смыслѣ территоріи, такъ и въ смыслѣ доходовъ); на западѣ — Доабъ съ Берели и Канонджемъ; на югѣ—области Бёндельканда, Аллагабада, Каллинджера; на востокѣ — Горракпуръ; такимъ образомъ, Аудъ, прижатый къ подножью Гималаевъ, съ остальныхъ трехъ сторонъ окруженъ былъ англійскими владѣніями; во-вторыхъ, остальная часть владѣній обезпечена была за Саадетомъ; въ-третьихъ, онъ обязывался установить здѣсь хорошую систему администраціи, дѣйствуя „сообразно съ совѣтами чиновниковъ Компаніи".

Такимъ образомъ, Аудъ подвергнутъ былъ одновременно раздѣлу и протекторату. Зато Саадетъ сохранилъ за собой свои долги! Стоитъ сравнить эту политику Уэлсли съ тѣми дѣлами въ Бенаресѣ, за которыя такъ упрекали Уоррена Гастинкса. „Если бы эти дѣла произошли въ Европѣ, если бы, напр., какой-нибудь Наполеонъ обошелся съ Испаніей такъ, какъ обошелся съ Аудомъ Уэлсли, исторія осудила бы такой образъ дѣйствій; но историки прилагаютъ къ Индіи одинъ моральный кодексъ, а къ Европѣ — другой (Спенсеръ Уальполь)".

Съ вассалами набабъ-визиря, маленькими набабами, или *земиндарами*, которые дѣлали попытки сопротивляться, обошлись еще хуже, чѣмъ съ ихъ сюзереномъ. Набабство Фарракабадъ было присоединено къ англійскимъ владѣніямъ (въ 1802 году); раджа Сасни и Биджгера, раджа Тотеаха и земиндаръ кушурскій были совершенно обобраны (въ 1803 году).

Низложеніе набабовъ Сурата (1800) и Карнатика (1801).—Набабство суратское стало подъ англійскій протекторатъ по договору 1759 года. Набабъ, царствовавшій здѣсь въ 1800 году, навлекъ на себя нерасположеніе Уэлсли. Съ другими расправились потому, что считали ихъ слишкомъ могущественными; съ этимъ расправились потому, что считали его черезчуръ слабымъ, „неспособнымъ осуществить реформы" (мартъ 1800 года). По этому именно поводу Уэлсли провозгласилъ принципъ, котораго часто придерживались въ теченіе девятнадцатаго вѣка

его преемники, принципъ, который, можетъ быть, оправдывался историческими прецедентами монгольскаго Индостана, а именно, что набабство является лишь должностью и что сюзеренная власть въ правѣ распоряжаться ею по своему усмотрѣнію. Суратскій набабъ запротестовалъ, ссылаясь на презрѣніе, съ какимъ станетъ относиться къ нему весь мусульманскій міръ, „если онъ согласится отдать ворота Мекки въ руки народа, чуждаго по вѣрѣ“. Назначенная ему англичанами пенсія заставила его замолчать.

Карнатикскій набабъ Магометъ-Али, старый и не всегда удобный союзникъ англичанъ, умеръ въ 1795 году; преемникомъ его былъ его сынъ Омдатъ-эль-Омра. Въ апрѣлѣ 1800 года Уэлсли увѣдомилъ мадрасскаго губернатора, что въ Серингапатамѣ, въ архивахъ Типпу, нашлись документы, компрометирующіе Магомета-Али и его сына, тогдашняго наслѣднаго принца. Бумаги эти свидѣтельствовали, что Магометъ-Али принималъ въ 1792 году посланныхъ отъ Типпу, что онъ самъ и его сынъ поддерживали съ нимъ шифрованную переписку, въ которой султанъ значился подъ кличкой „столпъ вѣры“, а англичане фигурировали подъ именемъ „недавнихъ пришельцевъ“. Съ другой стороны, Уэлсли ставилъ въ вину дурное правительство въ Карнатикѣ, угнетеніе подданныхъ, неуплату долговъ, сдѣланныхъ Магометомъ-Али. Наконецъ, онъ выражалъ желаніе прекратить въ Карнатикѣ „дуализмъ“ власти, какъ его прекратили уже въ Бенгаліи. 28-го мая 1801 года онъ извѣстилъ мадрасскаго губернатора о своемъ намѣреніи цѣликомъ прибрать къ рукамъ гражданское и военное управленіе набабства. Нѣсколько недѣль спустя (15 іюля) умеръ Омдатъ-эль-Омра. По завѣщанію онъ передавалъ престолонаслѣдіе своему старшему сыну Али-Гуссейну, подъ регентствомъ трехъ хановъ. Несмотря на это, англичане принудили молодого набаба къ такой альтернативѣ: либо уступить все управленіе, сохранивъ титулъ и цивильный листъ, либо лишиться всего. Когда онъ сталъ энергично противиться такой дилеммѣ, ему было заявлено, что онъ не болѣе, „какъ частное лицо, враждебное британскимъ интересамъ, зависящее цѣликомъ отъ милости Компаніи“. Его третировали, какъ *предполагаемаго* сына умершаго набаба, ставя подъ сомнѣніе законность его происхожденія. Онъ умеръ 6-го августа 1802 года, и его преемникъ, Азимъ-эдъ-Даула, уже прямо состоялъ на пенсіи у Компаніи.

Государство маграттской конфедераціи.— Территоріи, принадлежавшія маграттамъ, частью ихъ исконныя владѣнія, частью недавнія пріобрѣтенія, занимали на картѣ Индіи огромное пространство. На сѣверѣ онѣ граничили со страною сиковъ и съ Синдомъ, обступая Дели и Доабъ, Бёнделькандъ, Раджпутану; онѣ окружали англійскія владѣнія въ нижнемъ теченіи Ганга, отдѣляли ихъ отъ Низама и отъ мадрасскаго президентства; онѣ охватывали со всѣхъ сторонъ довольно тѣсную въ то время территорію бомбейскаго президентства; онѣ тянулись во всю ширину полуострова отъ Оманскаго моря (черезъ Гузрати, Бароду, Конканъ) до Бенгальскаго залива (черезъ территорію Каттака). Англійскія владѣнія оставались раздѣленными на три части, и объединенію ихъ въ одно цѣлое мѣшали маграттскія территоріи.

Изъ шести маграттскихъ династій [1]) двѣ, повидимому, лучше другихъ вооружены были для сопротивленія британскимъ захватамъ,—это были династіи Синдгіевъ и Голкаровъ.

Преемникомъ великаго Синдгіи былъ его двоюродный внукъ Даулатъ-Рао. Во

[1]) Царская вѣтвь, происходившая отъ Сиваджи и царствовавшая въ Саттарѣ и Колапурѣ; династія Пешвы въ Пунѣ; династіи: Синдгіи въ Удженѣ (близъ Гваліора), Голкара въ Индорѣ, Бгонсла въ Нагпурѣ, Гиковара въ Бародѣ.

главѣ его „французскаго отряда" послѣ Буаня сталъ съ 1798 года Перронъ, который, прибывъ въ Индію во времена американской войны, покинулъ службу у раджи гохадскаго, перешелъ къ Синдгіи и сдѣлался начальникомъ одной изъ трехъ его бригадъ, устроенныхъ на европейскій ладъ. Послѣ Буаня Перронъ занималъ въ государствѣ Синдгіи почти независимое военное положеніе, положеніе крупнаго ленника. Дрюжонъ писалъ Буаню (30 августа 1802 года): „Перронъ чувствуетъ себя здѣсь въ смыслѣ власти, какъ прусскій король, а по части денегъ—какъ Крезъ... Вы приготовили блюдо для другихъ, и имъ теперь остается только скушать его". Впрочемъ, Перронъ поддерживалъ въ хорошемъ состояніи все созданное его предшественникомъ. Англійскій генералъ Лэкъ слѣдующимъ образомъ отзывается о немъ и о молодомъ Синдгіи: „Армія маграттовъ поставлена лучше нашей (имѣется въ виду *туземная* армія). Они не щадятъ издержекъ; у нихъ на каждое орудіе приходится втрое больше прислуги, чѣмъ у насъ. Упряжныхъ быковъ у нихъ больше, чѣмъ у насъ, притомъ это отборные экземпляры. Солдатскія сумки и поклажа у нихъ перевозятся на верблюдахъ, и это позволяетъ имъ дѣлать двойные переходы". Уэллингтонъ отмѣчаетъ Перрона, какъ офицера „выдающагося, дѣятельнаго, точнаго, для котораго единственный отдыхъ — въ тяжелой работѣ его профессіи". Однако, одинъ изъ офицеровъ, и притомъ враговъ Перрона, Смитъ вскрываетъ намъ и недостатки этой организаціи: низкое происхожденіе, дурное воспитаніе, полное отсутствіе образованія у многихъ европейскихъ офицеровъ, ихъ зависть другъ къ другу и къ начальнику. Вотъ отъ какой причины суждено было погибнуть „французскому отряду". Буань хорошо зналъ слабыя стороны своего созданія. Поэтому онъ указалъ Даулатъ-Рао предѣлы того, чего можно было ждать отъ него. Прощаясь съ Даулатъ-Рао въ сентябрѣ 1796 года, онъ сказалъ ему: „Старайтесь не вызвать недовѣрія Компаніи къ этому отряду... Лучше уничтожить это великолѣпное боевое орудіе, чѣмъ начинать войну съ англичанами". Перронъ былъ не такъ политиченъ, какъ Буань. Помимо того, у него были французскія чувства, недоступныя для савойца. Думаютъ, что у него побывали агенты Бонапарта. Онъ съ великою радостью началъ бы борьбу противъ англичанъ, если бы его хоть немного поддержали; но ни составъ его офицеровъ, ни дворъ молодого Синдгіи не казались ему достаточно надежными. Очень сильно подѣйствовало на него распущеніе отряда Раймона и паденіе Типпу. Онъ чувствовалъ, какъ обезсиливаютъ его интриги двора Голкара, происки англійскихъ агентовъ, особенно Джона Малькольма въ Пунѣ, въ Индорѣ, у раджпутовъ. Въ результатѣ этихъ подстрекательствъ ему пришлось вынести очень тяжелые походы противъ возставшихъ раджпутовъ, которыхъ поддерживали сики. Авантюристъ Джорджъ Томасъ, выдѣлившій себѣ у сиковъ небольшое государство (1796 — 1800 гг.), относился къ Перрону враждебно, такъ же, какъ и Дайсъ, одинъ изъ помощниковъ Бегумъ Сомбра въ Сирданнахѣ.

Тукаджи, изъ династіи Голкара, умеръ въ 1797 году и оставилъ своимъ преемникомъ Ясванта-Рао, своего сына отъ одной наложницы (одинъ изъ его законныхъ сыновей былъ слабоуменъ, а другой погибъ въ междоусобныхъ войнахъ). Ясвантъ-Рао попалъ въ полную зависимость къ Тулси-Бэ, развратной, властной и жестокой женщинѣ, которую онъ отбилъ у ея перваго мужа и которая является вслѣдствіе своихъ интригъ одною изъ главныхъ причинъ маграттскаго крушенія. Въ концѣ концовъ она довела своего второго мужа до помѣшательства (въ 1808 году) и послѣ этого захватила въ свои руки регентство (1808—1817).

Наконецъ, что касается династіи Пешва, то седьмой правитель этого рода Баджи-Рао (1795—1818) отказался поддерживать хоть малѣйшее согласіе въ маграттскомъ союзѣ. Онъ одинаково боялся Голкара и Синдгіи, Типпу-Сагиба и англичанъ. Въ 1798 году онъ отклонилъ союзъ, который предлагалъ ему лордъ Уэлсли на основахъ, слишкомъ сходныхъ съ основами договора, принятаго Низамомъ. Если онъ помогалъ англичанамъ противъ Типпу, то дѣлалъ это не очень энергично и не очень искренно. Онъ отказался отъ своей доли въ добычѣ, взятой у султана.

Бассейнскій договоръ съ Пешвою (1802).— Въ 1800 и въ 1801 году Баджи-Рао снова отклонилъ предложенную ему лордомъ Уэлсли „вспомогательную силу", слишкомъ хорошо зная, какіе результаты получались отъ этого для князей Индіи; онъ отказался дать обязательство закрытія своей территоріи отъ французовъ и обращенія къ третейскому суду Англіи въ различныхъ своихъ тяжбахъ. Въ 1802 году его провоцируетъ Голкаръ, который угрожаетъ Пунѣ огромной арміей, гдѣ участвуетъ и артиллерія, обслуживаемая англичанами, и который требуетъ уступки крѣпостей, господствующихъ надъ рѣками Тапти и Нербаддою. Пешва попеременно ведетъ переговоры съ Голкаромъ и съ англійскимъ посланнымъ, полковникомъ Бэрри Клозомъ, которому онъ и заявляетъ (11 октября) о своемъ согласіи принять „вспомогательную силу" и уступить на ея содержаніе извѣстную территорію. Но онъ уже заключилъ союзъ съ Синдгіей. При Пунѣ (25 окт. 1802 года) оба они были разбиты и вынуждены бѣжать. Покидая Пуну, Пешва оставилъ своему министру проектъ договора, по которому соглашался принять шесть англійскихъ батальоновъ съ соотвѣтственнымъ количествомъ артиллеріи и уступить территорію, приносящую 2.500.000 рупій дохода. Голкаръ побѣдителемъ вступилъ въ Пуну. Взбѣшенный тѣмъ, что не удалось схватить Пешву, онъ заявилъ, что считаетъ его бѣгство за отреченіе и посадилъ на престолъ Амрата-Рао, пріемнаго сына знаменитаго Рагобы. Между тѣмъ Пешва, одно время думавшій искать убѣжища на англійскомъ кораблѣ, въ страхѣ засѣлъ въ Бассейнѣ. Здѣсь онъ подписалъ (31 декабря 1802 года) окончательный договоръ съ Компаніей: все его государство съ 10-ти милліоннымъ населеніемъ, со всѣмъ побережьемъ Сурата и Гоа, поступало подъ англійскій протекторатъ.

Вторая [1]) маграттская война (1802—1805). — Что могли подумать о такомъ договорѣ другіе царьки маграттовъ, Синдгія, Голкаръ, даже Бгонсла и Гиковаръ? Ихъ общій сюзеренъ, этотъ Пешва, источникъ всякой законности въ маграттской конфедераціи, становился вассаломъ англичанъ, почти ихъ плѣнникомъ и орудіемъ ихъ притязаній. Бассейнскій договоръ былъ ближайшей причиной маграттской войны: главы крупныхъ династій чувствовали, что надо принять этотъ вызовъ ради своей чести и ради своего благополучія.

Уэлсли рѣшился предложить Синдгіи договоръ, аналогичный тому, который только что принялъ Пешва; вѣдь Даулатъ-Рао былъ побѣжденъ Голкаромъ такъ же, какъ и Баджи-Рао. Синдгія отказался: онъ былъ слишкомъ гордъ и увѣренъ въ своемъ могуществѣ. Вѣдь разбита была только его южная армія, сѣверная, подъ начальствомъ Перрона, оставалась нетронутой. Перронъ атаковалъ въ Рогилькандѣ своего врага Джоржа Томаса и принудилъ его къ безусловной сдачѣ. И все-таки его безпокоило про-

---

[1]) *Первою маграттскою войною* (хотя она происходила послѣ ряда другихъ, менѣе важныхъ) называютъ ту, которая была при Уорренѣ Гастинксѣ (1779—1781 гг.) и закончилась миромъ при Салбаѣ (въ 1782 году).—*Третья маграттская война* (1817—1818) произошла при лордѣ Гастинксѣ.

исходившее на югѣ, безпокоило то, что Голкаръ оправился послѣ пораженія при Лахайри, разбилъ Синдгію и Пешву, вступилъ въ Пуну; безпокоило больше всего то, что англичане сдѣлались господами надъ сюзереномъ его собственнаго господина. Онъ не подчинился приказаніямъ Синдгіи, потребовавшаго отъ него его трехъ регулярныхъ бригадъ, потому что боялся оставить безъ защиты Доабъ, отдать этимъ въ руки англичанъ Дели и самого Алама II, свои собственные магазины, арсеналы, литейни. Явившись на призывъ Синдгіи въ Уджейнъ, онъ разрушилъ заговоръ, составленный съ цѣлью покушенія на его жизнь, лишь тѣмъ, что предсталъ передъ *дурбаромъ* во главѣ 330 офицеровъ. Къ концу аудіенціи онъ положилъ передъ Синдгіей шпагу, „состарившуюся на его службѣ", и заявилъ, что далѣе не въ силахъ бороться съ наглостью клеветниковъ. Синдгія извинился и обнялъ его.

Синдгія и Голкаръ поняли, наконецъ, что ихъ нелѣпыя пререканія отдаютъ страну въ руки англичанъ, и примирились. Уэлсли приходилось опасаться, какъ бы не присоединился къ нимъ Бгонсла. Такъ какъ Пешва упорно отстаивалъ союзъ съ англичанами, то одинъ изъ генераловъ Голкара пригрозилъ сжечь Пуну. Городъ былъ спасенъ смѣлымъ маршемъ Артура Уэлсли, который, пройдя 120 километровъ въ 32 часа, выгналъ оттуда непріятеля и затѣмъ водворилъ обратно Пешву. Агентъ генералъ-губернатора полковникъ Коллинзъ тщетно пытался привлечь на свою сторону Синдгію. 4 февраля 1803 года послѣдній перешелъ Нербадду и появился въ виду Бургампура, на дорогѣ въ Пуну. Съ своей стороны и лордъ Уэлсли отдалъ (въ декабрѣ 1802 года) приказъ карнатикской арміи сосредоточиться на границѣ Майссура, бомбейской же арміи, подъ начальствомъ Стюарта, „вспомогательной" арміи Низама, а также туземной арміи, подъ командой Стивенсона,—тронуться въ путь. Ему приходилось спѣшно выручать своего брата Артура, нѣсколько зарвавшагося впередъ между Пуной и Ахмеднагаромъ, городомъ во владѣніяхъ Синдгіи. У послѣдняго было въ это время 15.000 человѣкъ. Къ нему присоединился Бгонсла. Однако, враждебныя дѣйствія начались совсѣмъ не съ этой стороны.

Операція Лэка: разстройство арміи Перрона.—Генералъ Лэкъ получилъ приказъ двинуться съ калькуттскими и карнатикскими войсками прямо на армію Перрона и на городъ Дели. Цѣль была двоякая: разстроить армію и захватить столицу для того, чтобы „завладѣть номинальною властью Могола". Лэкъ долженъ былъ заключить союзъ съ мелкими государствами Бёндельканда и Раджпутаны, которыя, какъ и самъ великій Моголъ, тяготились игомъ Синдгіи. Лэкъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 10.500 человѣкъ [1]). У Перрона было отъ 16 до 17 тысячъ регулярной пѣхоты, 15—20 тысячъ туземныхъ всадниковъ и хорошая артиллерія. Лордъ Уэлсли началъ свое дѣло дезорганизаціи перроновскихъ бригадъ приказомъ, въ силу котораго всѣ британскіе подданные должны были уйти оттуда подъ угрозой обвиненія въ измѣнѣ. Много офицеровъ ушло вслѣдствіе этого; Джемсъ Скиннеръ, смѣшаннаго индо-шотландскаго происхожденія, сынъ раджпутанки, хотѣлъ было остаться на службѣ. Перронъ заставилъ его уйти, заявивъ, что не можетъ положиться на него. Лэку приказано было также поиспытать Перрона, не согласится ли онъ выдать Дели. Французъ упорствовалъ, и вотъ, 29-го августа 1802 года, враги встрѣти-

---

[1]) А именно: 200 европейскихъ артиллеристовъ; 1 полкъ европейской пѣхоты; 3 полка европейской кавалеріи; 11 туземныхъ батальоновъ и 5 полковъ туземной конницы.—Далѣе, 3.500 человѣкъ для нашествія на Бёнделькандъ и 2.000 въ Мирзапурѣ, съ назначеніемъ для Бенареса.

лись недалеко отъ Алигара. Франко-индусы, которыхъ Лэкъ пытался обойти, уклонились отъ битвы. Ослабленные огромнымъ дезертирствомъ, они отступили, бросивъ Коилъ, бывшую главную квартиру генерала де Буаня, и Алигаръ, резиденцію Перрона, которая взята была приступомъ (4 сентября); англичане, по словамъ Джемса Скиннера, „давились рупіями". На другой день Перронъ далъ знать Лэку, что онъ покинулъ службу у Синдгіи, что „вѣроломство и неблагодарность европейскихъ офицеровъ убѣдили его въ безполезности сопротивленія, и что онъ проситъ разрѣшенія проѣхать черезъ британскую территорію съ семьей, багажомъ и свитой офицеровъ для того, чтобы отплыть на кораблѣ въ Европу" [1]). Послѣ его отбытія начальство принялъ Луи Буркьенъ, рѣшившій продолжать борьбу; онъ перешелъ Джамну.

Бой при Дели: „освобожденіе" императора.—11-го сентября началась битва въ 6 миляхъ отъ Дели. Франко-индусовъ было еще 19.000 человѣкъ; англичанъ—4.500. Благодаря своему господствующему положенію, Буркьенъ сначала отбросилъ англичанъ. Но затѣмъ онъ сдѣлалъ промахъ, покинувъ высоты, былъ разбитъ, подвергся преслѣдованію вплоть до Джамны, потерялъ 68 орудій, войсковую казну и около 3.000 солдатъ. У англичанъ же выбыло изъ строя лишь 500 человѣкъ.

12-го сентября побѣдители получили отъ Алама II, котораго ихъ эмиссары обрабатывали уже нѣсколько недѣль, посланіе съ просьбой о принятіи его подъ британское покровительство. 14-го перейдена была Джамна; Буркьенъ сдался съ четырьмя изъ своихъ офицеровъ. 16-го Лэкъ посѣтилъ престарѣлаго слѣпого императора, поздравляя его съ „освобожденіемъ отъ этой французской партіи, которая такъ долго унижала и притѣсняла его". Царедворцы даже заявляли, что „его величество отъ избытка радости снова прозрѣли".

Битва при Ласвари.—Оставивъ въ Дели гарнизонъ, Лэкъ продолжалъ свое наступленіе на Агру, прибылъ туда 4-го октября, потребовалъ отъ гарнизона сдачи, затѣмъ 10-го атаковалъ его и взялъ въ плѣнъ. 17-го крѣпость сдалась.

Все это совершено было на глазахъ арміи, состоявшей изъ 17 батальоновъ и 4.000 кавалеріи и ничего не сдѣлавшей для спасенія Агры. 1-го ноября Лэкъ вступилъ въ бой съ этой арміей близъ Ласвари. Сначала онъ бѣшенно атаковалъ со своей кавалеріей деревню, но былъ отбитъ. Его пѣхота, ядро которой составлялъ 76-й британскій полкъ, надолго была задержана сильнымъ огнемъ артиллеріи. Наконецъ, 76-й полкъ овладѣлъ деревней. Франко-индусы отступили въ безпорядкѣ, бросивъ 72 пушки и много слоновъ. Теперь уже больше не было „французскаго отряда", не было даже и сѣверной арміи Синдгіи. Эта „великолѣпная боевая сила" была сломлена. Результатъ двадцатилѣтнихъ усилій Буаня, Перрона, обоихъ Синдгіевъ былъ уничтоженъ въ три мѣсяца.

Операціи Артура Уэлсли; битвы при Ассей и Аргаонѣ.—Въ августѣ 1803 года Артуръ Уэлсли взялъ Ахмеднагаръ, одну изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей Индіи, господствовавшую надъ городомъ Пуной. 23-го сентября онъ столкнулся близъ Ассей съ войсками Синдгіи и Бгонслы. Вмѣсто того чтобы броситься на непріятельскій правый флангъ, весь занятый кавалеріей, онъ разсчитывалъ добиться болѣе рѣшительныхъ результатовъ, направивъ ударъ на лѣвый флангъ, образуемый пѣхотой и артиллеріей. Оставивъ майссурійцевъ и маграттовъ Пешвы лицомъ къ лицу съ непріятельскимъ правымъ флангомъ, онъ построилъ свою собственную пѣхоту въ двѣ линіи, оставивъ кавалерію позади,

---

[1]) Перронъ вернулся въ Европу съ огромнымъ состояніемъ. Онъ былъ недружелюбно принятъ Наполеономъ, удалился въ Вандомъ и умеръ тамъ въ 1834 году.

и самъ повелъ атаку противъ лѣваго фланга. Англичане встрѣчены были такимъ артиллерійскимъ огнемъ, что ихъ ряды поколебались; всѣ ихъ орудія были подбиты и 74-й шотландскій полкъ почти уничтоженъ. Своею стойкостью Артуръ Уэлсли поправилъ дѣло и одержалъ побѣду, захвативъ въ добычу 98 орудій; но англійскія потери (около 1.700 убитыхъ и раненыхъ при наличномъ составѣ въ 4.500 человѣкъ), равныя потерямъ противника, свидѣтельствовали объ энергичной защитѣ. Подъ Артуромъ Уэлсли убита была лошадь.

На другой день къ нему присоединились оба корпуса Стивенсона. Послѣдній взялъ Бургампуръ и Ассергаръ (въ октябрѣ). Попытка начать переговоры, сдѣланная Синдгіей, разбилась о недовѣріе Артура Уэлсли. 29-го ноября произошла новая битва. Правый флангъ магратовъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ войскъ Синдгіи; лѣвый — изъ войскъ Бгонслы; въ тылу находилась деревня Аргаонъ; передъ фронтомъ — нѣсколько ручьевъ. Такъ какъ армія Бгонслы состояла, главнымъ образомъ, изъ пѣхоты и артиллеріи, то Уэлсли, вѣрный своей обычной тактикѣ, рѣшилъ напасть именно на нее, какъ на самую стойкую. Нѣсколько атакъ кавалеріи Синдгіи даже не остановили движенія англійской пѣхоты, ядро которой составляли три европейскихъ полка. Одно это движеніе привело непріятеля въ ужасъ. Бгонсла пустился бѣжать, бросивъ 38 орудій.

Въ это время Лэкъ успѣлъ занять Бёндельщандъ, одинъ бенгальскій корпусъ занялъ Балассоръ, Миднапоръ, Каттакъ; бомбейская армія совершала завоеваніе Гузерати съ Брочемъ. Теперь можно было воспользоваться всѣми англійскими силами для нанесенія послѣднихъ ударовъ Бгонслѣ и Синдгіи.

Договоры съ Бгонслою и Синдгіей (1803).— Артуръ Уэлсли собирался двинуться противъ ихъ столицъ, когда первый изъ нихъ согласился заключить договоръ на слѣдующихъ условіяхъ: всѣ его горныя укрѣпленія будутъ возвращены ему; онъ уступитъ нѣсколько округовъ Низаму; англичанамъ — Каттакъ и Балассоръ, — это означало отдачу единственнаго побережья, какимъ владѣли магратты на Бенгальскомъ заливѣ; онъ обязуется не допускать въ свои владѣнія ни европейцевъ (кромѣ англичанъ), ни американцевъ, отдѣлиться отъ маграттской конфедераціи, примириться съ присутствіемъ британскаго резидента (договоръ 17-го декабря 1803 года).

Оставшемуся въ одиночествѣ Синдгіи приходилось покориться. Онъ это и сдѣлалъ двѣнадцать дней спустя: во-1-хъ, онъ бросилъ всѣ свои владѣнія въ области Ганга, отказавшись отъ вмѣшательства въ дѣла Великаго Могола, ставшаго отнынѣ подъ покровительство Компаніи; во-2-хъ, онъ уступалъ англичанамъ Гваліоръ, Гузерати съ гаванью Брочемъ; Пешвѣ—крѣпость и округъ Ахмеднагаръ; Низаму—всѣ свои округа на Годавери; въ-3-хъ, онъ отказывался отъ всякихъ претензій къ союзникамъ Компаніи—Пешвѣ, Гиковару, Низаму; въ-4-хъ, онъ возвращалъ независимость раджпутскимъ государствамъ Бгартпуру, Джодейпуру, Джейпуру, Мачерри, Баунди, Гохаду и др., отдавая имъ обратно все, что раньше отнялъ у нихъ; въ-5-хъ, онъ обязывался не допускать ни европейцевъ (воюющихъ съ Англіей), ни американцевъ; принять „вспомогательную силу“, но подъ условіемъ не платить субсидій и не уступать новыхъ территорій; въ-6-хъ, во внѣшнихъ сношеніяхъ онъ всегда будетъ руководиться указаніями Компаніи (договоръ 29 декабря 1803 года).

Война и договоръ съ Голкаромъ (1804—1805).—Голкаръ Ясвантъ-Рао не былъ обладателемъ цѣлой имперіи, какимъ былъ Синдгія; онъ владѣлъ лишь небольшимъ государствомъ и могъ существовать только грабежемъ и взысканіемъ

шаута. Такъ какъ онъ совершенно не участвовалъ въ послѣдней войнѣ, Уэлсли рѣшилъ пощадить его, лишь бы онъ оставался въ покоѣ. Но Голкаръ самъ поднялъ дѣло, заявивъ претензію попрежнему собирать *шаутъ* со всѣхъ сосѣдей, требуя себѣ нѣсколькихъ округовъ и т. д. Англичане отказали. Тогда онъ затѣялъ интригу съ раджпутами, построилъ планъ новаго сближенія съ Синдгіей. Лордъ Уэлсли рѣшилъ покончить съ нимъ, послѣ чего можно было бы раздѣлить его владѣнія между Пешвой и Синдгіей. Война, которую Лэку пришлось вести противъ Голкара, состояла не изъ сраженій, а изъ стычекъ, нечаянныхъ нападеній съ обѣихъ сторонъ, преслѣдованій по пустынямъ. 24-го августа 1804 года англичане взяли его столицу Индоръ. Въ октябрѣ онъ внезапно появился передъ Дели, осаждалъ городъ въ теченіе девяти дней и ушелъ при приближеніи Уэлсли. 3-го ноября онъ рискнулъ вступить въ бой около форта Дигъ и потерялъ при этомъ всю свою артиллерію, состоявшую изъ 87 орудій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эту крѣпость. Въ такой бѣдѣ онъ былъ спасенъ измѣной бгартпурскаго раджи, который пріютилъ въ городской оградѣ остатки арміи Голкара. Англичане безъ труда взяли городъ, но цитадель, построенная на высотѣ, слыла неприступной. Первый приступъ (9 января 1805 года) не удался, то же повторилось и съ другимъ (2 февраля). Вскорѣ, испытывая недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и амуниціи, обремененные больными и ранеными, англичане вынуждены были снять осаду. Это была крупная неудача, которая отняла значеніе у предыдущихъ побѣдъ и позднѣе была исправлена лишь въ 1827 году. Голкаръ прочно засѣлъ въ странѣ Бгартпура. Въ апрѣлѣ 1805 года англичане снова появились тамъ. Вмѣсто продолженія осады, они заключили договоръ съ Голкаромъ; послѣдній вернулъ отнятыя у Синдгіи территоріи, уплатилъ два милліона рупій, получилъ обратно Индоръ, но не Дигъ, который долженъ былъ вернуться къ нему лишь послѣ того, какъ испытана будетъ его вѣрность (договоръ 10 апрѣля 1805 года).

Новыя военныя дѣйствія и переговоры.— Между англичанами и Синдгіей поднялись новыя пререканія. Синдгія не отдалъ ни Гваліора (Компаніи), ни Гохада (раджѣ). Онъ жаловался на то, что нѣкоторые изъ его прежнихъ данниковъ, какъ, напр., раджа джодейпурскій, по принужденію заключили союзъ съ англичанами. Дѣйствительно, лордъ Уэлсли придерживался системы заключенія союзовъ о протекторатѣ съ мелкими раджпутанскими и сѣверо-западными князьками для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ оплотъ противъ предпріятій болѣе могущественныхъ князей. Наконецъ, Синдгія возмущался тѣмъ, что англичане, вопреки договору 1803 года, вовсе не защитили его владѣній отъ опустошенія ихъ Голкаромъ. Въ свою очередь, онъ принялся опустошать сосѣднія территоріи. Скоро у него составилась армія изъ 8—10 тысячъ всадниковъ, 20.000 *пиндари* (конныхъ разбойниковъ), 10 батальоновъ пѣхоты, 140 орудій. Голкаръ примкнулъ къ нему (несмотря на заключенный 10-го апрѣля договоръ). Маграттская война грозила затянуться надолго. Въ Лондонѣ уже много разъ порицали политику лорда Уэлсли, его безконечно разраставшуюся систему „вспомогательныхъ“ государствъ, его мирные договоры, въ результатѣ которыхъ получались новыя войны, его неразумное залѣзаніе, подъ предлогомъ протектората, въ это осиное гнѣздо раджпутскихъ государствъ. Компанія была напугана увеличеніемъ расходовъ и долга, паденіемъ дивиденда. Лордъ Уэлсли уже въ 1803 году подавалъ въ отставку. Она была принята въ 1805 году. Покидая Индію, онъ осуществилъ завоеванія, превосходившія своими размѣрами наполео-

новскія, закрылъ Индію для французовъ, разрушилъ мусульманскую имперію Майсура, низложилъ династіи Сурата, Карнатика, Танджаора, раздробилъ государства Ауда, Низама, Пешвы, Бгонслы, Синдгіи, Голкара, удвоилъ территорію Компаніи, придалъ обширные размѣры президентствамъ бомбейскому и мадрасскому, распростеръ калькуттское президентство по ту сторону Дели, поставилъ въ зависимое положеніе Великаго Могола, осуществилъ на дѣлѣ теорію о верховенствѣ Англіи и о вассальномъ подчиненіи индусскихъ князей [1]).

Возвращеніе къ миролюбивой политикѣ: Корнуоллисъ [2]) (1805) и Барло (1805—1807).—Для проведенія болѣе умѣренной политики во главѣ управленія Индіей во второй разъ сталъ лордъ Корнуоллисъ (въ 1805 году). Онъ рѣшилъ заключить миръ съ Голкаромъ и Синдгіей; освободить Компанію отъ чрезмѣрныхъ обязательствъ, которыя наложены были на нее договорами съ Пешвою, раджами Гваліора и Гохада, раджами Раджпутаны, даже Бгонслою и Низамомъ; наконецъ, сократить туземныя войска Компаніи, настолько обременительныя для ея финансовъ, что „они навѣрное были бы менѣе страшны, если бы съ ними пришлось сражаться въ открытомъ бою“. Для заключенія мира съ Синдгіей и Голкаромъ приходилось отказаться отъ большинства договоровъ, подписанныхъ съ мелкими князьками, недавними ихъ вассалами. Лэкъ, чрезвычайно сочувствовавшій той политикѣ, за которую онъ сражался, былъ въ отчаяніи отъ этой реакціи противъ дѣла лорда Уэлсли. Ему казалось, что даже въ договорахъ съ мелкими князьками затронутъ британскій престижъ. Его укоры прекратились лишь со смертью Корнуоллиса, скончавшагося въ Бенаресѣ (5 октября 1805 года) на шестьдесятъ седьмомъ году, почти тотчасъ послѣ своего прибытія въ Индію.

Преемникомъ Корнуоллиса былъ *гражданскій* чиновникъ Джорджъ Барло, членъ Калькуттскаго совѣта. Онъ держался воззрѣній своего предшественника. Лэкъ вынужденъ былъ уступить. Если онъ продолжалъ преслѣдовать Голкара, зато съ Синдгіей онъ подписалъ договоръ не о „вспомогательномъ“ союзѣ, а простона-просто о мирѣ: Гваліоръ и Гохадъ оставлены были за Синдгіей; Чамбулъ отнынѣ становился границей между его владѣніями и владѣніями Компаніи; послѣдняя снимала съ себя всякія денежныя обязательства по отношенію къ нему подъ условіемъ уплаты пенсіи въ 700.000 рупій; она отказывалась отъ своихъ договоровъ съ Раджпутаной, закрывала глаза на всѣ завоеванія, сдѣланныя Синдгіей у Голкара (договоръ 23 ноября 1805 года).

Голкаръ подвергся энергичному преслѣдованію вплоть до Пенджаба. На берегахъ Гифаза Лэкъ, совершенно противъ своего желанія, предложилъ ему заключить договоръ, что явилось для Голкара пріятною неожиданностью. Ему возвращали всѣ его владѣнія подъ условіемъ, что онъ откажется отъ всего, чѣмъ онъ

---

[1]) Въ 1808 году мы снова встрѣтимъ лорда Уэлсли, облеченнаго миссіей поднять Испанію противъ Наполеона; съ 1809 по 1812 годъ онъ—министръ иностранныхъ дѣлъ, вооружающій противъ него Австрію, Россію, Швецію; съ 1821 по 1822 годъ онъ—лордъ-намѣстникъ Ирландіи. Онъ умеръ въ 1842 году.—Его братъ Артуръ Уэлсли, покинулъ Индію одновременно съ нимъ. Мы знакомы съ его военной карьерой въ Европѣ, которую онъ совершалъ уже въ званіи лорда Уэллингтона: Копенгагенъ (1807); война въ Португаліи и Испаніи (1808—1813), во время которой онъ сдѣланъ былъ герцогомъ Уэллингтономъ послѣ битвы при Талаверѣ (въ 1809 году); французская кампанія (1814 года); Ватерлоо (1815 г.). Въ слѣдующихъ томахъ мы изучимъ его политическую роль въ Англіи съ 1829 года до его смерти (1852 г.).

[2]) Послѣ перваго своего управленія Индіей (1786—1793) Корнуоллисъ былъ губернаторомъ въ Ирландіи, гдѣ онъ подавилъ возстаніе 1798 года и разстроилъ покушеніе Эмбера. Въ 1802 году онъ явился въ Парижъ для переговоровъ объ Амьенскомъ мирѣ (см. т. I, стр. 41).

владѣлъ сѣвернѣе Чамбула, отъ всѣхъ своихъ притязаній на Пуму и Бендель-кандъ и не станетъ принимать къ себѣ на службу безъ согласія Компаніи ни одного европейца (договоръ 24 декабря 1805 года). Впослѣдствіи Барло измѣнилъ этотъ договоръ въ еще болѣе благопріятномъ для Голкара смыслѣ: ему оставлены были даже земли сѣвернѣе Чамбула.

Что касается раджпутскихъ князей, то, за исключеніемъ Бгартпура и Мачерри, въ дѣлѣ которыхъ Лэкъ отстоялъ свою точку зрѣнія, нѣкоторые получили вознагражденіе деньгами или землями, но Компанія рѣшила окончательно предоставить ихъ своей участи.

II.—Правленіе лорда Минто.

Лордъ Минто (1807—1813).—Джоржъ Элліотъ, сдѣлавшійся лордомъ Минто, придерживался той же умѣренной политики въ своихъ отношеніяхъ къ индусскимъ князьямъ. Эта политика была ему предписана какъ британскимъ министерствомъ, такъ и Компаніей. Приходится отмѣтить лишь двѣ небольшихъ экспедиціи, изъ которыхъ одна направлена была противъ крѣпости Каллинджеръ (въ 1812 году). Зато новый генералъ-губернаторъ обратилъ усиленное вниманіе на сѣверо-западныя границы Индостана. Здѣсь, шло ли дѣло о сикахъ, афганцахъ, Синдѣ или даже Персіи, лорду Минто представлялась неизмѣнно одна и та же задача: послѣ того какъ французамъ закрыта была Индія, надо было закрыть имъ и прилегающія страны. Это была все та же война противъ Наполеона.

Сики; первые шаги Ранджитъ-Синга[1].—Сики начинали становиться опасными съ тѣхъ поръ, какъ они соединились подъ господствомъ одного царя Раджитъ-Синга. Два раза, въ 1806 и 1807 годахъ, этотъ государь переправлялся черезъ Сетледжъ подъ предлогомъ посредничества въ пререканіяхъ между князьями лѣваго берега, которые по происхожденію своему были сики. Въ Калькуттѣ эти экскурсіи вызвали безпокойство. Ранджитъ заявилъ, что считаетъ своею собственностью всю страну между Сетледжемъ и Джамною, за исключеніемъ округовъ, уже занятыхъ англичанами. Лордъ Минто рѣшилъ воспротивиться его захватамъ, но въ то же время ему хотѣлось заключить съ нимъ союзъ противъ Наполеона. Для достиженія этой двойной цѣли онъ отправилъ къ нему въ августѣ 1808 года ловкаго посредника, Чарлза Меткафа. Коварный царь хорошо принялъ посла, но воспользовался его присутствіемъ у себя въ лагерѣ лишь для того, чтобы придать характеръ законности новымъ своимъ захватамъ у разныхъ раджей. Что касается притязаній Англіи на верховное владычество надъ областями между Джамной и Сетледжемъ, то онъ рѣшительно отвергалъ ихъ. Для поддержанія представленій Меткафа лордъ Минто поручилъ полковнику Очтербери перейти Джамну и занять позицію при Лудіанѣ (январь 1809 года). Въ это время Меткафъ съ эскортомъ изъ 16 англичанъ и двухъ ротъ сипаевъ находился въ Амритсарѣ, священномъ городѣ сиковъ. Во время празднества *Могаррамъ* фанатики бросились на его квартиру. Британскій эскортъ оказалъ сопротивленіе, понесъ серьезныя потери, но перебилъ гораздо большее количество нападавшихъ. Ранджитъ пораженъ былъ такою стойкостью. Какова же британская мощь, если горсти солдатъ удалось справиться съ нафанатизированной толпой? До сихъ поръ онъ скорѣе склонялся на сторону Франціи; послѣ дѣла въ Амритсарѣ у него не было больше колебаній. Въ этомъ же городѣ заключенъ былъ трактатъ 25 августа 1809 года, который

[1] Родился въ 1780 году; царствовалъ съ 1791 по 1839 годъ. Подробности о сикахъ и Ранджитъ-Сингѣ см. въ послѣдующихъ томахъ.

можетъ быть резюмированъ слѣдующимъ образомъ: вѣчная дружба между обоими государствами; взаимное соблюденіе установленныхъ границъ. Съ этихъ поръ Ранджитъ оставилъ Индію въ покоѣ и искалъ дальнѣйшаго расширенія своего государства лишь къ сѣверу и къ западу отъ Пенджаба.

Переговоры съ афганцами. — „Шахъ" Земонъ былъ свергнутъ своимъ братомъ Махмудомъ, котораго, въ свою очередь, свергнулъ его братъ Шудья. Послѣдній расширилъ свои владѣнія присоединеніемъ Кашмира. Лордъ Минто рѣшилъ войти въ сношенія съ новымъ властителемъ Афганистана. 5-го марта 1809 года въ Пешеваръ вступилъ его уполномоченный Эльфинстонъ, котораго Шудья принялъ очень любезно. Англичанинъ изложилъ цѣль своей миссіи: союзъ для борьбы съ персами и французами. Шудья замѣтилъ, что французы отъ него далеко, что недурно было бы выслушать также и какого-нибудь уполномоченнаго изъ Франціи, что онъ ясно различаетъ британскій интересъ въ предлагаемомъ союзѣ, но не можетъ отыскать въ немъ своего интереса. Черезъ нѣсколько дней онъ узналъ о пораженіи своей арміи въ Кашмирѣ и бѣгствѣ своего брата Махмуда, овладѣвшаго Кандагаромъ и сдѣлавшагося союзникомъ Персіи. Теперь пришла очередь Шудьи хлопотать о союзѣ съ англичанами. Но въ это время (1809) англичанамъ показалось, что Наполеона имъ нечего бояться. Изъ милости они подписали съ уполномоченнымъ Шудьи договоръ въ Калькуттѣ 17-го іюня 1809 года; Шудья обязывался препятствовать всякому проходу французовъ или персовъ черезъ Афганистанъ, не допускать въ свои владѣнія ни одного француза; въ награду за это онъ получитъ деньги, оружіе и т. д. Когда договоръ доставленъ былъ въ Пешеваръ для подписанія его Шудьею, послѣдній находился въ бѣгствѣ, разбитый своимъ братомъ Махмудомъ (29-го іюня). Онъ бѣжалъ сначала въ Лагоръ, потомъ въ Лудіану, къ англичанамъ, гдѣ мы встрѣтимъ его двадцать три года спустя.

Договоръ съ Синдомъ.—*Синдомъ* называется дельта рѣки Инда. Область эта составляла государство со столицей Гайдерабадомъ. Во главѣ его стояло три брата-соправителя; кромѣ того было налицо два родственника, получившихъ особые удѣлы; наконецъ, еще одинъ претендентъ, котораго изгнали незадолго до этого. Лордъ Минто вообразилъ, что въ Синдѣ есть сильная власть. Вначалѣ его предложенія встрѣчены были холодно. Одинъ коммерческій агентъ, допущенія котораго въ портъ Татту онъ добился, былъ тутъ даже ограбленъ, причемъ соправители и слышать не хотѣли объ уплатѣ вознагражденія. Позднѣе обстоятельства сложились благопріятнѣе. Одно время афганскій шахъ Шудья (Shoudja) безпокоилъ трехъ соправителей, поддерживая изгнаннаго претендента; но шаха отвлекли другія дѣла, а претендентъ умеръ. Соправители обратились было за помощью къ персидскому шаху; но этотъ послѣдній теперь въ свою очередь сталъ внушать имъ опасенія. Тогда они вспомнили объ англичанахъ и послали въ Бомбей предложеніе о возобновленіи торговыхъ сношеній. Бомбейское президентство откомандировало капитана Сетона, который и заключилъ договоръ объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ. Лордъ Минто нашелъ, что онъ переусердствовалъ. Черезъ своего личнаго уполномоченнаго Хэнки-Смита онъ добился измѣненія договора (23 августа 1809 года). Въ немъ говорилось уже только о „вѣчной дружбѣ" и о торговлѣ, объ обмѣнѣ постоянными уполномоченными, о недопущеніи французовъ. Такъ какъ послѣднихъ уже нечего было бояться, то договоръ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Замыслы Наполеона противъ англійскихъ владѣній въ Индіи.—Въ рѣдкіе свободные

промежутки, остававшіеся у Наполеона отъ войнъ въ Европѣ, онъ все еще думалъ объ Индіи. Съ 1803 по 1810 годъ губернаторомъ на принадлежавшихъ Франціи африканскихъ островахъ состоялъ у него генералъ Деканъ, одинъ изъ героевъ Гогенлиндена, который обнаружилъ при этомъ таланты Ла Бурдоннэ. Въ письмѣ къ вице-адмиралу Декрэ (отъ 16 января 1805 года) Наполеонъ развиваетъ новый планъ нападенія на Индію: собрано будетъ 28 военныхъ кораблей и 13 фрегатовъ, принадлежащихъ Франціи, 5 кораблей и 2 или 3 фрегата испанскихъ, далѣе штукъ двадцать бриговъ и транспортныхъ судовъ; на нихъ будетъ посажено 20.000 французовъ изъ метрополіи, 13.000 французовъ съ африканскихъ острововъ, 3.000 испанцевъ; обманувъ Англію насчетъ назначенія всего этого снаряженія, яко бы предназначаемаго для экспедиціи въ Ирландію, ихъ отправятъ въ Индостанъ. Ниже мы увидимъ планы Наполеона отъ 1807 года, въ которыхъ предусматривался союзъ съ Персіей. Позднѣе онъ затѣялъ прямо отчаянный планъ: на самыя скверныя суда (на ихъ возвращеніе даже и не разсчитывали) предполагалось посадить 20.000 человѣкъ для отправки въ Индостанъ. Наполеонъ не имѣлъ времени выполнить этотъ проектъ.

Захватъ французскихъ, португальскихъ и голландскихъ колоній.—Французы уже не были господами Индѣйскаго океана. Французскія морскія силы проявляли себя тамъ главнымъ образомъ въ морскихъ бояхъ, въ отважныхъ похожденіяхъ корсаровъ. Въ 1800 году Сюркуфъ проникъ въ Хугли и захватилъ тамъ купеческое судно. Между 1793 и 1810 годами британская Компанія потеряла, такимъ образомъ, 30 судовъ съ грузомъ, стоившимъ столько же милліоновъ. Въ 1804 году крейсерство адмирала Линуа привело къ боямъ въ Малаккскомъ проливѣ, затѣмъ въ виду Визагапатама. Въ мартѣ 1806 года онъ наткнулся недалеко отъ острова Мадеры на англійскую эскадру подъ командой Уоррена и былъ совершенно уничтоженъ. Подвиги французскихъ капитановъ и корсаровъ закончились, когда вооруженныя силы, отправившіяся изъ Бомбея, завоевали острова, принадлежавшіе французамъ въ Африкѣ: островъ Родриго въ 1809 году, острова Бурбонскіе и св. Маврикія (Ile de France) въ 1810 году. Генералу Декану, прекрасно оборонявшемуся на послѣднемъ изъ этихъ острововъ, даже оказаны были военныя почести, и онъ перевезенъ былъ во Францію. Но Франція потеряла тѣмъ самымъ всѣ свои опорные пункты на Индійскомъ океанѣ.

Послѣ бѣгства въ Бразилію Браганцской династіи (въ 1808 году), англичане захватили португальскія поселенія на Индостанѣ — Гоа и Діу, оставивъ гражданское управленіе въ рукахъ португальскихъ властей. Ихъ попытка захватить Макао, сдѣланная съ разрѣшенія португальскаго намѣстника въ Гоа, встрѣчена была рѣшительнымъ протестомъ кантонскаго вице-короля. Когда собравшіяся китайскія войска открыли огонь по англійскимъ шлюпкамъ, адмиралъ Друри рѣшилъ, что подобный конфликтъ не предусмотрѣнъ въ данной ему инструкціи, и снова посадилъ свои войска на суда (декабрь 1809 года).

Болѣе богатую добычу представляли собой колоніи Голландіи, которая въ то время входила въ составъ государствъ, зависимыхъ отъ Франціи. Послѣ уступки Цейлона Англіи по Амьенскому миру, послѣ завоеванія Капской колоніи Попгемомъ (въ 1805 году), у Голландіи, наперекоръ нѣсколькимъ безплоднымъ попыткамъ англичанъ, все еще оставались Молуккскіе острова, Ява, часть Суматры и проч. Многочисленные узкіе проливы этихъ архипелаговъ служили убѣжищемъ для французскихъ корсаровъ. Лордъ Минто и адмиралъ Друри рѣшили осуществить завоеваніе батавскихъ колоній. Послѣднія получили подкрѣпленія изъ Франціи, но голландскіе ко-

лонисты были чрезвычайно разрознены (они дѣлились на оранжистовъ, республиканцевъ, бонапартистовъ). Британская экспедиція отплыла изъ Мадраса 9 октября 1809 года. На островѣ Амбоинѣ взятъ былъ фортъ Викторія, гарнизонъ котораго, состоявшій изъ 1300 европейцевъ, попалъ въ плѣнъ; на островѣ Бандѣ взяты были форты Бельгія и Нассау; затѣмъ захваченъ былъ островъ Тернате (25 августа 1810 года). Большаго напряженія потребовало завоеваніе острова Явы: губернаторъ острова генералъ Янсенсъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи 17.000 человѣкъ (европейцевъ и туземцевъ), изъ которыхъ 13.000 занимали „линіи Корнелиса." Англійское войско, состоявшее изъ 12.000 европейцевъ и испанцевъ подъ начальствомъ сэра Самуэля Ахмьюти, вдохновляемое самимъ лордомъ Минто, высадилось 5 августа 1811 года и послѣ боя заняло 7 августа Батавію. 24 и 25 августа оно обстрѣливало линіи Корнелиса; 26 оно взяло ихъ приступомъ, забравъ въ плѣнъ 6000 человѣкъ, между прочимъ полкъ стрѣлковъ, только что прибывшій изъ Франціи. Янсенъ удалился въ восточную половину огромнаго острова: 16 сентября произошло новое сраженіе, не вызвавшее со стороны англичанъ особаго напряженія, затѣмъ — перемиріе и капитуляція. Условія были таковы: выдача Явы и всѣхъ окрестныхъ островокъ; войско идетъ въ плѣнъ. Послѣ этого началось англійское управленіе Рэффльза, который продолжалъ голландскія предпріятія, т.-е. воевалъ съ туземными вождями, султаномъ Іодхіакарты, султаномъ Палембанга и другими, и совершилъ важныя реформы. Эти колоніи были возвращены Голландіи при заключеніи всеобщаго мира.

III.— Персія, Афганистанъ, Кавказъ.

Мухаммедъ-ханъ (1794—1797) и Фетъ-Али-ханъ (1798—1834). — Въ правленіе персидскаго шаха Мухаммедъ-хана (1794—1797), второго основателя нынѣ царствующей въ Тегеранѣ династіи, начался конфликтъ съ Россіей изъ-за Грузіи. По договору 1783 года грузинскій царь Ираклій отдался подъ покровительство Екатерины II. Послѣдняя способствовала образованію въ Ашрафѣ (провинція Мазандеранъ) русскаго поселенія и отправила въ Грузію отрядъ войска, который оставался тамъ четыре года, а потомъ ушелъ обратно. Въ апрѣлѣ 1795 года персидскій шахъ Мухаммедъ-ханъ вторгся въ Грузію съ 6000 всадниковъ и пошелъ прямо на Тифлисъ. Силы Ираклія были гораздо незначительнѣе; онъ далъ шаху сраженіе въ 16 миляхъ отъ своей столицы и былъ побѣжденъ. Тифлисъ былъ взятъ и ужаснѣйшимъ образомъ разграбленъ, всѣ церкви были разрушены, 16.000 жителей уведены въ рабство. Въ то время какъ шахъ занятъ былъ завоеваніемъ Хорассана, Екатерина II весной 1796 г. отправила въ походъ Валерія Зубова во главѣ 43.000-ой арміи. Онъ взялъ прежде всего укрѣпленія Кубу, Баку-Талишъ, Хамаки, Гаунью, перебросилъ одинъ отрядъ въ Грузію, а затѣмъ, перейдя Араксъ, началъ завоеваніе Азербайджана и сталъ угрожать Тегерану. Смерть Екатерины II остановила его побѣдоносное шествіе, а Павелъ I отозвалъ русскую армію обратно. Преемникомъ Ираклія, умершаго послѣ своего пораженія, былъ его сынъ Гургенъ. Угрожаемый новымъ нашествіемъ персовъ, онъ принялъ къ себѣ на службу отрядъ изъ 16.000 лезгинъ. Во время похода Мухаммедъ-ханъ былъ убитъ двумя изъ своихъ слугъ (въ 1797 году). Ему наслѣдовалъ его племянникъ Фетъ-Али-ханъ.

При Александрѣ I война изъ-за Грузіи возобновилась (1803). Генералъ Цеціановъ отправилъ въ Петербургъ грузинскую царицу-мать, которая возражала противъ того, что ея старшій сынъ уступилъ Грузинское царство Павлу I. Цеціановъ завоевалъ Ширванъ и былъ убитъ ханомъ Гус-

сейномъ-Кули въ засадѣ подъ Баку (20 іюня 1806 года). Въ ожиданіи прибытія его преемника командованіе принялъ генералъ Глазеновъ. Наслѣдный принцъ персидскій Аббасъ-Мирза перешелъ съ 20.000 человѣкъ рѣку Араксъ и былъ разбитъ близъ Аскерана (25 іюня 1806 года); взято было Баку, завоеванъ Дагестанъ. При новомъ главнокомандующемъ графѣ Гудовичѣ наступило перемиріе (1807), позволившее этому генералу отправить подкрѣпленіе войскамъ, дѣйствовавшимъ въ Азіи противъ турокъ. Разбитые при Арпачаѣ, турки заперлись въ Карсъ и потеряли Анапу.

Переговоры Фетъ-Али-хана съ Франціей и Англіей.—Фетъ-Али-ханъ попросилъ помощи у англичанъ. Лордъ Минто послалъ къ нему сначала Джона Малькольма; онъ потребовалъ уступки острова Карека и гаваней на Персидскомъ заливѣ (1801). Шахъ нашелъ эти условія черезчуръ обременительными. Съ своей стороны онъ готовъ былъ допустить коммерческія сношенія и пребываніе при своемъ дворѣ британскаго агента (1801). До него уже доходили, хотя и очень смутно, слухи о Бонапартѣ и о французскомъ могуществѣ. Въ 1804 году онъ написалъ Наполеону; письмо, отправленное черезъ Константинополь, дошло до Парижа въ январѣ 1805 года. Наполеонъ поручилъ переводчику Жоберу, за которымъ на близкомъ разстояніи слѣдовалъ майоръ Ромьё, отправиться въ Константинополь, а оттуда тайно пробраться къ персидскому двору. Дорогой Жоберъ попалъ въ плѣнъ къ турецкому пашѣ въ Баязетѣ и лишь черезъ четыре мѣсяца получилъ разрѣшеніе отправиться въ Тегеранъ; между тѣмъ Ромьё, взявшій путь южнѣе, задержанъ былъ на сорокъ дней алепскимъ пашой. Ромьё достигъ Тегерана лишь въ октябрѣ 1805 года и умеръ немного времени спустя. Жоберъ попалъ туда лишь въ іюнѣ 1806 года. Фетъ-Али-ханъ надѣялся, что эти двое уполномоченныхъ привезли ему желанный союзъ. Они же передали ему только два письма Наполеона (отъ 16 февраля и 30 марта 1805 года), гдѣ говорилось лишь о желательной дружбѣ и о той мощи, которую могла бы пріобрѣсти Персія, перевооруживъ свои войска на европейскій ладъ. Въ сущности, французскимъ агентамъ поручено было только собрать предварительныя справки. Такъ какъ Жоберъ захворалъ отъ перенесенныхъ на пути невзгодъ, то шахъ, испугавшись, какъ бы онъ тоже не умеръ по примѣру Ромьё, поторопился его отправить, давъ ему на дорогу одного изъ своихъ врачей и евнуха, которому поручено было убить врача, если онъ допуститъ Жобера умереть. Жоберъ добрался до Парижа и сдалъ отчетъ о своей миссіи. Съ 1805 по 1807 годъ слѣдовали одна за другой, и тоже безъ всякаго результата, миссіи Бонтана, Жуаннена, Лабланша, Румана, Понтекулана.

Финкенштейнскій договоръ и миссія генерала Гардана (1807). — Послѣ Эйлау Наполеонъ счелъ нужнымъ сообщить персидскому царю о своихъ побѣдахъ надъ пруссаками и русскими, о возстановленіи Польши. Онъ убѣждалъ шаха вторгнуться въ Грузію (Варшава, 17 января 1807 года). Въ отвѣтъ на это Фетъ-Али-ханъ послалъ мирзу Мехмета-Ризу. Съ послѣднимъ Наполеонъ и заключилъ знаменитый Финкенштейнскій договоръ, подписанный Марэ (4 мая 1807 года). Вотъ его главныя условія: во-1-хъ, дружба и союзъ; обоюдное установленіе постоянныхъ посольствъ; во-2-хъ, Наполеонъ признавалъ права шаха на Грузію и обѣщалъ заставить русскихъ очистить эту страну, равно какъ и персидскія области; въ-3-хъ, онъ снабдитъ шаха ружьями, полевой артиллеріей, офицерами всѣхъ родовъ оружія для реорганизаціи персидской арміи и крѣпостей; въ-4-хъ, шахъ обязывался прекратить сношенія съ Великобританніей, объявить ей

войну, отозвать изъ Бомбея свое посольство, изгнать англійскихъ консуловъ и купцовъ, конфисковать у послѣднихъ ихъ товары; въ-5-хъ, шахъ станетъ вліять на афганцевъ съ цѣлью „склонить ихъ къ союзу съ нимъ противъ Англіи и къ совмѣстной отправкѣ арміи въ Индію“; въ-6-хъ, онъ допуститъ французскую эскадру въ свои гавани; въ-7-хъ, онъ приметъ всякую французскую армію, какую Наполеонъ отправитъ сухимъ путемъ противъ англійскихъ владѣній въ Индіи; въ-8-хъ, союзъ направленъ одновременно противъ Россіи и противъ Англіи.

22 апрѣля 1807 года Наполеонъ опредѣляетъ въ письмѣ къ Декрэ наличный составъ той подмоги, которую онъ собирается отправить въ Персію: 4000 пѣхоты, 10.000 ружей, 50 пушекъ. Пока что, онъ отправляетъ генерала-отъ-кавалеріи Гардана съ особой миссіей; о ней онъ извѣщаетъ персидскаго шаха письмомъ отъ 20 апрѣля. Гардана сопровождали 12 гражданскихъ лицъ: его братъ, Руссо, секретарь Лажаръ, оріенталистъ Жуанненъ, переводчикъ Эскалонъ, врачъ, четыре духовныхъ лица,— и 15 военныхъ: поручикъ (будущій маршалъ) Трезель, капитанъ Лами, поручики Фавье (будущій филэллинъ) и Бонтанъ, уже состоявшій при персидской арміи, два инженера-географа, три военныхъ инженера въ чинѣ капитана, два пѣхотныхъ офицера.—Инструкціи, данныя Гардану, помѣчены 10-мъ мая: онъ долженъ былъ поддерживать враждебное отношеніе персовъ къ Россіи и Англіи, добиться диверсіи персовъ въ Грузію, реорганизовать ихъ армію и поддерживать ихъ своими совѣтами, наконецъ, разработать планъ нашествія на Индію съ 40—50 тысячами французовъ, такимъ же числомъ персовъ и контингентами афганцевъ, сиковъ, Голкара и т. д.

Миссія совершила свой въѣздъ въ Тегеранъ 24 декабря 1807 года при полномъ энтузіазмѣ народа и двора. Финкенштейнскій трактатъ былъ одобренъ съ прибавкой такого рода, что французамъ будетъ уступленъ островъ Карекъ съ правомъ устройства факторій въ Гомбрунѣ и Буширѣ. Гарданъ писалъ: „Экспедиція въ Индію у всѣхъ на языкѣ“. Но сначала надо было отнять у русскихъ Грузію. Для достиженія этой цѣли Гарданъ дѣятельно работалъ надъ реорганизаціей персидской арміи. Фавье создалъ изъ ничего полевую артиллерію, основалъ въ Тегеранѣ арсеналъ; Вердье образовалъ отборный корпусъ изъ 4000 человѣкъ. Гарданъ послалъ своего секретаря Руссо къ соправителямъ Синда, проектировалъ отправить офицеровъ къ сикамъ и т. п.

Поворотъ дѣлъ послѣ Тильзита.—Фетъ-Али-ханъ имѣлъ гораздо болѣе серьезные поводы къ неудовольствію противъ русскихъ, чѣмъ противъ англичанъ. Противъ русскихъ главнымъ образомъ и искалъ онъ помощи у Франціи. А между тѣмъ Наполеонъ подписалъ въ іюлѣ 1807 года Тильзитскій договоръ, въ которомъ Персія даже и не упоминалась. Не связавъ себя никакими обязательствами насчетъ Персіи, русскіе опять начали военныя дѣйствія противъ нея. Фельдмаршалъ Гудовичъ послалъ ей ультиматумъ. Гарданъ попытался вмѣшаться со своимъ посредничествомъ, но оно было отклонено русскими. Русскіе разбили Аббаса-Мирзу близъ Нахичевана (9 ноября 1808 года) и овладѣли этой крѣпостью.

Весь престижъ французскаго союза и французской миссіи сразу исчезъ въ Персіи. Англичане были насторожѣ. Сначала обезпокоенные миссіей Гардана они теперь снова вступили въ переговоры съ шахомъ. Они принялись за дѣло съ такимъ усердіемъ, что къ Фетъ-Али-хану почти одновременно явилось два британскихъ уполномоченныхъ: изъ Бомбея лордъ Минто прислалъ къ нему Джона Малькольма, заключившаго англо-персидскій договоръ 1800 года; изъ Лондона

правленіе Индійской Компаніи отправило къ нему сэра Гарфорда Джонса, состоявшаго долгое время резидентомъ Компаніи въ Багдадѣ. Малькольмъ прибылъ первымъ въ Ширасъ, откуда отправилъ гонца въ Тегеранъ. Англичане имѣли при дворѣ сильную партію, щедро раздавали деньги окружающимъ шаха, самому шаху предлагали подарокъ въ 10 милліоновъ, предлагали даромъ пушки и ружья (тогда какъ Наполеонъ имѣлъ въ виду продать все это шаху). Будучи *настоящими* друзьями русскихъ, англичане брались добиться отъ нихъ очищенія Грузіи. Взамѣнъ всего этого они не требовали ничего или почти ничего: только изгнанія французовъ. Персидскій дворъ стремился добиться отъ Гардана разрѣшенія принять Малькольма въ Тегеранѣ. Гарданъ отвѣчалъ, что онъ уѣдетъ, если явится англичанинъ. Впрочемъ, его положеніе сдѣлалось очень затруднительнымъ. Народъ, равно какъ и дворъ, настроенъ былъ противъ него изъ злобы на тильзитскую „измѣну". Первый министръ говорилъ ему: „Знайте, генералъ, что въ Тегеранѣ всѣ, за исключеніемъ шаха и меня, жаждутъ французской крови". Гарданъ пробовалъ было поправить дѣло новымъ письмомъ Наполеона (отъ 18 января 1808 года) и увѣрялъ, что, какъ только императоръ узнаетъ о поведеніи русскихъ, онъ, „подобно молніи, бросится на враговъ и уничтожитъ ихъ". Шахъ отвѣчалъ: „Почему же эта молнія не ударяетъ вотъ уже десять мѣсяцевъ?" Зато, не безъ большихъ основаній, онъ отказывался вѣрить тому, чтобы Россія была истинной союзницей Франціи: поведеніе Россіи въ Грузіи въ достаточной степени свидѣтельствовало о томъ презрѣніи, съ какимъ она относилась къ Наполеону (аудіенція у шаха 23 ноября 1808 года). Каждый новый успѣхъ русскихъ являлся лишнимъ аргументомъ для англичанъ. Такъ какъ дворъ рѣшилъ принять англійскихъ уполномоченныхъ, то Гарданъ получилъ 12 февраля 1809 года, прощальную аудіенцію. 16-го онъ покинулъ столицу. Такъ Наполеонъ пожертвовалъ въ Тильзитѣ Персіей, какъ онъ пожертвовалъ Турціей и Швеціей. И въ 1812 году ему пришлось пожалѣть объ этомъ.

Англо-персидскій договоръ (1808). — Джонъ Малькольмъ, который велъ переговоры въ Ширасѣ, увеличилъ размѣры требованій, предъявленныхъ Персіи: сверхъ уже формулированныхъ условій онъ потребовалъ островъ Карекъ и пять укрѣпленныхъ факторій на Персидскомъ заливѣ. Встрѣтивъ упорное сопротивленіе, онъ вернулся въ Индію. Бомбейское президентство рѣшило прибѣгнуть къ силѣ: предполагалось занять при содѣйствіи 18-ти судовъ Карекъ и блокировать гавани залива; можно было использовать также одного давняго претендента на персидскій престолъ—Керимъ-хана, находившагося въ то время въ Бомбеѣ. Лордъ Минто не одобрилъ такой опрометчивости. Онъ передалъ свои полномочія присланному изъ Лондона сэру Харфорду Джонсу. Послѣдній высадился въ Буширѣ 14 октября 1808 года. 14-го февраля 1809 года, черезъ два дня послѣ прощальной аудіенціи, данной Гардану, онъ вступилъ въ Тегеранъ. Въ промежуткѣ между этими событіями лордъ Минто, ничего не зная о происшедшемъ при персидскомъ дворѣ поворотѣ настроенія и думая, что тамъ больше нечего дѣлать, отнялъ у Джонса данныя ему полномочія. Но Джонсъ, не считаясь съ этимъ, повелъ переговоры въ качествѣ главноуполномоченнаго короля Георга и добился „предварительнаго" договора. Въ это время происходила большая путаница въ англійскихъ переговорахъ: изъ Калькутты Джонсъ получилъ приказъ вернуться назадъ, а изъ Лондона—приказъ остаться. Онъ остался до іюня 1810 года и былъ смѣненъ Малькольмомъ, который уѣхалъ, въ свою очередь, потому что

прибылъ посолъ короля Георга, Аусли. Персы были ошеломлены этими дипломатическими перипетіями. Въ силѣ остался предварительный договоръ Джонса (Аусли внесъ въ него лишь нѣкоторыя измѣненія), но онъ былъ ратификованъ лишь въ 1814 году. Вотъ его главныя условія: во-первыхъ, шахъ отказывался отъ своихъ договоровъ съ какою бы то ни было европейской державой, обязывался оказывать сопротивленіе проходу всякой европейской арміи въ Индію и помогать въ случаѣ, если Индія подвергнется нападенію афганцевъ; во-вторыхъ, если Персія подвергнется нападенію со стороны какой-либо европейской державы, то англичане, въ свою очередь, помогутъ ей арміей или деньгами и амуниціей; въ-третьихъ, въ случаѣ войны Персіи съ Афганистаномъ, Англія выступитъ просто въ качествѣ посредника. Со времени послѣдней редакціи этого акта предметомъ опасеній англичанъ въ Индіи была уже не Франція, а Россія; вотъ, почему трактатъ имѣетъ въ виду именно ее.

Англійская экспедиція въ Персидскій заливъ (1809). — Ведя эти переговоры съ шахомъ и дожидаясь того времени, когда можно будетъ завладѣть Персидскимъ заливомъ, англичане начали очищать прилегающія къ нему мѣстности, опустошаемыя пиратами Омана. Въ 1808 году эти пираты захватили Sylphe, который былъ отбитъ обратно англійскимъ фрегатомъ, а потомъ бригъ Minerve, экипажъ котораго былъ перерѣзанъ. На „разбойничьемъ берегу“, какъ называли тогда Оманъ, Англія рѣшила уничтожить форты, служившіе имъ притономъ. Огромная военная сила разсѣяла ихъ флотилію и заняла форты Расъ-аль-Хайма (13 ноября 1809 г.), Шинасъ, Лафтъ. Они выданы были маскатскому имаму, который честно помогалъ Англіи.

Русско-персидская война: Гулистанскій договоръ (1813). — Англійскій союзъ, подобно наполеоновскому, не могъ защитить Персію отъ наступательнаго движенія русскихъ, хотя послѣднимъ приходилось воевать почти въ тѣхъ же самыхъ краяхъ и съ турками. Французская миссія едва успѣла намѣтить реформы въ персидской арміи. Армія эта насчитывала 140.000 конницы и 60.000 пѣхоты, но жалованіе, экипировка, вооруженіе, кадры, командованіе—все это было крайне плохо; пушки были самаго разнообразнаго калибра; персы не были знакомы даже съ основами тактики: только 500 человѣкъ гвардіи шаха умѣли кое-какъ маневрировать. Генералъ Тормасовъ, преемникъ фельдмаршала Гудовича, продолжалъ наносить пораженія туркамъ, кавказскимъ горцамъ и персамъ. Послѣдніе были еще разъ разбиты 29 августа 1809 года близъ Нахичевани. Имеретинскій царь Соломонъ, принявшій ихъ сторону, былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ въ апрѣлѣ 1809 года. Въ іюнѣ 1810 года взята была неприступная крѣпость Мигри. Въ то же самое время у турокъ отнято было Сухумъ-Кале.

Въ 1810 году заключенъ былъ союзъ между персами и турками. Они выиграли отъ этого очень мало: прежде ихъ били порознь, теперь вмѣстѣ. 17 сентября подъ Ахалкалаками генералъ-майоръ Паулуччи разсѣялъ 10.000-ую конную армію, захватилъ ея лагерь, 4 знамени, а вскорѣ послѣ этого пала и самая крѣпость. Миръ, заключенный турками въ Бухарестѣ, привелъ къ тому, что всѣ тягости войны легли на Персію. 20-го октября 1812 года близъ Асландуза на Араксѣ генералъ Котляревскій напалъ врасплохъ на персидскаго наслѣднаго принца Аббаса-Мирзу, который уже не въ первый разъ терпѣлъ пораженіе; у Котляревскаго было лишь 1.500 человѣкъ регулярнаго войска и 500 казаковъ. Онъ не задумался напасть на 10.000-ую персидскую армію и обратилъ ее въ бѣгство. Послѣ этого взяты были приступомъ Аркеванъ и Ленкорань.

Персія вынуждена была подписать Гулистанскій миръ (24 октября 1813 года); по этому миру, во-1-хъ, шахъ признавалъ за русскими права на Грузію, Дагестанъ, Ширванъ, Мингрелію, Имеретію, Абхазію, Гурію; во-2-хъ, заключался оборонительный и наступательный союзъ; въ-3-хъ, за Россіей обезпечивалось плаваніе по Каспійскому морю. Условіе относительно союза потеряло свое значеніе, когда въ 1814 году ратификованъ былъ договоръ Харфорда Джонса. Съ этихъ поръ въ Персіи борются два вліянія, у нея два притяженія, ей грозятъ съ двухъ сторонъ: Англія и Россія то заискиваютъ у нея, то ее обираютъ до того момента, пока, наконецъ, Россія не получитъ окончательнаго преобладанія.

Матеріалы по исторіи соціальнаго движенія.

(Приложеніе къ русскому переводу).

Отъ редакціи. Восемнадцатое столѣтіе подготовило торжество свободы и буржуазіи, девятнадцатое—первыя побѣды пролетаріата и первыя проявленія братства трудящихся. Соціальныя теченія минувшаго вѣка требуютъ поэтому особеннаго вниманія къ себѣ, какъ основа настоящаго, какъ прогнозъ будущаго. Въ виду этого, представлялось полезнымъ къ тому, что говорится о развитіи соціальнаго вопроса въ текстѣ „Исторіи XIX-го вѣка“ Лависса и Рамбо, присоединить важнѣйшіе подлинные документы по исторіи соціальнаго движенія: нѣтъ сомнѣнія, ничто такъ полно и жизненно не выразитъ цѣлей и средствъ соціальной борьбы, какъ слово самихъ борющихся и ихъ духовныхъ вождей. Съ этой цѣлью предполагается дать въ приложеніи къ настоящему изданію, полностью или въ выдержкахъ, нѣкоторыя произведенія Оуэна, Бронтерра О'Бріена, Луи Блана, Маркса и Энгельса, Каутскаго и др., резюмирующія и обосновывающія идеалы рабочаго класса, а также важнѣйшія программы рабочихъ партій.

Для первой эпохи прошлаго столѣтія, для эпохи до 1815 года, обнимаемой первыми двумя томами настоящаго сочиненія, казалось наиболѣе правильнымъ привести докладъ Роб. Оуэна по вопросу о призрѣніи безработныхъ. Подъ скромнымъ заголовкомъ великій филантропъ развиваетъ передъ парламентомъ смѣлый планъ коренного общественнаго переустройства. На мѣсто частныхъ предпріятій, руководимыхъ однимъ всеопредѣляющимъ стремленіемъ—получить возможно больше прибыли, на мѣсто безмѣрной эксплуатаціи не регулированнаго труда и полной деморализаціи, обусловливаемой нищетой и отчаяніемъ, онъ надѣется поставить кооперативныя общины, гдѣ весь продуктъ труда принадлежитъ самимъ трудящимся, гдѣ всякій получаетъ по потребностямъ своимъ, всякій трудится соотвѣтственно общественнымъ надобностямъ и своимъ силамъ, гдѣ машина не является болѣе врагомъ работника, лишающимъ его куска хлѣба, а могущественнымъ сотрудникомъ, гдѣ нѣтъ ужасовъ временныхъ кризисовъ, потому что всѣ планомѣрно работаютъ для всѣхъ въ предѣлахъ одной и той же общины.

И фундаментъ этого новаго міра равенства и братства онъ предлагаетъ заложить Палатѣ Общинъ, т.-е. фабрикантамъ и лендлордамъ, создавшимъ свое богатство и привилегированное положеніе на бѣдности и безпомощности массъ. Онъ считаетъ это вполнѣ возможнымъ, потому что, самъ фабрикантъ, онъ положилъ 18 лѣтъ труда на улучшеніе положенія рабочихъ въ Нью-Ленаркѣ и непосредственно убѣдился, какъ благотворно отражаются лучшія условія труда даже на самой производительности работы и какъ быстро возраждается человѣкъ физически и морально, какъ только обстановка его жизни становится болѣе достойной человѣка. И онъ вѣритъ, что и другіе вполнѣ сознаютъ, какое великое счастье дать счастье другимъ, что и другіе пожелаютъ дружно поработать надъ созданіемъ новаго строя жизни, хотя бы имъ для этого въ будущемъ пришлось поступиться собственнымъ экономическимъ преобладаніемъ. Его поддерживаетъ въ этой вѣрѣ то вниманіе, съ которымъ относились къ его опытамъ въ Нью-Ленаркѣ самыя высокопоставленныя лица, даже царственныя особы. Теперь найденъ способъ эти скромные опыты претворить въ большое общественное дѣло, неизмѣримо болѣе отвѣчающее благу народа, вмѣсто ограниченія эксплуатаціи уничтожить всякую эксплуатацію—способъ простой, практичный, легко осуществимый. И онъ обращается съ призывомъ къ правительству и ко всѣмъ благомыслящимъ, вліятельнымъ и богатымъ. Онъ не рисуетъ имъ ужасовъ настоящаго, хотя современная Англія давала для этого неисчерпаемый матеріалъ; онъ не старается будить въ нихъ чувства жалости къ обездоленнымъ; онъ не сомнѣвается, что они исполнятъ свой долгъ передъ народомъ. Онъ долженъ только, какъ всякій изобрѣтатель, доказать, что его изобрѣтеніе выгодно и осуществимо, и оно найдетъ себѣ широкое примѣненіе. И онъ главное вниманіе удѣ-

ляетъ подробной разработкѣ своего плана, детальному практическому выясненію проекта, вплоть до чертежей зданій и плантажей.

И можно сказать, что вся его послѣдующая жизнь (Оуэнъ род. въ 1771 г., ум. въ 1858 г.), безраздѣльно отданная интересамъ трудящихся, ушла почти исключительно на дальнѣйшую разработку первоначальной идеи. Онъ шире формулируетъ ее, какъ систему соціализма въ противоположность господствующему индивидуализму, болѣе рѣшительно выступаетъ противъ частной собственности, современной семьи и религіи, дѣлаетъ рядъ частныхъ опытовъ къ осуществленію своего плана, въ Америкѣ (Нью-Гармони) и въ Англіи (Ralahine въ Ирландіи, Tytherly въ Гемпширѣ и др.), въ видѣ переходной ступени къ новому строю организуетъ базары труда (1832), гдѣ издѣлія оплачиваются не деньгами, а ассигновками, дающими право на равное количество чужого труда; но всегда—и въ теоретическомъ обоснованіи и въ практическомъ примѣненіи плана — выступаетъ одна и та же исходная мысль: нужно доказать практичность плана, — и раньше или позже найдется благожелательное правительство, которое осуществитъ его. Только на склонѣ своей жизни онъ могъ убѣдиться, что строить новую жизнь для народа будутъ не филантропы и мудрые правители, а народъ самъ своей собственной силой и по своей собственной мысли; и только ученіе Маркса раскрыло, что будущее не создается по рецептамъ гуманистовъ, а медленно выростаетъ изъ корней, заложенныхъ настоящимъ. Но въ эпоху до 1815 года не было рабочихъ движеній, подобныхъ чартизму, не было еще и могущественныхъ, стройно организованныхъ рабочихъ союзовъ, и естественно, что взоры Оуэна обращались къ правителямъ и интеллигенціи. Фабричное производство было еще столь новымъ явленіемъ, ужасы, вызванные имъ на первыхъ порахъ,—вытѣсненіе человѣка машиной и безработица,—были столь велики, что невольно рождалась мысль, что настоящее—лишь ложный шагъ, отъ котораго можетъ спасти человѣчество удачный планъ чуткаго къ народному горю мыслителя. Филантропизмъ и утопизмъ Оуэна, какъ и другихъ соціалистовъ начала вѣка, являлись логическимъ послѣдствіемъ зачаточнаго состоянія самого капитализма и въ этомъ отношеніи представляютъ очень поучительный урокъ прошлаго. Но ошибочныя въ своихъ конечныхъ выводахъ идеи Оуэна оказали, однако, непосредственно большое и благотворное вліяніе на міровоззрѣніе его современниковъ: нѣкоторыя требованія его были восприняты и развиты соціалистической фракціей чартизма, другія дали толчокъ развитію въ Англіи коопераціи; наконецъ, его личный примѣръ и его проповѣдь много содѣйствовали введенію и усиленію законодательной защиты труда.

Къ докладу Оуэна приложена пояснительная записка, напечатанная имъ въ газетахъ передъ созывомъ митинга, на которомъ долженъ былъ обсуждаться его планъ. Докладъ и записка, какъ и рѣчи по этому вопросу на лондонскихъ митингахъ, проектъ Беллерса и нѣкоторые другіе матеріалы собраны Оуэномъ въ сборникѣ „Новый взглядъ на общество" (New View of Society. Tracts relative to this subject. Published by Robert Owen. London, 1818).

Изъ другихъ сочиненій Оуэна наибольшее значеніе имѣютъ: „The book of the new moral world" (1820), „Revolution in the mind and practice o the human race" (1849). О вліяніи взглядовъ Оуэна на чартизмъ см. Tildsley, „Die Entstehung und die ökonomischen Grundsätze der Chartistenbewegung" (Jena, 1898); объ отношеніи Оуэна къ кооперативному движенію: Holyoake, „The history of co-operation in England" (3-d ed., Lond. 1885); о значеніи его взглядовъ для развитія соціалистическихъ идей: Энгельсъ, „Философія, политическая экономія, соціализмъ" (русск. пер., Спб., 1904) и Зомбартъ, „Соціализмъ и соціальныя движенія 19 стол."; ср. также: Schulze-Gävernitz, „Zum sozialen Frieden" (Leipz., 1890).

Робертъ Оуэнъ.

I. Докладъ Комитету Общества вспомоществованія бѣднымъ, занятымъ въ промышленности и земледѣліи, представленный въ Комитетъ Палаты Общинъ по вопросу о бѣдныхъ въ 1817 г.

Милорды и джентльмены. Получивъ отъ васъ предложеніе составить подробный докладъ о планѣ общаго облегченія участи бѣдныхъ въ промышленности и земледѣліи, имѣю честь изложить нижеслѣдующее.

Чтобы составить себѣ правильное мнѣніе объ этомъ важномъ предметѣ, необходимо выяснить основныя причины, коимъ слѣдуетъ приписать нужду, достигшую небывалыхъ размѣровъ въ нашей странѣ и въ немалой степени наблюдаемую и въ другихъ. Мы найдемъ, что корень зла кроется въ томъ состояніи вещей, которое вызвано прогрессомъ общества. Дальнѣйшій анализъ укажетъ средства, какъ со зломъ бороться.

Ближайшей причиной современной нужды является пониженіе оцѣнки человѣческаго труда. Это произошло вслѣдствіе повсемѣстнаго введенія машинъ въ мануфактуры Европы и Америки, но всего болѣе Британіи, въ которой этотъ переворотъ былъ сильно ускоренъ изобрѣтеніями Аркрайта и Уатта.

Введеніе машинъ въ производство предметовъ роскоши понизило ихъ цѣну; пониженіе цѣны увеличило спросъ на нихъ, въ общемъ, до столь крупныхъ размѣровъ, что *послѣ* введенія машинъ человѣческаго труда стало требоваться больше, чѣмъ *до* того.

Первымъ слѣдствіемъ новыхъ техническихъ условій явился ростъ частныхъ богатствъ, что давало новый импульсъ къ дальнѣйшимъ изобрѣтеніямъ.

Такъ, одно техническое усовершенствованіе рождало другое въ быстрой послѣдовательности, и въ нѣсколько лѣтъ они не только были повсемѣстно примѣнены на мануфактурахъ Соединеннаго Королевства, но ревниво заимствовались другими странами Европы, а также Америкой.

Индивидуальное богатство вскорѣ перешло въ національное процвѣтаніе, въ обычномъ смыслѣ этого слова; и страна въ періодъ двадцатипятилѣтней войны, требовавшей напряженія и расходовъ, не имѣвшихъ примѣра въ прошломъ, достигла тѣмъ не менѣе такой высоты политической мощи, что она смущала ея враговъ и изумляла друзей: и тѣ и другіе одинаково не понимали истинной причины того. Наша родина такъ непрерывно, притомъ быстро, подвигалась къ этому завидному состоянію, что казалось, нѣтъ предѣла росту ея богатства и развитію могущества, создаваемаго богатствомъ. Самая война, когда опустошительная рука ея простерлась за Европу, на Азію и Америку, казалось, служила только новымъ стимуломъ къ дальнѣйшему развитію нашихъ неистощи-

мыхъ рессурсовъ. И въ самомъ дѣлѣ, таковы были результаты войны. Гибель человѣческихъ жизней во цвѣтѣ лѣтъ, которую она несла съ собою по всему міру, и истребленіе припасовъ, необходимыхъ для войны въ столь широкихъ, быть можетъ, безпримѣрныхъ во всей древней и новой исторіи размѣрахъ,—все это породило спросъ на различные продукты, который не въ мѣру напряженная промышленность британскихъ фабрикантовъ едва была въ состояніи удовлетворить даже съ помощью всѣхъ механизмовъ, какіе только можно было изобрѣсти и пустить въ ходъ.

Но наступилъ, наконецъ, миръ, и въ распоряженіи Великобританіи оказалась новая сила постояннаго дѣйствія, которая, смѣло можно утверждать, далеко превосходила трудъ ста милліоновъ самыхъ лучшихъ работниковъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ [1]).

Такимъ образомъ, къ концу войны наша страна обладала производительной силой, дававшей такіе же результаты, какъ если бы населеніе увеличилось въ пятнадцать или двадцать разъ, — и все это было достигнуто въ предшествующія двадцать пять лѣтъ. Быстрый прогрессъ, сдѣланный Великобританіей за время войны въ сферѣ богатства и политическаго вліянія, не долженъ поэтому казаться удивительнымъ; причина вполнѣ соотвѣтствовала слѣдствію.

Но тутъ возникли новыя обстоятельства. Такъ какъ предметы производства перестали требоваться для надобностей войны, то для нихъ не оказалось рынковъ; міровой доходъ оказался недостаточнымъ для того, чтобы закупать все, создаваемое столь могучей производительной силой: послѣдовало сокращеніе спроса. Когда же вслѣдствіе этого явилась необходимость сократить производство, то вскорѣ оказалось, что механическая сила машины гораздо дешевле человѣческаго труда. Первая поэтому продолжала работать, а послѣдній сдѣлался излишнимъ, и человѣческій трудъ можно теперь имѣть на плату много ниже той, какая безусловно необходима для существованія при обычномъ уровнѣ потребностей [1]).

Нетрудно понять, что у рабочихъ классовъ теперь нѣтъ возможности конкурировать съ механической силой. Отсюда вытекаютъ три возможныхъ вывода:

1) пользованіе механизмами должно быть сильно сокращено; либо

2) милліоны людей должны умереть отъ голода, если механическое производство сохранитъ свои нынѣшніе размѣры; либо

3) для бѣдныхъ и безработныхъ классовъ должно быть изыскано прибыльное занятіе, въ которомъ работа машинъ должна служить въ помощь труду, а не вытѣснять его, какъ въ настоящее время.

Но при существующей коммерческой системѣ механическая сила не можетъ быть выведена изъ употребленія въ одной странѣ, когда въ другихъ она продолжаетъ примѣняться, ибо это разоритъ ту страну, въ которой ею перестанутъ пользоваться. Поэтому, ни одинъ народъ не откажется отъ машины; и если бы такой актъ былъ возможенъ,

---

[1]) Для примѣра укажемъ, что машины въ одномъ извѣстномъ намъ предпріятіи съ помощью населенія, не превышающаго 2.500 душъ, производятъ столько же, сколько могло бы произвести все нынѣшнее населеніе Шотландіи по способамъ, господствовавшимъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. А вѣдь въ Великобританіи такихъ предпріятій не мало!

[1]) Человѣческій трудъ, когда-то великій источникъ богатства народовъ, уменьшился въ доходности не менѣе, чѣмъ на два-три милліона фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю въ одной только Великобританіи; эта сумма—или, можетъ, нѣсколько большая либо меньшая—была, такимъ образомъ, изъята изъ обращенія въ странѣ, и въ этомъ причина, почему обѣднѣли такъ сильно фермеръ, ремесленникъ, фабрикантъ и купецъ.

онъ явился бы несомнѣннымъ признакомъ варварства тѣхъ, кто сдѣлалъ бы подобную попытку. Однако, было бы еще болѣе очевиднымъ варварствомъ и актомъ грубой тиранніи, если бы какое-нибудь правительство позволило механической силѣ уморить голодомъ милліоны людей. Этой мысли нельзя допустить ни на одну минуту; осуществленіе ея принесло бы неслыханныя бѣдствія для всѣхъ классовъ. Поэтому, только третій изъ указанныхъ выводовъ заслуживаетъ разсмотрѣнія, а именно, тотъ, что для „безработныхъ классовъ должно быть найдено прибыльное занятіе, въ которомъ работа машины должна служить въ помощь труду, а не вытѣснять его, какъ въ настоящее время".

Чтобы провести столь важную реформу, столь насущно необходимую для нашего благополучія, требуется имѣть правильное представленіе и точное знаніе о дѣйствительномъ состояніи общества.

Мѣра должна быть тщательно разсмотрѣна во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ, и ея результаты изслѣдованы умами, незараженными партійными или классовыми предразсудками.

Требованія времени дѣлаютъ безусловно необходимой реформу нашей внутренней политики по отношенію къ бѣднымъ и трудящимся классамъ; и первый вопросъ, который предстоитъ рѣшить каждому человѣку независимо отъ его положенія, таковъ: проводить ли реформу на началахъ умѣренности и благоразумія, предусматривая и постепенно подготовляя каждый шагъ въ правильной послѣдовательности и избѣгая всего преждевременнаго,—или предоставить осуществленіе перемѣнъ невѣжеству и предразсудку, подъ гибельнымъ вліяніемъ гнѣва и необузданныхъ страстей? Если эти послѣднія восторжествуютъ, то люди истинно-безкорыстные, тѣ, у которыхъ одно лишь горячее желаніе—улучшить участь человѣчества—, откажутся отъ состязанія, и въ обществѣ воцарится смута. Но, конечно, опытъ прошлыхъ вѣковъ, и въ особенности послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, долженъ былъ научить людей благоразумію и подготовить умы всѣхъ къ спокойному и безстрастному изслѣдованію того, какимъ образомъ наилучше содѣйствовать устраненію зла, нынѣ удручающаго общество.

Я возвращаюсь, такимъ образомъ, къ первоначальной темѣ и постараюсь показать, какъ можно изыскать правильное занятіе для всѣхъ бѣдныхъ и трудящихся при условіяхъ, допускающихъ любое примѣненіе механической силы.

При существующихъ законахъ безработные содержатся на счетъ потребляемой ими части имущества и доходовъ богатыхъ и производительныхъ классовъ, между тѣмъ какъ ихъ собственныя тѣлесныя и духовныя силы пропадаютъ непроизводительно. Они часто пріобрѣтаютъ дурныя привычки, неизбѣжно порождаемыя невѣжествомъ и лѣнью; они смѣшиваются съ профессіональными нищими и становятся въ тягость обществу.

Большинство бѣдняковъ наслѣдуютъ дурныя и порочныя привычки отъ своихъ родителей; и доколѣ будетъ продолжаться существующій порядокъ, эти дурныя и порочныя привычки будутъ передаваться ихъ дѣтямъ, а черезъ нихъ и послѣдующимъ поколѣніямъ. Поэтому, всякій планъ улучшенія ихъ положенія долженъ заключать въ себѣ средства, которыя препятствовали бы дѣтямъ заимствовать дурныя и порочныя привычки своихъ родителей и дѣлали бы возможной передачу однихъ только хорошихъ и полезныхъ качествъ.

Трудъ однихъ людей гораздо болѣе цѣненъ, чѣмъ другихъ; это происходитъ исключительно отъ разницы въ получаемомъ ими воспитаніи и образованіи. Поэтому должны быть изысканы средства для доставленія наиболѣе полезныхъ свѣ-

дѣній и цѣлесообразнаго воспитанія дѣтямъ бѣдняковъ.

Одно и то же количество и качество труда подъ однимъ руководствомъ даетъ несравненно болѣе цѣнные результаты, чѣмъ подъ другимъ. Поэтому, необходимо, чтобы трудъ бѣдняковъ велся подъ наилучшимъ руководствомъ.

Одинъ порядокъ расходованія средствъ даетъ болѣе выгодъ и удобствъ, чѣмъ другой. Долженъ быть поэтому принятъ такой порядокъ въ этомъ дѣлѣ, который давалъ бы наибольшія выгоды при наименьшихъ затратахъ.

Большая часть пороковъ и страданій бѣдняковъ происходитъ отъ того, что они живутъ въ условіяхъ, гдѣ ихъ интересы и видимыя обязанности противоположны другъ другу, и далѣе вслѣдствіе того, что ихъ окружаютъ напрасныя искушенія, бороться съ которыми ихъ не учили. Поэтому, участь бѣдныхъ была бы значительно улучшена, если бы ихъ поставить въ такія условія, которыя очевиднымъ образомъ показывали бы тождество ихъ истинныхъ интересовъ и обязанностей и ограждали бы ихъ отъ безплодныхъ искушеній.

При такомъ взглядѣ на предметъ всякій планъ улучшенія участи бѣдныхъ долженъ заключать въ себѣ способы, которые препятствовали бы дѣтямъ пріобрѣтать дурныя привычки, внушали бы имъ хорошія, воспитывали бы ихъ и давали бы имъ полезныя свѣдѣнія, обезпечивали бы соотвѣтственный трудъ взрослымъ, организовали бы ихъ работу и расходы такимъ образомъ, чтобы отъ этого для нихъ самихъ и для общества получалась наибольшая выгода; и, вообще, поставили бы ихъ въ такія условія, которыя удаляли бы отъ нихъ излишніе соблазны и тѣснымъ образомъ объединяли бы ихъ интересы и обязанности.

Такія преимущества не могутъ быть предоставлены отдѣльнымъ лицамъ или семьямъ порознь или совокупному числу таковыхъ.

Они могутъ быть успѣшно проведены въ жизнь лишь при такомъ устройствѣ, которое позволяло бы объединить въ одномъ учрежденіи населеніе отъ 500 до 1.500 душъ, въ среднемъ человѣкъ 1.000.

Я предлагаю теперь комитету нижеслѣдующій планъ, основанный на вышесказанныхъ началахъ и соединяющій въ себѣ, смѣю думать, всѣ перечисленныя преимущества, которыя съ теченіемъ времени могутъ породить другія, не менѣе важныя.

Въ виду того, что кажущаяся новизна плана можетъ внушить поспѣшное или преждевременное о немъ сужденіе тѣмъ, кто не вращался среди бѣдняковъ или находится подъ вліяніемъ какой-нибудь излюбленной политико-экономической теоріи, которой этотъ планъ противорѣчитъ,—я позволяю себѣ изложить его, какъ результатъ опыта, производившагося на широкихъ основаніяхъ въ средѣ бѣдняковъ и рабочихъ изо дня въ день въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, причемъ въ продолженіе всего этого времени неустанно обращалось вниманіе на изысканіе первопричинъ ихъ нищеты и бѣдствій и лучшихъ средствъ къ устраненію того и другого.

Не слѣдуетъ думать, что случайное и поверхностное ознакомленіе съ предлагаемымъ планомъ можетъ дать достаточное представленіе о различныхъ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ такой комбинаціи или критерій для правильнаго сужденія о ея приложимости.

Я прошу позволенія обратить вниманіе комитета на чертежи и объясненія, сопровождающіе текстъ этого доклада.

Чертежъ изображаетъ собою площадь, отведенную подъ строенія, достаточныя для устройства около 1.200 душъ и окруженныя земельными участками отъ до акровъ. Внутри прямоугольной площади находятся общественныя зданія, раздѣляющія ее на два меньшихъ прямоугольника. Центральное зданіе заключа-

етъ въ себѣ общественную кухню, общія столовыя и всѣ приспособленія, необходимыя для экономной и комфортабельной стряпни и ѣды. Справа находится зданіе, нижній этажъ котораго будетъ занятъ школою для дѣтей младшаго возраста, а во второмъ будетъ находиться лекціонная зала и мѣсто для богослуженія.

Въ зданіи налѣво помѣщается школа для дѣтей старшаго возраста и комитетская комната—это внизу; наверху библіотека и помѣщеніе для взрослыхъ. На свободномъ пространствѣ внутри прямоугольника находятся площадки для отдыха и развлеченій; на этихъ площадкахъ должны быть посажены деревья. Три стороны прямоугольника предполагается занять жилыми домами для семейныхъ рабочихъ, по четыре комнаты въ каждомъ. Каждая комната должна имѣть величину, достаточную для помѣщенія одного человѣка, его жены и двухъ дѣтей. Четвертая сторона будетъ занята зданіемъ спаленъ для всѣхъ дѣтей сверхъ двухъ на семейство, или тѣхъ, которымъ больше трехъ лѣтъ. Въ центрѣ этой стороны прямоугольника находятся помѣщенія завѣдующихъ спальнями; на одномъ концѣ ея—больница, а на другомъ—зданіе для пріема гостей, которые могутъ прибыть издалека для свиданія съ друзьями и родственниками. Въ центрахъ двухъ сторонъ прямоугольника находятся помѣщенія для главныхъ смотрителей, а въ центрѣ третьей кладовая для всѣхъ предметовъ, нужныхъ для учрежденія.

Позади домовъ вокругъ прямоугольника находятся огороды, за которыми, какъ показано на чертежѣ, идутъ дороги.

Сейчасъ же за ними по одной сторонѣ находятся зданія фабрики и заводовъ, бойни и т. п., отдѣленныя отъ учрежденія насажденіями.

По другой сторонѣ находятся помѣщенія для стирки, бѣленія и т. п., а на еще большемъ разстояніи отъ прямоугольника двѣ фермы съ приспособленіями для соложенія, варки пива, мукомольная мельница и т. п.; вокругъ нихъ воздѣланные участки, пастбища и т. п., межи должны быть засажены фруктовыми деревьями.

Планъ разсчитанъ по масштабу, достаточному для устроенія 1.200 душъ.

По предположенію, сюда должны входить мужчины, женщины и дѣти всевозможныхъ возрастовъ, способностей и характеровъ, по большей части, очень невѣжественные; многіе съ дурными и порочными привычками, съ тѣлесными и духовными качествами заурядныхъ людей; —все такіе, которые нуждаются въ пособіи изъ фондовъ, предназначенныхъ для поддержанія бѣдныхъ,—лица, въ настоящее время не только безполезныя и прямо обременительныя для общества, но и крайне вредныя по своему моральному вліянію, такъ какъ они представляютъ среду, черезъ которую утверждаются и распространяются въ обществѣ невѣжество, порочныя привычки и преступленія.

Ясно, что если бѣднымъ предоставить существовать въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ они до сихъ поръ пребываютъ, то какъ они, такъ и ихъ потомки, за немногими исключеніями, останутся такими же изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Чтобы въ ихъ характерѣ могла произойти коренная перемѣна, ихъ нужно удалить отъ вліянія упомянутыхъ условій и поставить въ такія, которыя отвѣчаютъ истинной природѣ человѣка и требованіямъ общественнаго блага и потому не могутъ не улучшить ихъ положенія, въ чемъ сильнѣйшимъ образомъ заинтересованы всѣ классы.

Послѣ неустанныхъ размышленій объ этомъ предметѣ я попытался сочетать такія условія въ учрежденіи, изображенномъ на чертежѣ, поскольку это позволяло нынѣшнее состояніе общества. Теперь я попытаюсь дать болѣе подробное объясненіе плана.

Въ каждой комнатѣ-квартирѣ могутъ помѣститься одинъ мужчина, его жена и

двое дѣтей моложе трехъ лѣтъ; комната должна представлять больше удобствъ, чѣмъ обыкновенныя жилища бѣдняковъ. Дѣти старше трехъ лѣтъ, по этому плану, будутъ посѣщать школу, обѣдать въ общей столовой и спать въ общихъ спальняхъ, причемъ родителямъ, конечно, можно будетъ видѣть и бесѣдовать съ ними за ѣдой и въ другое подходящее время; прежде чѣмъ оставить школу, они хорошо усвоятъ всѣ необходимыя и полезныя свѣдѣнія; будутъ приняты всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы помѣшать пріобрѣтенію ими дурныхъ привычекъ отъ родителей или инымъ путемъ; будутъ прилагаться всякія усилія къ внушенію имъ такихъ привычекъ и склонностей, которыя всего болѣе могутъ способствовать къ достиженію счастья въ жизни и сдѣлать ихъ полезными и уважаемыми членами общества, къ которому они принадлежатъ.

Женщины будутъ заняты, прежде всего, уходомъ за своими дѣтьми и содержаніемъ своего помѣщенія въ полномъ порядкѣ; во-вторыхъ, будутъ обрабатывать огороды и выращивать овощи для надобностей общественной кухни; въ-третьихъ, будутъ работать въ тѣхъ отрасляхъ фабричной промышленности, въ которыхъ женщины могутъ съ успѣхомъ участвовать, но при этомъ не болѣе четырехъ или пяти часовъ въ сутки; въ-четвертыхъ, будутъ изготовлять одежду для населенія общины; въ-пятыхъ, будутъ поочередно дежурить въ общественной кухнѣ, столовыхъ и спальняхъ, а послѣ наличности соотвѣтственной подготовки также и надзирать за нѣкоторыми сторонами воспитанія дѣтей въ школахъ.

Старшія дѣти нѣкоторую часть дня, соразмѣрно своимъ силамъ, будутъ пріучаться помогать взрослымъ въ огородныхъ работахъ или на фабрикахъ. Мужчины всѣ будутъ заняты земледѣліемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и фабричнымъ трудомъ или другой работой, нужной для общины.

Невѣжество бѣдныхъ, ихъ несдержанность и отсутствіе разумнаго воспитанія дѣлаютъ необходимымъ, чтобы нынѣшнее поколѣніе ихъ было дѣятельно и регулярно занято въ теченіе дня какой-нибудь безусловно полезной работой, но такой, чтобы она была здорова и производительна. Вышеописанный планъ самымъ полнымъ образомъ удовлетворяетъ этому требованію.

Чтобы дать наглядное представленіе о расходахъ, которыхъ можетъ потребовать устройство учрежденія на 1.200 душъ, мы приведемъ слѣдующія цифры:

Смѣта расходовъ по устройству учрежденія на тысячу двѣсти душъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Если землю придется покупать, то

1.200 акровъ земли по 30 ф. за акръ	36.000	фунт. стерл.
Квартиры на 1.200 душъ .	17.000	„ „
Три общественныхъ зданія внутри прямоугольника . . .	11.000	„ „
Фабрика, бойня и прачешная	8.000	„ „
Меблировка 300 комнатъ по 8 ф. на каждую	2.400	„ „
Обстановка кухни, школъ и спаленъ	3.000	„ „
Двѣ фермы съ мукомольной мельницей и пивоваренымъ заводомъ	5.000	„ „
Приведеніе въ порядокъ внутренности прямоугольника и устройство дорогъ	3.000	„ „
Инвентарь для участковъ подъ огородной культурой .	4.000	„ „
Случайные и непредвидѣнные расходы	6.600	„ „
Итого	96.000	фунт. стерл.,

каковая сумма, подѣленная на 1.200, даетъ на каждаго капиталъ въ 80 ф., который можетъ быть ссуженъ изъ 5% или 4 фунтовъ въ годъ.

Такимъ образомъ, столь незначительнымъ расходомъ, какъ 4 ф. на душу, эти безработные бѣдняки могли бы быть поставлены въ возможность поддерживать

свое существованіе и, какъ легко видѣть, скоро погасили бы занятый имъ капиталъ, если бы въ этомъ оказалась необходимость.

Этотъ планъ можетъ быть выполненъ нѣсколькими способами.

Онъ можетъ быть выполненъ отдѣльными лицами, приходами, графствами, округами и т. п. дѣленіями, заключающими въ себѣ нѣсколько графствъ, и всей націей вообще при посредствѣ правительства, — одни могутъ предпочесть тотъ, другіе иной способъ; и, конечно, было бы хорошо испытать нѣсколько различныхъ способовъ, чтобы тотъ планъ, который окажется наилучше выполнимымъ, могъ быть принятъ впослѣдствіи всюду. Поэтому онъ можетъ быть приводимъ въ исполненіе любой партіей, въ какомъ ей угодно будетъ мѣстѣ и соотвѣтственно ея взглядамъ на этотъ предметъ и мѣстнымъ условіямъ.

Прежде всего необходимо добыть сумму денегъ, достаточную для покупки земли (либо можно арендовать), разбить прямоугольникъ, построить фабрики, фермы и службы къ нимъ, оборудовать фермы инвентаремъ и вообще запасти все необходимое для того, чтобы пустить дѣло въ ходъ.

Необходимо подыскать подходящихъ людей для управленія различными отраслями, пока другіе не получатъ въ учрежденіи практическую подготовку, чтобы занять эти мѣста.

Трудъ принятыхъ въ учрежденіе долженъ такъ направляться, чтобы обезпечить достаточное содержаніе имъ и ихъ дѣтямъ и, если потребуется, покрыть капиталъ, затраченный на предпріятіе.

Когда, такимъ образомъ, трудъ ихъ будетъ надлежаще и умѣло направляться по разумной системѣ, легко примѣняемой на практикѣ, то вскорѣ онъ окажется болѣе, чѣмъ достаточнымъ для удовлетворенія всякой нормальной потребности человѣка. Безплодно и безцѣльно твердить о справедливости принципа, что людей можно научить производить больше, чѣмъ они потребляютъ, если не указано, какъ этотъ принципъ можетъ быть проведенъ въ жизнь. Наступило время, когда его можно съ наибольшимъ успѣхомъ претворить въ дѣло. Наступило вмѣстѣ съ тѣмъ время, когда состояніе общества повелительно требуетъ принятія какихъ-нибудь мѣръ къ облегченію богатыхъ и производительныхъ классовъ отъ все возрастающаго бремени налога на содержаніе бѣдныхъ, а бѣдныхъ—отъ возрастающей нищеты и упадка.

Нельзя найти словъ достаточно сильныхъ, чтобы выразить несостоятельность и несправедливость нашей нынѣшней системы отношенія къ бѣднымъ и рабочимъ классамъ. Ихъ оставляютъ коснѣть въ грубомъ невѣжествѣ. Имъ даютъ воспитываться въ атмосферѣ дурныхъ привычекъ и пороковъ; и, словно съ преднамѣренной цѣлью не выпускать ихъ изъ цѣпей невѣжества и пороковъ и подстрекать къ преступленіямъ, ихъ постоянно окружаютъ соблазны, неминуемо порождающіе всѣ указанныя выше послѣдствія.

Система, или вѣрнѣе отсутствіе системы, господствующая въ отношеніи къ бѣднымъ, безповоротно осуждена долгимъ и печальнымъ опытомъ.

Огромныя суммы, ежегодно собираемыя на облегченіе участи бѣдныхъ, расточаются съ полнымъ пренебреженіемъ къ элементарнымъ правиламъ общественной справедливости и экономіи. Онѣ скорѣй являются крупной наградой за лѣнь и порокъ, чѣмъ за трудолюбіе и добродѣтель. Выходитъ такъ, что лѣнь и порокъ вознаграждаются болѣе щедро, чѣмъ трудолюбіе и добродѣтель, что прямо способствуетъ усиленію нищеты и деградаціи тѣхъ самыхъ классовъ, на облегченіе которыхъ предназначаются эти суммы. Ни одна сумма, какъ бы она ни была огромна, не можетъ дать другихъ ре-

зультатовъ, если ее расходуютъ такимъ образомъ; скорѣй нищета и вырожденіе будутъ расти, по мѣрѣ увеличенія подобнаго рода затратъ.

Однако, бѣдные и безработные классы не могутъ, не должны быть предоставлены своей участи, иначе послѣдствія будутъ грозны для всѣхъ насъ. Вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ, какъ сейчасъ, во власти невѣжества и подъ воздѣйствіемъ условій, гибельныхъ для ихъ трудоспособности и нравственности—условій, при которыхъ особенно легко видѣть безрезультатность и даже вредъ временныхъ денежныхъ вспомоществованій—, имъ слѣдовало бы, напротивъ того, дать возможность поддерживать себя собственнымъ трудомъ въ полномъ достаткѣ, по системѣ, которая не только направляла бы ихъ трудъ и заработки съ наибольшей выгодой, но притомъ ставила бы ихъ въ условія, наиболѣе благопріятствующія развитію нравственности и счастія. Словомъ, вмѣсто того, чтобы давать развиваться ихъ привычкамъ подъ наихудшими вліяніями, какія только возможны, или предоставить это случаю и такимъ образомъ невольно толкать ихъ на преступленія, вызывающія необходимость въ примѣненіи строгостей нашего уголовнаго закона, нужно ввести систему предотвращенія нищеты и преступленій; и тогда область дѣйствія нашего уголовнаго уложенія вскорѣ сузилась бы до самыхъ тѣсныхъ предѣловъ.

Набросокъ такого плана, хотя и несовершенный, и былъ мною предложенъ въ настоящемъ докладѣ.

Будемъ надѣяться, что правительство нашей страны въ достаточной мѣрѣ убѣдилось теперь въ необходимости отвергнуть принципъ, на которомъ до сихъ поръ основывались всѣ наши законодательныя мѣры по этой части; ибо ничто, кромѣ указанной мѣры, не можетъ дать государству прочнаго благополучія. Пока принципъ предупрежденія не ляжетъ въ основу законодательства, напрасно изыскивать иныя средства, помимо временныхъ мѣръ, которыя не исправляютъ общества, а ввергаютъ его еще въ худшее состояніе.

Если правительство придетъ къ этому сознанію, то исполненіе плана улучшенія участи бѣдныхъ лучше ввѣрить націи, чѣмъ частнымъ лицамъ.

И дѣйствительно, многія изъ благодѣяній, которыя получатся для общества, не будутъ замѣтны до тѣхъ поръ, пока осуществленіе этого плана не станетъ національнымъ дѣломъ.

Если предлагаемый проектъ будетъ одобренъ и обратитъ на себя вниманіе парламента, то прежде всего надо будетъ рѣшить вопросъ, какимъ образомъ привести его въ исполненіе съ наименьшей затратой времени и безъ ущерба для рессурсовъ страны въ настоящемъ или будущемъ.

Деньги, нужныя для основанія учрежденія по предлагаемому плану, можно получить черезъ консолидацію фондовъ нѣкоторыхъ общественныхъ благотворительныхъ учрежденій [1]), путемъ уравненія налога и займа подъ его обезпеченіе. Бѣдные, включая и тѣхъ, которые вѣдаются общественной благотворительностью, должны стать предметомъ національнаго попеченія.

Тогда получится изобиліе средствъ и работы. Страна должна быть обслѣдована, и для устройства фабрично-земледѣльческихъ поселеній обезпечены лучшія мѣста.

Участки, которые легко могутъ быть

[1]) Или ихъ можно одолжить у лицъ, имѣющихъ излишекъ свободнаго капитала, занять изъ фонда на спасеніе утопающихъ, или прибѣгнуть къ иной финансовой мѣрѣ, какая окажется удобной. Учрежденія, быстро поднявшись въ цѣнѣ, благодаря обработкѣ земли, принадлежащей имъ, вскорѣ сдѣлаются достаточнымъ обезпеченіемъ значительной доли суммъ, которыя будутъ затрачены на покупку ихъ.

найдены въ различныхъ частяхъ королевства, имѣютъ быть должнымъ образомъ подвергнуты оцѣнкѣ и куплены націей, либо пріобрѣтены на правѣ вѣчной аренды и надлежащимъ образомъ распланированы компетентными лицами для требуемой цѣли. Къ выполненію каждой части работъ этого дѣла съ большой выгодой можетъ быть приложенъ трудъ бѣдняковъ и безработныхъ, подъ руководствомъ надежныхъ лицъ, назначенныхъ для завѣдыванія различными отраслями.

Ничего новаго не потребуется: все, что понадобится, существуетъ въ повседневной жизни всего королевства.

Земля и дома не только не утратятъ своей первоначальной цѣнности, но, по мѣрѣ развитія плана, цѣна ихъ будетъ расти, и вся округа по сосѣдству съ этими общинами раздѣлятъ выгоды общаго подъема благосостоянія, который, несомнѣнно, скажется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Когда эти планы коренного врачеванія народныхъ бѣдствій будутъ приняты и приведены въ исполненіе — а рано или поздно это должно случиться—, то это повлечетъ за собою новыя и крупныя послѣдствія. Дѣйствительная цѣнность земли и труда возрастетъ, и въ то же время цѣна продуктовъ земли и труда понизится; машина станетъ болѣе цѣннымъ и благодѣтельнымъ сотрудникомъ общества; распространеніе ея можно будетъ поощрять всякими мѣрами, и оно будетъ идти безостановочно, но только въ помощь человѣческому труду, а не въ ущербъ ему.

Преимущества, могущія получиться отъ осуществленія такого плана, суммируются въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Хотя поверхностному наблюдателю такая система обезпеченія безработныхъ и можетъ показаться убыточной, но всякій, кто видитъ всѣ послѣдствія такой комбинаціи, по зрѣломъ размышленіи, признаетъ ее наиболѣе экономной изъ всего, что до сихъ поръ предлагалось.

2. Многіе изъ безработныхъ бѣдняковъ пребываютъ теперь въ состояніи грубаго невѣжества и воспитаны въ дурныхъ привычкахъ—зло, которое при нынѣшней системѣ будетъ продолжаться до безконечно отдаленныхъ поколѣній. Предлагаемый планъ даетъ самыя вѣрныя средства, могущія удовлетворить всѣ заинтересованныя стороны и всякій свободный умъ, для искорененія какъ невѣжества, такъ и дурныхъ привычекъ въ теченіе одного поколѣнія.

3. Величайшія бѣдствія общественной жизни происходятъ отъ того, что человѣчество воспитывается на началахъ розни. Предлагаемыя мѣры имѣютъ въ виду объединять людей для преслѣдованія общихъ цѣлей ко взаимной пользѣ, даютъ легко осуществимый планъ постепеннаго устраненія причинъ несогласій между людьми и дѣлаютъ тождественными ихъ интересы и обязанности.

4. Эта система даетъ также самыя простыя и дѣйствительныя средства для привитія лучшихъ чувствъ и привычекъ дѣтямъ безработныхъ бѣдняковъ, если общество въ состояніи рѣшить, какія привычки и наклонности слѣдуетъ прививать имъ.

5. Она указываетъ также самыя могучія средства къ исправленію привычекъ и всего поведенія и взрослой части безработныхъ бѣдняковъ, преступно оставленной обществомъ въ пренебреженіи съ самаго ихъ дѣтства.

6. Благодаря особенностямъ этой системы, она будетъ давать бѣднымъ въ вознагражденіе за ихъ трудъ болѣе высокій, болѣе цѣнный и болѣе обезпеченный достатокъ, чѣмъ они когда-либо могли получать.

7. Въ теченіе одного поколѣнія она устранитъ надобность въ налогѣ на содержаніе бѣдныхъ или иной денежной благотворительности ужъ просто тѣмъ,

что не дастъ никому впасть въ нищету и подвергаться связанному съ ней униженію.

8. Она дастъ возможность постепенно увеличить населеніе тѣхъ ненаселенныхъ мѣстъ Европы и Америки, въ которыхъ это окажется необходимымъ; если потребуется, дастъ возможность существовать съ комфортомъ гораздо большему населенію въ данномъ мѣстѣ, чѣмъ до сихъ поръ; словомъ, увеличитъ силу и политическое могущество страны, въ которой она будетъ принята, болѣе, чѣмъ въ десять разъ.

9. Этотъ планъ такъ доступенъ, что можетъ быть проведенъ въ жизнь даже съ меньшими способностями и усиліями, какія требуются для устройства новой фабрики въ новомъ мѣстѣ. Многія лица заурядныхъ способностей создавали предпріятія гораздо болѣе сложныя, чѣмъ предлагаемое. И въ самомъ дѣлѣ, не потребуется ровно ничего такого, что не практиковалось бы ежедневно въ обыденной жизни, и все это, по предлагаемому плану, можетъ быть исполнено еще значительно легче.

10. Онъ дѣйствительнымъ образомъ избавитъ рабочихъ въ промышленности и земледѣліи отъ страшной нищеты, переживаемой ими въ настоящее время, не измѣняя насильственно или преждевременно существующихъ общественныхъ установленій.

11. Онъ позволитъ до любого предѣла вводить техническія изобрѣтенія и усовершенствованія, ибо по предлагаемому плану каждое усовершенствованіе машины будетъ подчиняться человѣческому труду и оказывать ему помощь.

12 и послѣдній. Каждая часть общества будетъ испытывать на себѣ благодѣяніе этой перемѣны въ условіяхъ жизни бѣдняковъ. Планъ, основанный на изложенныхъ началахъ, является безусловно необходимымъ для укрѣпленія благополучія общества и для предотвращенія удручающаго зрѣлища тысячъ народа, гибнущихъ въ нуждѣ среди изобилія средствъ, достаточныхъ для воспитанія, обученія, доставленія занятій и поддержанія въ достаткѣ населенія, по крайней мѣрѣ, вчетверо большаго, чѣмъ настоящее.

Видъ и планъ промышленно-земледѣльческихъ общинъ ЕДИНЕНІЯ и КООПЕРАЦІИ.

Къ докладу Р. Оуэна.

II. Новый взглядъ на общество.

Извлеченіе изъ ежедневныхъ газетъ отъ 30 іюля, 9 и 10 августа 1817 г.

Лондонъ, 25 іюля 1817 г.

Г-ну редактору.

Сэръ, въ виду того, что вскорѣ предстоитъ митингъ, собирающійся для разсмотрѣнія предложеннаго мною плана улучшенія участи и нравственнаго состоянія бѣдняковъ и безработныхъ, я считаю себя обязаннымъ предварительно ознакомить публику съ обстоятельнымъ изложеніемъ принциповъ, на коихъ онъ основанъ, дабы детали могли впослѣдствіи быть болѣе понятны. Поэтому, заблаговременное помѣщеніе нижеслѣдующей статьи будетъ содѣйствовать достиженію цѣли, намѣченной, сэръ,

обязаннымъ вамъ
Р. Оуэномъ.

Всѣ согласны, что рабочіе классы переживаютъ въ настоящее время бо́льшую нужду, чѣмъ когда бы то ни было прежде. Между тѣмъ страна обладаетъ самыми широкими средствами для облегченія ихъ бѣдственнаго положенія, и мною былъ предложенъ планъ, дающій возможность правительству, приходамъ или отдѣльнымъ лицамъ примѣнить эти средства на дѣлѣ. Проектъ получилъ широкое распространеніе и въ публикѣ и, какъ разсчитывалось, вызвалъ немало возраженій со стороны чистыхъ теоретиковъ и лицъ, совершенно незнакомыхъ съ той практической постановкою дѣла, которая одна можетъ дать сколько-нибудь правильное знаніе предмета. Много недоразумѣній возникло также относительно деталей, которыя, различныя лица, со слишкомъ живымъ или, напротивъ, со слишкомъ мрачнымъ воображеніемъ, считали существенной частью плана. Чтобы возможно прямѣе отвѣтить на возраженіе первыхъ и разсѣять недоумѣнія вторыхъ, я изложилъ свои взгляды въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

Принципы и планъ теперь представлены предъ публикой въ болѣе полномъ видѣ. Если первые заключаютъ въ себѣ ошибки, если послѣдній неосуществимъ, то обязанность каждаго доказать и то и другое. Если же планъ по изслѣдованіи окажется правильнымъ въ принципѣ, легко осуществимымъ на дѣлѣ и способнымъ избавить бѣдныхъ и безработныхъ отъ тяжкихъ бѣдствій и паденія, отъ которыхъ они страдаютъ,—то опять-таки долгъ каждаго, кто заявляетъ о своемъ желаніи улучшить положеніе низшихъ сословій, стараться безъ всякаго промедленія осуществить его, дабы не протекъ безполезно и единый годъ среди тяжелыхъ, ненужныхъ страданій и деморализаціи, вызываемой недостаткомъ здоровой пищи и надлежащаго воспитанія и обученія.

Вопросъ. Вы состоите главнымъ собственникомъ фабрики и поселенія Нью-Ленаркъ, и на васъ исключительно лежитъ управленіе и надзоръ за ними? — Отвѣтъ. Да.

В. Давно ли вы управляете этимъ предпріятіемъ?—О. Въ будущемъ августѣ исполнится восемнадцать лѣтъ.

В. Изъ кого состоитъ населеніе Нью-Ленарка? — О. Главнымъ образомъ изъ рабочихъ, занятыхъ производствомъ бумажной пряжи, но также и изъ литейщиковъ мѣди и желѣза, кузнецовъ, жестяниковъ, механиковъ, токарей по дереву и металлу, пильщиковъ, плотниковъ, каменщиковъ, кровельщиковъ, маляровъ, стекольщиковъ, портныхъ, башмачниковъ, мясниковъ, булочниковъ, лавочниковъ, фермеровъ, сельскихъ рабочихъ, врача, священниковъ, воспитателей юношества обоего пола, смотрителей за различными отдѣлами, писцовъ и полицейскихъ,—словомъ, смѣшанное общество профессіональнаго и рабочаго люда.

В. Былъ ли у васъ опытъ съ рабочими классами, прежде чѣмъ вы взялись за управленіе фабрикой въ Нью-Ленаркѣ? — О. Да. Я до того руководилъ большими мануфактурными предпріятіями въ Манчестерѣ и окрестностяхъ его въ теченіе почти восьми лѣтъ; въ нихъ работало много мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

В. Что служило главнымъ предметомъ вашего вниманія въ теченіе тѣхъ лѣтъ, что вы имѣли подъ своимъ руководствомъ и наблюденіемъ столько людей?—О. Я старался открыть средства, которыми можно было бы улучшить положеніе рабочихъ классовъ, притомъ съ пользой для работодателей.

В. Къ какимъ заключеніямъ по этому предмету пришли вы? — О. Что положеніе этихъ классовъ легко улучшить въ значительной мѣрѣ и что ихъ естественныя способности могутъ быть направлены съ гораздо большей выгодой для нихъ самихъ и для всего общества, безъ малѣйшаго ущерба для какого бы то ни было класса или лица.

В. Удавалось ли вамъ вообще улучшать положеніе и нравы тѣхъ, кто находился подъ вашимъ попеченіемъ? — О. Да. И даже за меньшими исключеніями, чѣмъ я предполагалъ, принимая во вниманіе тѣ препятствія, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, и характеръ воздѣйствій, которыми я располагалъ для преодолѣнія ихъ.

В. Каковы были эти препятствія? — О. Невѣжество и невоспитанность народа, обусловившія собою наклонность къ пьянству, воровству, лжи и нечистоплотности; враждебное отношеніе къ чужимъ интересамъ, сектантскія наклонности, сильное національное предубѣжденіе какъ политическаго, такъ и религіознаго свойства, противъ всякой попытки со стороны пришельца улучшить ихъ положеніе; ко всему этому можно прибавить нездоровый характеръ ихъ труда.

В. На основаніи какихъ руководящихъ началъ вы дѣйствовали при устраненіи этихъ препятствій? — О. По одному только принципу предупрежденія. Вмѣсто того, чтобы тратить время и силы на разсмотрѣніе безконечнаго разнообразія частныхъ результатовъ, я терпѣливо изучалъ причины, производящія эти результаты, и старался удалить эти послѣднія; поступая такъ, я убѣдился, что то же время и тѣ же силы, затраченныя по системѣ предупрежденія, даютъ далеко большіе результаты, чѣмъ система принужденія и наказанія. Возьмемъ для примѣра привычное пьянство: мнѣ казалось безполезнымъ требовать отъ людей, пріученныхъ отравлять себя спиртными напитками, оставленія ими этой привычки въ то время, какъ они окружены условіями, постоянно искушающими ихъ оставаться при этомъ обыкновеніи. Первый шагъ предпринятый мной въ этомъ случаѣ, заключался въ томъ, что я убѣждалъ этихъ людей, когда они находились въ

трезвомъ состоянiи, въ выгодахъ, которыя получатся для нихъ, если искушенiе будетъ удалено отъ нихъ, что нетрудно было исполнить, когда это дѣлалось въ кроткомъ и спокойномъ тонѣ. Второй шагъ заключался въ томъ, чтобы удалить соблазнъ; и тогда самое зло, со всѣми его безчисленными вредными послѣдствiями, прекратилось совершенно. Вся эта система, если ее хорошенько понять, является донельзя простой и легко можетъ быть полностью примѣнена на практикѣ всякимъ, кто не лишенъ обыкновенныхъ способностей, и тогда состоянiе общества быстро поднимется, и притомъ навсегда. Но до тѣхъ поръ, пока понятiя, опредѣлявшiя до настоящаго времени дѣятельность человѣчества, будутъ господствовать и руководить мѣропрiятiями, состоянiе общества не можетъ быть улучшено сколько-нибудь существеннымъ и прочнымъ образомъ. Эти понятiя заставляютъ обращать вниманiе на *слѣдствiя* и, за отсутствiемъ надлежащаго изученiя, ведутъ къ тому выводу, что *причины*, отъ которыхъ въ дѣйствительности происходятъ эти слѣдствiя, не могутъ быть измѣнены или подчинены человѣку. Подобныя понятiя господствуютъ теперь надъ всѣмъ мiромъ. Однако *факты* доказываютъ нѣчто совершенно обратное; пусть люди обратятся къ фактамъ, и *только* къ фактамъ,—и станетъ очевидно, что они могутъ легко удалить дѣйствительныя причины, порождающiя дурныя привычки, заблужденiя и пороки; безъ затрудненiй ихъ удастся замѣнить другими факторами, вѣрнымъ послѣдствiемъ которыхъ будетъ установленiе во всемъ обществѣ хорошихъ привычекъ, правильныхъ наклонностей, доброжелательства, отзывчивости и добродѣтели и устраненiе предразсудковъ, порождающихъ недоброжелательныя чувства и дѣлающихъ людей несправедливыми къ тѣмъ, кто воспитывался въ другихъ убѣжденiяхъ. Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что пытаться исправить человѣчество по какому бы то ни было принципу, кромѣ точнаго и неуклоннаго вниманiя къ фактамъ, будетъ столь же нелѣпо и безнадежно, какъ ожидать отъ истощенной почвы и безплоднаго климата, чтобы они самопроизвольно родили изобилiе; или чтобы яркiй и ровный свѣтъ засiялъ изъ чернѣйшей бездны; или чтобы человѣкъ, коснѣющiй въ невѣжествѣ, окруженный всѣми соблазнами, сталъ бы лучше, умнѣе и счастливѣе, чѣмъ тотъ, который воспитывался для разумной и дѣятельной жизни, въ обстановкѣ, которая неизмѣнно согласовала его интересы, его обязанности и его наклонности. Значитъ, когда мы оставляемъ нетронутыми причины, которыя заставляютъ человѣчество коснѣть въ невѣжествѣ, которыя развиваютъ въ немъ невоздержность, лѣнь, жестокость, порокъ, преступленiе и всѣ дурныя страсти, и ждемъ въ то же время обратныхъ результатовъ, то это такъ же умно, какъ воображать, въ противность опыту всего мiра, что слѣдствiя перестанутъ вытекать изъ своихъ причинъ. Поэтому, налагать на людей кары за то, что они обладаютъ порочными качествами (для нихъ являющимися еще большимъ несчастiемъ, чѣмъ для другихъ), порожденными въ нихъ существующими условiями, значитъ дѣйствовать на основанiи понятiй, лишенныхъ всякаго намека на здравый смыслъ и благоразумiе.

В. Весь ли вашъ опытъ былъ основанъ на этихъ принципахъ?—О. Да; и результаты ни разу не обманули моихъ ожиданiй; напротивъ, они при каждомъ случаѣ превосходили самыя смѣлыя мои надежды. И, какъ мнѣ кажется, этотъ успѣхъ моихъ старанiй нельзя приписать какому-либо естественному превосходству моего ума или благопрiобрѣтеннымъ качествамъ его (ибо я таковыхъ за собою не примѣчалъ), но единственно тому случайному обстоятельству въ моей жизни, что мнѣ рано удалось до нѣкоторой сте-

пени убѣдиться въ тѣхъ крупныхъ выгодахъ, которыя получило бы общество отъ примѣненія начала предупрежденія, и тому, что я дѣйствовалъ на основаніи общеизвѣстнаго факта, что „человѣческій характеръ всегда образуется для личности, а не самой личностью“.

В. Какъ много жалобъ поступало къ вамъ отъ жителей Нью-Ленарка, какъ къ судьѣ графства?—О. Ни одной за много лѣтъ.

В. Послѣ вашего изученія вопроса, какимъ причинамъ приписываете вы бѣдственное положеніе, переживаемое рабочимъ классомъ?—О. Дурному примѣненію существующихъ производительныхъ силъ страны какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ, сравнительно со спросомъ и предложеніемъ продуктовъ. Огромная часть нашихъ естественныхъ средствъ, заключающихся въ физическихъ и умственныхъ силахъ людей, въ настоящее время не только совершенно непроизводительна, но и является бременемъ для страны; прибавьте къ этому систему, деморализующую эту силу; между тѣмъ, значительная часть нашихъ искусственныхъ или механическихъ средствъ направлена на производство того, что не представляетъ истинной цѣнности для общества и что въ самомъ процессѣ производства порождаетъ безчисленныя бѣдствія самаго удручающаго свойства для работниковъ, а также для значительной части общества, а черезъ нихъ—и для всего нашего населенія.

В. Позволяетъ ли вамъ опытъ указать болѣе выгодное приложеніе этимъ производительнымъ силамъ? — О. Онъ побуждаетъ меня сказать, что онѣ могутъ быть затрачены съ большей выгодой для общества и для отдѣльныхъ лицъ; что ихъ легко можно направить такимъ образомъ, что настоящее бѣдственное состояніе трудящихся бѣдняковъ быстро исчезнетъ и благосостояніе страны достигнетъ ступени, до которой оно еще никогда не подымалось.

В. Какъ этого можно достигнуть?—О. Образовавши благоустроенныя учрежденія для доставленія кажущемуся излишку трудящагося бѣднаго люда, который способенъ работать, производительнаго труда, чтобы они прежде всего научились поддерживать свое существованіе, а затѣмъ могли нести свою долю государственныхъ расходовъ.

В. Имѣются ли средства для доставленія занятій безработнымъ классамъ?—О. Мнѣ кажется, что страна обладаетъ всѣми средствами для достиженія этой цѣли, ихъ нужно только пустить въ ходъ. Эти средства заключаются въ пустующихъ земляхъ; въ земляхъ, плохо обработанныхъ; въ деньгахъ, помѣщенныхъ безъ выгоды; въ мышечной силѣ праздныхъ рабочихъ, деморализующихъ общество и вносящихъ съ собою всякое зло; въ искусственной или механической силѣ, почти безпредѣльной, которая можетъ быть примѣнена для достиженія самыхъ серьезныхъ цѣлей. Таковы средства, которыя, при удачномъ сочетаніи и примѣненіи, въ короткое время избавятъ страну отъ нищеты и сопутствующихъ ей золъ.

В. Какъ можно ихъ примѣнить къ дѣлу?—О. Приведя ихъ всѣ въ цѣлесообразное и выгодное сочетаніе, образовавъ ограниченныя общины лицъ на началахъ общаго труда и общаго потребленія при преимущественномъ занятіи земледѣліемъ, причемъ всѣ будутъ имѣть одни и тѣ же общіе всѣмъ интересы.

В. Какія у васъ основанія рекомендовать такое сочетаніе человѣческихъ силъ?—О. Убѣжденіе, вынесенное мною, въ тѣхъ громадныхъ преимуществахъ, которыя каждое лицо можетъ получить такимъ путемъ, не тратя своихъ силъ обособленно только на достиженіе исключительно своихъ цѣлей.

В. Каковы эти преимущества? — О. Общины, численностью отъ 500 до 1.500

душъ, основанныя на принципѣ общаго труда и общаго потребленія и опирающіяся на земледѣліе, могутъ быть организованы такимъ образомъ, что отъ этого получатся слѣдующія выгоды для рабочихъ, а черезъ нихъ и для всѣхъ другихъ классовъ, ибо каждая истинная выгода послѣднихъ можетъ исходить только отъ первыхъ.

При этой системѣ весь трудъ отдѣльныхъ лицъ будетъ направляться естественно и съ выгодой, во-первыхъ, на доставленіе имъ въ изобиліи всего, что необходимо для достойнаго существованія; затѣмъ, они получатъ возможность отстать отъ многихъ, если не отъ всѣхъ дурныхъ привычекъ, порожденныхъ въ нихъ теперешнимъ несовершеннымъ строемъ общества; далѣе, подрастающему поколѣнію будутъ прививаться лишь лучшія привычки и наклонности, и слѣд., изъ общественной жизни будутъ устранены обстоятельства, разъединяющія людей, а введены другія, направленныя исключительно къ объединенію всѣхъ въ одномъ общемъ интересѣ, который будетъ вполнѣ ясенъ для каждаго. Впослѣдствіи они смогутъ культивировать гораздо болѣе цѣнную духовную, часть своей природы, ту часть, которая, при надлежащемъ руководствѣ, покажетъ, сколько еще можно сдѣлать для человѣческаго счастья.

Затѣмъ, они создадутъ тотъ избытокъ, который необходимъ будетъ для оплаты процентовъ на капиталъ, затраченный на покупку поселенія, включая устройство, или, другими словами, ренты и, наконецъ, для того, чтобы полной долей участвовать въ расходахъ государственныхъ, соразмѣрно стоимости ихъ имущества. Этимъ путемъ они сообщатъ новую силу политическому могуществу страны, оцѣнить которую не многіе пока въ состояніи.

В. Если описываемый вами проектъ осуществимъ, что вы можете отвѣтить на многочисленныя возраженія?—О. Какъ ни мало опыта имѣютъ люди относительно развиваемыхъ здѣсь комбинацій, я убѣжденъ, въ умахъ ихъ возникнетъ не мало сомнѣній и затрудненій; но если возраженія будутъ отчетливо представлены, ихъ можно будетъ опровергнуть; почти 30-лѣтній опытъ при неустанномъ, безкорыстномъ и, надѣюсь, непредубѣжденномъ вниманіи къ предмету заранѣе подсказываетъ мнѣ, что они будутъ опровергнуты.

В. Напримѣръ, могутъ ли бѣдные рабочіе объединиться для согласныхъ дѣйствій въ какомъ-нибудь общемъ мѣропріятіи, принимая во вниманіе то, что намъ извѣстно о повсемѣстномъ состояніи рабочихъ домовъ и домовъ трудолюбія?—О. При томъ воспитаніи, которое бѣднымъ давалось, и при томъ устройствѣ, какое имѣютъ даже лучшія изъ упомянутыхъ учрежденій, столь неблагопріятные результаты были неизбѣжны. Сначала бѣдные прозябаютъ въ состояніи крайняго невѣжества; помѣщенные подъ общей кровлей, они приходятъ въ постоянное соприкосновеніе другъ съ другомъ, но безъ малѣйшаго внутренняго основанія для такого общенія, которое могло бы имъ быть понятно. Вслѣдствіе пріобрѣтенныхъ ими дурныхъ привычекъ и отсутствія надлежащаго развитія, они не могутъ усмотрѣть взаимнаго интереса, который представляетъ для каждаго изъ нихъ благополучіе другихъ; и при настоящемъ устройствѣ этихъ домовъ, нельзя придумать средствъ, пригодныхъ для преодолѣнія первыхъ или сообщенія послѣдняго. Рабочіе дома и дома трудолюбія созданы людьми, имѣвшими весьма ограниченное представленіе о человѣческой природѣ и совершенно незнакомыми съ истинными началами политической экономіи. Но совсѣмъ другихъ результатовъ можно ожидать отъ устройства предлагаемыхъ фабрично-земледѣльческихъ поселеній; главныя причины вы-

зывающія рознь между людьми, соединяемыми вышеописаннымъ образомъ, будутъ устранены, а вмѣсто нихъ будутъ дѣйствовать другія, способныя лишь сблизить ихъ общностью труда и интересовъ.

В. Но будутъ ли люди въ общинѣ, основанной на сочетаніи взаимныхъ интересовъ, столь же прилежны, какъ работая только на себя?—О. Предположеніе, что этого не будетъ, я считаю общимъ предразсудкомъ, не имѣющимъ никакого фактическаго основанія. Всюду, гдѣ этотъ опытъ производился, всѣ исполняли свою работу съ удовольствіемъ. Доказано, что, когда люди трудятся вмѣстѣ въ общемъ интересѣ, каждый выполняетъ свою долю участія съ большей выгодой для себя и общества, чѣмъ когда они работаютъ на другихъ за поденную плату или сдѣльно. Работая поденно, они не видятъ въ своей работѣ иного интереса, кромѣ получки денегъ; работая сдѣльно, они слишкомъ сильно заинтересованы въ работѣ и часто доводятъ себя до переутомленія, болѣзни, преждевременной старости и смерти. Когда же они связаны въ работѣ съ другими общностью интересовъ, обѣ эти крайности сглаживаются, трудъ становится спокойнымъ, но продуктивнымъ, и легко подчиняется надзору и руководству. Притомъ, для всѣхъ ужъ теперь очевидны тѣ начала и средства, которыми можно привить подрастающему поколѣнію любыя наклонности, отъ крайней безпечности до высшаго трудолюбія.

В. Но не будутъ ли участники вѣчно враждовать изъ-за распредѣленія и обладанія имуществомъ?—О. Конечно, нѣтъ. Трудъ и средства людей расходуются теперь столь невѣжественно и неэкономно и при столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, что масса населенія не можетъ добыть достаточныхъ средствъ для нормальнаго существованія безъ сильнаго напряженія и тревогъ; подъ вліяніемъ этой жестокой необходимости люди пріобрѣтаютъ упорное тяготѣніе къ собственности, которая добывается съ такими усиліями, поверхностному же наблюдателю кажется, что это чувство лежитъ въ природѣ человѣка. Но нѣтъ болѣе ошибочнаго заключенія. Если помѣстить людей въ такое положеніе, чтобы они могли умѣреннымъ трудомъ, безъ удручающихъ душевныхъ волненій, въ изобиліи добывать всѣ необходимыя жизненныя удобства, они привыкнутъ такъ же мало спорить изъ-за этихъ благъ, какъ сейчасъ изъ-за всѣмъ доступныхъ даровъ природы—изъ-за воды, напримѣръ; они не больше будутъ стремиться къ излишнему накопленію первыхъ, чѣмъ теперь добиваются избытка послѣднихъ. Могу добавить, что при осуществленіи такого плана каждый скоро убѣдится, что онъ безъ удручающихъ заботъ въ большей степени удовлетворяетъ свои личныя потребности, чѣмъ онъ того могъ достичь при современномъ положеніи рабочихъ и при всѣхъ заботахъ и треволненіяхъ, нынѣ неразлучныхъ съ нимъ.

В. Но могутъ ли хорошо вестись подобныя учрежденія, если во главѣ ихъ не будутъ стоять люди съ большимъ талантомъ и благожелательствомъ, каковыхъ не очень много?—О. Я опять позволю себѣ сказать, что это заблужденіе, происходящее отъ недостаточнаго пониманія началъ, на которыхъ этотъ планъ основанъ и долженъ вестись. Въ управленіи рабочими и т. п. домами нѣтъ единства дѣйствія; каждая сторона поставлена въ такія условія, что интересы ея расходятся съ другими; они представляютъ собой, въ сущности, смѣсь тѣхъ же заблужденій, которыя господствуютъ въ обыкновенномъ обществѣ, гдѣ всѣ какъ бы приставлены къ тому, чтобы противодѣйствовать намѣреніямъ другихъ; тутъ не принесутъ пользы даже необычайная энергія и таланты, которые при иныхъ условіяхъ оказали бы самое могучее и благотворное вліяніе. По личному опыту, однако, я знаю, что для управленія про-

ектируемыми поселеніями имѣются такія правила и средства, которыя дадутъ возможность человѣку обыкновенныхъ способностей вести дѣло къ полному удовольствію всѣхъ, кто будетъ находиться подъ его руководствомъ и попеченіемъ, къ величайшему удовлетворенію для себя и съ неисчислимой выгодой для отечества. Къ веденію такого дѣла могутъ быть пріучены многіе, кого удовлетворятъ средства къ жизни и удобства, предоставляемыя такими поселеніями, и кто не потребуетъ иного какого-нибудь вознагражденія; стоимость же жизни при такомъ учрежденіи не достигнетъ и 20 фунтовъ въ годъ.

В. Не слѣдуетъ ли опасаться, что задуманное вами учрежденіе разовьетъ отупляющее однообразіе характера, заглушитъ геній и лишитъ міръ всякой надежды на усовершенствованіе въ будущемъ? — О. Мнѣ кажется, что послѣдуетъ совершенно обратное; что средства, какими будетъ располагать учрежденіе, создадутъ новый стимулъ для того, чтобы раскрылись и развивались лучшія стороны характера; ибо участники учрежденія будутъ получать такое цѣнное образованіе, какого они не могли бы пріобрѣсти инымъ путемъ, и будутъ обладать достаточнымъ досугомъ, будутъ въ достаточной мѣрѣ избавлены отъ удручающихъ заботъ, чтобы развивать свои природныя способности; люди, съ дѣтства усвоившіе себѣ привычки къ умѣренности, обладающіе точнымъ знакомствомъ съ фактами и яснымъ сознаніемъ, что усилія ихъ идутъ на благо человѣчества, могутъ столько сдѣлать, что мы съ нашими современными понятіями даже съ трудомъ въ состояніи представить себѣ.

Что касается предполагаемаго отупляющаго однообразія характеровъ, то вообразимъ себѣ на минуту людей, поставленныхъ въ такія условія, какъ населеніе этихъ поселковъ, и поразмыслимъ, какіе характеры могутъ быть созданы тѣми особенными условіями, въ которыхъ они будутъ находиться: съ перваго дня рожденія они будутъ испытывать неизмѣнно ласковое обращеніе, будутъ руководимы разсудкомъ, а не капризомъ, слабостью либо неразумѣніемъ; отъ пріобрѣтенныхъ привычекъ имъ не придется отучиваться; тѣлесныя силы ихъ будутъ развиваться и упражняться до полной естественной крѣпости и здоровья; умственныя способности получатъ точный матеріалъ, всѣ полезныя свѣдѣнія, какія добыты человѣческимъ геніемъ и опытомъ, при усвоенномъ навыкѣ ума дѣлать правильныя и обоснованныя заключенія; каждый воленъ будетъ свободно выражать свои мнѣнія, сравнивать ихъ съ другими, и такимъ образомъ, весьма легко и быстро исправлять всякое ошибочное заключеніе:— дѣти такого воспитанія, люди, окруженные такими условіями, вскорѣ превратятся не въ отупляюще однообразную расу, но въ существа, полныя здоровья, дѣятельности и энергіи, одаренныя, благодаря воспитанію, самыми хорошими и благожелательными наклонностями; свободные отъ личныхъ мотивовъ, они не смогутъ желать чего-нибудь *исключительно* для себя.

Только, когда нѣсколько разсѣется мракъ невѣжества, окутывающій современное общество, можно будетъ хоть отчасти оцѣнить всю благотворность такихъ новыхъ поселеній.

Геній не только не будетъ заглушенъ, но встрѣтитъ всяческое содѣйствіе для того, чтобы онъ могъ свободно проявиться съ неослабляемымъ ничѣмъ вдохновеніемъ къ высшему счастію человѣчества. Словомъ, опытъ докажетъ, что нѣтъ болѣе безосновательнаго возраженія противъ „новаго взгляда на общество“, чѣмъ то, которое утверждаетъ, что этотъ „взглядъ“ безсиленъ и непригоденъ къ тому, чтобы воспитаніемъ сдѣлать людей способными достигнуть высшаго совершенства въ искусствахъ, наукахъ и всякаго рода знаніи.

В. Не окажутся ли эти учрежденія дорого стоящими, не потребують ли они огромнаго расхода въ самомъ началѣ и легко ли добыть столь крупный капиталъ?—О. Расходы окажутся величайшей экономіей, какая только возможна, а капиталъ можно будетъ собрать безъ труда, какъ только онъ понадобится. Когда прекратились громадные доходы, обусловливавшіеся военными расходами у насъ и въ другихъ странахъ, это повело къ бѣдствію самаго удручающаго свойства; и единственное средство противъ него—*приложить* значительно усиленныя затраты *къ труду, который могъ бы воспроизвести ихъ*, по крайней мѣрѣ, соотвѣтственно процентамъ на вложенный капиталъ и вознагражденію за потраченный физическій и умственный трудъ. Эти учрежденія являются способомъ помѣщенія капитала подъ обезпеченіе, для страны преставляющее величайшую цѣнность. Каждый затраченный въ такомъ дѣлѣ шиллингъ будетъ *національнымъ барышомъ*, создастъ національное преуспѣяніе, поддержитъ и морально возродитъ занятое въ дѣлѣ населеніе и вернетъ пять процентовъ на затраченный капиталъ, причемъ имущество, будетъ быстро, изъ года въ годъ, повышаться въ своей дѣйствительной цѣнности.

Если бы положеніе страны позволяло идти въ этомъ дѣлѣ медленнымъ шагомъ, я былъ бы удовлетворенъ устройствомъ нѣсколькихъ такихъ поселеній въ видѣ національнаго опыта: я отлично знаю, что ихъ многообразныя преимущества и превосходство надъ всякимъ другимъ планомъ обезпеченія трудящихся классовъ станутъ тогда очевидны всякому; но я сознаю, что особыя условія, въ которыхъ теперь находится наша родина и Европа, не допускаютъ медленнаго веденія дѣла. Трудъ долженъ вновь получить свою цѣнность, а этого можно достигнуть не иначе, какъ прилагая его къ обработкѣ земли. Когда способы осуществленія этого плана будутъ ясно поняты обществомъ, оно немедленно убѣдится, что, поскольку позволяетъ судить современное состояніе нашихъ знаній, нѣтъ иного средства, которое дало бы личности и обществу безчисленныя выгоды, представляемыя предлагаемымъ планомъ. Придя къ такому убѣжденію, общество оцѣнитъ настоящую необходимость крупнаго расхода—и, конечно, потребуетъ его, чтобы достигнуть быстраго насажденія этихъ пріютовъ здоровья, достатка, усовершенствованія и счастья трудящихся классовъ и подрастающаго поколѣнія.

В. Но если будетъ устроено много такихъ поселеній, не увеличится ли количество продуктовъ земледѣльческаго и фабричнаго труда, уже и теперь избыточное, до такой степени, что для нихъ не найдется рынка, и, такимъ образомъ, будетъ нанесенъ ущербъ современному земледѣлію, торговлѣ и промышленности страны?—О. Эта сторона вопроса должна быть освѣщена иначе, чѣмъ это дѣлается, повидимому, существующими партіями. Мыслимо ли, чтобы могло быть слишкомъ много продуктовъ, желательныхъ и полезныхъ для общества? и не въ интересѣ ли всѣхъ, чтобы они были производимы съ наименьшими затратами и трудомъ и съ возможно меньшей суммой лишеній и нравственнаго униженія для трудящихся классовъ и, конечно, при наибольшемъ изобиліи для высшихъ классовъ въ возмѣщеніи ихъ богатства? *Конечно, въ интересѣ всѣхъ, чтобы все производилось съ наименьшей затратой труда, и такъ, чтобы обезпечивалось большее благосостояніе производящимъ классамъ;* и нѣтъ такихъ средствъ къ достиженію этой желательной цѣли, которыя могли бы идти въ сравненіе съ фабрично-земледѣльческими поселеніями, школами труда, учрежденіями, графства или округа, для бѣдныхъ и безработныхъ, или какъ бы они ни именовались. Правда, по мѣрѣ того, какъ численность ихъ будетъ увеличиваться,

они могутъ вступить въ конкуренцію съ существующей системой сельскаго хозяйства и промышленности, если общество то допуститъ; впрочемъ, можно ограничить производство въ нихъ размѣрами собственнаго потребленія, и при томъ устройствѣ, которое они будутъ имѣть, у нихъ не будетъ побужденій производить ненужный излишекъ. Но когда общество пойметъ свои истинные интересы, оно позволитъ этимъ новымъ учрежденіямъ мало-по-малу вытѣснить прежнія предпріятія, потому что послѣднія обречены на упадокъ и прямо препятствуютъ благосостоянію и улучшенію быта занятыхъ въ земледѣліи и промышленности, и, слѣдовательно, одинаково опасны для благополучія и счастья высшихъ классовъ. Мы хорошо знаемъ нищету и порокъ, на которые обречено фабричное населеніе; мы знаемъ также, до какого невѣжества и упадка доведены сельскохозяйственные рабочіе; и только предложенной реорганизаціей этой части общества могутъ быть устранены эти безмѣрныя бѣдствія.

В. Но не будутъ ли эти учрежденія содѣйствовать размноженію населенія несоразмѣрно со средствами къ существованію, въ прогрессіи, слишкомъ быстрой для благосостоянія общества?—О. У меня нѣтъ никакихъ опасеній въ этомъ отношеніи: всякій сельскій хозяинъ знаетъ, что каждый работникъ, нынѣ занятый въ земледѣліи, можетъ произвести въ пять или шесть разъ больше пищевыхъ продуктовъ, чѣмъ онъ въ состояніи съѣсть; и потому, если онъ даже останется при тѣхъ средствахъ производства, какими онъ располагаетъ въ настоящее время, условія природы совершенно не дѣлаютъ необходимымъ, чтобы „населеніе давило на средства существованія", до тѣхъ поръ пока вся земля не будетъ полностью использована.

Невозможно сомнѣваться въ томъ, что только искусственный законъ спроса и предложенія, основанный на принципѣ личной выгоды и враждебный общему благосостоянію, вызвалъ такое положеніе, что населеніе давитъ на средства къ существованію. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ принципа личной выгоды является то, что производство пищевыхъ продуктовъ въ нормальный годъ ограничивается количествомъ, необходимымъ по установившемуся потребленію для даннаго населенія земли; слѣдовательно, въ хорошій годъ, въ зависимости отъ его урожайности, получится изобиліе пищи,—и она будетъ дешева; а въ плохой годъ, смотря по степени недорода, пищи будетъ мало,—она будетъ дорога и настанетъ голодъ. А между тѣмъ, ни одинъ человѣкъ, практически знакомый съ дѣломъ, ни на минуту не усомнится, что въ годы, непосредственно предшествующіе самому ужасному голоду, имѣются всѣ средства для того, чтобы дать возможность населенію, при надлежащемъ устройствѣ — если бы они знали, какъ его достичь—сдѣлать запасы пищевыхъ продуктовъ, далеко превышающіе даже всякую надобность. Что бы ни казалось ученымъ, писавшимъ и размышлявшимъ объ этомъ предметѣ, годичный приростъ населенія совершается въ ариѳметической прогрессіи и инымъ онъ не можетъ быть; между тѣмъ, каждый человѣкъ приноситъ съ собою въ свѣтъ средства, которыя, даже при современномъ состояніи научныхъ знаній и при надлежащемъ руководствѣ, даютъ ему полную возможность производить въ десять разъ больше пищи, чѣмъ онъ самъ потребляетъ. Такимъ образомъ, опасенія за бѣдствія, какія могутъ быть вызваны избыточностью населенія, до тѣхъ поръ пока вся земля не превратится въ сплошной въ совершенствѣ воздѣланный огородъ, оказываются по внимательномъ разсмотрѣніи чистымъ обманомъ воображенія, разсчитаннымъ единственно на то, чтобы держать людей безъ нужды въ невѣжествѣ, порокѣ и преступленіяхъ и воспрепятствовать обществу стать такимъ, какимъ оно должно быть—хорошо воспитаннымъ и хорошо обученнымъ, дѣя-

тельнымъ, честнымъ и счастливымъ, при разумной системѣ взаимной доброжелательности и помощи; система, которая легко можетъ быть осуществлена, можетъ охватить все общество и проникнуть во всѣ его развѣтвленія.

В. Но не вызоветъ ли такое измѣненіе привычекъ и строя жизни низшихъ сословій повышенія цѣнности труда?—О. Моя цѣль заключалась въ томъ, чтобы скомбинировать средства къ достиженію результатовъ, какихъ, на мой взглядъ, настойчиво требуетъ нынѣшнее положеніе страны, и тѣмъ предупредить насильственное переустройство общества, вызываемое нищетой и деморализаціею, которыя растутъ съ каждымъ часомъ и будутъ расти, пока не будутъ приняты дѣйствительныя мѣры для борьбы съ ними. Я видѣлъ, что рабочіе классы находятся въ такомъ положеніи, которое дѣлаетъ нищету неотвратимою долею и ихъ, и ихъ потомства; и если дать такому состоянію держаться и усиливаться, оно еще болѣе деморализуетъ общество и приведетъ къ насильственному перевороту всего соціальнаго устройства. Чтобы предотвратить такую катастрофу, безусловно необходимо измѣнить жизнь рабочихъ, а этого нельзя сдѣлать, не измѣнивъ существующаго порядка во всемъ, что касается рабочихъ и ихъ подрастающаго поколѣнія.

Если будетъ признано, что предлагаемый планъ много совершеннѣе—нѣтъ, безконечно болѣе совершененъ въ цѣломъ, и во всѣхъ своихъ частяхъ,—чѣмъ все, что до сихъ поръ предлагалось, и что онъ можетъ быть приведенъ въ исполненіе немедленно и постепенно, безъ малѣйшаго потрясенія общества и безъ преждевременной перекройки существующихъ институтовъ,—наступила минута, назрѣли условія для осуществленія плана, и я съ глубокимъ убѣжденіемъ заявляю, что, какъ бы ни старались въ силу ложно понятыхъ личныхъ интересовъ задержать его осуществленіе, онъ будетъ осуществленъ и прочно установленъ, невзирая ни на какое противодѣйствіе. Онъ—такого рода, что противодѣйствіе только ускоритъ его осуществленіе и глубже и полнѣе внѣдритъ его начала въ сознаніе общества. Условія для этого, незамѣтно назрѣвавшія въ теченіе почти двадцати лѣтъ, теперь созрѣли настолько, что отвѣчаютъ всѣмъ требованіямъ, и будущее благоденствіе человѣчества у насъ и въ другихъ странахъ можно считать обезпеченнымъ, независимо отъ всякихъ случайностей. Общій трудъ и общее хозяйство въ общихъ интересахъ трудящихся, надлежащее воспитаніе и обученіе ихъ дѣтей, обстановка, разсчитанная на благо всѣхъ,—все это создастъ и обезпечитъ обществу безопасность въ настоящемъ, довольство и счастье личности въ настоящемъ и будущемъ и конечное благоденствіе всѣхъ. Я могу поэтому выразить полную увѣренность, что никакія человѣческія силы не въ состояніи помѣшать окончательному торжеству этого плана.

Къ сказанному я считаю необходимымъ добавить, что всѣ знанія по этому предмету я пріобрѣлъ путемъ продолжительнаго и широкаго опыта, каковыя въ аналогичныхъ обстоятельствахъ были бы пріобрѣтены и всякимъ человѣкомъ. Ни одинъ изъ выставленныхъ принциповъ,—я увѣренъ, ни единый—не можетъ ни въ какой мѣрѣ претендовать на оригинальность: они неоднократно защищались и рекомендовались болѣе высокими умами, начиная съ самыхъ раннихъ эпохъ исторіи. Я не имѣю даже права на первенство въ дѣлѣ теоретической *комбинаціи* этихъ принциповъ: эта честь принадлежитъ, насколько мнѣ извѣстно, Джону Беллерсу, обнародовавшему и весьма талантливо отстаивавшему ихъ осуществленіе въ 1696 году. Безъ всякаго опыта онъ, однако, ясно показалъ, какъ они могутъ быть приложены къ усовершенствованію общества, согласно съ фактами, извѣстными въ то время. Его трудъ показался мнѣ настолько любопытнымъ и цѣннымъ,

что, познакомившись съ нимъ, я перепечаталъ его дословно, чтобы присоединить его къ статьямъ, написаннымъ мною по тому же предмету.

Какова бы ни была заслуга человѣка, впервые открывшаго планъ, долженствующій доставить человѣчеству болѣе существенное и прочное благоденствіе, чѣмъ рисовалось когда-либо человѣческому уму, она вся принадлежитъ исключительно Джону Беллерсу.

В. Такимъ образомъ, ваше окончательное мнѣніе, что земля, трудъ и капиталъ могутъ быть соединены въ новой комбинаціи, которая дастъ всѣмъ участникамъ болѣе цѣнные результаты, чѣмъ теперь.— О. Если мой долгій и обширный опытъ далъ мнѣ какіе-нибудь точные выводы, я могу сказать съ увѣренностью, не боящейся опроверженій, что любое количество земли, труда и капитала могутъ быть такъ скомбинированы, чтобы поддерживать, по крайней мѣрѣ, вчетверо больше людей и въ десять разъ съ большимъ достаткомъ, чѣмъ какой мыслимъ у насъ при существующихъ условіяхъ; и, само собою разумѣется, дѣйствительная цѣнность земли, труда и капитала возрастетъ въ той же пропорціи, и слѣдовательно, мы обладаемъ средствомъ теперь же поднять благосостояніе страны до такой высоты, какой она никогда не достигала, до высоты, которой не видала никогда ни одна страна. Если какія-нибудь партіи вообразятъ, что это—одни голыя утвержденія, безъ прочнаго обоснованія, или призрачная схема, навѣянная фантазіей, онѣ ошибутся, ибо все это результатъ терпѣливыхъ и неустанныхъ стараній найти точныя и практическія данныя и произвести безконечно-разнообразные опыты, чтобы придти къ правильнымъ заключеніямъ и, такимъ образомъ, подвергнуть единственно надежной провѣркѣ теоріи кабинетныхъ ученыхъ. При этомъ я все больше и больше убѣждался въ ошибочности отвлеченныхъ теорій и въ ничтожной пользѣ, какую онѣ до сихъ поръ принесли человѣчеству. Я домогаюсь, однако, лишь такого довѣрія къ моимъ предложеніямъ, чтобы побудить общество подвергнуть планъ надлежащему испытанію. Если я заблуждаюсь, то расходы и неудобства, сравнительно съ величіемъ цѣли, будутъ незначительны, но если я правъ, сколько выиграютъ общество и все человѣчество! Я ничего не прошу для себя; и кромѣ доброжелательства и обмѣна дружескими и привѣтливыми отношеніями, не приму ничего ни съ чьей стороны. Я только прошу позволенія избавить бѣдные и трудовые классы отъ современныхъ страданій и тѣмъ оказать существенную услугу богатымъ и всѣмъ высшимъ классамъ. Я желалъ бы поэтому, чтобы были назначены свѣдущіе дѣловые люди для изслѣдованій всѣхъ деталей, которыя я имѣю предложить; по опыту знаю, что это единственный путь, чтобы дать возможность публикѣ понять столь сложный и, какъ должно въ концѣ-концовъ выясниться, столь важный предметъ.

В. Допустивъ, что планъ безукоризненъ во всѣхъ своихъ частяхъ, какимъ образомъ онъ можетъ быть выполненъ по отношенію къ бѣднымъ, получающимъ помощь отъ приходовъ?—О. Во-первыхъ, путемъ проведенія парламентскаго акта о національизаціи бѣдныхъ. Во-вторыхъ, время отъ времени занимая, за ручательствомъ націи, суммы, достаточныя для устройства предлагаемыхъ поселеній и подготовки земли для обработки, причемъ правительство будетъ имѣть въ залогѣ эти учрежденія, пока не будутъ выплачены проценты и капиталъ; такимъ образомъ, все будетъ совершаться цѣлесообразно, правильно и справедливо по отношенію ко всѣмъ заинтересованнымъ; и страна дастъ правительству возможность выполнить планъ безъ сопротивленія со стороны какой бы то ни было заинтересованной партіи.

Библіографія.

Глава I.

Наполеоновская Германія.

Современные документы и мемуары. — Posselt, *Europäische Annalen*, 1795—1820.—Bredow, *Chronik des XIX-en Jahrh.*, продолженная Venturini.— Gaspari, *Der Reichsdeputationshauptschluss*, 2 тома, 1803. — V. Hoff, *Das deutsche Reich vor der franz. Revolut. und nach dem Frieden v. Lunéville*, 2 тома, 1805. — Van Alpen, *Gesch. des frankischen Rheinufers: was er war und was er jetzt ist*, 2 тома, 1802. *Liederbuch für die Veteranen der grossen Napoleonarmee von* 1803 bis 1814, 1837.—Vreede, *La Souabe après la paix de Bâle* (сборникъ документовъ), 1885.—Wohlwill, *Aktenstücke zur Rumboldschen Angelegenheit* (*Zeitsch. d. Ver. f. Hamburgs Gesch.*, *t.* VII), 1881. *Palm's Biographie* (написанная его сыномъ), 2-е изд., 1842.—Zachar. Beckers, *Leiden und Freuden in siebzehnmonatl. franz. Gefangenschaft*, 1814.—Gehrens, *Unter d. westf. Regier. erlittene dreimalige Verhaftung u. Exportation*, 1815. *Code Napoléon*, съ нѣмецкимъ переводомъ и примѣчаніями *Spielmann'a*, оффиц. изд., Вестфалія (1808), великое герцогство Вюрцбургское (1809). *Grossherzoglischfrankfurtisches Regierungsblatt*, 3 тома, 1811—1813.— Moniteur-Westphalien, 1807—1813.—Berlepsch, *Sammlung wicht. Urkunden u. Aktenstücke*, *Beiträge zur Finanzgesch. des k. s. Westfalen*, 1814.

Du Casse, *Mémoires du roi Joseph*, 10 томовъ, 1853 — 1854; *Mémoires et corresp. du roi* Jérôme, 1861—1866. *Le roi* Frédéric de Würtemberg, *Polit. u. milit. Korrespondenz*, 1889. — La reine Catherine *de Westphalie*, *Briefwechsel*, 1887.—Graf. Max. v. Montgelas, *Denkwürdigkeiten*, 1887.—Lang, *Mémoires*, (1842).—Beugnot, *Mémoires*, 1868.—Davout, *Correspondance*, 4 тома, 1885.—*Davout d'après sa correspondance inédite, par* M-me de Blocqueville, 4 тома, 1887. — Davout, *Mémoire sur le siège et la défense de Hambourg*, 1814, перепечатанное въ 1890.—Arétin, *Die Plane Napoleons u. seiner Gegner in Deutschland*, 1809.

Труды позднѣйшіе. — Общіе труды Treitschke, Oncken, Häusser, Ranke Heigel и проч. —Vehse, *Gesch. der deutschen Höfe.* — Berghaus, *Deutschland seit hundert Jahren*, 5 томовъ, 1859—1862. Perthes, *Polit. Zustände u. Personen zur Zeit der franz. Herrschaft*, 2 тома, 1861.—A. Rambaud, *La domination française en Allem.*, 2 тома, 1874.— E. Denis, *L'Allemagne de 1789 à 1810*, 1896.—Fournier, *Historische Studien und Skizzen.*—Treitschke, *Canzleistil aus den Napoleonischen Tagen* (*Preuss. Jahrh.*, 1872).—Kleinschmidt, *Die Eltern u. Geschwister Nap. I.*, 2-е изд., 1886.—Chénier, *Hist. milit., polit. et administr. du mar. Davout.* 1868.—Du Casse, *Le gén. Vandamme et sa correspondance*, 1868. — Ægidi, *Der Fürstenrat nach dem Luneviller Frieden*, 1859.—Kleinschmidt, *Die Säkularisation v.* 1803, 1828. — Lucchesini, *Sulle cause e gli effetti della confed. rhenana*, 3 тома, 1819—1829. — Beck, *Zur Verfassungsgesch. des Rheinbunds*, 1890. — Usinger, *Nap., der Rhein. u. der Nordbund*, 1845.

Drais, *Gesch. von Baden unter Karl-Friedrich*, 1818. — *Gemälde aus dem Leben Karl-Friedrichs*, 1829.—Weech, *Die Zähringer in Baden*, 1881.—Weech, *Baad. Gesch.*, 1890. — Lerchenfeld, *Gesch. Bayerns unt. K. Max.—Joseph*, 1854.—Hoffmann, *Œconom. Gesch. Bayerns unter Montgelas*, 1885.—Beaulieu-Marconnay, *Karl von Dalberg u. seine Zeit*, 2 тома, 1879.—Bockenheimer, *Gesch. der Stadt Mainz währ. der zweiten Franz. Herrschaft*, 1890.—Flathe, *Neuere Gesch. Sachsens v.* 1806 — 1866, 1873.—Weber, *Archiv. für sächs. Gesch.*, 1873.—Poelitz, *Die Regierung Friedrich-August v. Sachsen*, 2 тома, 1830.—Rommel, *Wilhem der Erste* (Hesse-Cassel), 1822. *Friedrich K. von Wurt., biogr. Skizze u. Charakteristik*, 1817.—Pfister, *Friedrich v. Wurt.*, 1888. — Schlossberger, *Friedr. v. Wurt.*, 1888.—Goecke, *Das Grossherzogtum Berg*,

1877. — Goecke et Jlgen, *Das Königr. Westfalen*, 1888. — Kleinschmidt, *Gesch. des Königr. Westfalen*, 1893. — Hellrung, *Die Organis. der westph. Armee* (*Minerva*, déc. 1840). — Wepler, *Gesch. der Wilhemshöhe*, 1870. — Lyncker, *Gesch. der Insurrectionen wider d. westph. Gouvernement*. 1860. — Havemann, *Das Kurfürst. Hannover unter zehnjähringer Fremdherrschaft*, 1867. — Thimme, *Die inneren Zustände des Kurfurst. Hannover unter der Fremdherrschaft*, 2 тома, 1893—1894. — Egger, *Gesch. Tirols*, 3 тома, 1880. — Hormayr, *Das Land Tirol u. d. Tiroler Krieg*, 2 тома, Leipzig, 1845. — Krones, *Tirol* (1812—1816) *und Erzh. Johann*, 1890. — Varnhagen von Ense, *Gesch. der Gen. von Tettenborn*, 1813—1814 (1825). — Eichhorn, *Die Centralverwaltung der Verbündeten unter dem Freih. v. Stein*.

Глава II.

Польша и Великое Герцогство Варшавское.

Skarbek (2-е изд.), *Dzieje księstwa warszawskiego*, Познань, 1876. — Finkel, *Wielkie księstwo warszawskie*, въ Обозрѣніи *Przewodnik naukowy*, мартъ 1896. — Kollontaj, *Uwagi nad teraźniejszem położeniem tej części ziemi polskiej, którą od pokoju tylzyckiego zaczęto zwać Księstwem Warszawskiem*, Лейпцигъ, 1881. — Michel Oginski, *Mémoires de 1788 à 1815*, Парижъ, 1827. — K. Koźmian, *Pamiętniki*, 3 ч., Познань, 1859—65. — Ant. Ostrowski, *Żywot Tomasza Ostrowskiego, oraz rys wypadków krajowych od r. 1756—1817*, Парижъ, 1836—40. — Soltyk, *Napoléon en 1812*, Парижъ, 1833. — I. Falkowski, *Obrazy z życia kilku ostatnich pokoleń w Polsce*, Краковъ, 4 тома; (по мемуарамъ генерала Wybielli и воспоминаніямъ H. Falkowslav'a, адъютанта Наполеона, впослѣдствіи генерала). — Staszyc, *Взглядъ на статистику Польши въ 1807 году; Историческій эскизъ войны 1809 г.* — Pradt, *Histoire de l'ambassade dans le duché de Varsovie en 1812*, Парижъ, 1827. — Bignon, *Souvenirs d'un diplomate; La Pologne, 1811—1813*, Парижъ, 1864. — L. Dębicki, *Puławy*, Краковъ, 1886. — Mickiewicz, *Pan Tadeusz*; есть русскіе переводы Берга („Отеч. Записки“ 1862 и 1870; отд. Варшава, 1875, и въ „Переводахъ“), Л. И. Пальмина („Русск. Мысль“, 1888 г., кн. 1, 3, 9; 1882 г., кн. 6) и друг., *Les Slaves*, passim. — L. Leger, *Russes et Slaves* (2-я серія, по *Мицкевичу* и *Пану Тадеушу*), Парижъ, 1896. — M. Wojcicki, *Cmentarz powązkowski*, Варшава, 1855; *разныя произведенія*. — H. Broecker, *Мемуары изъ Испанской войны* (на нѣмецк. яз.). — I. H. de Brandt, коего *Souvenirs d'un officier polonais* (войны Испаніи и Россіи), по описанію сына этого офицера, изданы барономъ Ernouf'омъ, *Aus dem Leben des Generals I. H. de Brandt*, Берлинъ, 1868 и слѣд. года. — Sulima, *Polacy w Hiszpanji, 1808—1812*, Варшава, 1888. — *Мемуары* Cieciersk'аго Kopiec'а Wybick'аго, князя Адама Czartorysk'аго. — Zoltowski (H.), *Die Finanzen des Herzogthumes Warschau 1815*, 2 тома, Познань, 1890—1892. — *Карпатская Россія подъ австрійскимъ владычествомъ* (на малорусск. яз.), Лембергъ, 1895. — Kalinka, *Żywot gienierala Chłopickiego*. — Rżewuski, *Pamiętniki Michałowskiego*, С.-Петербургъ и Варшава, 1857 (Историческій романъ о Польшѣ съ 1788 по 1815 г.) — T. Morawski, *Dzieje narodu polskiego*, т. VI, Познань, 1871—72. — О графинѣ Валевской см. новую книгу A. Lévy, *Napoléon et les femmes*.

Глава III.

Англія.

Документы и современныя произведенія. — 1) *О Питтѣ и Фоксѣ: Correspondence between* W. Pitt *and Charles, duke of* Rutland, Эдинбургъ, 1890; *Diaries and correspondence of* Rose[1]), 1860, 2 т.; епископъ Tomline (его учитель), *Life of Mr. Pitt*, 1811, 3 т.; *Speechs of* Pitt, 3-е изд., 1817, 3 т.; *The life of William Wilberforce*, 1839, 5 т. — Fox, *Speeches*, 1815, 6 т. — *Memorials and correspondence of* Fox, изд. лордомъ Джономъ Ресселемъ, 1853, 3 т. — Герцогъ Buchingham, *Memoirs of the court and cabinets of George the third* (компиляція, не разъ подвергавшаяся нападкамъ), 1863, 4 т.; лордъ R. Holland, *Memoirs of the whig party during my time*, изд. его сыномъ, 1854, 2 т.

2) О прочихъ ораторахъ и государственныхъ людяхъ: *Speeches of* Sheridan, 1816, 5 т.; *Works of* Sheridan, изд. Stainforth, 1875. — *Speeches of* Canning, 4 первыхъ тома, 1828. — *Diary and correspondence of* Ch. Abbot, lord Colchester, изд. его сыномъ, 1861, 3 т. — *Speeches of* Erskine, изд. Broucham, 1847, 4 т. — *Journal and correspondence of lord* Auckland, 1861, 4 т. — *Diaries and correspondence of lord* Malmesbury, 1844, 4 т. — *Correspondence of Charles, first marquis* Wellington, 1867, 5 т. — *Memoirs and correspondence of* S. Samuel Romilly, изд. его сыномъ, 1840, 3 т.; *его же*, *Observation on the criminal law*, 1810, и *Speeches*, изд. Peter, 1820, 2 т. — Лордъ Dubley, *Letters to the bishop of Handaff*, 1841. — Coblett, *Avis aux jeunes gens*, перев. Vernes. — Prescott, Парижъ и Женева, 1889, *Memoirs and correspondence of Francis* Horner, 1853, 2 т.

---

[1]) Гдѣ не указано мѣсто изданія, надо разумѣть Лондонъ.

Новѣйшія сочиненія: 1) *По общимъ вопросамъ:* Кромѣ указанныхъ въ предыдущихъ томахъ см.: *National Biography,* изд. Leslie Stephen; *Encyclopaedia britannica;* Словарь англійской литературы Allibone'a, Филадельфія, 1880 и сл.; III и IV томы Massey, *History of England during the reign of George the third,* 1860—1863; послѣдніе томы Ленки; Craik и Macfarlane, *Pictorial History,* 1853, 4 т.; *History of Europe* (1789—1815) Alison'a, „зачисляющаго Провидѣніе въ торійскую партію"; Gardiner, *A student's History of England,* 1895, т. III; Galiber и Pellé, *Univers pittoresque,* 1844, т. IV (Англія); книги Thiers'a и H. Houssaye'я о войнахъ въ періодъ имперіи; множество статей въ *Edinburgh Reveiw Quarterly Review, Revue des Deux Mondes, Revue Britannique* и пр.

2) *О Питтѣ, Фоксѣ и прочихъ государственныхъ дѣятеляхъ:* Лордъ Stanhope, *Life of Pitt,* 4 т.; есть франц. переводъ Гизо, Парижъ, 1862, 2 т. — Calmon, *William Pitt,* Парижъ, 1865. — Trevelyar., *Early history of Ch. I. Fox,* 1881, 3-е изд.; лордъ Russell, *Life and times of Fox,* 1866, 3 т. — Moore, *Life of Sheridan,* 3-е изд., 1825, 2 т. — Лордъ Brougham, *Historical sketches of statesmen in the time of George* III, Парижъ, 1839. — Pellew, *Life and correspondence of lord Sidmouth,* 1847, 3 т.—Twiss, *Life of lord Eldon,* 3-е изд., 1846. 3 т.—Yonge, *Life and administration of lord Liverpool,* 1868, 3 т.—Alison, *Lives of L. Castlereagh and s. Ch. Stewart,* 1861, 3 т.

3) *Объ Ирландіи, соціальномъ состояніи и литературѣ:* F. de Pressensé, *l'Irlande et l'Angleterre depuis l'acte d'Union jusqu'à nos jours* (1800—1888), съ англійской библіографіей вопроса, Парижъ, 1889. — Foïnitski и Bonet-Maury, *La transportation russe et anglaise,* Парижъ, 1895.— Grant, *History of the newspaper press.* — Spencer Walpole, т. I его *History of England from the conclusion of the great war in* 1815, 1878.

Глава IV.

Анти-наполеоновская Германія, Австрія и Пруссія.

Мы можемъ указать только труды существенные. Этотъ списокъ легко дополнить общими сочиненіями: Dahlmann-Waitz (6-е изд., 1894), Fournier (*Napoléon*), *Allgemeine Deutsche Biographie, Словарь* Würzbach'a, *Naoutchny Slovnik* (Энциклопедія на чешск. яз., Otto), и др. См. также библіографію къ гл. XIV т. I.

Австрія. — Metternich, *Мемуары и письма,* 8 т., 1880—84.—Gentz, *Tagebücher, Denkschriften Briefe,* и проч., издан. Varnhagen d'Ens'омъ, Schlesier'омъ, Weick'омъ и др.—Hormayr, *Anemonen aus dem Tagebuche eines alten Pilgermannes,* 4 т., 1845.—*Histor. Aktenstücke, Uber das Ständewesen in Oesterreich,* 2 т., 1847. — Эрцгерцогъ Іоаннъ, *Denkwürdigkeiten,* 1891.

Springer, *Gesch. Oester. seit dem Wiener Frieden,* 2 тома, 1863.—Krones, *Handbuch der Gesch. Oest.,* t. IV, 1879.—Wertheimer, *Gesch. Oest. u. Ungarns* (1800—1809), 2 тома, 1884. — Beer, *Zehn Jahre oest. Politik* (1801—1810), 1877.—Vivenot, *Thugut und sein pol. System* (*Arch. f. öst. G.,* t. XLIII).— Fournier, *Gentz und Cobenzl,* 1880. — Bidermann, *Gesch. der öster. Gesammtstaatsidee* (1526—1804), 1889. — Toman, *Das böhm. Staatsrecht,* 1880. — Kalousek, *Богемское государственное право* (на чешск. яз.), нов. изд., 1893. — Bidermann, *Die staatsrechtlichen Wirkungen der œst. Gesammtstaatsidee.*—Bachmann, *Lehrbuch der öst. Reichsgesch.,* 1896. — Huber, *Oest. Reichsgesch.,* 1895. — Hock-Bidermann, *Oest. Staatsrath,* 1869—1879.—D'Elvert, *Zur oest. Verwaltungsgesch.,* и d'Elvert, *Zur oest. Finanzgesch.* (въ *Schriften der hist. stat. Sektion,* т. XXIV и XXV), 1880 и 1881.—Beer, *Gesch. der öst. Finanzen im XIX. Jahrh.,* 1877.—Plenker, *Die Entwickelung der indirecten Abgaben in Oest.* (*Oest.-Ung. Revue*), 1863. — Meynert, *Gesch. der K. K. œst. Armee,* 1870. — Wertheimer, *Erzherz. Karl als Praesident des Hofkriegsraths* (*Arch. f. œst. Gesch.,* т. 46). — Büdinger, *Zu den Verwaltungsgrundsaetzen des K. Franz* (1888).—Grünberg, *Die Bauernbefreiung in Boehmen, Maehren u. Schlesien,* 2 т., 1893. — Harras von Harrasovsky, *Gesch. d. Codific. d. oest. Civilrechts,* 1868.

Для Кроатіи и Богеміи: Dimitz, *Gesch. Krains von der ältesten Zeiten auf 1813,* 4 т., 1876. — Chélard, *Les armées françaises jugées par les habitants de l'Autriche,* 1893.—A. H. Пыпинъ и В. Д. Спасовичъ, *Исторія славянск. литературъ,* 2 изд., С.-Петербургъ, 2 т., 1879 и 1881. — Kalousek, *Исторія богемской королевской академіи наукъ* (на чешск. яз.), 1885. — Изъ многочисленныхъ біографій Добровскаго отмѣтимъ между проч. Brandl'a (на чешск. яз.), 1883, Ив. Снегирева, Казань, 1884 и др.

Пруссія. — Мемуары и документы.— Hardenberg, *Denkwürdigkeiten,* издан. Ranke, 1877.—Boyen, *Erinnerung aus dem Leben,* издан. Nippold'омъ, 1883.—*Aus den Papieren von* Schoen, 1877—1889. — *Aus* Schleiermachers *Leben und Briefen.* 1868. — Arndt, *Geist der Zeit,* т. I, 1806; т. II, 1809; т. III, 1813. — Fichte, *Reden an die deutsche Nation,* 1808; французскій переводъ появился въ 1894 г.—Королева Луиза, *Brife,* опубликован. Martin'омъ, 1887.—Clausewitz, *Nachrichten über Preussen in seiner grossen Katastrophe,* 1888.—

Clausewitz, *Hinterlassene Werke*, 2-е изд., 1862.— M-me de Staël, *L'Allemagne*, 1811.

Труды позднѣйшіе. — Большія біографіи Штейна составили Pertz, 1849—1855, и Seeley (на англійск. яз.), 1884; Гнейзенау Pertz и Delbrück, 5 том., 1864—1881; Шарнгорста Lehmann, 2 т., 1886; Іорка Droysen, 1877; Шлейермахера Dilthey, 1870. — Hüffer, *Die Cabinetsregierung in Preussen u. Lombard*, 1891.—Lettow-Vorbeck, *Der Krieg v. 1806 und 1807*, 2 т., 1891—1893.— M. Duncker, *Aus der Zeit Fried. des Grossen und F. W. III*, 1876.— G. Droysen, *Vorlesungen über das Zeitalter der Freiheitskriege*, 2 т., 1886.— Goette, *Das Zeitalter der deutschen Erhebung*, 1891.—Schmidt, *Gesch. der deutschen Verfassungsfrage waehrend der Befreiungskriege und des Wiener Kongresses*, изд. Stern, 1890.

Для періода реформъ Штейна и Гарденберга: Cavaignac, *La formation de la Prusse contemporaine: les origines, 1806—1808*, 1 т., 1891.— Bornhak, *Gesch. des preuss. Verwaltungsrechts*, 4 т., 1884—1892.— Bornhak, *Die preuss. Finanzreform u.*, 1810 (*Forsch. z. brandeb. u. preuss. Gesch.*)—Meier, *Die Reform der Verwaltungsorganis. unter Stein u. Hardenberg*, 1881. — Stern, *Abhandl. u. Aktenstücke zur Gesch. der preuss. Reformzeit.*—Stoelzel, *Brandeburg-Preussens Rechtsverwaltung und Rechtsverfassung*, 2 т., 1888. — Bassewitz, *Die Kurmark Brandeburg im Zusammenhang mit den Schicksalen des Gesammtstaats Preussens* (22 окт. 1806, конецъ 1808), 2 т. 1851—1852.—Knapp, *Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den aelteren Theilen Preussens*, 2 т., 1887.— Mamroth, *Gesch. der preuss. Staatsbesteuerung, 1806—1816*, 1890. — Dieterici, *Zur Gesch. der Steuerreform in Preussen, 1810—1820*, 1875.—Krug, *Gesch. der preuss. Staatschulden*, 1861.—M. Duncker, *Preussen u. die allgemeine Wehrpflicht in Jahre 1809* (*Histor. Zeits.*, 1861).— Lehmann, *Knesebeck und Schoen*, 1877.—Lehmann, *Der Tugendbund*, 1867.—Voigt, *Gesch. des sogen. Tugendbundes*, 1850.—Baersch, *Beitraege zur Gesch. des sog. Tugendbundes*, 1852.

Объ умственномъ движеніи справиться въ большихъ исторіяхъ литературы, въ частности Scherer, *Gesch. der deutschen Litteratur*, 1883, съ превосходной библіографіей. — См. особенно: Haym, *Die romantische Schule*, который къ несчастью не идетъ дальше первыхъ годовъ столѣтія. (Есть русск. переводъ, изд. Солдатенкова.) — Stapfer, *Goethe et ses deux chefs-d'œuvre classiques*, 1880.— Brandes, *Die Hauptstroemungen der Litteratur des XIX-en Jahrhundert*, нов. изд., 1890.—Hillebrand, *La société allemande en 1806* (*Revue des Deux Mondes*, 1870).—Firmery, *Jean-Paul Richter*, 1887.— О наукахъ: History of the indu ctivesciences, Whewell'a (1837; русск. пер. Антоновича), о медицинѣ — Haeser, большая коллекція, изданная исторической комиссіей Мюнхенской Королевской Академіи Наукъ (*Gesch. der Wissensch. in Deutschland*), около 25 том., достоинства сверхъ того далеко не одинаковаго. — Объ искусствѣ: *Gesch. der deutschen Kunst.*, 5 том., 1887—1891, т. III: живопись Janitschek'a. — Lübke, *Gesch. der deutschen Kunst von den frühesten Zeiten bis zur Gegenwart*, 1888—1890.

Глава V.

Венгрія.

Для перваго періода главные источники законодательные или поэтическіе: *Országgyülés naplójaï* (Журналъ Сейма) за 1790—91, 1792, 1796 гг.; труды Bacsányi, Berzsényi, Csokonai и, изъ менѣе значительныхъ поэтовъ, сборникъ Toldy. Между новѣйшими историками — особенно томъ VI и послѣдній Horvath'a. Всѣ эти труды на мадьярскомъ языкѣ. На французскомъ: Ed. Sayous, *Histoire des Hongrois et de leur littérature politique*, 1790—1815, Парижъ, 1872.—О якобинцахъ— особенно рукопись Szirmay, *Jacobinorum hungaricorum historia*, и глав. II A. de Gérando, *L'esprit public en Hongrie*, Парижъ, 1848.

Для второго періода прибавить: *Országgyülés naplojaï* за 1802, 1805, 1807, 1808, 1811 гг. (этотъ послѣдній журналъ въ 3-хъ томахъ); Dessewffy, *lévelezese* (письма); труды Al. Kisfaludy; *записи* Csengery о Nagy въ его *Magyar szónokok*; *Correspondance* Наполеона.

Глава VI.

Юго-восточная Европа. Турція и христіанскіе народы.

Оттоманская имперія: реформы и перевороты.—Tchélébi-Effendi (или Rechid-Moustafa, рейсъ-эфенди въ 1802 г.), *Explication du Nizam-Djédid* (составлено въ 1804 г. по приказанію Селима III), у Вилькинсона (см. ниже, Румыны).— Mahmoud-Raïf-Effendi, *Tableau des nouveaux règlements de l'empire ottoman*, Парижъ, 1802.—Peyssonnel, *Sur le commerce de la mer Noire*, Парижъ, 1787.—W. Eton, *Tableau historique*, и проч., *de l'empire ottoman*, франц. перев. C. Lefebvre, Парижъ, въ VII т.—*Reise eines Jungen Russen*, и пр., Гота, 1801.—Jos. Bohrer, *Bemerkungen auf einer Reise*, и пр., Вѣна, 1802.—Von Reimers, *Reise der russ. kais. ausserorg. Gesandschaft an die ottoma-*

nische Pforte (1793), Спб., 1803.—**Thornton**, *État actuel de la Turquie*, франц. перев., Парижъ, 1812.—**Juchereau de Saint-Denys**, *Révolutions de Constantinople*, Парижъ, 1814, 2 т. — **Muradgea d'Ohsson**, *Tableau de l'empire ottoman*, 7 том. 1788 — 1824. — **Hammer**, *Des osmanischen Reiches Staatsverfassung u. Staatsverwaltung*, Тюбингенъ, 1816, 2 т.—**Schlechta-Wssehrd**, *Die Revolutionen in Konstantinopel in den Jahren* (1807—08), Вѣна, 1882.—**Juchereau de Saint-Denys**, *Hist. de l'empire ottoman*, Парижъ, 1844, т. II.—**Zinkeisen**, *Gesch. d. osmanischen Reiches in Europa*, Гота, 1859, т. VI и VII.—Другія общія исторіи Турціи. **W.-V. Lüdemann** (на нѣм. яз.), Дрезденъ, 1827; **Jouannin** (*Univ. pitt.*), 1840; **F.—W. Ebeling** (на нѣм. яз.), Лейпцигъ, 1854; **Th. Lavallée**, 1859; **De la Jonquière**, 1881.—**L. Pingaud**, *Choiseul-Gouffier*, 1887.—**G. Grosjean**, *La mission de Sémonville*, 1887.

Русско-турецкая война (1806—1812).— **R. Adair**, *Historical memoirs of a mission to the court of Vienne* (1806) и *The negociations for the peace of Dardanelles* (1808), Лондонъ, 1845.— Баронъ **Testa**, *Recueil de traités de la Porte ottomane*, Парижъ, 1865, т. II.—**М. Богдановичъ**, *Исторія царствованія имп. Александра I*, т. II и III.—Генералъ **А. Н. Петровъ**, *Война Россіи съ Турціей 1806—12 гг.*, Спб., 1885—1887, 3 т.— **Wurm**, *Diplom. Gesch. d. orientalischen Frage*, Лейпцигъ, 1868.—**A. Beer**, *Die orientalische Politik Oesterreichs seit* 1774, Прага, 1883.

Азія, Сирія, Египетъ, Аравія.—**Volney**, *Voyage* и пр. (о Джеззарѣ), 1787, 2 т. (Есть русск. пер. Маркова п. з.: „Путешествіе Вольнея въ Сирію и Египетъ", Москва, 1790.—**Olivier**, *Voyage dans l'empire ottoman*, съ *Précis historique de la vie d'Achmet-Dgézar*, Парижъ, 1804, т. II.— *Жизнь Ахмеда Джеззара-паши*, въ *Fundgruben des Orients* Гаммера, т. VI, Вѣна, 1818. — **Éd. Lockroy**, *Ahmed le Boucher* (Джеззаръ-паша), *La Syrie et l'Égypte au XVIIIe s.*, Парижъ, 1888, 3 изд.—**F. Mengin**, *Hist. de l'Égypte sous le gouv. de Méhémet-Ali*, т. I, Парижъ, 1823.—**De Caldavène** и **Barrault**, *Hist. de la guerre de Méhémet-Ali avec la Porte*, Парижъ, 1836, 2 т., т. I. **A. B. Clot-Bey**, *Aperçu général sur l'Égypte*, Парижъ, 1840, 2 т.— **Prokesch von Osten**, *Mehemed-Ali*, Вѣна, 1877.— **J. B. Burckhardt**, *Bemerkungen über die Beduinen und Wahabi*, Веймаръ, 1831.—**I. A. (Corancez)**, *Hist. des Wahabis*, Парижъ, 1810.—**J. L. Rousseau**, *Замѣтка о сектѣ Вагаби*, въ *Fundgruben* Гаммера, т. I.—**S. de Sacy**, *Descr. du pachalik de Bagdad*, въ связи съ *Notice hist. sur les Wahabites*, Парижъ, 1809.

Пасванъ-Оглу и болгары.—**Паисій**, *Лѣтописъ* (на болгар. яз.), изд. Хр. Павловичемъ, Будапештъ, 1844.—Епископъ **Софроній**, *Записки* (на болгар. яз.), въ *Дунавскомъ Лебедѣ*, Бѣлградъ, 1861, и въ *Период. Списаніи* на Българского Книжовно Дружество, въ Браиловѣ, 1872.—**Иречекъ**, (Іос. - Констант.), *Исторія болгаръ* (на нѣм. и чешск. яз.), Прага, 1876; русск. переводъ, изд. Буномъ и Палаузовымъ (Одесса, 1878), дополненъ авторомъ.

Далматы; Западные Кроаты; Черногорцы.—1⁰ Далматы: **K. Brodmann**, *Memorie politico-economiche...della Dalmazia*, и пр., Венеція, 1281.—**A. Tullio Erber**, *Storia della Dalmatia dal 1797 al 1814*; издан. въ *Programme* Зарской гимназіи, 1886—1892.—Аббатъ **P. Pisani**, *La Dalmatie de 1797 à 1815*, Парижъ, 1893.—2⁰ Черногорія: **Marmont**, герцогъ рагузскій, *Mémoires*, т. III (его управленіе Далмаціей, борьба съ Черногорцами).— Полковникъ **Vialla de Sommières**, *Voy. hist. et politique au Monténégro*, Парижъ, 1820, 2 т.— **Cyprien Robert**, *Les Slaves de Turquie*, 1844.—**Vuk Karadjitch**, *Montenegro und die Montenegriner*, 1853.—**F. Lenormant**, *Turcs et Monténégrins*, Парижъ, 1866.—**Goptchévitch** (Spiridion), *Montenegro und die Montenegriner*, Лейпцигъ, 1877.—**E. Maton**, *Hist. du Monténégro*, Парижъ, 1881.—**Драговичъ**, *Черногорія и Россія* (въ 1797—1801), въ *Русск. Стар.* 1882 г.—**Милаковичъ**, *Исторія Црне Горе*, Зара, 1856.—**Chiudina**, *Storia del Montenero*, Спалато, 1882.—**Brunswick**, *Recueil de doc. diplom. relatifs au Monténégro* (съ введеніемъ), С. Р. 1876.—**G. Popovitch**, *Recht und Gericht in Montenegro*, Аграмъ, 1877.

Сербія: освобожденіе. — Митрополитъ **Стратимировичъ**, Записка Александру I, *О возстановленіи новаго славяносербскаго государства* (1804), въ *Русск. Архивѣ*, 1868, т. III.—**L. Ranke**, *Die Serbische Revolution*, Берлинъ, 1844, продолжен. въ послѣдующ. изданіяхъ до 1878 г.; русск. перев. **П. Бартенева**, Москва, 1876.—**B—.V. Kallay**, нѣм. перев., *Gesch. d. Serben*, Будапештъ, Вѣна и Лейпцигъ, 1878, 2 т.—**Vuk Karadjitch**, *Die gesetzgebende Sanat in Serbien zur Zeit Kara-Georgs*, Вѣна, 1860.—**P.—A.—F.—C. Possart**, *Das Leben des Fürsten Milosch*, Штуотгартъ, 1833.—Князь **Михаилъ** сербскій, *Milosch Obrénovitch*, Парижъ, 1850.—**Dr Cunibert** (быв. главный врачъ на сербск. службѣ), *Essai hist. sur les révol. et l'indép. de la Serbie*, Лейпцигъ, 1855, 2 т.—**Нилъ Поповъ**, *Россія и Сербія*. Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 г. по 1856 г. Москва, 1869, 2 т., т. I.—**Saint-René Taillandier**, *Kara-Georges et Milosch*, *La Serbie au XIXe siècle*, Парижъ, 1875.—**J. Reinach**, *La Serbie et le Monténégro*, Парижъ, 1876. — **Ровинскій**, *Отношенія между Россіей и Сербами*, въ *Древ. и Нов. Россіи*, 1877.—**Добровъ**, *Южные славяне: Турція и соперничество европейскихъ государствъ*, Спб., 1879.—

A. **Boppe**, *Documents inédits sur les relations de la Serbie avec Napoléon*, Бѣлградъ, 1888.—**M. Милиhebuħ**, *Књаз Милош* (анекдоты и преданія), Бѣлградъ, 1891.—**Picot**, *Les Serbes de Hongrie*, Парижъ, 1873.—**Вук Караџић**, *Српске народне пјесме;* есть переводы: **Élise Voïart**, Chants populaires de la Serbie, Парижъ, 1834, 2 т.; **M-me I. Talvy**, *Volkslieder der Serben*, 1835; **Kopper**, *Die Gesaenge der Serben*, Лейпцигъ, 2 т.; **A. Dozon**, *Poésies populaires*, перев. съ подлинниковъ, Парижъ, 1859, и др. Кромѣ того, переводы **Востокова** въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* 1827 и значит. количество переводовъ въ *Поэзіи Славянъ*, Спб., 1871.

Албанцы; Али-паша.—**Hobhouse**, *A. Journey through Albania* и пр. (1809—1810).—**H. Holland**, *Travels in the Jonian islands, Albania, Thessaly*, и пр. (1812 и 1813), Лондонъ, 1815.—Περρέβος, Ἱστορία Σουλίου καὶ Πάργας, Венеція, 1815, 2 т.—**De Bosset**, *Parga and the Jonian Islands*, Лондонъ, 1822.—**Pouqueville**, *Vie d'Ali-Pacha*, Парижъ, 1822.—**Ibrahim Manzour Effendi**, (французск. офицеръ, начальникъ инженерн. корпуса на службѣ у Али-паши), *Mémoires sur la Grèce et l'Albanie*, Парижъ, 1827.—**Hughes**, *Travels in Greece and Albania*, Лондонъ, 1830, т. II (объ Али).—**J. Müller**, *Albanien, Rumelien und die oest. mont. Grenze*, Прага, 1844.—**Mendelssohn-Bartholdy**, *Ali-Pacha* въ *Hist. Taschenbuch*, Раумера, 1867.

Румыны.—**Papiu** (Ilarrian), *Tesaur de monumente istorice*, Бухарестъ, 1864, т. II по IV (сборникъ хроникъ и исторій, какъ, напр., **Dionisie Ecclesiarcul'a**, **J. Vacarescu**, и т. п.).—Документы, согласно обнародованію **V.**—**A. Urechia**, *Istoria Rominilor*, Бухарестъ.—**A.—D. Xenopol**, *Istoria Rominilor*, Яссы, 1888—93, 6 т. in 8; есть въ сокращ. видѣ на франц. яз. въ *Hist. des Roumains de la Dacie Trajane*, Парижъ, 1896, т. II.—**A. D. Xenopol**, *Études hist. sur le peuple roumain* (война 1812 г., захватъ Бессарабіи), Яссы, 1888 (на фр. яз.).—**Zilot Rominul**, *Хроника* (на рум. яз.), изд. Хыджэу, Бухарестъ, 1884.—Аббатъ **R. G. Boscovitch**, *Giornade d'un viaggio*, и пр., Бассано, 1784.—**Carra**, *Hist. de la Moldavie et de la Valachie*, 1778—1781.—**Bauer**, *Mémoires hist. et géog.*, у Карра.—**Raïcévitch**, *Osservazioni storiche*, и пр., Неаполь, 1788.—**Wilkinson**, *Historical sketch of Mold. and Wal.*

Греки; Іонійскіе острова. — 1. Путешествія и разсказы современниковъ.—**Choiseul-Gouffier**, *Voyage pittoresque*, и пр., нов. изд., Парижъ, 4 т., 1842.—**Savary**, *Lettres sur la Grèce*, Парижъ, 1788.—**Beaufort**, *Commerce de la Grèce*, 1799.—**Grasset Saint-Sauveur**, *Voyage dans les Isles et possessions ci-devant vénitiennes du Levant*, Парижъ, въ VIII т.—**C. Sonnini**, *Voy. en Grèce et en Turquie*, Парижъ, 1801.—**H. Castellane**, *Lettres sur la Morée et les îles*, Парижъ, 1808.—**Leake**, *Researches in Greece*, 1814.—**Coray**, или **Koraïs**, *Mémoire sur l'état act. de la civilis. dans la Grèce*, Парижъ, 1803; *Exhortations politiques*, фр. пер., Орелли, Цюрихъ, 1823; дополн. **E. Egger**'омъ и маркизомъ **Queux de Saint-Hilaire**, *Lettres inédites de Coray à Chardon de la Rochette*, Парижъ, 1877, и **Queux de Saint-Hilaire**, *Lettre de Coray au protopsalte de Smyrne Démètrios Lotos* (Франція въ 1792—93 г.), Парижъ, 1881.—**Pouqueville**, *Voyage de la Grèce*, Парижъ, 1826, 6 т.

2. Общія исторіи Греціи: **Pouqueville**, *Régénération de la Grèce*, Парижъ, 1826, 4 т., т. I.—**Zinkeisen**, *Gesch. d. Griechenlands*, Лейпцигъ, 1832, т. III.—**Gervinus**, *Geschichte des XIX Jahrhunderts*, 5, 6 и частью 7 т., Лейпцигъ, 1861—65; (русск. пер. О. Бакста, Спб., 1868 и сл.)—**Mendelssohn-Bartholdy**, *Gesch. Griechenlands*, Лейпцигъ, 1874, т. II.—К. Παπαῤῥηγόπουλος, Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους, т. V. Аѳины, 2 изд., 1887—88.—**G. Finlay**, *A. History of Greece*, Оксфордъ, 1877, т. V.—**Hertzberg**, *Gesch. Griechenlands*, Гота, 1878, т. I.—Σ. Τρικούπις, Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς ἐπαναστάσεως, Аѳины, 1888, 3-е изд., т. I.—К. Σάθας, Τουρκοκρατουμένη Ἑλλάς, Аѳины, 1869.

3. Іонійскіе острова: Μαυροιάννις, Ἱστορία ὤν ἰονίων νήσων (1797—1815), 2 т., Аѳины, 1889.—**Lungi**, *Storia delle isole Ionie sotto il regg. dei republicani francesi*, Венеція, 1868.—Аббатъ **P. Pisani**, *L'occupation des îles Ioniennes en 1797*, въ *Revue d'hist. dipl.*, 1888.

4. Греція и Франція: **Dimo** и **Nicolo Stephanopoli**, *Voyage en Grèce pendant les années 1797 et 1798*, Лондонъ, 1800, 2 т.—**Nic. Stéphanopoli**, *Hist. de la colonie grecque établie en Corse*, Парижъ, 1826.—**Louis Belloc**, *Bonaparte et les Grecs*, Парижъ, 1826.

5. Ригасъ и Гетерія: Φίλημον, Δοκίμιον ἱστορικὸν περὶ τῆς Φιλικῆς Ἑταιρίας. — **Nicolopoulos**, *Essai sur la vie et les écrits de Rhigas*, Парижъ, 1824.—Περρέβος (одинъ изъ друзей Ригаса), Ἀπομνημονεύματα πολεμικά, Аѳины, 1836. — **M-me Am. Edmonds**, *Rhigas. Phereios the Protomartyr of Greek Independence*, Лондонъ, 1890.—**E. Legrand**, *Documents inédits concernant Rhigas* (по *Arch. de Vienne*), Парижъ, 1892.—Ἐπιρ. Π. Δαμβρός, Ἀποκαλύψεις περὶ τοῦ μαρτυρίου τοῦ Ῥήγα, Аѳины, 1892.

6. Народныя пѣсни и литература: **Fauriel** *Chants populaires de la Grèce*, Парижъ, 1825, т. II.—**E. Legrand**, *Recueil de chansons populaires grecques*, Парижъ, 1873 (пѣсни по Кацантони, Ламбро и Фотосу Цавелла, Колокотрони и др.), Парижъ, 1873.—**Nicolai**, *Gesch. d. neugriechischen Literatur*, Лейпцигъ, 1876.

Глава VII.

Скандинавскія государства.

Для Швеціи. — Léouzon-le-Duc, *Gustave III*, Парижъ, 1861.— A. Geffroy, *Gustave III et la cour de France*, Парижъ, 1867, 2 т.—Баронъ de Nervo, *Gustave III et Anckarström*, Парижъ, 1876.— Schinkel, *Minnen ur Sveriges nyare historia* (*Воспоминанія, относящіяся къ исторіи Швеціи его времени*), приведенныя въ порядокъ и изданныя Бергманомъ, Стокгольмъ, 1855 и сл., in-8. (Этотъ трудъ особенно важенъ для исторіи Карла-Іоанна.)—C.—A. Adlersparre, *1809 års revolution och dess män* (*Революція 1809 г. и произведшія ее лица*).—Touchard-Lafosse, *Histoire de Charles XIV Jean*, Парижъ, 1838, 3 т. in-8.—L. von Engeström, *Minnen och Anteckningar* (*Замѣтки и воспоминанія*), изд. Е. Тегнеромъ, Стокгольмъ, 1876, 2 т. in-8.—Равнымъ образомъ М. Е. Тегнеръ издалъ: H.—G. Trolle Wachtmeister, *Anteckningar och Minnen* (*Замѣтки и воспоминанія*), Стокгольмъ, 1889, 2 т. in-8, и Gustaf Mauritz Armfelt, *Studier ur Armfelts efterlemnade papper* (*Наблюденія, извлеченныя изъ бумагъ Армфельта*), Стокгольмъ, 1887, 3 т. in-8.—Баронъ Hochschild, *Désirée Clary, reine de Suède*, Парижъ, 1888.—Forsell, *Wetterstedt* (въ *Мемуарахъ* Шведской Академіи, 1886).—Alin, *Den Svensk Norska Unionen* (*Унія Швеціи съ Норвегіей*), Стокгольмъ, 1892, 2 т. in-8. (Сборникъ документовъ, обнародованныхъ на подлинномъ языкѣ, т.-е. для очень большого количества, по-французски).— Rydin, *Foreningen emellan Sverige och Norge* (*Унія Швеціи съ Норвегіей*), Упсала, 1863.—I. Nielsen, *Bidragtill Norges och Sveriges historie, 1814—1816* (*Дань исторіи Швеціи и Норвегіи, 1814—1816*).

Очень точныя свѣдѣнія о первыхъ шагахъ Карла-Іоанна находятся у Albert Vandal, *Napoléon et Alexandre I*.

Для Даніи.—E. Holm, *Danmark-Norges udenrigske Historie under den franske Revolution og Napoleons Krige* (*Исторія внѣшнихъ отношеній Датско-Норвежскаго государства во время французской революціи и войны Наполеона*, съ 1800—1807 г.), Копенгагенъ, 1875, 2 т. — C.—U.—D. Eggers, *Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Staatsministers A. P. Bernstorff*, Копенгагенъ, 1800. — P. Vedel, *Министерская корреспонденція графа* и его біографія (на дат. яз.), Копенгагенъ, 1882.—A. Thorsoee, *Den danske Stats politiske Historie* (*Политическая исторія датскаго государства*, съ 1800—1864 г.), т. I, 1800—1814, Копенгагенъ, 1874.

Глава VIII.

Походъ въ Россію. Гибель великой арміи.

Общія исторіи (для справокъ о 1812 г.)— A. Thiers, *Hist. du C. et de l'Empire*, т. XIII и XIV.—Bignon, *Hist. de France sous Napoléon*, т. X.—M. Богдановичъ, *Исторія царствованія импер. Александра I*, т. III, Спб., 1869. — Rabbe, *Hist. d'Alex. I-re*, Парижъ, 1820, 2 т.

Разрывъ между Александромъ и Наполеономъ. — См. библіогр. т. I, гл. IV.—С. Татищевъ, *Александръ I и Наполеонъ 1890*. — A. Vandal, *Napoléon et Alex. I-er*, т. III, Парижъ, 1896.— A. H. Поповъ, *Отношенія Россіи къ европейскимъ державамъ передъ войною 1812 г.*, Спб., 1876.—Донесенія кн. А. Б. Куракина Александру I о его бесѣдахъ съ Наполеономъ (1809—1811), въ *Русск. Архивѣ*, 1870.—Адмиралъ Чичаговъ. *Мемуары* (о шведской компаніи въ 1808 г.), въ *Русск. Старинѣ*, августъ 1888. — О войнѣ со Швеціей (1808), *Мемуары* Булатова, въ *Русск. Старинѣ*, 1873. — Н. К. Злобинъ, *Дипломатическія сношенія между Россіей и Швеціей со времени вступленія на престолъ импер. Александра I до присоединенія Финляндіи*, въ *Сборн. Рус. Импер. истор. общ.*, т. II.

Дипломатическіе документы объ отношеніяхъ Павла I и Александра къ Франціи съ 1801 г., обнародованные Трачевскимъ, *Ibid.*, т. LXX, LXXVII, LXXXII, LXXXIII (документы Савари, герцога Rovigo), LXXXVIII и LXXIV (корресп. Толстого).—Капо д'Истрія, Записки о самомъ себѣ, *Jbid.*, т. III.—Замѣтка и воспоминаніе Поццо ди-Борго о самомъ себѣ, адресованныя графу Разумовскому (1804), *Jbid.*, т. II.—A. Maggiolo, *Pozzo di Bordo*, 1890.—Pozzo di Borgo, *Correspondance diplomatique*, 1891.

Французскіе мемуары и документы, касающіеся 1812 г. и Москвы.—Генералъ графъ Philippe de Ségur, *Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812*, начиная съ т. IV его *Histoire et Mémoires*, Парижъ, 1873 (его повѣсть была подвергнута критикѣ Gourgaud, *Napoléon et la G. Armée*, Парижъ, 1825; A. de Beauchamp, *Critique*, и пр., Парижъ, 1825; баронъ Voelnerdorf, баварск. офицеръ, Мюнхенъ и Парижъ, 1826).—Davout, *Mémoires et Corresp.* (см. библіогр. т. I, гл. II и III).—Gouvion Saint-Cyr, *Mémoires*, 1831, 4 т.—*Mémoires et correspondance* короля Жерома, принца Евгенія, изд. Du Casse. — Rapp, *Mémoires*, Парижъ, 1823.—Vandamme, *Mémoires*.—Генералъ Paixhaus, *Retraite de Moscou*.— Генералъ Jean Sarrazin, *Histoire de la guerre de*

Russie et d'Allemagne, Парижъ, 1815.—Генералъ **F. G. de Vaudoncourt**, *Mémoires de la guerre de Russie*, Парижъ, 1817, 2 т. — Генералъ **Marbot**, *Mémoires*, Парижъ, 1891, 3 т. — Герцогъ **Fézensac**, *Mes souvenirs militaires*, Парижъ, 1870. — **Castellane**, *Journal*, т. I.—Маркизъ **J. de Chambray** (полковн. артиллеріи), *Hist. de l'expédition de Russie*, Парижъ, 1823, 2 т.; *Réponse à la brochure de M. le comte de Rostoptchine intitulée* La Vérité sur l'incendie, и пр., Парижъ, 1823.—**Rostoptchine**, *La vérité sur l'incendie de Moscou*, Парижъ, 1823.—**René Bourgeois** (старшій хирургъ), *Tableau de la campagne*, и пр., Парижъ, 1814. — **Labaume** (баталіон. командиръ), *Relation de la campagne*, и пр., Парижъ, 1-е изд., 1814; 6-е, 1820.—**A. de Solignac**, *La Bérézina, souvenirs d'un soldat de la Grande Armée*, Лиможъ.—**L. F. L'Heritier** (по разсказамъ **Henri Ducor'a**, гардемарина), *Aventures* (война и плѣнъ), Парижъ, 1833, 2 т. — Тетради капитана **Coignet**, нѣсколько изданій. Виконтъ **L. G. de Puibusque** (быв. воен. субъ-интендантъ), *Souvenirs d'un invalide*, Парижъ, 1841, 2 т. — Графъ **Dumas** (интендантъ В. Арміи), *Souvenirs*, т. III, Парижъ, 1839.—[Графъ **Montravel**, начальникъ эскадрона], *Voyage d'un officier français prisonnier*, Парижъ, 1817.—Маркизъ **Sérang**, *Les prisonniers français en Russie*, изд. де-Пюибускомъ, Парижъ, 1836, 2 т. — **R** [aymond] **Faure** (врачъ франц. кавалеріи; русск. плѣнникъ), *Souvenirs du Nord ou la guerre*, и пр., Парижъ, 1821.—**A. F. de B...ch** (быв. нѣмецк. офицеръ на русск. службѣ), франц. пер., Бретопа, Парижъ, 1822.—Полковникъ **Okounief**, *Considérations sur*, и пр. (на фр. яз.), Парижъ, 1829.—**Vandramini**, *Souvenirs*, въ *Économiste belge*, 1864. — **P. J.** (**P. P. Jdanof**, купецъ, житель Москвы), *Mouvement de la présence des Français*, и пр., франц. пер., Спб., 1813.—**G. L. d. L.** (Georges **Lecointe de Laveau**, очевидецъ), *Moscou avant et après l'incendie*, Парижъ, 1814 и 1818.—[Каваалеристъ **d'Yzarn**] (франц. эмигрантъ, житель Москвы), *Relation du sèjour des Français à Moscou*, Брюссель, 1871, изд. A. Gadaruel.—Аббатъ **Surugue** (франц. іезуитъ, въ Москвѣ), *Lettres*, Парижъ, 1821 и 1823.— **Armand Domergue** (режиссеръ москов. франц. театра, одинъ изъ сорока изгнанныхъ Ростопчинымъ), *La Russie pendant les guerres de l'Empire*, Парижъ, 1835, 2 т.—**M-me Fusil** (артистка моск. франц. театра), *L'incendie de Moscou*, Парижъ, 1817. — Графиня **Choiseul-Gouffier** (урожд. Тизенгаузенъ), *Mémoires sur Alexandre*, Парижъ, 1829.— **Jos. de Maistre**, *Correspondance diplomatique* (1811—1817), изд. A. Blanc, 1860, 2 т. in-8.—Баронъ **Denniée**, *Itinéraire* (и статистика) *de l'emp. Napoléon pend. la camp. de 1812*, Парижъ, 1842.—Баронъ **Fain**, *Le manuscrit de 1812*, 1827, 2 т.—**Villemain**, *Souvenirs*, т. I.—Баронъ **du Casse**, *Mémoires pour servir à l'hist. de la camp. de 1812*, 1852, 3 т. — **Saint-Hilaire** (Émile Marco de), *Hist. de la campagne de Russie*, Парижъ, 1846—1848, 4 т. — **Pion des Loches**, *Mes campagnes*, изд. M. Chipon и L. Pingaud, 1889.—**I. Roy**, *Les Français en Russie, souvenirs de la campagne de 1812*, Туръ, 1863.—**Thirion** изъ Метца, *Souvenirs militaires*, Парижъ, 1892.—Другіе мемуары, воспроизведенные по выпискамъ у **G. Bertin**, *La campagne de 1812 d'après des témoins oculaires*, Парижъ, безъ указанія даты, но ново (Мемуары главнаго квартирмейстера **Calosso**, поручика артиллеріи **Sauvage**, генерала барона **Girod**, барона **Lejeune**, и др.).

Русскіе мемуары и документы, касающіеся 1812 г.—Почти всѣ они собраны у **И. П. Липранди**, *Опытъ каталога всѣмъ отдѣльнымъ сочиненіямъ по 1872 годъ объ Отечественной войнѣ 1812 г.*, въ *Чтен. Имп. Общ. ист. и древн.*, 1874, т. III, и 1875, т. III; заключаетъ 410 русскихъ сочиненій и 678 иностраныхъ. Этотъ каталогъ для русскихъ сочиненій былъ пополненъ слѣдующимъ трудомъ, обнимающимъ въ приложеніи сотни нумеровъ: **Н. Дубровинъ**, *Отечественная война въ письмахъ современниковъ* (1812—1815), т. XLIII записокъ И. Акад. Наукъ, 1883.—Выбрать въ указанныхъ двухъ каталогахъ или прибавить къ нимъ *Мемуары* или *Воспоминанія*: **Чичаговъ**, *Ненапечатанные мемуары*, Берлинъ 1855.—**Сергѣй Глинка**, *Исторія Россіи* и *Мемуары*, Москва, 1818.—Кн. **Н. Б. Голицынъ**, *Бородинская битва*, Спб., 1840, и *Офицерскія записки или воспоминанія о походахъ 1812, 1813 и 1814 гг.*, Спб., 1849.—Прапорщикъ **Зотовъ**, *Разсказы* (1812—1813), Спб., 1836.—**Любецкій**, *Москва въ 1812 г.*, Москва, 1872.—**Т. Толычева** (Екатерина Новосильцева), *Разсказы очевидцевъ о 1812 годѣ*, Москва, 1872 и 1873.—**Фед. Глинка**, *Письма русск. офицера* (1805—1815), Москва, 1815—1816, 8 ч.—Митрополитъ **Филаретъ**, *Слова и рѣчи*, т. I (1803—1821), Москва, 1873. — **Поздѣевъ**, въ *Русск. Архивѣ*, 1872.—Кн. **Д. Дашковъ**, *Jbid.*, 1866.—Графъ **П. Х. Граббе**, *Jbid.*, 1873.—**М. Евреиновъ** (чиновникъ Мин. Иностр. Д.). *Ibid.*, 1874. — Генералъ **Дохтуровъ**, *Письма*, *Jbid.*, *ibid.*—Въ *Русск. Старинѣ*: *Мемуары* адмирала **Чичагова**, 1886 годъ; генерала **Чаплина**, *то же*; генерала **Маевскаго**, 1871; кн. **Шаховского**, *Первые дни на пепелищѣ Москвы*, 1889; **Анны Золотухиной**, *то же*; **М. А. Фонвизина**, *Воспоминанія объ Алекс. I и войнѣ 1812 г.*, *Jbid.*, 1884; **Де-Санглена**, *Мемуары*. — Артил. офицера **Жиркевича**.—Адмиралъ **Чичаговъ**, *Переписка съ Алекс. I*, въ *Сб. Рус. Имп. Ист. Общ.*, *т. VI*.

Новые труды французскіе.—**Schnitzler**, *La Russie en 1812, Rostoptchine et Koutouzof*,

Парижъ, 1863.—A. de Ségur, *Vie du comte Rostoptchine*, Парижъ, 1872.—A. Rambaud, *Le comte Rostoptchine*, въ *R. des D. Mondes*, 1876 и 1878.—A. Rambaud, *Français et Russes, Moscou et Sévastopol*, 6-е изд.

Новые труды русскіе.—Генералъ **Бутурлинъ**, *Исторія нашествія Наполеона на Россію въ 1812 г.*, Спб., 1837, 2 ч. — **Михайловскій-Данилевскій**, *Описаніе Отечественной войны въ 1812 г.* Спб., 1839, 4 ч. — (**De Smitt**, *Zur naehern Aufklaerung*, критика труда Михайловскаго, 1861).—**М. Богдановичъ**, *Исторія Отечественной войны 1812 г.*, Спб., 1859—1860, 3 т. —**И. П. Липранди**, *Война 1812 года* (Замѣчанія на исторію отечеств. войны 1812 г., соч. Богдановича), Москва, 1869, и *Нѣкоторыя замѣчанія* и пр., Спб., 1855. — Генералъ **Шильдеръ**, *Россія и ея отношеніе къ Европѣ въ царствованіе Александра I въ 1806—1815 гг.* въ *Русск. Старинѣ*, съ 1888 г.—**А. Н. Поповъ**, *Французы въ Москвѣ въ 1812 г.*, Москва, 1876; *Москва въ 1812 году*, Москва, 1875. — Генералъ **Михайловскій-Данилевскій**, *Жизнь фельдмаршала Кутузова*. — **Снегиревъ**, *Жизнь Московск. митропол. Платона*, Москва, 1856. — *Исторія лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка*, Спб., 1876; *Павловскаго*, 1875; *Уланскаго*, 1876.

Мемуары и труды нѣмецкіе, англійскіе, итальянскіе. — Графъ **Toll**, *Denkwürdigkeiten*, изд. Bernhardi, 1856, 4 т. in-8⁰.—Принцъ **Евгеній Вюртембергскій**, *Erinner. aus d. Feldzuge d. Jahres 1812*, 1846 (свѣрить съ **V. Helldorf**, *Aus dem Leben des Prinzen E. v. Würtemberg*, 1861).—**Clausewitz**, *Der Feldzug v. 1812*, въ т. VII его сочиненій. — *Tagebuch* **Іорка Вартенбургскаго**, изд. Генер. Von Seydlitz, Берлинъ и Познань, 1823.—**Fr. Peppler**, *Schilderung meiner Gefangenschaft in Russland*, Вормсъ, 1832.—**Von Meerheim** (капитанъ саксонской части), *Erlebnisse eines Veteranen der Grossen Armee*, 1860. — **L.—W. Leissing** (офицеръ сакс. драгунъ, русск. плѣнный), *Gefahren und Mühseligkeiten*, Будиссинъ, 1828.—**L. Celner**, *Gesch. d. Feldzuges in Russland, 1812*, Рейтлингенъ, 1839. — Маіоръ **Beitzke**, *Gesch. d. russ. Krieges 1812*, 1862. — **Roos**, *Ein Jahr aus meinem Leben*, Спб., 1862.—**Von Welden**, *Der Feldzug der Oesterreicher gegen Russland im Jahre 1812, aus officiellen Quellen*, Вѣна, 1870.—**M. v. Miller**, *Darstellung d. Feldzugs*, и пр., Штутгартъ, 1822, 2 т.—**Grube**, *Kriegszug nach Moskau in Iahre 1812*, Штутгартъ, 1874.—(Анон.) *Die Feldzüge der Sachsen in d. Jahren 1812 u 1813*, Дрезденъ, 1821.—(Анон.) *Sachsen und seine Krieger...* (1812—1813), Лейпцигъ, 1828. — **Venturini**, *Chronik d. XIX Jahrh.*, 1812. — Сэръ **Robert Ker-Porter**, *Hist. de la camp. de Russie*, фр. пер., Парижъ, 1817. — **Robert Wilson** (британск. агентъ), *Narrative of the French Invusion of Russia* и *Private Diary of Travels, personal Services and public Events*, и пр. (1812—1814), Лондонъ, 1861; нѣмецк. перев., Лейпцигъ, 1861, I. Seybt. (О *Narrative* Вильсона см. **Forgues**, въ *R. d. D. Mondes*, 16 янв. 1861).—Полковникъ **G. Cathcart**, *Commentaries on the War in Russia and Germany* (1812 и 1813), Лондонъ, 1850.— **Felice Turotti**, *Storia dell' armi Italiane*, т. III, Миланъ, 1858. — **Laugier** (Цезарь, графъ и генералъ), *Итальянцы въ Польшѣ и въ Россіи* (1812), (на итал. яз.), Флоренція, 1826—1827, 4 т. in-8. — **W. P. d'Auzon de Boisminart** (майоръ нидерландской арміи), *Воспоминанія*, Амстердамъ и Гаага, 1824.—**Scheltens**, *Воспоминанія стараго бельгійскаго солдата*, и пр., Брюссель, 1880.—Подполк. **Louis Begos** (швейцарская часть), Лозанна, 1859.

Польша и поляки въ 1812 году.—(См. библіогр. къ гл. II); дополнить: **Bignon**, *Souvenirs d'un diplomate* (La Pologne), Парижъ, 1864. — **Pradt** (архіепископъ), *Hist. de l'ambassade dans le grand-duché de Varsovie en 1812*, Парижъ, 1815, in-8.— **Gley** (Аббатъ **Gérard**), *Voyage en Allemagne et en Pologne pendant les années 1806 et 1812*, съ замѣтками, относящимися къ посольству Прадта, Парижъ, 1816, 2 т. in-8. —**Oginski**, *Mémoires*, Парижъ, 1833, 4 т. — **Brandt**, *Mémoires d'un officier polonais* (см. библ. къ гл. II).—**Soltyk** (Романъ), *Napoléon en 1812*, Парижъ, 1830.—**Zaluski** (Іос., графъ и генералъ), *Замѣтка о польскомъ легкомъ кавалерійскомъ полку гвардіи Наполеона I* (на польск. яз.), Краковъ, 1860.—**Hortensius Saint-Albin**, *La vie et les écrits de Sulkowski*, Парижъ, 1831.—**Uminski** (I. Непом.), *Mémoire sur les opér. de l'avant-garde du 8-e corps de la Grande Armée*, образован. изъ польскихъ полковъ (1813), Парижъ 1829, in-8.

Глава IX.

Нѣмецкая кампанія.

Въ библіографіи къ гл. III и V 1-го тома указаны главные документы и общія сочиненія, относящіеся къ исторіи всего императорскаго періода. Спеціально для исторіи нѣмецкаго похода см.:

Неизданные документы.—Въ Національномъ архивѣ—протоколы совѣта министровъ, ежедневныя донесенія Паскье, критическіе доклады графа Франсуа, корреспонденція префектовъ относительно набора 1813 года.—Въ архивѣ военнаго министерства—корреспонденція главныхъ военачальниковъ, особенно Бертье.—Въ архивѣ мини-

стерства иностранныхъ дѣлъ — корреспонденція французскихъ агентовъ за границей, особенно сообщенія Колэнкура, Нарбонна, Отто, Рейнгардта, Бёньо и Биньона.

Напечатанные документы.—Мемуары **Меттерниха**, депеши **Генца**, корреспонденція лорда **Кестльри**, мемуары графа **Ланжерона**, дневникъ **Барклая де Толли**, воспоминанія **Арндта**, **Мюффлинга**, **Варнгагена фонъ-Энзе**, **Клаузевица**, **Вольцогена**, **Омптеды** и др. Бо́льшая часть французскихъ, русскихъ, нѣмецкихъ и др. мемуаровъ, указанныхъ для исторіи 1813 года въ библіографіи XXIV главы.

Спеціальныя сочиненія. — **L. Häusser**, *Deutsche Geschichte*, B. IV.—**A. Rambaud**, *L' Allemagne sous Napoléon Ier*.—**Denis**, *L' Allemagne de 1810 à 1848* (въ серіи *Biblioth. d'histoire illustrée*).—**Hans Schlitter**, *Kaiser Franz und die Napoleoniden*, Вѣна, 1888.—**W. Oncken**, *Oesterreich und Preussen im Befreiungs kriege*, Берлинъ, 1876—1879.—Князь **Metternich Vinneburg** и баронъ **Klinkowström**, *Oesterreichs Theilnahme* etc., Вѣна, 1887.—**W. Ad. Schmidt**, *Gesch. der Verfassungsfrage* (1812—1815), Штутгартъ, 1890.—**Beitzke**, *Gesch. der deutschen Freiheitskriege* (1813—1814), нѣсколько изданій. — **Pertz**, *Stein's Leben*. — **Sig. Stern**, *Stein und sein Zeitalter*, Лейпцигъ, 1855.—**Seeley**, *Life and times of Stein, or Germany and Prussia*, 3 т., 1878.

Полковникъ **Vial**, *Les campagnes modernes*.—Баронъ **Fain**, *Manuscrit sur la campagne de 1813*.—*Victoires et Conquêtes*, т. XXII.—**Vaudoncourt**, *Camp. de 1813*.—**G. Bertin**, *La campagne de 1813*, Парижъ, 1895 (здѣсь извлеченія изъ записокъ современниковъ). — Генералъ **Campredon**, *Documents militaires sur la défense de Dantzig en 1813*, Парижъ, 1888.—**Ch. Auriol**, *Le défense de Dantzig en 1813*, Парижъ, 1892. — Графъ **Van Hogendorp**, *Mémoires du général Dirk van Hogendorp*, Парижъ, 1887, in-8. —**Бутурлинъ**, *Зимняя кампанія 1813 г.*—**Von Frieden**, *Napoléon Ier à Dresde*, 8 мая 1813 (въ *Revue Historique, v. XVIII)*.—**Paul Müller**, *L'espionnage militaire sous Napoléon I*, Парижъ, 1896. — **L. Dieffenbach**, *K. Lud. Schulmeister, der Hauptspion, Parteigänger... Napoleons*, Лейпцигъ, 1879.—**J. G. Droysen**, *Das Leben d. Feldm. Grafen York v. Wartenburg*, Лейпцигъ, 1871.—**H. Delbrück**, *Das Leben d. Feldm. Gneisenau*, Берлинъ, 1882.—**E. v. Colomb**, *Blücher in Briefen aus den Feldzügen 1813—1815*, Штутгартъ, 1880.—**A. Kleinschmidt**, *Die letzten Tage des Königreichs Westphalien*, въ *Zeitschr. für Hessische Gesch.* 1891 г.—**Du Casse**, *Journal et Corresp. de la reine de Westphalie*, въ *Revue Historique*, 1892 и 1893.—**W. Bernays**, *Schicksale des Grossherzogthum Frankfurt und seiner Truppen*, Берлинъ, 1882.—**R. Goecke**, *Das Grossherzogthum Berg* (1806—1815), Кёльнъ 1877.—**A. v. Schlossburger**, *Polit. und diplom. Corresp. König Friedrichs v. Würtemberg mit Napoléon* (1805—1813), Штутгартъ, 1889.—**J.-M. v. Söltl**, *Biographie des Königs Max. Jos. I v. Bayern*, 1837.—**G. V. Lerchenfeld**, *Gesch. Bayerns inter König Max. Jos. I*, Берлинъ, 1854.—**Flathe**, *Gesch. d. Kurstaates u. Königreichs Sachsen*, Гота (коллекція Heeren und Ukert), B. III, 1806—1866.

Глава X.

Французская кампанія и крушеніе имперіи.

Рукописные документы.—Въ Національномъ архивѣ: Correspondance des préfets, Rapports journaliers de Pasquier, Procès-verbaux du conseil des ministres, Lettres inédites de Napoléon, Rapports d'auditeurs en mission, Bulletins de police, États des levées et de situations des corps, dossiers personnels.—Въ военномъ архивѣ: Correspondance générale, Registre d'ordres du major général, Journal des divisions, Leval, Boyer de Reberval, Roussel, etc., Rapports, Situations, Dossiers personnels.—Въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ: Lettres de Saint-Aignan, Caulaincourt et d' Hauterive, Mémoires de Langeron.—Въ архивахъ Суассона, Лана, Труа, Ліона: Pièces de réquisition, Arrêtés, Relations d'habitants.—Въ петербургскихъ архивахъ: Военный журналъ Барклая де Толли, Дневникъ Ланжерона, Записки Михаила Орлова.

Переписки, мемуары, дневники. — **Napoléon**, *Correspondance*, XXVII.—Король **Joseph**, *Correspondance*, X.—**Castlereagh**, *Letters and Dispatches*, V.—**Wellington**, *Dispatches*, XI, *Supplément*, X.—**Gentz**, *Dépêches*, I.—**Talleyrand**, *Lettres inédites* (Revue d'histoire diplomatique, 1887).—*Мемуары* слѣд. лицъ: **d'Allonville, Bausset, Béranger, Pseudo-Bourrienne, Chateaubriand, Combes, Coignet, Constant, Curély, générale Durand, Gain de Montagnac, Lavallette, M-me de La Rochejacquelein, Macdonald, Marmont, Meneval, Metternich, Mollien, Müffling, Pasquier, Pelleport, Rovigo, Ségur, Talleyrand, Vitrolles, Hipp. Augier** (Müffling по-нѣм., остальные по-франц.).—**Fain**, *Manuscrit de 1814*.—**Fabvier**, *Opérations du 6-e corps*.—**Petiet**, *Opérations du 5-e corps de cavalerie*.—**Pradt**, *Récit des événements qui ont amené la restauration de la Royauté*.—**Brunel**, *Récit des événements de Pont-sur-Seine*.—**Rodriguez**, *Relation de ce qui s'est passé à Paris en 1814*.—**[Anonyme]**, *Journal d'un officier anglais prisonnier à Paris (Revue Britannique*, 1826). — **Rollac**, *La Journée du 12 mars à Bordeaux*.—**[Lynch]**, *Correspondance relative aux événements de Bord-*

eaux. — Morin, *Révélations.* — Waldbourg-Truchsess, *Itinéraire de Napoléon, de Fontainebleau à l'île d'Elbe.*—F. Schoell, *Recueil de pièces officielles destinées à détromper les Français.* — *Moniteur, Bulletin des Lois, Journal de l'Empire (Journal des Débats), Gazette de France, Observateur Allemand, Mercure du Rhin, Gazette de Francfort, Times, Evening Star, Morning Chronicle.*

Общія и спеціальныя историч. сочиненія.—По-франц. Henry Houssaye, *1814.*—Jomini, *Précis politique et militaire des campagnes de 1813 et 1814.*—Koch, *Mém. pour servir à l'histoire de la campagne de 1814.* — A. de Beauchamp, *Hist. de la campagne de 1814.* — Thibaudeau, *Consulat et Empire,* IX.—Thiers, *Consulat et Empire,* XVII. — Vaudoncourt, *Histoire des campagnes de 1814 et 1815.*—Pons de Verdun, *Le Congrès de Chatillon.*—Dezobry, *Défense de Saint-Denis en 1814.*—Frédéric Masson, *Le général comte Flahaut.*—Ernouf, *Maret, duc de Bassano.*—E. Fleury, *Le département de l'Aisne en 1814.* — Pougiat, *L'invasion dans l'Aube.* — Steenackers, *L'invasion dans la Haute-Marne.* — Brunel, *Récit des événements de Pont-sur-Seine.*—Fabry, *La Régence à Blois.*

На другихъ языкахъ: Claysewitz, *Die Feldzüge von 1812, 1813 und 1814.*—Beitzke, *Geschichte der deutschen Freiheitskriege 1813 und 1814.*—Damitz, *Geschichte des Feldzuges in Frankreich.*—Müffling, *Zur Kriegsgeschichte der Jahre 1813 und 1814.*—Plotho, *Der Krieg in Deutschland und Frankreich 1813 und 1814.*—Richter, *Geschichte des deutschen Freiheitskrieges.* — Schels, *Die Operationen der verbündeten Heere gegen Paris im März 1814.*—Schülz, *Geschichte der Kriege in Europa,* XIII.—Thielen, *Der Feldzug der verbündeten Heere Europas,* 1814. — Wagner, *Plane der Schlachten und Treffen, 1813, 1814 und 1815.*—Bernhardi, *Denkwürdigkeiten des Grafen von Toll.*—Droysen, *Leben des Feldmarschals York.*—Varnhagen, *Biographische Denkmale,* III.—Delbrück, *Leben des Feldmarschalls Grafen von Gneisenau.* — Burghersh, *Operations of the allied Armies in 1813 and 1814.*—Londonderry, *Narrative of the War in 1813 and 1814.*—Napier, *Guerre de la Péninsule* (франц. пер.), XIII.—Богдановичъ, *Исторія войны 1814 года.* — Михайловскій-Данилевскій, *Описаніе похода во Францію въ 1814 г.*—Бóльшая часть русскихъ мемуаровъ, указанныхъ выше, стр. 323; записки ген. Маевскаго въ *Рус. Стар.*, т. VIII; казака Денисова, тамъ же, 1874; Жиркевича, тамъ же, т. XI; монаха Памфила Назарова, тамъ же, авг. 1878 г.; Хомутова, въ *Рус. Арх.* 1870, и Дивова, тамъ же, 1878, о вступленіи русскихъ въ Парижъ.

Глава XI.

Первая Реставрація и возвращеніе съ острова Эльбы.

Рукописные документы.—Въ національномъ архивѣ: Procès-verbaux des conseils des ministres, Correspondance des préfets, Rapports généraux sur l'esprit public et sur les griefs de l'armée, Journal des séjours de l'Empereur, Dossiers personnels. — Въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ: Lettres décachetées par le Cabinet Noir, Lettres de Jaucourt, d'Hauterive, Talleyrand, Ginguéné, Mémoire attribué à Blacas. Rapport sur l'île d'Elbe du général Duval. — Въ Военномъ архивѣ: Correspondance générale; Relation du général Marchand; Dossiers de Ney, Exelmans, La Bédoyère, Drouet g'Erlon, Cambronne, Drouot, Travot, Marchand, Mouton-Duvernet и другихъ высшихъ офицеровъ, осужденныхъ или преслѣдуемыхъ въ 1815 году.—Въ Морскомъ архивѣ: Rapports sur l'île d'Elbe.

Переписки, мемуары, дневники. — Napoléon, *Correspondance,* т. XXVII и XXVIII.—Talleyrand, *Correspondance avec Louis XVIII pendant le congrès de Vienne.*—Pozzo di Borgo, *Correspondance,* I.—Wellington, *Dispatches,* XII; *Supplements,* X.—Castlereagh, *Letters and Dispatches,* V.—*Мемуары* слѣд. лицъ: Barante, Barras, Beugnot, Boulay de la Meurthe, duc de Broglie, Chateaubriand, Guizot, Pseudo-Fouché, Grouchy, Hyde de Neuville, король Jérôme, La Fayette, Lamarque, Lavallette, Macdonald, Marmont, Meneval, Metternich, Pion des Loches, Pasquier, Randon, Rovigo, Ségur, Talleyrand Villèle, Vitrolles.—Louis-Philippe, *Extrait de mon journal.*—*Mémoires sur Carnot par son fils.*—Benjamin-Constant, *Lettres sur les Cent-Jours.*—Villemain, *Souvenirs d'histoire contemporaine.*—Hobhouse, *Lettres écrites de Paris* (перев. съ англ.).—Fiévée, *Correspondance politique,* I.—Маркизъ Chabannes, *Lettres au comte de Blacas.* — Peyrusse, *Memorial et Archives.*—Napoléon, L'île d'Elbe et les Cent-Jours (въ XXXI томѣ *Correspondance*).—Chateaubriand, *Réflexions sur quelques écrits du jour.*—Carnot, *Mémoire au roi.*—Mehée, *Dénonciation au roi.*—Полковн. Campbell, *Napoléon at Elba.* — Koller, *Relation.* — *Conversations de* lord Ebrington (*Revue Britannique,* 1827).—*Sketch of a conversation with Napoleon at Elba.*—Falconnet, *Sur la vente des biens nationaux.*—A. de Laborde, *48 heures de garde aux Tuileries.*—*Оправдательные мемуары* слѣд. лицъ: Soult, Masséna, Clausel, Vandamme, Laborde.—*Procés de Ney, La Bédoyère, Lavallette, Mouton-Duvernet, Debelle, Cambronne, Rigaud, Bertrand, Drouot, Bonnaire,* и др.—*Moniteur, Journal militaire, Journal des Débats,*

Gazette de France, Quotidiene, Journal de Paris, Censeur, Nain Jaune.

Общія и спеціальныя историческія сочиненія.—Henry Houssaye, 1815, I.—Thibaudeau, *Consulat et Empire,* X.—Thiers, *Consulat et Empire,* XVIII и XIX.—Vaulabelle, *Hist. de la Restauration,* II.—Viel-Castel, *Hist. de la Restauration,* III.—Monnier, *Une année de la vie de Napoléon.*—Laborde, *Napoléon et la garde à l'île d'Elbe.*—Fabry, *Itinéraire de Bonaparte de l'île d'Elbe à Sainte-Hélène.* — Berriat Saint-Prix, *Napoléon à Grenoble.* — M. Pellet, *Napoléon à l'île d'Elbe.*—Larrey, *Madame Mère.*—Вальтеръ-Скоттъ, *Жизнь Наполеона Бонапарте* (перев. съ англ.), Спб., 1837, 2-е изд.—Foresi, *Napoleone all' isola d'Elba.* — [Anonyme], *Maria-Luise und Herzog von Reichstadt.* — Helfert, *Murat und seine letzten Kaempfe.*

Глава XII.

Сто дней.

Для Ватерлоо. — Документы. — Въ Военномъ архивѣ см. общую корреспонденцію по арміямъ и генераламъ и всѣ статьи, относящіяся къ 1815 году.—Въ Архивѣ мин. иностр. дѣлъ —дипломатическую корреспонденцію и *Mémoires et documents* по странамъ; — въ Національномъ архивѣ, донесенія полиціи и протоколы совѣтовъ министровъ.—Кромѣ того, *Correspondance de* Napoléon; *Mémorial de Sainte-Hélène; mémoires* и *souvenirs militaires,* уже указанные для Имперіи; спеціально же для этого періода: Воспоминанія герцога de Broglie, Мемуары канцлера Pasquier, Fleury de Chaboulon, Grouchy, герцога Rochechouart, Villemain и др.

Разныя сочиненія: Gourgaud, *Campagne de 1815,* Парижъ, 1819. — Полковникъ Charras, *Histoire de la campagne de 1815,* Парижъ, 1864.—Князь La Tour-d'Auvergne, *Waterloo,* Парижъ, 1870.—Jomini, *Précis politique et militaire de la campagne de 1815,* Парижъ, 1839. — Генералъ Vaudoncourt, *Campagne de 1815*; *Victoires et conquêtes,* т. XXIV.—Edg. Quinet, *Hist. de la camp. de 1815,* Парижъ, 1861.—*Campagne de 1815,* безъ имени автора въ *Mémoires pour servir à l'histoire de France,* т. IX, Парижъ, 1830 (разсказъ, внушенный, а можетъ быть, продиктованный Наполеономъ на о. Св. Елены). — Gérard, *Quelques documents sur la bataille de Waterloo,* Парижъ, 1829; *Dernières observations sur la bataille de Waterloo,* Парижъ, 1830.—Маркизъ Grouchy, *Le maréchal Grouchy du 16 au 18 juin,* Парижъ, 1864; *Appel à l'histoire sur les faits de l'aile droite de l'armée française les 16, 17 et 18 juin; Sévère justice sur les faits qui du 28 juin au 3 juillet 1815 ont précédé la capitulation de Paris,* Парижъ, 1866.—Welschinger, *Le procès du maréchal Ney.* — Генералъ Brialmont, *Histoire du duc de Wellington,* Брюссель, 1856, 3 т. — Полковникъ Chesney, *Waterloo Lectures,* Лондонъ, 1874. — Gleigh, *History of the battle of the Waterloo,* Лондонъ, 1861.—S. Garnett Wolseley, *Quatrebras, Ligny* и *Waterloo* (перев. въ *Revue de Paris,* 1894). — Grolmann-Damitz, *Gesch. des Feldzugs von 1815,* Берлинъ, 1837 — 38, 2 т. — Seiborne, *Gesch. des Kriegs im Jahr 1815,* Берлинъ, 1846, 2 т. — Beitzke, *Gesch. des Jahrs 1815,* Берлинъ, 1864 — 65, 2 т. — Koeniger, *Der Krieg von 1815,* Лейпцигъ, 1865.—Von Varchmin, *Die Schlacht bei Belle-Alliance,* Берлинъ, 1865.—Von Ollech, *Gesch. des Feldzugs von 1815 nach archivalischen Quellen,* Берлинъ, 1876. — Von Treuenfeld, *Die Tage von Ligny und Belle-Alliance,* Ганноверъ, 1881. — E. v. Colomb, *Blücher in Briefen,* и пр., Штуттгартъ, 1877. — G. Zenowicz, *Waterloo, déposition sur la campagne de 1815,* Парижъ, 1848.—Семенъ Воронцовъ, *Письма къ Ростопчину,* въ *Русск. Архивѣ,* 1872.

Глава XIII.

Америка.

Документы. *State Papers and Public Documents of the U. S.* from 1789 to 1819, Бостонъ, 1819, 12 т.—*American State Papers* (съ 1789 — 1837), 38 т. in-fol.—*Annals of Congress* (съ 1789—1824), соч. Gales et Seaton, 42 т. in-8⁰.—*Executive Documents; Diplomatic Correspondence; Statesman's Manual,* т. I; *State Constitutions.* — Nile's *Register, Census Tables; U. S. Statutes a Large.*—J. Q. Adam's *Diary.* — Корреспонденція Monroe. — Wilkinson's *Memoirs.* — Jefferson's *Works.*—Hamilton's *Works.*—Madison's *Writings.*—Clay's *Writings.*—*Mémoires* de Barbé-Marbois.

Исторіи. Hildreth, 2-я серія, 3 тома до 1820 года.—Holme's *Annals* (1492—1826).—G. Tucker, *History of the U. S. to the 26-th Congress* (1840).—Mc. Master, *History of the U. S.* (*1789—1850*). G. Schouler, *History of the U. S.* (*1789—1860*).

Біографіи. — Randall, біографія Jefferson'a; Parton, то же; Adams—Gallatin'a; Parton—Burr'a; J. Quincy—E. Quincy.—J. Sparks, *Library of American Biographies.* — Серіи біографій, составл. J. Morse, J. Parton'омъ.—Appleton, *Cyclopoedia of American Biography.*

Монографіи. — Randolph, *Domestic Life of Jefferson.*—Th. Fessenden, *Democracy unveiled.*—Hurd, *Freedom and Bondage.*—Adams, *New England Federalism.*—Th. Dwight, *Hartford Convention.* —

Captain Lewis's *Journal*. — Lyman, *Diplomacy*.— Henry Adams, *The administrations of Th. Jefferson and of James Madison,* 8 т., Нью-Iоркъ, 1891.

Война 1812 года.—Lossing, *War of 1812.*— Brackenridge, то же.—Ingersoll, *Sesond war between the U. S. and Great Britain.*—Cooper, *Naval History.*

Англійская Америка. — Канада (см. т. VII, стр. 566).

Французская Америка.—О революціи въ Санъ-Доминго,—см. Архивы мин. иностр. дѣлъ, морской и колоній. — Barbé-Marbois, *Hist. de la Louisiane,* 1829.

Испанская Америка.—Маркизъ Sassenay, *Napoléon I-er et la fondation de la République Argentine* (Liniers и Sassenay), Парижъ, 1892.

Глава XIV.

Азія.

Общія исторіи Индостана. — Dubois de Jancigny, *Inde* (сборн. *Univers pittoresque*), Парижъ, 1845.—W. Hunter, т. VI его *Imperial Gazetter of India: The Indian Empire,* 2-е изд., Лондонъ, 1866.—Barchou de Penhoen, *Hist. de la conq. de l'Inde par l'Angleterre,* т. IV и V, Парижъ, 1844.—Mill, *History of British India,* изд. Wilson, т. IV и V, Лондонъ, 1858. — Полковникъ Malleson, *Final French Struggles,* 1884. — H. G. Keene, *Fall of the Moghul empire,* 3-е изд., 1884.— W. Franklin, *The history of the reign of Shah-Alam* (Alam II), Лондонъ, 1798.

Главныя государства и народы Индостана.—H. G. Keene, *Sindhia,* Оксфордъ, 1895 (сборн. В. В. Гунтера). — H. G. Briggs, *The Nizam,* Лондонъ, 1861, 2 т. —J. Malcolm, *Memoirs of the Central India,* Лондонъ, 1820, 2 т.—Сэръ Lepel Grifflin, *The Rajas of the Punjab,* 2-е изд., Лондонъ, 1873. — Его же, *Randjit-Singh,* Оксфордъ, 1890. — H. T. Prinsep, *Origines et progrès de la puissance des Sikhs et Histoire de Randjit-Singh,* фр. пер., Кс. Раймонда, Парижъ, 1836.— W. G. Osborn. *The court and camp of Runjeet-Singh,* Лондонъ, 1840.

Англійскіе губернаторы Индостана.— Генералъ A. Brialmont, *Histoire de Wellington,* т. I, Брюссель, 1858.

Въ сборникѣ, издаваемомъ въ Оксфордѣ W. W. Hunter'омъ, *The Rulers of India,* см. біографіи лорда Wellesley, составл. W. H. Hutson'омъ; лорда Cornwallis—W. S. Seton-Karr'омъ.

Французскіе авантюристы въ Индіи.— Мемуары слѣд. лицъ: George Thomas, James Skinner, B. de Boigne. — Графъ de Noë (франц. эмигрантъ на англо-инд. службѣ, позже пэръ Франціи), *Mémoires relatifs à l'expédition anglaise partie du Bengale en 1800 pour combattre en Égypte,* Парижъ, 1826.

Французскіе и русскіе замыслы въ отношеніи британской Индіи. — Бумаги Bonaparte, Павла I, атамана Денисова; см. выше, стр. 960.—H. Sutherland Edwards, *Russian projects against India,* Лондонъ, 1885.—Tessier, *Les papiers du général Decaen,* въ *Nouvelle Revue,* августъ 1881 г., и *Le général Decaen aux Indes,* въ *Revue Historique,* мартъ 1881 г.—Jurien de la Gravière, *Guerres maritimes.*

Персія, Афганистанъ, Арменія, Кавказъ.—Графъ A. de Gardane, *Mission du général Gardane en Perse,* Парижъ, 1865.—P. Gaffarel, то же заглавіе въ *Revue Bleue,* 16 фев. 1878 г.— P. Amédée Jaubert, *Voyage en Arménie et en Perse* (1805—1806), Парижъ, 1821.—Сэръ John Malcolm (полномочн. министръ въ Тегеранѣ), *Hist. de la Perse,* фр. перев., т. III и IV, Парижъ, 1821. — [John Malcolm], *Sketches of Persia, from the journal of a traveller,* Лондонъ, 1827, 2 т. — Ch. Picault, *Hist. des révolutions de la Perse,* Парижъ, 1810, 2 т.—C. D. Raffenel, *Résumé de l'histoire de la Perse depuis l'origine...,* Парижъ, 1825,—S. B. Malleson, *Hist. of Afghanistan,* Лондонъ, 1878. — Bodenstedt, *Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen,* Берлинъ, 1848. — M. Богдановичъ, *Исторія царствованія имп. Александра I,* Спб., 1869, т. I—V.—О кавказской войнѣ при Александрѣ I см. *Русск. Старину,* 1881, и *passim.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.

Наполеоновская Германія.

Рейнскій союзъ.

1800—1813 гг.

Э. Дени.

Глава II.

Польша и великое герцогство Варшавское.

1796—1813 гг.

Л. Леже.

Глава III.

Англія.

1800—1813 гг.

Э. Сейу.

Глава IV.

Анти-наполеоновская Германія, Австрія и Пруссія.

1800—1813 гг.

Э. Дени.

Глава V.

Венгрія.

1790—1814 гг.

Э. Сейу.

Глава VI.

Юго-восточная Европа.

Турція и христіанскіе народы.

1792—1815 гг.

А. Рамбо.

Глава VII.

Скандинавскія государства.

1789—1815 гг.

Хр. Шеффера.

Глава VIII.

Походъ въ Россію.

Гибель великой арміи.

1812 г.

А. Рамбо.

Глава IX.

Нѣмецкая кампанія.

Распаденіе Рейнской конфедераціи.

1813.

А. Васта.

Глава X.

Французская кампанія и крушеніе имперіи.

1814.

Анри Гуссэ.

Глава XI.

Первая Реставрація и возвращеніе съ острова Эльбы.

1814—1815 гг.

Анри Гуссэ.

Глава XII.

Сто дней.

Послѣдняя борьба Ватерлоо.

А. Васта.

Глава XIII.

Америка.

Соединенные Штаты.—Европейскія колоніи.

1800—1815 гг.

А. Муаро.

Глава XIV.

Азія.

Индостанъ, Персія, Афганистанъ.

1800—1813 гг.

А. Рамбо.

Приложеніе.

Матеріалы по исторіи соціальнаго движенія.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

Снимки съ портретовъ и картинъ:

Къ стр.

Опечатка.

Стран.	Строка сверху.	Напечатано.	Нужно.
54	2	Англія	Австрія

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1906.

